

Н.В. СКРИЦКИЙ

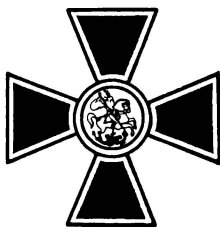
РУССКИЕ
АДМИРАЛЫ
ГЕРОИ СИНОПА

Н.В. СКРИЦКИЙ

**РУССКИЕ АДМИРАЛЫ —
ГЕРОИ СИНОПА**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

Серия «Россия забытая и неизвестная»
основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

Н.В. Скрицкий

С45 Русские адмиралы — герои Синопа. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 463 с.

ISBN 5-9524-2279-9

Книга посвящена жизни и деятельности 54 русских адмиралов, слава и карьера которых была связана с Синопским сражением — последней крупной морской битвой эпохи парусных флотов. Среди них 4 адмирала, которые носили этот чин во время сражения (Нахимов, Новосильский, Корнилов и Панфилов), 9 — бывшие командиры линейных кораблей и фрегатов Черноморского флота, ставшие адмиралами вскоре после сражения (среди них Истомин, Барановский, Бутаков, Керн, Микрюков и др.) и 41 — бывшие боевые офицеры, участники Синопа, завершившие свою службу производством в адмиральские и генеральские чины. Среди последних представители таких известных фамилий, как Бирилев, Колокольцов, Кузьмин-Короваев, Перелешин, Тверитинов, Чайковский, Жандр, Куприянов, Максудов, Нарбут, Рыков и др.

Книга представляет собой своеобразную галерею героев Крымской войны, бывшей 150 лет назад, и входит в выпускаемую издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием книжную серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная», являясь в ней 59-й по счету.

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

ISBN 5-9524-2279-9

© Н.В. Скрицкий, 2006
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2006
© ЗАО «Центрполиграф», 2006

ОТ АВТОРА

30 (18) ноября 2003 года исполнилось 150 лет со дня Синопского сражения — последнего крупного сражения парусной эры, в котором бой вели деревянные корабли, вооруженные гладкоствольными пушками. Главными снарядами этих пушек еще являлись ядра. В то же время сражение дало примеры действия бомбической артиллерией.

Как в свое время из числа героев Наваринского сражения 1827 года выдвинулась группа будущих преобразователей Черноморского флота во главе с М.П. Лазаревым, так и Синопское сражение послужило трамплином для ряда его участников, которые со временем стали адмиралами разного ранга.

Во-первых, это были флагманы, так или иначе причастные к сражению: П.С. Нахимов, Ф.М. Новосильский, В.А. Корнилов, А.И. Панфилов. Во-вторых, адмиралами стали почти все командиры линейных кораблей и фрегатов, участвовавших в сражении: П.И. Барановский, Г.И. Бутаков, В.И. Истомин, Ф.С. Керн, А.Д. Кузнецов, К.С. Кутров, В.М. Микрюков, А.П. Спицын, К.К. Штофреген. Для целой же плеяды мичманов, лейтенантов, капитан-лейтенантов Синоп стал боевым крещением и первым решительным шагом к адмиральскому чину.

Первые и вторые, руководившие обороной Севастополя, частью погибли, частью оказались не у дел ввиду упадка Черноморского флота после Парижского мира. Лучшие представители тех, кто выжил после обороны Севастополя, перенесли черноморские традиции и дух на Балтийский флот, ибо при ничтожном корабельном составе на Черном море им негде было развернуться. Наконец, третьему поколению досталось создавать и использовать на практике паровой броненосный флот.

Все три поколения — это история отечественного флота с 20-х по 80-е годы XIX века. Предлагаемые вам, уважаемый читатель, биографии моряков — участников Синопского сражения, которые получили флаг-

манские чины, в совокупности должны дать представление о роли моряков в истории столетия и продемонстрировать, как их усилиями менялся флот.

Разумеется, далеко не одни участники Синопского сражения внесли свой вклад в развитие российского флота. Но ученики лазаревской школы сыграли большую роль в переходный период, а подвиги в Синопском сражении и других боевых действиях тех российских моряков, чьи имена известны читателю, и до сей поры помогают патриотическому воспитанию молодежи. Книга об адмиралах Синопа призвана расширить круг таких имен, а также интересных фактов из истории нашего флота.

Биографиям предпослано введение, в котором дан очерк истории Черноморского флота от 30-х годов до смерти М.П. Лазарева, показано, как лазаревская морская школа способствовала воспитанию хороших моряков и мужественных людей.

Для удобства чтения книга снабжена словарем морских терминов. В приложении содержится список строевых офицеров-синопцев.

Даты приведены по старому стилю.

ВВЕДЕНИЕ

Черноморский флот середины XIX века выделялся тем, что мог круглогодично плавать и проводить боевую подготовку, в отличие от Балтийского, который большую часть года не пускали в море льды и дурная погода. Но далеко не каждый главный командир Черноморского флота и портов был способен воспользоваться этим преимуществом. После того как в начале столетия флот оказался бессилён выполнить важнейшие стратегические задачи, его, благодаря усилиям А.С. Грейга, удалось возродить и добиться победы над турками в войне 1828—1829 годов. Старейшего Грейга сменил энергичный М.П. Лазарев — создатель морской школы.

Михаил Лазарев родился 3 ноября 1788 года в городе Владимире. Отец мальчика, сенатор, тайный советник Петр Гаврилович Лазарев, являлся правителем Владимирского наместничества и умер в 1800 году. После его смерти будущего флотоводца и его братьев Алексея и Андрея императорским указом приняли в Морской кадетский корпус. Нелегкие занятия в классах сочетались с походами по Финскому заливу. Уже за первое плавание Андрей и Михаил Лазаревы получили лестную оценку. Вскоре были замечены способности и рвение Михаила в изучении морского дела. 23 мая 1803 года Лазарева произвели в гардемарин-

ны; он оказался в числе трех лучших. В том же году на корабле «Ярослав» 14-летний моряк ходил с эскадрой Г.А. Сарычева по Балтийскому морю, после чего в числе лучших гардемарин был направлен волонтером в Англию для прохождения морской практики. Пять лет молодой моряк плавал в Атлантическом океане, побывал в Вест-Индии, Северном и Средиземном морях. Кроме морского дела, он занимался самообразованием, изучал историю, этнографию. По возвращении из Англии Лазарев мичманом участвовал в Русско-шведской войне 1808—1809 годов. На корабле «Благодать» в эскадре адмирала П.И. Ханыкова летом 1808 года он крейсировал по Балтике, первым вызвался идти на выручку морякам корабля «Всеволод», сражавшегося с двумя английскими, и оказался на нем в плену. Затем молодой офицер служил на легких судах и отличался морской лихостью и расторопностью. В 1811 году Лазарев — лейтенант, в 1812 году служил на бриге «Феникс» и за доблесть в Отечественной войне получил серебряную медаль¹.

Блестящие аттестации позволили поручить молодому моряку ответственное дело. 9 октября 1813 года из Кронштадтского порта под коммерческим флагом вышел корабль Российско-американской компании «Суворов», которому следовало доставить грузы на Дальний Восток. Командовал судном М.П. Лазарев. При назначении он поставил единственное условие — право самому подбирать офицеров. Так закладывалась первая основа будущей лазаревской морской школы. Несмотря на осеннюю непогоду и продолжающуюся войну, «Суворов» дошел до Портсмута. Здесь пришлось задержаться для ремонта и погрузки. В конце февраля 1814 года Лазарев продолжил плавание. Судно пересекло Атлантику, побывало в Рио-де-Жанейро. Так как благоприятное время для похода вокруг мыса Горн было упущено, Лазарев через Атлантический и Индийский океан направился к Австралии, а далее через Тихий океан — к берегам Русской Америки. В пути Лазарев добивался, чтобы молодые моряки учились определять место в море, занимались собственными исследованиями. 28 сентября 1814 года наблюдатели заметили необитаемые острова, получившие позже имя Суворова, — первое открытие Лазарева. 18 ноября 1814 года, пройдя через многие опасности, «Суворов» прибыл на рейд Новоархангельска².

Весной 1815 года Лазарев вступил в конфликт с уполномоченным компании А.А. Барановым, который хотел отправить на судне груз для

¹ Б. Г.-в. М.П. Лазарев // Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 37; Общий морской список (ОМС). СПб., 1893—1907. Ч. VII. С. 384; Фирсов И. И. Антарктида, и Наварин. Ярославль, 1983. С. 6—12.

² Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954. С. 158—160; Фирсов И. И. Антарктида, и Наварин. С. 15—22.

Камчатки. Лейтенант отказался выполнять поручение, выходящее за рамки его миссии, за одну ночь снарядил судно и вышел в море, не смотря на выстрелы пушек с берега. После возвращения компания рассмотрела отчет Лазарева и признала его правоту¹.

Во время стоянки и рейса к островам Прибылова моряки проводили опись берегов, искали удобные якорные стоянки и всё наносили на карту. Освободившись от грузов и приняв меха, Лазарев отправился в обратный путь. По пути он обследовал залив Сан-Франциско. 24 ноября 1815 года «Суворов» стал первым русским судном, побывавшим на рейде Калья (Перу). Лазарев показал себя умелым коммерсантом, закупив партию хинина и других местных товаров; тем самым он установил торговые отношения Перу и России. Кроме того, на борт приняли животных, которых в России не было. Обогнув мыс Горн, корабль 15 июля 1816 года вернулся в Кронштадт. В ходе кругосветного плавания моряки «Суворова» уточнили координаты и провели съемку участков побережий Австралии, Бразилии, Северной Америки. Собранными зоологическими и этнографическими коллекциями приходили любоваться представители света и сам Император. Правда, Лазарев не получил обещанную ему премию за успешную доставку грузов. Но для него служба отечеству стояла выше денег².

Лазарев вернулся на Балтийский флот. В 1817 году за 18 морских кампаний его наградили орденом Св. Георгия IV степени³. Вскоре моряку предоставилась возможность отличиться вновь.

В конце 1818 года Александр I одобрил предложения известных российских мореплавателей Г.А. Сарычева, О.Е. Коцебу и И.Ф. Крузенштерна организовать экспедиции для открытия новых земель на севере и юге планеты. В феврале 1819 года Император подписал указ адмиралтейству подготовить по два судна для экспедиций к Южному и Северному полюсам. В состав антарктической экспедиции вошел лейтенант М.П. Лазарев, которого Император назначил командиром транспорта «Ладога», позднее переименованного в «Мирный». Командир, не дожидаясь задерживаемых денег, провел переоборудование судна под залог своего состояния. Экипаж он укомплектовал только отечественными моряками. Ввиду того что начальник экспедиции М.И. Ратманов заболел, Лазарев занимался также подготовкой шлюпа «Восток» и подбором для него команды. Приходилось готовиться и к научным исследованиям. По инструкции экспедиции следовало продвигаться к Южному полюсу и открывать новые земли в удобное время года, а зимнюю пору

¹ Б. Г-в. М.П. Лазарев // Русский биографический словарь. С. 37.

² Зубов Н.Н. Указ. соч. С. 160; Фирсов И. И Антарктида, и Наварин. С. 24—29.

³ ОМС. Ч. VII. С. 385.

оставлять для исследования южной части Тихого океана, на карте которого оставались белые пятна. Для проведения научных наблюдений пригласили профессора Казанского университета И.М. Симонова и художника П.Н. Михайлова. Так как иностранный натуралист Кунц в последний момент решил не ехать, пришлось отказаться от естественно-научных исследований. Однако хватало и других работ. Инструкции предусматривали проведение астрономических, гидрологических, этнографических и иных наблюдений. Были даны указания демонстрировать дружбу к жителям новооткрытых земель и применять суровые меры только для спасения жизней моряков. Лишь в июне начальником экспедиции назначили капитана 2-го ранга Ф.Ф. Беллинсгаузена. А 4 июля 1819 года «Восток» и «Мирный» вышли из Кронштадта¹. Зайдя в Англию и на остров Тенерифе, суда через Атлантику прибыли в Рио-де-Жанейро. По пути 18 октября отметили купанием тех, кто впервые пересек экватор. В качестве купели использовали наполненную водой шлюпку. От берегов Бразилии направились к югу и в декабре достигли острова Новая Георгия, открытого Куком. В том же районе моряки нашли и описали несколько новых островов, выяснили, что Земля Сандвича, названная так Куком, является в действительности архипелагом Южных Сандвичевых островов².

Холодало все больше и больше. Появились ледяные острова, от столкновения со льдами страдала обшивка судов. Приходилось лавировать между айсбергами. Временами суда окружали одновременно сотни этих коварных плавающих гор. Масса айсбергов свидетельствовала о близости обширной земли на юге. 4 января 1820 года экспедиция в этом направлении продвинулась на полградуса далее Кука. Несмотря на льды и туман, 15 января суда пересекли впервые Южный полярный круг, на следующий день достигли широты 69 градусов 25 минут. Несколько раз моряки пытались продвинуться южнее, но везде встречали сплошной лед. Позднее историки установили, что 5 и 6 февраля экспедиция подошла на 3—4 километра к Берегу Принцессы Астрид Антарктического материка. Но пока об этом не было известно. О соседстве берега свидетельствовали, кроме айсбергов, появлявшиеся птицы.

После наступления южной зимы экспедиция направилась к северу. Моряки открыли несколько неизвестных островов в архипелаге Туамоту. В ноябре суда вновь пошли на юг. Серьезная буря в середине декабря не прервала исследований. Трижды суда пересекали полярный круг, 10 января 1821 года продвинулись до 69 градусов 53 минут юж-

¹ Фирсов И. И. Антарктида, и Наварин. С. 31—35.

² Скрицкий Н.В. Самые знаменитые флотоводцы России. М.: Вече, 2000. С. 272—273.

ной широты, но встретили сплошные льды. Ф.Ф. Беллинсгаузен повернул на восток, и вскоре моряки открыли остров Петра I, а 17 января при ясной погоде усмотрели на юге землю, которую называли Землей Александра I. Позднее установили, что это была часть Антарктиды, соединенная с материком шельфовым ледником Георга VI. Несмотря на то что не удалось подойти к земле ближе 40 миль, хорошо была видна высочайшая гора Св. Георгия Победоносца. Затем моряки, пройдя вокруг Южных Шетландских островов, установили, что англичане ошибочно полагали эту открытую в 1819 году капитаном Смитом землю частью материка. Так как «Восток» требовал ремонта, экспедиция, исследовавшая приполярную область со всех сторон, отправилась в обратный путь и 24 июля 1821 года прибыла в Кронштадт. За время плавания было открыто 29 островов, на карту Антарктики нанесены 28 объектов с русскими названиями. Стало ясно, что вокруг Южного полюса существует обширная земля, порождающая массу айсбергов¹.

Экспедицию так хорошо подготовили, что из почти двух сотен участников в походе только один умер от болезни и двое — от несчастного случая. Для того времени это был удивительный результат. В честь кругосветного плавания отчеканили медаль, участников наградили.

М.П. Лазарева 5 августа 1821 года через чин — за заслуги — произвели в капитаны 2-го ранга; в 1822 году его наградили орденом Св. Владимира IV степени². А моряк вновь отправился в дальнейшее плавание.

В конце 1821 года Адмиралтейств-коллегия предложила перевезти грузы для тихоокеанских портов морем. 8 марта 1822 года Николай I повелел послать для этого фрегат «Крейсер» капитана 2-го ранга М.П. Лазарева и шлюп «Ладога» под командованием его брата, капитан-лейтенанта А.П. Лазарева³.

При подготовке похода вновь отчетливо проявилось стремление Лазарева отбирать лучших офицеров, в первую очередь проверенных предыдущими плаваниями. В свой экипаж он включил лейтенантов М.Д. Анненкова и И.А. Куприянова, ходивших с ним на шлюпе «Мирный» к берегам южного материка. К этому списку моряк добавил таких сопровождавших его в последующих походах офицеров, как лейтенант П.С. Нахимов, мичманы И.П. Бутенев, Е.В. Путятин, А.А. Домашенко и будущий декабрист Д.И. Завалишин⁴. На фрегате было исключено рукоприкладство офицеров. От жестокого крепостника И.И. Кадыяна командир постарался при первом удобном случае освободиться.

¹ Скрицкий Н.В. Самые знаменитые флотоводцы России. С. 273—274.

² ОМС. Ч. VII. С. 385.

³ Лазарев М.П. Документы. М.: Военмориздат, 1952. Т. I. С. 225.

⁴ Там же. Т. II. С. 119, 261—263.

Лазаревская морская школа складывалась, прежде всего, на основе примера самого Лазарева. Еще до начала похода капитан тщательно готовил фрегат. Он составил перечень мер для подкрепления конструкции и др.¹ В результате судно выдержало поход, и командир его не раз сообщал о прекрасных качествах фрегата. Было принято предложение Лазарева усилить вооружение фрегата за счет установки на палубе каронад и погонных пушек². Чтобы офицеры имели представление о Мировом океане, Лазарев затребовал на фрегат и шлюп по экземпляру описаний плаваний — с картами — Крузенштерна, Сарычева, Лисянского, Кука и других известных открывателей новых земель³.

Но пример он показывал не только предусмотрительностью администратора и знаниями моряка и корабеля. Когда в Кронштадтской гавани молния подожгла мачту, капитан с командой и мастеровыми прибыл на место происшествия, и пожар ликвидировали; за решительные действия Лазарева наградили орденом Св. Владимира IV степени⁴. Понятно, почему молодые офицеры любили и уважали старшего товарища и строгого командира, каким тот был для них.

Основная задача фрегата в Тихом океане состояла в патрулировании берегов российских владений. У побережья Русской Америки широкого размаху достигло браконьерство. Иностранные торговцы снабжали оружием местных индейцев и подстрекали их нападать на русские фактории. Пайщиком Российско-американской компании являлась в то время царская фамилия. Очевидно, потому и послали фрегат вместо шлюпа. Однако положение России на Дальнем Востоке оставалось недостаточно прочным. Там появлялись только отдельные приходявшие с Балтики суда, мало способные защитить интересы страны. «Крейсеру» предстояло впервые вести патрулирование и оправдать свое название.

Лазарев получил определенные инструкции. В ходе плавания предстояло по возможности проводить астрономические и другие наблюдения, исследовать новооткрытые острова; на суда выдали экземпляры новых карт, в которые следовало по пути вносить поправки для издания атласа. Кроме того, капитану надлежало следить за обучением посланных с ним штурманских учеников. Чтобы избежать столкновений с другими странами, было предписано патрулировать у берегов Русской Америки в пределах дальности пушечного выстрела и в этой зоне задерживать иностранные суда, зашедшие в территориальные воды с запрещенными товарами или с военными целями; следовало поддерживать

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 225—226.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же. С. 236.

хорошие отношения с иностранными и особенно американскими судами, не нарушавшими законов¹.

17 августа 1822 года небольшая эскадра выступила из Кронштадта, задержалась в Копенгагене, затем сквозь осеннюю непогоду прибыла в Портсмут. После ремонта «Ладоги» Лазарев продолжил плавание; зайдя на остров Тенерифе, моряки пересекли Атлантику и достигли Рио-де-Жанейро. Подготовленные к длительному переходу суда выступили и, обогнув мыс Горн, 17 мая достигли острова Тасмания, в июле — Таити. 3 сентября «Крейсер» положил якорь в Новоархангельском порту Ситхи².

Так как в Русской Америке запасы продовольствия оказались невелики, Лазарев решил отправить в Россию шлюпы «Ладога» и «Аполлон», ранее прибывший на Тихий океан, а сам с фрегатом направился в Сан-Франциско для пополнения запасов и только 18 марта вернулся в Ситху, чтобы охранять порт³.

Всего несколько строк охватывают полукругосветное путешествие. Но они, разумеется, не в состоянии передать штормы и шквалы, штиты и пассаты, томительные ночные вахты и перебор балалайки на баке в часы отдыха. За пределами этих строк остаются и впечатления от красот природы, и представления о других странах и народах, и полученный опыт мореходов.

На переходе в Сан-Франциско произошел случай, характеризующий офицеров Лазарева. Для спасения упавшего в море матроса лейтенант Нахимов на шлюпке направился в море и сам едва не погиб⁴. Если обратиться в будущее, можно отметить, что через несколько лет лейтенант А.А. Домашенко бросился за борт линейного корабля «Азов», чтобы спасти оказавшегося в воде матроса, и утонул вместе с ним⁵.

Тем временем уже в апреле 1824 года из Санкт-Петербурга командиру фрегата «Крейсер» отправили предписание возвращаться, оставив пост шлюпу «Предприятие» капитан-лейтенанта О.Е. Коцебу; в декабре было послано второе предписание. Получив первое, 16 октября Лазарев выступил в обратный путь. Сначала фрегат перенес 37 дней бурного плавания до Сан-Франциско. После подготовки к дальнейшему переходу «Крейсер» направился на юг, обогнул мыс Горн и вновь прибыл в Рио-де-Жанейро. За время 93-дневного плавания один матрос умер, десятки требовали лечения на берегу. Пришлось задержаться,

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 234—238.

² Зубов Н.Н. Указ. соч. С. 186.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 252.

⁴ Там же.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы // Материалы по истории русского флота / Под ред. А.А. Самарова. М.: Воениздат, 1954. С. 69.

пока большинство пациентов не поправились. Лазарев намеревался пройти до Кронштадта без остановок, но 72-дневное плавание, затянувшееся из-за штилей, заставило зайти в Портсмут. После 17 дней ремонта фрегат вновь вышел в море и 5 августа вернулся в Кронштадт¹.

Действиями Лазарева и его подчиненных были довольны. 9 октября главный правитель Российско-американской компании М.И. Муравьев писал: «Фрегат «Крейсер» после годичного пребывания здесь отправляется в Россию, и я долгом поставлю донести главному управлению, что командир онго во время пребывания в Новоархангельске всегда оказывал услуги к выгоде компании и присутствие фрегата не только нас не обременяло, но его покровительством у нас во всех работах руки были развязаны. Экипаж онго своим дружелюбным общением с здешними обывателями заслуживает совершенную признательность всех здесь живущих, а в корысти в торговле, я твердо знаю, что никто из экипажа фрегата неприкосновен...»² Вскоре после того Лазареву и его офицерам было выражено удовольствие начальства.

Перед плаванием только Анненков и Куприянов из офицеров, кроме командира, имели ордена Св. Владимира IV степени за поход к Антарктиде³. Вскоре после возвращения орденосносным стал почти весь командный состав. Лазарева за успешный поход произвели в капитаны 1-го ранга, наградили орденом Св. Владимира III степени. Лейтенанта Д.В. Никольского, которого Лазарев взял с «Ладоги» вместо Кадьяна, произвели в капитан-лейтенанты; он, как и лейтенанты Ф.Г. Вишневский и П.С. Нахимов, получил орден Св. Владимира IV степени, тогда как М.Д. Анненкова, П.М. Муравьева, И.П. Бутенева, Е.В. Путятина, А.А. Домашенко удостоили орденов Св. Анны III степени. Офицеров также поощрили дополнительным жалованьем. Многие участники похода стали воспитанниками лазаревской школы. Часть из них капитан 1-го ранга взял с собой, когда его 27 февраля 1826 года назначили командовать 12-м флотским экипажем и кораблем «Азов». Он со своими помощниками достраивал корабль в Архангельске, вникая во все мелочи и внося усовершенствования в конструкцию. Корабль этот долгое время служил образцом для корабелов. 5 октября Лазарев привел в Кронштадт корабли «Азов», «Иезекииль» и шлюп «Смирный»⁴.

С 21 мая по 8 августа 1827 года «Азов» входил в состав эскадры адмирала Д.Н. Сенявина, перешедшей в Портсмут. Затем отдельную

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 256—260.

² Там же. С. 265.

³ Там же. С. 262—263.

⁴ Скрицкий Н.В. Самые знаменитые флотоводцы России. С. 276.

эскадру А.П. Гейдена в составе четырех линейных кораблей и четырех фрегатов направили на Средиземное море. Командир флагманского корабля «Азов» М.П. Лазарев состоял также начальником штаба эскадры. В Наваринском сражении 8 октября 1827 года «Азов» сыграл решающую роль, сражаясь со значительной частью турецкого флота в одиночку до подхода отставших кораблей; он уничтожил несколько египетских судов, в том числе флагманские. За геройское участие в сражении Лазарева произвели в контр-адмиралы и наградили орденами от королей английского, французского и греческого¹. «Азов» первым получил кормовой Георгиевский флаг.

В экипаже «Азова», когда тот в составе эскадры направлялся навстречу славе Наварина, служили П.С. Нахимов и И.П. Бутенев, Е.В. Путятин и А.А. Домашенко. Не всем из них было суждено прославиться и выйти в высокие чины. О печальной судьбе Домашенко мы уже писали. Бутенев в Наваринском сражении лишился руки. Однако в списках героев Наварина появились мичман В.А. Корнилов и гардемарин В.И. Истомин, наряду с Нахимовым и Путятиным ставшие участниками воссоздания Черноморского флота.

В ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 годов Лазарев во главе эскадры крейсировал на Средиземном море, блокируя Дарданеллы. В декабре 1829 года ему было дано высочайшее повеление возвращаться в Кронштадт с эскадрой из четырех кораблей, трех фрегатов, корвета и двух бригав непременно к 1 мая. Флагман, несмотря на трудную ледовую обстановку, опоздал лишь на 12 дней. Император был доволен. 17 февраля 1832 года он назначил контр-адмирала начальником штаба Черноморского флота².

Первой пробой сил для начальника штаба стала организация экспедиции в Босфор. Египетский правитель паша Мехмет-Али в 1831 году выступил против султана и двинул армию на Константинополь. Не получив помощи от западных стран, Порты обратилась к России. 14 января 1833 года Лазарев получил высочайшее повеление идти с эскадрой к Константинополю. Снарядив за 3 недели уже разоруженную эскадру, 8 февраля контр-адмирал привел к Буюк-Дере четыре корабля, три фрегата, корвет и бриг. Испуганный султан пытался заставить Лазарева удалиться, но тот удерживал позицию в проливе под разными предложениями, пока не прибыли еще две эскадры с войсками. За время полугодовой стоянки русские моряки собрали сведения о Константинополе и проливах. Угроза египетского паши была ликвидирована, русские эскад-

¹ Б. Г.-в. М.П. Лазарев // Русский биографический словарь. С. 38.

² Там же; ОМС. Ч. VII. С. 385—386.

ры вернулись на базы, а Россия и Турция подписали Ункьяр-Искелесийский союзный договор, установивший благоприятный для России режим проливов. Решительность и дипломатическую деятельность Лазарева оценили: 2 апреля 1833 года его произвели в вице-адмиралы, 1 июля он стал генерал-адъютантом Императора, 2 августа был назначен исправляющим должность главного командира Черноморского флота и портов, а 31 декабря 1834 года его утвердили в этой должности¹.

Принимая флот, Лазарев отмечал его недостатки. Тем не менее, А.С. Грейг создал ту основу, на которой можно было развивать морскую силу на Черном море. Новый главный командир, как человек энергичный и хороший моряк, за 17 лет на этой базе организовал парусный флот, по подготовке экипажей и качеству кораблей не уступающий ведущим флотам мира.

Еще в 1834 году Лазарев предложил план отражения возможного вторжения англичан на Черное море, включавший высадку десанта на Босфоре, а при прорыве — истребление противника в море или у Севастополя. Для этого требовался боеспособный флот².

В 1846 году в сотрудничестве с начальником штаба В.А. Корниловым Лазарев выработал штаты устройства и вооружения военных кораблей. Флот укомплектовали современными судами. Были устроены адмиралтейства в Николаеве, Новороссийске, спроектировано адмиралтейство в Севастополе, законченное после смерти адмирала и названное Лазаревским. Расширяли строительство Севастополя. Усиленное гидрографическое депо подготовило карты и атласы Черного и Азовского морей³.

Немало усилий потребовалось, чтобы добиваться средств на постройку паровых кораблей у Николая I, который не понимал до последнего момента важности технического переоснащения флота. Иногда только за счет экономии адмирал приобретал необходимые паровые суда. Тем не менее, в 1838 году флот пополнил первый железный пароход «Инкерман», за 5 лет до того, как военные металлические корабли начали применять в английском флоте. Бомбическая артиллерия также впервые широко была принята на вооружение Черноморского флота, ранее, чем за границей. Лазарев предложил использовать уголь будущего Донбасса и установил его преимущество перед импортным. За годы его управления построили свыше 110 боевых и вспомогательных кораблей, в том числе 17 линейных и 8 пароходов.

¹ Б. Г-в. М.П. Лазарев // Русский биографический словарь. С. 39; ОМС. Ч. VII. С. 386.

² Фирсов И. И Антарктида, и Наварин. С. 105—106.

³ Скрицкий Н.В. Самые знаменитые флотоводцы России. С.277.

В 1838—1840 годах Лазарев с эскадрой организовал высадки десантов на берега Кавказа при Туапсе, Псезуапе, Субаши, Шапсухо. Проходили они по четко разработанному плану, в котором сочетались действия корабельной артиллерии, высадочных средств и войск, после проведения тренировок. Перед высадкой под руководством Лазарева штаб готовил становившийся обычным набор документов (диспозиция кораблей и фрегатов, приказ на высадку, расписание войск по гребным судам, диспозиция гребных судов, приказ о действиях гребных судов). Впервые оказался разработан вопрос непрерывной огневой поддержки высаживаемых войск. Тщательная подготовка позволяла добиваться успеха при небольших потерях.

Была налажена тесная связь между моряками и сухопутным командованием. Генерал Раевский писал о Лазареве: «От самого начала и до конца он не переставал предупреждать наши желания и представил нам все средства Черноморского флота. Очищая предварительно берег ужасным огнем своей артиллерии, он выучил нас высаживаться в порядке с военных кораблей и в порядке на гребных судах приставать к берегу.

По важному влиянию своему на успех первого дела он решил успех всей кампании. Наконец, при всех высадках, заставляя моряков содействовать нам на твердой земле, он соединил их и сухопутное войско дружескими сношениями, столь необходимыми для службы и успеха»¹.

Такая практика взаимодействия флота с армией сохранялась и позднее, сыграла свою роль в обороне Севастополя.

Высаженные войска создавали кавказскую береговую линию. Эта линия при поддержке крейсирующих в море отрядов должна была прервать контрабандную доставку оружия горцам и способствовала прекращению войны в горах. Одно из укреплений линии назвали Лазаревским. Это название сохранилось на карте и поныне. Все Кавказское побережье разделили на участки и закрепили за крейсирующими отрядами. Благодаря круглогодичному патрулированию без заходов в базы моряки получили великолепную практику, каковой не имели на Балтике с ее замерзающими портами.

За успехи в развитии флота М.П. Лазарева наградили орденами Св. Владимира II степени (1834), Александра Невского (1837), бриллиантовыми знаками к последнему (1842), орденами Св. Владимира I степени (1845) и Андрея Первозванного (1850). При тяжелом материальном положении флотоводца аренду ему постепенно повысили

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 478.

до 2000 рублей в год. 10 октября 1843 года Лазарева за отличие произвели в адмиралы¹.

Помощниками адмирала стали те моряки, которых флагман проверил в боях и дальних походах. Лазарев перевел их на Черное море, когда стал сначала начальником штаба, а затем — главным командиром Черноморского флота и портов. Офицеры эти, влюбленные в море, подобно учителю, делали образцовыми корабли, которыми командовали, и подтягивали до своего уровня всех остальных, ибо стыдно было быть плохим моряком рядом с ними. Например, П.С. Нахимов командовал трофейным корветом «Наварин», фрегатом «Паллада», кораблем «Силистрия» и все сделал образцовыми парусниками. Образцом считали и корабль «Двенадцать Апостолов» В.А. Корнилова. Становясь адмиралами, лазаревцы распространяли морской дух на все суда своих эскадр. Они вносили улучшения в конструкцию кораблей, в уставы и наставления. На счету передовых офицеров — Севастопольская морская библиотека и парусный флот, моряки которого продемонстрировали умение в долгих крейсерствах у кавказских берегов, в боях с турками и обороне Севастополя.

В 1843 году появились первые признаки болезни, на которую Лазарев не хотел обращать внимание, пока она не уложила его в постель в начале 1851 года. Скончался М.П. Лазарев 11 апреля 1851 года от рака желудка и погребен во Владимирском соборе Севастополя². К сожалению, останки его и других адмиралов были грубо потревожены. После него остался Черноморский флот, по подготовке один из лучших в мире. Осталось также немало наследников его морского духа. В их числе были П.С. Нахимов и В.А. Корнилов.

В 1992 году останки адмирала вновь похоронили в Адмиралтейском соборе Севастополя³. Его именем названы 15 географических пунктов: атолл в группе островов Россиян в Тихом океане, остров в Аральском море, бухта и порт в Японском море и другие⁴. Имя Лазарева носили башенный фрегат и крейсер ВМФ СССР.

Первые офицеры лазаревской школы в основном погибли у стен Севастополя. Однако слава их не осталась без преемников и последователей. На мостиках кораблей, уже паровых, встали капитаны Г.И. Бутаков и Н.А. Аркас. Прошли годы, и первый из них создал всемирно известную тактику парового броненосного флота, а второй руководил

¹ Б. Г-в. М.П. Лазарев // Русский биографический словарь. С. 39; ОМС. Ч. VII. С. 386—387.

² Б. Г-в. М.П. Лазарев // Русский биографический словарь. С. 39—40; ОМС. Ч. VII. С. 387.

³ Лазарев М.П. // Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1999. Т. 4. С. 380—381.

⁴ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. М.: Воениздат, 1986. С. 123—124.

в 1877—1878 годах Черноморским флотом, который успешно воевал против более многочисленного турецкого. Е.В. Путятин история запомнила как руководителя посольства, впервые заключившего русско-японский договор. Десятки молодых участников Синопа стали флагманами и капитанами. На долгие годы лазаревская морская школа легла в основу воспитания моряков, и знаменитое «В море — дома» С.О. Макарова проистекает отсюда же.

Именно поэтому кратким очерком биографии М.П. Лазарева автор открывает серию биографий участников Синопского сражения, ибо с его школы началась широкая подготовка моряков всех рангов, сделавшая Черноморский флот выдающимся по выучке.

Так как наиболее истовым последователем лазаревской морской школы, всецело жившим делами флота и ставшим законодателем для массы моряков, явился П.С. Нахимов, командовавший русской эскадрой при Синопе, его биография закономерно становится центральной и наиболее обширной. Чтобы не повторять по возможности эпизоды истории в различных биографических очерках, именно на жизнеописание Нахимова ложится историческая канва, которая позволяет как осветить наиболее важные эпизоды отечественной морской истории, так и показать связь с ними тех или иных последующих наших героев.

Другие биографические очерки, освобожденные от экскурсов в историю, имеют различные размеры, что связано с важностью персонажей и их ролью в истории отечественного флота. Понятно, что об адмиралах и командирах кораблей, участвовавших в Синопском сражении, сказать можно гораздо больше, чем о мичманах и лейтенантах, которые еще не успели проявить себя в лазаревско-нахимовской школе. Однако и среди молодых офицеров выдвинулись несколько, которые были замечены патриархами лазаревской школы, Нахимовым и Корниловым. Именно их биографии стали более интересными и богатыми благодаря активной деятельности, о которой сведения попадали в печать. Что же касается части младших офицеров — участников Синопа, то информация о них преимущественно ограничена «Общим морским списком» и документами П.С. Нахимова.

Далеко не все строевые офицеры, участвовавшие в Синопском сражении, дослужились до адмиралских чинов. Многие из них пали на бастионах Севастополя или умерли вскоре после Крымской войны от полученных ран. Другие не имели возможности отличиться. Все они указаны в приложении, составленном на основе наградного списка, подготовленного после сражения П.С. Нахимовым. Страна должна знать как можно больше героев — участников последнего славного парусного сражения.

ФЛАГМАНЫ СИНОПА

НАХИМОВ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ

Предисловие

5 июля 2002 года исполнилось два столетия со дня рождения Павла Степановича Нахимова, имя которого известно большинству россиян как символ самопожертвования и любви к морскому делу. О нем писали книги и рассказы, сняли кинофильм, поставили спектакль. В его честь были учреждены орден и медаль. Правительство Российской Федерации, отдавая должное памяти героя-флотоводца, торжественно отметило юбилей и привлекло к празднованию широкие круги общественности и государственные структуры, имеющие отношение к морю и флоту. Статьи о жизни и деятельности флотоводца появились в журналах.

Это были далеко не первые жизнеописания адмирала. Многократно отечественные авторы обращались к личности Нахимова. Его жизни и деятельности посвящены сотни публикаций, сборники документов и несколько книг; большая часть списка этой литературы перечислена в сборниках документов П.С. Нахимова, изданных в 1945-м и 1954 годах¹. Сборники содержат также выписки из книг и статей многочисленных авторов, сослуживцев и современников Павла Степановича, которые рассказывали о различных эпизодах жизни и деятельности моряка-флотоводца. Благодаря мнениям различных людей появляется возможность выйти за рамки сухих документов и составить живой портрет человека, посвятившего всю жизнь без остатка морю.

Биографию П.С. Нахимова в XX веке писали такие авторы, как Н.П. Мазунин, Е.В. Тарле и С.Ф. Найда, Ю.В. Давыдов и В.Д. Поли-

---

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. Адмирал Нахимов: Материалы для истории русского флота / Под ред. Н.В. Новикова и П.Г. Софинова. М.; Л., 1945.

карпов, Эмин Бекир-Заде и другие. Каждый из них рассматривал жизнь моряка — героя Синопа и Севастополя по-своему.

Казалось бы, этими многочисленными публикациями тема исчерпана. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что авторы не в полной мере использовали даже опубликованные в сборниках документы. Долгое время искусственно ограничивали круг известных читателю моряков — соратников флотоводца, с которыми он был дружен либо совместно делал общее дело. Кроме причин политических, сказывалась слабая разработанность многих биографий моряков, сведения о которых часто ограничиваются строками из «Общего морского списка».

В публикуемом жизнеописании поставлена задача показать в первую очередь на основе документов, как складывался характер П.С. Нахимова и каким образом он и его сотоварищи и подчиненные добивались успехов на море и на суше.

Путь к морю

Нередко в отечественной истории будущие известные флотоводцы появлялись на свет в глубине страны, где самым большим водным пространством являлись река или озеро. Адмиралы В.Я. Чичагов и Ф.Ф. Ушаков происходили из российской глубинки и первые представления о водной стихии получали на речных берегах. Из глубоко сухопутных мест вышел и Павел Степанович Нахимов.

Дворянский род Нахимовых происходил от Тимофея Нахимова, который служил в конце XVII века в Ахтырском казачьем полку¹. Документов о дворянстве прадеда Павла Нахимова Маноила Тимофеевича не сохранилось, однако свидетельства современников подтверждали, что Нахимовы из шляхтичей и служили в Ахтырском полку Харьковской губернии. Во всяком случае, Маноила Тимофеевича за 40 лет службы в полку отставили с чином сотника, что давало право на дворянство. Этим правом воспользовался старший из пяти его сыновей, Семен Маноилович, который за время службы в Смоленске приобрел в 1765 году у графа А.С. Строганова часть имения в селе Волочек Сычевского уезда и вскоре расширил его. Поручик включил во владения церковные земли, построил на реке Вазузе большую мельницу, продолжая получать прибыль от производства вина в городе Ахтырка, откуда происходил род Нахимовых. При нем было благоустроено имение, обновлен фасад дома,

¹ Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск: Бонус; М.: Олма-Пресс, 2001. С. 293; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 677.

созданы цветники, каскады фонтанов. К концу столетия имение обрело известность, а Семен Манойлович по ходатайству дворян Смоленского наместничества был признан в потомственном дворянстве.

Дед будущего флотоводца, Михаил Манойлович, по семейным обстоятельствам переселился в конце XVII — начале XVIII века в Смоленскую провинцию, положив основание второй линии Нахимовых.

Так как Семен Манойлович не имел детей, он завещал свои владения братьям и племянникам, живущим в Харьковской губернии. По его духовной Николай Матвеевич совместно с братом стали владельцами поместья в селе Волочек Сычевского уезда. Отец Павла Нахимова Степан Михайлович Нахимов по завещанию получил сельцо Городок в Вяземском уезде с шестью крепостными душами и деревню Костюнинскую в Митяковской волости Бельского уезда с 136 крепостными.

Не позднее 1798 года он переехал в пустошь Проинина (сельцо Городок), где построил небольшой деревянный дом на каменном подклете. Здесь родились Иван (1801), Павел (1802) и Сергей (1805). До этого в городе Ахтырка Харьковской губернии родились Николай, Платон и Анна.

Павел Нахимов родился 23 июня (5 июля) 1802 года в сельце Городок Вяземского уезда. Через 4 дня после рождения, 27 июня (9 июля), мальчика крестили в церкви Спаса Нерукотворного образа в селе Спас-Волжанское.

Через много лет П.С. Нахимову потребовалось метрическое свидетельство. 11 (23) марта 1846 года он получил следующий документ:

«Смоленской губернии, Вяземского уезда, села Спаса Волженского, церкви Спаса нерукотворного образа, по справкам метрических книг, хранящихся при оной церкви, оказалось под № 1-м: у майора Степана Михайлова сына Нахимова с женою Феодосиею Ивановной родился тысяча восемьсот второго года, июня 23-го, законнорожденный сын Павел. Крещен священником Георгием Овсянниковым 27 июня же.

При крещении его восприимниками были: Сычевского уезда подпоручик Николай Матвеев сын Нахимов да девица Анна Степанова дочь Нахимова. В чем свидетельствуем с приложением церковной печати. 1846 года марта 11-го дня.

К сему свидетельству Вяземского уезда села Спаса Волженского священник *Василий Овсянников* подписал.

*Диакон Георгий Овсянников
Дьячок Григорий Руженцев*¹.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 29.

Свидетельство о рождении и крещении, копия которого была выдана П.С. Нахимову 11 (23) марта 1846 года, опубликовано в 1902 году. Тем не менее, долгое время считали, что адмирал родился в селе Волочек Вяземского уезда Смоленской губернии. Село переименовали в Нахимовское. Однако после того, как стараниями бывшего моряка, директора близлежащей масловской школы И.А. Бабушенкова было точно установлено место рождения, в 1955—1959 годах село лишилось развития, а усадьбу разрушили. Теперь через место, где стоял господский дом, проходит дорога¹.

Поблизости от усадьбы не протекали большие реки. Первыми водными пространствами для будущего моряка стали пруды, выкопанные при усадьбе. Есть сведения, что и Павел участвовал в их устройстве². Можно полагать, что здоровый, крепкий мальчик умел плавать и бороздить воды пруда на лодках и плотках. Возможно, в детстве Павел и его братья видели Днепр и другие реки, по которым издревле пролегал путь «из варяг в греки». Но вряд ли до поездки в столицу он мог оказаться на море.

Небогатый помещик, отставной гвардии секунд-майор Степан Михайлович Нахимов, прекрасно знал, сколько средств нужно иметь, чтобы нормально служить в гвардии либо учиться в престижных учебных заведениях. В те годы мелкопоместному дворянину наиболее просто было пойти на флот. Павел оказался четвертым из пяти братьев³. При помощи Семена Манойловича отец устроил всех в Морской кадетский корпус. Платон, Николай, Иван, Сергей, как и Павел, после окончания Морского кадетского корпуса служили во флоте. Сестра их Анна вышла замуж за бельского помещика Василия Гавриловича Воеводского; один из шести детей Воеводского, Платон, служил на Черноморском флоте вместе с П.С. Нахимовым⁴.

Во время приема в Морской кадетский корпус следовало доказать дворянство и продемонстрировать предварительную подготовку⁵. 23 апреля 1813 года от Ивана и Павла Нахимовых поступило прошение:

«Всепресветлейший, державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший, просят недоросли из российских дворян греческого исповедания Иван и Павел Степановы сыновья Нахимовы о нижеследующем:

Отец наш родной Степан Михайлов сын Нахимов, в службе вашего императорского величества находился в гвардии капитаном и отставлен

¹ На родине адмирала П.С. Нахимова.

² Там же.

³ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 13.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 677.

⁵ Там же.

майором, ныне нам от роду первому 12, а последнему 11 лет, обучены по-русски и по-французски читать и писать и часть арифметики, но в службу вашего императорского величества никуда еще не определены, а желание имеем вступить в Морской кадетский корпус в кадеты, а потому всеподданнейше просим:

дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие наше прошение принять и нас именованных по желанию нашему в Морской кадетский корпус в кадеты определить. А что мы действительно из дворян и помянутому майору Степану Нахимову сыновья родные, в том представляем надлежащие свидетельства. Испомещен же состоим Смоленской губернии, Бельского уезда, крестьян за отцом нашим 136 душ...»¹

Из прошения видно, что Павел, как и старший брат, получил предварительную подготовку. Скорее всего, мальчиков обучали дома приходящие учителя, а то и сам отец.

7 июля прошение представили министру военных морских сил И.И. де Траверсе. Так как желающих поступить в корпус оказалось больше, чем мест, директор корпуса вице-адмирал П.К. Карцов рапортовал министру военных морских сил о том, что братьев в числе еще 20 недорослей записали кандидатами на свободные вакансии. 11 августа 1813 года Траверсе предписал Карцову среди других зачислить Нахимовых 1-го и 2-го «в число кандидатов по открытии вакансии в Морской кадетский корпус...»².

Корпус был основан 15 декабря 1752 года на базе Академии морской гвардии и Навигацкой школы, организованных еще Петром I. В отличие от предшествующих новое учебное заведение (носившее до 1802 года название Морской шляхетный кадетский корпус) принимало для подготовки морских офицеров только дворян. Как правило, во главе корпуса ставили опытных адмиралов, а в его штат входили хорошие преподаватели. Будущих офицеров обучали математике, навигации, мореходной астрономии, артиллерии, корабельной архитектуре и другим предметам, необходимым на море, причем большое внимание обращали на связь теории с практикой. В корпусе существовали три класса (курса) по 120 человек. Воспитанников младших классов именовали кадетами, а третьего, старшего, — гардемаринами³.

При благополучном окончании корпуса гардемарин производили в мичманы и выпускали на флот. В основе обучения лежали Морской

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 29—30.

² Там же. С. 30—31.

³ Стрелов А.Б. Путь в океан: Очерк истории ВВМКУ имени М.В. Фрунзе. Л., 1966. С. 28; Гельфонд Г.М. и др. Там за Невой моря и океаны. М.: Воениздат, 1976. С. 34.

устав, созданный еще Петром I, и учебники по математике и тактике, подготовленные профессором корпуса Н.Г. Кургановым, пособия по основным дисциплинам, изучаемым в корпусе, написанные выдающимся ученым П.Я. Гамалеей. Теоретический курс дополняли плавания на кораблях по Балтийскому морю. Учеба в корпусе не была легкой. Чтобы подготовить будущих офицеров к службе на боевых кораблях в походе, их легко одевали и кормили без особых разносолов. Несмотря на жестокие телесные наказания, которым подвергали нерадивых кадет и нарушителей дисциплины, люди усердные, желающие по-настоящему изучить морское дело, могли почерпнуть немало интересного как на занятиях с преподавателями, так и при чтении книг корпусной библиотеки, изучении моделей. Особое место среди моделей занимал макет брига, стоявший в зале; его величина позволяла кадетам практически ознакомиться с работой на мачтах.

Так как занятия кадет и гардемарин проходили по индивидуальным планам, состав классов оказывался непостоянным, и с преподавателем занимались как старшие, так и младшие кадеты, что способствовало их общению¹. В 1817 году в Морском кадетском корпусе обучение проходили 700 кадет и гардемарин и 35 гимназистов, которые готовились к поступлению в младший класс. На суше кадеты находились, как правило, в помещении корпуса, а большую часть знаний о мире получали в плаваниях².

Служба будущих офицеров Нахимовых началась сразу с морской практики. 14 июня 1815 года юных моряков определили на борт учебного брига Морского кадетского корпуса «Симеон и Анна» волонтерами вместе с гардемаринами³. Бриг под командованием лейтенанта П.И. Харламова ходил от Санкт-Петербурга до Кронштадта и обратно⁴.

По инструкции П.К. Карцова от 14 июня преподаватель капитан-поручик М.М. Геннинг должен был руководить учебным плаванием гардемарин на фрегате «Малой» и бриге «Симеон и Анна». Ему следовало курсировать между петербургскими вежами и Кронштадтом, разделить гардемарин на две части и попеременно приучать к корабельным работам: «...делать такелаж, привязывать, крепить и постановлять паруса, брать рифы, сниматься с якоря и становиться на оный, поворачивать судном против ветра и по ветру, ложиться в дрейф под разными парусами, спускать и поднимать стеньги и реи, как на якоре, так и под парусами, править рулем, бросать лаг и лот, брать пеленги и об-

¹ Стрелов А.Б. Путь в океан. С. 39.

² Гельфонд Г.М. и др. Там за Невой моря и океаны. С. 68.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 34.

⁴ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 12.

сервации, писать журнал, вести счисление, полагать оное на карту, делать морские описи береговых и прочих видимых мест с объяснением им, какие во всех сих действиях наблюдать правила и нужно брать осторожности». После предварительного обучения следовало показать фарватер от Кронштадта в море, а затем обучать со всей осторожностью «ружейным и пушечным экзерцициям с пальбой». Чтобы представить практику всем кадетам, следовало половину их поместить на суда по 15 июля, а вторую — по 15 августа¹.

Плавание оказалось недалеким и непродолжительным, берега оставались в виду наблюдателей, но все же впервые будущий флотоводец мог почувствовать душой и телом, что такое служба: качка, работа при парусах и на мачте...

После летней морской практики братьев Нахимовых определили в кадеты и вскоре — в гардемарины. Начиналась учеба под сводами Морского кадетского корпуса. Среди соучеников наиболее близким другом Павла стал Михаил Францевич Рейнеке, позднее известный гидрограф; до конца жизни друзья переписывались, и именно Мишу Рейнеке Нахимов в письмах посвящал в сокровенные мысли.

Летом 1816 года Павел Нахимов ходил по Финскому заливу от столицы до Кронштадта и обратно на бриге «Симеон и Анна» под командованием лейтенанта П.Н. Авсова².

Следующий поход дал молодым морякам представление о российских, датских и шведских портах, которые в дальнейшем им предстояло посещать. Павел Нахимов среди 12 гардемарин в сопровождении воспитателя Морского кадетского корпуса лейтенанта С.А. Ширинского-Шихматова 20 мая 1817 года был зачислен в экипаж брига «Феникс»³.

Князь Ширинский-Шихматов являлся человеком выдающимся. Литератор и переводчик, он в совершенстве владел классическими и новыми языками. В 1804—1827 годах лейтенант воспитывал будущих моряков. В 1809 году его избрали действительным членом Российской академии, в 1817 году от академии за литературные труды моряк получил золотую медаль с надписью «Отличную пользу российскому слову принесшему». В отставку он вышел в 1827 году и умер в 1833 году⁴.

Среди гардемарин — соплавателей Нахимова оказались будущий преподаватель корпуса и университета Павел Новосильский, известный

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 31—34.

² Адмирал Нахимов: Материалы... С. 12.

³ Там же. С. 20—21.

⁴ Там же. С. 20.

лексикограф Владимир Даль, герои Наваринского сражения Александр Рыкачев и Иван Бутенев, писатель-декабрист Дмитрий Завалишин. Платон Станицкий и Захар Дудинский окончили корпус первыми¹. С кем-то из них судьба сводила позднее Нахимов в боях и походах, а Завалишин стал товарищем в кругосветном плавании.

Позднее, в 1855 году, А.П. Рыкачев вспоминал о Нахимове того времени: «Мы сошлись близко с ним в 1817 году, когда были назначены в числе двенадцати гардемарин, на бриг «Феникс» для плавания в Балтийском море, по портам Швеции, Дании и России. Самое назначение было сделано из числа отличных воспитанников по успехам в науках... Тогда уже между всеми нами Нахимов замечен был необыкновенной преданностью и любовью к морскому делу, и тогда уже усердие или, лучше сказать, рвение к исполнению своей службы, во всем, что касалось морского ремесла, доходило в нем до фанатизма»².

Пока что молодые люди впервые оставляли пределы Маркизовой лужи, как иронически моряки называли восточную часть Финского залива, из которой корабли Балтийского флота в период руководства И.И. де Траверсе выходили редко. Бригу «Феникс» под командованием лейтенанта П.А. Дохтурова предстояло побывать в портах Швеции и Дании. 13 мая лейтенант получил предписание морского министра И.И. де Траверсе: «На вверенный вам бриг «Феникс» определяются гардемарины под особенным надзором корпусного офицера для кампании единственно на тот конец, чтоб обозреть им балтийские наши порты и приобрести сколько можно более практических познаний, и для сего последнего предмета плавание ваше имеете расположить и к дружественным соседственным местам, и именно в Стокгольм, Карлскрону и Копенгаген, где во время бытности вашей должны вы поступать по предписаниям пребывающих при означенных дворах российских посланников, стараясь доставить гардемаринам случай видеть тамо предметы, заслуживающие внимания, ежели на то получите позволение от тамошнего правительства, в каковых случаях съезжать им на берег совсемно, а поодиночке и без присмотра корпусного офицера или вашего находиться им на берегу не следует, о чем от директора Морского корпуса будет и особенное наставление корпусному офицеру относительно гардемарин. Обозрение ж наших портов Ревельского, Свеаборгского, Балтийского и, буде успеют, Роченсальмского и Рижского можете распорядить таким образом, чтоб в некоторые из них зайти на нынешнем вашем пути, а в другие при обратном следо-

¹ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 22—23.

² Там же. С. 200—201.

вании в Кронштадт, смотря по удобности времени. Почему при первом благополучном ветре имеете отправиться в означенный путь»¹.

«Феникс» прошел по маршруту Кронштадт—Роченсальм—Свеаборг—Ревель—Рига—Стокгольм—Карлскрона—Копенгаген—Кронштадт². В его экипаже числились гардемарины Федор Колычев, Павел Новосильский, Дмитрий Завалишин, Владимир Даль, Платон Станицкий, Иван Адамович, Степан Лихонин, Николай Фофанов, Павел Нахимов, Александр Рыкачев, Захар Дудинский, Иван Бутенев³.

Подробности необычного для того времени плавания описаны в рапортах князя Ширинского-Шихматова и заметках для 12 номеров «Кронштадтского вестника», которые составили участники плавания С.С. Лихонин и П.М. Новосильский.

20 мая гардемарины разместились на бриге в каюте с двухъярусными койками. Столовались они в кают-компании с офицерами; распитые на три вахты, юноши должны были выполнять как матросские, так и офицерские обязанности. После 2 дней парусных учений и занятий по морской практике «Феникс» вышел в море. Скучать в пути не приходилось: гардемарин загружали как работами, так и учебой⁴.

Первой целью Дохтуров избрал Роченсальм. Однако вышедший в море 28 мая бриг встретил сильный юго-западный ветер, и командиру пришлось отойти к Кронштадту и выждать до 30 мая, ибо команда состояла почти сплошь из неопытных рекрутов. Только днем 30 мая бриг пошел далее по Балтике и вступил в финляндские шхеры. 1 июня «Феникс» благополучно прибыл в Роченсальм, где гардемарин радушно встретил главный командир порта капитан 1-го ранга Ф.В. Веселаго. За 7 дней пребывания в порту Веселаго сделал все возможное, чтобы гардемарины чувствовали себя хорошо, сам показывал им достопримечательности и снабдил на дальнейший путь. 8 июня бриг выступил и, преодолевая с помощью лавировки встречные ветры, 10 июня прибыл к крепости Свеаборг. Здесь встречал главный командир Свеаборгского порта капитан-командор Л.П. Гейден⁵. Ни Гейден, ни Нахимов, конечно, и догадываться не могли, что судьба сведет их на одном корабле в жарком сражении.

В Свеаборге гардемарины знакомились с учениками училища юнг, которые готовились стать шкиперами торговых судов. 17 дней стоянки гардемарины занимались переводами морской логии, прокладкой курса по

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 35.

² Адмирал Нахимов: Материалы... С. 12.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 37.

⁴ Митрофанов В.П., Митрофанов П.С. Школы под парусами. Л.: Судостроение, 1989. С. 59.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 37—39.

карте, определяли широту места по высоте солнца, проводили парусные учения. Время осталось и на экскурсию в Гельсингфорс (Хельсинки), где юные моряки осмотрели музей, городские памятники и порт¹.

27 июня бриг продолжил плавание и через 2 дня у Дагерорта на острове Даго (Хийумаа) разминулся со шведской эскадрой, на которой с визитом в Кронштадт шли шведские гардемарин². Моряки вновь должны были лавировать, чтобы достичь цели. 2 июля «Феникс» зашел в Ригу на 2 дня. Гардемарин³ едва успели осмотреть город, им хватало работ на судне. В рапорте из Риги Ширинский-Шихматов сообщал, что во время похода гардемарин⁴ стояли вахту, вели, кроме вахтенного, личный журнал с записями виденного на берегу и в портах, учились бросать лаг, брать пеленг, прокладывать путь по карте, по книге и на практике изучали парусное вооружение корабля, занимались матросской работой (сплескивание веревок, изготовление узлов и т. п.), упражнялись в иностранных языках⁵.

После Риги бриг направился к столице Швеции. 6 июля моряки увидели крепость Ваксхольм, прикрывавшую вход в стокгольмские шхеры, а следующим утром перешли на стоянку вблизи королевского дворца в Стокгольме. 20 дней пребывания в столице северного соседа несколько нарушили ход учебы, но пополнили знания гардемарин о Швеции. Юные моряки были приняты королем и принцем Оскаром, осмотрели город, посетили места захоронений шведских монархов, риксдаг (парламент), Национальный музей, Морской музей, Географический институт, обсерваторию, побывали на судоверфи, осмотрели Военно-морское училище. 29 июля, отсалютовав крепости Кастельхольм, бриг вновь вышел в море. Широко образованный С.А. Ширинский-Шихматов продолжил систематические занятия историей, географией, астрономией. Кроме занятий, гардемарин⁶ вели обязательные журналы-дневники, в которых описывали происходившее во время плавания⁷.

К сожалению, журнал Нахимова не удалось обнаружить. Однако дневник Завалишина сохранил записи о том, как будущий флотоводец, подобно другим гардемаринам, демонстрировал свою храбрость, гуляя по планширю фальшборта и спускаясь по снастям. Такие рискованные фокусы были запрещены, а запретный плод, как известно, сладок. Однажды, передвигаясь по планширю, Павел увидел впереди Ширинского-Шихматова. Торопливо соскочив на палубу, он зацепился за коечную сетку, упал и разбил голову о рым, но просил только, чтобы Шихматову не рассказы-

¹ Митрофанов В.П., Митрофанов П.С. Школы под парусами. С. 59—60.

² Там же. С. 60.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 39—40.

⁴ Митрофанов В.П., Митрофанов П.С. Школы под парусами. С.60—61.

вали, как это случилось¹. Юные воспитанники не хотели выглядеть нарушителями дисциплины перед уважаемым преподавателем.

30 июля «Феникс» встал на рейде Карлскроны (Карлскруны) — главной базы шведского флота. Гардемарины получили возможность осмотреть судоверфи и сухой док в военной гавани. Они посетили также ратушу, старинный Морской музей, Школу матросов. 9 августа бриг продолжил плавание и прибыл в Копенгаген. После суточного стояния на внешнем рейде судно вошло во внутреннюю гавань, где оно встало вблизи Мореходного училища. Будущие офицеры осмотрели город, ратушу, гавань, библиотеку, кунсткамеру, ботанический сад, парк Риволи, снаружи полюбовались замком Кристианенборг. Перед отходом на судне побывал датский наследный принц Христиан. 1 сентября бриг оставил порт. 7 сентября Нахимов и его товарищи впервые попали в аварию — на траверзе Ревеля сели на мель. Для экипажа это оказалось новое учение. Спустили шлюпки и завозами стащили «Феникс». 5 суток бриг оставался в Ревельском порту (видимо, для ремонта обшивки), после чего выступил и 16 сентября вернулся в Кронштадт².

2—19 января 1818 года проходили экзамены для гардемарин, окончивших курс наук и сделавших в море узаконенное число кампаний. Будущие моряки сдавали алгебру, дифференциальное исчисление, механику, иностранные языки, историю, географию, российскую грамматику, артиллерию, фортификацию, морскую практику, эволюции, геодезию, теорию кораблестроения. Павел Нахимов успешно сдал экзамены, став шестым в списке из 15 лучших воспитанников, представленных в унтер-офицеры. Третьим в списке стоял Михаил Рейнеке³.

Судьба развела двух друзей. Если Павел служил на Балтике, Рейнеке производил гидрографические исследования на Севере. Когда же гидрограф вернулся на Балтику, Нахимов стал черноморцем. Но дружба не прерывалась. Именно благодаря переписке и записям в дневнике Рейнеке стало возможным восстановить некоторые эпизоды жизни флотоводца. Но все это было впереди. А теперь оба только вступали в состав русского офицерства.

* * *

С 30 января по 4 февраля комиссия экзаменовала кандидатов на офицерское звание из числа унтер-офицеров и гардемарин и в числе лучших признала достойным производства и Нахимова, и Рейнеке. По всем предметам Нахимов получал оценки от «хорошо» до «весьма хо-

¹ Митрофанов В.П., Митрофанов П.С. Школы под парусами. С. 61.

² Там же. С. 62.

³ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 22—23.

рошо». Правда, по установленному еще 28 сентября 1804 года правилу кандидаты в мичманы должны были отплавать пять кампаний и получить хорошую аттестацию от командиров; допускалось производить раньше при необходимости пополнения комплекта тех, «...кои по экзамену и по свидетельствам корабельных начальников наиболее отличатся». Так как у Нахимова плаваний оказалось мало, скорее всего, к нему применили вышеуказанное правило. 9 февраля его произвели в мичманы и назначили во 2-й флотский экипаж¹.

В 1818-м и 1819 годах Нахимов оставался на берегу, при экипаже. С 23 мая по 15 октября 1820 года мичман на тендере «Янус» под командованием лейтенанта А.Д. Ахлестышева находился в плавании до Красной Горки. В 1821 году его назначили в 23-й флотский экипаж и направили по суше в Архангельск, на строившийся там линейный корабль². В Архангельске уже служили его соученики — Рейнеке и М. Бестужев³. Однако Нахимова ждало более интересное назначение.

Есть сведения, что Нахимов хотел участвовать в кругосветном плавании Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный», и Михаил Петрович ходатайствовал за мичмана, но тогда молодого моряка не включили в состав экипажа. Теперь капитан 2-го ранга Лазарев должен был сам возглавить дальнейшее плавание и пригласил Нахимова. В 1822 году мичман вернулся берегом в столицу и получил назначение на фрегат «Крейсер»⁴.

Вокруг света на «Крейсере»

В 1784 году купец-исследователь Г.И. Шелихов основал на острове Кадык Алеутских островов первое русское поселение. Со временем трудами его и преемников на островах и Аляске строили все новые поселения и развивали охоту, в первую очередь на пушных зверей. В поселениях совместно жили и охотились русские и местные жители — алеуты, кадыкцы, колоши. Добыча пушнины являлась делом прибыльным, и в 1799 году под эгидой Императора была создана Российско-американская компания, получившая привилегии от Павла I. С 1800 года компания оказалась под высочайшим покровительством Александра I, ставшего ее акционером⁵.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 43—45.

² Там же. С. 46.

³ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 15.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 46.

⁵ Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994. С. 9—11.

Так как доставка грузов для компании, а также для казенных портов на Тихом океане по суше оказывалась очень сложна и дорога, с начала XIX века эти грузы стали отправлять преимущественно морем. Именно по этой причине десятки судов компании и кораблей Балтийского флота уходили в кругосветные и полукругосветные плавания, попутно совершая географические открытия.

Со временем на Дальнем Востоке возникла проблема безопасности колонии. По мере того как американцы продвигались через континент и заселяли Западное побережье Северной Америки, американские торговцы и промышленники все чаще начинали действовать на Тихом океане. Они браконьерствовали, спаивали местных охотников и за бесценок скупали пушнину. Американцы вторгались и в зону деятельности Российско-американской компании. Здесь они получали отпор от местной администрации, которую возглавлял главный правитель российских владений в Америке. Однако если на суше из охотников можно было организовать отряд, то на море американские и другие деятели осуществляли безнаказанно браконьерство, а затем и продажу оружия немирным индейцам, чтобы ослабить влияние России в регионе. Посему потребовалось отправить на Дальний Восток военные суда для охраны интересов России.

Таким образом, к 20-м годам XIX века перед командирами судов, которые уходили на Тихий океан, стояли многочисленные задачи. Они должны были доставлять грузы, необходимые для поселений компании и портов, вывозить пушнину, охранять морскую границу, а попутно исследовали те воды, по которым проходили, и берега, ими омываемые. Кроме того, молодые офицеры получали хорошую мореходную и штурманскую практику. Не зря в такие плавания отправляли лучших. Именно в таком походе и предстояло участвовать двадцатилетнему Нахимову.

20 декабря 1821 года Адмиралтейств-коллегия запросила начальника Морского штаба А.В. Моллера, на каком судне отправить такелаж, материалы и вещи для Охотского и Камчатского портов на 1823 год¹. 8 марта 1822 года Моллер предписал коллегии по повелению Александра I послать к колониям Российско-американской компании фрегат «Крейсер» капитана 2-го ранга М.П. Лазарева и шлюп «Ладога» капитан-лейтенанта А.П. Лазарева². 17 марта в числе других офицеров на «Крейсер» был определен мичман Нахимов 1-й³. Аттестации начальников отрекомендовали его человеком отменно усердным к службе и знающим, благородного поведения, который, однако, не имел случая

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 223—224.

² Там же. С. 225.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 47.

отличиться¹. Такую возможность и представило плавание к берегам Америки.

Молодой моряк попал в лазаревскую школу. Главным воспитательным средством в этой школе являлся личный пример Лазарева. С начала подготовки он демонстрировал ту тщательность в оснащении и вооружении судна, которую проявлял всю жизнь.

Фрегат был заложен на Соломбальской верфи 11 июня 1820 года и спущен 18 мая 1821 года. В том же году «Крейсер» вошел в состав Балтийского флота. Строил его известный корабел А.М. Курочкин². Но Лазарев в процессе подготовки к плаванию внес немало усовершенствований. Уже 11 марта, сразу после назначения, капитан 2-го ранга подал записку о необходимости подкрепить корпус фрегата, освидетельствовать и сменить непригодный такелаж и рангоут, паруса сшить из лучшего материала, утвердить офицеров и набрать команду из разных экипажей, закупить товары для меновой торговли с туземцами³. По его предложению на фрегат установили усиленную артиллерию из 26 12-фунтовых пушек в гон-деке, 16 18-фунтовых каронад на палубе и 2 6-фунтовых погонных пушек на баке⁴. Лазарев испытал станок для каронады и предложил свои усовершенствования⁵. Опытный моряк требовал для судов своего отряда книги Крузенштерна, Сарычева, Лисянского, Кука и других мореплавателей с атласами и картами⁶. Кроме того что книги эти должны были служить справочниками, они годились и как учебные пособия для молодых офицеров, в основном и составляющих экипаж фрегата.

2 июля 1822 года окончательно определили штат экипажа фрегата. Команда состояла из 176 служителей. В число офицеров входили лейтенанты И. Кадыян, М. Анненков, И. Куприянов, Ф. Вишневский, мичманы П. Нахимов, Д. Завалишин, П. Муравьев, И. Бутенев, Е. Путятин и А. Домашенко. На фрегате шли также врач Петр Алиман, штурманский, шкиперский помощники и священник⁷.

Если бы подчиненные только знали о прежних плаваниях Лазарева и видели его труды по оснащению «Крейсера», и этого было бы достаточно, чтобы они уважали его. Однако моряк продемонстрировал им к тому же, еще до выхода в море, свои мужество и решительность.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 46.

² Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. М.: Воениздат, 1997. Т. 1. С. 209.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 225—226.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 228.

⁶ Там же. С. 233.

⁷ Там же. С. 231—233.

17 июля от удара молнии загорелась стрела крана в гавани Кронштадта, но капитан 2-го ранга с моряками из экипажа и мастеровыми, работавшими на фрегате, подоспел вовремя. Мачту срубили и сбросили в воду, предотвратив возможное распространение пожара. Начальник Морского штаба А.В. Моллер в докладе от 19 июля Императору испросил Лазареву орден Св. Владимира IV степени, а нижним чинам по рублю; в тот же день Александр I утвердил награждение¹.

3 августа 1822 года Моллер дал Лазареву инструкцию о порядке и цели крейсирования у северо-западных берегов Америки. Основной целью оно «имело недопущение всякой запрещенной торговли и всякого посягания вредить пользам компании через нарушение спокойствия в местах, посещаемых ее промышленниками; также всякое предприятие, имеющее целью доставление тамошним природным жителям без согласия законного их начальства огнестрельного или другого оружия или военных потребностей». Исходя из необходимости избежать самоуправства между российскими и американскими кораблями «Крейсер» и «Ладога» не должны были распространять свои наблюдения за судоходством далеко от берегов и за пределы ранее установленной широты, за которой американская компания пользовалась преимуществами в звериной и рыбной ловле. Дополнительная инструкция от 13 августа разъясняла, что зона патрулирования должна располагаться в пределах пушечного выстрела от берега, включая земли, где расположены колония или селения Российско-американской компании, и оказавшееся в этой зоне судно, имеющее «...запрещенные товары или военные потребности...», можно было задержать².

Ввиду особого статуса Российско-американской компании, акционером которой являлся сам Император, инструкция предписывала: «Вообще вы и другие командиры военных судов должны принять за правило не вступаться в местные существенные обязанности и распоряжения колониального главного правителя, предоставленные ему одному как по высочайше дарованным компании привилегиям и правилам, так и по особому предписанию морского начальства, уполномочившего его во всех отношениях иметь власть командира над портом»³.

Вместе с инструкцией Моллера Лазарев получил 3 августа составленную 13 июля инструкцию Адмиралтейского департамента о научных наблюдениях в ходе плавания. Инструкция не обязывала моряков заниматься исследованиями, однако рекомендовала занимать в море и портах свободных офицеров точным определением широт и долгот портов

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 236.

² Там же. С. 236—238.

³ Там же. С. 235.

и приметных мест с помощью выверенных приборов, измерять высоту приливов и вообще примечать все, что представляет интерес для морского дела или для географии. Все наблюдения следовало вносить в специальные журналы. На корабли выдали новые карты Восточного океана, чтобы мореплаватели делали на них замечания в соответствии с собственными наблюдениями. Позднее исправленные карты должны были составить новый атлас¹.

Для выполнения задачи Лазарев получил от морского министра полномочия производить в чины и разжаловать служителей, предавать военному суду любых подчиненных, арестовывать их и лишать должности. Его опытности представляли разнообразить рацион моряков в соответствии с климатом².

Павел Нахимов ежедневно мог наблюдать, как начальник отряда скрупулезно наблюдает за всеми деталями подготовки: перевооружением и оснащением судна, приобретением и погрузкой необходимого для плавания, вплоть до различных дешевых изделий, которые могли пригодиться при встрече с жителями тихоокеанских островов. Мичман не только наблюдал, он сам участвовал в этой подготовке, выполняя поручения требовательного капитана 2-го ранга. Он перенимал и его умение руководить, и ту жесткость и даже жестокость характера, которую Лазарев приобрел в английском флоте. Именно с дальних плаваний начиналась знаменитая лазаревская школа, готовившая моряков — специалистов и патриотов, составивших в последующие десятилетия славу России.

Учеником школы стал и Нахимов. Он уходил в плавание с соучеником Дмитрием Иринарховичем Завалишиным (1804—1892). Дмитрий окончил Морской корпус на год позднее Павла и был оставлен преподавателем³, что свидетельствует о его способностях и знаниях. Из корпуса его и взял Лазарев.

Суда выступили из Кронштадта 17 августа с попутным ветром, но лишь 7 сентября прибыли в Копенгаген. Перемена ветра на подходе к острову Нарген и 2 дня сурового шторма задержали «Крейсер» и «Ладугу», но не нанесли им повреждений. На рейде столицы Дании стоялшедший из Архангельска на Балтику отряд кораблей капитана 1-го ранга Ф.В. Кандлера, и Лазарев воспользовался возможностью вернуть больных матросов, включив в команду «Крейсера» здоровых из отряда⁴.

17 сентября Лазарев продолжил путь. Через 2 дня суда оказались в Немецком (Северном) море. Капитан 2-го ранга решил идти с быст-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 234—236.

² Там же. С. 238—239.

³ Декабристы: Биографический справочник. М.: Наука, 1988. С. 69.

⁴ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 240—241.

роходным фрегатом вперед, чтобы в Портсмуте заготовить все необходимое для дальнейшего плавания двух судов. Однако удалось обойти «Ладогу» лишь на 3 дня. 23 сентября пришлось остановиться на Дильском рейде, чтобы дожидаться благоприятного ветра. Но ветер так усилился, что на якорях пришлось удерживаться до конца месяца. Моряки наблюдали более двадцати купеческих судов, которые лишились якорей и канатов. Только 1 октября погода позволила продолжить путь, однако недалеко от острова Уайт фрегат попал в такой шторм, что с трудом выдержал 2 дня. Только 4 октября он прибыл на рейд Портсмута, а через 3 дня пришла и «Ладога». Лазарев писал донесение спокойным тоном, но и он отмечал, что «...ни один фрегат с неуменьшенным против обыкновенного положения рангоутом вынести того был бы не в состоянии и в таком случае вероятно, что последствия были бы бедственны»¹. Завалишин описал событие более эмоционально. Двое суток моряки не сходили с палубы фрегата, лавировавшего в полукруглой бухте, из которой ветер не позволял выйти, и Лазареву удалось вырваться, пройдя вблизи оконечности мыса. Когда фрегат прибыл на рейд, все легли спать; Лазарев для наблюдения за приливами и отливами оставил лоцманов². И Лазарев, и Завалишин отмечали хорошие качества фрегата, которые спасли жизнь морякам.

В осеннем штормовом море экипажи получили неплохую практику. Однако потребовалось время, чтобы отремонтировать повреждения. Офицеры за время длительной стоянки имели возможность побывать на берегу. Завалишин с Нахимовым походили по Лондону, осмотрели Вестминстерское аббатство, Британский музей, запаслись новейшими навигационными приборами и картами³. Только 28 ноября, когда установился попутный ветер, «Крейсер» и «Ладога» оставили Портсмут⁴.

На сей раз плавание проходило благополучно. Через 12 дней фрегат и шлюп встали на якоря в бухте Санта-Крус острова Тенерифе, где простояли 4 дня, запасаясь вином. И здесь два мичмана воспользовались возможностью побывать на берегу и подняться на гору, с которой открывался вид на океан. В последующие дни только гигантское водное пространство окружало моряков до прибытия в Рио-де-Жанейро 25 января 1823 года. Штилей не было. За 52 дня плавания от Портсмута основной трудностью для моряков явилась разница в скорости судов, из-за чего «Крейсеру» пришлось идти под одними марселями.

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 242—243.

² *Бекир-Заде* Э. Адмирал Нахимов. М.; Смоленск, 1999. С. 26—28.

³ Там же. С. 28—29.

⁴ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 255—256.

В рапорте Лазарев сухо записал, на какой долготе пересекли экватор. Отметим переход лишь несколькими рюмками рома¹.

Чтобы не терять благоприятное время, Лазарев заполнял дни учениями с парусами и артиллерией. Результаты тренировок сказались скоро. Блестящую подготовку моряки продемонстрировали, когда вступали на рейд Рио-де-Жанейро. Завалишин описал этот эпизод образно: «Утром 23 января [фактически 25 января. — Н. С.] последовал наш действительно торжественный вход на рейд. Все было устроено так, что не было видно на фрегате ни души живой, на мачтах не было ни одного человека, а высокие борта фрегата не позволяли видеть ни одного человека и на палубе. Уборка парусов могла быть сделана с помощью веревок и блоков снизу; голос командующего заменен был свистками, только слышен был марш, играемый музыкой. Все это, как рассказывали нам после, производило сильное впечатление на зрителей. Двигалось, по видимому, живое, самоуправляемое существо»².

Моряки намеревались поразить зрителей, однако и сами оказались удивлены и встревожены, увидев над домом губернатора вместо португальского неизвестный флаг. Но для тревоги причин не оказалось. Стало известно, что колония отделилась от Португалии, а наследного принца дона Педро 30 сентября 1822 года провозгласили императором Педро I. Португальские войска отправили в Лиссабон, а бразильцы готовили флот, чтобы овладеть португальской эскадрой в Сан-Сальвадоре³.

Месяц «Крейсер» и «Ладога» стояли в Рио-де-Жанейро. Принимали их хорошо. Российский консул Григорий Иванович Лангсдорф пригласил офицеров на свои плантации в глубине страны, порадовал охотой на ягуара, которого пулей свалил Вишневатский. Жара сводила моряков с ума, и Завалишин хвастался позднее в записках, что оказался единственным из офицеров, способным совершать ботанические экскурсии. Работать приходилось только до полудня. Экипажи занимались конопаткой швов, а в трюм шлюпа догружали балласт, чтобы уменьшить его валкость. Лазарев готовился к дальнему переходу в порт Дервент на Вандименовой Земле (Тасмании)⁴.

Выступили 22 февраля. По пути Лазарев установил 8 марта, что указанного на английской карте острова нет. Суда обогнули мыс Доброй Надежды, миновали в Индийском океане острова Св. Павла и Амстердам и, несмотря на шквалы, достигли цели 17 мая; они встали на якорь

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 244; *Бекир-Заде* Э. Указ. соч. С. 30—31.

² *Бекир-Заде* Э. Указ. соч. С. 32—33.

³ Там же. С. 33—34; Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 245.

⁴ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 245.

напротив города Хобарт. Корабли были в порядке, экипажи здоровы, лишь матрос 1-й статьи Козьма Салимовский упал с гальюна и утонул¹.

На Тасмании несколько матросов бежали от жестокости старшего офицера Кадьяна, но были пойманы полицией, и И. Кадьян, ненавидимый командой садист, жестоко их наказал².

Вновь такелажные и конопатные работы задержали на Тасмании. Лазарев рассчитывал простоять 2 недели, однако за несколько дней до выхода исчез в лесу, куда посылали партию для рубки дров, матрос Станислав Станкевич. Отыскать его не удалось. Прождав еще 6 дней, Лазарев выступил 9 июня и направился к Таити для пополнения запаса свежей провизии. В шторм «Крейсер» и «Ладога» разлаучились. Фрегат миновал Новую Зеландию и 7 июля пришел на Таити, а через 6 дней прибыла и «Ладога». По пути моряки уточняли положение острова Высокий и от жителей узнали, что местное его название Райвовай³. Не обошлось и без приключений: фрегат зацепил коралловый риф, и кусок коралла, заткнувший пробойну, извлекли из обшивки в Ситхе⁴.

20 июля, после пополнения запасов и ремонта, суда продолжили путь. 24 июля «Ладога» отправилась к Петропавловску, чтобы доставить туда грузы. «Крейсер», подгоняемый пассатом, вторично пересек экватор 31 июля. 2 сентября увидели вдали берега Северной Америки и на следующий день прибыли в Новоархангельск, где стоял шлюп «Аполлон»⁵.

Более года фрегат находился в плавании, выносил штормы и шквалы. Морякам приходилось немало работать. Для офицеров поход стал практикой в штурманском деле. Завалишин отмечал: «Конечно, офицеры употребляли все свое старание для достижения возможной точности, но никто не мог ручаться, какую разницу могли производить не подлежащие изменению морское течение, неравномерность хода корабля... изменяющееся склонение магнитной стрелки компаса. А между тем опасность была близка уже, и в случае неверности счисления мы могли наткнуться на берег, когда считали бы себя еще далеко от него, а пасмурность и туман препятствовали увидеть берег заблаговременно»⁶.

Особенно усердствовал в самосовершенствовании и обучении подчиненных Нахимов. Моряк даже отказался высадиться на Таити: ему оказалось интереснее заниматься парусными приемами с матросами. Завалишин считал, что мичман показывает себя перед начальством. Дей-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 246—247.

² *Бекир-Заде* Э. Указ. соч. С. 41.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 247—249.

⁴ *Бекир-Заде* Э. Указ. соч. С. 42—43.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 250—251.

⁶ *Бекир-Заде* Э. Указ. соч. С. 39—41.

ствительно, Нахимов хотел получить похвалу такого отличного моряка, каким был Лазарев. Но он и сам любил морское дело. Эту любовь и умение ладить со служителями заметил командир и все чаще поручал молодому моряку ответственные дела¹.

Новоархангельск являлся резиденцией главного правителя Российско-американской компании капитан-лейтенанта М.И. Муравьева. Фрегат не ждали, ибо почта сушей шла еще дольше, чем суда по морю. Сначала местное население встревожилось: не появились ли пираты? Вскоре ситуация выяснилась, и жители радушно встретили посланцев России².

Нахимову Ситха не понравилась. В письме Рейнеке он писал: «...место очень дурное: климат нехороший, жестокие ветры и дожди беспрестанно. Ничего нельзя почти достать, а ежели что и случится, то за самую дорогую цену. Свежей пищи нельзя иметь, кроме рыбы, да и той зимою очень мало. Зимовать тут очень дурно. У нас была большая работа: крыс развелось удивительное множество, портили совершенно все без разбора. Мы должны были выгрузить весь фрегат, окурить и потом опять нагрузить. Это продолжалось 3 недели. Офицеры и команда жили на берегу...»³

Правитель принял моряков прохладно. Очевидно, Муравьев воспринял появление фрегата с командиром более высокого чина как инспекцию. Лазарев рапортовал Адмиралтейств-коллегии, что капитан-лейтенант, рассмотрев инструкции Моллера, посчитал крейсерство фрегата не нужным и рекомендовал командиру, ввиду недостатка провизии, отправиться в порты Калифорнии до 1 марта, когда к Новоархангельску обычно собираются индейцы разных племен и появится нужда в обеспечении безопасности крепости. Узнав о неурожае в Калифорнии, Муравьев сообщил, что не имеет ни возможности снабдить «Ладогу» провизией, ни нужды в ней. Лазарев решил отправить «Ладогу» вместе с «Аполлоном» в Россию. Сначала «Аполлон» пошел в Сан-Франциско заготовить провизию для всех судов. 9 ноября прибыл шлюп «Ладога», который сдал в Петропавловске грузы для Камчатки и Охотска. 14 ноября «Крейсер» с шлюпом оставил Ситху. 1 декабря три судна соединились в Сан-Франциско⁴.

Именно на последнем переходе 20 ноября П.С. Нахимов отличился. Шканечный журнал сообщает об этом случае, как и положено, скупо: «В 9-м часу, ветер риф-марсельный, со шквалами, небо облачно и

¹ Бекир-Заде Э. Указ. соч. С. 43—44.

² Там же. С. 46.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 254.

⁴ Там же. С. 251—252.

сильная боковая качка. В начале 10-го часа упал за борт канонир Давыд Егоров, немедленно фрегат приведен был к ветру и спущена шлюпка, но при всех стараниях спасти его не могли. При приставании же шлюпки обратно, оную разбило у борта; однако же бывший на оной офицер и 6-ть человек гребцов успели схватиться и выйти»¹.

Завалишин этот эпизод изобразил таким образом: «Мы с Нахимовым имели привычку приходить побеседовать один к другому, когда я или он бывал на вахте, а другой был свободен от обязательных каких-либо занятий. Однажды, когда я был на вахте, а Нахимов пришел ко мне побеседовать и мы, прохаживаясь по шканцам, разговаривали об одном случае, прочитанном мною в «Жизни английских адмиралов» (*Lives of British Admirals*, бывшей настольной книгою у Лазарева), вдруг раздался злоеющий крик: «Человек упал за борт». Фрегат был в это время на полном ходу, идя более десяти узлов в час (более 17,5 верст). В одно мгновение полетели за борт сбрасываемые (чтобы дать за что ухватиться утопающему) спасительные буйки с флагами, и сверх того я бросил маленькую лестницу, употребляемую при пелькомпасе во время взятия пеленгов. Оказалось, что упавший с носа фрегата артиллерист именно за эту лестницу и ухватился. В то же время я стал приводить к ветру, но при быстроте хода фрегата он все же пробежал уже значительное расстояние, однако же с марса упавший человек был еще в виду. При сильном волнении спускать шлюпку было опасно; осталось воспользоваться тою секундою, когда фрегат наклонялся на ту сторону, на которой была подвешена шлюпка, и обрубить веревки, на которых она висела. Послав из стоящих ближе шесть человек матросов на шлюпку, я сказал Нахимову: «Павел Степанович, отправляйся с ними», и Нахимов не стал разбираться, что он старше меня, что я не имею права ему приказывать, что он наверху случайно, а у меня есть на баке (передней части корабля) свой подвахтенный мичман и пр., но тотчас же вскочил в шлюпку; веревки обрубили, и шлюпка с людьми полетела в море. С марса движением ручного красного флага направляли ход ее к утопавшему; оставалось каких-нибудь пять-шесть сажен до него, Нахимов уже видел его, как вдруг упавший канонир выпустил лестницу из рук: сделались ли с ним судороги или схватила его акула — решить нельзя, но его не нашли»².

Все участвовавшие в этом деле матросы получили повышения. Лазарев испрашивал у морского министра награду Нахимову. Он писал в донесении от 10 декабря 1823 года: «Сию готовность г. Нахимова при

¹ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 26.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 57—58.

спасении человека жертвовать собою я долгом почитаю представить на благорассмотрение гг. членов государственной адмиралтейской коллегии и льщу себя надеждою, что таковой подвиг не найдется недостойным внимания правосудного моего начальства»¹.

В столице представление не поддержали, ибо награда полагалась за десять спасенных, а в данном случае никого не спасли. Завалишин по этому поводу замечал: «Как будто удача или неудача изменяла сущность подвига и как будто не было примеров, что спасли и многих, ничем не рискуя, вследствие благоприятных обстоятельств»².

В донесении Лазарев упоминал о Нахимове как о мичмане, не зная, что еще 22 марта 1823 года молодого офицера произвели в лейтенанты³.

В Сан-Франциско Лазарев смог избавиться, наконец, от Кадыяна, списав его по слабости здоровья на «Ладогу». Интересно, что капитан-лейтенант И.И. Кадыян в 1827 году командовал бригам «Усердие» и вновь вступил в конфликт с экипажем, так что Гейдену пришлось его назначить историографом эскадры⁴. Только на время он принял корвет «Наварин», чтобы затем сдать его Нахимову. Так через годы вновь пересеклись пути двух офицеров.

Пока же плавание на «Крейсере» продолжалось. В кают-компанию фрегата на смену Кадыяну пришел лейтенант Никольский. Через месяц после этого события, 4 января 1824 года, Нахимов писал другу Рейнеке: «Компанию офицеров имеем прекрасную, все офицеры и команда, благодаря бога, здоровы». Но в том же письме он сообщал о том, что Завалишина по высочайшему требованию вызвали в Петербург⁵.

У этого события необычная предыстория. Завалишин пытался создать «Орден восстановления», написал его устав и даже принял несколько членов. Осенью 1822 года из Лондона он направил письмо Александру I и просил его вызвать к себе⁶. Император дал соответствующее повеление. Однако выполнить высочайшую волю сразу не удалось. Фрегат простоял в Сан-Франциско до 17 февраля, запаса пшеницей и после трудного перехода прибыл в Ситху 18 марта. Оттуда Лазарев в мае отправил Завалишина в Охотск на бриге Российско-американской компании «Волга»⁷. Так разошлись пути двух това-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 252—253.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 56—58.

³ Там же. С. 47.

⁴ Андриченко В.Г. До и после Наварина. М., 2002. С. 205—206, 210—211; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 738.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 254.

⁶ Декабристы: Биографический справочник. С. 69.

⁷ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 255—256.

рищей. 3 ноября 1824 года Завалишин был уже в Санкт-Петербурге. Моряк представил записку об «Ордене восстановления», но Император признал идею «неудобоисполнимою». 14 декабря 1825 года, в день восстания декабристов, Завалишин находился в отпуске далеко от столицы, но был арестован 30 декабря, отпущен 18 января 1826 года, снова арестован весной 1826 года и осужден на 20 лет каторжных работ¹.

«Крейсер» оставался в Новоархангельске. 12 августа 1824 года ему на смену прибыл шлюп «Предприятие». Лазарев решил ожидать из Охотска известий, которые могло доставить компанейское судно. Получив 8 октября предписание начальника Морского штаба от 9 апреля о возвращении, капитан 2-го ранга выждал, когда установится попутный ветер, и выступил 16 октября. Фрегат был в хорошем состоянии. Преодолевая бурную погоду, за 37 дней он дошел до Сан-Франциско и встал на якорь 21 ноября.

Буря нанесла повреждения как стоявшим в порту судам, так и домам поселения; с некоторых ветром срывало крыши, валяло старые деревья. Несмотря на то что «Крейсер» прекрасно выдерживал непогоду, пришлось задержаться для ремонта и подготовки к переходу вокруг мыса Горн. Матросы за это время отдохнули после сырого климата Новоархангельска. 21 декабря фрегат продолжил плавание. До мыса Горн не встретили земли, в том числе и там, где на испанских картах располагался остров Ска Дудоза; лишь в одном месте видели парящих фрегатов, и, хотя появление этих птиц свидетельствовало о близости суши, островов там не обнаружили².

Преодолевая частые штили, фрегат после 93-дневного плавания прибыл 23 марта в Рио-де-Жанейро. По пути умер матрос, еще десять были больны, и по требованию врача Алимана Лазарев поместил их в нанятом на берегу доме. Двое больных умерли, остальные выздоровели. 22 апреля Лазарев продолжил путь, намереваясь идти прямо в Кронштадт. Однако штили затянули плавание до 72 дней, и пришлось зайти 3 июля 1825 года в Портсмут для пополнения запасов провизии и ремонта такелажа. 20 июля «Крейсер» вышел с Портсмутского рейда, перенес в Скагерраке сильный шторм. 25 июля моряки увидели мыс Скаген и далее лавировали до Копенгагена, где несколько часов простояли на якоре. 30 июля при благоприятном течении фрегат оставил Зунд и вернулся 5 августа в Кронштадт. При осмотре корабль оказался в превосходной исправности³.

¹ Декабристы: Биографический справочник. С. 69.

² Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 258.

³ Там же. С. 259—260.

В рапорте от 10 августа М.П. Лазарев среди трех отличившихся офицеров отдал должное П.С. Нахимову, «...добровольно жертвовавшему собою при спасении канонира Давыда Егорова...»¹. Лейтенанта 1 сентября 1825 года наградили орденом Св. Владимира IV степени и двойным жалованьем, а годы выслуги за время плавания были установлены двойными².

Боевое крещение

После возвращения из похода на «Крейсере» Нахимов некоторое время оставался на берегу. В отпуске он узнал, что его кандидатуру намечали для Гвардейского экипажа.

Морской Гвардейский экипаж сформировали 16 февраля 1810 года на основе существовавших с XVIII века команд придворных яхт и гребцов. Экипаж, оснащенный по-сухопутному, отличился в боевых действиях 1812—1814 годов. После войны с Наполеоном к экипажу приписали суда, преимущественно придворные яхты. Изредка корабли, укомплектованные гвардейцами, ходили в заграничные плавания. Однако все же основной задачей их оставалось обслуживание Императорского Двора. Служба на придворных яхтах давала возможность проявить себя перед монархом. Для многих Гвардейский экипаж являлся предметом мечтаний. Но лейтенант стремился служить на море, о чем 1 февраля 1826 года писал другу М.Ф. Рейнеке из деревни: «Скажи — я — кандидат Гвардейского экипажа; ты знал всегда мои мысли и потому можешь судить, как [это] для меня неприятно. На этой же почте пишу брату П[латону] С[тепановичу] и прошу его употребить все средства перевести меня в Архангельск или куда-нибудь, только не в Гвардейский экипаж. Итак, прощай все воздушные замки и планы, которые мы с тобой строили в Архангельске. Жаль мне очень Мих[аила] Петр[овича], что он болен, я бы написал к нему и тогда, может быть, я бы исполнил мое желание. В следующем письме уведоми, пожалуйста, любезный Миша, о состоянии его здоровья»³.

Моряк надеялся на помощь М.П. Лазарева. И помощь пришла. Лазарев назначили командиром 74-пушечного корабля «Азов», который строили в Архангельске. Пользуясь правом набирать офицеров, он предложил Нахимову поступить на корабль, и тот согласился.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 61.

² Там же. С. 4, 11.

³ Там же. С. 62.

«Азов» заложили на Соломбальской верфи 20 октября 1825 года по проекту корабельного мастера А.М. Курочкина. Корабль водоизмещением 3000 тонн должен был нести 74—80 24—36-фунтовых пушек. Строили его А.М. Курочкин и В.А. Ершов. Спустили «Азов» 26 мая 1826 года¹.

Для достройки корабля экипаж направили на Север. Сразу же по прибытии в Архангельск Нахимова захестнула работа по оснащению корабля. В письме Рейнеке, оправдываясь, что долго не отвечал, он рассказывал: «Скажу ль, что с пяти часов утра до девяти вечера бывал на работе, после должен был идти дать отчет обо всем капитану, откуда возвращался не ранее одиннадцати часов, часто кидался в платье на постель и просыпал до следующего утра. Таким образом протекал почти каждый день, не выключая и праздников, а ежели и приходилось несколько свободных минут, то они посвящаемы были дружбе и любви присутствующим»².

Последние строки имели особое значение. В Архангельске лейтенант в первый и последний раз влюбился и даже хотел жениться. Его избранницей стала дочь командира Архангельского порта³. Но скромное положение флотского офицера и то малое внимание, которое он мог среди дел уделять своей избраннице, привели к неудаче: Нахимов получил отказ. Об этом он вскользь пишет другу: «Да, любезный Миша, если бы я несколько более имел времени видеться с ней, тогда прощай твой бедный Павел без сердца и головы. Куда бы был тогда он годен?» Видимо, после этого случая Нахимов решил, что морская служба и женитьба несовместимы, особенно для молодого офицера, ибо далее писал: «Вижу, что ты нахмурился, всегда строгий и благоразумный, ты делаешь возражение, — разве дружбу должно забыть для любви? Отвечаю — все то же — виноват! Но кто из нас не был молод? Кто не делал дурачеств? Дай бог, чтобы дурачество такого рода было со мною последнее»⁴.

В переписке лейтенант больше всего внимания уделяет морской службе. Он рассказывает Рейнеке о том, как сходил с другими офицерами и как удалось организовать в кают-компании общий чай, объединивший моряков: «Как трудно новому офицеру поступить в экипаж, где уже все друг друга знают и смотрят на пришельца довольно странными глазами. Как часто я должен был играть презабавные роли. Например, у нас был общий чай, но что это стоило? Одного надо было

¹ Чернышев А.А. Российский парусный флот. Т. I. С. 117—118.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 64.

³ Бекир-Заде Э. Указ. соч. С. 18.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 65.

убедить доказательствами истинной пользы, другого, что капитан этого хочет и он, верно, узнает, отчего расстроилось; третьего, что уж все согласились, и неужели он один откажется быть в компании всех. Таким образом составилось. Зато после я уж слишком много был вознагражден, потому что всем понравилось, и все единодушно признали, чтобы следующую кампанию иметь чай общий»¹.

«Азов» вышел из Архангельска 27 июля 1826 года с отрядом судов². В состав отряда под командованием М.П. Лазарева входили также корабль «Иезекииль» и шлюп «Смирный». Для начала корабли выдержали сильный шторм у устья Северной Двины, где принимали грузы после прохода бара. При этом корабль «Иезекииль» не успел поднять гребные суда, потерял трех человек и шлюпку³. Далее Нахимов писал: «Под парусами ничего не случилось примечательного, кроме того, что мы потеряли грот-марса-рей и презабавно — в бом-брамсельный ветер, без волнения, днем; никто не знает истинной причины, я полагаю, что кто-нибудь прежде, поднимая марса-фал, надломил. Выхожу я с седьмого до первого [часа] на вахту сменить Шемана, спрашиваю, что сдачи? Он говорил, что шлюп отстает, и он по приказанию капитана взял первый риф. Марса-фал был не очень туго поднят, я спрашиваю: «Больше ничего?» В это время сломился грот-марса-рей. «А вот вам еще сдача», — отвечает он. Но это послужило на пользу нашей дурной команде. Ветер вдруг начал свежать и скоро вогнал во все рифы, так что развело порядочное волнение. Однако ж мы довольно скоро исправили свое повреждение. В Шкагерраке (Скагерраке. — Н. С.) прихватил нас крепкий NW, мы зашли в Винго, и я оттуда успел съездить в Готенбург, поступил не хуже чем в Лондоне, то есть издержал много денег. Не знаю, жалеть ли об них. Мне кажется, каждый морской офицер обязан поступать таким образом. Пробывши долгое время в море в беспрестанной деятельности, можно ли, ступивши на берег, отказать себе в чем-нибудь, что доставляет удовольствие. В Копенгагене за противным ветром простояли три дня. В Кронштадт пришли 19 сентября, застали эскадру на рейде и, простоявши с ней до 4 октября, втянулись в гавань, где у нас был государь. Корабль ему понравился. Он велел все строящиеся корабли отделявать по примеру «Азова». Вообще, кампания наша кончилась очень приятно, не было никаких неудовольствий, и офицеры между собой были очень согласны. Надо послушать, любезный Миша, как все относятся об капитане, как все его любят. Право, такого капитана русский флот не имел, и ты на будущий год без вся-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 65.

² Адмирал Нахимов: Материалы... С. 13.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 65.

ких отговорок изволь переходить в наш экипаж, и тогда с удовольствием моим ничто не в состоянии будет сравниться»¹.

Разумеется, служба под командованием Алазарева, трижды обошедшего вокруг света и умевшего превращать корабли в образцовые, послужила добрым примером для Нахимова. Но судьба не позволила ему часто встречаться с другом. Рейнеке надолго остался изучать воды и побережье Белого и Баренцева морей. Теперь уже Нахимов писал ему 25 января 1827 года из Кронштадта, где продолжались работы на «Азове»: «С семи утра до двух после полудня бываю каждый день в должности (я назначен при работах корабля, и, признаюсь, для меня это самое приятное время). В два обедаю, после обеда час положено отдохновению, а остальное время провожу за книгой, никуда не выхожу из дому»².

Нахимов писал, что живет в тех же двух комнатах, где расстался с Рейнеке, и оставил в кабинете без перемен все, что напоминало о нем. Кроме основных обязанностей, он оставался также ревизором за уехавшего в отпуск Ухтомского. Письмо лейтенант завершал обращением: «Прощай, помни, что ожидает ответа и более тебя преданный тебе друг Павел Нахимов»³.

Относительно спокойная служба в Кронштадте продолжалась недолго. На Средиземном море турецкие войска жестоко подавляли выступления греков за независимость. Восстание греков против порабощенных турок началось еще в 1821 году. В 1822 году Греция провозгласила независимость, греческие повстанцы в 1822—1823 годах нанесли несколько поражений туркам на суше и на море. В некоторых странах возникли общества для поддержки восставших. Однако правительства Англии, России, Франции и Австрии осудили освободительную войну греков, как восстание против законного сюзерена, и ограничивались лишь декларациями в пользу избиваемых православных подданных султана. Пользуясь невмешательством великих держав Европы, султан решил подавить восстание силами своих союзников. Летом 1824 года 17-тысячные войска Египта под предводительством Ибрагим-паши, пасынка египетского наместника, захватили Кандию (Крит), остров Псара. Зимой 1825 года египетские войска высадились в Морее, овладели Наварином и соседними крепостями, весной 1826 года взяли главный оплот восставших в западной Греции Миссолунги. В этот период Александр I безуспешно пытался «умиротворить Грецию», однако умер, не добившись цели. Николай I через месяц после вступления на престол заявил, что должен решить доставшееся ему восточное дело. В отли-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 66.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 66—67.

чие от брата он не собирался ограничиваться дипломатическими заявлениями. Заключив с Великобританией 25 марта (4 апреля) 1826 года Петербургский протокол «об умиротворении Греции», который предусматривал признание Греции независимым государством, лишь уплачивающим дань султану, Император потребовал от Турции обсуждения спорных вопросов Бухарестского договора 1812 года и возобновления русского судоходства в проливах. Этот демарш был поддержан выдвижением русских войск и флота к турецким границам. Под давлением турки согласились на переговоры. 25 сентября 1826 года Аккерманская русско-турецкая конвенция подтвердила границу по Дунаю, закрепила за Россией побережье Черного моря с городами Сухуми, Редут-Кале и Анакрія; Турция обещала не препятствовать русскому судоходству в своих водах, включая проливы. Однако в Греции Ибрагим-паша овладел большей частью Мореи и власть греческого правительства сохранилась лишь номинально¹.

Император Николай I принял решение направить эскадру для защиты православных подданных Турции. Однако при ближайшем рассмотрении в составе Балтийского флота оказалось немного кораблей, пригодных для дальнего плавания. Только после того, как в 1826 году практическая эскадра адмирала Р.В. Кроуна из новых кораблей прошла подготовку на Балтике, а отряд адмирала Ф.Ф. Беллингаузена совершил пробное плавание на Средиземное море, появилась возможность в 1827 году послать сильную эскадру к берегам Мореи, чтобы во взаимодействии с кораблями Англии и Франции добиться прекращения кровопролития в Греции.

Весной 1827 года по приказу Николая I на рейд Кронштадта вышли корабли практической эскадры известного флотоводца адмирала Д.Н. Сенявина. Младшими флагманами стали вице-адмирал Е.И. Лутухин и контр-адмирал А.П. Гейден. Одним из кораблей этой эскадры стал «Азов»². 21 мая корабль вывели на рейд Кронштадта и готовили к походу.

Николай I беспокоился о готовности эскадры. Он дважды посетил ее до конца мая, а 30 мая направил Д.Н. Сенявину письмо и инструкцию Министерства иностранных дел. Инструкция гласила: «Г. адмирал Сенявин, избранный высочайшей доверенностью к принятию главного начальства над эскадрой, отправляемой из Кронштадта, имеет следовать по данной ему уже инструкции в Портсмут. По прибытии в Англию и предварительном сношении с пребывающим в Лондоне послом кн.

¹ Андриенко В.Г. Указ. соч. С. 14—27.

² Там же. С. 64—66.

Ливеном г. адмирал Сенявин по воле Е.И.В. отделит от эскадры, ему вверенной, и по собственному его выбору 4 линейных корабля, 4 фрегата и 2 брига для составления эскадры под командой контр-адмирала гр. Гейдена.

Эскадре сей назначается идти в Средиземное море, но о времени отправления оной г. адмирал Сенявин ожидать будет извещения от посла кн. Ливена.

Назначение сей эскадры будет ныне иметь целью, во-первых, защиту и покровительство торговли и плавания российских купеческих судов в морях, окружающих берега Мореи и Малой Азии и острова Архипелагские, во-вторых, наблюдение строгого нейтралитета в войне, продолжающейся между турками и греками¹.

31 мая в предписании начальник Морского штаба А.В. Моллер уточнил, что в пути следовало совершенствовать боевую подготовку кораблей. Если бы в Портсмуте Сенявин не получил особых указаний, ему следовало идти в Брест и затем возвращаться в Кронштадт².

Вечером 8 июня Сенявин приказал приготовиться к походу, но приготовления продолжались и 9 июня. В ночь на 10 июня, наконец, Император прибыл на «Азов», после чего эскадра из восьми кораблей и пяти фрегатов снялась и отправилась за Красную Горку. Разделившись на два отряда, корабли провели учебный бой, продемонстрировавший плохую подготовку неспланной эскадры. Николай I наблюдал «сражение», превратившееся в свалку, с борта «Азова», после чего пересел на яхту и вернулся в столицу, а эскадра отправилась в предписанный путь³.

Несмотря на то что Нахимов находился на флагманском корабле и мог наблюдать как события на рейде, так и посещения Императора, вряд ли он знал, что предстоит русской эскадре. Как человек начитанный, лейтенант мог предполагать ее назначение, но действительные планы знали немногие.

С 13 по 17 июня эскадра простояла на Ревельском рейде. Сенявин организовал практические и тактические учения. Для подкрепления здоровья моряков с берега доставляли свежие мясо, зелень и чистую воду⁴. Это был пример отношения знаменитого адмирала к нуждам подчиненных и урок для будущего флотоводца Нахимова.

Присоединив бриг «Ахиллес», Сенявин продолжил плавание. В ночь на 29 июня моряки выдержали шторм у Готланда, 4 июля дошли до Борнхольма, 6 июля прибыли к Мэну, взяли лоцманов и прошли к

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 289—290.

² Андриенко В.Г. Указ. соч. С. 71—72; Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 293—294.

³ Андриенко В.Г. Указ. соч. С. 75—77.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 67—68.

Копенгагену. 10 июля присоединились корабль «Царь Константин» и два фрегата. Выступив 11 июля, эскадра преодолела встречные ветры и 22 июля вышла в Северное море, 26 июля приблизилась ко входу в Ла-Манш и 27 июля расположилась на Спитхэдском рейде Портсмута, где уже дожидался фрегат «Константин»¹.

Автор исторического журнала русской эскадры отмечал: «Во время плавания эскадры от Кронштадта до сего места все корабли и фрегаты соблюдали во всей точности места свои в ордерах, столь же верно ночью, как и днем, все движения и управления производились быстро и правильно, ордер или колонна похода никогда и ни в каком случае не нарушались...

Старейшие и опытейшие моряки Дании и Англии, посещавшие эскадру в Копенгагене и Портсмуте и видевшие ее в действиях, единодушно отзывались, что столь примерной и отличной эскадры они никогда видеть не ожидали...»²

О переходе от Кронштадта до Портсмута Нахимов позднее писал другу М.Ф. Рейнеке: «Ты, верно, на меня очень сердишься, любезный друг Михайло Францевич, что я, имея случай писать из Англии, не написал тебе. Но со мной так много случилось на этом переходе неприятного, что письмо мое ничем иначе не могло быть наполнено, как одними огорчениями, и потому я решился лучше не писать»³.

Самым большим огорчением, несомненно, явился приказ Д.Н. Сенявина, который шел на «Азове». Приказом этим лейтенант Нахимов и два других офицера были арестованы за чрезмерную жестокость к матросам⁴. Видимо, этот эпизод повлек за собой и наставление Д.Н. Сенявина Гейдену от 5 августа:

«...Весьма важным считаю обратить особое внимание в. с-ва на обхождение гг. командиров и офицеров с нижними чинами и служителями. Сделанные мною замечания на сей предмет показывают мне, что гг. офицеры имеют ложные правила о рассуждении соблюдения дисциплины своих подчиненных.

Нет сомнения, что строгость необходима в службе, но прежде всего должно научить людей, что им делать, а потом взыскивать с них и накладывать [взыскание] за упущение.

Надлежит различать упущение невольное от умышленного или пренебрегательного: первое требует иногда снисхождения, а второе немедленного взыскания без послабления.

¹ Андриенко В.Г. Указ. соч. С. 76—80.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 68.

³ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 29.

⁴ Бекир-Заде Э. Указ. соч. С. 62—63.

Никакие общие непослушания или беспорядки не могут произойти, если офицеры будут заниматься каждый своей командой.

По сему должно требовать от гг. офицеров, чтобы они чаще обращались со своими подчиненными, знали бы каждого из них и знали бы, что служба их не состоит только в том, чтобы командовать людьми во время работы, но что они должны входить и в частную жизнь их. Сии средством приобретут они к себе любовь и даже доверенность, будут известны и о их нуждах и отвлекут от них всякий ропот, донося о их надобностях капитану.

Начальник и офицеры должны уметь возбудить соревнование к усердной службе в своих подчиненных ободрением отличейших. Они должны знать дух русского матроса, которому иногда спасибо дороже всего.

Непристойные ругательства во время работ не должны выходить из уст офицеров, а неисправность и проступки матросов наказуются по установленной военной дисциплине...»¹

Несомненно, суть приказа была известна Нахимову. Гуманизм знаменитого флотоводца, героя побед на Черном и Средиземном морях, молодой моряк воспринял всей душой. Видимо, именно отсюда началось то отношение к нижним чинам, которое со временем вызвало всеобщую любовь матросов к Павлу Степановичу.

К этому времени политическая обстановка прояснилась. 24 июля представители Англии, Франции и России подписали Лондонский трактат. Он представлял собой соглашение трех стран восстановить Грецию как государство. На Средиземном море собрались эскадры с целью, избегая по возможности столкновения с турками, не допустить, чтобы те нападали на греков².

Еще ранее, 19 июля, Николай I подписал новую инструкцию, направленную прямо Гейдену. Инструкция, предусматривавшая активные действия Средиземноморской эскадры, предписывала: «Вследствие переговоров, продолжающихся с Англией и Францией, Россия в скором времени имеет заключить с сими державами трактат, предмет коего есть прекращение кровопролитной вражды, существующей между турками и греками, и восстановление в сих краях мира и спокойствия...»³ Император предполагал возможность при отказе Турции предоставить грекам автономию использовать силу, чтобы воспрепятствовать отправке турецких вооруженных сил против греческих повстанцев, и даже совместно с союзниками прибегнуть к блокаде Дарданелл. Гейдену сле-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 301—302.

² Адмирал Нахимов: Материалы... С. 31.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 296—297.

довало оказывать поддержку президенту Греции И. Каподистрии и сохранять мирные отношения с флотами других стран, в первую очередь Австрии¹.

Адмирал Д.Н. Сенявин узнал о заключении договора 29 июля от посланника России князя Х.А. Ливена, прибывшего в Портсмут на пароходе. Здесь же стало известно, что на основании договора русской эскадре следовало соединиться с английской эскадрой вице-адмирала Эдуарда Кодрингтона и французской контр-адмирала Анри де Риньи; каждый флагман вместо инструкции получил копию Лондонского трактата. Все эскадры должны были действовать согласованно под общим командованием старшего в чине. Таковым оказывался Кодрингтон. Тем самым инициативу действий уступали английскому флоту. Если бы турки отказались от переговоров с Грецией, следовало сблизиться с греками и принять меры, чтобы не допустить помощи турецким войскам на греческой земле из Турции или Египта, но избегать превращения блокады в войну. Предстояло выступать в роли примирителей, применяя силу лишь в случае, если турки попробуют воспрепятствовать действию союзников².

В Англии стояли недолго. Ливен торопил выступление, ибо срок посредничества трех держав истекал 20 августа — 1 сентября³. Со дня прибытия началась подготовка к походу на Средиземное море. 1 августа Д.Н. Сенявин отдал приказ о походе четырех кораблей, четырех фрегатов, корвета и двух бригов контр-адмирала Л.П. Гейдена на Средиземное море для скорейшего соединения с английской, французской эскадрами и противодействия высадке турецких войск в Море⁴. Для средиземноморской экспедиции отобрали лучшие корабли. В их число вошел и «Азов», на котором в ночь на 6 августа поднял флаг граф Гейден, а капитан 1-го ранга М.П. Лазарев стал также его начальником штаба. 8 августа после получения денег и инструкций эскадра отправилась в плавание, 24 августа прошла Гибралтар и 10 сентября прибыла в Палермо, где стояла 9 дней⁵.

Нахимов так писал об этом плавании в письме Рейнеке: «Ты можешь вообразить, каким нетерпением горели мы выйти скорее в море. Наконец, 8 августа снялись. Свежий попутный ветер нас подхватил; сколько возможно пользуясь им, в пять дней долетели до мыса С-т Винченца. Оставалось на одни сутки переходу до Гибралтара, уже начинали меч-

¹ Андриенко В.Г. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 85—88.

³ Там же. С. 99.

⁴ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 29.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 68—69.

тать, как скоро достигнем цели своих желаний. Но, как нарочно, штили и противные ветры продержали нас очень долго, не впуская в Средиземное море. 24 августа прошли Гибралтар. С сего числа ветер во все время нам не благоприятствовал и все переходы наши были весьма несчастливы. 10 сентября пришли в Палерму, простояли девять дней. Что сказать тебе о Палерме? Что я довольно весело провел время, осматривая все достойное замечания, но не нашел и половину того, что описывает и чем восхищается Броневский»¹.

Плавание это ознаменовал пример самопожертвования русского офицера. А.А. Домашенко, спутник Нахимова по плаванию на «Крейсере», в Англии по его просьбе был переведен на «Азов» и погиб на переходе к Сицилии, пытаясь спасти упавшего за борт матроса. Вот как в письме Рейнеке пишет Павел Степанович: «Был очень свежий ветер с дождем и жестокими порывами, волнение развело огромное. В один из таковых порывов крепили крюйсель. Матрос, бывший на штыкболте, поскользнулся и упал за борт. Домашенко в это время сидел в кают-компаний у окна и читал книгу, вдруг слышит голос за кормой, в ту же секунду кидается сам из окна за борт, хватает стул, прежде брошенный, плывет с ним к матросу и отдает ему оный, сам возле него держится без всего на воде. (Как жаль, что он не схватился вместо стула за бочонок, который тут же был брошен, тогда, может быть, они оба были спасены.) Все возможное было употреблено к спасению их; шлюпка хотя с большою опасностью, но весьма скоро была спущена и уже совсем подгрребала к ним, как в пяти сажнях от шлюпки пошли оба на дно. О, любезный друг, какой великодушный поступок! Какая готовность жертвовать собой для пользы ближнего! Жаль, очень жаль, ежели этот поступок не будет помещен в историю нашего флота, а бедная мать и родные не будут награждены, которые им только и держались»².

Не исключено, что для Домашенко образцом послужил пример Нахимова в ходе плавания «Крейсера». Во всяком случае, эпизод этот не был забыт. На деньги, собранные сослуживцами, в Кронштадтском саду Домашенко поставили памятник³.

Из Палермо эскадра зашла ненадолго в Мессину за депешами из России, но встречные ветры задержали на 3 дня. Нахимов воспользовался возможностью осмотреть город и разочарованно писал: «В Мессине надо восхищаться природой, больше ничего интересного я не нашел»⁴. Из этих строчек, как и предыдущих, ясно, что моряка интересовали

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 68—69.

² Там же. С. 69.

³ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 29.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 69.

не красоты природы, а то, что имело отношение к любимому им морскому делу.

Полученные в Мессине инструкции предписывали скорее соединиться с английской и французской эскадрами. Так как Гейден не знал, где они находятся, то направил фрегат «Константин» на Мальту узнать, не там ли английская эскадра, а сам 25 сентября выступил к острову Занте. 1 октября русские корабли встретились на меридиане острова Занте с английской эскадрой вице-адмирала Кодрингтона; на другой день присоединилась французская эскадра контр-адмирала де Риньи¹.

При встрече с другими флагманами Гейден узнал, что 4 (16) августа посланники трех союзных стран в Константинополе представили рейс-эфенди Высокой Порты декларацию держав о посредничестве, но Пертев-паша дважды отказался принять документ, заявив, что отношения с греками — внутреннее дело Турции. Ввиду отказа турок от переговоров по вопросу о судьбе греков, следовало прибегнуть к принудительным мерам против турок и египтян в Море, ибо временное правительство Греции на острове Поро (Порос) согласилось с условиями Лондонского трактата. Еще в сентябре английская и французская эскадры прибыли к Наварину².

Было известно, что турецко-египетский флот в составе 3 линейных кораблей, 18 фрегатов, 30 корветов, 19 бригов, 31 транспорта с войсками и провизией, 7 брандеров стоит в Наварине³. 13 (25) сентября вице-адмирал Кодрингтон потребовал от Ибрагим-паши, сына египетского главнокомандующего сухопутными и морскими силами, оставить Наварин и вернуться в Александрию, угрожая неприязненными действиями. Ибрагим-паша обещал послать бриг за указаниями в Константинополь, а до получения инструкций не высаживать войск на берег и не высылать суда в море. Однако стоило Кодрингтону уйти к Занте для пополнения запасов воды, а французской эскадре к Милосу, как Ибрагим-паша выступил с флотом к занятому турками Патрасу. Узнавший об этом от своих крейсеров Кодрингтон выступил немедленно и заставил египтян вернуться в Наварин 22 сентября. Только в октябре русская и французская эскадры усилили Кодрингтона, который с единственным кораблем «Азия» и несколькими меньшими судами блокировал турок⁴.

Так как Ибрагим-паша высаживал войска на берег и истреблял в окрестностях Наварина плодовые растения, английский флагман собрал

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 70—71.

² Андриченко В.Г. Указ. соч. С. 98—100.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 70.

⁴ Андриченко В.Г. Указ. соч. С. 101—102.

на своем корабле совещание с русскими и французами. Блокада в зимнее время могла не дать результата, и было принято решение: ввести корабли союзных эскадр на рейд Наварина и заставить Ибрагим-пашу подчиниться¹.

5 октября союзники сделали последнюю попытку решить дело миром и направили совместное обращение, в котором объявляли, что введут свои корабли в Наварин, чтобы воспрепятствовать турецко-египетским силам распространять агрессию против берегов Мореи и островов Архипелага. Однако письмо, направленное Ибрагим-паше, вернулось нераспечатанным. Ввиду этого последовало окончательное решение вступить в бухту и встать борт о борт с турецко-египетскими кораблями. При этом союзники договорились уничтожить неприятельский флот, если по союзным кораблям сделают хотя бы один выстрел².

Здесь собрались достаточные силы. Английская эскадра состояла из трех линейных кораблей, четырех фрегатов, четырех шлюпов и катера; французская — из трех линейных кораблей, двух фрегатов, брига и шхуны; российская эскадра включала четыре корабля, четыре фрегата и корвет³.

Турецко-египетские силы в течение нескольких дней развернулись вдоль берега подковой, правый фланг которой опирался на батареи острова Сфактерия, а левый — на Наваринскую крепость. Береговая и корабельная артиллерия могла обеспечить перекрестный обстрел вступающих на рейд кораблей⁴.

6 октября союзники подписали протокол о входе союзного флота в бухту. Кодрингтон, как старший, 7 октября отдал приказ соединенному флоту:

«Правила, коими должен руководствоваться соединенный флот при входе в Наварин.

Известно, что те из египетских кораблей, на коих находятся французские офицеры, стоят более на SO, а потому желание мое есть, чтобы е. пр-во контр-адмирал и кавалер Риньи поставил эскадру свою противу их кораблей, и как следующий к ним есть линейный корабль с флагом на грот-брам-стеннге, то я со своим кораблем «Азия» намерен остановиться против него с кораблями «Генуя» и «Альбион». Касательно же российской эскадры, то мне бы желательно было, чтобы контр-адмирал гр. Гейден поставил оную последовательно близ английских кораблей. Российские же фрегаты, в таком случае, могут занять

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 70.

² Андриенко В.Г. Указ. соч. С. 106—108.

³ Там же. С. 120; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 75.

⁴ Андриенко В.Г. Указ. соч. С. 122.

турецкие суда вслед за сим; оставшиеся английские фрегаты займут те из турецких судов, которые будут находиться на западной стороне гавани в противоположении английским кораблям, а французские фрегаты займут те из турецких фрегатов и прочих судов, которые находятся будут против французских кораблей.

Ежели время позволит, прежде нежели какие-либо неприятельские действия будут сделаны со стороны турецкого флота, судам встать фертоинг с шпрингами, привязанными к рыму каждого якоря. Ни одной пушки не должно быть выпалено с соединенного флота прежде, нежели будет на то сигнал. Разве только в таком случае, если откроют огонь с турецкого флота, в таком случае те из турецких судов должны быть истреблены немедленно.

Корветы и бриги находятся под командою капитана Фелос, командира фрегата «Дартмут», для отводу брандеров на такое расстояние, чтобы они не могли вредить какому-либо из судов соединенного флота.

В случае же настоящего сражения и могущего случиться какого беспорядка советую привести себе на память слова Нельсона: «Чем ближе к неприятелю, тем лучше»¹.

Очевидно, Кодрингтон, знавший силы и расположение противника, рассчитывал и на сей раз обойтись без выстрелов, однако приготовился к решительному сражению. Сам он возглавил наветренную англо-французскую колонну, тогда как подветренную составили русские корабли. 8 октября в 13.00 вице-адмирал поднял сигнал начать движение. Перед входом в гавань турецкий офицер привез запрещение входить в Наварин. В ответ Кодрингтон заявил, что пришел не получать, а отдавать приказы и что после вероломного нарушения Ибрагим-пашой слова он истребит весь флот, если по союзникам будет сделан хотя бы один выстрел².

Шаг, предпринятый союзниками, оказался довольно рискованным. Нахимов отмечал в письме, что по сторонам входа шириной менее мили располагались крепости с 125 пушками, из которых 30 могли стрелять внутрь гавани, а остальные — по входу. Пройдя эти укрепления, нападавший встречал построенные полумесяцем неприятельские корабли с более многочисленной артиллерией, чем у союзников. Тем не менее, двумя колоннами союзники направились на рейд Наварина. Англичане заняли свои места в бухте около 14.25 без выстрела, но попытка шлюпки с «Дартмута» отвести в безопасное место турецкий брандер вызвала перестрелку, перешедшую в общее сражение. Шедшая вслед за союз-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 71—72.

² Там же. С. 72.

никами русская эскадра из кораблей «Азов», «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» вступала в Наварин под обстрелом батарей и кораблей¹.

Из-за задержки «Гангута» «Азову» пришлось более часа вести бой против шести неприятельских кораблей. Представление о сражении можно получить из описания, которое поместил Павел Нахимов в письме Рейнеке. Молодой моряк писал: «О, любезный друг! Казалось, весь ад разверзся перед нами! Не было места, куда бы ни сыпались кнители, ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били все в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться истинно с особенным мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль правого нашего борта (в чем нам отдают справедливость наши союзники). Когда же «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» заняли свои места, тогда нам сделалось несравненно легче. Вскоре после сего пришел еще французский корабль «Бреславль», не нашедший в своей линии места, стал на якорь у нас за кормой и занял линейный корабль, совершенно уже обитый нами. Тогда, повернувшись всем лагом к фрегатам, мы очень скоро их разбили. Они обрубили канаты, и их потащило к берегу, но вскоре один из них загорелся и был взорван на воздух, другой, будучи в совершенно обитом состоянии, приткнулся к мели и ночью турками сожжен. «Бреславль» также очень скоро заставил замолчать своего обитого противника (действия нашего корабля можно применить и ко всем другим судам соединенного флота с большею и меньшею разностью).

В 6 часов кончилось сражение совершенным истреблением всего турецкого и египетского флота. В продолжение сражения взорвано на воздух до 15 судов, не включая 7 брандеров. И я не понимаю, как ни одно судно из соединенного флота не сгорело во время сражения. До 6 судов было взято в плен. Остальные, будучи совершенно избиты, все рубили канаты, кидались на берег и там в продолжение ночи и следующего дня себя сжигали»².

Турки жгли оставшиеся корабли, пока не получили уверение Кодрингтона, что в его задачу не входит уничтожение или пленение уцелевших судов.

Ночь не принесла спокойствия. Неприятельское судно направлялось к «Азову», чтобы сцепиться с ним и поджечь. На корабле не оказалось ни одной целой шлюпки, чтобы отбуксировать брандер. Но тот,

¹ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 33—34.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 73—74.

к счастью, прошел мимо и сцепился с «Гангутом», моряки которого взяли на abordаж брандер и истребили противника, не позволив зажечь судно¹.

В бою союзники потеряли 657 человек, в том числе 180 убитыми. Больше всего людей лишился «Азов» (27 убитых и 67 раненых). Турецкие потери достигали 5 тысяч человек².

После сражения Кодрингтон отдал по эскадре приказ:

«Прежде нежели соединенная эскадра оставит место, ознаменованное ею столь решительной победой, главнокомандующий поставил себе приятною обязанностью изъяснить всем гг. офицерам и нижним чинам, на эскадрах сих находящимся, высокое свое понятие о чрезвычайной храбрости и деятельности их, очевидцем коих он был 8 октября. Он совершенно уверен, что ни в каком флоте, принадлежащем даже одной и той же нации, не могло быть оказано более единодушия в действии, как то ознаменовано было на эскадрах трех наших союзных держав в сем кровопролитном и гибельном для неприятеля сражении. Он в особенности приписывает сие славным подвигам своих сподвижников, господ контр-адмиралов, подвиги которых послужили примером многим кораблям их к столь скорому и искреннему вспоможению, доставленного от одного другому, в самом жару и смятении сражения. Таковое единодушие к общей цели, таковое хладнокровие и храбрость среди сильного огня и столь примерная точность в действии орудиями была следствием одержанной победы над благоразумно приуготовленным в превосходнейшей силе неприятелем и кончилось тем, что турецкий и египетский флоты получили должное наказание за неисполнение данного ими обещания.

Надменный Ибрагим-паша обещался не оставлять Наварин и не препятствовать действиям союзного флота, но бесчестно изменил данному им слову. Союзные же начальники дали обещание истребить турецкий и египетский флоты, ежели хоть один выстрел будет сделан по которому-либо из их флотов, и с помощью храбрых тех людей, коими счастье они имели командовать, в полной мере исполнили обещание свое. Из 60 военных судов, флот их составляющих, остался один только фрегат и до 15 мелких судов и те в таком положении, что едва ли когда в состоянии будут вступить под паруса.

Таковая победа не может быть одержана без пожертвования жизнью многих людей и главнокомандующий в полной мере соболезнует о потерях некоторых из лучших и храбрейших воинов, флот наш состав-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 74.

² Там же. С. 74—75.

ляющих. Одно лишь утешение находит он в том, что они пали, исполняя долг свой в избавлении страждущего человечества.

Главкомандующий изъявляет искреннюю свою признательность высоким своим сподвижникам господам контр-адмиралам за благодарное и отличное управление своими эскадрами, а также капитанам, офицерам и нижним чинам за точное исполнение возложенных на них обязанностей и мужество, с которым истребили они своих противников»¹.

Павел Нахимов командовал батареей на баке «Азова». Из 34 его подчиненных 6 были убиты и 17 ранены; сам лейтенант по счастливой случайности не пострадал².

Нахимов писал Рейнеке о состоянии «Азова» после боя: «Корабли наши очень много потеряли, особенно наш. Нам надобно все новые мачты, стеньги, нижние реи, надобно переменить многие перебитые бимсы, кницы, заделать пробоины и прочее. Надобно почти весь новый стоячий такелаж, многие нижние ванты и штаги перебиты даже в нескольких местах. Ты посмотрел бы, любезный Миша, какая у нас была работа в продолжение пяти дней, которые мы оставались в Наваринской гавани. Нужно было все мачты, нижние реи укреплять шкалами, переменить стеньги, паруса, исправлять такелаж, заделывать пробоины, многие перебитые борта заделывать вовсе и тому подобное, но при всем том наши мачты были так худы, что брам-стенег мы не смели поднять. На переходе нашем на Мальту ничего интересного с нами не случилось, кроме, что в один довольно сильный шквал мы потеряли наш подбитый грота-рей и подняли вместо стеньги брам-стенгу и вместо грота-рея марса-рей и под таким вооружением доплелись к 27 октября в Мальту, где уже нашли английского адмирала со своей эскадрой. Теперь стоим спокойно здесь, исправляем понемногу повреждения и ожидаем дальнейших приказаний»³.

Нахимов жалел, что Рейнеке не стал участником победы, и сокрушался: «Зачем судьба играет нами так своенравно, что мы при сильном желании быть вместе бываем всегда разлучены»⁴.

За сражение Л.П. Гейден представил Нахимова к награждению следующим чином и орденом Св. Георгия IV класса; он писал в представлении о Нахимове: «Находился при управлении парусов и командовал орудиями на баке, действовал с отличною храбростию и был причиною двухкратного потушения пожара, начавшегося было от попавших в ко-

¹ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 37—38.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 76.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 77.

рабль брандскугелей...» Николай I поставил резолюцию: «Дать». 14 декабря П.С. Нахимов произвели в капитан-лейтенанты, а 16 декабря удостоили орденом Св. Георгия IV степени¹.

В письме М.Ф. Рейнеке Нахимов тщательно изложил обстоятельства Наваринского сражения. Этот факт свидетельствует как о его интересе к вопросу, так и об осведомленности. Очевидно, между Нахимовым и Лазаревым существовали достаточно доверительные отношения, позволявшие лейтенанту пользоваться документами штаба Гейдена. Отсюда, с изучения и анализа сражения, началась выработка будущего флотоводца. Однако сначала ему предстояло освоить предшествующий этап.

Новый чин открывал офицеру путь к командованию судами. Вскоре Нахимову предстояло стать тем, кого на корабле считали вторым после Бога.

На капитанском мостике

С 27 октября 1827 года по 4 апреля 1828 года «Азов» оставался на Мальте, затем до 27 июля Нахимов ходил на корабле по Средиземному и Эгейскому морям². Началась Русско-турецкая война 1828—1829 годов. Корабль «Иезекииль» 21 апреля 1828 года взял турецкий корвет «Нассаби сабах» («Восточная звезда»), направлявшийся с больными и ранеными турками и 11 греческими детьми из Корона в Александрию. Командир корабля, отправив большинство турок на берег, послал корвет на остров Эгина. Рапортовавший об этом 17 мая 1828 года Гейден считал, что ввиду известий о переходе русских войск через Прут имеет право задержать корвет, сдав оставшихся на нем турок грекам для обмена на пленных. 7 августа Николай I утвердил захват корвета, указал переименовать его в «Наварин» и причислить к Балтийскому флоту³.

Не получив еще этой резолюции, Гейден рапортовал о том, что трофейный корвет «Восточная звезда», построенный из дуба с медными креплениями, вооруженный 16 18-фунтовыми каронадами и 4 12-фунтовыми пушками английского литья, способен прослужить 25 лет, и направил его для ремонта на Мальту. Командиром вице-адмирал назначил капитан-лейтенанта Нахимова, «как такого офицера, который по известному мне усердию и способности к морской службе вскоре доведет оный до лучшего военного порядка и сделает его, так сказать,

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 79.

² Там же. С. 4—5.

³ Там же. С. 87.

украшением вверенной мне эскадры». Император 5 сентября утвердил назначение Нахимова и название корвета «Наварин»¹.

Ранее комиссия, направленная Гейденом на корвет, обнаружила в трюмах страшную грязь и скопление мышей, летучих тараканов и прочей живности. Первый русский экипаж во главе с лейтенантом Бодиско и члены комиссии оказались на карантинном положении во избежание распространения заразы².

Любопытно, что руководителем комиссии и временным командиром «Наварина» оказался тот самый капитан-лейтенант И.И. Кадьян, от которого Лазарев освободился в ходе плавания «Крейсера». Так как его отношение к команде не раз вызывало возмущение экипажа, командованию пришлось назначить жестокосердного моряка историографом эскадры, чтобы исключить его столкновения с матросами. Только на время капитан-лейтенанту поручили ответственное и опасное командование.

О том, в каком состоянии русские моряки нашли корвет, сам Кадьян писал в историческом журнале эскадры:

«Комиссии до рассортировки всех вещей и материалов, очистки корвета от груза и выкурки египетских гадов предписано быть на карантинном постановлении. Благоразумная мера необходимости, ибо там, где находилось более 600 человек, и кои собрали после убитых и умерших все то, что без разбору собрать могли, там, где для стоку нечистоты в трюм сделаны были нарочитые в палубе отверстия — там, среди неслыханной нечистоты витали неимоверные сонмы гадов, там нетрудно было заключить, что в вещах, особенно в трюме находящихся, кроется та ужасная тлетворная сила яда, обычная измаилинам, и от коего среди ужаснейших мук погибло бесчисленное множество несчастных жертв, а потому всякое сей комиссии сообщение с эскадрою и берегом строго запрещено»³.

Комиссия начала работу 20 мая. Корвет поставили у островка Порос, где турки освобождали корабль от всего лишнего и сжигали зараженное. 3 июня над корветом подняли русский флаг, гюйс и вымпел. После возвращения на борт окуренных и очищенных водой вещей корвет отправился с кораблем «Александр Невский» из Пороса на Мальту⁴. Работы на корвете начали еще в июле. Требовалось переоборудовать судно по русским требованиям, очистить его от грязи, укомплектовать личным составом. Первоначально занимался этим Кадьян, пока не получил повеление Гейдена: «По прибытии капитан-лейтенанта На-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 88.

² Там же. С. 89.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 89—90.

химова благоволите, в. в. б-ие, корвет «Восточная звезда» со всеми находящимися на оном материалами сдать на законном основании капитан-лейтенанту Нахимову и по смене за общим подписанием мне рапортовать, а сами имеете на корвете «Гремящем» возвратиться и вступить в прежнюю должность историографа»¹.

15 августа Нахимов принял корвет. 7 ноября Император утвердил назначение Нахимова и переименование корвета². В ноябре Нахимов, как и командиры других стоявших на ремонте судов, получил приказ поторопиться и по готовности следовать в порт Порос в Архипелаге. Именно туда перешла эскадра Гейдена, которая в ноябре перебазировалась с Мальты для блокады Дарданелл. 23 февраля 1829 года прибыл и преобращенный «Наварин». Вот что свидетельствует исторический журнал русской эскадры:

«23-го числа прибыл на сей рейд переделанный и перевооруженный у турок в ужаснейшей степени отвратительной нечистоты и беспорядка содержимый корвет «Наварин», ныне могущий быть образцовым в каждом лучшем европейском флоте, и е. с-во по осмотре одного отдал по эскадре следующий приказ: «Осмотрев сего числа прибывший из Мальты под командой 23-го флотского экипажа капитан-лейтенанта Нахимова корвет «Наварин» и найдя оный достойным для продолжения службы е.и.в. по всем частям в отличном и примерном состоянии, долгом моим поставляю за все сие объявить ему, г. Нахимову, пред лицом вверенной мне эскадры совершенную мою благодарность. Нижним же чинам, на сем корвете находящимся, за понесенные ими труды жалую не в зачет по чарке вина или джину со запискою отпущенного количества в расход»³.

Итак, стараниями Нахимова и команды «Наварин» был превращен в образцовый. Здесь моряк получил опыт кораблестроения, так пригодившийся ему при дальнейшем командовании кораблями.

А.П. Рыкачев вспоминал:

«Вскоре после сражения я видел Нахимова командиром призового корвета «Наварин», вооруженного им в Мальте со всевозможного морскою роскошью и щегольством на удивление англичан, знатоков морского дела. В глазах наших, тогда его сослуживцев, он был труженик неутомимый. Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служил 24 часа в сутки. Никогда товарищи не упрекали его в желании выслужиться тем, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчиненные его всегда видели, что он работает более их, а по-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 90.

² Там же. С. 5, 87—88, 90.

³ Там же. С. 90.

тому исполняли тяжелую работу без ропота и с уверенностью, что все, что следует им или в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто»¹.

8 апреля 1829 года, преследуя цель блокировать Дарданеллы, Гейден выступил в море и вернулся 1 мая. С эскадрой шел и «Наварин». В июне флагман вновь вывел с Пороса корабли для блокады Дарданелл и Смирны, чтобы не пропустить туда конвой, который, по слухам, готовили в Александрии. Эскадра из кораблей «Азов», «Иезекииль», «Князь Владимир», фрегатов «Ольга», «Александра» и корвета «Наварин» вышла в район между материком и островами Архипелага; здесь к ней должен был присоединиться с кораблями «Фершампенуаз», «Великий князь Михаил», «Александр Невский», фрегатом «Княгиня Лович» и бригам «Охта» контр-адмирал П.И. Рикорд, оставив корабль «Царь Константин», фрегат «Мария» и бриг «Телемак» для блокады Дарданелл. В этом месте русские корабли могли перехватить конвой и истребить, не позволив спастись в Смирнском заливе или проливе. Пользуясь хорошими ветрами, моряки занимались учениями, заслужив благодарность адмирала. Гейден послал на разведку «Наварин». Моряки корвета, подходя под самые крепости и гавани Родоса, судов не обнаружили. Нахимов прибыл с известием, что моряки с перехваченных лодок не слышали о подготовке конvoja в Александрии. 29 июня корвет направился с эскадрой в Порос, а затем в Наполи-ди-Романья по делам Греции².

Тем временем англо-русские отношения испортились. Командующий английской эскадрой в Средиземном море Малькольм получил приказ не допустить приближения русских кораблей к Дарданеллам, ибо русские войска успешно продвигались к турецкой столице. Англичане опасались чрезмерного усиления России на Балканах в случае победы в войне с Турцией и взятия Константинополя. Гейден же, кончив дела в Греции, с эскадрой из кораблей «Азов», «Князь Владимир», «Иезекииль», фрегата «Княгиня Лович», корвета «Наварин» и брига «Ахиллес» поспешил к Дарданеллам. 2 сентября эскадра заняла позицию у входа в пролив, несмотря на угрозу британской блокады. В тот же день Гейден послал «Наварин» к Эносу, чтобы известить Дибича-Забалканского о прибытии кораблей. Он готовился взаимодействовать с армией при захвате проливов. Однако 5 сентября «Наварин» доставил известие о том, что 2 сентября подписан Андрианопольский мир, завершивший войну³.

Приказом от 17 сентября 1829 года граф Гейден разделил эскадру на две дивизии. Одна из них, в составе которой состоял «Наварин»,

¹ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 201.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 90—91.

³ Там же. С. 91—92.

под флагом контр-адмирала М.П. Лазарева должна была вернуться в Россию. Эскадра оставалась в Эгейском море, изредка покидая порт. 17 января 1830 года пять кораблей, три фрегата, корвет «Наварин» и бриг «Усердие» эскадры Лазарева вышли в море, 30 января прибыли на Мальту, после карантина вступили на рейд 13 февраля, 14 марта направились в Россию и 13 мая достигли Кронштадта. Вновь корвет посылали вперед, чтобы узнать, нет ли судов в Кронштадте и появился ли лед. Нахимов успешно выполнил поручение, доложив об обнаруженном на востоке ледовом покрове¹.

Плавание оказалось во всех отношениях хорошей школой для Нахимова. Имея перед глазами как пример Лазарева и Гейдена, самостоятельно командуя судном, моряк обрел необходимый опыт. Контр-адмирал Лазарев 20 июня 1830 года охарактеризовал Нахимова как отличного и совершенно знающего свое дело морского капитана. Капитан-лейтенант прекрасно изучил свой корвет; по его предложению в сентябре 1830 года «Наварин» поставили на ремонт и переоборудование, в ходе которого корпус обшили медью, укрепили ридерсами и применили другие усовершенствования².

Старательность и умение молодого командира заметили. 1 июня 1830 года он был удостоен ордена Св. Анны II степени, 28 июня — высочайшего благоволения за примерное устройство «Наварина». 30 августа после посещения Императором судна последовало еще два благоволения: за общий порядок на корвете и за опрятность в одежде и подготовку экипажа. От благодарных греков за участие в истреблении турецкого флота при Наварине Нахимов в 1835 году получил орден Св. Спасителя³.

После ремонта «Наварин» 12 мая — 12 июля 1831 года занимал пост карантинной брандвахты на Кронштадтском рейде; с 12 июля по 9 сентября корвет ходил до Готланда и обратно, конвоировал прусские торговые суда в Либаву для эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Беллингаузена и 8 октября вернулся в гавань⁴. Сам Нахимов сообщал Рейнеке в письме от 5 ноября 1831 года, что из-за неважного материального положения в отпуск не ездил и даже не мог в период эпидемии холеры получить известий из деревни⁵. Моряк отмечал: «Я время провожу весьма скучно, и к тому же горло и грудь разболелись жестоко, так что три недели не выхожу из дому...»⁶

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 92—93.

² Там же. С. 93—94.

³ Там же. С. 11, 13, 15.

⁴ Там же. С. 5, 94, 98.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Там же. С. 97.

Не был он доволен и службой, в черных тонах описывая кампанию 1830 года: «На четвертый день по выходе из доку вышел на рейд с неполной командой, без камбуза, парусов и прочего. Простоял на рейде полтора месяца без дела, и потом, когда открылась в Петербурге холера, вынужден был занять пост карантинной брандвахты по северо-восточную сторону военного угла для предохранения Кронштадта от оной. До шестисот судов стояло в карантине, можешь вообразить себе, каково мне было возиться с людьми, не имеющими ни малейшего понятия, что такое карантин. У меня было из 160 человек команды 40 человек холерных. 11 из них умерло. Таким образом провел я еще полтора месяца. После сего послали меня отвести в Либаву конвой с провизией к эскадре. По возвращении моем простоял недели три на рейде и вернулся в гавань. Так кончил я свой скучный поход»¹. Не вызывало энтузиазма и известие о назначении с экипажем на зиму в Копорье². Видимо, под влиянием этой тоскливой жизни капитан-лейтенант писал другу: «Насчет слухов назначения моего на новостроящийся фрегат в Архангельск — несправедливо. По истине, я сим весьма доволен. Есть ли уж ты признаешься, что изленился, то совестно б было мне не сознаться, что я, по крайней мере, вдвое тебя ленивее, и очень рад, что судьба оставила меня в покое нынешний год»³.

Но из того же письма видно, что все, относящееся до морского дела, продолжало интересовать Нахимова. Он знает в подробностях о несчастьях с кораблями Балтийского флота, успел ознакомиться с построенными на Охте бригом, тендером и шхуной, высказал критические замечания по поводу приобретенного в США корвета «Князь Варшавский»⁴. В ведомости плавания судов Балтийского моря в кампанию 1831 года капитан над Кронштадтским портом контр-адмирал П.И. Сушков отмечал, имея в виду «Наварин»: «Корвет на волнении весьма покоен, лучший ход его пред прочими замечен в бейдевинд и, вообще, в качестве военного судна очень хорош...»⁵ Можно полагать, что хорошим состоянием судна и подготовкой команды можно объяснить тот факт, что в дни шторма, когда многие корабли и суда пострадали и лишились гребных судов, «Наварин», как скромно писал Нахимов, «благодаря судьбе, отстоялся на одном якоре и не-вредим»⁶.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 95.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Там же. С. 96.

27 января 1832 года в приказе и. о. начальника Главного морского штаба генерал-майора В.А. Перовского Нахимову было объявлено высочайшее благоволение «за отличное усердие» по прекращению холеры в Кронштадте¹.

Старательностью, умением и другими качествами Нахимов настолько выделялся в массе флотских офицеров, что Император решил именно ему поручить особое задание — наблюдение за постройкой образцового фрегата.

Командир образцового фрегата

Спокойная служба не удовлетворяла моряка, и он был рад, получив новое назначение. 31 декабря 1831 года приказом начальника Морского штаба вице-адмирала А.С. Меншикова П.С. Нахимов определили командиром фрегата «Паллада» с переводом в 4-й флотский экипаж². Очевидно, при назначении учли рвение моряка к совершенствованию корвета.

Кораблестроитель полковник В.Ф. Стоке заложил «Палладу» 2 ноября 1831 года на Охтенской верфи Санкт-Петербурга. Фрегат строили по доработанным чертежам английского 52-пушечного фрегата «Президент». Хотя его и отнесли к фрегатам 44-пушечного ранга, но размеры соответствовали фрегату 60-пушечному³.

«Паллада» имела особое назначение. Николай I хотел иметь образцовый фрегат. 15 апреля 1832 года он указал морскому министру строить судно с использованием усовершенствований, разработанных Комитетом по улучшению флота, в котором активно участвовал Лазарев М.П. Кораблестроитель 5-го класса И.А. Амосов, руководивший Охтенской верфью, в предписании Кораблестроительного и учетного комитета Нахимову поручал тому немедленно доставить ведомость о потребных для фрегата вещах, которые предстояло делать при Кронштадтском порте. Он писал: «Государю Императору угодно, чтобы фрегат «Паллада» отделан был с особым тщанием и с применением способов для удобнейшего и чистейшего вооружения онного...»⁴

Уже 20 мая капитан-лейтенант подготовил и представил в Кораблестроительный и учетный комитет требуемую ведомость. 27 мая комитет запросил от Нахимова некоторые уточнения по ведомости и потре-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 15, 99.

² Там же. С. 99.

³ Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. Т. I. С. 252.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 99—100.

бывал объяснить, почему некоторые предметы, которые следовало делать в Кронштадте, заказаны на других заводах. 31 мая тот дал исчерпывающий ответ. В частности, оказалось, что некоторые изделия были заказаны или уже изготавливали до предписания комитета¹. 1 сентября 1832 года Нахимов рапортовал в Инспекторский департамент Главного морского штаба о спуске «Паллады»².

На торжественной церемонии спуска среди массы народа присутствовал А.С. Пушкин, и Нахимов позднее сокрушался, что упустил возможность открыть журнал судна подписью поэта.

28 сентября Нахимову было объявлено Монаршее благоволение за успешную постройку и спуск фрегата³.

В ходе дальнейшего оснащения судна моряк предлагал усовершенствования. 23 декабря 1832 года он рапортовал в Кораблестроительный департамент: «По новому штату, составленному в комиссии под председательством контр-адмирала Лазарева, положено для такового ранга фрегата, как «Паллада», иметь 8 гребных судов, почему и прошу покорнейше Кораблестроительный департамент морского министерства приказать построить недостающий к вышеписанному числу полубарказ длиною 32 фута, который с большою удобностию будет служить к сбережению самого барказа, ибо, не имея оного, за всякою незначущую тяжестью должно посылать барказ, отчего онный весьма скоро приходит в негодность»⁴.

В марте 1833 года Артиллерийский департамент рассматривал предложение капитан-лейтенанта изготовить для ретирадных и погонных 24-фунтовых пушек станки не типа Маршала, которые предписал Император, а станки по английским чертежам, более удобные для передвижения по палубе. Начальник Главного морского штаба одобрил это предложение, и станки заказали на Ижорском заводе⁵.

4 мая Нахимов вновь рапортует в Кораблестроительный департамент: «Вверенный мне фрегат наименован 44-пушечным, но настоящие оного размерения есть 60-пушечного, ибо он 16 футами длиннее сего ранга фрегатов и 5 футами только короче 74-пушечных архангельских кораблей. Почему я счел обязанностию довести до сведения Кораблестроительного департамента и покорнейше просить все снабжение оного приказать сделать согласно 60-пушечному фрегату, особенно красками, коих, конечно, недостаточно будет для окрашения фрегата, если

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 99—104.

² Там же. С. 104—105.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 105—106.

оных столько же отпустится, сколько и на обыкновенный 44-пушечный фрегат»¹.

7 мая капитан-лейтенант запрашивал у генерал-интенданта флота контр-адмирала М.Н. Васильева чертежи фрегата, без которых не мог правильно распределить его нагрузку, и просил руль фрегата скорее доставить в Кронштадт, чтобы при обивке судна медью в доке можно было исправить недостатки крепления руля к ахтерштевню². В рапорте 9 мая он доказывал нецелесообразность повторных испытаний фрегата:

«Перед спуском фрегат «Паллада» был испробован водой, дабы усмотреть заблаговременно, есть ли какие недостатки, коих оказалось весьма мало и в то же время были исправлены.

Будучи свидетелем при сем испытании, я уверен, что фрегат не может иметь течи, и потому прошу покорнейше в. пр-во приказать не делать вторичного опыта в Кронштадте, ибо от сего вся внутренняя отделка фрегата непременно повредится, в особенности крюйт-камеры, кои оштукатурены и для сего предмета специально были высушены. В брот-камере нет никакой возможности делать сего испытания, не отодрав прежде листового железа, коим она обита. Не определяя, сколько остальная отделка фрегата пострадает, скажу утвердительно, что вышеупомянутые места будут совершенно испорчены, если проведут вторичный опыт пробования водой»³.

6 августа Нахимов рапортовал в Кораблестроительный департамент о ходе оборудования фрегата. Большинство запланированного было исполнено. Однако моряк отмечал и недочеты. В частности, фрегат снабдили старым и частично плохим абордажным оружием. Не все изготовленные для фрегата предметы оказались хорошего качества⁴. Командир настойчиво добивался устранения недостатков.

Один из балтийских моряков позднее вспоминал: «Нахимов был тонкий мастер морского дела. Фрегат «Паллада» был им принят, когда он находился еще на стапеле, и он привел его в такой порядок, что сделал образцовым судном... как по его внутреннему благоустройству, так и порядку, в каком он воспитал свою команду относительно чистоты и проворного исполнения морских маневров. Множество специалистов, своих и иностранных, являлись к нему любопытными зрителями и просили позволения осматривать это образцовое судно»⁵.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 108—112.

⁵ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 32.

В мае 1833 года фрегат вступил в строй и был доставлен на камелях из Невы в Кронштадт. Летом того же года, с 24 июля по 11 октября, «Паллада» находилась в крейсерстве на Балтийском море в составе эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена (2-й флотской дивизии) в районе Гангута¹.

Вновь Нахимов отличился. Ночью на 17 августа, в плохую видимость, моряк сумел заметить Дагерортский маяк и дать ночной сигнал адмиралу, что эскадра идет к опасности². Впереди были камни. Первый раз на флагманском корабле сигнал заметили, но из-за дождя и большого волнения не разобрали. Нахимов, видя, что гибель эскадры неминуема, вывел фрегат из строя и повторил сигнал, но вновь безуспешно. Тогда он сделал два пушечных выстрела и зажег фальшфейер. На сей раз сигнал поняли. Беллинсгаузен приказал изменить курс. Но было уже поздно: головной корабль «Арсис» выскочил на камни. Об опасности, которой избежали остальные, свидетельствует выписка из флагманского журнала, который в кампанию вели на борту корабля «Император Александр I»: «Ветр риф-марсельный, самый крепкий, с порывами, облачно и по горизонту пасмурность. В начале 5-го часа по рассвете и по прочищении пасмурности увидели на R NW в северных шхерах стоящий на мели корабль, с которого делано было несколько пушечных выстрелов, но по причине дальнего расстояния имя оно корабля нам было неизвестно. Вскоре после увидели мы, что стоящий на мели корабль срубил мачты»³.

Это был «Арсис». Построенный в 1828 году, он из-за ошибки в счислении попал на камни в шхерах вблизи Гангута. Корабль получил повреждения корпуса, в трюме появилась течь, были срублены все три мачты. Потребовалось отремонтировать корабль в Або, после чего стало возможным перевести его в Кронштадт⁴. Получили повреждения также корабль «Императрица Александра», шхуна «Град»; остальные суда успели отвернуть⁵.

Спасая людей и корабли, Нахимов продемонстрировал не только умение, но и мужество, ибо сигнал флагману, что курс его неверен, при ошибке мог стоить моряку карьеры.

«Паллада» служила почти два десятилетия на Балтике. Фрегат не раз посылали в дальние плавания, для выполнения ответственных поручений.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 14; Адмирал Нахимов: Материалы... С. 32.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 112.

³ Там же. С. 113—114.

⁴ Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. Т. I. С. 121.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 114.

В 1838 году в походе по Балтике Великий князь Константин Николаевич проходил на нем морскую практику. В 1846 году «Палладу» капитально отремонтировали, и следующие 2 года образцовым фрегатом в плавании по Балтийскому и Северному морям командовал будущий генерал-адмирал, Великий князь Константин Николаевич. В 1851 году Великий князь поднял на «Палладе» свой контр-адмиральский флаг и водил эскадру по Финскому заливу и Балтийскому морю¹. Но срок службы фрегата завершился, и напоследок ему досталось дальнейшее плавание.

Долго Россия не могла установить дипломатические отношения с восточной соседкой, Японией. Миссия Н.П. Резанова в 1804 году окончилась безуспешно. В 1852 году для ведения переговоров и заключения торгового соглашения в Японию послали вице-адмирала Е.В. Путятина, еще одного питомца лазаревской школы. Несмотря на старость фрегата «Паллада», вице-адмирал выбрал его как наиболее подходящий для океанского плавания. Секретарем Путятина на «Палладе» был писатель И.А. Гончаров.

7 октября 1852 года «Паллада» под командованием капитан-лейтенанта И.С. Унковского оставила Кронштадт. В проливе Зунд шедший без лоцмана фрегат сел на мель и был снят датским пароходом. Полученные повреждения устранили на верфи Портсмута. Оставив берега Англии, фрегат направился к югу, посетил остров Мадейра, острова Зеленого Мыса и в марте 1853 года достиг Южной Африки. В Сеймонстауне его ждала шхуна «Восток», купленная вице-адмиралом и посланная вперед. Отношения России с западными странами портились, и Путятин остерегался встречи с враждебной эскадрой в случае внезапного начала войны. Он направил шхуну вперед для разведки, а 12 апреля выступила и «Паллада».

В Индийском океане фрегат попал в шторм, затем его задержало маловетрие. Месяц моряки добирались до острова Ява, затем заходили в Сингапур, Гонконг, у островов Бонин-Сима вновь попали в сильный шторм. В порту Ллойд на острове Пиль фрегат ожидали корвет «Оливуца», транспорт «Князь Меншиков» из Ситхи (Русская Америка) и курьер из России, а шхуна «Восток» присоединилась к нему ранее. 4 августа эскадра оставила порт и 10 августа встала на рейде Нагасаки, завершив десятимесячное плавание.

Начались длительные предварительные консультации. Японцы затягивали переговоры. Незадолго до визита русской эскадры берега Японии оставила американская эскадра commodore Перри, который не получил

¹ Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. Т. I. С. 254; ОМС. Ч. IX. С. 3, 5.

прямого ответа на требование заключить торговый договор. Очевидно, чиновники сегуна надеялись и в этом случае обойтись без ответа. Однако Е.В. Путятин проявил настойчивость. 5 ноября, не дождавшись ответа из Иеддо, он решил сам идти в столицу Японии. Встревоженные его неожиданным решением японские чиновники 7 ноября сообщили, что уполномоченные выезжают на переговоры. До их прибытия вице-адмирал пошел в Шанхай, чтобы узнать, не воюет ли Россия, и запастись провизией. Пока эскадра стояла у берегов Китая, поступило сообщение о близком разрыве с западными странами, и Е.В. Путятин срочно вернулся в Нагасаки.

31 декабря начались переговоры, не давшие положительного результата. 24 января 1854 года вице-адмирал отправил шхуну в Шанхай за известиями, а сам увел эскадру на Ликейские острова (Рю-Кю), стоял там до 9 февраля и узнал о начале войны России с Турцией. Эскадра посетила Манилу. На обратном пути в шторм раскачалась и треснула фок-мачта, пришлось в марте у острова Батаан провести ремонт. Ожидая встречи с англичанами, Е.В. Путятин перед выходом с Батаана провел учения: артиллеристы стреляли в щиты, установленные на берегу.

9 апреля «Палада» вернулась в Нагасаки, где стало известно о том, что американский коммодор Перри уже подписал с японским правительством договор под дулами пушек эскадры, стоявшей в заливе Иеддо. Не желая действовать силой, Путятин запасся провизией и 15 апреля отправился к берегам Сибири. По пути моряки с «Палады» описывали берега Кореи и к маю достигли устья Амура. В малоисследованном Татарском проливе корпус фрегата пострадал при ударах о дно — «Палада» не могла продолжать плавание. Е.В. Путятин перешел на борт присланного из России фрегата «Диана» и вновь направился в Японию; 7 февраля 1855 года он, наконец, подписал с японским правительством договор о мире и дружбе.

Плавание «Палады» подробно описал в путевых заметках «Фрегат «Палада» и статья «Двадцать лет спустя» И.А. Гончаров, в августе оставивший эскадру и по суше вернувшийся в Санкт-Петербург.

Шла Крымская война. Капитан-лейтенант И.И. Бутаков перевел потрепанный штормами фрегат в Императорскую гавань и подготовил к взрыву на случай появления противника. С судна сняли все возможное и оставили под охраной поста казаков. Бутаков, поставив фрегат в Константиновской бухте, высадился на мысе Лазарева и оборудовал батарею, оставив на фрегате дюжину матросов. Неприятель не появлялся, продовольствия было достаточно. За время зимовки льды серьезно повредили корпус. Так как залитый водой фрегат не удалось вывести в Амур, генерал-губернатор контр-адмирал В.С. Завойко приказал за-

топить «Палладу», чтобы «не дать неприятелю случая похвастаться захватом русского судна». Мичман Разградский подорвал корму фрегата, который лег на дно бухты Постовой Императорской гавани 31 января 1856 года¹.

О «Палладе» не забыли. По поручению адмирала И.А. Шестакова командир совершавшего кругосветное плавание корвета «Витязь» С.О. Макаров обнаружил фрегат на глубине 15 метров. Вице-адмирал П.Н. Назимов, участник знаменитого плавания «Паллады», предложил Морскому министерству поднять фрегат, но ему было разрешено только поручить дело частной компании, чтобы не было расходов для казны. Очевидно, желающих не нашлось, и фрегат остался на дне. В 1932 году водолазы обследовали фрегат в Императорской (Советской) гавани и подняли много предметов; из досок от корпуса изготавливали модели и сувениры. В 1940 году намечали поднять фрегат, однако помешала война. В 1946 году водолазы установили, что корпус разрушен и подъем невозможен. После того проводились любительские обследования «Паллады», новые предметы пополняли коллекции музеев. Якорь, поднятый в 1956 году, стал памятником на острове Русском. Он напоминает обучающимся там морякам-тихоокеанцам о достопамятном плавании обрцового фрегата «Паллада»².

* * *

А П.С. Нахимова — первого командира «Паллады» — ожидала новая, все более сложная и славная жизнь. Презрев преимущества службы на фрегате, предназначенном для Великого князя, будущего генерал-адмирала, он предпочел живую деятельность на Черном море.

М.П. Лазарев в 1832 году получил назначение начальником штаба Черноморского флота, затем стал главным командиром флота и портов. К себе он вызывал тех моряков, с которыми ходил в плавания и сражения. Стал черноморцем и Нахимов.

На мостике «Силистрии»

24 января 1834 года приказом начальника Главного морского штаба адмирала А.С. Меншикова П.С. Нахимова назначили командовать строящимся линейным кораблем «Силистрия» и перевели в 41-й эки-

¹ Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. Т. 1. С. 254.

² Кондаков Н. (Скрицкий Н.В.). Свидетели славы. Фрегат «Паллада» // Памятники отечества. 1996. С. 75.

паж Черноморского флота; приказом от 30 августа его за отличие по службе произвели в капитаны 2-го ранга. 8 ноября 1834 года начальник Главного морского штаба утвердил Нахимова командиром экипажа и корабля¹.

Моряк оказался в высшем звене лазаревской морской школы. Эту школу на Черном море, вдали от столицы, прошли такие знаменитые деятели России, как дипломат Е.В. Путятин, флотоводцы В.А. Корнилов, В.И. Истомин, Н.А. Аркас, Г.И. Бутаков и многие другие моряки. Прошел эту школу с начала до конца и Нахимов, ставший одним из лучших учеников Лазарева.

В 1834—1836 годах Нахимов занимался постройкой «Силистрии». 11 ноября 1835 года линейный корабль сошел на воду. Нахимов рапортовал в этот день обер-интенданту Черноморского флота генерал-майору А.Н. Васильеву: «Вверенный мне 84-пушечный корабль «Силистрия» сего числа со стапеля на воду спущен благополучно; углубился с полосьями — ахтерштевень 18 фут. 1 дм., форштевень 13 фут. 9 дм., имея диференту 4 фут. 4 дм., причем перелому оказалось — фут 2 дм»².

15 сентября 1836 года корабль выступил из Николаева, 27 сентября зашел в Очаков, через 2 дня продолжил путь и 5 октября достиг Севастополя³. Немало сил пришлось положить Павлу Степановичу Нахимову, чтобы корабль получил все необходимое. Он заботился о прочности корпуса, качестве парусного и артиллерийского вооружения. Качество постройки оказалось таким, что «Силистрия» оставалась образцовым кораблем почти 20 лет, до Крымской войны⁴.

После завершения вооружения корабль 2 июня 1837 года вышел в первое плавание. Нахимов рапортовал Императору Николаю I: «С вверенным мне кораблем «Силистрия» по предписанию начальства из Севастополя сего числа в отдельное плавание по Черному. морю впредь до 1 августа сего года отправился, на корабле караул в.и.в. и команда обстоит благополучно, больных не имеется, воды на корабле 3 дюйма. О чем в.и.в. имею счастье всеподданнейше донести с представлением о гг. офицерах именного списка и о всех вообще чинах перечневой ведомости»⁵.

1 января 1837 года за успешную проводку «Силистрии» из Николаева в Севастополь и 13 сентября за отличное устройство, порядок и чистоту на корабле моряк получил высочайшие благоволения⁶. 22 сен-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 115.

² Там же.

³ Там же. С. 116.

⁴ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 33—34.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 116.

⁶ Там же. С. 17.

тября за отличное усердие и ревностную службу его наградили орденом Св. Анны II степени, украшенным императорской короной¹.

М.П. Лазарев отмечал способности командира «Силистрии». 18 ноября 1837 года он писал начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову: «...При сем случае, обращая внимание и на приближающийся новый год, я беру смелость просить в. с-ть дать ход по службе некоторым из офицеров, которые по познаниям и образованности своей с пользой и честью для флота заняли бы места высшие. Из сих я разумею преимущественно капитана 2-го ранга Нахимова, капитан-лейтенантов Матюшкина и Путятина и лейтенанта Панфилова.

Я рекомендую их потому, что Нахимов, кроме того, что служит здесь образцом для всех командиров кораблей, состоит по списку только девятым»².

А.С. Меншиков 6 декабря 1837 года подписал приказ о производстве за отличие по службе командира 41-го экипажа и корабля «Силистрия» в капитаны 1-го ранга³.

Усердная служба сказалась на здоровье. 23 марта 1838 года П.С. Нахимова уволили в отпуск за границу по болезни до излечения. На пароходе «Геркулес» моряк за 3 дня добрался в Свинемюнде, далее проехал с трудностями до Штеттина и 17 (29) мая прибыл в Берлин. В это время там собрались главы Германского союза, и с трудом удалось за дорогую цену нанять квартиру. Хуже оказалось с лечением. Известный в Европе хирург Грете, к которому Нахимов обратился 29 мая (10 июня), решил, что при его запущенной болезни минеральные воды не помогут, а нужны решительные меры. Моряк согласился, но уже через 2 недели почувствовал себя так худо, что 5 недель не вставал. Консилиум, который Нахимов собрал, рекомендовал иное лечение, однако и оно не помогло. Павел Степанович хотел, чтобы восстановили хотя бы его прежнее здоровье, ибо сейчас чувствовал себя так плохо, что переходил комнату с двух приемов. Врачи отправили его в Карлсбад, но и минеральные воды не помогали. Нахимов 7 августа 1838 года писал с горечью брату из Карлсбада: «...С чем можно сравнить мое горестное положение. Быть заброшену судьбой в Берлин, где я никого не знаю, промучиться два с лишком месяца, испытывая на себе без малейшего успеха разные способы лечения, которые, наконец, изнурили меня до того, что я изнемог и нравственно и физически и уверен, что перенес более, нежели человек и может и должен вынести. Как часто приходит мне в голову, не смешно ли так долго страдать и для чего, что в этой

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 13.

² Там же. С. 117.

³ Там же.

безжизненной вялой жизни, из которой, конечно, лучшую и большую половину я уже прожил»¹.

Но, несмотря на болезнь и отчаяние, Нахимов продолжал думать о других. Из Берлина он послал карты Германии А.М. Трескину². Теплые чувства и заботу моряк, не имевший детей, изливал на племянницу, свою любимицу³. Он писал брату: «Здорова ли, весела ли моя несравненная Сашурка? Теперь без меня ни трогать, ни дразнить ее некому. Начала ли ходить, говорит ли, привита ли ей оспа, проколоты ли уши для сережек? Часто ли ее выпускают гулять? Ради неба, держите ее больше на свежем воздухе. Во всей Германии детей с утра до вечера не вносят в комнату, и оттого они все красны, полны, здоровы. С такого раннего возраста в милой Сашурке раскрывается так много ума, и если физические силы ее не будут соответствовать умственным, то девятый и десятый годы возраста будут для нее горестными. Знаете, что она всего более места занимала в моем горестном и болезненном одиночестве, что она создала для меня новый вид наслаждения — мечтать, наслаждение, с которым я так давно раззнакомился, и тем привязаннее я стал к ней, что ее жизнь, может быть, сохранила мою»⁴.

Болезнь не позволяла толком ознакомиться с городами Германии. Только о Карлсбаде Нахимов получил твердое представление как о месте, куда большинство представителей высшего общества стремятся не лечиться, а развлекаться. Моряк с ограниченными средствами держался в стороне от них. Он писал, что один из встреченных знакомых аристократов, граф Панин, предпочел его не заметить, а другого, князя Голицына, Нахимов и сам не хотел узнать⁵.

После Карлсбада, не получив излечения, Нахимов вернулся в Берлин с болезнью сердца. Он писал другу Рейнеке: «Трудно вообразить себе, что со мною не делали, и я не знаю, что остается мне еще испытать. Меня жгли, резали, несколько дней был на краю гроба, и ничего не принесло облегчения...»⁶

Нахимов следил за тем, что происходит на флоте, радовался успехам и переживал несчастья с знакомыми моряками, горевал, что начнутся боевые действия у берегов Кавказа, а он не может в них участвовать: «Не правда ли, любезный Мишустя, я очень несчастлив? Перед переводом моим в Черноморский флот только что кончилась блестящая

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 118—119.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 119—120.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 121.

Константинопольская кампания. Четыре года при мне все было тихо, смиренно, ничего, кроме обычных крейсерств. Только что выбрался оттуда, как снова кампания для целого флота к абхазским берегам и самая дельная из всех, могущих встретиться в мирное время в Черном море. Корабль мой был употреблен, а следовательно, и я бы действовал. До сих пор не могу свыкнуться с мыслию, что остаюсь здесь на зиму, что еще 6 месяцев должны протечь для меня в ужасном бездействии. Разделаюсь ли, наконец, хоть после этого с моими физическими недугами. В отсутствие мое, вероятно, меня отчислят по флоту и назначат другого командира экипажа и корабля. Много мне было хлопот и за тем и за другим. Не знаю, кому достанется корабль «Силистрия». Кому суждено окончить воспитание этого юноши, которому дано доброе нравственное направление, дано доброе основание для всех наук, но который еще не кончил курса и не получил твердости, чтоб действовать самобытно. Не в этом состоянии располагал расстаться с ним, но что делать, надобно или служить, или лечиться»¹.

В другом письме Рейнеке Нахимов высказывал философский взгляд на жизнь: «Согласен, что для человека с возвышенными понятиями о своих обязанностях непостижимым кажется холодность в других. Но, проживши на белом свете лучшую и большую часть нашей жизни, право, пора нам приобрести опытность философического взгляда, или, лучше сказать, время найти настоящую точку зрения, с которою должно смотреть на действия нас окружающих. Не помню, сказал ли кто до меня, или самому мне пришло в голову, что в человеческой жизни есть два периода: первый — жить в будущем, второй — в прошедшем. Мы с тобой, коснувшись последнего, должны быть гораздо рассудительнее и снисходительнее к тем, которые живут еще в первом периоде. Они живут мечтами, для них многое служит рассеянием, забавой, над чем можно смеяться — огорчаться же этим значило бы себя напрасно убивать»².

К концу ноября положение больного мало улучшилось. Четвертый месяц он не оставлял комнаты, лишь удалось уменьшить сердцебиения и обмороки, возникшие после Карлсбада. Но характер не позволял бездельничать, и, когда становилось легче, моряк продолжал заниматься английским языком³.

Дальнейшее лечение не помогало. Один из врачей отметил, что пациент принял слишком много лекарств и потребует полгода, чтобы освободить от них организм. С другой стороны, Лазарев писал с Черного моря и предлагал возвращаться и стать пациентом врача Алимана.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 121.

² Там же С. 122—123.

³ Там же. С. 123.

Нахимов решил этому совету последовать, как только восстановит силы. Он писал 29 января 1839 года Рейнеке: «Об излечении настоящей болезни перестал и думать. Нам известно, что против расстройства нервов медицина не нашла еще определительных мер, предаваться же беспрестанным испытаниям — значит действовать на счастье, а я давно убедился, что оно существует не для меня. Положение мое становится день ото дня тягостнее, не выходя пять месяцев из комнаты и от недостатка всякого развлечения, не знаю, как до сих пор не лишился рассудка! Пора положить этому конец — нельзя же целый век лечиться. И я решился в апреле месяце возвратиться в Россию (разумеется, если не сделается хуже)»¹.

Летом 1839 года, после неудачного лечения, моряк по совету Лазарева вернулся в Севастополь; при операции ему повредили нерв ноги в паху, появились обмороки, так что чувствовал себя он хуже, чем до отъезда². Тем не менее, Нахимов рвался продолжать службу на море.

В 1839 году капитан 1-го ранга П.С. Нахимов не успел участвовать в плавании: эскадра выступила к берегам Абхазии для перевозки войск из Субаши в Анапу на следующий день после его прибытия в Севастополь. Он только видел, как «Силистрия» уходит в море, и, оставшись без корабля и экипажа, грустно писал 26 августа 1839 года Рейнеке: «Взгляни на меня, есть и желание, есть и мысль, как сделать да нет сил, так куда я годен, решительно никуда. И никак не рассчитываю более двух лет служить на море, именно, столько времени, сколько нужно для расплаты долгов и то, дай бог, чтоб хватило силы, а там буду искать берегового места и непременно такого, где бы по возможности было менее дела»³.

Моряк и не подозревал, что все наиболее значительное в жизни у него впереди. То ли помощь Алимана, то ли благотворные условия Крыма, а скорее, твердое желание ступить на палубу корабля не пассажиром, но командиром сделали чудо: через несколько месяцев Нахимов вернулся в строй. Вскоре он получил возможность, как командир «Силистрии», участвовать в боевых действиях.

Продолжалась война на Кавказе. Царское правительство старалось подавить выступления горцев под главенством имама Шамиля за независимость от России. Значительное участие в этих военных действиях принял флот. Выстрелы и кровь сопровождали покорение Кавказа, но в боях при создании Кавказской береговой линии погибло относительно немного людей. В этом заслуга Черноморского флота под командованием М.П. Лазарева.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 125.

² Там же. С. 126—127.

³ Там же. С. 127.

С начала XIX столетия одно за другим государства Закавказья присоединялись к России. После нескольких войн с Турцией Адрианопольский договор 2 сентября 1829 года установил, что берег Черного моря от устья Кубани до поста Св. Николая «пребудет в вечном владении Российской империи»¹. Однако усиление России не устраивало ни турок, ни их западных покровителей, опасавшихся выхода Черноморского флота на Средиземное море. Чтобы отвлечь внимание русского правительства от проливов, турецкие и английские эмиссары будоражили горцев. Считавшие себя вольными, жители Абхазии болезненно воспринимали установление твердой власти. Турки старались придать их недовольству характер религиозный, хотя прибрежные жители, потомки христиан, и не относились к ярым мусульманам. Иноземные суда доставляли в устья горных рек соль, порох, серу и даже пушки. С 1830 года организовали для борьбы с опасной контрабандой патрулирование крейсеров у побережья. Два отряда по четыре легких судна и одному транспорту должны были охранять берега от Анапы до Гагр и от Гагр до Редут-Кале, сменяясь через 4 месяца². Но все эти меры не давали полной гарантии, что контрабанда не проникнет в горы. Об этом свидетельствовала записка командира брига «Пегас» капитан-лейтенанта В.И. Полянского, переданная им в 1834 году М.П. Лазареву, главному командиру Черноморского флота и портов.

Полянский несколько лет провел в крейсерстве у восточных берегов Черного моря. Он писал, что большинство контрабанды перевозили на плоскодонных судах, которые турки, пройдя редкий сторожевой кордон, укрывали в устьях рек, притапливая их или маскируя в зарослях до возвращения. Контрабандисты, преследуемые дозорными крейсерами, выбрасывали свои суда на берег, где находили дружеский прием, ибо доставляли местным жителям необходимые товары. Попытки высаживать войска в места стоянки судов контрабандистов стоили немалых жертв³. Капитан-лейтенант предложил занять укрепления бухты и устья рек, которые использовали контрабандисты, а также увеличить число крейсирующих судов⁴.

Лазарев, прочтя записку, направил ее в столицу⁵. Очевидно, вице-адмирал разделял мысль о том, что необходимо дополнить укреплениями еще недостаточно прочную линию охранения с моря.

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 191—192.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 230—231.

⁴ Там же. С. 234—235, 237.

⁵ Там же. С. 228.

Первые укрепления появились ранее. Еще 13 февраля 1830 года военный министр А.И. Чернышев докладывал Николаю I замысел совместных действий армии и флота в Абхазии¹. Через неделю начальник Морского штаба А.С. Меншиков дал адмиралу А.С. Грейгу, прежнему главному командиру, предписание готовить суда для перевозки войск на берега Кавказа². 8 июля 1830 года до 700 человек десанта высадились у Гагр; попытка абхазцев противодействовать была отбита артиллерией судов русского отряда³. С помощью моряков солдаты соорудили укрепления и отразили нападения горцев⁴. В следующем году генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский предложил занять Геленджик как удобную якорную стоянку, более близкую к горным народам, чем Анапа⁵. 26—28 июля 1831 года с эскадры капитана 2-го ранга Немтинова на берега Геленджикской бухты высаживались десантные отряды, пока не нашли подходящее место для сооружения укрепления. Горцы пытались противодействовать, но моряки действовали так быстро, что вторая волна войск успевала поддерживать первую, а у берега господствовала русская корабельная артиллерия⁶.

К осени 1831 года существовали укрепления Редут-Кале, Сухум-Кале, Бомборы, Пицунда, Гагры, Геленджик; между этими укреплениями поддерживали сообщение по морю⁷. Позднее на побережье Кавказа действовали преимущественно сухопутные войска. В 1834-м и 1835 годах они основали Абинское и Николаевское укрепления на реке Абин, в 1836 году — Кабардинское в Суджукской бухте; в следующем году войска генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова прошли по суше до устья реки Пшада и основали Новотроицкое, а затем при устье реки Вулан — Михайловское укрепления⁸.

Учитывая активность англичан, доставлявших оружие и боеприпасы немирным горцам, русское командование увеличило уже зимой 1837 года численность крейсеров, для борьбы с контрабандой готовили гребные суда⁹. Продолжали и высадки десантов, чтобы перекрыть пути доставки оружия. 7 июня 1837 года войска с эскадры контр-адмирала С.А. Эсмонта заняли мыс Адлер. После промеров, проведенных лейтенантом Истоминым, корабли открыли огонь. Под прикрытием артиллерии греб-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 373—374.

² Там же. С. 375.

³ Там же. С. 376—377.

⁴ Там же. С. 387.

⁵ Там же. С. 377.

⁶ Там же. С. 382—386.

⁷ Там же. С. 387.

⁸ Там же. С. XXVI.

⁹ Там же. С. 273—274.

ные суда с войсками приблизились к берегу и огнем фальконетов с барказов рассеяли горцев; десант высадился почти без сопротивления¹. Отбив попытки черкесов противодействовать, войска основали укрепление Св. Духа; при занятии важнейшего места контрабандной торговли погибло с русской стороны 19 и ранено было 44 человека².

Летом того же года командующий войсками Кавказской линии А.А. Вельяминов осмотрел побережье и предложил строить укрепления в устьях рек, перевоза войска морем³. На следующий год наметили высадку у Туапсе, Шапсухо, в Геленджике и севернее мыса Константиновского (Адлер)⁴. Уже в декабре 1837 года М.П. Лазарев организовал подготовку операции во взаимодействии с сухопутными войсками, которыми командовал генерал-майор Н.Н. Раевский. Начинаясь период сотрудничества и дружбы двух создателей Кавказской береговой линии.

Еще зимой Лазарев распределил главные силы Черноморского флота на две эскадры, одну из которых поручил контр-адмиралу Ф.Г. Артюкову, а второй решил командовать сам⁵. 13 апреля эскадра Артюкова по договоренности с сухопутным командованием высадил десант у реки Сочи. Корабли открыли огонь, разгоняя горцев, а затем к берегу направились гребные суда с десантом. Черкесы упорно защищались и переходили в контратаки, но были оттеснены, и только отдельные бойцы, укрывшиеся в кустах и завалах, стреляли до ночи. Фланговые корабли огнем сдерживали натиск горцев, пока выгрузка не завершилась⁶.

Для ускорения высадки у Туапсе Лазарев присоединил освободившуюся эскадру Артюкова к своей и 30 апреля 1838 года отдал приказ на высадку десанта⁷. Вице-адмирал предписывал кораблям занять места у заранее расставленных буйков, как можно быстрее спустить и расположить по диспозиции гребные суда. Кораблям предстояло вести огонь 15 минут, после чего гребным судам в плотном строю следовало спешно идти к берегу, а передовым — непрерывно стрелять из пушек, сначала ядрами, а у берега — картечью. Фланговым кораблям также следовало продолжать артобстрел, прикрывая войска. Вслед за первым отделением десанта освободившиеся шлюпки должны были поторопиться высадить второе и третье отделения, чтобы поддержать передовые войска. В последнее отделение включали сводный морской батальон⁸. Были под-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 390.

² Там же. С. 392—393.

³ Там же. С. 395—396.

⁴ Там же. С. 399.

⁵ Там же. С. 408, 415.

⁶ Там же. С. 415—416.

⁷ Там же. С. 418.

⁸ Там же. С. 418—420.

готовлены и другие документы, регламентирующие порядок проведения высадки. В результате десант под Туапсе стал образцом для последующих операций.

2 мая Н.Н. Раевский сообщил Лазареву о готовности войск¹. 8 мая завершилась погрузка десанта в Керченском проливе². Погода не разменялась, и сухопутные войска страдали от морской болезни. Тем не менее 11 мая эскадра благополучно прибыла к Туапсе³. Следующим утром корабли развернулись в полуверсте перед берегом широкой дугой с фрегатами на флангах. На суше еще накануне видели собиравшихся горцев и пламя костров. Чтобы ускорить высадку, Лазарев приказал разместить десант на вдвое большем числе гребных судов, чем предполагал; они двинулись в атаку после того, как 250 орудий четверть часа палили по берегу⁴. Именно этот эпизод изобразил тогда еще молодой художник И.К. Айвазовский, сопровождавший эскадру, на картине «Десант генерал-майора Н.Н. Раевского у Туапсе 12 мая 1838 г.»⁵.

Первым на берег выскочил генерал Н.Н. Раевский, за ним быстро развернулись войска с четырьмя пушками. Ошеломленные обстрелом и натиском горцы почти не сопротивлялись, и за день у русских было не более десятка раненых. К вечеру соорудили засеку для прикрытия лагеря, а утром 13 мая, блестяще выполнив задачу, Лазарев с флотом ушел⁶. Впоследствии на занятом месте построили форт Вельяминовский. Укрепившись, Раевский очищал окрестности от нападавших вооруженных горцев; при этом отличился морской батальон из добровольцев, которым командовал капитан-лейтенант Е.В. Путятин⁷.

Обосновавшись у Туапсе, Раевский писал Лазареву, что 1 июля его войска будут готовы к высадке у Шапсухо⁸. Главный командир поручил организацию десанта начальнику штаба Черноморского флота контр-адмиралу С.П. Хрущеву. Так как постройка укрепления у Сочи также шла к концу, то вице-адмирал предписал подготовить суда для переброски войск к Шапсухо сразу из двух пунктов⁹.

10 июля Хрущев привел эскадру к цели¹⁰. Так как ожидали сильного сопротивления горцев, скопившихся в лесистой, пересеченной мест-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 421—422.

² Там же. С. 426.

³ Там же. С. 429.

⁴ Там же. С. 430.

⁵ Там же. С. 425.

⁶ Там же. С. 191—192.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 442.

⁹ Там же. С. 444—445.

¹⁰ Там же. С. 445, 451.

ности у Шапсухо, командующий Кавказским корпусом Е.А. Головин на пароходе «Колхида» провел отвлекающий маневр в устье реки Джубги¹. Позднее началась сама высадка. Моряки приобрели неплохой опыт. Потому после обстрела берега из сотен орудий 3 тысячи человек быстро заняли плацдарм почти без потерь². К 20 августа Раевский намеревался достроить укрепление и предпринять высадку в Суджукской бухте³. Лазарев предложил ему свою поддержку⁴. 22 августа он назначил контр-адмирала М.Н. Станюковича командовать эскадрой для высадки вблизи устья реки Цемес⁵. Через неделю, получив высочайшее повеление о десанте в Цемесской бухте, Лазарев взял организацию на себя⁶. Высадка 12 сентября прошла без потерь; неприятель сделал только несколько выстрелов⁷. Лазарев и Раевский осмотрели местность и определили, где строить крепость и адмиралтейство⁸. Они закладывали основу Новороссийска.

Высочайшее повеление 17 января 1839 года установило названия укреплений: в Цемесской бухте — Новороссийск и Александрийское, у реки Пшада — Новотроицкое, при реке Вулан — Михайловское, у Сочи — форт Александрия, у Туапсе — форт Вельяминовский, на мысе Константиновском (Адлер) — укрепление Св. Духа⁹. Все они составили Кавказскую береговую линию. Укрепления от устья Кубани до Мингрелии подчинили начальнику линии Н.Н. Раевскому. Лазареву следовало назначить капитанов над портами в Новороссийск, Геленджик и Сухум¹⁰.

На 1839 год намечали десанты в устья рек Псецуапе и Субаши, а также между Новороссийском и Анапой; как и в предшествующем году, Лазарев намеревался сначала высадить войска в самом южном пункте, после постройки укрепления перевезти их к Псецуапе, а далее таким же образом — в третий пункт¹¹. 14 марта 1839 года он послал фрегат «Брайлов» для скрытного описания рейда Субаши¹². 2 мая к устью реки прибыла эскадра¹³.

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 451—452.

² Там же. С. 452—453.

³ Там же. С. 455.

⁴ Там же. С. 463—464.

⁵ Там же. С. 464.

⁶ Там же. С. 466.

⁷ Там же. С. 476—477, 479.

⁸ Там же. С. 479—480.

⁹ Там же. С. 484.

¹⁰ Там же. С. 484—485.

¹¹ Там же. С. 488—489.

¹² Там же. С. 492.

¹³ Там же. С. 504—505.

Так как приказы на высадку были отданы ранее, десант провели следующим утром. За ночь собралось множество черкесов. Н.Н. Раевский записал в журнале: «Пешие толпы горцев ступали на берегу, двадцать или тридцать начальников разъезжали верхом на равнине под вековыми деревьями, человек пятьсот стояли на коленях и пред ними мулла в белой чалме. Горцы молились: это предвещало их решимость защищаться донельзя»¹.

Такая решимость требовала быстроты и четкости от наступающих. За четверть часа артиллерия заставила горцев оставить заранее вырытые на побережье окопы. Затем «ура» матросов, посланных по вантам, послужило сигналом для десантных судов, которые правильными рядами направились к берегу, стреляя из носовых пушек. Быстрота оказалась нелишней, ибо неприятель встретил высаживавшихся уже в сотне метров от берега². Войска оттеснили горцев; Раевский отмечал, что к атакующим присоединилась часть моряков со шлюпок. Участие в атаке офицеров со шлюпок задержало высадку второго отделения десанта и доставку тяжестей³. Тем не менее, передовой отряд отбил необычайно яростный натиск черкесов, а с приходом подкреплений отбросил его в горы⁴. При высадке отличились В.А. Корнилов, А.И. Панфилов, Е.В. Путьтин, Н.Ф. Метлин и другие будущие флагманы. Наблюдавший за боем И.К. Айвазовский запечатлел события на картине «Высадка десанта у реки Шахэ 3 мая 1839 г.»⁵.

28 мая Н.Н. Раевский сообщил, что укрепление у Субаши будет достроено 1 июля, и просил Лазарева прислать корабли для перевозки войск⁶. Утром 7 июля эскадра с войсками приблизилась к устью Псезуапел⁷. Горцы собрались для отражения десанта на равнине правого берега, но русское командование решило провести высадку на левом берегу и потом перейти реку. 2500 человек первой волны заняли местность, оттеснив черкесов, а тендер «Часовой» и четыре азовские лодки с пушками не допускали артогнем переправу противника через реку. Видя большую численность высадившихся, горцы решили, что десант останется на левом берегу, и бросились горами в обход. Русские войска без сопротивления перешли на правый берег, а когда запыхавшиеся горцы вернулись, они нашли перед собой засеки и войска за ними; к вечеру засеки окружили весь лагерь. Русские потери составили всего

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 505.

² Там же. С. 505—506.

³ Там же. С. 507—508.

⁴ Там же. С. 510, 512.

⁵ Там же. С. 513.

⁶ Там же. С. 514.

⁷ Там же. С. 520.

19 человек, в том числе 1 убитого солдата¹. На следующий день, после выгрузки войск и грузов, эскадра удалилась².

18 ноября 1839 года высочайшим приказом фортам укреплений Новороссийска, построенным в 1838-м и 1839 годах, присвоили номера 1 и 2, укреплениям у Субаши — форт Головинский, у Псезуапе — форт Лазарев, у Мескаге — форт Раевский³. Намечали построить в следующем году укрепления на реке Гостогай в 20 верстах от Анапы и Мостового на Кубани, а также усилить укрепления существующие, в первую очередь Геленджикское и форт Вельяминовский⁴, но произошло иначе. Первоначально горцы сопротивлялись высадкам, а затем и перешли в наступление при поддержке из-за рубежа. 20—21 мая 1839 года они под руководством англичанина Белля обстреляли из трех орудий форт Александрия у Сочи, но не выдержали ответного огня и отступили⁵. В ночь на 9 февраля 1840 года черкесы овладели фортом Лазарева⁶. Генерал-лейтенант Раевский намеревался вернуть форт, овладеть долинами рек Сюэпсе, Хошупсе и организовать карательную экспедицию в страну убыхов; он принял меры для усиления других гарнизонов⁷. Но ранее разрозненные, горцы все более организовывались, их отряды приобретали характер военных, они угрожали карами мирным жителям, сотрудничавшим с русскими властями⁸.

Не успели провести десант у Псезуапе, как пришло известие о падении 29 февраля укрепления Вельяминовского⁹. Горцы напали врасплох, захватили часть солдат гарнизона спящими. Вторая рота укрылась в блокгаузе, но помещение обложили хворостом и подожгли. Стоявшие у двери не выдержали, открыли вход и стали первыми жертвами разъяренных черкесов; остальных пленили¹⁰. В столице приняли решение вернуть и этот форт¹¹. Суда Абхазской экспедиции в марте перевезли пополнения в укрепления Головинское, Навагинское и Св. Духа, около которых собирались вооруженные отряды¹².

Уже к апрелю положение вновь изменилось. Возникла угроза Закубанскому краю, и войска, предназначенные для восстановления за-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 524.

² Там же. С. 526.

³ Там же. С. 528.

⁴ Там же. С. 529.

⁵ Там же. С. 514—515.

⁶ Там же. С. 529, 624.

⁷ Там же. С. 530.

⁸ Там же. С. 535—541.

⁹ Там же. С. 544, 556.

¹⁰ Там же. С. 623.

¹¹ Там же. С. 548.

¹² Там же. С. 555—556.

хваченных укреплений, послали на Тамань¹. Основания тому были серьезные. 22 марта пало укрепление Михайловское, почти весь гарнизон которого погиб в бою. Вновь черкесы напали, зная о том, что многие солдаты больны. Двое суток воины оставались настороже, а третьей ночью горцы бросились на вал со всех сторон и одолели немногочисленных бойцов, которым помогали и жены солдат. Когда последних защитников окружили, солдат Архип Осипов с горящим фитилем бросился в пороховой погреб и взорвал нападавших. За этот подвиг солдата приказом военного министра навечно внесли в списки Тенгинского пехотного полка, и на утренней поверке правофланговый 1-й гренадерской роты должен был отвечать за него: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении»².

Видя гибель товарищей, черкесы поклялись не класть оружие, пока не уничтожат все русские заведения на своей земле, и перенесли нападения на Николаевское и Абинское укрепления³. Первейшей задачей стало сохранение существующих фортов. Однако флот готовился и к возврату павших укреплений.

Такое большое отступление показывает, насколько ожесточенной была борьба на побережье Кавказа в то время, когда П.С. Нахимов лечился за границей, и что ему предстояло после возвращения.

Нахимов участвовал уже в высадках при взятии местечек Туапсе и Псеузапе весной 1840 года. В приказе М.П. Лазарева от 4 марта 1840 года о высадке десанта у Туапсе Нахимов был назначен командовать, кроме корабля «Силистрия», гребными судами левого фланга и центра. Судами правого крыла командовал капитан 2-го ранга В.А. Корнилов⁴.

Так как возросшая активность и организованность противника предвещала трудности при высадке, Лазарев провел репетицию; при первой попытке солдаты подмочили ружья, заряды, и учения пришлось повторить⁵. 10 мая эскадра после обстрела берега высадила войска у Туапсе; только несколько горцев вступили в перестрелку⁶. Успех десанта позволил уже 22 мая провести без потерь высадку при Псеузапе; попытку черкесов спуститься с гор отразила артиллерия фланговых кораблей⁷.

В рапорте А.С. Меншикову Лазарев отмечал: «Командир 41-го флотского экипажа и корабля «Силистрия» капитан 1-го ранга Нахимов и командир 38-го экипажа капитан 2-го ранга Корнилов, постоянно отли-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 558—559.

² Там же. С. 560—561, 618—619.

³ Там же. С. 563.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 128.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 585—586.

⁶ Там же. С. 587, 595.

⁷ Там же. С. 594, 596.

чающие себя примерною службою, командовали при взятии Туапсе и Псезуапсе, первый левым, а второй правым крылом гребных судов, во время высадки в оба сии пункта десантных войск, исполнив сделанное им поручение с быстротою и в совершенном порядке, и из них Корнилов по званию начальника штаба эскадры был помощником всех моих распоряжений, которые исполнял с примерною заботливостью и благоразумием...»¹

16 января 1841 года главный командир писал Меншикову, что Нахимов играл в высадках при Туапсе и Псезуапсе главную роль, и просил удовлетворить представление о награждении моряка². После занятия Туапсе и Псезуапсе Лазарев 19 июня 1840 года охарактеризовал примерную службу капитана 1-го ранга и представил его к ордену Св. Владимира III степени; но Николай I отклонил представление, сославшись на то, что кампания не завершена³. Затем отрицательную роль сыграл случай с постановкой мертвых якорей в Новороссийске.

30 июля — 17 сентября 1840 года, командуя кораблем «Силистрия», Нахимов руководил постановкой мертвых якорей в Цемесской бухте и крейсировал между Анапой и Новороссийском⁴. В октябре он получил высочайшее благоволение за содействие в захвате контрабандистского брига⁵. Военный министр А.И. Чернышев сообщал А.С. Меншикову об этом случае в следующем отношении:

«Начальник Черноморской береговой линии от 4-го сего октября за № 178 доносит, что между Анапою и Новороссийском при долине Чусхаб замечен огромный контрабандный бриг. Для истребления этого судна по распоряжению временно командующего 1-м отделением Черноморской береговой линии полковника Хлюпина был назначен особый отряд из 280 человек Тенгинского пехотного полка, 80 человек черноморского линейного № 4 батальона при одном горном единороге. Отряд этот 2-го минувшего сентября посажен на пароход «Могучий», который взял на буксир две азовские казенные лодки и один вооруженный полубарказ, отданный в ведение полковника Хлюпина командиром корабля «Силистрия» капитаном 1-го ранга Нахимовым. По приближении этого десанта к контрабандному судну находившиеся на оном горцы произвели тревогу, и по прибытии к ним на крик помощи они завязали перестрелку. Для выиграния времени и сбережения людей пол-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы по истории русского флота. С. 38; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 130.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 132.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 131.

ковник Хлюпин решил сжечь судно, поручив сие командиру парохода лейтенанту Барладяну, который выполнил это в одно мгновение, после чего отряд возвратился на пароход совершенно без всякой потери.

По доведении об этом до сведения государя Императора е. в. высочайше повелеть изволил объявить чрез начальство монаршее благоволение как капитану 1-го ранга Нахимову и лейтенанту Барладяну, так и прочим офицерам, содействовавшим своим усердием к истреблению контрабандного судна.

Высочайшую волю сию честь имею сообщить в. с-ти для зависящего исполнения оной относительно чинов морского ведомства»¹.

Но зимой 1841 года Императору донесли о плохо поставленных в Новороссийске якорях. Лазарев 16 января писал Меншикову, что Нахимов в том не виноват и отказали негодные английские детали. Главный командир заверял Меншикова:

«Нахимова же я назначил потому, что никто другой лучше его таковою работою не распорядился бы. Несмотря на эту неудачу, я беру на себя смелость уверить в. с-ть, что мертвые якоря в Цемесе, во что бы то ни стало, положены будут как следует, хотя бы раз двадцать пришлось вынимать их!..

С наступлением весны Нахимов вновь отправится с Дмитриевым и бывшими при этой работе такелажмейстерами и мастеровыми разного рода в Цемес; поднимут все мертвые якоря, которых 12, переменят все болты (т. е. и те, которые хотя и не выпали еще, но могут выпасть впоследствии) другими [болтами] с чеками и снова положат»².

Лазарев просил не лишать Нахимова награды за высадки при Туапсе и Псезуапел³. 1 мая — 19 августа 1841 года Павел Степанович ходил из Севастополя в Одессу и Новороссийск и руководил перекладкой и исправлением мертвых якорей в Цемесской бухте⁴. Однако награда задержалась. Только 18 апреля 1842 года за отлично-усердную службу П.С. Нахимова наградили орденом Св. Владимира III степени⁵.

Моряк и далее отличался. С 15 июля по 28 августа 1842 года «Силистрия» со 2-й практической эскадрой находилась в плавании по Черному морю «для практики и эволюции». Командовавший эскадрой контр-адмирал П.Е. Чистяков отметил, что экипаж корабля хорошо сохранял место в строю и исполнял сигналы. Четырежды флагман отмечал «Силистрию» сигналами за соблюдение места в порядке и за скорую перемену

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 131.

² Там же. С. 132.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 13.

парусов. В 1843 году, с 14 июня по 5 октября, «Силистрия» перевозила из Одессы в Севастополь и обратно войска, а также крейсировала с практической эскадрой, и Чистяков вновь выражал удовольствие за быструю перемену, уборку парусов и спуск фока-реи¹.

Нахимов чутко относился к своим офицерам, подбирая тех, кто пригоден для морской службы, и деликатно старался избавиться от тех, кто не подходил. Он, в частности, 12 октября 1843 года писал дежурному штаб-офицеру капитану 1-го ранга Н.М. Вукотичу: «У меня в экипаже два офицера — Скарятин и Скаловский 3-й — очень порядочные офицеры, но по физическим недостаткам люди совершенно неспособные к морю; они могут быть употреблены с пользою в тех экипажах, к которым нет приписных кораблей, а мне бы крайне не хотелось удалить их из экипажа чрез аттестации, и потому я, надеясь на доброе ваше ко мне расположение, покорнейше прошу вас: сделать для меня большое одолжение — при расписании офицеров переместить их в другой экипаж и ко мне назначить вместо их двух мичманов из Корпуса; приятно учить и хлопотать с молодыми офицерами, из которых можно впоследствии образовать людей, полезных для службы. Вы меня чувствительно обяжете исполнением моей просьбы, тем более, что в этом случае я только к вам одним могу обратиться откровенно с моей просьбой, не вредя репутации офицеров...»²

П.С. Нахимов не ограничивался морской службой. Он как читатель морской литературы состоял вместе с Корниловым и Истоминим директором Севастопольской морской библиотеки³, которая в 1843 году из-за недобросовестного библиотекаря влачила жалкое существование — в фондах было много романов и недоставало книг, журналов и морской литературы, почему молодые офицеры редко обращались к библиотеке.

В.А. Корнилов предлагал избрать казначея из числа директоров, чтобы поставить под контроль моряков содержание и пополнение библиотеки. 2 апреля 1844 года Морская офицерская библиотека была открыта⁴.

По важным вопросам Корнилов советовался с Нахимовым как старшим товарищем⁵. В частности, 13 апреля 1844 года Корнилов писал Лазареву: «Мачтовое искусство» получил, — со страхом и верою смотрю на него, но прежде выхода на рейд корабля не надеюсь приняться

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 132, вклейка.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 132.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 76—77.

⁵ Там же. С. 50—51, 53, 58—59, 73—74.

за него, как должно. Теперь оно на предварительном рассмотрении у Нахимова...»¹

У двух командиров образцовых кораблей возникали нередко одинаковые проблемы. В частности, оба добивались отопления морских казарм. В письме Лазареву от 10 декабря 1843 года Корнилов писал, что им с Нахимовым приходилось покупать дрова за счет экипажной экономии, чтобы сушить сырые помещения, в которых плесневели кожаные вещи, оба экспериментировали с антрацитом².

Когда речь заходила о характеристике какого-либо офицера, Корнилов ссылался на Нахимова, как он писал в письме к Лазареву 21 февраля 1843 года, «...наблюдателя событий Черноморского рейда»³. Действительно, современники вспоминали, что моряк и в качестве командира корабля, и в качестве флагмана нередко с берега наблюдал за маневрами того или другого судна; его мнение о командире считали авторитетным.

13 апреля Корнилов в письме М.П. Лазареву писал, что Нахимов продолжает хворать и его плохо лечат⁴. Но, несмотря на нездоровье, Нахимов продолжал морскую службу и отличался. 2 июля — 16 июля 1844 года вновь команда «Силистрии» проводила установку новых бочек у мертвых якорей в Цемесской бухте⁵. 17 июля Нахимов снялся для возвращения в Севастополь. Вскоре с «Силистрии» заметили подозрительное судно и преследовали его до укрепления Новотроицкого, где судно стало на якорь. 18 июля корабль ветром и течением отнесло к форту Лазарева. 19 июля Нахимов от командира шхуны «Гонец» получил известие, что горцы угрожают форту Головинскому, и направился к нему. Военский начальник сообщил, что 16 июля горцы атаковали укрепление и были отбиты с большими потерями. Однако и русские потеряли 2 офицеров и 31 нижнего чина убитыми, 1 офицера и 53 нижних чина ранеными. По просьбе воинского начальника Нахимов высадил десант (3 офицера, 150 нижних чинов). Несмотря на прибытие подкреплений, Нахимов по просьбе начальника Черноморской береговой линии генерал-майора А.И. Будберга, приняв десант на борт, оставался у Головинского укрепления еще сутки. В полночь 22 июля стало известно, что около укрепления накапливаются горцы, готовясь ко второй атаке. Вновь по просьбе воинского начальника Нахимов высадил подкрепление и крейсировал поблизости даже после известия о том, что

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 77.

² Там же. С. 72—75.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 6, 134.

нападение намечено на укрепление Навагинское. Прибывший к форту Головинскому 25 июля отрядный командир контр-адмирал А.Г. Конопцев, оставив Нахимова у форта, сам пошел к Навагинскому. Только 26 июля, когда горцы разошлись, Нахимов отправился в Севастополь¹.

Начальник Черноморской береговой линии генерал-майор А.И. Будберг в рапорте М.П. Лазареву от 5 августа 1844 года отмечал, что появление «Силистрии» спасло укрепление от вторичного кровопролитного штурма². За эти действия 30 августа капитан 1-го ранга получил очередное высочайшее благоволение³.

В 1845 году, с 1 мая по 15 сентября, Нахимов находился со своим кораблем в плавании по Черному морю, и командовавший эскадрой контр-адмирал М.Н. Станюкович отмечал хороший порядок в порядке и исполнении сигналов, скорую смену парусов⁴. 13 сентября 1845 года Меншиков подписал приказ о производстве П.С. Нахимова за отличие по службе в контр-адмиралы с назначением командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии⁵. Начинаясь новая служба, теперь в качестве флагмана. Но и позднее моряк не раз поднимал флаг на «Силистрии», которая стала его любовью на долгие годы.

Флагман Черноморского флота

40-е годы XIX века для Черноморского флота характеризуются постоянными крейсерствами у берегов Кавказа. Отряды русских судов патрулировали берега, к которым контрабандисты доставляли оружие и боеприпасы немирным горцам.

В этих крейсерствах с 1846 года Нахимов продолжил участвовать уже как начальник отряда судов. 14 февраля он приказал командирам судов своего отряда подготовиться к выходу на рейд 1—2 марта, немедленно донести о неисправностях и о потребностях в запасах на шестимесячную кампанию⁶. В приказе 22 февраля флагман рекомендовал командирам направлять к приему провизии медиков для освидетельствования ее качества, озаботиться состоянием ружей и наличием необходимого белья у команды. 27 февраля контр-адмирал предписал подготовить к кампании сверх штатных боевых по 25 учебных картузов на каждое орудие. Заметив, что на фрегате «Кагул» нет никакого расписания, он приказал его

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 134—135.

² Там же. С. 135—136.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 7. Вклейка к с. 132—133.

⁵ Там же. С. 7, 139.

⁶ Там же. С. 139.

сделать. 17 марта Нахимов предписал всем судам быть готовыми сняться 20 марта. Другие приказы о приемке провизии, чая, лимонного сока были направлены на поддержание здоровья экипажей во время трудного весеннего похода¹.

Корвет «Пилад» вывели на рейд 1 марта; остальные суда отряда начали кампанию 8 марта². 28 марта 1846 года отряд судов под командованием Нахимова (фрегат «Кагул», корвет «Пилад», бриги «Паламед», «Эней», шхуны «Гонец», «Ласточка» и тендер «Струя») прибыл к Новороссийску и сменил ранее располагавшийся там отряд контр-адмирала Е.И. Колтовского³. Целью отряда являлось прекращение «торговых сношений враждующих с нами горцев с другими нациями»⁴. Распределив суда отряда на две смены, Нахимов посылал их поочередно на две недели крейсировать от Геленджика до Бомбор. В ходе крейсерства у восточных берегов Черного моря командир занимал офицеров и матросов практическими действиями. Кроме того, морякам не раз приходилось помогать гарнизонам укреплений Черноморской береговой линии и бороться с контрабандистами.

11 апреля шхуна «Гонец» между Сочи и Константиновским мысом в 12 милях от берега после двухдневного преследования овладела с боем одномачтовой чектырмой с товаром. На борту судна находились 28 черкесов и турок, не считая 8 женщин. В ходе перестрелки на чектырме были убиты двое. Остальных моряки после карантина передали сухопутному ведомству. 20 мая бриг «Паламед» взял вторую чектырму в 9 милях от берега, на высоте форта Лазарева. Люди с нее успели на фелюге бежать к берегу. Трофейные суда были доставлены в Новороссийск, и после продажи захваченных товаров казну пополнили более 2000 рублей⁵.

10 мая, получив сведения о появлении в Абхазии группы мятежных горцев, командир корвета «Пилад» по просьбе коменданта Сухума высадил десант, а корвет и вооруженные гребные суда поставил по флангам крепости; только 1 июня, с прибытием начальника береговой линии генерал-лейтенанта А. Будберга, по распоряжению Нахимова корвет отправился в Новороссийск⁶. Это уже был пример инициативы, проявленной молодым командиром.

Разлившаяся после продолжительных дождей река Шахэ размывала часть укреплений форта Головинского. Получив отношение генерал-лей-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 140—141.

² Там же. С. 150.

⁴ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Там же. С. 152—153.

⁶ Там же. С. 150.

тенанта А.И. Будберга от 10 июня о том, что нужно послать какое-либо судно в помощь гарнизону пострадавшего укрепления, Нахимов немедленно направил корвет «Пилад» и бриг «Паламед»¹. Там они находились до 1 июля, когда сам Нахимов на фрегате прибыл к укреплению и отправил корвет и бриг в крейсерство².

По пути к Головинскому укреплению суда «Пилад» и «Паламед» встретились с контрабандистами. 28 июня контр-адмирал рапортовал Николаю I, что 19 июня посланные им корабли на высоте форта Лазарева обнаружили три судна контрабандистов и в штиль послали за ними гребные суда. В схватке погибли лейтенант и матрос, пять матросов были ранены³.

Фактически произошло так: 19 июня корвет «Пилад» и бриг «Паламед» попытались в безветрие взять четырьмя гребными судами три чектырмы; шлюпки были отбиты с потерями вооруженными контрабандистами; командир брига отозвал свои суда, бывшие уже близко от берега, и чектырмы успели пристать в местечке Вардан. Получив через полчаса возможность двигаться, корабли за час истребили неприятельские суда у берега и ушли⁴. Но Нахимов считал, что следовало действовать по-другому. В приказе от 29 июня он сделал замечания проявившим нерешительность командирам судов: «Рассмотревши донесения командиров корвета «Пилад» и брига «Паламед» о действии их гребных судов против двух турецких контрабандных судов, нахожу, что главное упущено из виду, — а именно: нанеся значительный вред орудиями гребных судов контрабандистам, должно было броситься на abordаж и взять их. Конечно, потеря офицеров и людей могла быть значительнее, но честь и слава остались бы неукоризненными»⁵.

В середине июля горцы начали накапливаться вблизи Субаши. 18 июля генерал-лейтенант А.И. Будберг приказал командиру крейсировавшего на дистанции корвета «Пилад» встать вблизи укрепления Головинского, которому угрожали горцы, и поддержать его. Командир корвета выполнил приказ, высадил на берег 50 человек десанта и каждую ночь высылал гребные суда к реке, на другой фланг. 27 июля к нему присоединился фрегат «Кагул». Зная по сведениям лазутчиков о намеченном ночном нападении, Нахимов ночью встал на шпринг в 5,5 кабельтова от берега у речки, а днем крейсировал поблизости; 2 августа он ушел в Новороссийск, оставив корвет на прежнем по-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 144.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 152—153.

⁵ Там же. С. 146.

сту, и 4 августа послал на смену бриг «Эней», занимавший пост до смены 19 августа одним из судов контр-адмирала А.С. Ушакова. Горцы, ожидавшие ухода русских судов, так и не решились предпринять нападение¹.

До этого Нахимову вновь пришлось наблюдать за перекладкой мертвых якорей в Новороссийской бухте и установкой бакенов на банке и рифах. 26 мая прибыл корабль «Силистрия», моряки которого выполнили работу и 27 июня отправились обратно в Севастополь. 23 июля контр-адмирал, исполняя повеление главного командира Черноморского флота и не желая отрывать патрульные суда, на «Кагуле» лично осматрел окрестности мыса Вона, где собирались суда контрабандистов. Моряки заметили несколько турецких судов на воде и на суше, а турецкий бриг, стоявший в Орту, вышел в море и следил за движениями фрегата, направлявшегося к форту Навагинскому².

До 20 августа отряд Нахимова ходил у восточных берегов Черного моря, пока не пришла смена. За это менее чем полугодоевое крейсерство не раз случались эпизоды, требовавшие вмешательства моряков, не раз они вступали в бои или были готовы силой оружия поддержать своих товарищей. Несколько раз кораблям отряда самостоятельно и под командованием Нахимова приходилось помогать обороне прибрежных постов и укреплений. Но наиболее серьезной оказалась борьба с контрабандой — основная задача отряда.

Несмотря на небольшой срок в флагманской должности, сорокатрехлетний Нахимов решительно занимался приведением судов и служб на них в порядок и за февраль—март издал несколько дельных приказов³. Опытный моряк разными способами добивался повышения морской выучки. Он в приказах делал замечания командирам судов, которые неверно пользовались парусами, обещал о порядке на судне и проворстве команды судить по быстроте спуска и подъема вместе с флагом брам-реев и брам-стенг⁴. Поощряя инициативу, контр-адмирал ставил в пример бриг «Паламед», вылавливающий гребные суда для тушения пожара на берегу, не дожидаясь сигнала, тогда как все прочие значительно задержались⁵. Нахимов заботился о здоровье матросов. Обнаружив цинготных больных на фрегате «Кагул», он требовал от командира проведения регулярных осмотров команды и намеревался больных отправить на «Силистрию» в Севастополь, обещал в случае повторения

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 151.

² Там же. С. 152.

³ Там же. С. 139—141.

⁴ Там же. С. 142—143.

⁵ Там же. С. 144.

наказать по закону виновных офицеров¹. Нахимов приказал взыскать стоимость сломанного грот-марса-рея за счет прозевавшего вахтенного офицера². Ряд замечаний контр-адмирал сделал по недостаткам, замеченным на бриге «Эней»³.

В.А. Корнилов 14 марта 1846 года предложил М.П. Лазареву ввести Нахимова в качестве одного из директоров комиссии по восстановлению сгоревшей морской библиотеки в Севастополе. Он писал о моряке: «Я бы потому его желал, что он самый охотливый помощник всем нашим начинаниям...»⁴

В 1847 году на корабле «Ягудиил» Нахимов с 3 мая по 3 июня находился в плавании вторым флагманом практической эскадры⁵. Кроме крейсирования, эскадра сделала два рейса для перевозки войск и вернулась в Севастополь⁶. Контр-адмирал Ф.А. Юрьев, командовавший эскадрой, не раз выражал удовольствие второму флагману за сохранение места в строю, работу команд с парусами и выполнение сигналов⁷.

Осенью Лазарев поручил Нахимову испытать полученные с Камско-Воткинских заводов якоря для ботов. К весне 1848 года поручение было выполнено. Контр-адмирал не только сделал заключение о пригодности якорей, но и предложил методику их использования⁸.

Еще до начала кампании Нахимова назначили командиром отряда из фрегата «Коварна», корвета «Орест», брига «Фемистокл» и тендера «Нырок», который должен был сменить предшествовавший в патрулировании у берегов Кавказа⁹. Ему также вновь предстояло проверить мертвые якоря в Цемесской бухте. Предусмотрительный контр-адмирал заранее просил прислать в июне—июле корабль «Силистрия», а также два флашкоута (плашкоута) из Керчи и Севастополя¹⁰. Так как в мае ему обещали, что прибудет флашкоут из Севастополя, Нахимов добивался, чтобы вовремя приготовили и второй. В итоге Лазарев отдал приказ отправить флашкоут из Керчи в Севастополь для ремонта¹¹.

Кампания продолжалась со 2 мая по 2 октября 1848 года¹². 10 мая Нахимов рапортовал командиру Севастопольского порта вице-адмиралу

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 145.

² Там же. С. 146—147.

³ Там же. С. 148—149.

⁴ Там же. С. 141—142.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. Вклейка к с. 132.

⁸ Там же. С. 154—156.

⁹ Там же. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 155.

¹¹ Там же. С. 156—157.

¹² Там же. С. 7, 22.

А.П. Авинову: «По повелению в. пр.-ва № 150 с порученным мне отрядом, состоящим из фрегата «Коварна», корвета «Орест», брига «Фемистокл» и тендера «Нырок», сего числа снялся с Севастопольского рейда для следования к восточным берегам Черного моря на смену такового же отряда, состоящего под начальством контр-адмирала Колтовского»¹.

Фрегату предстояло базироваться на Новороссийск, выходя по необходимости для осмотров судов, крейсирующих на их станциях. Следовало держать суда для крейсерства от Пшада до Субаши, от Субаши до Адлера, от Сочи до Пицунды и от Пицунды до границы с Турцией. В то время как четыре легких судна крейсировали в море, два оставались им на смену. Так как первоначальной численности судов оказалось мало, к концу августа Нахимов располагал, кроме вышеуказанных, бригам «Птоломей» и шхунами «Дротик» и «Ласточка»². Посему 11 мая командир корвета «Орест» капитан 2-го ранга Д.А. Мацениго получил приказ: доставив рекрут в форт Вельяминовский, идти крейсировать от Субаши до Адлера, пока не сменит другое судно. Так как отряд по малочисленности не мог блокировать все побережье, 17 мая контр-адмирал отдал Д.А. Мацениго другой приказ: расширить крейсерство от Субаши до Гагр и при необходимости в случае нападения оказывать полное содействие гарнизону перестраиваемого форта Головинского. Крейсировать следовало до прибытия брига «Птоломей», после чего отправиться в Геленджик, в распоряжение начальника второго отделения, и чередоваться с бригам через 14 дней. Аналогичный приказ получил и командир «Птолomeя» капитан-лейтенант А.Ф. Варпаховский. Командиру шхуны «Дротик» капитан-лейтенанту Г.А. Кригеру контр-адмирал предписал сменить на дистанции от Субаши до Гагр бриг «Фемистокл» и крейсировать до прибытия другого судна, заправиться водой в Сухуме и идти на дистанцию от Пицунды до границы с Турцией, чередуясь через 14 дней с тендером «Нырок»³.

О том, что положение на побережье Кавказа не стало спокойным, видно из указаний Нахимова. 17 мая он предписывал:

«Начальник Черноморской береговой линии в отзыве своем от 28 апреля сего года за № 31 дал знать, что до сведения г. главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом дошло, что убухи приобрели в недавнее время от контрабандных турецких судов значительное количество пороха и ядер; что это заставляет предполагать, что и на других пунктах береговой линии запрещенные сношения горцев с турецкими подданными доселе еще довольно деятельны, что в настоящее время об-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 157.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 157—159.

стоятельство сие тем более важно и для нас вредно, так как вследствие известных событий на западе Европы нельзя сомневаться, что многие эмиссары иностранных государств будут стараться проникнуть не только по сухопутной границе Гурии, но и морем в Абхазию и иные места для подстрекания волнений в Закубанском крае и даже для тайного привоза оружия и огнестрельных припасов непокорным племенам, а может быть, и с другими преступными намерениями.

Вследствие сего предписывается командирам крейсирующих судов строжайше наблюдать за контрабандистами и употребить все, чтобы не допустить их на береговую линию. Предполагая, что каждый из командиров исполнит свою обязанность, не менее того, считаю необходимым сообщить об этом...»¹

25 мая П.С. Нахимов предписал Д.А. Мацениго следить, чтобы контрабандисты не увели суда, которые летом 1846 года вытащили на берег у устья реки Вардан². Командиру брига «Фемистокл» капитан-лейтенанту А.Х. Винку он 17 июня приказал принять деятельные меры к поимке лодки с двумя подозрительными иностранцами, о которых сообщал агент из Синопа; лодка эта от мыса Керемпе направилась к берегам Абхазии³.

Так как положение оставалось тревожным, сам Нахимов выходил в море. Посему 20 июня он дал указания капитану 1-го ранга П.М. Юхарину, который с «Силистрией» прибыл в Новороссийск, какие подготовительные работы выполнять до его возвращения⁴. После возвращения он сам принял участие в ремонте установленных якорей и 23 июня сообщал командиру Севастопольского порта вице-адмиралу С.П. Хрущеву, что с 5 по 23 июля основные работы проведены. Были заменены порванные звенья цепей и т.д.⁵. 5 августа Нахимов рапортовал Лазареву: «Поврежденные и потревоженные мертвые якоря, расположенные в Новороссийской бухте, исправлены и положены на прежние места. 4-го числа августа тендер «Струя» поднят и отведен к берегу; до окончательной же очистки и освидетельствования нельзя положительно определить, может ли быть приведен в Севастополь или нет»⁶.

6 августа контр-адмирал сообщал главному командиру, что повреждения не позволяют отправить тендер своим ходом под парусами, и просил прислать пароход для безопасной доставки флашкоутов и тен-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 158.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 163.

дера, пока не налетела сентябрьская бора. Когда Лазарев прислал «Бессарабию», Нахимов поручил командиру парохода доставить на буксире «Струю» и один из флашкоутов. Для большей безопасности опытный моряк рекомендовал идти вблизи берегов и при необходимости укрываться в Керчи, Феодосии или Ялте. Отправить и второй флашкоут он не решился и писал: «Конечно, тихая погода позволила бы довести до Севастополя и другой флашкоут, но предусмотрительность и осторожность в море всегда нелишнее дело»¹.

История с подъемом «Струи» началась в январе 1848 года. Контр-адмирал Юрьев 2-й доложил, что 12 января на его отряд налетела бора. В результате на берег были выброшены пароход «Боец», транспорт «Гостогай», бриг «Паламед» с единственной уцелевшей мачтой и корвет «Пилад». В направлении тендера «Струя» 13 января виднелся только рангоут, да заметили будто вспышки выстрелов. Только 14 января, когда мрачность уменьшилась, стало видно, что тендер затонул со всем экипажем (4 офицера, 48 нижних чинов), и из воды торчал лишь топ мачты. Лазарев писал В.И. Истомину, что подобного еще не случилось. Он сокрушался, что командир не догадался отдать якорь-цепи, чтобы судно выбросило на берег, но можно было спасти большинство экипажа, как то произошло на других потерпевших судах². Работа Нахимова позволила установить истину.

Весной 1848 года контр-адмирал Е.И. Колтовской, командовавший отрядом судов Абхазской экспедиции, предпринял меры для спасения судов. Удалось снять с мели и отправить в Севастополь корвет «Пилад», транспорт «Гостогай» и пароход «Боец». Тендер осмотрели водолазы, и по их рассказам решили, что повреждения затрудняют подъем «Струи» и следует отложить выгрузку, пока вода не станет более теплой. 15 апреля похоронили несколько тел, поднятых водолазами. В середине мая работа перешла к сменившему Колтовского Нахимову. Тот дважды прошел на фрегате вдоль всей линии постов до того, как прибыли корабль «Силистрия» и два килектора (флашкоута), которые контр-адмирал употребил сначала для приведения в порядок мертвых якорей, потревоженных борой, а затем — для подъема тендера. Сначала судно освободили от грузов, на что в условиях северо-восточных ветров ушло два месяца. Затем Нахимов применил оригинальный метод подъема. Килекторы поставили перед оконечностями тендера, который охватили системой канатов с оттяжками и воротами подняли из воды. За час удалось поднять судно до уровня палубы, покрытой илом и обломками.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 164.

² Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 359—360.

Забив отверстия, моряки за ночь отлили большую часть воды, очистили судно и поставили на просушку. Последние три тела были извлечены из кубрика. Доставленный благополучно на буксире «Бессарабии» в Севастополь, тендер подняли на мортон-эллинг и починили¹.

Нахимов руководил подъемом тендера «Струя», затонувшего в Новороссийской (Цемесской) бухте, с 12 мая по 5 августа². Его рапорт от 12 октября 1848 года возрождает картину борьбы русских моряков за жизнь судна:

«Прежде чем приступили к подъему тендера, он был осмотрен водолазами, и оказалось, что бушприт вдвинут внутрь, якоря вместе с верпами сброшены за борт и носовые орудия перевезены на корму, что доказывает, что приняты были меры к облегчению носовой части.

Цепи, на которых тендер стоял на мертвом якоре, найдены расклеванными сзади брашпиля, вероятно, командир тендера, видя безнадежное состояние свое, хотел воспользоваться единственным средством, остававшимся ему для спасения команды — выброситься на берег, но глыбы льда, покрывавшие весь бак и, можно сказать, превратившие в одну сплошную массу брашпиль, цепь и носовую часть, не позволили этого выполнить.

Вынувши рангоут, снявши артиллерию, выгрузивши балласт, ядра и прочие тяжести, тендер подняли. Изломанные топоры, интерпели и другое abordажное оружие, найденное в разных местах на верхней палубе тендера, говорят ясно об усилиях, употребленных для обрубания льда. Переборки, отделявшие кают-компанию, офицерские каюты и рундуки на кубрике, были сломаны. Флаги и багаж офицеров и нижних чинов совершенно сгнили и были заражены таким запахом, что нашли необходимым выбросить их за борт. Большая часть парусов оказалась к употреблению вовсе негодными. В разное время поднято по частям до 40 обезображенных трупов, которые с прежде поднятыми и выброшенными на берег составляют почти всю команду. Для очищения сильно заразительного запаха на тендере ставили жаровни, виндзейли и внутри красили несколько раз известью...»³

Известный морской историк А.П. Соколов отметил в предисловии к «Летописи крушений и пожаров судов русского флота»: «Подъем этого тендера, одна из искуснейших механических работ на море, делает честь контр-адмиралу Нахимову, под непосредственным руководством которого»⁴ он проводился.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 166—168.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 164—165.

⁴ Там же. С. 168.

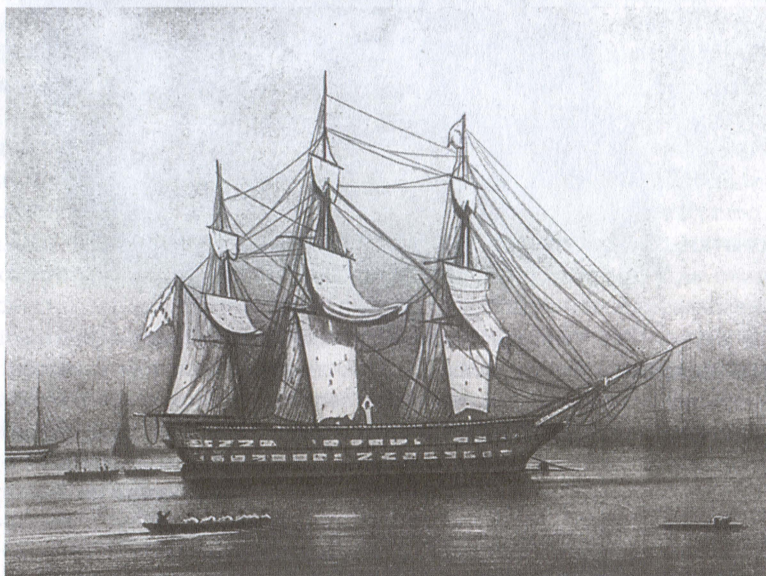

П. С. Нахимов

Линейный корабль
«Азов»

Корабль «Императрица Мария»

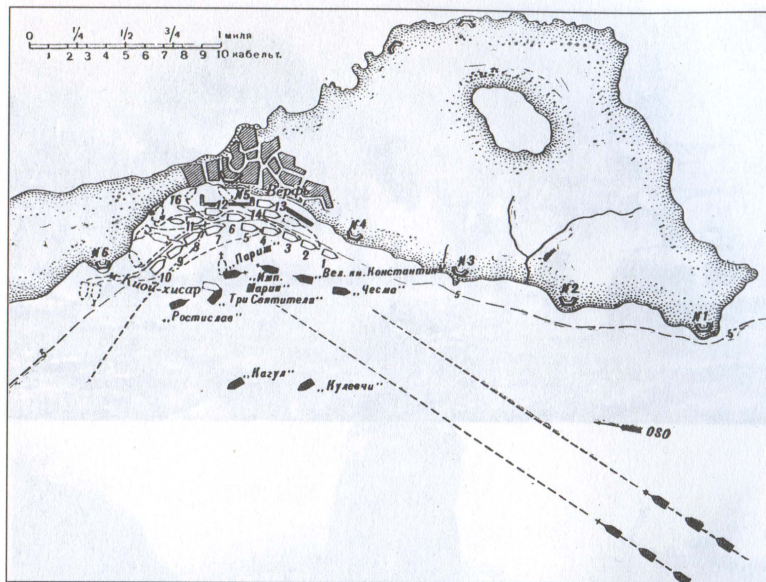
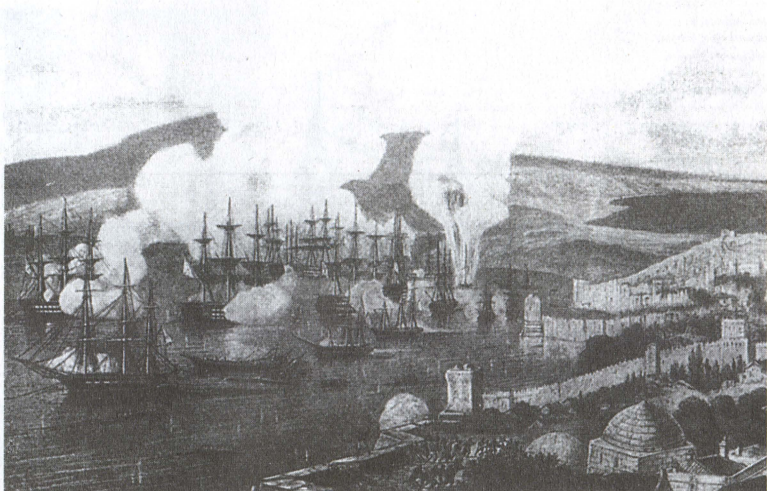
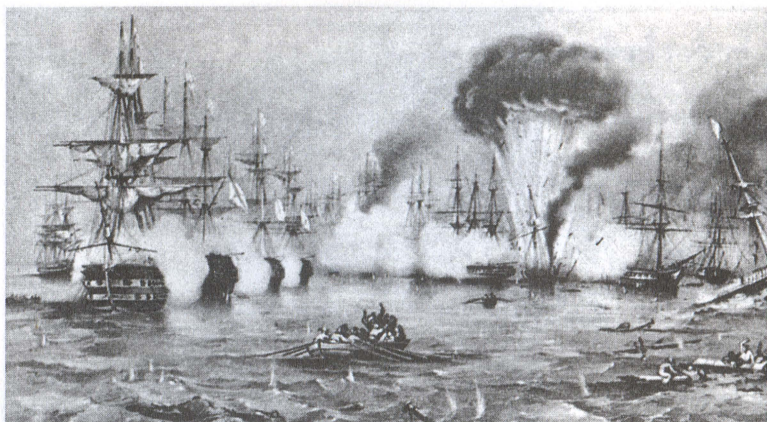

Схема Синопского сражения

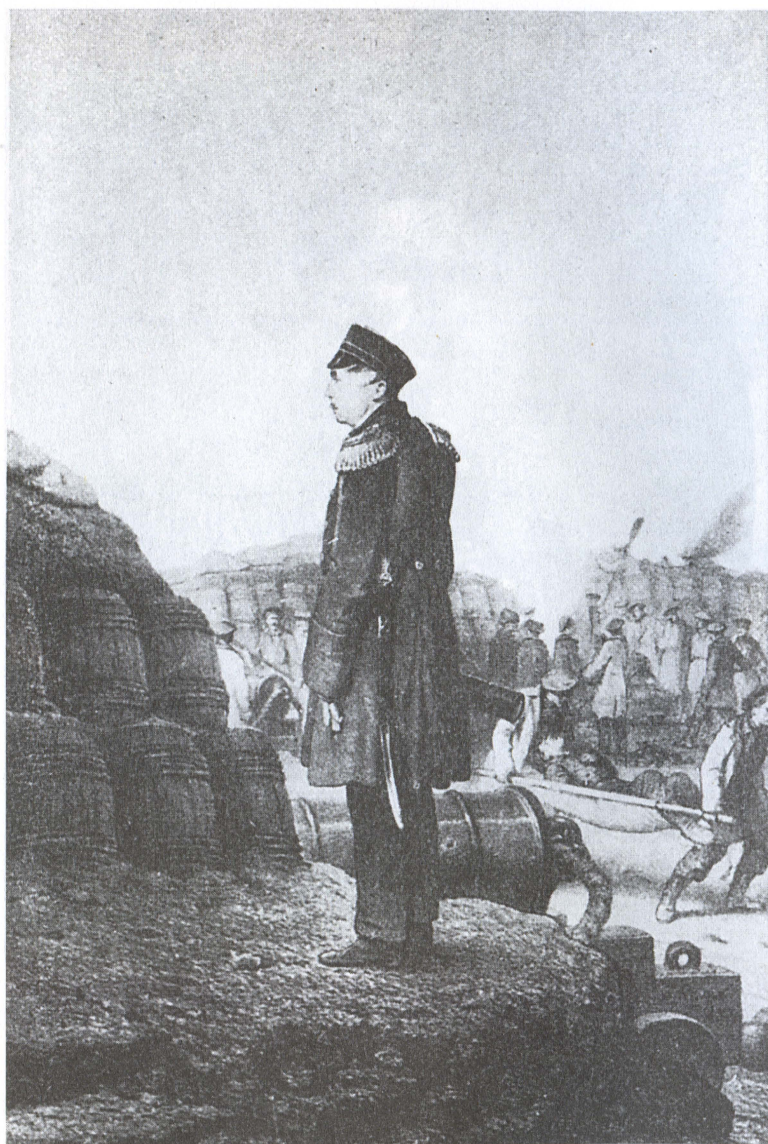

Вице-адмирал П.С. Нахимов на палубе «Императрицы Марии»

Синопское сражение, 1853 г.

Адмирал П.С. Нахимов на Малаховом кургане

В.А. Корнилов

Александр Васильевич Корнилов (1871-1918) — русский военачальник, генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны, командир 1-й армии в 1918 году.

В.А. Корнилов — командир брига
«Фемистокл»

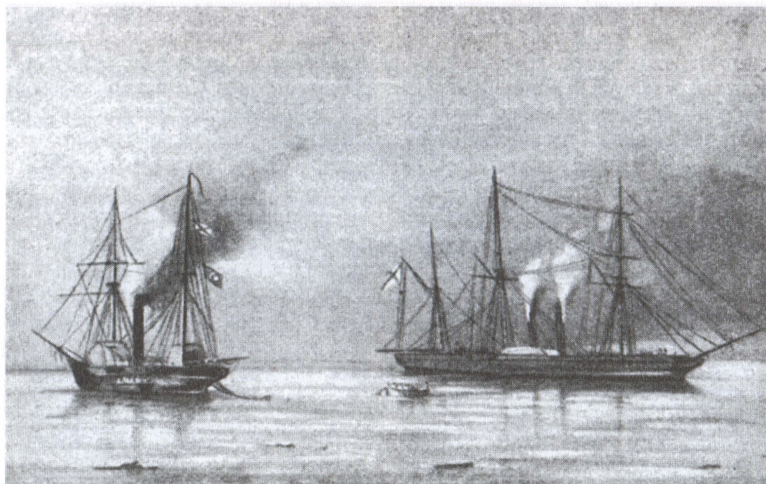

Бюст В.А. Корнилова в музее

В.А. Корнилов в каюте брига «Фемистокл» с художниками К.П. Брюлловым и
Г.Г. Гагариным

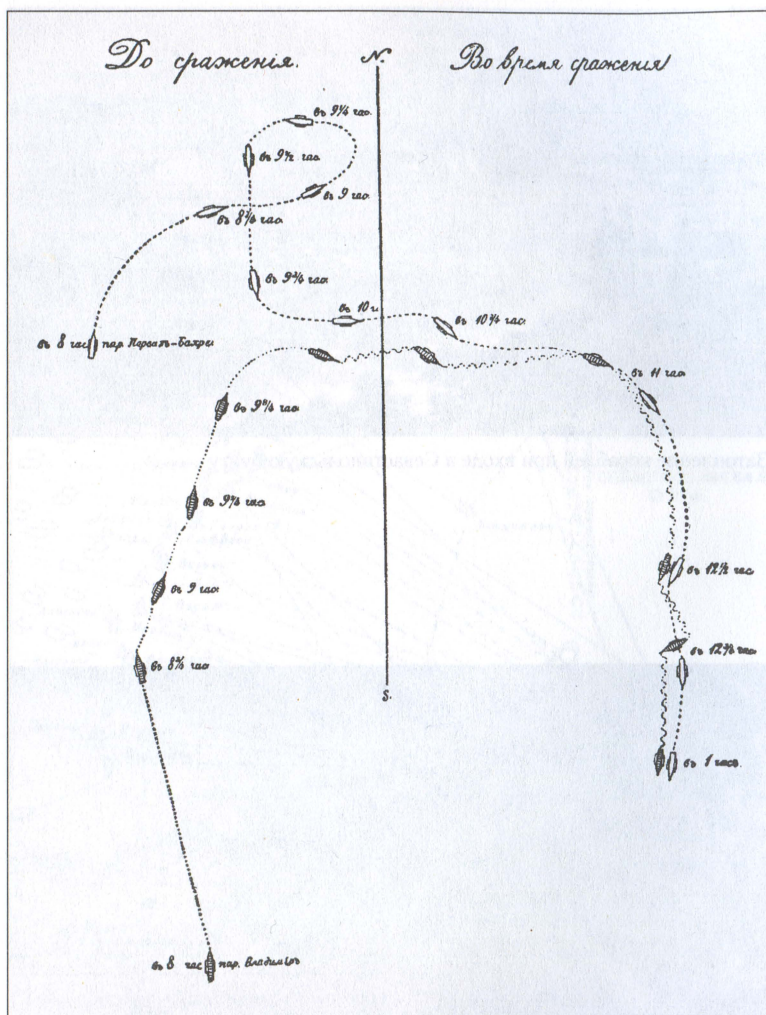

Взятие парохода «Перваз-Бахри» пароходофрегатом «Владимир»

Вид на Севастопольскую бухту

План боя пароходофрегаты «Владимир» с пароходом «Первас-Бахри»

Затопление кораблей при входе в Севастопольскую бухту

Бомбардировка Севастополя с моря, 1854 г.

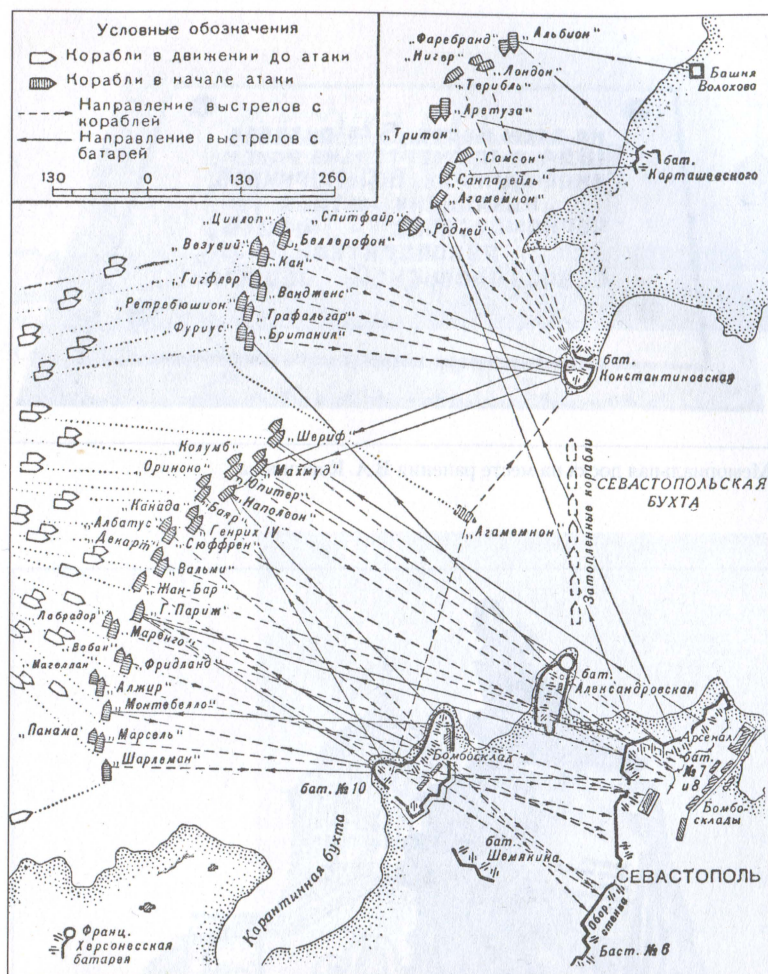

Схема обстрела Севастополя с моря 5 октября 1854 года

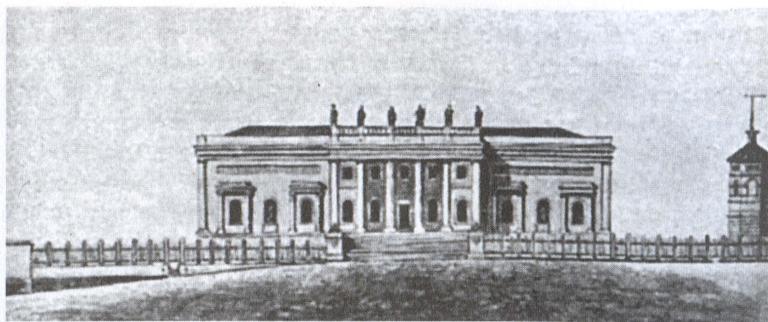

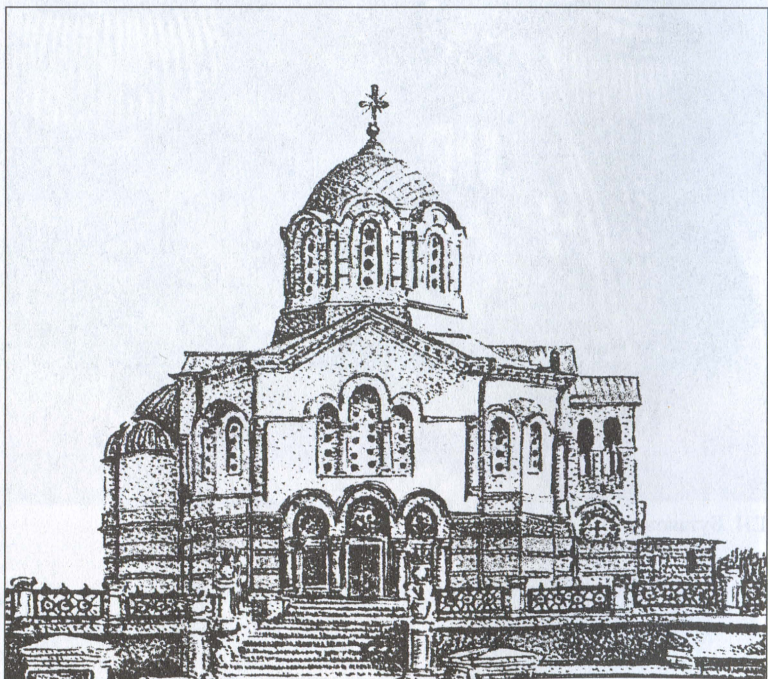
Мемориальная доска на месте ранения В.А. Корнилова

Памятник
В.А. Корнилову

Севастопольская морская библиотека

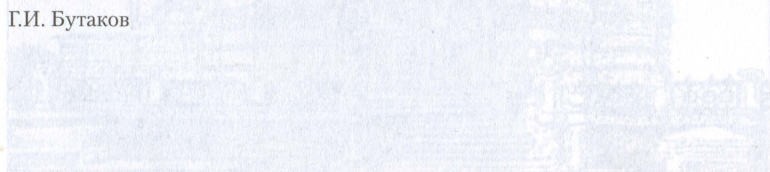

Владимирский собор в Севастополе

Г.И. Бутаков

Описание и устройство артиллерийских орудий
и боеприпасов. В 4-х томах. Т. 4. Корпуса

Н О В Ы Я

ОСНОВАНИЯ

ПАРОХОДНОЙ ТАКТИКИ

ГРИГОРІЯ БУТАКОВА.

When once explained, it is as simple
as how to make an egg stand on end
(Times).

Право перевода на иностранные языки удерживается автором.

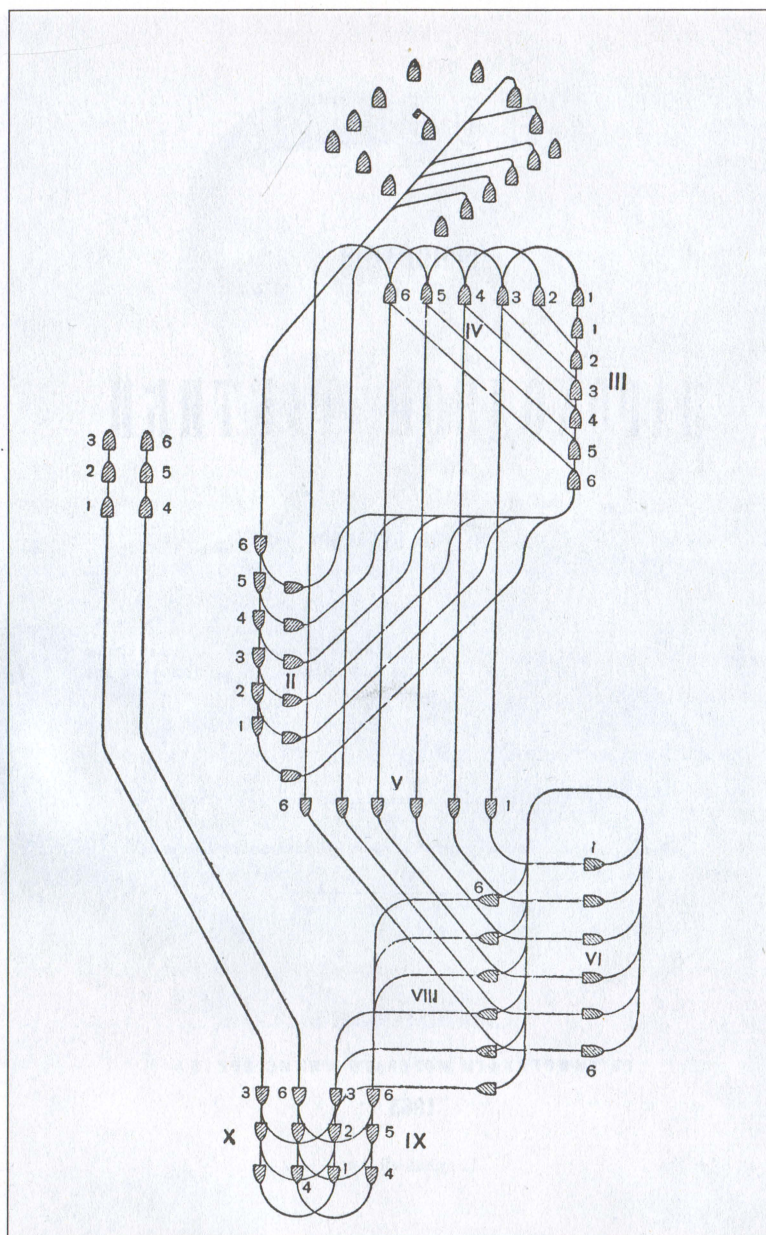
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА

1863.

Титульный лист

Эволюции судов броненосной эскадры Г.И. Бутакова

17 февраля 1849 года Нахимов назначили младшим флагманом 2-й практической эскадры, которую составили корабли 4-й флотской дивизии «Варна», «Селафаил», «Ягудиил», «Храбрый», «Три Святителя», «Уриил», «Ростислав», фрегаты «Мидия», «Кагул», «Сизополь», корвет «Пилад», бриги «Меркурий», «Эндимион», «Эней» под командованием вице-адмирала Ф.А. Юрьева, контр-адмиралов А.Г. Конотопцева и Нахимова. Эскадра эта получила приказ 8 июля, 14 июля отправилась в путь, вернулась в Севастополь 24 августа и после артиллерийских учений 30 августа вошла в гавань¹.

Нахимов поднял флаг третьего флагмана на корабле «Ягудиил»². Старший флагман вновь изъявлял свое удовольствие «Ягудиилом» за скорую пальбу из одной пушки, за разбитие бочки-цели ядром, за хорошую атаку и хорошее репетование сигналов. Из отчетной ведомости видно, что за кампанию резко уменьшилось время работы с парусами, что свидетельствует о результатах обучения команд³. Интересен отзыв капитана 1-го ранга С.А. Алексеева, который осенью 1849 года писал: «При отличных качествах всех кораблей, Черноморский флот составляющих, в 4-й флотской дивизии в прошлые годы в ходу, особенно в бейдевинд, отличался 84-пушечный корабль «Ростислав», ныне же с трудом мог оспаривать это превосходство у корабля «Ягудиил», который весьма улучшен постоянным вниманием г. контр-адмирала Нахимова»⁴.

Капитан 1-го ранга П.М. Юхарин после кампании отметил, что корабль «Силистрия» «во всех отношениях имеет весьма хорошие и удовлетворительные результаты, доказательством сему, что корабль, прослужа 14 лет, имея около 1 фута перелом, но не теряет ходкости, можно сказать, почти равной с прочими кораблями, и при значительном изменении дифферента действие руля остается правильным и корабль послушен, что также указывает хорошее образование подводной части»⁵.

В сентябре 1849 года, по возвращении из плавания, Нахимов подготовил заключение на разосланные весной по инициативе Лазарева «Правила, принятые на образцовом английском корабле «Екселент» для обучения нижних чинов артиллерии». Признав, что правила артиллерийских учений английского флота удобнее, чем до сей поры употреблявшиеся во флоте российском, он на основании собственного опыта сделал ряд замечаний⁶. Лазарев одобрил замечания, сделанные Нахимовым⁷.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 168—169.

² Там же. С. 7.

³ Там же. Вклейка к с. 132.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Там же. С. 171.

⁶ Там же. С. 169—170.

⁷ Там же. С. 172.

Осенью 1849 года, после проверки Корниловым положений изданной в 1847 году книги «Артиллерийское учение, составленное по правилам, принятым на английских военных судах» на борту фрегата «Коварна», Корнилов и Нахимов подготовили «Мнение» об этой книге. В письме 7 ноября 1849 года контр-адмиралу Е.В. Путятину Корнилов сообщал, что «...его высокопревосходительству [М.П. Лазареву] угодно было одобрить мнения контр-адмирала Нахимова и мое...» и он посчитал удобными некоторые нововведения, принятые на «Двенадцати Апостолах»¹.

В 1850 году Нахимова снова назначили командовать отрядом судов из фрегата «Кагул», бригов «Фемистокл», «Эндимион», шхуны «Смелая» и тендеров «Проворный» и «Нырок», предназначенным для крейсерства у берегов Кавказа. 25 мая отряд вышел из Севастополя для смены кораблей контр-адмирала П.А. Синицына. Кампания длилась до 23 ноября². После возвращения вновь Нахимов представил свои замечания, на сей раз по изданному в 1849 году «Своду морских сигналов»³.

30 марта — 10 апреля 1851 года, имея флаг на «Ягудииле», Нахимов командовал отрядом из трех кораблей, перевозивших войска из Севастополя в Одессу, с 4 мая по 23 июня плавал 2-м флагманом 1-й практической эскадры Черноморского флота⁴. 1 октября флагман представил обстоятельные замечания на проект III раздела Морского устава⁵. 20 ноября он представил такие же подробные примечания и на IV раздел «О службе на корабле»⁶. В тот же день он представил замечания на «Свод сигналов»⁷. 20 февраля 1852 года моряк сделал еще ряд замечаний по проекту IV раздела Морского устава и признал раздел II совершенно соответствующим назначению, о чем рапортовал председателю комитета по пересмотру морских уставов Великому князю Константину Николаевичу⁸. Весной он продолжал писать отзывы и замечания на устав. 6 мая, до выхода в море, Нахимов рапортовал о том, что не имеет замечаний по приложенным разделам Морского устава⁹.

Итак, Нахимов каждый год командовал в море отдельным отрядом судов либо состоял младшим флагманом практической эскадры, что постоянно увеличивало его практический опыт. Одновременно моряк

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 120.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 22, 173.

³ Там же. С. 173—175.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 177—183.

⁶ Там же. С. 190—193.

⁷ Там же. С. 199—201.

⁸ Там же. С. 201—202.

⁹ Там же. С. 204.

много читал. Он был старшим директором-учредителем Севастопольской морской офицерской библиотеки, пропагандистом чтения морской литературы для офицеров. Высокая образованность и опыт позволили ему стать одним из наиболее подготовленных критиков нового Морского устава.

После смерти М.П. Лазарева Нахимов, как старший директор Севастопольской морской библиотеки, в июле 1851 года добивался установки в зале библиотеки бюста адмирала; он внес 300 рублей на памятник учителю¹.

В программе плавания судов Черноморского флота, составленной в январе 1852 года, Нахимова еще записали как младшего флагмана². Но 30 марта 1852 года контр-адмирал поднялся на следующую ступень службы — был назначен командующим 5-й флотской дивизией; 18 апреля он вступил в командование³. 25 апреля начальник штаба Черноморского флота В.А. Корнилов определил его командовать 2-й практической эскадрой с контр-адмиралом Н.П. Вульфом в качестве младшего флагмана⁴.

4 июля 1852 года Нахимов доложил, что эскадра из кораблей «Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Святослав», «Гавриил», «Трех Иерархов» и брига «Птоломей» выведена на Севастопольский рейд⁵. Позднее к эскадре присоединились фрегаты «Кулевчи», «Коварна», корветы «Пиллад», «Калипсо» и бриг «Эней»⁶. Кампания длилась до 25 октября; за это время эскадра сделала два рейса в Одессу для перевозки войск, затем занималась эволюциями в Черном море, после чего вновь дважды ходила с войсками из Севастополя в Одессу и вернулась в главную базу⁷. На кораблях эскадры больных состояло всего восемь человек⁸, что свидетельствовало о заботе флагмана о подчиненных.

Нахимов держал флаг на корабле «Двенадцать Апостолов»⁹. Еще до окончания кампании, 2 октября, его приказом управляющего Морским министерством Великого князя Константина произвели в вице-адмиралы с утверждением начальником 5-й дивизии¹⁰.

Маневры флота осенью 1852 года под флагом исполняющего должность главного командира Черноморского флота и портов М.Б. Берха и

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 175—176.

² Там же. С. 201.

³ Там же. С. 202—203.

⁴ Там же. С. 203.

⁵ Там же. С. 204.

⁶ Там же. С. 205.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 205.

начальника штаба с Балтики контр-адмирала Н.А. Васильева прошли неудачно, ибо показали при хорошей подготовке отдельных кораблей слабую их сплаванность; Николай I, отметив недостаток, потребовал от В.А. Корнилова обучить флот, завершивший перевозку войск в Одессу¹. В свою очередь Корнилов предложил Нахимову ввести для офицеров эволюции гребными судами, чтобы выработать глазомер и умение действовать рулем и парусами².

Любопытно, что при практической эскадре не было вовсе пароходов и не стоял вопрос о их взаимодействии с парусными судами. Этим пришлось заниматься уже в военное время.

В 1853 год Нахимов вступал с лестной характеристикой. В письме Великому князю Константину В.А. Корнилов отмечал: «Для командования в важных экспедициях, но чисто военных, я бы полагал способными адмиралов Нахимова, Новосильского и Метлина. Из них Нахимов был воспитанником адмирала Лазарева и потому имеет большую опытность в устройстве, отделке судов и практическом кораблевождении...»³

Так получилось, что после смерти М.П. Лазарева Нахимов и Корнилов, как ближайшие и наиболее авторитетные его ученики, общественным мнением были признаны наследниками покойного адмирала. По старшинству первое место полагалось Нахимову, но Корнилов уже занимал пост начальника штаба флота. Если бы два вице-адмирала были склонны к интригам, все бы это имело значение. Однако Нахимов не собирался претендовать на первое место. А.П. Жандр, адъютант Корнилова, позднее писал: «...Служа вместе на корабле «Азов», под командою Михаила Петровича Лазарева, эти два человека сохранили приятельские отношения и в высших чинах. В Севастополе Корнилов всегда останавливался у Нахимова, который не раз говорил, что желал бы назначения Владимира Алексеевича главным командиром; бескорыстно преданный службе, Павел Степанович забывал свое старшинство и видел в этом назначении преуспевание Черноморского флота; он знал, что его дело — водить флоты в море, и что ему не по силам административные и письменные занятия, неразлучные с званием главного командира. Высоко ценя дарования и деятельность Корнилова, Павел Степанович старался всеми силами содействовать ему в общем деле совершенствования Черноморского флота, и содействие такого отличного моряка, конечно, было полезно во многих технических вопросах...»⁴

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 206.

² Там же. С. 205—206; Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 166.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 207.

⁴ Там же. С. 207—208.

Трудно сказать, не ревновал ли втайне Корнилов к той любви и известности, которой обладал на флоте Нахимов. Не потому ли он так стремился сам командовать в бою, чтобы получить и авторитет среди моряков, и, наконец, те полномочия, которые требовались ему для поддержания боеспособности флота на высоком уровне? Во всяком случае, в аттестационном списке от февраля 1853 года начальник штаба Черноморского флота писал: «Вице-адмирал Нахимов. Отличный военноморской офицер и отлично знает детали отделки и снабжения судов; может командовать отдельною эскадрою в военное время»¹. Эту характеристику П.С. Нахимову довелось оправдать в том же году.

Кампания 1853 года

В 1853 году обострился восточный кризис, вызванный политическими и экономическими противоречиями между Россией, с одной стороны, и Турцией, Англией и Францией — с другой. Английское правительство рассчитывало, что новая вспышка восстания горцев Кавказа против российского самодержавия позволит Турции вернуть ранее потерянные ею владения и не допустить выхода России к Средиземному морю. Конкуренции российской торговли на Средиземноморье опасались и французские правящие круги. Турецкое правительство рассчитывало добиться реванша на Кавказе, опираясь на поддержку англо-французского флота. Турки стремились разжечь затухшее было пламя национального движения горцев, перебрасывая на Кавказское побережье оружие и боеприпасы. К границе России Турция сосредоточивала войска, и возникала реальная угроза русским укрепленным постам на берегах Кавказа.

Николай I намеревался установить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, над дунайскими княжествами и добивался права покровительства православным подданным султана. Уже в конце 1852 года он начал подготовку плана войны с Турцией. 14 декабря начальник Главного морского штаба получил приказ подготовить Императору соображения о возможности захвата Босфора. 16 декабря А.С. Меншиков представил эти соображения. Военный министр анализировал опыт прежних десантов, а полковник Генерального штаба Сакен сообщал о слабости укреплений в проливах. Опираясь на представленные материалы, Николай I решил, что необходимо организовать быструю и решительную высадку двух дивизий из Севастополя и Одессы в Константи-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 207.

нополе для захвата как города, так и Босфора с Дарданеллами. Он предполагал преградить путь французскому флоту, который мог прибыть на призыв султана¹.

9 января 1853 года Николай I впервые высказал английскому послу сэру Гамильтону Сеймуре идею раздела «больного человека», каковым он называл Турцию. Через несколько дней Император продолжил разговор и заявил, что, если ему удастся договориться с английским правительством по поводу раздела Турции, его не будут беспокоить позиции других стран. Сеймур уклонился от ответа, пока не получил из Лондона инструкции. Английское правительство заявляло, что не намерено разговаривать о наследстве еще существующей Турецкой империи, но не собирается после ее падения вступать в какие-либо соглашения без консультации с Россией. Император России в ответ изложил Сеймуре свои планы: удержать под покровительством России независимые дунайские княжества, придать такой же статус Болгарии и Сербии; он не возражал против присоединения Египта и Крита к Англии².

Чтобы получить уверенность в возможности осуществить намеченное, Император дал приказ сделать расчет перевозки войск на Босфор. Расчет в феврале 1853 года подготовил начальник штаба Черноморского флота и портов В.А. Корнилов. Более того, 19 марта 1853 года он представил управляющему Морским министерством Великому князю Константину Николаевичу записку о слабости турецкого флота и о том, что в случае захвата Дарданелл удастся удержать их против сколько угодно сильного противника. Однако идея рискованной операции не была одобрена А.С. Меншиковым, который находился в Константинополе³.

Николай I, исходя из благожелательной позиции английского правительства, направил А.С. Меншикова с чрезвычайной миссией в Константинополь. Адмиралу предстояло добиваться права России покровительствовать православным подданным султана, угрожая при необходимости признанием независимости дунайских княжеств. Так как турки болезненно относились к этому вопросу, Император ожидал, что переговоры не приведут к положительному решению и станут поводом к войне⁴.

Вопреки ожиданиям Николая I, английская дипломатия поддерживала твердую позицию турецкого дивана и обещала в случае военных

¹ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955. С. 58—59.

² Там же. С. 53—54.

³ Там же. С. 60—61.

⁴ Там же. С. 53—54.

действий России помощь со стороны европейских государств. Англо-французская эскадра, прибывшая к Дарданеллам, демонстрировала, что европейские великие державы готовы прийти на помощь султану. Англичане добивались ухудшения русско-турецких отношений и ослабления двух государств в истощающей борьбе. Организовав кампанию в прессе, Лондон вызвал подъем негодования в европейских странах по отношению к России, что способствовало созданию антирусской коалиции. Вопреки ожиданиям России, Англия смогла договориться о союзных действиях с Императором Франции Наполеоном III, который нуждался в военных успехах. В числе противников России оказались Австрия (обеспокоенная политикой Николая I на Балканах) и Пруссия, ибо Император России мешал объединению Германии¹.

Николай I 22—23 марта писал о том, что ввиду сложности десанта в Босфор есть необходимость высадить войска в Варне, занять Бургас и одновременно двинуть сухопутную армию через княжества к Дунаю. Однако главнокомандующий действующей армией граф Паскевич-Эриванский, опасаясь ослабления армии на западе, предложил полумеру: послать две-три дивизии для занятия дунайских княжеств. Он рассчитывал, что Турция испугается и пойдет на уступки².

9 мая 1853 года после неудачных переговоров с правительством султана А.С. Меншиков оставил Константинополь, что означало дипломатический разрыв с Турцией.

Однако Император все еще не имел плана действий ввиду того, что выявилась возможность столкновения с коалицией европейских государств. 16—17 мая он составил «Предположения действий при разрыве с Турцией». Документ предполагал занятие дунайских княжеств до тех пор, пока Турция не удовлетворит требования России. На этом этапе флоту предстояло оставаться у своих берегов, ограничиваясь наблюдением за иностранными флотами силами крейсеров. Если бы на турок это не подействовало, следовало блокировать Босфор и заявить, что в случае несговорчивости турок будет объявлена независимость княжеств и Сербии; Николай I рассчитывал, что Сербию и Герцеговину займет Австрия и русским войскам не придется переходить Дунай. Если бы и это не помогло, Император намеревался признанием независимости княжеств начать разрушение Оттоманской империи. На основании этих «Предположений» Николай I издал 14 (26) июня манифест о занятии Молдавии и Валахии. 21 июня (3 июля) русские войска перешли Прут и в начале июля заняли княжества без сопротивления. Ту-

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 55—58.

² Там же. С. 61—62.

рецкие войска сосредоточились на правом берегу Дуная в ожидании поддержки, обещанной Англией¹.

Русско-турецкие коммерческие связи пока не прекращались. Россия не предполагала производить военные действия, но Черноморский флот готовился к войне. В начале мая обе дивизии из 12 линейных кораблей, 6 фрегатов и мелких судов приготовились к походу, а 2 новых корабля должны были летом вступить в строй. В готовность к боевым действиям привели и Дунайскую флотилию².

В середине мая начальник Главного морского штаба Меншиков признал полезным выслать в район между Босфором, Варной и мысом Кермепе на анатолийском берегу два фрегата и три мелких судна для извещения о выходе в Черное море турецких или иностранных военных судов³. Поддержкой крейсерам должна была служить практическая эскадра. 1-ю практическую эскадру составили в феврале из кораблей 5-й дивизии и 1-й бригады 4-й дивизии. 10 мая, начиная подготовку к летней кампании, принявший командование практической эскадрой Нахимов отдал приказ о том, чтобы при обучении матросов гребле на каждой шлюпке находился офицер. 12 мая он составил диспозицию эскадре на Севастопольском рейде, а 13 мая — о выходе на рейд следующим днем⁴.

На рейде стоять пришлось недолго. Ввиду угрозы войны и по приказу Меншикова В.А. Корнилов 17 мая предписал Нахимову, присоединив три брига, выйти с 1-й практической эскадрой в крейсерство к мысу Херсонес, имея провизии на 4 месяца; фрегаты «Кулевчи», «Коварна», бриги «Язон», «Эней» и «Птоломей» ему следовало направить в крейсерство между Херсонесом и Босфором. Эскадре предстояло расположиться на пересечении 44-й параллели и 2-го меридиана, чтобы при необходимости, присоединяя крейсирующие суда, послать известие через Одессу или Севастополь и ожидать у Херсонеса либо отходить с главными силами в Севастополь на соединение с остальными кораблями Черноморского флота⁵.

18 мая вице-адмирал Нахимов отдал приказ по эскадре, чтобы при выходе в море корабли взяли все гребные суда и в случае посылки их куда-либо по сигналу на шлюпке всегда был офицер. С одной стороны, это повышало ответственность командира гребного судна, с другой — давало дополнительную практику управления молодым мичманам, ко-

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 63—65.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 210.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 234.

⁵ Там же. С. 208—209.

торых обычно и посылали на шлюпках. В тот же день флагман отдал приказ о принятии к руководству правил для соблюдения линии и дистанции при последовательных поворотах в дополнение имеющихся в сигнальных книгах. Получив предписание Корнилова, Нахимов 20 мая отдал приказ о подготовке судов к выходу в море 23 мая, а 22 мая сообщил о дипломатическом разрыве с Турецкой империей при сохранении коммерческих связей¹.

А.С. Меншиков осмотрел 1-ю практическую эскадру вице-адмирала Нахимова, затем на эскадре по его приказу побывал Корнилов. Время плавания Нахимов успешно использовал для обучения команд. Корнилов был убежден в хорошей морской и боевой подготовке эскадры. Он доносил 10 июня Меншикову:

«Эскадру в.-ад. Нахимова из кораблей «Двенадцать Апостолов», «Гавриил», «Ягудиил», «Святослав», «Варна», «Селафаил», фрегата «Флора» и корвета «Калипсо» я встретил между Тарханкутом и Херсонесом на половине расстояния.

По удостоверению г. Нахимова, которого я посетил, эскадра имеет все, нужное для военных действий; артиллерия в исправности, и при произведенной пальбе ядрами в бочку с флагштоком корабли падали особенно удачно. По моим собственным замечаниям, они в отношении к маневрам и управлению провели три недели в море с большою пользою. Ко всему этому следует присовокупить, что больных очень мало»².

В ходе кампании Нахимов внимательно следил за тем, как действуют команды подчиненных ему кораблей. Неоднократно он поднимал сигналы, побуждающие соблюдать правила и инструкции при движении в строю. Больше всего доставалось кораблю «Святослав», на котором флаг держал младший флагман контр-адмирал П.М. Юхарин. За 40 дней Нахимов адресовал ему 32 сигнала из-за несохранения места в порядке (строю) и несоблюдения правил и эволюций, 26 сигналов было поднято из-за несоблюдения инструкций и правил. 11 июня вице-адмирал изъясил Юхарину свое неудовольствие несохранением места в строю. Значительно реже Нахимов изъяснял удовольствие или особенное удовольствие. В результате плавания мастерство команды значительно возросло: быстрее брали рифы у марселей, ставили и убрали паруса, меняли паруса и рангоут, становились на якорь. В числе лучших оказался флагманский корабль «Двенадцать Апостолов», которому Нахимов за меткую стрельбу в цель ядрами и бомбами 6, 24 и 25 июня

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 234.

² Там же. С. 209.

приказом по эскадре объявил благодарность, а десяти комендорам из собственных денег пожаловал по рублю¹.

Не ограничиваясь подготовкой отдельных кораблей, Нахимов организовал учебный бой 16 июня. В этом бою кораблю «Гавриил» капитана 1-го ранга Н.Ф. Юрковского предстояло сразиться с кораблем «Селафаил» капитана 1-го ранга А.А. Зорина и фрегатом «Флора» капитан-лейтенанта А.Н. Скоробогатова. Двум последним Нахимов в 14.39 приказал атаковать «Гавриил». Так как фрегат оказался на ветре «Гавриила» в 4,5 кабельтова, а «Селафаил» — в 9 кабельтовых под ветром, Зорин в 14.45 приказал Скоробогатову атаковать неприятеля, а через 5 минут поднял сигнал спуститься на противника с расчетом, что тот будет вынужден сблизиться с его кораблем. Фрегат приблизился и открыл огонь из орудий в левую скулу «Гавриила», который мог отвечать только из носовых пушек. Юрковский повернул и обратил огонь всего борта против «Флоры», однако сблизился с «Селафаилом». Тот сделал залп с расстояния 8 кабельтовых, на что получил замечание флагмана: «Ваши ядра и бомбы не достигают предмета». Командир «Гавриила» пробовал выйти из опасного положения, но неверно повернул и подставил свою корму под огонь «Селафаила». Подробно разобравший это сражение Нахимов отметил ошибки противников, которые повлекли поражение «Гавриила», но могли оказаться роковыми и для «Селафаила»². 27 июня он отдал приказ при повороте оверштаг не задерживать долго передних парусов, а переносить их вовремя³.

29 июня произошел учебный бой между эскадрами Нахимова и Юхарина, завершивший учебное плавание. Прибывший к крейсирующей практической эскадре адмирал Меншиков, разделив ее на две колонны, приказал командующим произвести атаку по своему усмотрению с артиллерийской стрельбой. Наветренную колонну контр-адмирала Юхарина составили корабли «Святослав», «Варна» и «Селафаил», подветренную колонну Нахимова в 2 милях от нее — «Двенадцать Апостолов», «Гавриил» и «Ягудиил». Обе колонны шли со скоростью 3 узла⁴.

Не видя желания атаковать со стороны Юхарина, Нахимов сам решил в наступление. Он решил повернуть последовательно, прорезать первым кораблем боевую линию противника, шедшего с дистанциями 2—3 кабельтова, поразить оконечности двух кораблей и затем повернуть к концевым кораблям, в то время как следовавшие за ним корабли должны были атаковать неприятеля с подветра, поставив конце-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 216—227.

² Там же. С. 228—229.

³ Там же. С. 234.

⁴ Там же. С. 230—232.

вые его корабли в два огня. В 11.52 он поднял соответствующий сигнал. Но в 11.05 Юхарин, заметив маневр, поторопился уменьшить скорость и сомкнуть линию. Тогда Нахимов, воспользовавшись уменьшением скорости противника, изменил план атаки и приказал в 11.12 атаковать неприятеля с наветра. Его корабль «Двенадцать Апостолов» прошел контркурсом вдоль линии от головного до концевого корабля. Передовой корабль Юхарина начал огонь в 11.15 слишком рано, и когда флагман Нахимова оказался на траверзе противника, то мог стрелять по нему почти без сопротивления, после чего «Двенадцать Апостолов» прекратил огонь, чтобы дым рассеялся ранее, чем корабль придет на траверз «Варны». Обстреляв «Варну», Нахимов то же самое проделал и с «Селафаилом». Обойдя противника с кормы, в 11.21 «Двенадцать Апостолов» действовал огнем продольно по всей линии. Следовавший за ним «Гавриил» не смог правильно повернуть и атаковать противника с кормы, тогда как «Ягудиил» в соответствии с планом поражае «Селафаил» продольным огнем, но недолго, ибо передовые корабли неприятеля отвернули. В 11.30 последовал приказ прекратить огонь. Нахимов считал, что поражение наветренной колонны было неизбежно¹.

Пока Нахимов находился в крейсерстве, в начале июня на рейд вышла 2-я практическая эскадра вице-адмирала Ф.А. Юрьева из кораблей «Три Святителя», «Париж», «Храбрый», «Чесма», «Уриил», «Ростислав», фрегатов «Сизополь», «Кагул» и корвета «Пилад». Эскадра проводила учения в быстроте, меткости выстрелов и точности исполнения движений. В то же время экипажи транспортов учились грузить и выгружать лошадей. 4 июня высочайшее повеление предписало всех моряков из команд, остававшихся в Севастополе, обучать работе при орудиях на батареях Южной стороны. Батареи Северной стороны предоставили для обучения чинов сухопутного ведомства. Через 2 месяца проверка, проведенная А.С. Меншиковым, продемонстрировала отличный результат учения с пальбой в цель².

Так как поступило известие о подготовке турками судов для перевозки пороха горцам, 8 июня Корнилов предписал М.Н. Станюковичу усилить крейсерство у восточного побережья Черного моря. Южный отряд контр-адмирала П.А. Синицына из фрегата «Месемврия», корвета «Калипсо», брига «Птоломей», шхун «Смелая», «Дротик», тендера «Скорый» должен был крейсировать в южной части побережья, с центром в Сухум-Кале, и выслать «Калипсо» на меридиан Синопа для связи с босфорскими крейсерами. Уже бывший в крейсерстве отряд переиме-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 230—232.

² Там же. С. 211.

новали в Северный отряд для охраны северной части побережья. Оба отряда поступали в распоряжение начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л.М. Серебрякова. От эскадры вице-адмирала Юрьева следовало по одному кораблю на трое суток высылать для практических занятий в плавание к Херсонесу. Контр-адмирала Ф.М. Новосильского срочно вызвали в Севастополь¹.

2-я практическая эскадра под начальством командующего 4-й флотской дивизией контр-адмирала Ф.М. Новосильского сменила эскадру Нахимова, которая 29 июня вернулась в Севастополь². Но предвоенная обстановка требовала быть настороже. Уже 30 июня Нахимов приказал командирам кораблей эскадры поторопиться залить воду, принять порох и снаряды взамен затраченных в кампанию³. Его беспокоила боеготовность кораблей. 6 июля вице-адмирал писал В.А. Корнилову о необходимости унифицировать размеры трубок и отверстий для них у бомб, которые на заводе выпускали с большим разбросом⁴, 25 июня — о непригодности материала, отпущенного для зарядных картузов пушек большого калибра⁵, 13 августа рапортовал о результатах испытания фонарей применительно к условиям боевой службы и предпочитал слюдяные, ибо стеклянные разбивались при выстрелах и падении⁶.

Тем временем Корнилов вывел эскадру в море. 7 августа он застал на рейде Севастополя главные силы флота: 14 кораблей, 3 фрегата и корвет. 8 августа начальник штаба флота поднял флаг на корабле «Двенадцать Апостолов». Приказав принять на корабли второй комплект барказов, вице-адмирал удостоверился, что каждый корабль в состоянии высадить 500 человек с вооружением⁷. В тот же день он отдал приказ на проведение маневров. Начальник штаба Черноморского флота намеревался после практического плавания атаковать оставленные на Севастопольском рейде корабли эскадры контр-адмирала А.И. Панфилова двумя колоннами, по пути высадив на берега Севастопольской бухты десант со шлюпок⁸. 10 августа эскадра из кораблей «Двенадцать Апостолов», «Три Святителя», «Париж», «Храбрый», «Чесма», «Уриил», «Ростислав», «Святослав», фрегатов «Коварна» и «Кулевчи», пароходов «Владимир» и «Грозный» вышла в море. В этот день провели проверку

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 183.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 211.

³ Там же. С. 234—235.

⁴ Там же. С. 213—214.

⁵ Там же. С. 214.

⁶ Там же. С. 215.

⁷ Там же. С. 211.

⁸ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 184—185.

новых кораблей «Великий князь Константин» и «Императрица Мария», которые продемонстрировали хорошую ходкость. Эскадра занималась эволюциями и артиллерийскими стрельбами. Вечером 11 августа оба новых корабля вернулись в Севастополь, а фрегат «Коварна» отправился в крейсерство перед Константинополем¹.

12 августа эскадра Корнилова приблизилась к Севастополю двумя колоннами, по четыре корабля и фрегату. За 20 минут корабли спустили по два барказа и два полубарказа, расположенные между колоннами на буксирах, после чего эскадра продолжила движение ко входу в бухту по сигналам: «Сняться с дрейфа», «Поставить все паруса», «Сделать по три выстрела из каждого орудия, начиная по второй пушке адмиральского корабля». При входе корабли шли под всеми парусами, сохраняя дистанцию и расстояние между колоннами в 100 саженей. При прохождении батарей с них вели огонь артиллеристы и портовые команды по боевому расписанию. Пройдя батарею Павловскую и № 4, корабли отпустили гребные суда, которые пошли к берегу под прикрытием парходов «Владимир» и «Грозный». На флагманском корабле Корнилова появился сигнал: «Поставить противника в два огня». «Обороняющаяся» эскадра из шести кораблей была построена в одну линию курсом на середину входа в Севастопольскую бухту. «Двенадцать Апостолов» встал против четвертого в линии корабля, за ним вступали в бой, становясь на якоря с кормы, остальные корабли, обходившие первые четыре корабля с двух сторон, тогда как фрегаты заняли позицию у тыльных орудий входных батарей (Павловской и № 4). Со своей стороны, два концевых корабля эскадры Панфилова развернулись поперек бухты и открыли продольный огонь по атакующим колоннам².

Сообщая Меншикову об этих маневрах 15 августа, Корнилов писал: «Спуск гребных судов с роств пред входом и потом проводка их между крепостей внутри колонн и, следовательно, прикрытыми от крепостных выстрелов и, наконец, установление кораблей на позицию, бросая якорь с кормы, составляли главный предмет предпринятого маневра. Я теперь вполне убедился, что корабли в этом новом для них случае не затруднятся, когда это от них потребуется»³. С одной стороны, Корнилов проверял готовность флота к высадке десанта, с другой — готовность отразить нападение на Севастополь с моря. Со временем этот опыт использовал Нахимов.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 189; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 212.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 189—190; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 212—213.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 190.

Нахимов в августе подготовил отчеты о проведенных в июне учениях, в которых показал, каких успехов добились моряки¹. Но тратить много времени на отчеты и отдых не приходилось. На Кавказе возникла опасность восстания горцев, побуждаемых турецкими и британскими агентами. Чтобы ликвидировать угрозу с юга, где у границ России накапливались турецкие войска, потребовалось перебросить на Кавказ 13-ю пехотную дивизию из Крыма. 10 сентября 1853 года на кораблях получили приказ командира Севастопольского порта о формировании по воле Меншикова (от 8 сентября) из кораблей Черноморского флота трех эскадр. Первую эскадру из кораблей «Двенадцать Апостолов», «Великий князь Константин», «Париж», «Императрица Мария», «Храбрый», «Чесма», «Святослав», «Ягудиил», «Ростислав», пароходов «Владимир» и «Грозный» возглавлял Нахимов с контр-адмиралом А.И. Панфиловым в качестве младшего флагмана. Нахимову же подчинялась и вторая эскадра контр-адмирала Н.П. Вульфа из фрегатов «Сизополь», «Кагул», 10 транспортов, пароходов «Бессарабия», «Одесса», «Эльбурс», «Боец», «Молодец» и шхуны «Аргонавт». Третью эскадру контр-адмирала Ф.М. Новосильского составили корабли «Три Святителя», «Уриил», «Селафаил», «Гавриил», «Варна» и фрегат «Флора». Утром 10 сентября Нахимов поднял флаг на корабле «Великий князь Константин»².

Сроки на подготовку дали самые сжатые. Уже 15 сентября Корнилов предписал Нахимову порядок перевозки войск на побережье Кавказа. Следовало в тот же день принять артиллерию и тяжести, 16 сентября — лошадей и людей и 17 сентября выступить, причем пароходам взять на буксир транспорты. Сам Корнилов намеревался на «Владимире» прибыть в Сухум-Кале, сделать указание Н.П. Вульфу о срочной выгрузке транспортов и пароходов. С несколькими пароходами начальник штаба хотел встретить корабельный флот в районе Бомбор, чтобы помочь при выгрузке, а остальные пароходы и транспорты должны были вернуться в Севастополь для того, чтобы вторым рейсом перевезти оставшихся лошадей и продовольствие³.

14 сентября погрузили на суда обоз, 15—16 сентября — войска, артиллерию и лошадей⁴. 17 сентября Нахимов рапортовал Николаю I, что оставил Севастополь с эскадрой из 12 кораблей, 2 фрегатов, 2 корветов, 7 пароходов, 11 транспортов, на которые были погружены части 13-й пехотной дивизии и 2 легких батарей⁵.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 215—232.

² Там же. С. 232—233.

³ Там же. С. 235—236.

⁴ Там же. С. 248.

⁵ Там же. С. 236—237.

С рассветом, когда установился попутный ветер, сначала вышли транспортные на буксире пароходов и отряд Вульфа, а за ним и весь корабельный флот. К полудню, когда ветер стал стихать, корабельный флот отстал¹.

Начальник Кавказского корпуса избрание места высадки предоставил В.А. Корнилову. Сначала предполагали, что высадка состоится в Сухум-Кале. Однако, прибыв к порту, удобному для выгрузки малых, но не больших судов, вице-адмирал решил избрать местом выгрузки с кораблей Анакрию вблизи Редут-Кале и выслать навстречу пароходы. За 19—21 сентября произвели выгрузку лошадей и части людей, а транспорты с тяжестями и артиллерией также послали к Анакрии. Корнилов заранее выслал к месту высадки бриг «Птоломей» и тендер «Скорый», чтобы избрать удобное место для выгрузки. 22 сентября сам он с пароходами «Владимир», «Бессарабия» и «Одесса» направился навстречу флоту, который из-за слабого ветра двигался медленно. Встреча произошла на высоте Пиунды, и пароходы на следующее утро доставили к Анакрии три корабля. На рассвете 24 сентября парусный флот прибыл на рейд Анакрии, а к 16.00 высадка войск уже была завершена, после чего флот возвратился в Севастополь².

24 сентября с рейда Анакрии Нахимов рапортовал адмиралу М.Б. Берху, что прибыл к цели, отправив часть судов к Сухум-Кале. Больных оказалось лишь 7 человек сухопутного и 4 — морского ведомства³. Всего было перевезено 16 393 человека, 2 батареи и другие тяжести, 824 лошади⁴. 24 сентября Корнилов рапортовал Меншикову, что в Анакрии высадили 4 полка и 2 батареи, в Сухум-Кале — 6 рот и лошадей⁵.

Тем временем два корабля и два фрегата, посланные в Одессу за войсками, сделали один рейс и вышли во второй. Вся операция завершилась 2 октября⁶. Докладывая 3 октября Николаю I об экспедиции, А.С. Меншиков сообщал как об организаторской роли Корнилова, так и о «...примерной и настойчивой исполнительности командовавшего флотом в сей экспедиции вице-адмирала Нахимова»⁷.

Флот вернулся в Севастополь. Однако отдых оказался недолгим. Угроза войны становилась все более явственной. 2 (14) июля Турция обратилась к великим державам с протестом против занятия дунайских княжеств русскими войсками. Летом 1853 года английская и француз-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 249.

² Там же. С. 248—250.

³ Там же. С. 241.

⁴ Там же. С. 245, 239.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Там же. С. 248, 250.

⁷ Там же. С. 247.

ская эскадры в готовности стояли у Дарданелл. На запрос султана, готовы ли эскадры пойти через проливы в случае русских демонстраций у Босфора, адмиралы ответили утвердительно. На Черное море вышел для рекогносцировки турецкий пароход с английскими и французскими офицерами. Пока Турция к войне не приготовилась, союзники вели переговоры, способствуя ее примирению с Россией. Когда на Дунае были сосредоточены 143 тысячи войск султана, Турция могла применить силу. 14 (26) сентября диван решил объявить войну. 22 сентября (4 октября) появился манифест о священной войне против России. 26 сентября (8 октября) главнокомандующий турецкой армией на Дунае Омер-паша послал М.Д. Горчакову требование очистить дунайские княжества в течение 15 дней. Так как главнокомандующий Дунайской армией ответил, что не имеет полномочий вступать в соглашения о войне, мире или очищении княжеств, Омер-паша начал боевые действия утром 11 (23) октября обстрелом из Исаки русской флотилии, проходившей вверх по Дунаю. А в ночь на 16 (28) октября турки захватили пост Св. Николая вблизи Потти. Казалось бы, Николай I получил необходимый предлог для развертывания боевых действий. Правда, он совсем не ожидал, что за спиной Турции будут стоять Англия и Франция с их первыми по мощи флотами. Опасность войны с коалицией оказывалась вполне реальной. Однако 21 октября (2 ноября) обнародовали манифест русского Императора с объявлением войны Турции¹. Россия входила в большую войну, к которой не была готова.

Тем временем и на Черном море готовились к войне. 1 октября Корнилов направил Меншикову записку с предложением занять русскими войсками Сизополь и Синоп как базы для русских крейсирующих судов². Князь не поддержал это предложение. Решили ограничиться крейсерством. 5 октября адмирал М.Б. Берх отдал приказ командиру Севастопольского порта вице-адмиралу М.Н. Станюковичу отправить эскадру П.С. Нахимова из четырех линейных кораблей для крейсирования на пересечении меридиана Тарханкута и параллели 43 градуса; ему подчинили фрегаты и бриги Босфорского отряда и пароход «Бессарабия». Следовало также снабдить командами и артиллерией пароходофрегаты, которые ранее использовали как пакетботы для сообщения с Константинополем³.

Нахимову 5 октября М.Б. Берх дал следующее предписание:

«В. пр-во отряжаетесь с эскадрою из кораблей «Ягудиил», «Храбрый», «Чесма» и «Императрица Мария», фрегатов «Коварна», «Кулев-

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 66—67.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 194—195.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 250.

чи» и «Кагул», бригов «Эней» и «Язон» и пароходофрегата «Бессарабия» в крейсерство между Анатолией и Крымом, держась по возможности на меридиане Тарханкута и параллели 43 градуса.

Один фрегат и бриг по очереди надлежит содержать на Севастопольском рейде, как для отдыха этих судов, крейсирующих с начала лета, так и для сообщения с портами.

Пароходофрегат «Бессарабия» дождется окончательной инструкции в. пр-ву и, когда доставит оную, поступит в состав эскадры для употребления по вашему усмотрению.

Цель посылки эскадры та же, что и прежде бывших крейсеров, дабы при ожидаемом разрыве иметь морские силы у берегов Турции и особенно на сообщении Константинополя с анатолийскими прибрежными городами, и потому до получения новых инструкций не надлежит считаться в войне»¹.

Еще до выхода эскадры в море стало известно о том, что турки усиленно готовятся к войне. Чтобы избежать внезапного нападения, Меншиков через В.А. Корнилова послал М.Н. Станюковичу распоряжение направить Нахимову предписание присоединить пароход «Бессарабия» и распространить крейсерство к анатолийскому берегу между Амастро и мысом Керемпе, чтобы расположиться на коммуникации турецкой столицы с Батумом, куда направлены три турецких парохода с пушками. Разрешая эскадре показываться в виду берегов, Корнилов предписывал не начинать боевых действий до получения указаний либо до неприязненных действий со стороны турок. Следовало также послать пароход «Владимир» в Одессу и направить пароход «Дунай» для предупреждения о возможном нападении турок и присоединении к Нахимову фрегата «Коварна» и брига «Эней», крейсировавших у Босфора².

Получив предписание, Нахимов 10 октября отдал приказ о приведении кораблей в боевую готовность:

«В дополнение копии с предписания ко мне, объявленной мною командирам, я нахожу нужным предложить им по выходе в море зарядить все орудия ядрами за исключением некоторых в опер-деке для сигналов; при учениях орудия непременно разряжать; к ночи или даже днем, в туманное время, после учения непременно зарядить; разложить в ящики, развешанные по бортам между орудиями, по два боевых картуза с порохом, за исключением лазаретов и около камбуза, и за ними артиллерийским офицерам иметь самый бдительный надзор. Ударные трубки разложить по лядункам, столько, сколько может понадобиться

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 251.

² Там же. С. 253—254.

для дела. Ружейные патроны иметь под рукой, так чтобы при тревоге легко было их раздать стрелковой и abordажной партиям, abordажное оружие иметь отпущенным и в совершенной готовности. Держать постоянно часовых на салингах и обо всяком показавшемся судне немедленно извещать адмирала.

При встрече с турецким военным судном первый неприязненный выстрел должен быть со стороны турок, но то судно или суда, которые на это покусятся, должны быть немедленно уничтожены.

В заключение я должен сказать, что, имея таковой отряд под командой, мне ничего не остается более желать, как скорейшего разрыва со стороны России с Турцией, и тогда я убежден, что каждый из нас исполнит свое дело¹.

11 октября эскадра П.С. Нахимова в составе линейных кораблей «Императрица Мария», «Чесма», «Храбрый», «Ягудиил», фрегата «Кагул» и брига «Язон» оставила Севастополь; Нахимов поднял свой флаг на корабле «Императрица Мария»². Фрегаты «Коварна», «Кулевчи» и бриг «Эней» уже крейсировали в море, наблюдая за движением турецких судов³.

Итак, Нахимов получил инструкцию не начинать боевых действий до нападения турок, ибо в Босфоре стояла англо-французская эскадра, а русскому послу в Лондоне было предъявлено заявление, что в случае атаки турецких портов союзные корабли вступят на Черное море для их защиты. 9 октября Николай I сообщил А.С. Меншикову, главнокомандующему морскими и сухопутными силами в Крыму, об этом заявлении и предписал избегать нападения на турецкие гавани⁴.

Черноморский флот безусловно мог одержать верх над турецким, но явно уступал по числу кораблей, особенно паровых, объединенным англо-франко-турецким силам. Неудобное осеннее крейсерство Нахимова оставалось единственным средством воздействия на турецкую морскую активность.

А активность турки проявляли. Еще 8 октября из Константинополя стало известно, что турецким военным кораблям приказано после 9 октября нападать на слабые русские силы; в Батум прошли три пароходофрегата с крепостной артиллерией⁵. Появление эскадры Нахимова между мысом Керемпе и портом Амастро заставило турецкое командование прекратить отправку судов к Кавказу в ожидании, что русские

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 254—255.

² Там же. С. 255.

³ Там же. С. 251.

⁴ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 111.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 252—253.

корабли уйдут на зимовку¹. Но расчет не оправдался: несмотря на ненастную погоду, русские моряки продолжали крейсерство.

12 октября, отправив находившиеся у турецких берегов фрегат «Коварна» и бриг «Эней» в Севастополь, Нахимов занял позицию между мысом Керемпе и Амастро. Первые дни с эскадры П.С. Нахимова лишь наблюдали за движением почтовых и торговых турецких судов, не препятствуя им².

Тем временем 12 (24) октября А.С. Меншикову и начальнику штаба Черноморского флота вице-адмиралу В.А. Корнилову стало известно в Николаеве об обстреле русской флотилии на Дунае турками, что означало открытие военных действий. Вернувшись в Севастополь, Корнилов 16 октября отдал приказ приготовить к выходу в море эскадру контр-адмирала Ф.М. Новосильского, а остальные четыре корабля составили эскадру контр-адмирала Н.П. Вульфа для обороны главной базы³. 18 октября В.А. Корнилов послал с фрегатом «Коварна» письмо, разрешающее эскадре П.С. Нахимова уничтожать или задерживать военные суда турок, отпуская суда купеческие, если на них нет служащих или грузов, принадлежащих правительству султана⁴. В тот же день, получив извещение о повелении царя оставаться в оборонительном состоянии, Корнилов направил Нахимову с корветом «Калипсо» соответствующее письмо⁵. 19 октября он послал своего адъютанта Г.И. Железнова к Нахимову с очередным посланием, предлагавшим выжидать первого выстрела турок⁶. Пароход «Одесса», на котором шел Железнов, догнал «Коварну» и «Калипсо», оба были возвращены в Севастополь, а Нахимов 20 октября получил письмо об отмене не дошедших до него ранее приказов⁷.

А.С. Меншиков тем временем решил под свою ответственность атаковать турецкий флот, если тот расположится вне Босфора; князь в предписании от 20 октября поторопил ранее задуманную Корниловым рекогносцировку⁸.

Выступившие 23 октября в поход четыре парохода под флагом Корнилова прошли вдоль берегов Болгарии до Бургаса, не заметив противника; 26 октября с пароходофрегата «Владимир» увидели у входа в Бос-

¹ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 67.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 255—256.

³ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 119—120; Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 198—200.

⁴ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 120; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 257.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 260.

⁶ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 121.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 256.

⁸ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 121.

фор эскадру из пяти фрегатов, корвета и парохода¹. Другие русские суда видели несколько линейных кораблей и фрегатов². 28 октября вице-адмирал вернулся в Севастополь; получив предписание А.С. Меншикова об истреблении флота, вышедшего из Босфора, он вечером того же дня отдал приказ эскадре контр-адмирала Ф.М. Новосильского, присоединив пароходофрегаты «Владимир», «Одесса», бриг «Эней», выйти в море. В приказе присутствовали следующие любопытные строки: «...если бы счастье нам благоприятствовало и мы бы встретили неприятеля, то с помощью Божиею офицеры и команда судов, со мною отплывающих, вполне воспользуются случаем увеличить наш флот новыми кораблями»³. Эта часть приказа позволит нам понять последующие действия Корнилова.

29 октября эскадра оставила Севастополь⁴. Нахимову Корнилов в тот же день писал, что рассчитывает на его победу над турецкой эскадрой⁵. Сам он намеревался пройти вдоль берегов Черного моря до встречи с эскадрой Нахимова и вернуться в главную базу⁶. Существовал также замысел зажать турок между двумя эскадрами и уничтожить⁷. Однако реальные действия не позволили осуществить замысел.

Эскадра В.А. Корнилова, преодолевая шквалы и сильное волнение, продвигалась к мысу Калиакрия. Нетерпеливый вице-адмирал, узнавший 4 ноября от выходившего к Босфору на разведку пароходофрегата «Владимир», что у пролива стоят фрегаты и легкие суда, что англо-французский флот не появлялся в море, что 31 октября три турецких парохода вышли в Трапезунд, решил предупредить Нахимова и отправился на «Владимире» к востоку, поручив Новосильскому также найти эскадру Нахимова, оставить ему при необходимости два корабля и вернуться в Севастополь⁸. Если бы Корнилов твердо придерживался своего плана, не было бы, возможно, и Синопского сражения.

Морской советник в Турции англичанин А. Слейд описывает деятельность турецкого флота следующим образом. После начала войны в море крейсировала эскадра. Когда стало известно о появлении в море русских трех линейных кораблей, двух фрегатов и парохода (эскадра Нахимова), Слейда отправили на спешно снаряженном фрега-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 201—203.

² *Жандр А.* Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859. С. 85.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 203.

⁴ Там же. С. 206.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 262.

⁶ Там же. С. 264—265.

⁷ *Горев Л.* Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С.123.

⁸ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 208—210.

те «Нусретие», который вскоре присоединился к эскадре и крейсировал с ней в конце октября и начале ноября, выдержав шторм и снегопад; 31 октября слой снега на палубе составлял несколько дюймов. Корабли теряли ориентировку, а фрегат «Каиди-Зефер» штормом занесло в Синоп¹.

Перед отплытием Слейд рекомендовал не отправлять в Синоп одни легкие силы, и капудан-паша, соглашаясь с главным советником, намеревался доказывать правительству необходимость послать на зимовку также два корабля². Однако британский посол по совету адмиралов настоял на том, чтобы не посылать в Синоп линейные корабли; союзный флот ограничил поддержку переходом в Бейкос, ближе к выходу из Босфора³.

В это время турки продолжали переброску войск и оружия на берега Кавказа. Сначала на восток направились упомянутые выше три пароходфрегата, затем в Синоп выступили пять фрегатов и корвет Осман-паши. Для их прикрытия на Черное море выходил весь турецкий флот, о чем писала зарубежная пресса⁴. Этот факт подтверждают наблюдения выходивших к Босфору русских крейсеров. Но опрошенные шкиперы сообщали, что турецкий флот недолго оставался в море и вечером вернулся в Босфор⁵.

Пароходофрегаты прошли к цели незамеченными. Парусную эскадру видели впервые моряки с пароходофрегата «Одесса» в ночь на 1 ноября, но не смогли передать сведения⁶. Вторым оказался «Владимир».

Вице-адмирал Корнилов болезненно переживал недостаток пароходов в Черноморском флоте. С другой стороны, моряк хотел победы, подобной Наваринской⁷. Поэтому, когда 5 ноября вблизи Пендераклии были замечены паруса шести судов, принятых за эскадру Нахимова, и дым парохода, Корнилов приказал править в сторону дыма. Из-за ошибки счисления он думал, что находится между Амастро и мысом Керемпе⁸. В результате жестокого боя «Владимир» овладел турецким пароходом «Перваз-Бахри» и повел его в Севастополь после встречи с эскадрой Новосильского; последний получил приказ следовать к мысу Керемпе на

¹ Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. London, 1869. P. 131—134.

² Там же. P. 131—132.

³ Там же. P. 135—136.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1958. Т. 9. С. 569.

⁵ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 95.

⁶ Там же. С. 98—99.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 260—261.

⁸ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 96.

встречу с эскадрой Нахимова, сменить у него при необходимости пострадавшие корабли исправными и вернуться в Севастополь¹. Около 16.00 с «Владимира» вновь видели две эскадры, но приняли турецкую за корабли Нахимова². Тем временем виденная у Пендераклии эскадра Осман-паши благополучно прошла мимо, ибо единственный наличный пароход оказался вовлечен в несвойственное ему дело вместо разведки.

Кроме «Владимира», турецкую эскадру видели и с других русских судов, но по разным причинам информация об этом не доходила до командования русского флота³.

Как же случилось, что и Нахимов, эскадра которого крейсировала на пути Осман-паши, не обнаружил его эскадру в море?

26 октября вице-адмирал получил предписание А.С. Меншикова от 23 октября открыть боевые действия против турецких военных судов⁴. Не имея инструкции о действиях против торговых судов, в рапорте Корнилову от 29 октября вице-адмирал запрашивал:

«По занятии с октября 13-го числа назначенной мне дистанции в первые дни прошло мимо эскадры два больших парохода, обращающихся между Константинополем и восточными портами, впоследствии по утрам виден был один пароходный дым к О или W, из чего предполагаю, что турецкие пароходы не прекращают свои сообщения, несмотря на присутствие у их берегов нашей эскадры, изменяя только час своего отправления из расчета проходить место крейсерства вплоть у берега по ночам, раз только, октября 25-го после полудня, небольшой пароход без флага буксировал купеческий бриг к О, и, когда я отделил фрегат и пароход «Бессарабия» осмотреть их вблизи и принудить поднять флаг, пароход бросил судно в местечке Фоказ и думал уйти, но по пятому ядру поднял турецкий военный флаг и был оставлен в покое согласно имеющейся тогда инструкции; после этого случая, по всем вероятностям, я уже не увижу никого более; сообщая об этом в. пр-ву, покорнейше прошу испросить мне разрешение оставить дистанцию и крейсировать по усмотрению для того, чтобы мог являться там, где не ожидают отряда.

В предписании <...> мне е. с-ти сказано, чтобы с купеческими турецкими судами и пароходами поступать согласно вашему уведомлению, но, не имея от вас по этому предмету ни строчки, я покорнейше прошу поспешить меня уведомить, как действовать не только с ними, но и с судами и пароходами иных держав»⁵.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 204, 210—211.

² Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 97.

³ Там же. С. 98—99.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 261.

⁵ Там же. С. 262.

1 ноября на пароходе «Бессарабия», вернувшемся после погрузки угля в Севастополе, прибыло сообщение о начале войны и приказание главнокомандующего захватывать транспортные суда с военными припасами¹. По предписанию Меншикова от 30 октября Нахимову не следовало пропускать турецкие суда в азиатские порты, особенно Батум и Трапезунд; появление кораблей иных стран не ожидали, однако в случае их выхода на Черное море следовало сообщить в Севастополь, а при появлении превосходящих сил — возвращаться в главную базу². Отвечая на запрос Нахимова в донесении от 29 октября, Меншиков предоставил ему право покидать назначенную дистанцию; сообщая о паровой эскадре в Трапезунде и движении эскадры [Осман-паши. — Н. С.] к Кавказскому побережью, а также о выходе эскадры Корнилова в море, князь Меншиков предлагал не захватывать турецкие купеческие суда несколько дней, пока российские суда не оставят турецкие порты³.

Нахимов 1 ноября сигналом сообщил лишь о начале войны и приказал поздравить команды⁴. 3 ноября погода позволила довести до экипажей содержание манифеста и приказов вице-адмирала о начале войны и готовности кораблей к бою. В первом приказе П.С. Нахимов сообщал:

«Не имея возможности за крепким ветром и большим волнением два дня передать на суда вверенного мне отряда копии с манифестом объявления войны Турции, я передаю их теперь и предлагаю гг. командирам приказать священникам прочесть их при собрании всей команды.

Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с 6-ю кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров, во втором — с божиею помощью и уверенностью в своих офицерах и командах я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика»⁵.

Во втором приказе флагман еще более твердо заявлял: «Получив повеление начать военные действия против военных турецких судов, я счи-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 257, 263.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 263—264.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Там же. С. 269.

таю нужным предупредить командиров судов вверенного мне отряда, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверенным, что каждый из нас сделает свое дело...»¹ Далее Нахимов давал уже вполне конкретные указания иметь офицеров на салингах для корректировки и о том, как вести огонь артиллерии в дыму.

Из приказов Нахимова очевидно вытекает, что он, получив разрешение, готов атаковать неприятеля и встреча с турецкой эскадрой неминуемо приведет к схватке. Не только предписания командования, но и убеждения самого начальника эскадры были тому залогом, а последующие действия — подтверждением.

4 ноября посланный для осмотра торговых судов пароход «Бессарабия» захватил турецкий пароход «Меджари-Геджарет», шедший из Синопа. Командир «Бессарабии», увидев на востоке пароходный дым, применил хитрость: прикрыл трубу брезентом и под парусами начал лавировать навстречу пароходу. Приблизившись, он сделал предупредительный выстрел, после которого турецкий пароход направился к берегу, и с него на шлюпке съехали капитан, помощник и турецкие чиновники, направлявшиеся в Константинополь².

При опросе команд купеческих судов выяснилось, что в Синопской бухте стоят три фрегата, два корвета и транспорт³. Но сразу идти к Синопу Нахимову не пришлось.

5 ноября трофей, который готовили отправить в Севастополь, пригодился. Утром с эскадры услышали гром выстрелов (бой «Владимира» с «Перваз-Бахри»), и Нахимов, предполагая столкновение кораблей Корнилова с турками, сделал попытку в безветрие буксировать корабли поочередно двумя пароходами на шум сражения⁴. Даже в таких безвыходных для парусников условиях адмирал не задумался, идти или нет на помощь соратникам. К вечеру две парусные эскадры встретились. Нахимов узнал от Ф.М. Новосильского о бое «Владимира», который отправился с плененным пароходом на буксире в Севастополь, и сам сообщил Новосильскому о начале войны⁵. На следующий день, присоединив корабли «Ростислав», «Святослав» и отправив в главную базу с Новосильским поврежденные штормом корабль «Ягудилл» и бриг «Язон», вице-адмирал с пятью кораблями, фрегатом и пароходом по-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 269.

² Там же. С. 258.

³ Там же. С. 271.

⁴ Там же. С. 258.

⁵ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года // Военный сборник. 1903. № 11. С. 45.

шел к Синопу¹. 7 ноября он встретил направлявшееся в Синоп с грузом угля купеческое судно; так как документов на груз не было, а шкипер сказал, что везет уголь немецкой компании, Нахимов отпустил судно, взяв часть угля для «Бессарабии» в обмен на квитанцию². Это был, вероятно, первый случай перегрузки топлива с одного судна на другое в море.

8 (20) ноября моряки русской эскадры увидели через перешеек мачты четырех больших судов на рейде, но вскоре шторм отогнал корабли в море и нанес значительные повреждения их рангоуту³. 10 ноября Нахимов отправил в Севастополь корабли «Храбрый», «Святослав», фрегат «Кулевчи» на ремонт и пароход «Бессарабия» для пополнения запасов угля; с последним шли донесения адмирала о выходе к Синопу и штормовых повреждениях кораблей. В одном из донесений вице-адмирал, не располагая людьми, знающими турецкий язык, просил прислать для опроса переводчиков хотя бы на часть кораблей, в другом просил как можно быстрее вернуть «Бессарабию» или прислать другой пароход, который крайне необходим в крейсерстве⁴. Трофейный пароход убыл в главную базу ранее. Оставив фрегат «Кагул» в дозоре у мыса Керемпе, Нахимов с тремя кораблями и бригом пошел к Синопу, чтобы уничтожить обнаруженную там эскадру⁵. Но 11 ноября в Синопской бухте оказались значительно большие силы. В рапорте Станюковичу от 11 ноября Нахимов сообщал:

«Обозревши сего числа в самом близком расстоянии порт Синоп, я нашел там не два фрегата, корвет и транспорт, как доносил в. пр-ву, а 7 фрегатов, 2 корвета, 1 шлюп и 2 больших парохода, стоящих на рейде под прикрытием береговых батарей.

Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтобы сорвать такой отряд военных судов в Синопе, я положительно останусь здесь в крейсерстве и буду их блокировать до прибытия ко мне двух кораблей, отправленных мною в Севастополь для исправления повреждений, тогда, несмотря на вновь устроенные батареи, кроме тех, которые показаны на карте Манганари, я не задумаюсь их атаковать. Убедительно прошу в. пр-во поспешить прислать два корабля моего отряда и фрегат «Кулевчи», который вместо двух недель, как предполагали отправить его из Севастополя, стоит там более месяца, а если корабли

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 136.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 271.

³ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 52.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 271—272.

⁵ Там же. С. 272.

«Святослав» и «Храбрый» прибыли, то их легко снабдить реями и парусами со старых кораблей — если же нет, или они имеют более значительные повреждения, то нельзя ли прислать один из новых стопушечных и корабль «Ягудиил». В настоящее время в крейсерстве парходы необходимы и без них, как без рук; если есть в Севастополе свободные, то я имею честь покорнейше просить в. пр-во прислать ко мне в отряд, по крайней мере, два. Последние новости от опрошенного греческого судна, которое вышло из Константинополя 4 дня назад: английский, французский и турецкий флоты стоят в Босфоре, для снабжения провизией французского флота как в Константинополе, так и в Черном море делается подряд. При этом представляю план расположения неприятельских судов в Синопе»¹.

План этот был снят в ходе разведки. При легком ветре русская эскадра приблизилась к турецкой на 2 мили, вызвав беспокойство: парходы развели пары и вышли вперед, но затем вернулись. Суда турецкой эскадры обменивались сигналами, затем в качестве предупреждения навстречу русским полетело ядро; Нахимов дал сигнал «Снять неприятельскую позицию и взять курс в море»². Старший штурман эскадры И. Некрасов, пользуясь подробной картой Манганари, нанес положение турецких судов и батарей³. При этом заметили новые батареи⁴. Из-за значительного расстояния один из корветов был принят за шлюп и обнаружены лишь пять батарей из шести⁵. Тем не менее, результаты съемки послужили основанием для выработки плана атаки Синопа.

При сложившемся соотношении сил Нахимов посчитал неблагоприятным нападать немедленно, ибо береговые батареи давали туркам явный перевес. Следовало надеяться либо на выход противника в море, что уравнивало силы, либо на помощь из Севастополя.

В донесении, направленном с «Энеем», Нахимов предполагал, что большая эскадра собралась в Синопе с какой-то целью. Цель эта нам уже известна — высадка десанта и выгрузка оружия на Кавказское побережье для горцев; два транспорта с грузами стояли в бухте. Как же все эти силы собрались в порту?

Первоначально на рейд прибыла часть эскадры под флагом Хуссейна-паши; ее видели моряки Нахимова при первом приближении к Синопу. Видимо, к ней присоединился «Каиди-Зефер». Главную силу эскадры составили пять фрегатов и корвет Осман-паши, которые вышли

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 272—273.

² Дружинин Н.М. Синопский бой. М.; Л., 1944. С. 16.

³ Зберев Б.И. Синопская победа. Симферополь: Крымиздат, 1954. С. 79.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 273.

⁵ Дружинин Н.М. Синопский бой. С. 16.

из Босфора в конце октября, 5 ноября были замечены, как известно, с пароходофрегата «Владимир» у Пендераклии. 7 ноября отряд Осман-паши в дождь и туман встретил у мыса Керемпе фрегат «Кагул», и четыре турецких фрегата погнались за ним; командир «Кагула», несмотря на сильный ветер, поднял все паруса и, рискуя кораблем, оторвался от преследователей. Позднее Осман-паша, спасенный моряками с «Кагула», удивлялся, что фрегат уцелел. Русский фрегат, преодолевая шторм, 10 ноября доставил сведения о погоне Ф.М. Новосильскому, крейсировавшему у Севастополя, и вернулся на пост¹. Новосильский не принял во внимание донесение и вместо помощи Нахимову вернулся в главную базу². Тем временем турецкая эскадра в шторм, миновав корабли Нахимова, отнесенные ветром от берега, прошла в Синоп. Из-за холода при нехватке теплой одежды и питания экипажи были так изнурены, что несколько часов не могли убрать паруса; позднее Осман-паша рассказывал, что предпочел бой на якоре второму переходу по бурному морю³.

В бухте также находился пароходофрегат «Таиф». «Таиф» с пароходофрегатами «Фейзи-Бахри» и «Саик-Ишаде» составлял ту группу из трех пароходов, о выходе которых из Босфора уже упомянуто. Пароходы эти под командованием Мустафы-паши обходили берега Кавказа, с них выгружали порох и свинец для черкесов и сообщали им, что 20 ноября войска из Синопа и захваченного турками поста Св. Николая высадутся в Абхазии⁴. 9 (21) ноября три пароходофрегата с бортовым залпом 34 пуда 32 фунта из 34 орудий встретились с патрулировавшим у мыса Пицунда 44-пушечным фрегатом «Флора» (бортовой залп 15 пудов 38 фунтов из 22 орудий)⁵. Пароходы атаковали, но не смогли использовать превосходство в маневренности, ибо русский фрегат, умело управляемый командиром, отражал все попытки победить его и нанес противнику повреждения; после боя один пароход пошел на буксире другого. Между 9 и 11 ноября Мустафа-паша с четырьмя пароходами (четвертый, вероятно, присоединился из Батума) зашел в Синоп и оставил «Таиф» в распоряжении начальника парусной эскадры⁶.

¹ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 8; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 355—356.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 356.

³ Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 139—140.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 360.

⁵ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 359—360.

⁶ Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 140—141.

В условиях осенней непогоды, губительной для парусников, блокада неприятельского порта являлась делом рискованным. В случае прорыва турки располагали численным превосходством и их легкие суда имели большую скорость. Вес бортового залпа турецкой эскадры составлял 2444 кг против 2182 кг на трех русских кораблях¹. Явное преимущество туркам давали два парохода, в том числе удобный для разведки быстроходный «Таиф». На их стороне в случае неудачи прорыва оставалась возможность укрыться под береговыми батареями Синопа и использовать его верфь и адмиралтейство для ремонта и пополнения боезапаса, тогда как русским пришлось бы пересечь Черное море. Тем не менее, Нахимов решил во что бы то ни стало не пропустить противника на восток и упорно держался ближе к берегу, понимая, что восстание горцев в условиях начинающейся войны грозит России крупными неудачами.

12 ноября, встревоженный приближением русской эскадры и блокадой, Осман-паша доносил в столицу: «Шесть русских линейных кораблей, корвет и два парохода постоянно находятся в открытом море близ порта; они то ложатся в дрейф, то лавируют. От шести до восьми фрегатов и два парохода по самым верным сведениям были видны на высоте портов Бартин и Амастро. Во всяком случае большой неприятельский военный порт находится не далеко. Его эскадра может получить подкрепление и атаковать нас при помощи брандеров. Таким образом, если мы не получим подкрепление и если такое положение продлится еще несколько дней, то это значит, что нас Бог бережет, — императорский флот может подвергнуться разгрому»².

Осман-паша, зная медлительность султанского правительства, намеренно сгущал краски и удвоил силы противника. Но даже в таком виде донесение не возымело действия. Диван после обсуждения решил не торопиться с отправкой подкреплений, считая положение эскадры под прикрытием береговых батарей достаточно прочным³.

Интересно, что британский посол в Константинополе Стрэтфорд Рэдклиф уже 13—14 ноября получил сведения, что русская эскадра из корабля, парохода и фрегатов несколько дней крейсирует у Синопа. О донесении Осман-паши он узнал 17 ноября, но не принял мер для помощи экспедиции⁴. Возможно, это был политический ход, чтобы вов-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 308—309.

² Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 66—67.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 142; Ильин А. Наука морской артиллерии. СПб., 1846. С. 213.

⁴ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 66—67.

лечь Россию в войну с Англией, но очень вероятно, что англичане были невысокого мнения о российском флоте. Во всяком случае, они не предполагали полного разгрома турок.

Совершенно иной оказалась реакция российского командования. Еще 7 ноября, не получая после 29 октября известий от Нахимова, А.С. Меншиков послал ему пароходы «Одесса» и «Громоносец», но оба из-за неисправностей не достигли цели и вернулись в Севастополь 11 и 14 ноября соответственно¹. Когда 11 ноября Ф.М. Новосильский прибыл в Севастополь, Меншиков остался недоволен тем, что его эскадра сразу же после донесения «Кагула» не пошла на помощь Нахимову; на другое утро Новосильский вышел в море с пятью кораблями, но два из них из-за течи вернулись, и 16 ноября к эскадре у Синопа присоединились три 120-пушечных корабля («Париж», «Три Святителя», «Великий князь Константин»), сразу более чем удвоив ее силы². Еще ранее к эскадре прибыл вызванный с поста «Кагул»; 17 ноября подошел фрегат «Кулевчи»³. Он доставил два предписания Меншикова от 14 ноября, который в соответствии с высочайшим повелением (не трогать турецкие приморские города, стараться истребить неприятельский флот в море и отрезать сообщение Константинополя с Батумом) указал Нахимову по возможности щадить Синоп при уничтожении эскадры, чтобы не дать повода англо-французскому флоту войти на Черное море⁴. Это предписание, излагающее уведомление Министерства финансов от 23 октября, не смогли доставить «Одесса» и «Громоносец». Во втором предписании Меншиков сообщал о появлении трех турецких эскадр в море и выражал уверенность, что одна из них уже уничтожена Нахимовым⁵. Указания развязывали руки адмиралу, располагавшему достаточными силами для атаки.

Тем временем «Эней» 13 ноября доставил в Севастополь донесение от 11 ноября о большой эскадре в Синопе. Немедленно был отправлен фрегат «Кулевчи»; вместо «Бессарабии» пошел «Владимир», но из-за повреждения машины 14 ноября вернулся на буксире парохода «Херсонес»⁶. Следовательно, до начала сражения эскадра Нахимова не могла получить ни одного парохода. Однако 15 ноября В.А. Корнилов, вернувшийся из Николаева в Севастополь, поторопил ремонт, 17 ноября с

¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 99—100.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 356.

³ Там же. С. 290, 295.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 101; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 356.

пароходами «Одесса», «Херсонес», «Крым» вышел в море и успел к завершающему этапу Синопского сражения¹. «Громоносу» после ремонта также следовало идти к Синопу². С пароходами шло предписание А.С. Меншикова от 17 ноября, подтверждающее приказ об уничтожении неприятельской эскадры и предлагающее после того идти к восточному берегу Черного моря «для нравственного действия на горцев и наших мусульман»³. Наконец, 20 ноября из Севастополя вышел отремонтированный корабль «Храбрый»; пострадав от шторма, он прибыл к Синопу слишком поздно, прошел в поисках Нахимова мимо Трапезунда до Сухум-Кале и 8 декабря вернулся в базу⁴.

Итак, характер предписания Меншикова еще раз узаконивал атаку Синопа, на которую адмирал решил уже 17 ноября.

Синоп

Синоп с древних времен являлся портом на торговых путях вдоль берегов Анатолии благодаря хорошей якорной стоянке, прикрытой от северных ветров гористым полуостровом Боз-Тепе. К середине XIX века значение Синопа уменьшилось, но торговля лесом и судостроение поддерживали существование города, насчитывавшего 10—12 тысяч жителей. Турецкую часть на перешейке между полуостровом и материком окружала крепостная стена; восточнее крепости располагался греческий квартал. Перед городом в бухте сохранились остатки молов, прикрывавших гавань и судоверфь в районе греческого предместья.

Кроме крепостных стен, Синоп с юга обороняли шесть батарей: на мысе Боз-Тепе № 1 из 6 пушек, № 2 из 12 орудий между мысом и устьем реки Ада-Киой, № 3 из 6 орудий — в полумиле (километре) западнее, № 4 из 8 орудий — у греческого предместья, № 5 из 6 орудий — против турецкой части города и шестиорудийная № 6 на мысе Киой-Хисар; прислуга батарей из 400—500 человек квартировала в деревушке Киой-Хисар⁵. Атакующим кораблям следовало обогнуть гористый полуостров; с его высот можно было издали заметить приближение неприятеля и приготовиться к отпору. Нападающим, входившим в бухту вдоль северного берега, предстояло проходить мимо всех бата-

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 138—139; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 356.

² Зверев Б.И. Синопская победа. С. 92.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 275—276.

⁴ Там же. С. 384.

⁵ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 71—72.

рей и пострадать от их огня. Как будет видно из дальнейшего, принятый план атаки Синопа исключил участие в бою батарей № 1 и 2, то есть более трети (18 из 44) орудий. Из оставшихся 24—26 орудий только 3 были 68-фунтовыми, остальные — 18-фунтовые, слабые для разрушения корпусов линейных кораблей. А. Слейд утверждал, что пушки эти в большинстве устарели; среди них были даже средневековые генуэзские¹. Тем не менее, они располагались на высоте 10—13 метров, на уровне верхних палуб кораблей, их защищали земляные укрепления². Малоразмерные цели на берегу оказалось трудно поразить из гладкоствольных пушек, стрелявших с качающихся платформ в дыму. Кроме того, батареи могли стрелять калеными ядрами, вызывающими пожары на деревянных кораблях. Если учесть, что в то время одно орудие на берегу считали равноценным нескольким корабельным, а за 5 лет до синопских событий, в 1848 году, четыре датских береговых орудия потопили один и заставили сдать вторую неприятельский боевой корабль, батареи у Синопа следовало считать эквивалентными одному-двум линейным кораблям.

Основной целью атакующих и главной силой обороняющихся являлась эскадра вице-адмирала Османа-паши, состоявшая из семи фрегатов, трех корветов, двух пароходов и двух транспортов. Кроме того, на рейде стояли два турецких торговых судна и ионическая шхуна.

Осман-паша, готовясь к бою, расположил фрегаты и корветы на якорях вблизи пятисаженной (десятиметровой) отметки глубин традиционным полумесяцем, оставив в центре разрыв для стрельбы батарей № 5; береговые батареи обеспечивали и фланги боевого порядка. Приближающаяся атакующая эскадра неминуемо попадала под перекрестный огонь кораблей и батарей. Близкое расположение от малых глубин исключало охват боевой линии со стороны берега и позволяло отводить к мели поврежденные фрегаты. Если бы легкие суда противника пытались взять турок в два огня, они оказались бы зажаты между кораблями и батареями. Пароходы, транспорты и торговые суда стояли за боевой линией.

Критики считали, что принятое Осман-пашой построение неудачно, ибо корабли якобы мешали стрельбе береговых батарей. Высказывали даже мнение, что стоило поставить эскадру в стороне от города, чтобы исключить его разрушение в случае боя и позволить батареям вести более свободный продольный обстрел русских кораблей, что следовало

¹ Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 141.

² Пестич Ф.В. Значение артиллерии в борьбе флота с береговыми укреплениями. Севастополь, Синоп, Александрия // Инженерный журнал. 1883. № 9. С. 925—951.

часть пушек бортов, обращенных к берегу, перевезти на берег и усилить ими батареи¹. 32-фунтовые пушки в бою могли конкурировать с артиллерией линейных кораблей. Английские эксперименты показали, что 32-фунтовая пушка, заряженная двумя ядрами, способна с расстояния 360 метров пробить борт линейного корабля насквозь². В этом случае, несомненно, повреждения и потери русской эскадры оказались бы значительно больше. Но мог ли турецкий адмирал пойти на такой шаг?

Осман-паша имел вполне определенные инструкции и был готов выйти в море к берегам Кавказа, где предстояло высадить войска и выгрузить вооружение для разжигания восстания горских племен против российского самодержавия. Он и эскадру построил носом к выходу из бухты, чтобы при благоприятных условиях продолжить плавание на восток. Как известно, вице-адмирал сообщил в Константинополь и о приближении эскадры П.С. Нахимова 11 ноября, и о соединении эскадр в виду Синопа. Однако турецкий диван, вероятно, не мог поверить в безрассудство русского командования, решающегося атаковать турецкие корабли в порту вопреки угрозам англо-французской дипломатии. Иностранные газеты сообщали, что Осман-паше обещали помощь, когда улучшится погода; до того эскадре приказали оставаться в бухте³. Не исключено, что британский посол, имевший значительное влияние на правительство султана, как сторонник войны с Россией, мог рассчитывать, что эскадра в Синопе явится приманкой, выступления против которой станут предлогом английской дипломатии для решительных действий. Возможно, именно поэтому Стрэтфорда Рэдклиф считал своим успехом то, что отговаривал турок от предложенного А. Слейдом замысла отправить в Синоп на зимовку линейные корабли⁴. Дисциплина, ограничивавшая возможность проявления инициативы, и фатализм турок стали дополнительными причинами бездействия турецкого командования перед лицом грозной опасности, что облегчало задачу русской эскадры.

Располагая вполне определенным предписанием уничтожить турецкую эскадру, обнаруженную в Синопе, вице-адмирал Нахимов к 17 ноября

¹ Шестаков И. Обзор действий на Черном море от приготовлений к настоящей войне до Синопского сражения включительно // Морской сборник. 1855. № 2. Учен.-литер. отдел. С. 231—232.

² Морская артиллерия. Сочинение генерал-лейтенанта Дугласа, посвященное, по особому соизволению, лордам Адмиралтейства // Морской сборник. 1855. № 2. Библиография. С. 17.

³ Дружинин Н.М. Синопский бой. С. 18.

⁴ Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 136.

располагал шестью линейными кораблями и двумя фрегатами. Правда, он не получил ни одного парохода, но опасность появления крупных турецких или, тем паче, англо-французских сил требовала поторопиться и воспользоваться своим превосходством при первом удобном случае.

Следовало до предела уменьшить время сближения эскадры с неприятелем, чтобы сократить потери. Для этого Нахимов намеревался атаковать двумя колоннами центр неприятельской боевой линии, как практиковали на учениях Черноморского флота летом 1853 года. Намереваясь уничтожить противника, вице-адмирал предполагал из колонн одновременно развернуть веером все корабли и поставить их на шпринге в 300—400 метрах от вражеской боевой линии, на расстоянии эффективного огня орудий всех калибров, в том числе и наиболее мощных, еще не опробованных в бою бомбических пушек.

Бомбические пушки, предназначенные для стрельбы не только ядрами, но и разрывными снарядами (бомбами), составляли значительную часть артиллерии русских кораблей, особенно трехдечных. В российской флоте подобные орудия, единороги, появились еще в XVIII веке, значительно раньше, чем в других флотах. 68-фунтовые пушки Черноморский флот получил вместе с заказанными в Англии пароходами; затем на отечественных заводах наладили производство аналогичных орудий¹. По инициативе В.А. Корнилова они с 40-х годов вошли в состав вооружения нижних деков новых линейных кораблей². Наряду с ними на вооружении сохранялись и единороги. В Синопском сражении орудиям, стреляющим разрывными снарядами, предстояло пройти первую боевую проверку.

Большую часть артиллерии русских кораблей составляли 36-фунтовые пушки и пушко-каронады; первые служили для стрельбы на дальние дистанции, и их устанавливали на нижних палубах, а пушко-каронады, более короткие и легкие, стояли на второй, третьей палубах линейных кораблей для ближнего боя. На ближней дистанции эффективны были и 24-фунтовые, и меньшего калибра пушки, стоявшие на открытых палубах.

Бортовой залп шести российских линейных кораблей из 312 пушек весил 5627 кг против 2706 кг из 262 корабельных и береговых турецких орудий. Еще большее превосходство наблюдалось в тяжелой артиллерии: 44 бомбических и 206 36-фунтовых пушек против 5 бомбических на берегу и «Таифе» и 80 32-фунтовых трех фрегатов и корвета Осман-паши. Англичане признавали превосходство русских 36-фунтовых пушек над

¹ Пестич Ф.В. Значение артиллерии в борьбе флота с береговыми укреплениями. Севастополь, Синоп, Александрия. С. 945.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 176.

британскими 30-фунтовыми¹. Пушки этих калибров могли разрушать корпуса кораблей; меньшие годились преимущественно для стрельбы по рангоуту, такелажу и уничтожения экипажей на открытых палубах.

Русская артиллерия располагала всеми видами боеприпасов: бомбами, гранатами, картечью, брандскугелями, ядрами; все эти снаряды были использованы на разных этапах сражения.

Моряки, работавшие у орудий, в большинстве обслуживали и паруса, отдавая этому делу больше времени благодаря продолжительным плаваниям; артиллерийские учения происходили значительно реже парусных и носили вынужденно более условный характер. Важнейшим критерием при обучении являлась быстрота заряжания и пальбы; меткостью занимались меньше. Примитивные прицелы даже при небольшой качке давали разнообразные результаты. Об этом говорят, в частности, учения Черноморского флота в октябре 1852 года, когда корабли и фрегаты стреляли в мишень (щит длиной 6 и высотой 4 метра), за которой возвышался вал длиной 30 и высотой 10 метров: даже в вал не попали 40 из 84 ядер с «Ростислава» (47%), 32 из 124 ядер с «Парижа» (26%), 5 из 52 с «Кулевчи» (10%), 40 из 132 с «Кагула» (30%); стрельбу производили с 600—800 метров². На меньших дистанциях, до 500—600 метров, несовершенство наводки не играло, как считали, большой роли³. Избранная Нахимовым дистанция обещала высокую эффективность использования всех видов орудий и снарядов.

В 10 часов утра 17 ноября на борту флагманского корабля «Императрица Мария» П.С. Нахимов собрал на совет младшего флагмана и командиров кораблей, которые получили диспозицию и приказ на сражение⁴.

Приказ Нахимова гласил:

«Располагая при первом удобном случае атаковать неприятеля, стоящего в Синопе в числе 7 фрегатов, 2 корветов, 1 шлюпа, 2 пароходов и 2 транспортов, я составил диспозицию для атаки их и прошу командиров стать по оной на якорь и иметь в виду следующее:

1. При входе на рейд бросать лоты, ибо может случиться, что неприятель перейдет на мелководие, и тогда стать на возможном близком от него расстоянии, но на глубине не менее 10 сажен.

¹ Морская артиллерия. Сочинение генерал-лейтенанта Дугласа. С. 22.

² Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 351.

³ Пестич Ф.В. Значение артиллерии в борьбе флота с береговыми укреплениями. Севастополь, Синоп, Александрия. С. 934.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 294, 296.

2. Иметь шпринги на оба якоря и, если при нападении на неприятеля будет ветер N, самый благоприятный, тогда, вытравив цепи 60 сажень, иметь столько же и шпрингу, предварительно заложенного на битенте. Идя же на фордевинд при ветре O или ONO, во избежание бросания якоря, с кормы становиться также на шпринг, имея его 30 сажень, и когда цепь, вытравленная до 60 сажень, дернет, то вытравить еще 10 сажень; в этом случае цепь ослабнет, а корабли будут стоять кормою к ветру на кабельтове. Вообще со шпрингом быть крайне осмотрительными, ибо он часто остается недействительным от малейшего невнимания и промедления времени.

3. Перед входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов на рострах я сделаю сигнал спустить их на воду, тогда держать их у борта на противулежащей стороне неприятеля, имея на одном из них на всякий случай кабельтов и верп.

4. При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги; посылать же для овладения ими не иначе, как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если с неприятельскими судами дело и было бы кончено.

5. Ныне же осмотреть заклепки у цепей на случай надобности расклепать их.

6. Открывать огонь по неприятелю по второму адмиральскому выстрелу, если перед тем со стороны неприятеля не будет никакого сопротивления нашему на них наступлению; в противном случае, палить, как кому возможно, соображаясь с расстоянием до неприятельских судов.

7. Став на якорь и уладив шпринг, первые выстрелы должны быть прицельные с особенным вниманием, и тогда заметить положение пушечного клина на подушке мелом для того, что после в дыму не будет видно неприятеля, и для поддержания быстрого батального огня он должен быть направлен по тому же положению орудия, как и при первых выстрелах.

8. Атакуя неприятеля на якоре, хорошо иметь, как и под парусами, одного офицера на грот-марсе или салинге для наблюдения при батальном огне за направлением своих выстрелов, и буде они не достигают своей цели, офицер сообщает о том на шканцы для направления шпринга.

9. Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» во время действия остаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, которые, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему.

10. Завязав дело с неприятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульским домам, на которых будут подняты национальные их флаги.

В заключение я выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь Император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания.

Вице-адмирал *Нахимов*¹

Ночь на 18 ноября русская эскадра провела в 10,5 мили к северо-востоку от Синопского перешейка². К утру установился тихий ОНО, который способствовал сближению с неприятелем и не мешал стрельбе³.

В 7.15 русская эскадра, двигавшаяся на SWtW, изменила курс на SO и построилась в две колонны; по сигналу отдали рифы у марселей, и корабли увеличили скорость; к 8.00, когда последовал приказ приготовиться встать на якорь со шпрингом, эскадра давала 6 узлов⁴. В 8.15 эскадра по сигналу Нахимова легла в дрейф и на воду спустили гребные суда; в 9.30 корабли снялись с дрейфа и продолжили движение прежним курсом, но уменьшили скорость до 2 узлов (позднее, между 10.00 и 12.00, скорость составляла 3,5—3 узла)⁵.

В 9.45 последовал сигнал «Приготовиться к бою»⁶. Затем команды обедали, а в 10.30 пробил тревогу; каждое орудие в деках, по сведениям А. Зайончковского, зарядили двумя ядрами⁷. Готовые к бою корабли около полудня уже обогнули Синопский полуостров и шли курсом NWtW⁸. Правую колонну составляли корабли «Императрица Мария» под флагом П.С. Нахимова, «Великий князь Константин» и «Чесма», левую — «Париж» под флагом Ф.М. Новосильского, «Три Святителя» и «Ростислав». Фрегат «Кагул» в начале 12-го часа на запрос, держаться ли ему у адмирала, получил положительный ответ⁹. Еще ранее, в

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 276—278.

² Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 75.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 296.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 296—297.

⁶ Там же. С. 297.

⁷ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 76.

⁸ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 297.

⁹ Там же.

11-м часу, фрегату «Кулевчи» был дан сигнал держаться по левому борту левой колонны¹.

При подходе эскадры к месту якорной стоянки ветер сохранил прежнее направление, к 13.00 сместился на OtS, к 17.00 переменялся на восточный и в 21.00 вернулся к ONO². Температура воздуха, в полдень составлявшая 12 градусов по Цельсию, вечером понизилась до 9 градусов³.

Туман и морозящий дождь мешали наблюдению, и турки, успокоенные длительным крейсированием русской эскадры, заметили ее слишком поздно, когда она приблизилась на полмили⁴. С кораблей, около полудня вступавших на рейд, видели турецких артиллеристов, бежавших к батареям; но двигавшиеся со скоростью 2,5 узла корабли миновали крайние батареи ранее, чем они открыли огонь⁵. Далее эскадра стала снижать скорость перед постановкой на якорь⁶.

Несмотря на грядущую битву, традиционный распорядок не был нарушен, и в 12.00 на флагманском корабле появился сигнал поддня⁷. Тем самым боевой адмирал демонстрировал твердость и спокойствие перед первыми выстрелами. И выстрелы эти не заставили себя ждать.

Австрийский консульский агент Пиргенц, оставшийся в Синопе, сообщал позднее, что перед началом боя русский адмирал дал знать турецкому адмиралу, что желает вступить в переговоры, и хотел послать шлюпку⁸. Известными отечественными источниками этот факт не подтверждается; возможно, агент принял за сигнал к примирению сигнал поддня. Во всяком случае, турки восприняли появление российской эскадры как нападение и начали сражение.

А. Слейд считал, что турки с завидным терпением ожидали приближения противника; видимо, над капитанами довлел приказ, запрещающий первый выстрел. Сигнал командира «Навек-Бахри» с просьбой открыть огонь Осман-паша проигнорировал, и первый выстрел прогремел с «Низамие», когда русские оказались на половине дистанции огня⁹. По

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 288.

² Там же. С. 297—299.

³ Там же. С. 288—289.

⁴ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 124.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 297, 304.

⁶ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 77.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 297.

⁸ Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Сборник под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб.: Комитет по устройству Севастопольского музея, 1871. Вып. I. С. 192—193.

⁹ Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 133, 143.

данным русских документов, первые выстрелы турецкого флагманского корабля «Ауни-Аллах» прозвучали в 12.28; вслед за тем на приближающиеся русские корабли обрушился град ядер и книпелей¹. Береговая артиллерия запоздала, и только батареи № 5 и 6 продольным огнем препятствовали противнику занять боевую позицию². Задержка на берегу помешала туркам в начале сражения, в самый критический момент, использовать самое действенное их оружие — каленые ядра.

Турецкие артиллеристы первоначально традиционно били по ранготу и такелажу головных кораблей³. Они стремились повредить оснастку и уменьшить способность неприятеля к маневрированию; кроме того, обычно при постановке на якорь посылали матросов для уборки парусов. Однако в данном случае Осман-паша просчитался. Русские моряки избежали лишних потерь: они не стали крепить паруса, лишь взяли их на гордени и гитовы⁴. Тем не менее, передовые корабли серьезно пострадали. На головном корабле «Императрица Мария» снаряды перебили большую часть такелажа⁵. Поэтому этот корабль и следовавший за ним «Великий князь Константин» встали на шпринг как шли, курсом NW [в тексте публикации ошибочно указано SW. — Н. С.]; затем заняли свои места «Чесма», «Париж», «Три Святителя» и «Ростислав», повернувшись носом к ветру, на NO⁶.

Русская боевая линия располагалась в 150—180 саженьях (320—380 метрах) от неприятеля⁷. Корабли эскадры открыли огонь после того, как два передовых встали на шпринг⁸. Начав залпами, русские перешли к батальному (непрерывному) огню⁹. В отличие от турок они сразу сосредоточили огневую мощь для стрельбы по корпусам и палубам бомбами, ядрами и картечью, нанося противнику крупные повреждения и потери. Именно первые выстрелы во многом решали исход сражения, ибо затем в густом пороховом дыму становилось сложно наводить орудия. Все же, несмотря на низкий прицел, много русских ядер летело очень высоко и часть их падала в море за перешейком, на расстоянии более километра.

Турки, сделав два-три залпа по мачтам атакующих, перенесли огонь на корпус. Не сделав ни одного выстрела, «Императрица Мария» понес-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 322.

² Мордвинов Р.Н. Синопский бой / Стенограмма публ. лекции. Л., 1953. С. 14.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 280.

⁴ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 127.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 322.

⁶ Там же. С. 284.

⁷ Там же. С. 304.

⁸ Там же. С. 284.

⁹ Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя.

ла значительный ущерб от обстрела четырех фрегатов и батареи¹. Тем не менее, корабль занял боевую позицию и сосредоточил усилия на фрегате «Ауни-Аллах». Менее чем через полчаса неприятельский флагман расклепал якорную цепь и, не спуская флага, дрейфовал. Его отнесло ветром к батарее № 6². Русский флагман перенес усилия на «Фазли-Аллах» (бывший русский «Рафаил», захваченный турками в 1828 году) и заставил горящий фрегат выброситься на мель перед городом, после чего «Императрица Мария» развернулась для поддержки левой колонны; но необходимости в этом не было, ибо корабли Ф.М. Новосильского действовали там успешно³.

В ходе боя у «Императрицы Марии» был перебит шпринг, но благодаря предусмотрительности Нахимова быстро завели новый верп, и корабль продолжал стрельбу⁴.

«Великий князь Константин» вел бой с батареей № 4 и двумя фрегатами. Вскоре после начала обстрела от бомб загорелся и взорвался фрегат «Навек-Бахри»; его обломки, обрушившиеся на батарею № 4, временно вывели ее из строя⁵. Повернувшись на шпринге, корабль сосредоточил огонь на фрегате «Несими-Зефер» и корвете «Неджми-Фешан»; около 13.00 фрегат с перебитой якорной цепью ветром отнесло к остаткам мола у греческого предместья, а избитый корвет оказался на мели у батареи № 5⁶. Тем временем корабль «Чесма» подавил батареи № 3 и 4. В ходе перестрелки на нем перебило шпринг, но моряки за несколько минут завели новый, и «Чесма» продолжила огонь уже другим бортом⁷. Около 14.30 корабли колонны прекратили стрельбу⁸.

Левая колонна открыла огонь уже при подходе к якорной стоянке⁹. «Парижу» потребовалось 4,5 минуты, чтобы встать на шпринг¹⁰. Целями корабля стали батарея № 5, корвет «Гюли-Сефид» и фрегат «Дамиад» («Дамьетта»). «Париж» выбросил бомб больше, чем любой другой корабль, — 70¹¹. В итоге уже в 13.05 (по другим данным,

¹ Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 322.

³ Там же. С. 322—323.

⁴ Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя.

⁵ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 106; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 323.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 322.

⁷ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 107.

⁸ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 280.

⁹ Там же. С. 284.

¹⁰ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 77.

¹¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 310.

в 13.15) взлетел на воздух «Гюли-Сефид»¹. Затем «Париж» обстрелял продольным огнем дрейфовавший мимо «Ауни-Аллах», заставил выброситься на берег «Дамиад» и, повернувшись на шпринге, перенес огонь на сильнейший фрегат эскадры «Низамие»; к 14.30 фок-и бизань-мачты фрегата были сбиты, и он встал на мель, а затем загорелся².

Об условиях, в которых вел бой «Париж», говорит следующий эпизод. Командовавший батареей корабля мичман Н.Г. Ребиндер, не видевший в дыму «Дамиад», попросил находившегося при флаге старшего штурмана С.А. Родионова указать направление на цель; несмотря на то что щепки разбитого катера поранили лицо штурмана, он указал направление, но в этот момент ядро оторвало ему руку³.

Расправившись с фрегатами, «Париж» сосредоточил внимание на батарее № 5. Нахимов, восхищенный действиями В.И. Истомина и его экипажа, хотел сигналом выразить благодарность, но фалы были перебиты, и вице-адмирал направил на шлюпке старшего адъютанта Ф.Х. Острено, который и передал благодарность⁴. К этому времени сражение, видимо, затихало; иначе трудно понять, почему Нахимов поручил роль ординарца своему фактическому начальнику штаба, которому в случае гибели адмирала следовало принять управление боем⁵.

Корабль «Три Святителя» открыл огонь через 2 минуты после «Императрицы Марии»⁶. Он сделал два залпа левым бортом по батарее, фрегатам «Каиди-Зефер» и «Низамие», но затем был перебит шпринг, и корабль развернулся кормой к противнику; отстреливаясь из ретирадных орудий, корабль получил серьезные повреждения рангоута от продольного огня с батареи № 6⁷. Под обстрелом моряки около 13.00 завезли новый верп (якорь); «Три Святителя» продолжил бой с тремя фрегатами и заставил «Каиди-Зефер» встать на мель у берега⁸. Во время сражения на корабле вспыхивали пожары от своих выстрелов и попадания каленого ядра, последнее оказалось слабо нагрето, и его удалось загасить. После 14.30 только «Дамиад», прикрытый корпусом «Низамие», продолжал стрелять по кораблям

¹ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 109; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 322.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 323.

³ Богданович Е.В. Синоп — Севастополь. СПб., 1898. С. 91—92.

⁴ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 89; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 323.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 328.

⁶ Там же. С. 304.

⁷ Там же. С. 324.

⁸ Там же. С. 298, 324.

«Три Святителя» и «Париж», пока последний не подавил его сопротивление¹.

«Ростислав» встал на шпринг последним; двигаясь к своему месту, он палил по неприятельским судам и батареям². Первоначально корабль стрелял по «Низамие», корвету «Фейзи-Меабуд» и батарее № 6, затем сосредоточил усилия на двух последних целях; корвет выбросился на берег, а батарея была подавлена³. «Низамие» и «Дамиад» стреляли по «Ростиславу» до 15.30⁴. После этого корабль вел бой в основном с батареями. Отбой на «Ростиславе» пробили в 17-м часу⁵.

«Ростислав» выпустил 76—100 выстрелов на орудие действующего борта, добившись наивысшей скорострельности в эскадре. Корабль сделал больше всего и выстрелов двумя ядрами (1002 из 1190 по эскадре); это привело к разрыву некоторых орудий⁶. Во время боя каленое ядро или граната, попав в орудие, вызвало пожар, который угрожал скрыт-камере, но был погашен⁷. Из-за взрывов пушек «Ростислав» понес потери, уступавшие только потерям «Императрицы Марии».

Пока русские корабли громили турецкие парусники и батареи, пароходофрегат «Таиф» развел пары, но не для нападения на противника. Его командир решил поторопиться в Константинополь с донесением о происшедшем. Нападение эскадры Нахимова предоставляло англичанам и французам предлог для вступления в войну, и требовалось это нападение соответствующим образом осветить.

Около 12.45 или 13.00 «Таиф» вышел из-за турецкой боевой линии⁸. Команды турецких фрегатов «Низамие» и «Каиди-Зефер» приветствовали его движение «в бой», но вскоре были разочарованы⁹. Пароходофрегат прошел между берегом и «Ростиславом» и направился в море¹⁰. Здесь его встретили русские фрегаты.

Как известно, П.С. Нахимов специально оставил «Кагул» и «Кулевчи» для наблюдения за неприятельскими пароходами. Фрегаты вступили в Синопскую бухту вместе с эскадрой и остались под парусами в

¹ Адмирал Нахимов: Материалы... С. 127—128; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 305.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 284.

³ Там же. С. 324.

⁴ Там же. С. 285.

⁵ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 82.

⁶ Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. С. 329.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 286.

⁸ Там же. С. 289, 324.

⁹ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 120.

¹⁰ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 284.

дрейфе, чтобы при необходимости, пользуясь попутным ветром, идти на помощь главным силам.

«Таиф» не сразу пошел к выходу из бухты; сначала он двинулся вдоль юго-западного берега, стремясь обойти крейсировавшие фрегаты. Это ему удалось.

В 12.45 с фрегатов заметили движение парохода, и они снялись с дрейфа; в 12.58 «Кагул» открыл огонь по «Таифу», прижимая его к юго-западному берегу, а «Кулевчи» шел на сближение и в 13.03 также начал стрельбу. «Таиф» отвечал, продолжая движение. Около 13.30 он остановился, и «Кагул» убавил парусов, но пароход вновь дал ход и миновал фрегат. «Кулевчи» пытался преследовать, действуя левым бортом. «Таиф», дав залп по фрегату, направился к восточному мысу Синопского полуострова; «Кулевчи» отставал, вскоре был вынужден повернуть и стрелять из погонных орудий, пока неприятель не ушел за пределы досягаемости пушек фрегата¹.

«Таиф» беспрепятственно уходил, ибо парусники не могли двигаться против ветра, который к тому времени дул с OtZ². Но около 16 часов из-за мыса появился пароходофрегат «Одесса», за которым следовали «Крым» и «Херсонес»³. Это спешил к месту боя В.А. Корнилов.

Как уже известно, три парохода вышли из Севастополя 17 ноября в 14.30, утром 18 ноября из-за плохой погоды задержались в 15—20 милях от мыса Пахиос и лишь в 10.30 продолжили движение; Корнилов намеревался поднять флаг на корабле «Великий князь Константин» под командованием П.С. Нахимова как старшего⁴. Поэтому на «Одессе» не было его флага. «Крым» шел под флагом контр-адмирала А.И. Панфилова⁵.

Около полудня 18 ноября пароходы подошли к Синопскому полуострову; через перешеек русские моряки видели мачты, пароходный дым, Андреевские флаги, затем слышали гром выстрелов⁶. В.А. Корнилов приказал поднять свой флаг на «Одессе». С пароходов видели всплески от ядер, перелетавших через перешеек на северную сторону. В 13.07 с «Одессы» рассмотрели крайние корабли левой колонны, а вскоре — и бегущий «Таиф»⁷. В свою очередь, с батареи № 1 заме-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 289.

² Там же. С. 297.

³ Там же. С. 285.

⁴ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 121.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 285.

⁶ Там же. С. 314.

⁷ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 104.

тили русские пароходы и обстреляли их, но из-за большой дистанции безрезультатно¹.

На «Императрице Марии» увидели «Одессу» около 16 часов, и Нахимов приказал сделать сигнал пароходу приблизиться к адмиралу, но сигнал не заметили, и Корнилов направился к месту боя «Таифа» с фрегатами². С турецкого парохода также обнаружили «Одессу», и «Таиф» направился к ней; очевидно, его командир рассчитывал на превосходство в артиллерии и скорости. Корабль располагал закрытой батареей и был вооружен двумя 10-дюймовыми, четырьмя 36-фунтовыми и шестнадцатью 24-фунтовыми орудиями против двух 10-дюймовых и четырех 24-фунтовых пушко-каронад «Одессы»³. Вооруженный пакетбот имел скорость 8,5 узла против 10 узлов турецкого корабля⁴. Однако, когда появились «Крым» и «Херсонес», командир «Таифа» решил уклониться от боя и взял курс на Трапезунд⁵. Корнилов вновь увлекся погоней, подняв на «Одессе» сигнал «Взять неприятеля в два огня», и пароходы направились наперерез «Таифу»⁶. «Одесса» шла под всеми парами и парусами; сблизившись с противником на пушечный выстрел, русские моряки открыли огонь⁷.

Фрегатам Корнилов приказал вернуться к флоту⁸. «Кагул» и «Кулевчи» в 14.00 легли на курс SW, чтобы не удаляться от завершающих сражение кораблей и оказать им при необходимости помощь⁹. «Кулевчи» в 14.37 подошел к эскадре и лег в дрейф; в 14.47 по сигналу Нахимова «Оказать помощь поврежденному кораблю» фрегат направился к «Трем Святителям», но, заметив, что на «Императрице Марии» мачта близка к падению, встал под кормой корабля и в 14.53 открыл огонь по турецким фрегатам¹⁰.

«Одесса» вступила в бой против сильнейшего противника одна, ибо отставшие два других парохода виднелись на расстоянии дальнего сигнала; тем не менее, хотя команды не успели еще получить достаточную подготовку после преобразования из пакетбота, а артилле-

¹ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 83.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 285.

³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 105

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 216.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 285.

⁶ Там же. С. 289.

⁷ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 104—105.

⁸ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 314.

⁹ Там же. С. 289.

¹⁰ Там же.

рия страдала от технических недостатков, вице-адмирал стремился сблизиться с «Таифом» на картечный выстрел в надежде абординировать противника при поддержке приближающегося «Крыма», в 14.45 открывшего огонь¹. «Одесса» стреляла из бомбической пушки, затем из пушко-каронада; «Крым» палил из носовых орудий², но снаряды последнего цели не достигали³. Погоня продолжалась более часа, причем турецкие ядра из бомбических пушек перелетали через пароход. Одно из 24-фунтовых ядер около 14.50 перебило железную шлюпбалку, пробило катер, оторвало ногу унтер-офицеру и разбило стойку штурвала⁴. Повреждение штурвала на время лишило «Одессу» управления, что позволило увести «Таиф» в сторону Трапезунда. По сообщениям из Константинополя, в пароходофрегат попало много ядер и часть его экипажа была убита или ранена⁵. Начавшийся дождь закрыл «Таиф», а когда прояснилось, пароход оказался вне досягаемости для выстрелов⁶. Корнилов решил идти на помощь сражающейся эскадре⁷. Пароходы прибыли своевременно, чтобы принять участие в последнем акте синопской драмы.

К этому времени, около 16.00, сложилась следующая обстановка: фрегат «Ауни-Аллах» и корвет «Фейзи-Меабуд» стояли на мели у батареи № 6, восточнее к мели приткнулись фрегаты «Низамие», «Дамиад», «Каиди-Зефер», далее виднелись пароход «Эрекли» и вблизи него — мачты двух затонувших торговых судов; под батареей № 5 стоял корвет «Неджми-Фешан», у турецкого предместья — «Фазли-Аллах», а у греческого — «Несими-Зефер»⁸.

Между 15.00 и 16.00 корабли «Париж», «Три Святителя», «Ростислав», «Императрица Мария», фрегат «Кулевчи» продолжали стрелять, чтобы добить неприятеля. В это время загорелись турецкие суда у берега⁹. Взрывы «Фазли-Аллах», а затем «Неджми-Фешан» вызвали многочисленные пожары в турецкой части города¹⁰. Жителей охватила па-

¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 105.

² Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 83.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 314.

⁴ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 105.

⁵ Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя.

⁶ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 105.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 314.

⁸ Питерский Н.А. Адмирал Нахимов — организатор славной победы при Синопе // Адмирал Нахимов: Статьи и очерки / Сост. Б.И. Зверев. М.: Воениздат, 1954. С. 71.

⁹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 280, 289.

¹⁰ Там же. С. 325.

ника. Еще в начале сражения губернатор Синопа Хуссейн-паша бежал на заранее приготовленных лошадях; его примеру последовали жители-мусульмане, и остались лишь греки, считавшие русских друзьями¹. Пожары никто не тушил. Часть турецких экипажей спасалась на берег, а оставшиеся на борту покорились участи и даже не думали спустить флаги, что символизировало продолжение сопротивления. Только на «Несими-Зефер» турки спустили флаг по требованию проезжавшего мимо парламентаря².

Парламентаря, мичмана И.М. Манто, Нахимов послал сказать на берег, что эскадра прибыла уничтожить только корабли, и потребовать, чтобы с берега не стреляли³. Однако парламентар в течение часа не нашел ни властей, ни жителей-турок, бежавших из города. После 15.00 около часа турецкие батареи продолжали редкую стрельбу калеными ядрами, пока не были подавлены огнем «Ростислава» и «Парижа»⁴.

Когда пароходы Корнилова вернулись к месту сражения, турецкие фрегаты и корветы стояли на мели; часть их горела, и пушки разряжались, если до них доходило пламя. Например, около 22.00 ядро попало в капитанскую каюту фрегата «Кулевчи»⁵. Опасаясь, что такие выстрелы достигнут русских кораблей, а изменением ветра может нанести эскадру на горящую неприятельскую, Нахимов приказал около 20.00 отводить корабли от берега с помощью гребных судов и пароходов; за ночь эскадра расположилась в полутора милях от берега, где глубина моря составляла 20—25 сажений (40—50 метров)⁶.

В.А. Корнилов сделал попытку спасти некоторые корабли противника, чтобы доставить их в Севастополь. Он приказал отвести от берега «Дамиад», покинутый еще в начале сражения офицерами и большинством команды, забравшими гребные суда; на борту еще оставалась сотня турок⁷. Около полуночи пароход «Крым» вывел фрегат на глубокую воду, но буксирный трос оборвался, и фрегат навалился на корабль «Три Святителя», сцепившись с ним бушпритами; потребовалось выслать баркас, чтобы расцепить корабли, после чего сильно пострадавший

¹ Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 142.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 325.

³ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 83—84; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 280, 289.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 280, 289.

⁵ Там же. С. 289.

⁶ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 127.

⁷ Там же. С. 126; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 306.

«Дамиад» (имевший 17 подводных пробоин и много других повреждений¹) отвели на мель и сожгли утром 19 ноября¹.

Пароход «Одесса» пытался спасти фрегат «Несими-Зефер». На его борту обнаружили около 200 членов экипажа; раненые с частью здоровых были отправлены на берег, что вызвало благодарность турок². Остальных пленных перевезли на русские корабли. Подводные повреждения фрегата оказались так велики, что его отвели за черту города и подожгли³.

Гребные суда с «Кагула», посланные для сожжения корвета «Фейзи-Меабуд», обнаружили на нем и соседнем «Ауни-Аллах» командира корвета, 80 нижних чинов и самого начальника эскадры⁴. Осман-паша был ранен в бою; его ограбили и бросили собственные матросы⁵. После осмотра корвет и фрегат сожгли моряки с «Кагула»⁶. Некоторые суда, вероятно, подожгли сами турки. К полудню на рейде догорали последние корабли. Турецкой эскадры более не существовало.

В результате сражения турки потеряли десять боевых кораблей, пароход, два транспорта; были потоплены также два торговых судна и шхуна. Потери личного состава определяли в 3000 человек⁷. В воспоминаниях Осман-паши, очевидно, допущена опечатка и указано 300 погибших и 1500 бежавших⁸. В плен попали, кроме вице-адмирала и трех командиров кораблей, еще 180 нижних чинов⁹. Турки лишились 500 орудий; резерва артиллерии и экипажей у них не было¹⁰. По другим подсчетам, турецкие потери в моряхах вместе с десантом доходили до 4000¹¹.

Потери русской эскадры в людях составили 38 убитых и 210 раненых¹². На кораблях были подбиты 13 орудий и десяток станков¹³.

¹ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 129; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 299—300, 306.

² Богдинович Е.В. Синоп — Севастополь. С. 87; Зверев Б.И. Синопская победа. С. 126.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 325.

⁴ Там же. С. 306.

⁵ Там же. С. 360.

⁶ Там же. С. 325.

⁷ Там же. С. 357.

⁸ Там же. С. 360.

⁹ Там же. С. 357.

¹⁰ Зверев Б.И. Синопская победа. С. 145.

¹¹ Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя.

¹² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 353.

¹³ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 85.

* * *

Делая выводы о значении бомбической артиллерии и бомб в исходе Синопского сражения, о бессилии деревянных кораблей против разрывных снарядов, авторы реформ во флоте располагали не столько фактическими материалами, сколько эффектом от полного разгрома турок. Ниже будет произведена попытка сделать анализ действия артиллерии в Синопском сражении, чтобы понять его значение в истории военного морского искусства.

Условно можно принять, что у турок были семь фрегатов, три корвета и четыре батареи, то есть всего четырнадцать объектов; условность состоит в том, что суда и батареи отличались по артиллерийскому вооружению, однако, чтобы сгладить разноречие, в рассмотрение принимаются группы объектов, действовавших против каждого русского линейного корабля.

В среднем на объект приходилось 12 бомб, 16 36- и 24-фунтовых гранат, 157 зарядов картечи, 117 ядер 68-фунтовых, около 700 36-фунтовых и около 200 24-фунтовых ядер и 12 брандскутелей¹. Но это были именно средние цифры, которые не позволяют сделать определенные выводы. Если же разложить расход боеприпасов по кораблям и определить эффективность действий каждого и его повреждения и потери, можно отметить определенную закономерность.

Корабль «Императрица Мария» выпустил 5 бомб, 40 гранат, 106 зарядов картечи, 51 68-фунтовое, 1293 36-фунтовых и 575 24-фунтовых ядер². В результате фрегат «Ауни-Аллах» получил серьезные повреждения, его экипаж впал в панику, а судно, получившее дополнительный ущерб от «Парижа», выбросилось на берег у батареи № 6. Не уничтожили и «Фазли-Аллах», служивший более четверти века; отнесенный к мели, он загорелся (или был подожжен экипажем) после окончания боя. Следовательно, среднего расхода в 2—3 бомбы, 20 гранат, 53 заряда картечи, 1009 ядер различного калибра оказалось недостаточно для гарантированного уничтожения даже очень старого фрегата, который в открытом море имел шанс выйти из боя. Если учесть, что вес бортового залпа двух фрегатов (28 пудов 10 фунтов, или 462,735 кг) почти в полтора раза уступал весу залпа корабля (44 пуда 36 фунтов, или 735,462 кг), ясно, что вышеуказанный набор снарядов не гарантировал уничтожение противника, даже слабейшего, а лишь позволял вывести его из строя. При этом сам корабль «Императрица Мария» полу-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 310—312.

² Там же.

чил серьезные повреждения. На схеме повреждений корабля отчетливо видны рассеянные по всему борту попадания: 53 снаряда на уровне нижнего дека, 25 — на уровне опер-дека и 19 — верхней палубы, не считая 13 попаданий в корму; фок-мачта получила 17, грот-мачта — 28, бизань-мачта — 10 повреждений, в основном ниже уровня марсов; до этого уровня распределялись и пробоины в парусах¹. Видимо, это показывает результаты стрельбы в начале сражения, когда еще не было ни ответного русского огня, ни дыма.

Корабль «Великий князь Константин» выпустил 30 бомб, 20 + 97 + 104 заряда картечи, 407 + 1464 + 480 ядер калибра 68, 36 и 24 фунта соответственно по двум фрегатам, корвету и батарее, то есть на объект по 8 бомб, 55 зарядов картечи и 585 ядер. В результате фрегат «Навек-Бахри» взорвался (А. Слейд утверждает, что был взорван своим командиром²). Фрегат «Несими-Зефер» отнесло к греческому предместью, и, как известно, его уничтожили русские моряки следующим утром. Он получил многочисленные подводные пробоины, и на борту еще оставалось немало моряков. Корвет встал на мель у батареи № 3. Наконец, батарея № 3, заваленная обломками «Навек-Бахри», была подавлена позднее совместно с «Чесмой». Бортовой залп корабля (73 пуда 62 фунта, или 1196,559 кг) значительно превосходил возможности артиллерии трех турецких судов и батареи, ориентировочно не превышавшие 45 пудов. При таком соотношении корабль получил значительные повреждения. Попадания распределялись вдоль корпуса примерно равномерно: 30 ниже, 19 — на уровне нижнего дека, 27 — в среднем, 14 — в верхнем деке и 15 — в планширь верхней палубы; 2 попадания в бушприт и утлегарь, 10 — в фок-, 12 — в грот- и 6 — в бизань-мачту, несколько попаданий в паруса, особенно в кливера, фок и формарсель, во все паруса грот-мачты дополняли ущерб³. При рассмотрении схемы повреждений интересно отметить колоколообразную форму распределения попаданий, подобной графику нормального распределения случайных величин. Можно полагать, что турки целили в центр корпуса корабля либо в грот-мачту.

Корабль «Чесма» выпустил 18 бомб, 8 гранат, 39 брандскугелей, 65 + 1115 + 297 ядер, 4 + 20 + 6 зарядов картечи, соответственно 68-, 36- и 24-фунтовых⁴. Его бортовой залп (43 пуда 19 фунтов) про-

¹ Адмирал Нахимов: Материалы... Вклейка между сс. 120—121.

² Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 144.

³ Чертеж корабля «Великий князь Константин» с показанием боевых повреждений в корпусе и рангоуте после Синопского сражения // Морской сборник. 1854. № 2 (вклейка).

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 310—312.

тивостоял примерно 10 пудам на двух батареях¹. Стрелял корабль главным образом по 6-орудийной батарее № 3 и частично по 8-орудийной батарее № 4. В конце концов батареи замолчали. Однако А. Слейд утверждает, что фланговая турецкая батарея, состоявшая из устаревших орудий, так и не была подавлена из-за удачного расположения, хотя землю вокруг изрыли ядра, а замолчала из-за нехватки зарядов². Турецкий огонь причинил кораблю небольшие повреждения (восемь несквозных пробоин по левому борту, из них два ниже опер-дека, одно попадание в грот-мачту и грота-рей, повреждение грот-салинга, два попадания в крюйс-стенгу и крюйс-брам-рей)³. Разброс говорит о случайности попаданий.

Головной корабль левой колонны «Париж» выпустил по двум фрегатам, корвету и батарее 70 бомб, 63 гранаты, 149 + 467 + 104 заряда картечи, 651 + 1577 + 638 ядер 68-, 36- и 24-фунтовых и 27 брандскугелей, по 18 бомб, 8 гранат, 180 зарядов картечи, 717 ядер и 7 брандскугелей на объект. В результате корвет «Гюли-Сефид» загорелся и взорвался, «Дамиад» с тяжелыми повреждениями выбросился на берег; затем «Париж» подавил огонь отнесенного на мель фрегата «Низамие» и в конце сражения — батарею № 5. Бортовой залп «Парижа» (73 пуда 2 фунта, или 1196,6 кг) противостоял примерно 38 пудам турок, то есть почти вдвое превышал силу своих противников. В результате шквала обрушенного на противника огня и, вероятно, особого влияния разрывных снарядов корабль получил небольшие повреждения: одно ядро пробило волнорез, одиннадцать ядер попали в нижний дек, четыре — по оконечностям верхнего дека и четыре — выше, четыре снаряда попали в корму; паруса получили также небольшие повреждения⁴. Возможно, часть снарядов досталась «Парижу» с «Трех Святителей», когда последний развернулся из-за перебитого шпринга. «Париж» оказался одним из двух кораблей, способных пересечь Черное море под парусами самостоятельно.

Корабль «Три Святителя» стрелял по батарее № 6, фрегатам «Каиди-Зефер», «Низамие», выпустив 28 бомб, 93 гранаты, 363 заряда картечи, 88 брандскугелей и 102 + 935 + 314 ядер трех калибров, в среднем по 9 бомб, 31 гранате, 121 заряду картечи, 29 брандскугелей, 450 ядер на объект. Его залп в 64 пуда 6 фунтов (1050,8 кг) также почти в 1,5 раза

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 308—309.

² Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 141.

³ Чертеж корабля «Чесма» с показанием боевых повреждений в корпусе и рангоуте после Синопского сражения // Морской сборник. 1854. № 4 (вклейка).

⁴ Чертеж корабля «Париж» с показанием боевых повреждений в корпусе и рангоуте после Синопского сражения // Морской сборник. 1854. № 4 (вклейка).

превышал залп противника (около 43 пудов, или 704 кг). Видимо, он принял на себя и часть снарядов, предназначенных для «Парижа». К концу сражения корабль находился в бедственном положении, и Нахимову пришлось принять меры для его спасения. После возвращения в Севастополь, несмотря на предварительный ремонт, ведомость отмечает 48 пробоин в обшивке, повреждения кормы, галерей, палубы и других деталей, что требовало на починку два месяца¹.

«Ростислав» выпустил, в основном по корвету «Фейзи-Меабуд» и батарее № 6, 16 бомб, 46 гранат, 6 брандскугелей, 120 + 448 + 168 + 140 зарядов картечи, 162 + 2116 + 606 ядер калибром 68, 36, 24 фунта и менее, в среднем 8 бомб, 23 гранаты, 438 зарядов картечи, 13 брандскугелей, 1942 ядра на объект. Корвет был отброшен на мель и прекратил огонь, а для подавления батареи потребовалось около 3 часов. Это оказалось сравнительно несложно «Ростиславу», имевшему бортовой залп 44 пуда 36 фунтов (735 кг) против 15—16 пудов у турок.

Могли ли русские артиллеристы добиться лучших результатов? Вероятно, могли. Однако несколько причин сказалось на неверности прицела. Во-первых, пушки были далеко не идеальны, как и снаряды, и это приводило к разбросу по дальности, а происходило это как из-за недостатков технологии производства, так и по причине небрежного обращения с пушками. В 1852 году В.А. Корнилов с возмущением докладывал, что новейшие орудия хранятся на Ростовской пристани без платформ, забыты землей и ржавеют². В том же году он при осмотре кораблей 4-й флотской дивизии контр-адмирала Ф.М. Новосильского отмечал неверность прицелов и частые осечки при выстрелах³. Если учесть дополнительно, что в николаевское время большое внимание обращали на чистоту орудий и драили их до блеска, можно полагать, что разные зазоры между ядром и стволом также влияли на меткость стрельбы. Уже упомянутые сведения об учениях 1852 года подтверждают разброс в меткости стрельбы, очевидно связанный и с опытностью канониров.

Источники отмечают много перелетов русских ядер в начале сражения. Русские орудия оказались достаточно дальнобойны, чтобы их ядра перелетали даже через город. В частности, на учениях летом 1853 года ядро 36-фунтовой пушко-каронады при угле возвышения 8 градусов пролетело более 1000 саженьей (2100 метров)⁴. Вероятно, в данном случае сказались как первое замешательство под огнем противника, так

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 320.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 163.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 188.

и качка, повороты при постановке на шпринг, а также, по-видимому, привычное стремление стрелять как можно быстрее.

В течение боя было выброшено около 326 тонн снарядов, главным образом с шести линейных кораблей. 40 бомбических 68-фунтовых пушек и единогоговы выпустили 2161 снаряд (54 на ствол), 206 36-фунтовых — 11 398 снарядов (около 55 на ствол), 66 24-фунтовых — 3553 снаряда (около 54 на ствол)¹. Как ни странно, бомбические пушки в среднем, несмотря на трудность заряжания, стреляли не медленнее, чем другие. Но если принять в расчет, что решительный бой длился приблизительно с 12.30 до 14.00, после чего интенсивность стрельбы резко упала, можно определить (исходя из вышеприведенных расчетов), что за 1,5 часа средняя скорострельность составила около 0,6 выстрела в минуту для орудий разных калибров. Это лишь немногим ниже результатов, полученных на учениях летом 1853 года под Севастополем, когда с корабля «Двенадцать Апостолов» два 68-фунтовых орудия выпустили шесть ядер менее чем за 3 минуты². Следовательно, скорострельность составила около одного выстрела в минуту. Так как корабль считали образцовым, можно полагать образцовыми и результаты его стрельбы. Интересно, что на стрельбах в октябре 1852 года он допустил только 12% промахов, также образцовый результат.

Фактически боевая скорострельность оказалась ниже, так как часть пушек стреляла еще 2—2,5 часа после 14.00, добивая противника. Посему лучше взять за образец корабль «Императрица Мария», завершивший бой в 14.00. Корабль выпустил 176 68-фунтовых, 1333 36-фунтовых и 619 24-фунтовых снарядов, из них часть двойными ядрами. Следовательно, скорострельность четырех 68-фунтовых орудий составила 0,51, двадцати восьми 36-фунтовых 0,52 и десяти 24-фунтовых — 0,69 выстрела в минуту, что выглядит более правдоподобно.

В 40-х годах XIX века на орудие русского корабля полагалось 75 зарядов, 75 ядер, 5 древгаглов дальних, картечи в железном корпусе 20, бомб по 40, гранат 24-фунтовых по 25, брандскугелей для бомбовых пушек по 10 и для 36-фунтовых по 2; если такими пушками вооружали дек, то на орудие полагалось десять бомб и два брандскугеля³. Следовательно, расход боеприпасов в бою не составил и трети (25—27 снарядов на пушку).

Особое место в истории Синопского сражения занимает применение разрывных снарядов. Как известно, со всех кораблей выпустили 167 бомб, 205 36-фунтовых и 45 24-фунтовых гранат. Считали, что, по

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 310—312.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 188.

³ Ильин А. Наука морской артиллерии. С. 774.

крайней мере, фрегат «Навек-Бахри» и корвет «Гюли-Сефид» были взорваны бомбами, а многие другие корабли — зажжены. Упоминание А. Слейда о том, что фрегат взорван командиром, и сведения, что часть турецких судов подожжены их командами, а часть — после сражения русскими, уменьшают эффективность разрывных снарядов до минимума, ибо трудно считать большим достижением уничтожение малого корвета, который принимали даже за шлюп. Бомбы того времени приводили к разрушениям, только если впились в борт и разрывались там; в противном случае они играли роль облегченных ядер. Поэтому те, кто считал бомбы основным виновником уничтожения турецкой эскадры, ошибались. Скорее, фрегаты и корветы были сметены градом ядер разных калибров, в первую очередь 68-фунтовых, тогда как их ответные выстрелы не пробивали обшивку кораблей.

Эффект от действия бомб мог оказаться больше, если бы Нахимов перед боем не рекомендовал по возможности не наносить ущерб консульским домам¹. В письме австрийскому консулу, оправдывая разрушение города, вице-адмирал писал, что только необходимость подавить батареи заставила стрелять бомбами². В подтверждение этим словам следует вспомнить, что с «Императрицы Марии» выпустили только пять бомб. Другие командиры не были столь щепетильны, ибо в любом случае город страдал от перелетов и взрывов турецких судов.

Каков же результат от 18 063 снарядов? Под обстрелом два боевых судна взорвались и девять выведены из строя; окончательно они были уничтожены либо самими турками (пароход «Эрекли», фрегаты «Фазли-Аллах», «Низамие», «Каиди-Зефер», корвет «Неджми-Фешан»), либо русскими моряками после сражения. Следовательно, непосредственно в бою погибли только два корабля, не считая попавших в зону огня транспортов и купеческих судов. Остальные суда в той или иной степени сохранились и могли быть отремонтированы (но не переведены в условиях осенней погоды через море). Следует полагать, что, если бы сражение проходило вдали от берегов, часть судов пошла бы ко дну, а часть могла бежать. Пока же очевидно, что 167 бомб, 250 гранат и тысяч ядер оказалось недостаточно, чтобы гарантированно уничтожить стоящую на якоре без парусов эскадру.

Живучими оказались береговые батареи, расположенные на возвышенных пунктах и малозаметные. А. Слейд отмечает, что одна из них почти не пострадала, хотя земля вокруг была изрыта снарядами. Взрыв «Навек-Бахри» на время нейтрализовал батарею № 4, батарею № 6

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 278.

² Там же. С. 313.

«Ростиславу» удалось подавить с трудом. Для уничтожения батареи № 5 потребовался залп 120-пушечного «Парижа»; он обрушил часть берега, на котором стояли орудия старой крепости¹. Возможно, при этом свою роль сыграли бомбы, которые при углублении в землю давали лучший эффект, чем при ударе в борт корабля. Для подавления батареи № 3 (видимо, той левофланговой, о которой писал А. Слейд) был выделен 84-пушечный корабль «Чесма», и его 42 орудия одного борта (семь пушек против одной береговой) в конце концов заставили орудия замолчать; но было ли причиной уничтожение батареи, нехватка боеприпасов или бегство артиллеристов под влиянием катастрофы — неизвестно. В общем, для Синопского сражения оказалось справедливо правило, что одна пушка на берегу стоит нескольких в море. Трудно сказать, каков бы оказался исход сражения, если бы Осман-паша выставил на берегу 20—30 32-фунтовых пушек с левых бортов своих кораблей, как то сделал контр-адмирал В.С. Завойко при обороне Петропавловска-Камчатского в следующем году. Русские батареи на Камчатке помогли отбить атаку превосходящего противника и нанесли ему повреждения. Возможно, прими Осман-паша такое решение, не все русские корабли вернулись бы в Севастополь.

Анализ «Ведомости о числе убитых и раненых в Синопском сражении» от 29 ноября 1853 года² вполне закономерно показывает, что на первый подвергшийся обстрелу корабль «Императрица Мария» приходится 16 убитых (42%) и 59 раненых (40%) из числа потерь эскадры. Второе место по потерям занимает «Ростислав» с 5 убитыми (12%) и 105 ранеными (45%); однако половина раненых появилась от разрывов собственных орудий, а другие могли явиться следствием стрельбы высоко расположенной батареи. На корабле «Великий князь Константин», вторым попавшем под огонь, насчитывалось 8 убитых (20%) и 24 раненых (24%); потери прочих экипажей были меньше. Если учесть, что в числе раненых насчитывалось немало легко пострадавших, оставшихся в строю, потери оказываются еще меньше. В частности, при сравнении ведомости состава моряков на эскадре 18 и 25 ноября 1853 года видна разница всего в 80 человек³. Так как вряд ли за неделю, включавшую переход в Севастополь, поступили значительные пополнения, следует полагать, что число убитых, умерших от ран и определенных в госпиталь не превышало сотни.

Из вышеизложенного очевидно, что Синопское сражение явилось не причиной, но предлогом, удобным для оправдания последующей агрес-

¹ Зверев Б.И. Страницы русской морской летописи. М., 1960. С. 223.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 353.

³ Там же. С. 308, 318.

сии в глазах европейских народов. Известно, что союзники предполагали использовать в качестве основания для войны переход русских через Дунай, и синопский разгром просто дал антирусской пропаганде хороший козырь. Так как царь не собирался отказываться от намерения покровительствовать всем православным, то есть контролировать Турцию, а Франция и Англия не собирались допускать ни свободный проход растущего и совершенствующегося Черноморского флота через Босфор и Дарданеллы, ни конкуренцию русской торговли в Средиземном море, война становилась неизбежной.

Из этого вытекает и объяснение того спокойствия, с которым турки отправляли в Синоп малосильную эскадру. Турецкое правительство было уверено, что Россия не пойдет на решительные действия под угрозой появления на арене превосходящих союзных эскадр. Когда же это ожидание не оправдалось, капудан-паша возмущался, что союзные адмиралы не обеспечили действиями свои гарантии. Только воспользовавшись Синопским сражением, союзные флоты вошли на Черное море, но теперь их действия одобрило общественное мнение, незнакомое с действительным положением вещей. С другой стороны, всплеск возмущения в печати и парламенте, возможно, заставил британское правительство войти в союз с Францией и втянуться в войну с Россией значительно глубже, чем оно хотело бы.

Как неизбежной являлась Крымская война, столь же неизбежным стало и поражение турецкой эскадры. Начиная с решения послать только легкие силы в расположенный недалеко от Севастополя Синоп, слабо обеспеченный устаревшими батареями от атаки, и кончая отказом от подкрепления этой эскадры, турецкое командование, направляемое британским послом, сделало все для поражения. Русское командование действовало иначе, сосредоточив максимум сил. Нахимов был прав, выжидая подкреплений и не атакуя противника с тремя двухдечными кораблями, ибо не располагал превосходством для гарантированного уничтожения противника. В море его эскадра имела достаточно сил, чтобы вести бой с турками на равных и блокировать их в порту, не позволяя идти к берегам Кавказа. Тактика после прибытия подкреплений также оказалась верна: при первом попутном ветре атаковать двумя колоннами для быстроты сближения и, развернувшись в линию, вести бой на якоре, что было отработано на учениях летом. Вполне справедлив отказ Нахимова от попытки вести бой на ходу, ибо, как правило, такой маневр не удавался; наиболее ярким примером является неудачная атака превосходящим шведским флотом русской эскадры на рейде Ревеля (Таллина) 2 мая 1790 года: шведы, проходя вдоль русской линии, получили такие повреждения, что один корабль сдался, другой сел на кам-

ни и был сожжен, тогда как русские потери были мизерны. Бой на шпринге при несовершенстве прицелов и в густом пороховом дыму позволял направлять огонь всей подвижной батареи, какой являлся линейный корабль, в нужном направлении. Большинство пунктов приказа Нахимова служили напоминанием о мерах успешной стрельбы (наблюдатели на марсах, отметки на пушечных станках, подготовка на гребных судах верпов для замены перебитых шпрингов). Как известно, пункт о гребных судах позволил быстро восстановить боевое положение кораблей «Три Святителя», «Императрица Мария» и «Чесма».

Нахимов, прекрасно понимая необходимость пароходов, не раз просил прислать их, и лишь несовершенство техники оставило его к началу сражения без паровых судов. Вице-адмиралу пришлось использовать на случай атаки турецких пароходов с тыла оставшиеся на ветре фрегаты; о возможности бегства морского офицера с поля боя Нахимов и помыслить не мог, иначе он бы поставил фрегаты по-другому, чтобы они могли перехватить бегущий «Таиф». Ни фрегаты, ни вооруженные пакетботы не смогли догнать и захватить пароходофрегат специальной постройки. Вообще, пароходное дело при Синопе носило весьма ограниченный характер, в отличие от дела артиллерийского, рассмотренного выше.

Можно ли считать, что бомбы явились тем средством, которое уничтожило турок? Вряд ли, учитывая эффект от огня. Причиной тому явилось несовершенство бомб. Взрывателями в них служили зажигательные трубки, длина которых определяла задержку взрыва. Русские пароходы к Синопскому сражению снабжали 4-, 3- и 1,25-дюймовыми трубками на 20, 7,5 и 2 секунды, причем большинство трубок (108 из 150) трехдюймовые¹. Трубки были не совсем освоены, что создавало дополнительные трудности, особенно для заряжавшихся с дула пушек. При малых расстояниях между сражающимися бомба не успевала взорваться; таких примеров немало отмечено при обороне Севастополя. Если бомба не застревала в обшивке, эффект ее взрыва оказывался мизерным, а бомба вряд ли могла пробить борт, устоявший против ядер. Интересно, что Синопское сражение не дало причин для исключения деревянных кораблей из списков, ибо ни один турецкий снаряд не пробил толщу корабельного борта, которая успешно выдерживала удары круглых снарядов того времени, обладавших малой начальной скоростью.

Сам факт полного разгрома турецкой эскадры оказал существенное влияние на развитие флотов. Видимый успех бомбической артиллерии

---

¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 352—353.

сосредоточил внимание на ней. Если до Синопа тенденция повышения калибра проявлялась мало и большую часть артиллерии главного калибра составляли пушки 30—36-фунтовые, стреляющие ядрами и реже гранатами, то после Крымской войны началась гонка калибров при соответствующем уменьшении числа стволов; предельным случаем можно считать мониторы с одной-двумя большими пушками. Одновременно появилась потребность в защите от бомб. Первые броненосные суда, плавучие батареи, обстреливали Кинбурн уже в 1855 году и оказались неуязвимыми для ядер. Отказ от ядер и совершенствование разрывных снарядов потребовали и совершенствования защиты; начиналось многолетнее соперничество брони и пушки. Способность разрывных снарядов наносить обширные разрушения, рассеивать многочисленные осколки и вызывать пожары заставила как можно меньше использовать при постройке корабля дерево и другие горючие материалы, что привело к железному судостроению, основам таких новых дисциплин, как живучесть и непотопляемость. Развитие металлургии и машиностроения в Европе позволило избавиться от еще непобежденных, но невыгодных бесслесным странам кораблей ранее, чем они оказались действительно бесполезны.

Сражение показало необходимость для береговых батарей более дальнбойных и мощных орудий, что, в свою очередь, вызвало рост калибров и веса корабельной артиллерии. Последняя, как ни странно, прогрессировала быстрее, ибо дешевле оказывалось построить для защиты берегов несколько кораблей — подвижных батарей, чем вооружать орудиями все важные для государства участки суши. Что же касается обороны действительно необходимых пунктов, то потребовалось прийти к мысли о необходимости взаимодействия береговых и морских сил флота, как то было при обороне Севастополя, Петропавловска-на-Камчатке, Свеаборга в 1853—1855 годах.

Синопское сражение поставило на повестку дня вопрос о средствах, не позволяющих неприятелю беспрепятственно приближаться к обороняемому порту и стоящим в нем судам. Кроме береговых батарей, уже в декабре 1853 года для заграждения входа на Севастопольский рейд готовили бонь¹. В следующем году вход на рейд преградили корпуса затопленных кораблей; заграждение огнем прикрывали береговые батареи, расположенные в глубине бухты корабли, тогда как пароходы являлись подвижным средством для разведки, поисков и набегов, беспокоивших противника. В результате такого взаимодействия, увязанного со службой наблюдения, твердым управлением и налаженной связью,

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 385, 387.

Севастополь оказался недосягаем для союзного флота, которому не удалось повторить Синопский опыт, несмотря на превосходство сил. Развитием такого взаимодействия, которое турки не проявили в Синопе, явились минно-артиллерийские позиции периода мировых войн.

Бой на якоре упрощал управление, каждый корабль действовал самостоятельно, не имея возможности наблюдать сигналы адмирала. К 14.00 на «Императрице Марии» были перебиты все фалы и Нахимов лишился возможности пользоваться флажными сигналами вообще¹. Для объявления благодарности командиру корабля «Париж» он был вынужден отправить своего флаг-офицера, хотя тому в случае гибели адмирала предстояло взять на себя управление сражением. Но управлять в ходе сражения и не приходилось; роль адмирала и его штаба сказывалась перед сражением и после его завершения. Только с появлением более совершенных средств связи и уменьшением густоты дыма при замене дымного пороха бездымным появилась возможность тактического управления эскадрами.

Итак, Синопское сражение дало пищу для размышлений специалистам в области техники и тактики, историкам и публицистам. Одновременно оно стало славной страницей российского флота. Моряки Черноморского флота, обученные офицерами лазаревской школы, показали умение и мужество и в осеннем крейсерстве, и в жестоком бою, и в ремонте кораблей, и в рискованном возвращении к Севастополю. Не зря среди офицеров, участвовавших в бою, около полусотни были в различное время в адмиральских чинах. И не вина русских моряков, что сражение послужило предлогом для войны, погубившей Черноморский флот.

* * *

Большинство того, о чем сказано выше, стало предметом изучения значительно позднее. Пока же на Синопском рейде стояла эскадра, которой предстояло возвращение в Севастополь. Повреждения кораблей, особенно в рангоуте и такелаже, оказались весьма серьезными. По расчетам, на ремонт корабля «Три Святителя» требовалось 2 месяца, кораблей «Императрица Мария», «Великий князь Константин» и «Ростислав» — по 6 недель, «Париж» и «Чесма» — по 3 недели². Но этот подсчет производили после возвращения в Севастополь. Ныне же предстояло быстрее восстановить корабли для опасного перехода по бур-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 323.

² Там же. С. 320.

ному осеннему морю. Следовало торопиться. Вырвавшийся из Синопа «Таиф» наверняка спешил в Константинополь, и следовало ожидать появления сильной англо-французской эскадры. Не мог исключить Нахимов и совместного нападения «Таифа» с другими пароходами, о которых вице-адмиралу было известно до сражения. Наконец, и время года торопило возвращаться, пока ноябрьская погода не ухудшилась окончательно.

Сразу же после боя моряки приступили к заделке подводных пробоин, ремонту парусов и рангоута. Часть кораблей не могла идти самостоятельно, а лишь на буксире пароходов. В 16.00 19 ноября к Синопу прибыл пароход «Громоносец»¹. Его приход облегчал буксировку поврежденных кораблей. 20 ноября ремонт завершился, и эскадра направилась к Севастополю. Корабль «Императрица Мария» буксировал пароход «Крым», конвоируемый фрегатами, «Великий князь Константин» под флагом Нахимова вел пароход «Одесса», «Три Святителя» — пароход «Херсонес», а «Ростислав» — пароход «Громоносец»; «Париж» и «Чесма» шли самостоятельно². Волнение в море заставило оставить буксиры, и все корабли достигли цели под парусами. Несмотря на ветер и волнение, 22 ноября эскадра благополучно прибыла на Севастопольский рейд³.

Так как корабли имели в Синопе сообщение с берегом, а на борту их оставалось 180 пленных турок, на 3 дня их оставили в карантине. Поздравлявшие с победой, в том числе князь А.С. Меншиков, подплывали к эскадре на шлюпках⁴.

Перед выходом Нахимов послал на «Громоносце» письмо, адресованное австрийскому консулу, ибо турецкие власти еще не появились. Вице-адмирал оправдывал свои действия необходимостью уничтожить корабли, направлявшиеся для возбуждения подданных России, и утверждал, что город пострадал главным образом от обломков турецких судов. Письмо он завершил следующими словами: «...Теперь я покидаю этот порт и обращаюсь к Вам, как к представителю дружественной нации, рассчитывая на Ваши услуги, чтобы объяснить городским властям, что императорская эскадра не имела никакого враждебного намерения ни против города, ни против порта Синоп»⁵.

А.С. Меншиков оказался недоволен текстом письма, которое Нахимов оставил в Синопе; он писал 21 ноября Нессельроде: «Я хотел бы

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 301.

² Там же. С. 325—326.

³ Там же. С. 326.

⁴ Там же. С. 357.

⁵ Там же. С. 313.

видеть его иначе отредактированным, но дело уже сделано»¹. Меншиков был уверен, что вмешательство великих держав в войну неминуемо.

П.С. Нахимов, покидая Синоп, также знал, что никакие письма не изменят ситуацию, ибо почти неизбежным становилось вступление флота союзников на Черное море. Победителя турок удостоили ордена Св. Георгия II степени², награды получили и другие участники сражения. Победу широко отмечали в России. Но вице-адмирала не радовала награда: он переживал тот факт, что становился виновником грядущей войны. Вскоре после Синопского сражения в разговоре с лейтенантом Л.А. Ухтомским, не участвовавшим в бою при Синопе, вице-адмирал увлеченно рассказывал о действиях моряков, но добавил в конце изменившимся голосом, что «...эта победа подвинет против нас войну, ибо англичане увидят, что мы им действительно опасны на море, и поверьте, они употребят все усилия, чтобы уничтожить Черноморский флот»³. Эта мысль не покидала его и в ходе обороны Севастополя.

Опасения Нахимова имели вполне прочные основы. 20 ноября «Таиф» прибыл в Константинополь⁴. Сообщение о синопском разгроме вызвало растерянность турецкого правительства, которое первоначально намеревалось послать в море линейные корабли и тем успокоить возмущение жителей столицы, начавших беспорядки⁵. Английский посол отговорил диван от этой авантюры; он рассчитывал на вовлечение в боевые действия союзных сил и 22 ноября писал в Лондон, что не видит, как можно избежать вступления англо-французской эскадры на Черное море⁶.

Общественное мнение Европы, не знавшее еще о начале турками военных действий, было возмущено «неспровоцированным» нападением на Синоп⁷. О степени информированности европейских газет можно судить по количеству ошибок, встречающихся в статьях К. Маркса. Английские средства массовой информации сообщали о том, что на русских кораблях было на 680 пушек больше, что на обратном пути погиб 120-пушечный «Ростислав», что в порту Синопа были безжалостно уничтожены два британских торговых судна⁸. Как известно, русская эскадра на одном борту имела 372 орудия против 262 турецких, «Ростислав» не был 120-пушечным и не тонул, а в гавани из нейтральных

¹ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 87.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 321.

³ Там же. С. 431.

⁴ Тарле Е.В. Нахимов. М.: Военмориздат, 1950. С. 25.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 384.

⁶ Тарле Е.В. Нахимов. С. 26.

⁷ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 154.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 10. С. 19—20.

судов погибла единственная шхуна. Одна из французских газет отмечала, что английская бригантина «Ховард» («Hovard») выгрузила уголь для австрийского консула в Синопе и принимала балласт, чтобы идти за грузом зерна, когда русский флот без предупреждения атаковал Синоп и уничтожил торговые суда в гавани¹. В этом сообщении, приведенном К. Марксом, отчетливо видны неточности, ибо огонь первыми открыли турки. Кроме того, непосредственная причина гибели судна оказалась иной. Бригантина (по-видимому, упоминаемая в русских документах ионическая шхуна) оказалась под обстрелом и не могла выбрать якорь, на корме ее вспыхнул пожар; вскоре к ней придрейфовал горящий фрегат, с которого на судно перескочила сотня турок; они обрубили якорный канат и пытались отойти, но при взрыве фрегата оба судна разнесло в щепки. Капитан добрался до берега вплавь и был ограблен жителями города; из команды погибли двое, а остальные отдались под покровительство австрийского консула².

Сама форма преподнесения фактов вызывала такое возмущение, что даже прекрасный аналитик К. Маркс не верил русским официальным сообщениям и опирался на английские газеты, возбуждавшие антирусские настроения. В результате изучения политической обстановки он делал вывод о неизбежности вторжения союзных войск в Россию и их успехе³. Если учесть, что статьи его написаны в январе 1854 года, можно представить информированность читателей, которые пользовались первыми сообщениями.

Узнав о разгроме, союзные адмиралы немедленно послали два парохода (французский «Mogador» и английский «Retribution») с восьмью хирургами в Синоп; если бы русские оставались в порту, за разведчиками должны были последовать эскадры, чтобы принудить россиян удалиться⁴. Отряд вышел 22 ноября и через 50 часов прибыл в Синоп, где застал картину разрушения, оставленных на произвол судьбы раненых и бездействующую администрацию⁵.

В.А. Корнилов восторженно воспринял победу и писал 22 ноября жене: «Имею времени только тебе сказать, что 18 ноября произошло сражение в Синопе. Нахимов со своей эскадрой уничтожил турецкую и взял пашу в плен. Синоп город теперь развалина, ибо дело происхо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 10. С. 20.

² Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 201.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 10. С. 18.

⁴ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853—1854 годах // Военный сборник. 1902. № 3. С. 50.

⁵ Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. P. 148—150.

дило под его стенами, и турки с судами бросались на берег и зажгли их. Битва славная, выше Чесмы и Наварина, и обошлась не особенно дорого: 37 убитых и 230 раненых. Офицеры все живы и здоровы, ранены только один мичман и два штурманских офицера и штурман убит. Я с отрядом пароходов пришел вначале и потому был свидетелем великого подвига Черноморского флота. Ура, Нахимов! М.П. Лазарев радуется своему ученику!..»¹

26 ноября он не менее восторженно писал брату Александру Алексеевичу: «...Нахимов 18 ноября задал нам собственное Наваринское сражение. Цвет турецких фрегатов и корветов (7 фрегатов и 3 корвета) и еще пароход на Синопском рейде сожжены до тла. Батареи в числе 4 скрыты под корешок. Город, к большому сожалению, сожжен, и за все это мы — за повреждениями в мачтах и реях. Мне удалось поспеть к битве с эскадрой пароходов и выбуксировать героев наших, так что теперь, несмотря на шторм, они все здесь и готовятся на новые подвиги. Было и пароходное дело, но, по несчастию, «Владимир» поврежден в машине и потом я сидел на другом, с которого не мог догнать турку. Тот шел 10 узлов, а мы 8¹/₂. На эскадре убит один офицер, и то штурманский, и ранен один мичман, но между нижними чинами до 40 убитых и 230 ранено, из последних много трудных...»²

Приехавший в Севастополь друг Нахимова генерал-майор М.Ф. Рейнеке писал неизвестному, что в результате Синопского сражения турки лишились лучшей части флота, их нравственная отвага должна понизиться, а дух русских армии и флота возвыситься; кроме того, англичанам и французам предстояло принять решение — поддержат ли они Турцию³.

Союзники решение приняли. Получив предлог для вмешательства и поддержку возбужденного общественного мнения, правительства Англии и Франции отдали указания, и 23 декабря англо-французская эскадра из семнадцати парусных и паровых судов, к которым присоединились пять турецких кораблей, пошла к Синопу; в тот же день пароход «Retribution» был послан в Севастополь для сообщения о вступлении союзных кораблей на Черное море и одновременно для разведки укреплений⁴. Союзники прикрывали переходы турецких судов в Самсун, Трапезунд, Батум, а 10 января вернулись из-за бурной погоды в Босфор, оставив для крейсирования пароходы⁵.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 215.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 216.

³ Там же. С. 357—358.

⁴ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853—1854 годах. С. 50—51.

⁵ Там же. С. 53.

Успех русского флота при Синопе превосходил все, что можно было ожидать. Опасность победы царского правительства вызвала объединение интересов Англии и Франции. Не обращая внимания на такие мелочи, как объявление войны Турцией и турецкая активность на Кавказе, официальные круги и пресса двух стран подчеркивали незаконный характер нападения русских кораблей на Синоп. Негативная реакция демократической прессы во многом выражала недовольство агрессивными действиями «жандарма Европы». Другую причину возмущения выразил Наполеон III. В письме Николаю I от 17 января он заявил, что синопский разгром явился оскорблением для воинской чести союзников, гарантировавших безопасность турок на море присутствием в Босфоре кораблей с 3000 орудий¹. Российский Император ответил 9 февраля: «С того момента, как турецкому флоту предоставили свободу перевозить войска, оружие и боеприпасы на наши берега, можно ли было с основанием надеяться, что мы будем терпеливо ждать результата подобной попытки? Не должно ли было предположить, что мы сделаем все, чтобы ее предупредить? Отсюда последовало Синопское дело: оно было неизбежным последствием положения, занятого обеими державами [Николай I имел в виду Англию и Францию. — Н. С.], и, конечно, это событие не должно было показаться им неожиданным»².

Перед вторжением

Осенью 1853 года для лечения в Крым приехал старый друг Нахимова М.Ф. Рейнеке. Он встречал эскадру после Синопского сражения. Многие подробности начала подготовки обороны Севастополя и деятельности Нахимова известны из его дневника и писем.

Синопский разгром грозил появлением на Черном море англо-французской эскадры, что могло произойти в любой момент. Потому уже 5 декабря В.А. Корнилов отдал приказ о размещении кораблей для обороны Севастопольского рейда; командовать судами на рейде и в бухтах в случае нападения на Севастополь он назначил П.С. Нахимова, а находившимися в ремонте — Ф.М. Новосильского³. В соответствии с приказом, следовало корабли «Великий князь Константин», «Три Святителя» и «Силистрия» поставить при входе в Южную бухту, установив перед ними бон, а остальные оставить на рейде готовыми выйти в море. Пароходам предстояло расположиться сзади кораблей, стоящих

¹ Тарле Е.В. Нахимов. С. 28—29.

² Там же. С. 29.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 365.

у входа в Южную бухту, а мелким судам — в бухте. Матросов с судов, находившихся в ремонте, определили на береговые батареи; для наблюдения за морем высылали казачьи разъезды, а на высоких пунктах города (Георгиевский монастырь, Херсонесский маяк, в деревне Учкюевке и на Малаховом кургане) учредили посты штурманских офицеров. В случае тревоги было приказано погасить маяки и срубить вежи¹.

Это был план-минимум, ибо Меншиков не соглашался на подготовленный Корниловым и Нахимовым проект и намеревался заградить вход в бухты только тремя кораблями, а остальные собрать в Южной бухте. Рейнеке в дневнике записал, что неприятель сначала истребит эти три корабля, а затем и остальные в гавани².

21 декабря Корнилов приказал Нахимову, пока не изготовлен бон, связать канатами или цепями корабли «Силистрия», «Великий князь Константин» и «Три Святителя»³.

6 декабря город дал обед в честь героев Синопа. Тысяча матросов праздновала на площади между клубом и Графской пристанью (а остальным пяти с половиной тысячам матросов выдали деньги для празднования в казармах). Для матросов устроили молебен, а караимский раввин обратился к ним с приветствием. После тостов за царя и генерал-адмирала матросы пили за здоровье Нахимова. Для офицеров обед на 180 человек устроили в клубе. Флотоводец по болезни не присутствовал, офицеры подняли за него тост, а после обеда толпа с полупьяными мичманами пришла поздравить Нахимова прямо домой. Вице-адмирал благодарил граждан, но мичманов пожурил за такую выходку⁴.

7 декабря лейтенант князь Ухтомский привез приказ о награждении. Нижним чинам предоставляли 10 Георгиевских крестов на роту (4 на 10 человек); всем участникам полагалось годовое жалованье⁵. 12 декабря доставили и 250 знаков ордена Св. Георгия; Нахимов приказал, чтобы матросы сами выдвинули самых достойных⁶.

Так как начало декабря было отмечено празднествами по поводу синопской победы и заметной угрозы не было, 10 декабря отменили предложение Нахимова погасить маяки и убрать вежи; отрицательно отнеслись и к его мнению поставить корабли восточнее, у Николаевской батареи. Однако с 15 декабря пароходы «Громоносец» и «Дунай» по очереди начали дежурить у входа на рейд, против Константиновской батареи⁷.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 366.

² Там же. С. 383.

³ Там же. С. 367—368.

⁴ Там же. С. 383.

⁵ Там же. С. 384.

⁶ Там же. С. 385.

⁷ Там же. С. 384—385.

14 декабря к Нахимову пришел полковник Сколков с письмом Императора и повелением сказать, что царь жалеет, что еще не был знаком с моряком, но надеется познакомиться ближе, что обрадовало Нахимова. Корнилову же Николай I поручил передать, чтобы тот лично не ходил на пароходах в бой, ибо нужен для более важных дел. Зашедший с поздравлением Меншиков сообщил, что царь пожаловал по 100 рублей серебром тяжелораненым, и поручил распределение этих денег Нахимову¹.

20 декабря нижним чинам в казармах и на кораблях раздавали Георгиевские кресты. По приказу Нахимова сами матросы выдвинули самых храбрых и достойных, затем из их числа исключили штрафованных, а среди оставшихся бросили жребий, ибо 250 знаков оказалось недостаточно на всех отличившихся. Перед строем зачитали приказ, список выбранных командой достойных, список награжденных, на которых выпал жребий, и указали тех, кто за недостатком крестов остался без наград. После освящения наград устроили в командах пир для награжденных. Нахимов на квартире дал обед избранным. Он заявил, что новые георгиевские кавалеры должны служить примером для товарищей, которые заслужат награды в следующем сражении. Его слова восхитили матросов².

Тем временем события стремительно развивались. Нахимов считал неуместной попытку контр-адмирала Н.М. Вукотича выманить из Трапезунда стоявшие там два парохода и два фрегата³. Он понимал, что не следует давать лишних поводов объявить Россию агрессором. Знал он также, что события не замедлят, и был прав. Из Парижа стало известно, что командующий французской эскадрой в Константинополе получил инструкцию войти на Черное море только в случае высадки русских войск между Босфором и Варной, и то после совещания с посланником⁴. Но 21 декабря стало известно, что в Константинополе произошла резня и европейцы перебрались на суда союзной эскадры⁵. А 25 декабря у Севастополя появился английский пароходофрегат «Retribution». Так как к порту его не допустили, на шлюпке были переданы письма⁶. Фактически целью визита являлась разведка. А.С. Меншикова этот случай встревожил. Он не разрешил переставить корабли в соответствии с планом Нахимова, но принял, наконец, некоторые предложенные вице-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 385.

² Там же. С. 385—386.

³ Там же. С. 384.

⁴ Там же. С. 385.

⁵ Там же. С. 386.

⁶ Там же. С. 386—387.

адмиралом меры. На укрепления Северной стороны направили моряков со стоящих в гавани кораблей, установили бон поперек бухты между фортами 8 и 1¹. Бон должен был заменить импровизированное заграждение из цепей, связывающих три корабля, стоявшие у входа на рейд; работу эту поручили Нахимову². К концу декабря установили уже пять звеньев бона из старых мачт, шла усиленная постройка укреплений на суше³.

25 декабря выслали в море пароход «Крым», чтобы выяснить, нет ли неприятельских судов за мысом Херсонес; тот возвратился 26-го числа, ничего не обнаружив. Однако весь день 27 декабря у входа на рейд виднелся купеческий бриг, явно оставленный союзниками для наблюдения⁴.

С 27 декабря на время болезни Нахимова эскадра на рейде стояла под флагом Корнилова. В тот же день стало известно, что 18 кораблей и 13 больших пароходов союзников вступили на Черное море⁵. 29 декабря Меншиков назначил Нахимова командовать судами для обороны рейда; вице-адмиралу М.Н. Станюковичу поручили защиту Южной стороны, а В.А. Корнилову — оборону гавани⁶. 2 января 1854 года после выздоровления Нахимов принял командование⁷. 6 января под наблюдение Нахимова поступили также береговые батареи, укомплектованные моряками и прикрывающие эскадру⁸.

Состояние флота оказалось неважное. В.А. Корнилов 3 января 1854 года писал брату Александру: «...Наша севастопольская жизнь в настоящее время неотрадна. Флот весь в сборе и даже в Новый год нас порадовало прибытие отряда с восточного берега, где осталось теперь два фрегата и два корвета под командой лихого черногорца адмирала Вукотича, который даром не отдастся хоть какой силе. Укрепления приводятся в порядок, так что если какой сумасшедший вздумает покуситься разорить наш Черноморский притон, то вряд ли выйдет с барышом, но все-таки как-то неловко находиться в осадном положении, разыгрывая роль генерала Шале не по русскому характеру, а нельзя и думать о другой роли в случае выхода соединенных эскадр. Корабли наши пока не в полной готовности. Герои Синопа потребовали мачт новых и других важных рангоутных дерев, а старики надорваны усиленным крейсерством в глубокую осень и нуждаются в капитальных исправле-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 387.

² Там же. С. 367—368.

³ Там же. С. 388.

⁴ Там же. С. 387—388.

⁵ Там же. С. 388.

⁶ Там же. С. 368.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 368—369.

ниях; меры берем, но нелегко исправить без адмиралтейства и без запасов...»¹

Нахимову пришлось заниматься приведением кораблей в боевое состояние. Только через месяц после предыдущей встречи, 1 февраля, Нахимов смог съехать на берег и встретиться с М.Ф. Рейнеке. Сначала он побывал на обеде в честь дня рождения Корнилова, а вечер просидел с другом. Рейнеке видел Нахимова бодрым, здоровым и довольным жизнью на корабле, несмотря на холод. Павел Степанович радовался, что, наконец, Корнилов, а возможно, и Меншиков убедились в невыгоде тесного расположения кораблей и, вероятно, примут предложение расположить эскадру поперек рейда в две линии, оставив на прежнем месте фрегаты и малые суда. Однако по диспозиции, присланной 16 февраля из столицы, большинство кораблей осталось в тесноте².

Несмотря на зимнюю погоду, 12 января на эскадре проходили артиллерийские учения со стрельбой. На расстоянии 300, 600 и 900 саженей от корабля «Париж» поставили бочки с флагами, по которым стреляли артиллеристы этого корабля и «Двенадцати Апостолов»³.

Состояние кораблей оставляло желать лучшего. Так как срочно увеличить численность пароходов за счет постройки не удалось, приходилось рассчитывать на наличные силы. Севастопольское адмиралтейство работало несколько месяцев круглосуточно, и ко второй половине февраля большинство кораблей привели в порядок⁴.

Не была исключена и вероятность высадки десанта. 22 января В.А. Корнилов подготовил боевое расписание корабельных команд и морских береговых частей на случай нападения на Севастополь с суши. По расписанию экипажам кораблей «Ростислав» и «Варна», за исключением караула, предстояло собраться на Театральной площади в распоряжении контр-адмирала А.Р. Цебрикова. Экипажу корабля «Императрица Мария» следовало оставаться на нем в готовности к десанту и заведовать всеми гребными судами. К десанту готовился и экипаж корабля «Трех Иерархов». Абордажные партии выслали на транспорты, перегораживавшие гавань, в распоряжение контр-адмирала А.Д. Кузнецова, тогда как люди, посланные в распоряжение контр-адмирала П.М. Юхарина, собирались у арсенала. Контр-адмиралу Н.П. Вульффу следовало охранять провиантские магазины, а капитану 1-го ранга А.А. Ключникову — доки и адмиралтейства⁵.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 217.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 389.

³ Там же. С. 369—370.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. Симферополь: Крымиздат, 1957. С. 116.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 218—219.

17 февраля В.А. Корнилов объявил боевое расписание флота на случай нападения с моря. По его приказу в эскадру для защиты рейда входили восемь линейных кораблей, четыре фрегата, корвет, два брига и пять больших пароходов. Этой эскадре предстояло принять атаку неприятельского флота. Большим пароходам (пароходофрегатам) он поставил задачу топить неприятельские брандеры. Для того чтобы отводить неприятельские брандеры, оставались малые пароходы, гребные и малые суда. Как рачительный хозяин, Корнилов рекомендовал захваченные брандеры тушить и направлять на отмель, чтобы позднее их можно было использовать. В эскадру для защиты гавани включили пять линейных кораблей, фрегат и четыре парохода. Купеческие суда следовало убрать с рейда¹.

Этому приказу предшествовало появление у Севастополя 14 и 16 февраля французского и английского пароходов, которые приближались ко входу в бухту, но уходили в море, как только вблизи оказывалась высланная навстречу шлюпка².

Приближение весны делало все более вероятным нападение неприятельского флота. Еще в декабре 1853 года экипажи трех кораблей построили по батарее в глубине Севастопольского рейда (Парижская, Святославская и Двенадцатипостольская). В марте начали строительство еще двух батарей для обстрела ближних подступов к входу на рейд³.

3 марта Корнилов предписал Нахимову направить по приказу Меншикова 1 тысячу матросов для постройки береговых укреплений; матросы должны были оказать помощь при съемке площади в глубине Южной бухты, где предполагали строить временные укрепления для защиты Севастополя⁴. В порту готовили второй бон с пеньковыми канатами, чтобы установить его от Павловской батареи до батареи № 4. 5 марта Меншиков и Корнилов проводили учения артиллеристов со стрельбой, которые продолжались с 9.00 до 14.00⁵.

В течение зимы потушили маяки и сняли вехи у Севастополя, поставили пикеты для наблюдения от мыса Сарыч до мыса Лукулл, на внешние береговые батареи выслали морских офицеров для связи с эскадрой, учредили боевые сигналы для управления батареями. Пароходам следовало встречать приближающиеся к порту суда в море⁶.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 219—222; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 370—372.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 389.

³ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 116.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 373.

⁵ Там же. С. 390.

⁶ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 116—117.

Начальник штаба Черноморского флота и портов проанализировал несколько вариантов нападения на Севастополь с моря. Он считал возможными прямую атаку неприятеля с высадкой десантов для овладения береговыми батареями, внезапную атаку внешних приморских батарей десантами, нападение на корабли Черноморского флота брандерами или обстрел их с моря кораблями противника. Сам Корнилов полагал наиболее вероятным внезапное нападение на батареи Константиновскую и № 10, после чего мог последовать прорыв на рейд. Вице-адмирал более всего опасался нападения пароходов в условиях плохой видимости¹.

5 марта с Кавказа вернулась эскадра контр-адмирала Н.М. Вукотича. 6 марта три парохода контр-адмирала А.И. Панфилова пошли к восточному побережью Черного моря, чтобы снять войска укреплений Кавказской береговой линии, оказавшихся под угрозой; официально объявили, что пароходы направляются в Одессу². Задача была успешно выполнена.

Зима для Нахимова оказалась нелегкой. Более 3 месяцев он провел на борту корабля, не съезжая на берег, крайне занятый подготовкой отражения нападения союзников, и только лихорадка позволяла ему несколько отдохнуть и написать письма родным³. Даже с Рейнеке, остававшимся в Севастополе, он редко переписывался и встречался.

По обыкновению, вице-адмирал не ограничивался выполнением прямых служебных обязанностей. Как старший директор Севастопольской морской библиотеки, он докладывал адмиралу М.Б. Берху, что из суммы в 17 033 рубля серебром, собранной для семейств нижних чинов, убитых или изувеченных при Синопе и в других боях, комитет Севастопольской офицерской библиотеки решил 15 тысяч послать в Одесский коммерческий банк для наращивания процентов, чтобы затем построить в Севастополе дом для содержания 30 нижних чинов, а остальные раздать семьям погибших и раненым. Нахимов предлагал комитет библиотеки именовать также «Комитетом, учрежденным для раздачи пожертвованных денег в пользу семейств нижних чинов, убитых и изувеченных в морских сражениях». Берх одобрил предложения⁴. Таким образом, пострадавшие в боях и семьи погибших получали средства, помогающие им выжить. Кроме того, окружающие могли видеть, что в стране не забывают о людях, проливших кровь за отечество.

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 116; Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 226—233.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 390.

³ Там же. С. 380.

⁴ Там же. С. 373—374.

9 марта Корнилов приказом предписал командирам всех кораблей использовать распорядок дня, подготовленный Нахимовым для своей эскадры. В этом распорядке были указаны основные виды деятельности экипажа корабля с подъема до отбоя на каждый день недели, включая дни учений¹.

Мирная жизнь еще продолжалась. Меншиков через Корнилова поручил Нахимову рассмотреть «Руководство для производства артиллерийских стрельб», присланное начальнику Главного морского штаба Великим князем Константином Николаевичем для отзыва. Рапортуя Меншикову и предложив ему отзыв артиллерийского офицера, 10 марта вице-адмирал Нахимов писал: «...Я же, со своей стороны, нахожу, что в новом учении весьма мало изменений противу принятого учения у нас в Черноморском флоте, составленного генерал-адъютантом Корниловым (когда он был еще командиром корабля), и те, которые сделаны, мне кажется, скорее замедлят учение, а не улучшат его. Кроме того, при составлении нашего учения взят в расчет высочайше утвержденный на судах комплект команды, на нем основаны все прочие расписания, а равно и рассчитана прислуга у орудий. Приняв же новое учение, придется увеличить число команды на судах и переделать прочие расписания без всякой видимой причины или необходимости»².

Так как строящиеся на берегу батареи оставались под наблюдением Нахимова, он для того, чтобы строители располагались ближе к месту работ, приказал разместить их по кораблям и там же довольствоваться, о чем рапортовал Корнилову 12 марта³.

В этот период по петербургским салонам ходила сплетня о якобы существовавших трениях между Нахимовым и Корниловым. Последний рассказал М.Ф. Рейнеке, что в письме к нему Ф.Ф. Матюшкин сообщил весть, услышанную от Н. Пущина, что ссора Нахимова и Корнилова вредит службе. Эта весть достигла ушей Великого князя Константина. Одним из первых он задал полковнику И.Г. Сколкову, направленному курьером в Санкт-Петербург, вопрос: «За что Корнилов и Нахимов ссорятся?» Император также оказался недоволен якобы существовавшими трениями между двумя моряками. Больной Нахимов, узнав об этих слухах, еще больше занемог. Рейнеке, чтобы успокоить друга, написал ему, что скорее всего сплетни достигли столицы через морских курьеров, и просил позволения написать знакомым морякам в Петербург, чтобы рассеять слухи⁴.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 374—376.

² Там же. С. 377.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 378—379, 391.

Конечно, некоторое неудовольствие тем, что Корнилов вмешивается в его обязанности, Нахимов иногда испытывал. Адьютант Корнилова А.П. Жандр отмечал, что «...нашлись люди, которые стали жужжать Нахимову, что Корнилов распоряжается его эскадрой, как своею, — и самолюбие флагмана, старшего в чине, заговорило на мгновение. Вот источник носившихся в то время слухов о несогласиях между двумя всеми уважаемыми адмиралами. По моей специальной обязанности я часто был послан к Нахимову, хорошо знакомому мне лично, и могу утвердительно сказать, что оба адмирала слишком горячо любили службу, слишком свято понимали свой долг для того, чтобы из пустого тщеславия не помогать друг другу в общем деле — пользе и чести России»¹. Жандр вспоминал, что сам Павел Степанович просил Корнилова не стесняться отдавать указания по эскадре на рейде и только сообщать, в чем дело. В свою очередь, начальник штаба Черноморского флота и портов не менее двух раз в неделю ездил на корабль Нахимова, часто обращался к нему за советами, направлял для отзыва подготовленные штабом документы. Завершал Жандр свои воспоминания по этому вопросу следующими строками: «...Павел Степанович, считая впереди всего пользу Черноморского флота, всегда с радостью содействовал Корнилову. Таким образом, дружеские отношения адмиралов укреплялись, и в продолжение всего лета 1854 г. Нахимов был принят как родной в семействе Владимира Алексеевича...»²

Сам Павел Степанович огорченно отвечал Рейнеке 13 марта: «Любезный друг Миша! И меня крайне огорчила эта сплетня или, лучше сказать, гнусная клевета. Тем более она меня тронула, что я был сильно болен. Напиши, дорогой мой друг, и Матюшкину и Пушкину, во-первых, что никто столько не ценит и не уважает самоотвержения и заслуг вице-адмирала Корнилова, как я, что только он один после покойного адмирала может поддержать Черноморский флот и направить его к славе; я с ним в самых дружеских отношениях, и, конечно, мы достойно друг друга разделим предстоящую нам участь; а во-вторых, что, если бы в настоящее военное время назначили бы на место Владимира Алексеевича даже Матюшкина или Пушкина, людей, которых я нисколько не ценю и не уважаю, то и тогда каждый из нас покорился бы и повел дело так, чтобы не пострадала честь русского флага. Еще раз, гнусная клевета»³.

Чтобы утихомирить столичные слухи, Рейнеке решил написать не к «отшельнику» Пушкину или «осторожному иезуиту» Матюшкину, но к

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 409.

² Там же. С. 409—410.

³ Там же. С. 378.

«доброму» контр-адмиралу П.Ф. Анжу, который был близок к П.И. Рикорду — «лучшему колоколу для вестей в большом свете»¹. 15 марта он подготовил письмо, в котором просил утихомирить несправедливые слухи о вражде Корнилова и Нахимова, которые огорчали и самих адмиралов, и всех их уважающих:

«С самого начала вступления Корнилова в должность начальника штаба, когда он стоял от Павла по чину гораздо дальше, чем стоит теперь, и тогда Павел в пример другим оказывал не только должное уважение к его служебной власти, но и к его личности, а Корнилов, имея полную доверенность к откровенности Павла, умел ценить это и соблюдал самую благородную деликатность в служебных отношениях, не прерывая прежних дружеских связей. По смерти же Михаила Петровича эти два человека... еще более сблизились и служили друг другу как бы пополнением к общей цели на пользу службы, о важнейших делах которой они часто совещались и, конечно, не обходилось без споров; но эти споры при взаимном уважении и откровенности еще более утвердили доброе между ними согласие и эти отношения к чести обеих сторон и вообще к пользе службы сохранились и поныне. Да и может ли быть иначе между добросовестными людьми даже в мирное время, не только в военное, когда и враги должны забывать личности для общего блага.

Павел молит только об одном, чтобы Корнилова скорее утвердили главным командиром, ибо настоящее его положение без официальной законной власти во многом связывает его действия, особенно по хозяйству»².

Рейнеке направил черновик письма для прочтения Нахимову, который вскоре вернул письмо с пометкой: «Без всяких замечок, дорогой мой друг Миша, возвращаю тебе письмо. Ни дельнее, ни умнее написать нельзя. До Синопа служил я тихо, безмятежно, а дело шло своим чередом. Надо же было сделаться так известным, и вот начались сплетни, которых я враг, как и всякий добросовестный человек»³.

18 марта 1854 года Корнилов отдал подробную инструкцию командирам кораблей, стоящих на рейде, береговых батарей и начальникам гребных десантных отрядов о действиях против неприятельского флота и его десанта в случае нападения на Севастополь с моря⁴. В тот же день вице-адмирал предупредил Н.Ф. Метлина о возможном нападении англо-французского флота на Николаев⁵.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 391.

² Там же. С. 378—379.

³ Там же. С. 380.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 226—232.

⁵ Там же. С. 233—234.

24 марта П.С. Нахимов в письме другу М.Ф. Рейнеке писал: «Мне бы хотелось отдать военный приказ по эскадре, в котором высказать в кратких и веских словах, что эта война священная, что я уверен, что каждый из подчиненных горит нетерпением сразиться с защитниками Магомета — врагами православия, что павшего в бою ожидает бессмертие, за которое будет молиться церковь и все православие, победившего — вечная слава и, наконец, самые летописи скажут потомкам нашим, кто были защитники православия! Но, как ни бьюсь, не могу сказать, ничего у меня не выходит. Потрудишься, дружок! Если ты здоров и в духе, составь мне приказ. Ты этим большое бремя снимешь с меня»¹.

В письме к двоюродному брату от 19 марта, объясняя, почему он только теперь отвечает на поздравление с синопской победой, Нахимов рассказывал, что четвертый месяц не сходит на берег и постоянно болеет, ибо холодной зимой температура в каюте спускалась до 4 градусов мороза и нередко вода в графине замерзала. Моряк мечтал о том, что со временем все успокоится и год он сможет полечиться в деревне. Рейнеке он прямо писал, что девять дней болел, пять из них не вставал с дивана и ничего не ел. Но, несмотря на болезнь, вице-адмирал продолжал оставаться в курсе публикаций по морскому делу. В том же письме он высказал отрицательный отзыв о статье А.П. Соколова «Парус и винт», отмечая в ней недостатки, которые объяснил непрофессионализмом².

Казалось, боевые действия на Черном море затихли. После первого выхода в декабре союзные корабли зимой не покидали Босфора. Турки ограничивались тем, что перебрасывали войска в Батум³. Это порождало состояние успокоенности в Петербурге. Тем временем обстановка обострилась. Несмотря на отсутствие юридических оснований, Англия и Франция еще в декабре приняли решение считать события у Синопа предлогом для вмешательства в войну⁴. Переписка императоров и дипломатические переговоры должны были аргументом о разбойничьем нападении на беззащитный порт прикрыть тот факт, что великие европейские державы собирались пойти на шаг аналогичный: уничтожить Черноморский флот и овладеть Севастополем, чтобы хотя бы временно ликвидировать морскую силу России на юге. 15 февраля союзники ультимативно потребовали от Николая I оставить Молдавию и Валахию, 12 марта заключили военный договор с Турцией и 15 марта объявили войну России⁵. Русско-турецкая война превращалась в истинно Крым-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 381.

² Там же. С. 380—382.

³ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 118.

⁴ Тарле Е.В. Нахимов. С. 27.

⁵ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 158.

скую войну с коалицией великих держав, которая прославила героизм защитников Севастополя и поставила крест на парусных флотах.

Начало войны потребовало приготовлений. 18 марта на пароходе «Тамань» отправили в Одессу Осман-пашу и трех турецких командиров кораблей, плененных при Синопе. 27 марта Корнилов и Нахимов отдали приказы об обороне города и порта¹. Команды усиленно готовились к боям по расписанию, составленному Нахимовым.

Меры эти оказались нелишними. С весной активизировались и союзники. 31 марта пароход под австрийским флагом приблизился к Севастополю и пытался увести купеческую шхуну, но был вынужден оставить ее, когда в погоню вышли два фрегата. Догнать быстроходный корабль не удалось, ибо Меншиков приказал прекратить пары на пароходе «Херсонес» в надежде, что англичане, если их не беспокоить, не ввяжутся в войну, а когда вернувшийся Корнилов вновь приказал разводить пары, было поздно². 1—4 апреля три союзных судна захватили одиннадцать херсонских лодок с мелкими грузами, в том числе с гардеробом семьи Корнилова. На большее они не решались. Сам Корнилов объяснял это сложностью ремонта паровых судов в Константинополе³.

3 апреля поступили сведения о планах англичан затопить на фарватере Севастополя два-три старых турецких судна. Однако Рейнеке считал, что этого не допустят береговые батареи⁴. К этому дню большинство кораблей после завершения ремонта расположились по диспозиции⁵. Семь линейных кораблей эскадры Нахимова в две линии стояли поперек бухты за Килен-балкой, в устье которой установили «Силистрию» как блокшив. Напротив ее у Голландии стоял корабль «Императрица Мария». Между Павловской и 4-й батареями расположились шесть пароходофрегат, за ними у берега — четыре корабля эскадры Корнилова. Эскадре Нахимова следовало простреливать рейд вдоль, эскадре Корнилова — поперек. Малые суда, транспорты и малые пароходы в готовности оставались в гавани. Фрегат «Месемврия» загоразивал подход к докам, где стояли на ремонте два линейных корабля. За боном располагались бриги «Язон» и «Эней». Впереди бона патрулировал корвет «Калипсо», а второй корвет был выдвинут для наблюдения к батарее № 10. Корветам этим предстояло в случае появления против-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 391.

² Там же. С. 391, 394.

³ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 119; Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 245.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 395.

⁵ Там же. С. 392—393.

ника укрываться в Артиллерийскую бухту, а бригам уходить за линию эскадры Нахимова, к Инкерману. Парходам следовало из бомбических орудий стрелять вдоль рейда, а в случае, когда противник прорвет бон, уходить в Артиллерийскую бухту и за линию Нахимова. Фрегатам на шпринге предстояло действовать навстречу противнику. Сооруженные и ранее существовавшие батареи должны были взаимодействовать с кораблями¹.

Предложение Нахимова, высказанное еще в декабре, поставить корабли в две линии у Ушаковой балки, чтобы обстреливать линию бонов, так и не было принято. Вице-адмирала беспокоило положение кораблей, в какое они могли попасть, если противник прорвет бон. Рейнеке также полагал, что противник, овладев укреплениями при входе в бухту и прорвав бон, сможет истребить по очереди корабли Корнилова и Нахимова. Оставалась надежда только на то, что англичане, представлявшие себе силу береговой обороны, не решатся на прорыв, а предпочтут высадиться на берег. С суши крепость почти не имела укреплений. Планировали соорудить баррикады, а на Малаховом кургане поставить батареи. Для укреплений город был готов предоставить камень и деньги, но Меншиков не считал постройку необходимой².

4 апреля Меншиков намеревался выслать малый отряд (три линейных корабля, фрегат и пароход) в крейсерство у Крыма, где были замечены три винтовых корабля и два фрегата. Нахимов, вечером приехавший к Рейнеке, признал этот шаг опасным; он считал, что если и выходить, то всем флотом³.

8 апреля Корнилов писал Метлину об обороне Николаева и входа в Днепровско-Бутский лиман. Но 9 апреля вице-адмирал серьезно заболел, и ему пришлось съехать на берег. Тем не менее 10 апреля, накануне годовщины смерти М.П. Лазарева, Корнилов с Нахимовым, Истоминным, Новосильским и группой офицеров отслужили молебен на могиле учителя, чтобы не делать это в праздник Пасхи. В этот день и в следующий Нахимов с Истоминным навестили Рейнеке и рассказали ему, как праздновали Пасху на флоте⁴.

Сам Нахимов, в отличие от других флагманов, христосовался со всеми, включая матросов, и давал каждому по три яйца, которых закупил 9000 штук. Он посетил Корнилова на корабле «Великий князь Константин» и просил разрешения дать по чарке водки матросам корабля. Корнилов, со своей стороны, просил дать по чарке водки морякам его

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 394.

² Там же. С. 395.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 396.

бывшего корабля «Двенадцать Апостолов». Затем Нахимов заезжал к А.С. Меншикову, к береговым знакомым и отправился поздравлять команды по кораблям. Вице-адмирал, чтобы не уменьшать боеспособность, организовал гулянье для части экипажей на берегу, вблизи расположения эскадры¹. Рейнеке записал в дневнике мнения матросов: «Во вторник, на третий день Пасхи, прогуливаясь по Севастополю, подслушал я разговор трех матросов... шедших впереди меня. Они говорили, что на эскадре Нахимова хотя и более работы, зато и более вольготы и веселья: «Он сам (т. е. Нахимов) катал яйца с матросами на своем корабле и христосовался со всеми встречными, которых знал лично, не то что у нас — никто и не смотрит на нашего брата; да и качели-то у нас на вантах сделали уже по его же милости. Дай бог ему здравствовать». Другой заметил: «Зато нас пускают в город, а там нет; гуляй только по пустому берегу». «Да что ж, — ответил первый, — и на пустом берегу там привольнее города: качели, палатки для свиданий с женами. И сам он приезжает посмотреть на веселье нашего брата»².

27 марта (8 апреля) пароходофрегат «Фуриус» прибыл к Одессе. Командир береговой батареи двумя холостыми выстрелами заставил англичан остановиться. От борта «Фуриуса» отошла шлюпка под парламентерским флагом с формальной целью узнать, выехал ли из города консул. Тем временем «Фуриус», не вставая на якорь, медленно приближался к берегу; его моряки зарисовывали укрепления. Когда судно подошло ближе, чем следовало, по нему открыли огонь на поражение. Один из снарядов попал в кожух колеса. Пароходофрегат, приняв шлюпку, сразу удалился. 1 (13) апреля к Одессе подошли уже три парохода. С них на шлюпке доставили письмо, в котором союзные командующие обвиняли защитников Одессы в том, что те обстреляли шлюпку под парламентерским флагом. Командующий Одесским военным округом генерал Д.Е. Остен-Сакен отверг обвинения. 2 и 3 апреля союзники захватили и увели или сожгли несколько торговых судов, производили промеры, после чего удалились. 8—9 апреля к Одессе собралась англо-французская эскадра из 19 линейных кораблей и 9 пароходов с 1900 орудиями. Союзные адмиралы 9 апреля потребовали сдать им находящиеся в гавани английские, французские и русские суда. Генерал Остен-Сакен не ответил на ультиматум. 10 апреля союзная эскадра атаковала порт и пыталась высадить десант, но была отбита огнем береговых орудий³.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 396—397.

² Там же. С. 397.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 220—221; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10. С. 213, 227.

17—18 апреля англо-французский флот крейсировал у Севастополя; 21 апреля он вновь появился на горизонте. Меншиков хотел послать часть эскадры, но Нахимов и Корнилов согласованно выступили против. 24 апреля вновь союзники оказались в виду главной базы, в ночь на 23 и 25 апреля происходили ложные тревоги. 27 апреля французский пароход провел разведку Балаклавы, 28 апреля — Феодосии и Керченского пролива. 5 мая английский и французский пароходы приближались к Севастополю и после выстрелов с береговой батареи ретировались¹. В ответ с мая началось крейсерство русских судов. Сначала выходили два фрегата, бриг и пароход, с 15 мая — два корабля, два фрегата и два парохода под командованием поочередно В.И. Истомина, Ф.М. Новосильского и А.И. Панфилова. В июне крейсерства продолжались по расписанию Нахимова, хотя он и не одобрял их². Больше пользы принесло крейсирование парохода «Эльбурс», который сжег два турецких судна недалеко от Босфора, высадив экипажи в шлюпки³.

Нахимова в это время беспокоили запальные трубки Лехнера для бомб, присланные из столицы, ибо лишь три бомбы из десяти взорвались при попадании в шит⁴. 1 мая моряки провели удачный взрыв мины на рейде Севастополя⁵. Однако все это были эксперименты. Мины так и не удалось применить, а трубки, изготовленные в Николаеве, по-прежнему взрывались не вовремя, нередко даже вблизи дула пушек.

Вице-адмирала огорчила статья, перепечатанная «Русским Инвалидом» из иностранного журнала. Автор писал, что Черноморский флот сильнее союзных, но боится выйти в море. Нахимов знал, что против двенадцати парусных линейных кораблей и шести пароходов неприятель располагал девятнадцатью только винтовыми кораблями и семью пароходами, которые имели явное преимущество перед парусниками. Флагман считал, что Корнилов, намереваясь выслать его эскадру в море, чрезмерно рискует. Начальник штаба флота полагал, что при встрече с превосходящим противником корабли успеют вернуться в Севастополь. Но Нахимов опасался, что бегство от неприятеля понизит дух команд. Если бы флот конвоировал транспорты, то при встрече с превосходящим противником пришлось бы либо сразиться и лишиться флота, либо бросить беззащитные суда⁶. Разумеется, такие мысли вице-адмирал высказывал лишь в узком кругу, не обсуждая открыто приказы.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 398—400.

² Там же. С. 403—405.

³ Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 399, 402.

⁵ Там же. С. 401.

⁶ Там же. С. 402—403.

6 мая в Севастополь из Одессы прибыл пароход «Эльбонус»¹. Но это был редкий случай прорыва блокады. Все опаснее казалось положение. 1 июля Корнилов поручил П.С. Нахимову сформировать для усиления десантных стрелковых батальонов еще два резервных из моряков 4-й и 5-й дивизий, а также поручил определить число ружей на кораблях для использования в случае необходимости².

Тревожная обстановка усиливалась. Если русские принимали меры к обороне Севастополя, то союзники готовились к нападению. Еще весной англо-французские экспедиционные войска высадились в Галлиполи у Дарданелл. Летом их перевезли в Варну. Войска страдали от болезней, попытки действий в Добрудже кончились потерей половины отряда от холеры. Союзные корабли продолжали появляться перед Севастополем. Экспедиционные войска в Варне несли потери от болезней, пока правительства Франции и Англии договаривались об организации высадки в Крыму для уничтожения Черноморского флота.

Вторжение

29 марта (10 апреля) 1854 года Англия и Франция заключили договор, которым обе страны обязались не вступать в сепаратные переговоры с Россией и не добиваться односторонних выгод¹. Союзники намеревались избавиться от конкуренции России и лишить ее Черноморского флота. После того как русские войска отошли от Силистрии и вернулись в пределы России, английское правительство начало торопить высадку в Крыму. 17 (29) июня военный министр Ньюкестл предложил генералу Раглану предпринять экспедицию в Крым и осадить Севастополь, если армия готова и нет причин, неизвестных правительству, которые могли отложить предприятие. Войска союзников еще не получили все необходимое, не справились с эпидемией холеры. Командующий французскими войсками Сент-Арно вообще не хотел осаждать Севастополь, а предполагал высадиться у Феодосии и занять Симферополь. Союзники не знали точно численность русских сил в Крыму. Тем не менее, Раглан отвечал: «Я обязан сказать Вам, что решение сделать высадку в Крыму принято не столько по имеющимся у нас сведениям о силе неприятеля или по степени нашей готовности к подоб-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 249.

² Там же. С. 251—252; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 405—406.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 227, 507.

ной экспедиции, сколько из уважения к желаниям правительства, сообщенным мне в Вашей депеше»¹.

31 июля (12 августа) началась посадка войск союзников на суда в Варне. Сначала английская, затем французская эскадра вышли в море и соединились у острова Змеиногор. Здесь возник спор о месте десанта. Французский генерал Канробер предложил высадиться у Керчи. Однако больной Сент-Арно оставил выбор за Рагланом. Английский командующий с группой генералов на пароходе вышел к берегам Крыма на разведку, и место десанта избрали южнее Евпатории. 31 августа (12 сентября) армада из 89 боевых судов и 300 транспортов выступила и на следующий день подошла к берегам Крыма. В 10 часов утра 1 сентября на горизонте севастопольцы увидели дым, а около полудня пост оптического телеграфа сообщил с мыса Лукулл о приближении врага. Армаду русские адмиралы видели с вышки морской библиотеки в Севастополе, а начало выгрузки войск наблюдал лейтенант В. Стеценко, оказавшийся с разъездом казаков в месте высадки².

Союзники 1 (13) сентября высадили трехтысячный отряд, занявший Евпаторию. В последующие 5 дней на берег в 30 верстах южнее города вышли главные силы: свыше 62 тысяч человек при 134 полевых орудиях; эти войска 7 сентября направились к Севастополю по прибрежной дороге, прикрываемые с моря пароходным флотом. На подступах к реке Альма они обнаружили русские полки, которые выдвинул А.С. Меншиков³.

Несмотря на то что высадку союзников ожидали с весны, она оказалась неожиданностью. Русское командование полагало, что с началом осени опасности десанта нет и появилась возможность до весны следующего года принять меры к обороне Севастополя с суши. Теперь судьба города висела на волоске.

Меншиков, оставив в Севастополе моряков и четыре резервных батальона, выдвинул 33 600 человек с 96 орудиями к Альме, чтобы преградить путь противнику. Однако не приняли меры к укреплению позиции и правильному ее использованию. В сражении на Альме 8 (20) сентября русские войска были атакованы союзными. У противника, кроме двойного превосходства, оказалось явное преимущество в вооружении. Нарезное оружие с большей дальностью позволяло англичанам и французам расстреливать русских с дистанции, на которой гладкоствольные ружья были неэффективны. Неудачное расположение русских войск и слабое управление ими позволило

¹ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 227.

² Там же. С. 228—230; Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 125.

³ Там же. С. 236—238.

французам атаковать их с левого фланга и заставить отступить. Русские потеряли в бою около 5700 человек убитыми и ранеными; потери союзников оценивают в 4500. Меншиков отступил к Севастополю, а 12 сентября перевел армию к Бахчисараю, чтобы сохранить сообщение с Россией. Поле боя осталось за противником. Тем не менее, союзные войска, встретившись с упорным сопротивлением, не сразу начали преследование. Первоначально они намеревались с суши атаковать слабое укрепление Северной стороны, тогда как флоту предстояло прорваться на рейд¹.

Готовили город к обороне преимущественно моряки. 1 сентября Корнилов предписал Нахимову, чтобы все суда его эскадры состояли в полной готовности сняться с якоря во всякое время; уже на следующий день Нахимов сообщил Корнилову диспозицию эскадры при выходе в море одной или двумя колоннами². В тот же день он получил приказ начальника штаба флота о приведении кораблей в боевую готовность и формировании батальонов из экипажей³. Корнилов приказал прекратить работы в порту и всех освободившихся направил на постройку оборонительных сооружений, послал отряд моряков на Альму. Основное внимание он уделил Северной стороне, почти беззащитной от нападения с суши, ибо прикрывало ее единственное старое укрепление, которое было легко обойти⁴.

7 сентября Корнилов назначил на случай тревоги начальником войск на Северной стороне контр-адмирала В.И. Истомина, а на Южной — контр-адмирала А.И. Панфилова; общее начальство над флотом и морскими батальонами в отсутствие В.А. Корнилова, выехавшего к армии, было поручено Нахимову⁵.

Высадка союзников, Альминское сражение и уход армии создали критическое положение в Севастополе. Только задержка движения неприятельских войск позволила защитить город с суши орудиями и морскими, занявшими наскоро построенные укрепления. Чтобы преградить путь противнику в бухту, 11 сентября между Константиновской и Александровской батареями были затоплены пять старых кораблей и два фрегата; в спешке на них оставили артиллерию⁶. В тот же день Меншиков поручил Корнилову оборону Северной, а Нахимову — Южной стороны.

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 242—248.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 410—411.

³ Там же. С. 412.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 126.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 413.

⁶ Там же. С. 416.

Затопление кораблей имело предысторию. Чтобы неприятельский флот не мог прорваться в Севастопольские бухты, А.С. Меншиков 9 сентября, прибыв после Альминского сражения с войсками к Севастополю, приказал В.А. Корнилову затопить при входе старые корабли и фрегаты, чтобы преградить путь в бухту неприятельским кораблям. Однако Корнилов посчитал эту мысль нелепой. Привыкнув считать флот боееспособным, он полагал, что лучше погибнуть в бою, чем топить корабли. Рассчитывая на боевое настроение командиров и флагманов, Корнилов собрал их и высказал свое предложение. Большинство собравшихся понимало, что выходить с 14 кораблями и 6 фрегатами при 6 пароходах против неприятельских 89 боевых судов, в том числе 36 паровых, — безрассудство, ибо с гибелью флота главная база лишалась людей и орудий, необходимых для обороны. Капитан 1-го ранга А.А. Зорин (Зарин) высказал это мнение. Его поддержало большинство. Собравшиеся считали, что дела не так плохи; было высказано мнение: «...мы готовы умереть, но прежде всего мы должны защищать Севастополь»¹.

Участвовавший в военном совете лейтенант А.Б. Асланбегов записал в дневнике:

«Какой неувядаемый блистательный венок готовился Черноморскому флоту: 14 кораблей, 7 фрегатов и 10 пароходов хотели сразиться с 33 кораблями и 50 пароходофрегатами. С какой дивной чудной памятью погреб бы себя в волнах Черного моря Черноморский флот! Если ему уж назначено погибнуть, то может ли быть славнее смерть? И какие чудеса храбрости увековечил бы за собою этот сонм героев, эта гордость храбрых? Россия бы отпела по нас вечную память; родные и друзья гордились бы считать нас в числе этих доблестных русских, которые так мужественно презрели жизнь.

Но с выходом флота и удалением армии, что бы последовало? Город был бы взят, и неприятель торжествовал бы занятие первого русского порта. А что важнее для России: порт или флот? Конечно, порт, — это ключ Черного моря»².

Корнилов, не оставляя надежды убедить Меншикова, приказал готовить корабли к выходу и поехал к князю, но тот оказался тверд. 9 (21) сентября вице-адмирал вместо ордера о выходе в море приказал: «Корабли расстановить по назначенной в плане диспозиции, из них же старые: «Три Святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна» и «Силистрия» и фрегаты «Флора» и «Сизополь» затопить на фарватере... Все корабли, на позиции стоящие, также должны быть готовы к затопле-

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 127.

² Там же. С. 127.

нию, буде придется уступить город»¹. В приказе ему пришлось признать: «Выход в море для сражения с двойным числом неприятельских кораблей, не обещая успеха, лишит только бесполезно город главных своих защитников»².

Разумеется, Нахимову было горько принимать решение о затоплении тех кораблей, которые он готовил к сражениям. В числе первых ко дну предстояло пойти и любимому кораблю флагмана «Силистрии». Для человека, который всю жизнь посвятил флоту, такой шаг напоминал заклание члена семьи. Но Нахимов на совете промолчал, не желая вносить противоречия в отношения с Корниловым, которого признавал единственным способным заменить М.П. Лазарева в руководстве флотом. Он прекрасно понимал, что важнее любой ценой удержать Севастополь, чем сохранить парусные корабли, ценность которых все уменьшалась.

Корабли затопили 11 сентября; совместно с боном они защитили вход на рейд. Один из моряков позднее писал: «Трудно вообразить это грустное чувство при виде погружающегося родного корабля. Корабль не есть просто соединение дерева, железа, меди и снастей, нет — это живое существо, способное понять все хлопоты, старания, труды о нем и отблагодарить вас с полной благодарностью...»³ Безусловно, такие же чувства обуревали Нахимова. Но он не мог предаваться отчаянию. Следовало готовиться к обороне базы флота.

11 сентября, узнав о выходе союзников к Бельбеку, Меншиков решил перевести главные силы к Бахчисараю, чтобы сохранить сообщение с Россией. Он был уверен, что неприятель атакует слабо укрепленную Северную сторону. Вряд ли эти укрепления могли долго продержаться против превосходящих сил. Однако союзники, зная о затоплении кораблей и получив от татар преувеличенные сведения о мощи Северного укрепления, решили атаковать Севастополь с неукрепленной Южной стороны. Другой причиной явилась необходимость организовать базу снабжения с моря в Камышевой и Балаклавской бухтах вблизи Севастополя. 13 (25) сентября союзные войска направились к Южной стороне. Задержка наступления противника позволила как отвести русские полки к Севастополю, так и готовить город к обороне⁴. Когда же перед войсками союзников стали видны спешно построенные на Южной стороне укрепления, союзное командование отказалось от немедленного штурма и решило перейти к осаде.

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 297—299.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 128.

³ Там же. С. 127.

⁴ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 299—300, 248—249.

Укрепления эти возвели моряки и население Севастополя.

Уходя из Севастополя, Меншиков отдал приказ: «Генерал-лейтенанту Павловскому, окончившему возложенное на него поручение по Северному укреплению, сдать начальство над оным генерал-адъютанту Корнилову, на которого возлагается оборона всей Северной части Севастополя. Заведование морскими командами, отделенными для защиты южной части Севастополя, поручается вице-адмиралу Нахимову»¹. Формально начальником гарнизона оставался престарелый начальник 14-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Ф.Ф. Моллер, которому подчинялись Корнилов и Нахимов. Князь не указал, каковы должны быть взаимоотношения между ними. Вероятно, адмирал полагал, что любые меры уже бесполезны и Севастополь доживает последние дни.

Чтобы поднять дух команд, Корнилов 11 сентября издал приказ по флоту о необходимости затопления кораблей и защиты Севастополя: «Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходным неприятелем отошли к Севастополю, чтоб грудью защищать его. Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах. Он привел двойное число таких, чтобы наступить на нас с моря; нам надобно отказаться от любимой мысли — разразить врага на воде. К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства...»²

В тот же день Корнилов отдал приказ о формировании из корабельных команд батальонов для обороны Севастополя с суши, приказал отправить морские батальоны для обороны Северной стороны³.

Нахимов оказался в сложном положении. 12 сентября он рапортовал адмиралу М.Н. Станюковичу, что не в состоянии совмещать обязанности, и просил передать командование эскадрой младшему флагману; однако Меншиков приказал отменить назначение вице-адмирала командиром морских команд на берегу и предписал оставаться на рейде с флагом⁴.

Несколько дней Севастополь оставался почти беззащитен от штурма и мог стать легкой добычей противника. Ожидая неизбежного, по его мнению, захвата города с суши, Нахимов решил защищать главную базу на берегу, а оставшиеся корабли затопить, чтобы они не достались врагу. Решительный на море, вице-адмирал на сухом пути избрал, как ему казалось, наилучший выход, чтобы выполнить приказ о защите Южной сто-

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 301.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 128; Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 258.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 259—260.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 417—418.

роны. 14 сентября он отдал приказ № 129: «Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой: нас соберется до трех тысяч; сборный пункт на Театральной площади. О чем по эскадре объявляю»¹.

Нахимов, для которого флот являлся и жизнью, и семьей, мог решиться на такой шаг только в крайнем случае, ибо понимал, что потеря Севастополя грозит потерей флота, а при сохранении главной базы флот можно вновь построить. В условиях безвластия при незнании обстановки, тем более после затопления части флота для защиты с моря, этот шаг казался оправданным.

Утром 14 сентября на корабли поступил приказ после поднятия сигнала на «Двенадцати Апостолах» начать затопление. В 8.30 такой сигнал появился, и началось затопление корабля «Ростислав», но вскоре было прекращено². В события вмешался Корнилов. В планы командования уничтожение всех кораблей не входило. Как человек, отвечающий за флот, начальник штаба в 10.00 передал запрещение исполнять под угрозой наказания приказы Нахимова о затоплении или сожжении кораблей до подтверждения этого сигнала с корабля «Великий князь Константин», где находился начальник штаба флота³.

Сам Корнилов предпринимал решительные меры для обороны собственными силами. Еще летом 1854 года, понимая недостаток знаний в организации сухопутной обороны, вице-адмирал изучал военную литературу. Участник обороны вспоминал: «Справочные книги военных наук не сходили со стола его, и постоянным его чтением в свободные минуты была история»⁴.

В распоряжении обороняющихся состояли 17 морских батальонов (в том числе 7 из экипажей затопленных кораблей) численностью до 10 тысяч человек плюс 5 резервных из команд кораблей, стоявших в бухте. Сверх того Меншиков оставил 8 резервных батальонов и 6-й саперный батальон. Всего насчитывалось около 20 тысяч мало обученных сухопутному делу войск (вместе с арестантскими ротами). Из них около 12 тысяч наиболее боеспособных войск Корнилов сосредоточил в Северном укреплении⁵. Приняв командование, он отдал приказ об ор-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 418.

² Там же. С. 418—419.

³ Там же. С. 419.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 301.

⁵ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 302.

ганизации обороны и назначил начальником штаба контр-адмирала В.И. Истомина. Флагман говорил: «С Северной стороны ретирады нет; все, кто туда попал, ляжет навеки»¹.

Когда 13 (25) сентября союзные войска двинулись к Южной стороне, вице-адмирал приказал основную часть войск переправить на Южную сторону, оставив на Северной небольшой отряд². Он знал, что Нахимов располагал всего 6000 солдат и матросов на семикилометровую слабоукрепленную позицию. Жандр позднее писал: «Убедившись, что главная союзная армия переходит на Южную сторону, он приказал перевезти с рассветом в город одиннадцать флотских батальонов... Святая ревность гражданина говорила ему, что его долг не оставаться на Северной стороне, хотя он и назначен начальником ее, что его место там, где он наиболее нужен; и Корнилов, не колеблясь, поручил Северную сторону капитану 1-го ранга Бартеневу и поехал к Нахимову»³.

Благодаря прибытию этих войск и стало возможным отказаться от затопления кораблей, начатого Нахимовым. 13 сентября город объявили на осадном положении⁴. Уже на следующий день, когда стало ясно, что штурм не будет и союзники приступают к осаде, все усилия направили на оборону города с суши, в мирное время почти не существовавшую. Первым делом Корнилов пригласил к себе на квартиру Нахимова и начальника гарнизона генерал-лейтенанта Ф.Ф. Моллера, чтобы решить вопрос о единстве командования. Нахимов с радостью подчинился Корнилову, которого считал единственным подходящим для руководства обороной человеком. Моллер, не обладавший никаким влиянием, также согласился с его главенством и издал приказ по гарнизону, формально поставивший Корнилова во главу обороны: «Предлагаю всем гг. начальникам войск исполнять все приказания господина вице-адмирала генерал-адъютанта Корнилова, принявшего на себя обязанности начальника штаба всех войск, расположенных в городе Севастополе, как утвержденные распоряжения»⁵.

Взяв на себя ответственность, 14 сентября Корнилов записал в дневнике: «Целый день занимался укреплением города и распределением моряков, за исключением 4 батальонов, переведенных на городскую сторону. Итого у нас набирается 5 тысяч резервов Аслановича и 10 тысяч морских разного оружия, даже с пиками. Хорош гарнизон для защиты каменного лагеря, разбросанного по протяжению многих верст и пе-

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 129.

² Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 302—303.

³ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 130.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 306.

перезанного балками так, что сообщения прямого нет. Но что будет, то будет. Положили стоять...»¹

Несколько дней не было известно, куда ушли войска. О их расположении не знал даже Корнилов, который писал об этом в дневнике 13—15 сентября². Но вице-адмирал не терял бодрости духа. 14 сентября он вместе с Нахимовым разработал «Диспозицию по обороне города Севастополя», которая предусмотрела разделение линии обороны на три дистанции под командованием генерал-майора Аслановича, вице-адмирала Ф.М. Новосильского и контр-адмирала В.И. Истомина. Семиверстную оборонительную линию занимали 7 пехотных и 16 флотских батальонов численностью до 18 тысяч человек с 16 полевыми и морскими десантными орудиями. Этим войскам предстояло принять атаку неприятельских сил. Шесть батальонов составили резервы. Чтобы уменьшить разобщенность войск, Нахимов организовал сооружение плавучего моста через Южную бухту³.

Корнилов призвал к участию в постройке укреплений всех севастопольцев. На работы выходили не только солдаты и матросы, но также гражданское население, включая женщин и детей. Вице-адмирал обращался к защитникам города с проникновенными словами. Постоянное появление на работах Корнилова и Нахимова, не только занимавшихся укреплениями, но и говоривших с солдатами и матросами, подбадривало защитников. С другой стороны, убежденность простых воинов в том, что врага можно одолеть, поддерживала уверенность командования в успехе обороны. Со временем эта уверенность все более опиралась на возросшие возможности обороняющихся.

16 сентября, зная о том, что противник перешел на Южную сторону, Меншиков вернулся к Севастополю и расположил войска между крепостью и Бельбеком, нависая угрозой над неприятелем. Корнилов 19 сентября обратился к Меншикову с докладной запиской о необходимости увеличения гарнизона Севастополя⁴. Видимо, его обращение подействовало. Адмирал 17—20 сентября послал подкрепления, которые усилили гарнизон до 35 тысяч человек. Его действующий отряд насчитывал 25 600 человек. Численно русские силы не уступали неприятельским⁵.

Используя опыт и знания инженера Э.И. Тотлебена, Корнилов давал указания по сооружению силами моряков укреплений, которые те же моряки и должны были защищать. Со временем на берегу орга-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 273.

² Там же.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 307—308.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 262—263.

⁵ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 309.

низовали флотский порядок. Известный морской артиллерист Пестич писал: «Вся оборонительная линия (кроме 6-го бастиона и малого числа мортир) была вооружена морскими орудиями и снабжалась в продолжение всей обороны морским ведомством. Таким образом, наша оборонительная линия до некоторой степени представляла собой прежний наш Черноморский флот, перешедший на берег со всеми судовыми порядками и морской обстановкой. Так, например, прислуга при орудиях, состоявшая из морских команд, действовала по правилам морского артиллерийского учения, принятого на кораблях. На батареях командовали артиллерией те же лейтенанты, которые были батарейными командирами на судах. Установка артиллерии со всей принадлежностью целиком перенесена была с корабельных палуб на настильные сухопутные платформы»¹. Следовательно, и материальная, и моральная подготовка экипажей, которую годами осуществляли под руководством Корнилова, Нахимова и других передовых моряков, оказалась в полной мере перенесена на сушу; со временем действия моряков стали примером для сухопутных войск, сражавшихся с ними бок о бок.

Примером такого переноса морского быта на сушу стало сооружение люнета на правом фланге 5-го бастиона, который предложил построить Тотлебен. Корнилов, убедившись в пользе люнета, рассчитал, что для обслуживания его орудий достаточно экипажа брига «Эней», и назначил командира брига командовать люнетом. Уже через 4 часа команда с багажом прибыла на место, а с рассветом приступила к работе, продолженной ночью повахтенно². Подобным образом организовали постройку и других укреплений. Немудрено, что, пока неприятель передвигался к Южной стороне, она постепенно обретала вид все более грозной обороны.

В этих условиях союзники не решились на атаку и начали осаду. 15 (27) сентября союзные командующие Раглан и Канробер (сменивший умершего Сент-Арно) провели рекогносцировку Южной стороны и обнаружили цепь укреплений, на которой кипела работа. Раглан и Лайонс предложили немедленно атаковать, однако начальник инженеров английской армии Бэргойн посчитал укрепления слишком сильными и рекомендовал разрушить их огнем тяжелой артиллерии. Его поддержал Канробер. С 16 сентября началась выгрузка осадных орудий и оборудование осадных батарей. Союзная линия протянулась дугой от Балаклавы до Камышевой бухты в нескольких километрах от русских позиций. Однако неподготовленность экспедиции сказалась на медли-

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 134.

² Там же. С. 135.

тельности осады. Недостаток провизии и большое число больных, нехватка лошадей для перевозки артиллерии затрудняли устройство батарей. Только 5 (17) октября союзники приготовились к первому обстрелу. Они намеревались подавить русские батареи и штурмовать 4-й и 3-й бастионы. Эффективный огонь русских орудий заставил расположить осадные батареи далее, чем следовало для успешного обстрела. Тем не менее, союзники были убеждены, что 144 тяжелых орудия при поддержке 1000 орудий флота с моря позволят подавить русскую оборону и штурмовать¹.

Пользуясь предоставленным временем, русские войска под руководством В.А. Корнилова совершенствовали укрепления Южной стороны. Меншиков также признавал вице-адмирала руководителем обороны и приказы свои адресовал именно ему. Однако князь не установил формального главенства Корнилова, в результате чего и тот, и позднее Нахимов оказывались в неопределенном положении и должны были руководить обороной только опираясь на свой авторитет².

Отдав с утра необходимые распоряжения, Корнилов объезжал оборонительную линию, затем возвращался в штаб. Он ежедневно советовался по вопросам обороны с Нахимовым и отдавал адъютантам распоряжения на следующий день, затем садился за бумаги. Его трудоспособность поражала и служила примером для других³.

За время постройки осадных батарей с русской стороны, несмотря на недостаток материалов, соорудили дополнительные батареи и другие укрепления. На оборонительной линии стояло 341 орудие, из них половина морских. Перед линией оборудовали засеки и камнемётные фугасы. На случай штурма Корнилов назначил пароходы: «Херсонес» — для обстрела Инкерманской долины, «Владимир» и «Крым» — Киле-балки, «Эльбурус» — Ушаковой балки, «Громомосец», «Бессарабия» и «Одесса» — Карантинной балки. Русские артиллеристы, несмотря на недостаток пороха, разрушали неприятельские постройки и задерживали подготовку обстрела⁴.

Большую часть работ и расхода материалов брал на себя флот. На строящиеся укрепления Южной стороны с кораблей отправляли боеприпасы. Более упорядоченный характер принимали морские батальоны. Моряки принимали меры для защиты парусников от пожаров.

29 сентября Корнилов приказал создать запасные парки (по восемь 24-фунтовых пушек на три бастиона и Малахов курган) из корабель-

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 312—315.

² Там же. С. 309—311.

³ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 135—136.

⁴ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 315—316.

ных орудий по назначению Нахимова¹. Постепенно все больше орудий с кораблей перевозили на сооружаемые бастионы, которыми командовали моряки.

Налаживалась и деятельность флота. Так как парусники оказались запертыми в гавани, 2 октября, ожидая бомбардировку, Корнилов приказал расставить их в более безопасные места и поручил это Нахимову². Главной действующей силой оказались пароходы. 21 сентября, для организации совместных действий паровых судов с армией, Корнилов отдал соответствующий приказ; в конце сентября Нахимов издал инструкцию для пароходов, выходящих на позиции. Речь шла о защите с помощью паровых судов и высланных с них шлюпок подступов к рейду от возможных диверсий с моря³.

Корнилов понимал, что захват Севастополя и уничтожение флота — основные цели неприятеля, и писал: «Потеря и того и другого невозвратима для России; даже последующее истребление всей неприятельской армии на развалинах Севастополя не вознаградит... конечное разрушение этого важного порта, всего Черноморского флота не только с кораблями, но и с офицерами и матросами, подготовленными такими долговременными постоянными трудами»⁴.

В столице долгое время не принимали всерьез вторжение. Только 30 сентября (12 октября) Николай I назначил А.С. Меншикова главнокомандующим военными сухопутными и морскими силами в Крыму; до того адмирал не имел прав руководить всеми отраслями военного ведомства, от которых зависела оборона города и Крыма⁵. Правда, и позднее князь слабо вмешивался в нужды обороны, которая оставалась преимущественно на плечах моряков. Однако все же он добивался постепенной присылки подкреплений и пополнял тающий в боях гарнизон.

Корнилов продолжал совершенствовать оборону. Наименее укрепленный участок на левом фланге обороны, от 3-го бастиона до рейда, разделили на две дистанции; 3-ю возглавил контр-адмирал А.И. Панфилов, 4-ю — контр-адмирал В.И. Истомин. 1 (13) октября Корнилов предписал для сбережения резервов войск строить блиндажи, покрывая их землей. В тот же день он издал распоряжение, по которому каждую из четырех дистанций должны были снабжать боеприпасами определенные корабли и склады. Чтобы восстановить морскую органи-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 423.

² Там же. С. 425.

³ Там же. С. 423—424.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 136.

⁵ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 287.

зацию, нарушенную созданием морских батальонов, вице-адмирал приказал 30 сентября (12 октября) по-прежнему переформировать их в 16 экипажей и вернуть знамена, что подняло дух моряков¹. Морской порядок сохранялся на укреплениях до конца осады.

Вице-адмирал учитывал и особенности сухопутной обороны. Если на корабле в сражении практически некуда было укрыться и весь экипаж оказывался под огнем, на бастионах можно было закопаться в землю. В своих приказах Корнилов предлагал максимально сберечь людей, оставляя днем на батареях только тех, кто необходим. Например, 26 сентября он писал: «При дневной атаке батарейным огнем или при бомбардировании иметь необходимых людей при орудиях, кои по своему положению могут отвечать неприятелю; остальных же всех стараться поставить так или удалить, чтоб неприятельские ядра и бомбы как можно меньше вредили войску»². По его указаниям начали сооружать блиндажи, укрывавшие от неприятельского обстрела³.

В приказах и инструкциях Корнилов требовал действовать артиллерией, только когда стрельба будет эффективной. Он указывал: «При дневной атаке штурмованием артиллеристам должно быть внушено, чтобы падали в толпы или колонны по мере досягания ядрами или бомбами и гранатами, и когда неприятель подойдет на картечный выстрел, то картечью, продолжая действие даже и тогда, когда часть неприятеля ворвется; когда же он отобьет от орудий, то не оставляя их, обороняться холодным оружием»⁴. Стрелки должны были с вала отражать нападение противника прицельным беглым огнем. При прорыве оборонительной линии войскам следовало собираться на улицах, сдерживать наступление неприятеля и наносить контрудары, а стрелкам предстояло действовать, пользуясь как укрытиями ближайшими строениями⁵. В случае преследования отбитого при штурме неприятеля не следовало выходить за линию укреплений, чтобы не мешать действиям артиллеристов⁶.

Севастопольская артиллерия вела обстрел, препятствуя осадным работам. Не ограничиваясь обороной, моряки 23 сентября (5 октября) сделали вылазку от 5-го бастиона на Рудольфову гору, оттеснили противника и сожгли стенку хутора, защищавшую неприятеля от обстрела⁷. Неоднократно моряки проводили разведку или набеги на неприятельские позиции, захватывая пленных и трофеи, мешали вести осадные работы.

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 287.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 137.

³ Там же. С. 139.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 265.

⁵ Там же. С. 264.

⁶ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 139—140.

⁷ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 320.

В приказе от 3 (15) октября Корнилов отметил примеры мужества и храбрости защитников города и ободрял их перед штурмом: «С первого дня обложения Севастополя превосходящим в силах неприятелем войска, предназначенные его защищать, выказывали решительную готовность умереть, но не отдать города... В продолжение короткого времени неутомимою деятельностью всех выросли из земли сильные укрепления, и пушки старых кораблей расставлены на этих грозных твердынях... Войска рвутся сразиться и на каждом шагу выказывают свою удалость... Они по примеру отцов не хотят и знать о числе неприятелей»¹.

Сам вице-адмирал был уверен, что противник силен и готовится упорно. 4 октября он говорил адъютанту А.А. Попову: «Завтра будет жаркий день. Англичане употребят все средства, чтобы произвести полный эффект»².

Нахимов в подготовке обороны принимал также активное участие, но за кипучей деятельностью В.А. Корнилова его активность терялась вплоть до первой бомбардировки Севастополя.

Как и предсказывал Корнилов, 5 октября разразилась первая бомбардировка Севастополя с моря и суши. В 6 часов утра союзники начали обстрел с сухопутных батарей. Несмотря на то что неприятельские снаряды разрушали спешно построенные полевые укрепления, русские моряки открыли огонь из 118 орудий, снаряды которых могли достигать неприятельских батарей. Французские батареи, на которых были взорваны пороховой погреб и зарядный ящик, подбита часть орудий, прекратили огонь к 10.30. Русские укрепления 5-го и 6-го бастионов серьезно пострадали, но одержали победу в артиллерийской дуэли. На английском фронте взрыв порохового погреба нанес большие повреждения 3-му бастиону, страдали и 4-й бастион, и Малахов курган. Однако уцелевшие артиллеристы до вечера продолжали стрельбу³.

С рассветом 5 (17) октября 1854 года вслед за началом обстрела Севастополя осадной артиллерией выступил и союзный флот. Чтобы уменьшить цели, верхнюю часть рангоута кораблей сняли; паровые корабли двигались сами, а парусные вели паромы, пришвартованные к борту, который не подвергался обстрелу. Около полудня союзники развернулись напротив береговых батарей. Суда подходили быстрым ходом, чтобы затруднить пристрелку и стрельбу береговых орудий; они двигались взад и вперед, выбирая удобную позицию⁴.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 266—267.

² Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 320—322.

³ Там же. С. 322—324.

⁴ Лаговский А.Н. Оборона Севастополя. Крымская война 1854—1855 гг. М., 1939. С. 58—59.

Из французской эскадры первым ближе всех к берегу занял позицию 90-пушечный корабль «Шарлемань», чтобы действовать в тыл батарее № 10. Против его 45 орудий батарея располагала только четырьмя. Затем встал буксируемый пароходом «Панама» парусный корабль «Марсель»; против его 42 орудий русские не имели ни одного. 120-пушечному кораблю «Монтебелло» с расстояния 1100 метров противостояли семь орудий батареи № 10. Кораблям «Париж» и «Жан Бар» предстояло вести огонь во фланг и тыл Александровской батареи. Всего четырнадцать линейных кораблей французских и два турецких вели огонь по русским укреплениям левого фланга. Против 84 русских орудий французы на одном борту располагали 794¹.

Английская эскадра развернулась против русских укреплений от Константиновской батареи до Волоховой башни. Она располагала 546 орудиями против 31 русского (не считая удаленных 28 орудий батарей № 7 и 8). 5 кораблей с 280 орудиями одного борта против 17 русских издали обстреливали с фланга Константиновскую батарею. Три корабля обстреливали Волохову башню и батарею Карташевского, а корабль «Лондон» из их числа простреливал Константиновскую батарею с тыла. Наиболее приблизился к берегу адмирал Лайонс на «Агамемноне» с двумя кораблями. Его артиллерия действовала как по батарее Карташевского, так и в тыл батареи Константиновской, тогда как его могли обстреливать лишь орудия батарей № 7, 8 и 10, но с расстояния 2000 метров. Более того, если верить опубликованной схеме, в ходе сражения «Агамемнон» прошел сквозь линию эскадры и приблизился к затопленным судам, оказавшись под перекрестным огнем батарей, прикрывавших вход в Севастопольскую бухту².

Первый выстрел прогремел с флагманского корабля «Париж». Корабли стреляли залпами. Русские артиллеристы, начавшие стрельбу уже при сосредоточении противника, нанесли повреждения некоторым судам. Однако вскоре дым окутал море и берег. Приходилось целиться только по вспышкам выстрелов³.

«Шарлемань» в ходе боя вышел из строя со сбитой грот-мачтой и ушел в Стрелецкую бухту. За ним отошли и другие поврежденные корабли. Через 2 часа перестрелка затихла. Союзники тушили пожары и выстроили линию вновь, после чего бой возобновился. От перекрестного обстрела и взрыва зарядных ящиков сильно пострадала Константиновская батарея. Взрыв заметил противник, и Лайонс с «Агамемноном» оставил линию, обошел эскадру, вышел из вновь затянувшегося

¹ Лаговский А.Н. Оборона Севастополя. С. 59—60.

² Там же. С. 59—60, схема.

³ Там же. С. 60.

пространство дыма и открыл огонь одним бортом по Константиновской, а вторым — по батарее № 10. Но уже через несколько минут «Агамемнон» получил повреждение от перекрестного огня и скрылся за дымовой завесой¹.

После боя корабли «Аретуза» и «Альбион» пришлось отправить на ремонт в Константинополь; на последнем, получившем 93 попадания, оказались сбиты все мачты (противник — Волохова башня). На кораблях «Лондон», «Куин», «Агамемнон» вспыхивали пожары, им приходилось оставлять линию. Флагманский корабль «Париж» получил 50 попаданий; и он, и «Наполеон» имели подводные пробоины. «Родней» со сбитой грот-мачтой оказался за Константиновской батареей на мели. К 18.30 огонь прекратился. Союзники выпустили 50 тысяч снарядов, не добившись успеха. Русские береговые батареи израсходовали лишь 16 тысяч снарядов. В итоге неудачи союзный флот в течение года фактически бездействовал и не повторял попыток обстрелять Севастополь².

Несмотря на огромный расход боеприпасов, союзники не смогли добиться успеха. Морская и сухопутная артиллерия умело отвечала неприятелю. Русские потери составили 1112 человек убитыми и ранеными на сухопутной линии и 138 на береговых батареях; союзники лишились на суше 348 и на кораблях до 520³.

Даже А.С. Меншиков, мало обращавший внимания на воинов, писал Императору 6 октября:

«В дополнение к всеподданнейшему донесению моему от сего числа обязываюсь довести до высочайшего сведения В. И. В., что морские чины, от офицера до матроса, которым исключительно вверена защита города с батарей и бастионов, явили 5-го числа во время бомбардировки примерное и достохвальное мужество и стойкость.

На бастионе № 3 три раза орудийная прислуга была заменяема, а между тем, люди с веселием и песнями, соперничая друг перед другом, исполняли свое дело.

Не могу при этом случае не упомянуть о вице-адмирале Нахимове, который деятельностью и распорядительностью своею подвигал как эти нравственные средства, так и материальные к упорному и успешному отражению ударов неприятеля»⁴.

Корнилов беспокоился, не было бы слишком больших потерь неопытного гарнизона. Когда же ему накануне бомбардировки рекомендовали беречь себя, вице-адмирал отвечал: «Не время думать теперь о бе-

¹ Лаговский А.Н. Оборона Севастополя. С. 61.

² Там же. С. 62.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 326—327.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 426.

зопасности; если завтра меня где-нибудь не увидят, то что обо мне подумают?»¹ С началом бомбардировки он поехал на 4-й, затем на 5-й и 3-й бастионы, обходил батареи, давая указания и своим поведением ободряя моряков. Затем моряк поехал на Малахов курган, был поражен ядром и вскоре скончался.

Нахимов служил примером деятельности и распорядительности. В день обстрела вице-адмирал был легко ранен в голову². Однако на ранения он внимания не обращал. Гораздо более его беспокоила гибель на Малаховом кургане вице-адмирала Корнилова, который фактически возглавлял оборону Севастополя.

Корнилов, имея влияние на А.С. Меншикова, действовал нередко именем адмирала. С его смертью рухнули, согласовавшие действия главнокомандующего, флота и армии. Место покойного предстояло занять Нахимову.

В письме обер-интенданту Черноморского флота и портов контр-адмиралу Н.Ф. Метлину Нахимов, сообщая о смерти Корнилова, отмечал:

«Владимир Алексеевич не существует. Предупредите и приготовьте Елизавету Васильевну. Он умер как герой. Завтра снова дело. Я не знаю, что будет с Севастополем без него — и на флоте, и в деле на берегу. Получил две царапины, о которых не стоит говорить.

У нас без Владимира Алексеевича идет безначалие...»³

Позднее капитан-лейтенант Афанасьев в статье для «Морского сборника» охарактеризовал взаимоотношения двух флагманов: «...Вице-адмирал В.А. Корнилов был человек... живой, пылкий, горячий, с блестящими талантами, он, с увлечением принимаясь за всякую деятельность, работал до истощения и был разностороннее Нахимова; зато не был так глубок в морском деле. При своих замечательных административных способностях он был хороший, опытный моряк и достойный адмирал, но далеко был от той типичности, которая выработалась в Нахимове при исключительном морском направлении последнего. Нахимов охотно подчинялся первенству Корнилова в последнее время в ежедневной деятельности по устройству флота и защиты Севастополя, подчинялся столько же по своей прямодушной скромности, как и по сознанию высоких достоинств и полезных действий Корнилова. Со своей стороны, Корнилов умел понимать эту уступчивость Нахимова и, ценя в нем по справедливости редкие морские дарования, признавал неподражаемость Нахимова во всем, что касается моря и боевой жизни на нем, и уступал ему на этом поле. Вот причина редкого согласия и честного

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 266—267.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 8.

³ Там же. С. 425.

единодушия, ознаменовавшего совокупную деятельность соперничавших в славе адмиралов и доставившего нашей истории блестящие страницы Синопа и Севастополя»¹.

После гибели Корнилова Павел Степанович стал фактическим руководителем и душой обороны. Он принял как завещание последние слова погибшего: «Отстаивайте же Севастополь!» Сохранив ту организационную основу, которую заложил Корнилов, Павел Степанович организовывал оборону, опираясь на помощь всех, кому был дорог Севастополь.

* * *

Утром 6 октября союзники с удивлением заметили, что за ночь русские ликвидировали разрушения, которые оказались на укреплениях накануне. Англичане продолжили обстрел 3-го, 4-го бастионов и Малахова кургана, однако не добились результатов первого дня бомбардировки. Французы смогли возобновить обстрел лишь 7 октября, но уже к 15.00 прекратили его. В течение еще 6 дней союзники продолжали сильную бомбардировку, но защитники Севастополя за ночь восстанавливали разрушения. Эффективность ответного огня смутила союзников; отказавшись от штурма, они начали с 6 октября строить параллели, приступив к осаде. Ввиду эффективности русского огня первые параллели они заложили вдали от укреплений, что предвещало длительную осаду².

На бастионах Севастополя

Итак, уже в ходе первой бомбардировки нападающие заложили параллели, которые символизировали начало осады. Но и защитники предпринимали меры. На наиболее опасном направлении (в районе 4-го бастиона) были созданы три линии обороны. Русские артиллеристы старались мешать ночным земляным работам противника. Союзники 20 октября (1 ноября) вновь предприняли усиленную бомбардировку в намерении 25 октября штурмовать 4-й бастион. Однако одержать верх над русской артиллерией за 2 дня не удалось, и союзникам пришлось отказаться от штурма. Свою роль в этом сыграла активность сил Меншикова³. Правда, активность эта могла принести луч-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 305.

² Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 327—328.

³ Там же. С. 335—337.

шие результаты, если бы главнокомандующий использовал свои силы более рационально.

Николай I считал, что войск в Крыму достаточно, и Меншиков обратился за подкреплениями прямо к командующему Дунайской армией М.Д. Горчакову, который без разрешения Императора направил в Крым 16-ю дивизию. Тем временем подходили полки 12-й пехотной дивизии 4-го корпуса. Не дождавшись сосредоточения всех сил корпуса (10-й и 11-й пехотных дивизий), князь решил атаковать Балаклаву — базу снабжения английской армии и флота — силами 12-й пехотной дивизии с частями усиления, всего 13 тысяч солдат пехоты, 3 тысячи кавалерии при поддержке 4500 человек 16-й пехотной дивизии. Союзники имели значительно меньшие силы. Первоначально русское наступление 13 (25) октября имело успех: были заняты обороняемые турками редуты и Федюхины высоты, большие потери понесла английская конница. Однако англичане выдвинули войска, прикрывшие Балаклаву, а русские не имели сил для развития успеха. В дальнейшем союзники настолько укрепили подступы к Балаклаве, что наступление становилось бессмысленным¹.

После прибытия 10-й и 11-й пехотных дивизий Меншиков намеревался атаковать правый фланг английских позиций у верховьев Килебальки. Он назначил наступление на 24 октября и поручил руководить им командиру 4-го пехотного корпуса Данненбергу, известному неудачными действиями на Дунае. Меншиков усугубил положение тем, что на период сосредоточения дивизий оставил их самостоятельными и не поставил определенных задач. Так как генералы не были знакомы с местностью и не располагали картами, сражение под Инкерманом 24 октября завершилось неудачей и большими потерями. Русские полки вступали в бой порознь и, несмотря на мужество и решительность, не смогли нанести поражение противнику, который постоянно подбрасывал подкрепления атакованному войскам. Единственным результатом сражения явился отказ союзников от штурма².

П.С. Нахимов изначально в первую очередь радел о флоте. Во время первой бомбардировки днем он находился на суше, а ночью в ожидании атаки с моря и абордажа отправлялся на эскадру, где оставалось лишь 150 человек на кораблях и 60 — на фрегатах, вооруженные холодным оружием для обороны от возможных нападений неприятельских пароходов и шлюпок. Союзники не решились атаковать с моря. Но все больше сухопутных проблем требовали вмешательства вице-адмирала.

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 337—340.

² Там же. С. 340—345.

Капитан 2-го ранга М.М. Коцебу 12 октября писал М.Ф. Рейнеке, что Нахимов «...как бы ищет смерти, развезжая под самым убийственным огнем; недавно матросы сняли его с лошади и отнесли в место, более безопасное. Он один теперь ездит по линии, воодушевляя своим присутствием и матрос, и солдат»¹.

Рейнеке, обеспокоенный излишне рискованной деятельностью Нахимова, 19 октября в письме увещевал его как друг не рисковать жизнью, необходимой для руководства обороной:

«Но для чего без нужды пускаться в самые опасные места и подвергать себя убийственному огню? К чему искать смерти? Рассуди хладнокровно и увидишь, что эта отвага для главного действующего лица не только бесполезна, но даже вредна и опасна общему делу: тебя убьют, и дух чинов, имеющих доверие и надежду единственно к тебе, упадет. Хорошо еще, если найдется человек, который не допустит пасть духу войск до отчаяния и сумеет возбудить в них за потерю любимого человека месть к врагам. Но есть ли такой человек при тебе? Для этого нужно и личное его уважение, и любовь к тебе, и бескорыстное сознание пред войском, что потеря невознагражима. Но такого бескорыстия я не полагаю в старших сподвижниках твоих. Думаю даже, что в случае смерти, которую ты так ищешь, самый поступок этот перетолкуют иначе: что ты, впадши в отчаяние, не смог перенести угрожающего несчастья, и, пожалуй, еще хуже, — что ты из тщеславия только искал этой смерти, чтобы быть погребенным с М[ихаилом] П[етровичем] и В[ладимиром] А[лексеевичем].

И поверь, что такие толки найдут верящих»².

Рейнеке обращался к Нахимову как к христианину, писал о грехе самоубийства. Однако, находясь в мирном Николаеве, он не мог себе представить того кровавого действия, которое происходило в Севастополе. Чтобы выделиться на фоне всеобщего героизма, следовало показать себя необыкновенным храбрецом. Нахимов же не «показывал» себя, он просто жил так, будто пули и снаряды ему не угрожали, а ранения и контузии считал обычным явлением для участника обороны.

Кроме того, ему ничего другого и не оставалось. Начальник штаба Черноморского флота и портов М.Н. Станюкович, сменивший Корнилова, запретил ему во что-либо вмешиваться. Вице-адмирал формально оказался не у дел, хотя и видел свою необходимость. Кроме объезда укреплений, моряк посещал госпитали, наполненные ранеными после первой бомбардировки. В одном из госпиталей он встретил тяжело

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 426—427.

² Там же. С. 428—429.

раненного матроса — участника Синопского сражения, который в разговоре с Нахимовым сказал: «Ваше пр-во, а ведь это они нам за Синоп отплачивают». Флагман согласился, и тогда матрос заключил: «Ну уж и задал я им Синоп!..» Адъютант лейтенант А.А. Ухтомский заметил, как вздохнул флотоводец, который все еще считал себя виновником войны и вторжения союзников в Крым¹. Возможно, появляясь в самых опасных местах, он хотел сделать все, чтобы загладить эту вину перед обществом.

Но главное, герой Синопа старался сделать все возможное, чтобы помочь войскам и морякам оборонять Севастополь.

7 октября Нахимов как участник военного совета подписал решение о необходимости срочного подвоза пороха, ибо его запасы истощались, а активность противника требовала ответного огня². Он обращался к Станюковичу с предложениями упорядочить раздачу продовольствия: узнать от начальников дистанции число людей на укреплениях, уменьшить винную порцию, разобраться с деятельностью поставщика мяса, которого подозревал в махинациях. Что-то флагман мог сделать³, но изменить положение вещей в областях, ему не подчиненных, не удавалось.

Это не только беспокоило, но и сердило Павла Степановича. Часто к нему приходили солдаты жаловаться на злоупотребления начальников. Не имея возможности вмешиваться в деятельность сухопутного ведомства, он пользовался моментом, чтобы хотя бы иносказательно высказать свое возмущение. Когда в начале обороны Нахимов с генералом Ф.Ф. Моллером на шлюпке прибыл к Графской пристани, флигель-адъютант передал вице-адмиралу поклон Императора. Поблагодарив за передачу высокой милости, Нахимов сказал Моллеру: «Вот видите ли, в. пр-во, государь Император оказывает нам великую честь: спрашивает о здоровье-с. А нам с вами линьков-с надо, в. пр-во, линьков-с»⁴.

Вечером 23 октября перед Инкерманским сражением генерал Данненберг, назначенный командовать наступлением, приехал к Нахимову с извинением, что ранее не сделал ему визита. Вице-адмирал возмутился: «Ну-с, я вам должен сказать, что завтрашний день не будет никакого толку, потому что корпусный командир перед делом заботится о визитах, прощайте-с»⁵. Сам он принял меры, какие были в его силах, чтобы помочь наступающим. В частности, перед началом наступления

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 430.

² Там же. С. 426—427.

³ Там же. С. 433.

⁴ Там же. С. 435.

⁵ Там же. С. 431—432.

он по приказу Меншикова организовал наводку моста через Черную речку¹.

Нахимов, не имевший официально власти, по возможности разрешал возникающие вопросы и проблемы. К примеру, при нехватке больничных коек корабль «Императрица Мария» превратили в госпиталь для раненых². Но главное, он объезжал линию, показывая пример мужества и твердости под неприятельскими пулями и снарядами. Эти демонстрации давали моряку тот авторитет, которого не могла дать формальная власть. Флагман не мог не выполнять долг так, как он его видел. В письме Н.Ф. Метлину 8 ноября Нахимов объяснял: «Хожу же я по батареям в шюртуке и эполетах потому, что, мне кажется, морской офицер должен быть до последней минуты пристойно одет, да как-то это дает мне больше влияния не только на наших, но и на солдат»³.

В том же письме вице-адмирал огорченно сообщал: «Вы, верно, предполагаете, что я имею какое-либо влияние на управление Севастополя. Напротив: менее, нежели кто-нибудь. Станюкович в большой дружбе с Камовским, советуется с ним обо всем, на каждом шагу поперечит мне и как будто боится, чтоб не отнеслось чего-нибудь ко мне. Зная меня хорошо, вы, конечно, поймете, что я говорю это не из желания властвовать или управлять. Князь заперся на Северной стороне, ни во что не входит, и к нему нет никому доступа, а, между прочим, по всему управлению, в особенности по городу и войскам, страшный хаос. Да простит всевышний, если может, тому или тем, кто поставил нас в такое безвыходное положение»⁴.

А.Д. Камовский был тогда действительным тайным советником, управляющим военно-походной по флоту канцелярией генерал-адмирала⁵.

Тому же Метлину Нахимов описывает состояние обороны на начало ноября: «У четвертого бастиона, т. е. на бульваре, неприятельские траншеи от нашего укрепления в 85 саженьях [около 180 метров. — Н. С.]. Против Малахова кургана неприятель быстро двигает свои траншеи вперед, цепь его стрелков расположена близ хутора 42 экипажа, через несколько дней он поставит свои батареи на высотах Килен-балки, и тогда ни на рейде, ни на Северной стороне не будет житья. Теперь мы начинаем укреплять Северную сторону против Южной и ставим батареи у каждого маяка в 12 орудий большого калибра, а на высотах Голландии в 20, если только лесу хватит на платформы. Войск у нас

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 450.

² Там же. С. 428.

³ Там же. С. 434.

⁴ Там же. С. 433.

⁵ Там же. С. 738.

немало, положительно говорят, что в Севаст. и окрестностях с флотскими экипажами 100 тыс. Бог знает, чего еще ожидают и отчего мы не действуем наступательно. Вы, верно, знаете о несчастной попытке наших войск 24-го числа, но, конечно, не знаете, что вместо гнилой «Силистрии», которую размыло крепким SW, утоплен «Гавриил». Вот до чего мы дожили»¹.

Оборона Севастополя рождала героев. В качестве председателя походной кавалерственной думы ордена Св. Георгия Нахимов руководил обсуждением кандидатур отличившихся офицеров и сухопутного, и морского ведомств, о которых сообщали начальники дистанции. В числе первых кандидатур на награждение орденом Св. Георгия IV степени, рассмотренных думой 15 ноября, были командиры приморских батарей № 10 капитан-лейтенант А.Н. Андреев, Александровской и Константиновской капитаны П.А. Козловский и С.Ф. Шемякин, которые 5 октября отразили нападение неприятельского флота и нанесли ему значительный ущерб, а артиллеристы 10-й батареи 7 октября еще и взорвали пороховой погреб неприятельской осадной батареи на Херсонесских высотах. На 5-м бастионе отличились капитан-лейтенанты И.В. Ширинский-Шихматов и Д.В. Ильинский, лейтенанты П.А. Карпов, М.П. Шварц и М.Ф. Белкин; под их руководством защитники укреплений подавили неприятельскую осадную батарею, а затем восстанавливали разрушения, произведенные вражеским обстрелом. Под командованием капитан-лейтенанта Н.Ф. Гусакова 6-й бастион разрушил противостоящую батарею и взорвал пороховой погреб. Майор И.Т. Евсепьев по собственной инициативе, получив разрешение командующего дистанцией, с батальонами Минского полка атаковал неприятельскую батарею, на которой были заклепаны 15 орудий. В этой атаке героизм проявили раненый капитан Н.А. Жуковский, штабс-капитан П.И. Постольский и поручик И.Г. Воробьев².

На 4-м бастионе отличились капитан-лейтенант А.И. Завадовский, лейтенанты Г.Н. Забудский, К.А. Лазарев, Г.И. Ивашкин, которые под огнем командовали артиллерией и воодушевляли подчиненных. Лейтенант А.А. Ивков командовал 3-м бастионом так успешно, что подавил неприятельские батареи. Лейтенанты Н.Я. Астапов, А.М. Перекомский отличались в вылазках против неприятельских укреплений. Мичман Н.Ф. Повалишин 4 дня командовал батареей, лично гасил пожар порохового погреба и оставил батарею, лишившись ноги. На дистанции Малахова кургана отличились саперный полковник В.П. Ползиков, капи-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 434.

² Там же. С. 435—438.

тан 2-го ранга М.А. Перелешин, капитан-лейтенант И.Н. Кондогури, С.С. Сенявин. Лейтенант А.П. Обезьянинов в ночь на 15 сентября с другим офицером провел разведку лагеря на Каче и установил, что неприятель перемещается на Южную сторону. Именно его донесение позволило В.А. Корнилову перевести войска с Северной стороны на Южную, что и спасло Севастополь. В ходе обороны он не раз вызывался разведывать позиции противника и под огнем доставлял боеприпасы¹.

В решении думы отмечены отличия как моряков, так и представителей армии. Уже к этому времени оборона Севастополя стала общим делом, хотя закоперщиками в нем выступали все же моряки.

Это были примеры наиболее выдающихся подвигов. Но требовалось мужество, чтобы просто оставаться жить в Севастополе. Нахимову не раз приходилось переселяться. Первоначально он расположился в доме Григорьева на горе; после разрушения здания бомбами вице-адмирал перебрался на квартиру Корнилова, но и та была разрушена артиллерией союзников, которые специально обстреливали дома, в которых жили руководители обороны. К середине ноября Павел Степанович вернулся в свой дом, который пока оставался вне зоны обстрела². Однако, видимо, скоро неприятельские снаряды стали долетать и туда. Флагману пришлось переехать жить на корабль.

Одновременно Нахимов занимался делами морскими. Вице-адмирал 30 октября рапортовал М.Н. Станюковичу: «После вчерашнего свежего ветра затопленный корабль «Силистрия» разломало, и над ним оказался проход глубиной местами до 36 фут.». Очевидно, Станюкович оценил предупреждение. 5 ноября по приказу Нахимова у разрушенного корпуса затопленной «Силистрии» затопили корабль «Гавриил», чтобы восстановить заграждение у входа на рейд³.

24 ноября с разрешения Меншикова Нахимов организовал вылазку пароходов «Владимир» и «Херсонес». 23 ноября 1854 года он отдал предписание капитану 2-го ранга Г.И. Бутакову:

«Союзные неприятельские флоты расположились в виду нашего Севастополя, как в своем порте. Для наблюдения за движениями на рейде они не устаивают нас даже фрегатом. Вот уже несколько дней небольшой железный пароход безнаказанно следит за нами, оставаясь на якоре и без паров почти на расстоянии пушечного выстрела от наших батарей. Такое неуважение к нам требует урока. Получив на это разрешение е. с-ти г. главнокомандующего, я избираю ваш превосходный «Владимир» и «Херсонес» напомнить о необходимости осторож-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 438—442.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 432.

ности в военное время. Поручая эти суда в ваше распоряжение, я предлагаю вам, выйдя из Севастополя, атаковать неприятельский пароход, стоящий на фарватере, и уничтожить его или завладеть им. В случае же появления превосходных сил возвратиться, не подвергаясь неравному бою.

Я вполне уверен, что ваши опытность и благоразумная распорядительность докажут неприятелям, что дело с Черноморским флотом у них еще не кончено и что победы на море мы не забыли»¹.

Бутаков оправдал доверие. Он взял на себя атаку дозорного парохода, поручив командиру «Херсонеса» капитан-лейтенанту Рудневу наблюдение и действия против двух стоявших в Стрелецкой бухте пароходов. Бутаков направился к неприятельскому пароходу, по пути обстреляв суда в Стрелецкой бухте и лагерь на берегу. Сторожевой пароход, выпустив цепь, сделал несколько выстрелов и направился к Камышевой бухте, где стояли союзные корабли. «Владимир» преследовал, обстреливая беглеца то из носовых орудий, то всем бортом, пока не приблизился к неприятельским кораблям почти на дистанцию выстрела, после чего отвернул и присоединился к «Херсонесу», обстреливавшему пароходы и лагерь в Стрелецкой бухте. Умело маневрируя, русские моряки нанесли повреждение одному из неприятельских пароходов и вызвали смятение в рядах неприятеля. Все союзные корабли начали разводить пары, два английских и один французский пароходы пошли на сближение, как и еще один пароход, бывший у устья Качи. Бутаков решил отходить перед превосходящим противником. «Владимир», шедший замыкающим, отстреливался из кормовых орудий. Снаряды передового английского парохода ложились между двумя русскими, не нанося им потерь; лишь одно неприятельское ядро попало в фок-мачту «Владимира»².

Завершая рапорт Станюковичу, Нахимов писал: «Присутствие английской эскадры у Качи, а французской у Камышевой бухты вселило самоуверенность в безнаказанности позиции винтового парохода в виду нашего разоруженного флота. Молодецкая вылазка наших пароходов напомнила неприятелям, что суда наши, хотя разоружены, но по первому приказу закипят жизнью, что, метко стреляя на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке, что, составляя стройные батальоны для защиты Севастополя, мы ждем только случая показать, как твердо помним уроки покойного адмирала Лазарева, и что каждый из нас жаждет доказать, как государь справедлив, почтив память Корнилова»³.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 443.

² Там же. С. 443—444.

³ Там же. С. 444—445.

Моряки показали, что флот жив. И 25 ноября Нахимов имел основание писать Станюковичу о нецелесообразности отправки на батареи артиллерийских офицеров пароходов, находящихся в боевой готовности¹.

Сохранившие вооружение линейные корабли и пароходы, перемещаясь внутри Севастопольской бухты, вели обстрел неприятельских осадных батарей и войск. Суда Черноморского флота обеспечивали перевозку войск и грузов между Северной и Южной сторонами города. Севастопольцы готовились встретить сохранившимися силами противника, если бы союзный флот попытался прорваться в бухту через разрушающееся заграждение из затопленных кораблей. Но союзники так и не решились на повторение атаки с моря. Все их усилия уходили на осаду с суши².

Со временем система укреплений Севастополя со стороны суши была усовершенствована. Уже в октябре началось сооружение перед бастионами ложементов для стрелков, обстреливавших неприятеля, ведущего осадные работы. В конце ноября эта деятельность стала централизованной. В ночь на 21 ноября началась постройка ложементов перед редутом № 1, в ночь на 25 ноября — перед 4-м бастионом, затем и в других пунктах. Русские войска использовали также завалы. Союзникам приходилось затягивать наступление и преодолевать сопротивление русской обороны. Тем временем защитники все более усиливали существовавшие бастионы и батареи. Союзники, со своей стороны, старались разрушить эти укрепления, однако безуспешно. Севастопольцы организовывали вылазки, мешали осадным работам и разрушали построенные осадные сооружения. Большую роль в этих вылазках играли моряки. Буря, разрушившая лагерь и погубившая немало судов с необходимыми грузами, поставила союзников в критическое положение. Активные, хотя и малоэффективные действия войск Меншикова сыграли свою роль. В итоге союзники раз за разом отказывались от намеченных штурмов, продолжая осаду полевых укреплений, защищавших главную базу Черноморского флота. Началась подземная минная война, первоначально перед 4-м бастионом. А наступившая зима поставила союзные войска в еще более сложное положение³.

Именно в этот период, наконец, Нахимов занял хоть несколько определенное положение в руководстве обороной. Принявший командование 4-м пехотным корпусом генерал от кавалерии Д.Е. Остен-Сакен стал с 28 ноября 1854 года и начальником Севастопольского гарнизона. Дея-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 445.

² Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 347—358.

³ Там же.

тельный генерал понимал значение роли флота и личности П.С. Нахимова в обороне города и обратился с рапортом к А.С. Меншикову, прося назначить вице-адмирала своим помощником. 30 ноября Нахимов принял на себя обязанности помощника начальника Севастопольского гарнизона генерала Д.Е. Остен-Сакена. Однако князь отказался приказом утвердить это назначение¹. Лишь моральное право, которое давали любовь и уважение защитников города, позволяло ему делать немало нужного для обороны. Например, его приказом в декабре 1854 года, кроме корабля «Императрица Мария», под временный госпиталь были определены еще три корабля и два фрегата².

15 декабря Нахимов рапортовал А.С. Меншикову: «Крепкие западные ветры и большие волнения разрушили преграду из затопленных кораблей у входа на Севастопольский рейд; тщательный промер, сделанный по моему приказанию, показывает, что по всей линии глубина превышает 28 фут. Важность этого обстоятельства обязывает меня, не соблюдая формы, поспешить донести прямо в. с-ти»³.

Разрушение преграды позволяло неприятелю ввести на рейд по крайней мере пароходы и шлюпки с десантом. Потому вице-адмирал, не дожидаясь разрешения, приказал уже 14 декабря затопить в разрушенном месте преграды корвет «Пилад» и после этого обратился к главнокомандующему. Меншиков утвердил его распоряжение задним числом⁴.

В декабре союзники продолжали обстрел и осадные работы, а защитники все более совершенствовали систему обороны, создавая вторую линию укреплений. Капитан 2-го ранга П.В. Воеводский, сообщавший об этом М.Ф. Рейнеке, отмечал крайнюю занятость Нахимова: «Павел Степанович здоров и поручил вам кланяться. Если вы прежде не претендовали за его молчание, то теперь он имеет на это полное право, потому что действительно постоянно занят»⁵.

Даже главнокомандующему стало ясно, что вице-адмирал играет значительную роль в обороне и заслуживает награду. 31 декабря Меншиков представил Нахимова к ордену Белого орла:

«...В.-ад. Нахимов, командуя эскадрою судов на рейде и в гавани, заведует также всеми морскими чинами, служащими на батареях и бастионах и храбро и упорно защищающими Севастополь.

Распорядительно и всегда лично наблюдая за своевременным их снабжением всеми материальными к защите средствами, он, сверх того,

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 8, 450, 749.

² Там же. С. 446.

³ Там же. С. 445—446.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 447—448.

одушевлял войска непрерывным своим присутствием всюду, где опасность, подавая собою пример мужественного хладнокровия при исполнении священного долга.

Такое достохвальное служение в.-ад. Нахимова, который, несмотря на контузию и легкую рану, не переставал разделять труды других неутомимых своих сослуживцев, обязывает меня ходатайствовать ему всемиловитейшей награды орденом Белого Орла.

Независимо от Георгия 2 ст. старший орден у сего адмирала — св. Владимир 2 ст...»¹

Резолюция о награждении орденом была дана 13 января 1855 года². Но в Севастополе все считали, что флагман достоин более высокой награды. П.В. Воеводский в ответ на письмо М.Ф. Рейнеке 27 января писал о мужестве и сложном положении Нахимова:

«Заветный образок святого чудотворца Николая он носит на груди постоянно. Как принимает он участие ваше? Это вы хорошо знаете сами, но совет: «беречь себя» совершенно бесполезен. Нет даже никакой возможности уговорить его надевать шинель или пальто, напротив: ежедневно разъезжает по бастионам в сюртуке и эполетах, но провидение, видимо, хранит его. А князь со своей стороны отравляет, сколько может, его минуты.

Сакен при самом поступлении избрал Павла Степановича себе помощником, но князь не позволяет объявить этого приказом; назначение его выходит неофициальное, и оттого слушает его и исполняет приказания только тот, кто хочет.

Со Станюковичем, благодаря е. с-ти, тоже частые и неприятные столкновения, а между тем П. Степановичу отдавались весьма важные приказания с тем, «чтоб Станюкович ничего не знал», так, напр., изготовление моста через Черную речку и наведение его перед несчастным днем 24 октября.

Награда Белым Орлом, мало сказать, удивила, но оскорбила всех, видевших действия Павла Степановича, зато ни один человек не позволил себе поздравить его. Письмо генерал-адмирала, написанное в самых лестных выражениях, порадовало дядюшку, и копию письма при этом прилагаю.

До начала января он жил на корабле, но потом, простудившись, не оставляя недели две комнаты и с тех пор живет дома...»³

Пользуясь относительно спокойным временем, П.С. Нахимов подготовил и 29 января 1855 года представил А.С. Меншикову докладную

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 448.

² Там же.

³ Там же. С. 449—450.

записку, в которой высказал свое беспокойство о возможности прорыва неприятеля в Севастопольскую бухту:

«Земляные батареи, устроенные в начале прошлого года в восточной части Севастопольской бухты, весьма естественно наводят на мысль, что, несмотря на полное вооружение и далеко превосходящее противу нынешнего состояния внешних укреплений рейда, при полном составе флота, предполагалась возможность покушения неприятеля на внутренность бухты, теперь, когда все обстоятельства изменились не в пользу нашу, такое предположение принимает вид еще более вероятный, тем более что в. с-ти уже известно, что затопленные наши суда не служат преградою для входа на рейд даже кораблям. Бон, протянутый поперек бухты, при предварительной обдуманности со стороны неприятеля также не может служить серьезным препятствием для движения неприятельского флота внутрь бухты, ничем в глубине не защищенной и в которой расположены наши суда, совершенно лишнные возможности оказать какое бы то ни было сопротивление. В прилагаемой ведомости в. с-ть изволят усмотреть, что за исключением кораблей «Чесма» и «Ягудиил», занимающих определенные позиции в случае штурма, только три корабля — «Великий князь Константин», «Париж» и «Храбрый» — имеют часть своей артиллерии, остальные же затем вовсе ее не имеют. Приняв во внимание численность команд этих трех кораблей, показанную в этой же ведомости, в. с-ть изволят убедиться, что в настоящем положении эти суда совершенно не соответствуют своей грозной наружности, а потому я считаю долгом почтительнейше изложить свое мнение относительно защиты рейда от покушений неприятеля»¹.

Только два корабля имели полную артиллерию, на трех она сохранилась частично, а непогода все более разрушала заграждение. Нахимов предложил Меншикову программу охраны входа в Севастопольскую бухту, сочетавшую корабли — плавучие батареи и батареи на суше. Он считал необходимым пополнить экипажи кораблей «Великий князь Константин», «Париж» и «Храбрый» и поставить их поперек бухты между батареями Павловской и № 4. Чтобы преодолеть их линию, неприятелю следовало прорываться под перекрестным огнем кораблей и батарей. Однако после прорыва противнику противостояли лишь пароходы, образующие вторую линию обороны. Флагман предложил устроить на возвышенных берегах бухты несколько батарей для действия по пространству рейда, обеспечив заранее насыпи для возможности перемещения пушек и сосредоточения огня орудий в нужном направлении.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 450—451.

Он писал: «Высота местности лучше всяких мерлонов прикроет прислугу и орудия от поражения с неприятельских судов» и считал необходимым придать дивизионам батарейных орудий «по надежному офицеру с флота»¹.

Павел Степанович завершал записку следующими словами: «Я надеюсь, что при доверии, которое я не раз имел счастье удостаиваться от в. с-ти, вы не припишете мне убеждение в безопасности рейда от принятия этих мер. Кто не поймет опасность, в которой мы теперь находимся, имея проход на рейд свободным?»

Оканчивая изложение своей мысли, я уверен, что в. с-ть найдете в ней только искреннее желание быть полезным в деле, общем каждому русскому и в особенности моряку. Припомните при этом, в. с-ть, что флаг мой развевается в виду неприятельского флота, на корабле без пушек и людей, и вы легко найдете оправдание моей смелости, с которой я решился откровенно высказать вам свое мнение»².

Видимо, эта тщательно подготовленная записка окончательно убедила Меншикова. 1 февраля 1855 года он отдал приказ: «Командующий эскадрой судов Черноморского флота вице-адмирал Нахимов назначается помощником к генерал-адъютанту бар. Остен-Сакену по званию начальника Севастопольского гарнизона. О чем по вверенным мне войскам объявляю»³.

Назначая Нахимова помощником начальника Севастопольского гарнизона, князь Меншиков хотел привлечь активность моряка к суше. 7 февраля о назначении приказом по гарнизону объявил Д.Е. Остен-Сакен:

«Приказом е. с-ти главнокомандующего от 1 февраля за № 31 командующий эскадрой судов Черноморского флота вице-адмирал Нахимов назначен помощником ко мне по званию начальника Севастопольского гарнизона.

Объявляя об этом по войскам, в начальствовании моем состоящим, остаюсь в полной уверенности, что г. вице-адмирал Нахимов разделит со мною все труды по обороне г. Севастополя и будет ближайшим моим сотрудником, чему может служить ручательством неутомимая его деятельность и опытность в военном деле»⁴.

Уже 3 февраля, поощренный одобрением первой записки, Нахимов предложил Меншикову дополнительные меры по усилению обороны Севастополя с моря. Вице-адмирал в докладной записке оценивал стра-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 451.

² Там же. С. 451—452.

³ Там же. С. 453.

⁴ Там же. С. 457.

тегическое положение Севастополя и убеждал: «Громадные усилия союзников, употребленные противу Севастополя, безусловно могли быть удерживаемы до сих пор только при содействии средств, разрушивших Черноморский флот; первый период бомбардирования кончается, — средства наши наполовину уже истощились. Тяжкий удар, нанесенный в таком положении, что не можем быть страшны на море, по крайней мере, в продолжение нескольких лет; приложение винтового двигателя окончательно решает вопрос о нашем настоящем ничтожестве на Черном море. Итак, нам остается одно будущее, которое может существовать только в Севастополе; враги наши знают цену этому пункту и употребят все усилия, чтобы завладеть им»¹.

Вице-адмирал полагал, что союзники вряд ли решатся отбросить армию с путей, связывающих Севастополь и всю Россию. Он более опасался второй атаки с моря, которой могли противостоять только три корабля с неполной артиллерией и малообученными командами. Флагман считал, что существующих сил и батарей совершенно недостаточно, чтобы противодействовать значительным силам противника, которые могли прорваться в бухту, выйти в тыл сухопутным укреплениям и содействовать штурму. Истребить прорвавшиеся корабли можно было только ценой гибели остатков флота².

Далее Нахимов рассматривал самый печальный случай: «Предполагая удачу, естественно, надо взять и другую сторону; если неприятельские корабли утвердятся на рейде, то, кроме того, что мы потеряем Севастополь и флот, мы лишимся всякой надежды на будущее; имея Севастополь, мы будем иметь и флот; однажды же отданный — отнять без содействия флота невозможно, а без Севастополя нельзя иметь флота на Черном море; аксиома эта ясно доказывает на необходимость решиться на всякие меры, чтобы заградить вход неприятельским судам на рейд и тем спасти Севастополь. Прибавлю ко всему сказанному, что потеря Севастопольского гарнизона — естественное следствие появления неприятеля на рейде, лишит армию весьма значительной части необходимых и прекрасных войск, а флот — огромной массы сословия, которое развивалось в продолжение полутора веков.

Может быть, в с-ть найдете в этом изложении односторонний взгляд моряка, но, тем не менее, я уверен, что вы отдадите справедливость прямоту, с которым оно писано; конечно, только полное и глубокое убеждение заставило меня возвысить голос перед в. с-тью, — не мне решать вопросы столь сложные. Но если вы найдете хоть немного

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 453.

² Там же. С. 453—454.

истины во всем, мною сказанном, то для собственного вашего спокойствия позвольте обсудить его на военном совете. Этим средством вы положите конец опасениям тех, кому известно настоящее положение затопленных кораблей, или, в противном случае, решитесь без душевного беспокойства на меры, указываемые необходимостью.

Чрезвычайные обстоятельства, в которых мы находимся, послужат мне оправданием перед в. с-тью в настоящем моем поступке¹.

Видимо, Нахимов имел в виду, что необходимо восстановить подводное заграждение. 6 февраля Нахимов приказал для обновления заграждения подготовить к затоплению корабли «Ростислав» и «Двенадцать Апостолов». Командиры получили приказ: «С приводом корабля на место мачты должны быть надрублены и росторные найтовы сняты, и ошвартовить его носом к Северной стороне. Работа эта должна быть произведена быстро и тайно»². 13 февраля по словесному указанию Меншикова эти корабли, а также фрегаты «Кагул» и «Месемврия» легли на дно между Николаевской и Михайловской батареями, а фрегат «Мидия» готовили к затоплению³. 19 февраля затопили и его⁴.

Нахимов рассчитывал на то, что флоты великих морских держав сделают то, что он сам сделал бы при существующих обстоятельствах: войдут на рейд Севастополя значительными силами, истребят остатки Черноморского флота и ударом в тыл обороняющимся будут способствовать успеху штурма города. К счастью, принятые флотоводцем меры и нежелание союзников нести огромные потери заставили их ограничиться действиями с суши.

А на суше росло число героев, прославивших оборону Севастополя. 5 февраля 1855 года походная кавалерственная дума ордена Св. Георгия рассмотрела представление к ордену лейтенанта Н.А. Бирюлева, который отличился при вылазках 9, 20 декабря 1854 года и 1 января 1855 года. В этих вылазках отряд охотников (добровольцев) под его командованием взял в плен 3 офицера и 53 рядовых. Лейтенант всегда был впереди, в частности в ночь на 20 декабря, когда его отряд выбил французов из батарей на бульваре и устроил на их месте завалы, которые защищали стрелки под его наблюдением. Дума признала Бирюлева достойным ордена Св. Георгия IV степени, и Нахимов подписал это решение⁵.

Занимался Нахимов и пособиями для раненых и семей убитых. В Севастополь генерал-адмирал Константин Николаевич прислал чиновни-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 454—455.

² Там же. С. 456—457.

³ Там же. С. 459.

⁴ Там же. С. 461.

⁵ Там же. С. 455—456.

ка для особых поручений Б.П. Мансурова с задачей собирать сведения об убитых и раненых моряках и раздавать пособия. 17 января Великий князь в письме просил Нахимова помочь Мансурову. Сам чиновник писал 17 февраля генерал-адмиралу: «...Слава богу, в Севастополе есть лицо, которое знает всех и каждого и готово за всякого стать заступником и посредником, но сам вице-адмирал Нахимов слишком занят обороною, чтобы можно было беспокоить его посторонними требованиями...»¹ Однако Мансуров ошибся. Нахимову до всего было дело. 21 февраля Мансуров рапортовал Великому князю, что в Севастополе уже существует организованный Павлом Степановичем комитет под председательством Г.И. Бутакова, который рассматривал распоряжения о выдаче пособий из разных источников и действовал независимо от статского советника Крылова, формально занимавшегося этим делом до Мансурова. Последний предложил принять его в члены комитета Бутакова, что позволило объединить всю систему пособий раненым и семьям убитых. Нахимов, не смотря на недостаток времени, находил возможность лично помогать пострадавшим. Мансуров писал: «...Сегодня я присутствовал при том, как к вице-адмиралу Нахимову по его приказанию приводили жену матроса 30 флотского экипажа Войцеха Сойки, молоденькую и, кажется, беременную женщину, которой бомба оторвала правую ногу; она благополучно выздоровела и уже ходит на костылях; входя в ее бедственное положение, Павел Степанович приказал перечислить мужа ее в ту часть 30 экипажа, которая расположена ныне в Николаеве, собрал им 80 руб. серебром и сам напутствовал их наставлением и благословением в дорогу. Отрадно было видеть выражение глаз Войцеха Сойки и жены его, когда они прощались с Павлом Степановичем, оба они совершенно покойны насчет своей участи, и если остается еще сделать что-нибудь для бедной жены означенного матроса, так разве распорядиться о заказе для нее искусственной ноги, которая избавила бы ее от утомительного употребления костылей...»²

Лейтенанта Титова Нахимов в знак уважения его выдающейся храбрости поселил для лечения в своем доме и обратился к Мансурову с поручением представить сведения о его положении генерал-адмиралу³.

О том, как Нахимов объезжал укрепления, можно судить по журналу батареи лейтенанта А.А. Бутакова. Люнет был заложен 7 февраля и находился под таким обстрелом, что земляные работы шли по ночам. Однако уже днем 9 февраля Нахимов прибыл на будущую батарею и ходил по открытому месту под выстрелами. 16 и 21 февраля вице-ад-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 460.

² Там же. С. 462—463.

³ Там же. С. 477.

мирал вновь побывал на достраиваемой батарее, наблюдал за неприятельскими позициями в подзорную трубу. 24 февраля он расспрашивал командира, как он предполагает стрелять брандскугелями, чтобы они не взрывались в стволе. Бутаков предложил стрелять с поддонами из кранцев. Это предложение заинтересовало Нахимова; он поручил изготовить несколько поддонов и испытать их¹. Артиллеристам из-за нехватки других боеприпасов приходилось использовать зажигательные снаряды.

Союзники начали обстрел Севастополя и рейда конгревовыми ракетами. 16 февраля Нахимов рапортовал Меншикову о том, что обстрел с трех станков производится по ночам. Один из станков действовал против 4-го и 5-го бастионов, второй — на Екатерининскую пристань и третий — по кораблям на рейде, причем одна из ракет попала в корабль «Великий князь Константин», а другая зацепила пароход «Одесса». К счастью, во время полета они погасли. Нахимов сообщал, что дальность полета ракет — до 2000 сажень².

Время командования Меншикова истекло. В столице были недовольны неудачей боевых действий и ожидали успехов. Под давлением из столицы 5 февраля 1855 года адмирал предпринял наступление на Евпаторию, окончившееся неудачей и значительными потерями. Николай I перед смертью 15 февраля поручил наследнику сменить Меншикова Горчаковым. Но Меншиков уже 17 февраля оставил Севастополь³. До приезда сменившего его 9 марта М.Д. Горчакова должность командующего Крымской армией исполнял Д.Е. Остен-Сакен, который 18 февраля назначил Нахимова исполняющим должность начальника гарнизона, оставив за собой командование 4-м пехотным корпусом⁴. 21 февраля вице-адмирал приказом по гарнизону объявил о своем назначении: «На основании приказа командующего военно-сухопутными и морскими силами в Крыму господина генерал-адъютанта бар. Остен-Сакена, от 18 февраля за № 57, вступив в командование гарнизоном Севастополя, объявляю об этом по войскам»⁵.

25 февраля Нахимов отдал приказ о вступлении в должность командира Севастопольского порта и военного губернатора Севастополя:

«По воле г. начальника Главного морского штаба е. и. в., сообщенной мне в отношении за болезнью главнокомандующего военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, г. генерал-адъютанта бар. Остен-Сакена»

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 458—459.

² Там же. С. 460.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 361—364.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 461.

⁵ Там же. С. 463.

на № 2536, я сего числа вступил в отправление должности командира порта и военного губернатора г. Севастополя.

О чем по Севастопольскому порту объявляю»¹.

Наконец, права Нахимова стали соответствовать обязанностям. В тот же день Остен-Сакен отправил генерал-адмиралу, Великому князю Константину Николаевичу рапорт с ходатайством о производстве Нахимова в адмиралы. Он писал:

«Вице-адмирал Нахимов во все время 165-дневной осады Севастополя, сначала не принадлежа к ее обороне, потом с 28 ноября в качестве помощника и замещения меня в случае смерти или раны, чрезвычайно способствовал успешной обороне Севастополя: блистательно неустрашимостью, влиянием на войска, приобретенною любовью и уважением, неусыпною деятельностью, доходящею до того, что непрестанным осмотром бастионов, редутов, батарей и траншей ему известно направление орудий в каждой амбразуре.

Вице-адмирал Нахимов имеет неисчислимые заслуги»².

Назначение теперь уже официально возлагало на Нахимова как широкий круг обязанностей, так и ответственность за их исполнение. Он отвечал и за деятельность на суше, и за состояние порта, и за действия кораблей. Моряк в полной мере отдался этой деятельности.

Во главе обороны

Чем теснее сжималось кольцо блокады, тем более сближались функции сухопутных войск и моряков. При обстреле конгревовыми ракетами с берега страдали корабли. Выдвинутая к Черной речке неприятельская батарея 22 февраля обстреливала пароход «Херсонес», нанеся ему повреждения и потери. Пришлось «Херсонесу» оттянуться из зоны обстрела к южному берегу, а пароход «Громоносец» и орудия с северного берега бухты заставили замолчать батарею противника³. Нахимов в конце февраля принял решение отвести корабли в более безопасное место и рапортовал Д.Е. Остен-Сакену: «Так как редуты наши над хутором 42 экипажа уже вооружены артиллериею и, сверх того, обстреливаются батареями Северной стороны и 4-й дистанции по направлению рейда, я нахожу бесполезным постоянно держать в восточной части пароходы и корабль «Чесма», тем более что огонь их снизу вверх не может быть столь же действителен, как огонь береговых наших ба-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 8, 466—467.

² Там же. С. 467.

³ Там же. С. 463—464.

тарей, а между тем, суда эти могут очень пострадать от батарей неприятеля, который уже прорезал 4 амбразуры для действия по направлению к ним. Поэтому для избежания тех обстоятельств, по которым пароход «Херсонес» переведен на другое место, я считаю необходимым представить на благоусмотрение В. в. пр-ва следующее: корабль «Чесма» (по окончании работ перед бастионом Корнилова) отвести от занимаемого им места, на котором он бесполезно подвергнется вреду; все военные пароходы поставить вдоль южного берега бухты между Килен-балкою и Павловским мысом, где их машины будут сравнительно в безопасности, и один из них по очереди иметь с готовыми парами по ночам в дежурстве у хутора 42 экипажа, чтобы оказать всякое пособие гарнизонам редутов и обстреливать Килен-балку в случае движения по ней неприятельских войск»¹.

Для дежурного парохода в конце февраля по указанию Нахимова Г.И. Бутаков подготовил инструкцию, просмотренную и исправленную вице-адмиралом. Инструкция предписывала расположить этот пароход так, чтобы препятствовать движению неприятельских войск по Килен-балке и прикрывать редуты, если бы противник пытался их обойти. Командиру парохода следовало держать на рейде против Графской пристани вооруженный катер для наблюдения за неприятелем в Инкермане, Георгиевской балке. При появлении восточнее Голландии и Килен-балки шлюпки, команда которой не знает пароля, ее следовало задержать до утра. В случае движения неприятеля по Инкерманской гати пароход должен был оповестить сигналом флагманский корабль, приблизиться и обстреливать бомбами и картечью гать и бывший Инкерманский мост. Смененному с дежурства пароходу следовало на стоянке не гасить котлы в готовности при необходимости отвести из-под выстрелов корабль «Чесма»².

Не меньшее внимание флотоводец уделял суше. В приказе от 2 марта по Севастопольскому гарнизону Нахимов обратил внимание начальников на сбережение личного состава при обстрелах:

«Усилия, употребленные неприятелем противу Севастополя 5 октября и в последующие за тем дни, дают основательный повод думать, что, решившись продолжать осаду, враги наши рассчитывают на средства еще более громадные; но теперь шестимесячные труды по укреплению Севастополя приходят к концу; средства обороны нашей почти утроились; и потому кто из нас, верующих в правосудие божие, усомнится в торжестве над дерзкими помыслами неприятеля? Но разрушить их при

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 464.

² Там же. С. 465—466.

большой потере со своей стороны не есть еще полное торжество, и потому-то я считаю долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую, а именно: предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было ограничено крайней необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средство сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности. Любопытство, свойственное отваге, одушевляющей доблестный гарнизон Севастополя, в особенности не должно быть допущено частными начальниками; пусть каждый будет уверен в результате боя и спокойно останется на указанном ему месте; это особенно относится к гг. офицерам.

Я надеюсь, что гг. дистанционные и отделенные начальники войск обратят полное внимание на этот предмет и разделят своих офицеров на очереди, приказав свободным находиться под блиндажами и в закрытых местах; при этом прошу внушить им, что жизнь каждого из них принадлежит отечеству и что не удалство, а истинная храбрость приносят пользу ему и честь умеющему отличить ее в своих поступках от первого»¹.

Эти слова нашли высокую оценку Д.Е. Остен-Сакена, который в своем приказе от 6 марта отметил, что в приказе Нахимова «...выражаются: знание дела, опытность и пламенное усердие к службе». Он предписал иметь приказ к руководству, чтобы каждый артиллерийский офицер имел экземпляр при себе. В тот же день Остен-Сакен рапортовал Великому князю Константину Николаевичу:

«Приказ командующего Севастопольским гарнизоном вице-адмирала Нахимова от 2 марта за № 54, им самим составленный, выражает замечательную опытность, пламенное усердие и высокое чувство долга.

Ожидая от этого приказа особенной пользы и радуясь иметь сотрудником и соотечественником вице-адмирала Нахимова, считаю долгом представить суду в. и. в-ва в списке помянутый приказ моряка, который имеет счастье служить под вашим начальством»².

В ходе второй бомбардировки, с 28 марта по 8 апреля 1855 года, потери от обстрела противника оказались меньше, чем при первой, благодаря траверсам и блиндажам³. Очевидно, приказ Нахимова сыграл в этом немалую роль, как и его внимание к сбережению людей. Сам же вице-адмирал продолжал в сюртуке с хорошо заметными эполе-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 469.

² Там же. С. 475—476.

³ Там же. С. 492—493.

тами, известными всему городу, регулярно объезжать позиции, появляясь в самых опасных местах.

Значительное внимание Нахимов уделял снабжению войск. Запасы продовольствия и обмундирования в Крыму к осени 1854 года никак не были рассчитаны на растущую численность войск. Несмотря на то что М.Д. Горчаков с Дуная вместе с полками отправлял и подвижные продовольственные магазины, войска терпели лишения. Трудность составляла доставка грузов через Крым. Особую роль играли злоупотребления интендантов, которые вместе с подрядчиками наживались на поставках. Войска к зиме не имели теплой одежды, полшубки заменяли рогожами и кулями из-под сахара. Тыловое обеспечение совершенно не соответствовало нуждам больших масс войск, сосредоточенных на укреплениях Севастополя¹.

Приходилось прибегать к решительным мерам. 23 февраля 1855 года вице-адмирал предписывал штрафовать тех начальников, которые продают экономию провианта частным лицам, а не направляют на улучшение питания нижних чинов². 28 февраля и 2 марта он отдал приказы, чтобы начальники всех отделений в случае неполучения мяса от подрядчика обращались в севастопольскую обер-провиантмейстерскую часть с требованиями на отпуск денег для улучшения питания нижних чинов, на зелень и присылали в канцелярию Севастопольского порта списки нижних чинов, получающих морские порции³. 2 марта Нахимов приказал на случай бомбардировки создать в сухопутных командах моряков четырехдневный запас хлеба и солонины, а на судах — недельный⁴. 7 марта он отдал приказ о снабжении сушеной зеленью⁵. 15 марта вице-адмирал приказал экономно расходовать провизию, а начальникам требовать ее и расходовать в соответствии с Морским уставом⁶.

Существовавших к началу обороны госпиталей не хватало, и уже после сражения на Альме потребовалось создавать новые. Недоставало врачей в армейских госпиталях, и в них были направлены флотские врачи. Не было перевязочных материалов и медикаментов: никто до войны не рассчитывал на такие потери.

По всей России женщины щипали корпию, собирали материал на бинты, но все собранное очень медленно достигало Севастополя либо застревало по пути, и многие раненые оказывались в ужасных условиях, в палатках без коек, без одеял. Вмешательство Н.И. Пирогова и

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 368—369.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 466.

³ Там же. С. 468, 470.

⁴ Там же. С. 470.

⁵ Там же. С. 476.

⁶ Там же. С. 481.

других энергичных врачей помогало только в отдельных случаях¹. Нахимов, как уже известно, предоставил под госпитали корабли, пушки с которых перевезли на бастионы. Но количество раненых и больных все нарастало. Обезжая позиции, Нахимов обратил внимание, что только на 4-м отделении медики регулярно осматривают нижних чинов, и в приказании 25 февраля предписал начальникам отделений, чтобы уменьшить заболеваемость цингой, чесоткой и другими болезнями, наладить не реже 2 раз в неделю осмотры медиками от указанных им полков². 5 марта он приказал начальникам устроить бани и следить, чтобы люди чаще ими пользовались и могли носить чистое белье³.

Но главной проблемой являлась нехватка боеприпасов, доставка которых проходила с перерывами. Так как требовалось мешать неприятелю строить осадные сооружения, а это можно было осуществить только огнем артиллерии, постоянно недоставало пороха. Недостаток ядер заставил прибегнуть к использованию брандскугелей, заполненных песком, извлекать ядра из вала, в который до войны стреляли с учебными целями. При нехватке свинца собирали неприятельские пули⁴.

О том, что боеприпасов катастрофически не хватает, свидетельствуют приказы П.С. Нахимова. 2 марта одновременно с призывом к сбережению жизней людей он запрещал частую пальбу, отмечая, что «...кроме неверности выстрелов, естественного следствия торопливости, трата снарядов и пороха составляет такой важный предмет, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившего ее»⁵. В приказе 4 марта вице-адмирал вновь обратился с требованием экономить боеприпасы:

«Несмотря на приказ от 2 марта № 54, мною по гарнизону отданный, все протекшие ночи прошли в непрерывной и бесполезной стрельбе из орудий, а потому до принятия решительных мер противу такого беспорядка я позволяю себе еще раз предварить всех частных начальников, что убеждения мои относительно этого предмета, в том приказе выраженные, я поддерживаю всею силою власти, мне предоставленной.

В настоящее время предписываю всем гг. батарейным командирам открывать огонь из вверенных им батарей не иначе, как при наступлении неприятельских колонн или при решительной пальбе из неприятельских укреплений; по работам же неприятеля огня из орудий отнюдь не открывать; гг. начальники отделений, на которых, как равно и на

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 364—368.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 467.

³ Там же. С. 473.

⁴ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 369—371.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 469.

начальника литерных батарей, возлагаю наблюдение за точным исполнением настоящего приказа, примут надлежащие меры для замедления работ, производимых неприятелем, сколько возможно будет, ружейным огнем»¹.

Недостаток боеприпасов не позволял артиллерии обороняющихся в полной мере мешать осадным работам неприятеля.

А союзники активизировали деятельность. В Лондоне и Париже выражали недовольство затянувшейся осадой. Французское продвижение остановилось в 65 саженях от 4-го бастиона, английское — в 200 саженях от 3-го бастиона. Луи-Наполеон послал в Крым своего любимца генерала Ниэля, который 20 января на совете союзников предложил перенести усилия на Малахов курган. Взятие кургана позволяло обстреливать с тыла оборонительную линию и рейд, по которому русские осуществляли сообщение Южной и Северной сторон. На совете решили, продолжая атаки 3-го и 4-го бастионов, основные усилия перенести на Малахов курган и 2 марта начать усиленное бомбардирование. Уже 21 января французские войска выдвинулись на Киленбалочные высоты, заложили две батареи и начали сооружать первую параллель в 840 саженях от кургана. Активность союзников ставила под угрозу положение Малахова кургана. Русское командование намеревалось для обеспечения обороны кургана занять высоту Кривая Пятка, однако теперь этот холм оказывался под перекрестным огнем неприятельских батарей. Чтобы улучшить положение, предприняли неожиданную для противника операцию².

В ночь на 10 февраля Волынский полк и три батальона Селенгинского полка под командованием генерал-майора А.П. Хрушова начали скрытно постройку редута на Киленбалочных высотах, в 400 саженях от французской параллели. Необходимые инструменты и материалы доставили накануне по мосту на баржах через Килен-бухту, который по приказу Нахимова устроили моряки. Для прикрытия работ моряк приказал у Килен-бухты и против Георгиевской балки поставить пароходофрегаты «Владимир», «Херсонес» и «Громоносец», чтобы при необходимости поддержать огнем продвижение войск. Французы лишь утром обнаружили соседство нового русского укрепления (Селенгинского редута) и огнем стрелков стремились помешать строителям. 12 февраля пять французских батальонов пытались атаковать редут, однако их заметили пластуны. По сигналу (сожженному фальшфейеру) артиллерия с парохода и Корнилова бастиона открыла огонь по скоплению

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 472.

² Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 371—373.

неприятельских войск; после атаки Волынского полка атакующие отошли и более не мешали¹.

В ночь на 17 февраля левее и впереди Селенгинского редута был заложен Волынский редут, соединенный с первым каменной стенкой. Левее редутов поставили трехорудийную батарею, а впереди них устроили ложементы для стрелков. Укрепления на Киленбалочных высотах, вооруженные пушками и обороняемые солдатами Селенгинского и Волынского полков, открыли огонь 17 и 21 февраля. Они заставили французов перейти к последовательной осаде полевых укреплений. А в ночь на 26 февраля в 260 саженях от Малахова кургана, на Кривой Пятке, начали постройку Камчатского люнета, располагавшегося всего в 180 саженях от французской параллели. Русские успешно отразили первые атаки на укрепление. С начала марта Ниэль предпринял несколько безуспешных попыток овладеть люнетом. С другой стороны, и русские проводили поиски против неприятеля. Охотники врываются в союзные укрепления и разрушали их. Особенно крупную вылазку предпринял пятитысячный отряд генерал-лейтенанта С.А. Хрулева, который выбил французов из первой параллели перед Камчатским люнетом. Русские потери оказались велики — только в вылазке 10 марта было убито и ранено свыше 1300 человек². Однако решительное наступление заставило союзников отказаться от начала бомбардирования 2 марта³.

7 марта во время боев за выдвинутые вперед укрепления Черноморский флот лишился одного из героев Синопа — контр-адмирал В.И. Истомин был сражен неприятельским ядром. Нахимов назначил вместо него начальником 4-го отделения оборонительной линии капитана 1-го ранга Н.Ф. Юрковского⁴. В донесении Остен-Сакену от 9 марта вице-адмирал отмечал:

«Контр-адмирал Истомин убит неприятельским ядром на вновь воздвигнутом Камчатском люнете. Хладнокровная обдуманность при неутомимой деятельности и отеческом попечении, соединенная с блистательной храбростью и благородным возвышенным характером, — вот черты, отличавшие покойного. Вот новая жертва, принесенная искуплению Севастополя. Качества эти, взлелеенные в нем бессмертным нашим учителем адмиралом Лазаревым, доставили ему особенное исключительное доверие и павшего героя Севастополя вице-адмирала Корнилова. Духовная связь этих трех лиц дала нам смелость, не ожидая вашего разрешения, действовать по единодушному желанию всех нас, товарищей и

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 373—374.

² Там же. С. 381.

³ Там же. С. 374—380.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 476.

подчиненных убитого адмирала: обезглавленный прах его удостоен чести помещения в одном склепе с ними.

Принимая живое, горячее участие во всем, касающемся Черноморского флота, и зная лично Истомину, вы поверите скорби, удручающей Севастополь с минуты его смерти, и разрешите согласиём это распоряжение»¹.

Брату погибшего К.И. Истомину Нахимов писал о той роли, которую Владимир Иванович играл в обороне Севастополя, и послал ему кусок Георгиевской ленты от креста, который был на шее Истомина, когда ему ядром оторвало голову; сам крест ядро раздробило. Вице-адмирал уступил павшему герою Синопа и Севастополя место, которое оставлял для себя в гробнице Владимирского собора рядом с Лазаревым и Корниловым². Он приказал обозначить место гибели В.И. Истомина, как то было сделано с местом, где пал Корнилов³. 24 марта он писал вдове М.П. Лазарева, что надеется после смерти обрести покой рядом с адмиралом-учителем⁴.

12 марта Нахимов отдал приказ с объявлением благодарности командиру парохода «Крым» капитану 1-го ранга П.Д. Протопопову: «Бывши вчерашнего числа на редуках и удостоверившись лично, что действием артиллерии дежурного парохода «Крым» нанесен значительный вред неприятельской батарее, я считаю долгом высказать командиру парохода мою искреннюю благодарность»⁵.

Однако времени для того, чтобы командовать и на суше, и на борту кораблей, у вице-адмирала не было. 12 марта Нахимов обратился к М.Д. Горчакову, командующему Южной армией и морскими и сухопутными силами в Крыму (который прибыл 8 марта), с просьбой освободить его от командования эскадрой:

«Эскадра судов Черноморского флота, расположенная в Севастополе, состоит по сие время под моею командою. Вновь возложенные на меня обязанности командира порта и временного военного губернатора, требуя моего присутствия на берегу, отымают у меня возможность выполнять первую согласно Морского устава, поставляющего непременным правилом безотлучное пребывание адмирала на вверенной ему эскадре, а потому, докладывая в. с-ву, я имею честь покорнейше просить разрешения спустить свой флаг, поручив начальство над эскадрою г. контр-адмиралу Юхарину.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 477—478.

² Там же. С. 478, 494.

³ Там же. С. 479.

⁴ Там же. С. 487.

⁵ Там же. С. 479.

При этом имею честь присовокупить, что командование это и следовало бы поручить старшему по мне г. вице-адмиралу Новосильскому, но по незначительности настоящего состава эскадры и еще более по важности с особой честью занимаемого г. Новосильским поста я избрал свободного от занятий г. контр-адмирала Юхарина»¹.

15 марта Горчаков разрешил Нахимову передать эскадру контр-адмиралу П.М. Юхарину, и 16 марта адмирал спустил свой флаг². Он сосредоточил основное внимание на сухопутной обороне, хотя не забывал и о флоте.

Вновь на Нахимова навалилась масса многообразных обязанностей. Но теперь он располагал достаточной властью, чтобы большинство их осуществлять. Моряк постоянно объезжал укрепления и лично наблюдал все то, что потом становилось предметом его приказов. К примеру, 15 марта вице-адмирал посетил батарею А.А. Бутакова и разрешил экономно стрелять картечью по неприятельским работам, а также использовать малые мортиры и каронады³. Вот что писал 17 марта 1855 года матери командир батареи А.А. Бутаков: «...Павел Степанович у меня очень часто бывает и всегда очень любезен со мной. Он ко мне иначе не обращается как Александр Бутаков. Каждый раз спрашивает о моем здоровье, когда придет. «Я пришел навестить вас. Все у вас благополучно? А как сами поживаете? Сильно вам штуцера надоедают? А бомбами они перестали вас беспокоить? Это славная вещь каронады; вы им хорошенько отвечайте». Потом непременно распросит, какие я заметил работы у неприятеля, осмотрит сам все подробно в трубу и, наконец, уходя: «Прощайте, Александр Бут., будьте здоровы». Но все это он говорит с таким участием и ко всем ответам так внимателен, что нельзя с первого раза не получить к нему уважения. Почти к каждому слову он прибавляет «с»...»⁴

После объездов позиции Нахимов занимался документами, от которых зависела организация обороны. 17 марта, получив от начальника штаба артиллерии Южной армии и сухопутных и морских сил в Крыму генерал-майора Н.А. Крыжановского проект управления артиллерией в Севастополе, он немедленно ответил, ибо артиллерия являлась важнейшей силой обороняющихся⁵.

Обязанности требовали от Нахимова заниматься снабжением войск и вывозом раненых, артиллерией и судьбой семей погибших, госпита-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 480.

² Там же. С. 481—482.

³ Там же. С. 459.

⁴ Там же. С. 484.

⁵ Там же. С. 482—484.

лями и сооружением укреплений, награждением достойных и порицанием неисправных.

14 марта он отдал приказ о выдаче конторой над портом тросов для изготовления тросовых банников, прибойников и пыжевников, ибо при тросовых щитах, закрывавших амбразуры на батареях, оказалось сложно заряжать орудия, действуя традиционными банниками на деревянных штоках¹.

15 марта Нахимов приказал для исключения перерасхода провизии не выдавать в постные дни морской паяк, ибо нижние чины получали регулярно мясо, и не расходовать ограниченный запас сухарей, оставляемый для необходимых случаев, предписав командирам организовать выпечку хлеба². Вице-адмирал замечал, казалось бы, мелочи. Приказ от 17 марта запрещал использование опасной для здоровья нелуженой медной посуды³. 18 марта на предложение смотрителя Севастопольского морского госпиталя к летнему времени устроить больных в палатках, чтобы помещения госпиталя проветрить и побелить, Нахимов приказал конторе над портом выделить все необходимое⁴.

В середине марта в письме и. д. начальника штаба Черноморского флота Н.Ф. Метлину Нахимов сообщал, что Горчаков интересуется, как идет заготовка провизии и артиллерийских снарядов и когда они придут к Севастополю. Он жаловался: «Письменные дела меня совершенно губят, и я боюсь, что или сам запутаюсь, или всех перепутаю». Нахимов писал о том, что устроил пекарни в укрытых от обстрела местах, и просил доставить антрацит, который был необходим как для хозяйственных нужд, так и для пароходов, служивших для перевозок через бухту и для дежурства⁵.

Как моряк моряку, Нахимов писал Н.Ф. Метлину, что каждую ночь дежурный пароход с разведенными парами стережет «...два новые редута, которым, нельзя не сказать, достается очень жарко, и каждые сутки выбывает из фронта до 150 чел.». Он сообщал о том, что с новой батареей обстреляли «Херсонес», стоявший в Инкермане, чтобы воспрепятствовать переправе противника через Черную речку, и причинили ему семь пробоин (четыре подводные), убив трех человек. Чтобы защититься от конгровых ракет, Нахимов приказал блиндировать на пароходах крьюит-камеры и машины⁶.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 480.

² Там же. С. 481.

³ Там же. С. 484.

⁴ Там же. С. 485.

⁵ Там же. С. 493—494.

⁶ Там же. С. 495.

Занимаясь такими разными проблемами, среди всех трудов моряк продолжал заботиться о людях. Послав с бумагами своего флаг-офицера Костырина, у которого умерла мать и остались пять сестер, он просил предоставить ему такую командировку, чтобы Костырин смог побывать в имении, в Тверской губернии, и устроить дела¹.

Тем временем союзное командование не могло продолжать оставаться пассивным. Осада требовала больших расходов, тысячи больных и раненых вывозили из-под Севастополя, но потери продолжали нарастать. В конце концов численность франко-англо-турецких войск в Крыму выросла до 120 тысяч. Командующий французскими войсками Канробер предложил 1 марта начать бомбардировку, однако к этому времени не могли быть готовы английские батареи. Только 26 марта союзники сочли, что готовы начать новый натиск, и решили 28 марта открыть огонь из всех орудий. На каждое из 541 осадного орудия запасли по 350—600 зарядов, и благодаря достроенной узкоколейке боеприпасы могли легко доставляться из Балаклавы. Союзники намечали после трехдневной бомбардировки начать штурм².

Утром 28 марта начали второе бомбардирование Севастополя. Но к началу бомбардировки система обороны была основательно усовершенствована. За 6 месяцев подступы к Киленбалочным редутам, Камчатскому люнету и 3-му бастиону прикрыли огнем из траншей, ложементов и батарей. На развитой системе бастионов установили 998 орудий. Дополнительную прочность обороне создавали подвижные батареи из легких мортир и горных единорогов, которые перемещали в нужные места, чтобы поражать неприятеля навесным огнем. Построенные блиндажи (141) могли укрыть до 6000 человек³.

Гарнизон к 28 марта потерял 11 960 человек; только за 3 недели марта выбыли из строя 4500 человек. Однако гораздо большей проблемой стояла нехватка боеприпасов. Запасы пороха, несмотря на предписанные Нахимовым меры экономии, позволяли иметь всего по полтора выстрела на ствол, что явно оказывалось недостаточно для успешной борьбы с артиллерией противника. Войска имели полтора миллиона патронов. Однако защитники Севастополя сохранили уверенность в том, что отражат натиск неприятеля⁴.

В день начала бомбардировки Нахимов, как обычно, объезжал позиции. Он обратил внимание, что городской телеграф с задержками и неполно передает сообщения, и отдал распоряжение навести порядок,

¹ Нахимов П. С. Документы и материалы. С. 493—494.

² Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 386—388.

³ Там же. С. 381—383.

⁴ Там же. С. 384—386.

поручив наблюдение за телеграфами подполковнику корпуса штурманов синопцу Родионову¹.

2 апреля неприятельская артиллерия разрушила мост через Южную бухту, построенный по приказанию Нахимова. Так как связь Корабельной и Городской сторон сразу оказалась затруднена, адмирал немедленно приказал строить новый мост, теперь на бочках. Уже утром 15 апреля движение по мосту было открыто².

30 марта 1855 года М.Д. Горчаков, оценивая роль Павла Степановича и контр-адмирала Н.Ф. Метлина в обороне Севастополя, в рапорте Великому князю Константину Николаевичу представил их к следующему чину:

«Вице-адмирал Нахимов в числе храбрых защитников Севастополя; о заслугах его не нужно упоминать. В. и. в-во изволите ценить в полной мере подвиги сего героя, коего имя будет украшением наших морских летописей. Контр-адмиралу Метлину, столь отличному по уму, способностям и деятельности, мы главнейше обязаны и снабжением Севастополя и приведением Николаева в оборонительное состояние; он, так сказать, создал средства обороны столь важного для России Николаевского морского заведения.

Осмеливаюсь просить в. и. в-во об исходатайствовании у государя императора всемилостивейшего производства сих достойных воинов по представляемому наградному списку в следующие чины; это повышение откроет им пространнейшее поприще к новым заслугам престолу и отечеству»³.

Однако представление Горчакова запоздало: по представлению Остен-Сакена 27 марта 1855 года П.С. Нахимова как начальника 5-й флотской дивизии произвели в адмиралы за отличие при обороне Севастополя⁴.

6 апреля, на седьмой день бомбардировки, Нахимов рапортовал Остен-Сакену о тех офицерах, которые заслужили награду⁵. В тот же день Мансуров по сведениям, представленным Нахимовым, рапортовал Великому князю Константину Николаевичу о потерях севастопольцев за 10 дней бомбардировки, которые составили для морского ведомства 2590 нижних чинов (343 убитых) и 87 офицеров (10 убитых). Чиновник отметил, что эвакуация раненых моряков в Николаев при предшественниках Нахимова была задержана и только распорядительность

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 489.

² Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 398; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 542—543.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 490.

⁴ Там же. С. 9, 489.

⁵ Там же. С. 495—496.

адмирала позволила справиться с потоком раненых в результате бомбардировки¹.

6 апреля Нахимов рапортовал Д.Е. Остен-Сакену о том, что с начала обороны на изготовление мешков для земли израсходовали основные запасы парусины и других материалов, так что остались только запас новой парусины и по одному комплекту парусов на кораблях, фрегатах и пароходах. Адмирал просил утвердить эти расходы². Видимо, Остен-Сакен не принял решения, и 7 апреля адмирал рапортовал М.Д. Горчакову:

«При крайней поспешности, с которой воздвигались укрепления Севастополя предместником моим вице-адмиралом Станюковичем, а потом и мною, согласно словесному разрешению г. главнокомандующего было дозволяемо отпускать на шитье мешков, которых по настоящее время сделано 4 999 429, необходимых материалов, как то: сперва парусина старая, потом парусина с судов, парусина новая, подкладочный холст, равендук и пр., как изволите усмотреть из прилагаемой ведомости.

Не имея на это письменного разрешения, я почтительнейше прошу в. с-во снабдить предписанием и о расходовании упомянутых материалов»³.

Горчаков в ответ предложил указать, каковы расходы материалов до и после 9 марта. Только 4 мая Нахимов смог указать, что с 17 сентября 1854-го по 9 марта 1855 года на 386 945 мешков израсходовано 1 301 475 аршин материалов, а с 9 марта по 23 апреля 1855 года — 208 010 мешков при расходе 583 800 аршин материалов⁴.

Иссякали не только материальные запасы, таяли и ряды моряков. Один из участников обороны Севастополя вспоминал о периоде после второй бомбардировки: «...Мы подходим, кажется, к той критической минуте, где вся физическая и нравственная сила уступит страшному везде утомлению и отсутствию надежды на помощь. Чем и когда все это кончится, то знает один бог, но невозможно, чтобы конец этот не был близок. Цифра моряков, стоящих еще на ногах, тает каждый день, а в присутствии этих героев заключается залог существования Севастополя; эту истину можно сказать по совести, без всякого пристрастия, потому что на это есть сотни доказательств. Собственно материальные средства тают еще скорее, чем прибывают: сделайте отсюда логическую посылку и посудите, что нам угрожает»⁵. Автор удивляется тому, ка-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 498—499.

² Там же. С. 496—497.

³ Там же. С. 497.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 522.

ким чудом еще что-то уцелело под обстрелом и почему в столице не ясно, что силы Севастополя истощаются и ему требуется подкрепление, позволяющее произвести наступление.

Особенное внимание неизвестный автор письма уделил роли П.С. Нахимова в обороне: «...Смело могу уверить вас, что надобно близко пожить от этого человека, чтобы оценить его вполне и узнать, до какой степени он человек необыкновенный и замечательный. Немного суровая оболочка, в которую, кажется, намеренно облачается его характер, обманывала и до сих пор обманывает весьма многих, даже самых умных и проницательных людей; потому я вполне убежден, что он далеко не разгадан. Мне кажется, что Павлу Степановичу можно даже сделать упрек в том, что он сам не хочет дать свободы всему объему своих способностей, он как-то упорно ограничивает себя ролью безусловного и даже иногда безмолвного исполнителя, будто бы умеющего только стоять и умирать, и постоянно отрицает в себе право судить о чем-либо другом, кроме морского дела. Между тем в разговорах со своими, к числу коих я горжусь быть причисленным, он становится иногда другим человеком, являются проблески столь быстрой, строго логической оценки обстоятельств, совершенно разнородных, иногда столь остроумные или иронические замечания, что невольно ожидаешь полного выражения невысказанного еще мнения, но иногда так же скоро снова является обычная оболочка, так что часто начатая мысль окончательно высказывается в последующем разговоре. Нахимова нельзя судить не только с первого раза, но даже с десятого, если какое-либо особенно удачное обстоятельство не выставит характера его в настоящем свете, в особенности теперь — при беспрестанных, не умолкающих ни день, ни ночь тревогах и беспокойстве. Нельзя иметь верного понятия о том, как Павел Степанович умеет быть умен и мил, когда того захочет и когда не стесняют его отношения к тому лицу, с которым он говорит. Надобно иметь в виду, что Нахимов не имел и не имеет другой семьи, кроме своего Черноморского флота, что он все остальное считает для себя если не чуждым, то, по крайней мере, неинтересным и недоступным, так что нельзя и ожидать, чтобы все неморяки ценили его так, как должно и можно. К тому же, он слишком мало льстит всякого рода основательным и неосновательным самолюбиям и, по-видимому, столь же мало дорожит посторонними для него мнениями. Вследствие сего, сколько мне кажется, только огромная его слава и невыразимо великое к нему доверие всех неискусников и нижних чинов всякого рода оружия освобождают его от всякого рода критик и поприцаний»¹.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 522—523.

«Я уже имел случай неоднократно выказывать, как меня удивляли собственно административные распоряжения Павла Степановича. Я удивлялся, пока не понял, что не вполне оценивал человека. Теперь же удивляюсь только свежести, быстроте и логичности его распоряжений, когда вспоминаю, в какие тревожные и озабоченные минуты запрашиваются у него различные подписи и разрешения. Правда, что Павел Степанович мне беспрестанно, смеясь, говорит, что он всякий день готовит материалы для предания его после войны строгому суду за бесчисленные отступления от форм и разные превышения власти и что он уже предоставил все свое имущество на съедение ревизионных комиссий и разных бухгалтерий и контролей. Почти наверное П.С. прав, и вы сами знаете, что иначе и быть не может, но дело в том, что все идет, движется и удостоверяется, и все исключительно чрез Нахимова и его собственное управление... Вообще, любопытно видеть вблизи и на самом деле стройность и полноту нашей морской администрации, несмотря на все ее недостатки. У моряков решительно нет ничего невозможного, и все здесь так ясно и сильно воодушевляется душою и волею Нахимова, что невозможно не сознать вполне, что он действительно олицетворяет настоящую севастопольскую эпоху. Ни я, ни все наши товарищи по морскому ведомству не понимают, что было бы и могло бы быть без него — о чем ни заговорите. В тех обстоятельствах, где вопрос идет о настоящем деле, Нахимов везде. Где нужна энергия воина, где может явиться сочувствующая душа и заботливость сердца, везде и всегда он первый и часто единственный. Я уверен, что когда-нибудь вполне оценят заслуги и высоконравственные достоинства этого редкого человека»¹.

Тот же автор обратил внимание адресата на то, что и Меншиков, и сменивший его Остен-Сакен признавали нравственное преобладание моряков и отдавали им честь и славу защиты Севастополя. С приездом Горчакова штаб Южной армии, прибывший с ним, считал себя выше прежнего руководства и был уверен в победе. Об этом гласил и приказ Горчакова от 8 марта, который ободрил всех. Однако вскоре необычные условия обороны стали проявляться перед прибывшими: «...Нахимов, знавший положение дел в настоящем их виде и не заблуждавшийся насчет опасности, нам предстоящей, с самого начала сколь возможно осторожнее предостерегал от обещаний насчет успеха и постепенно, как тогда, так и теперь, убеждал в необходимости действовать наступательно, чтобы пользоваться единственною, быть может, минутою и не терять людей даром, пока они стоят, сложа руки. Ему ответствовали обе-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 523—524.

щаниями и отзывом о необходимости выждать подкреплений. Пока ждали — открылась бомбардировка и из пришедших новых войск положили почти дивизию. Тут последовала разительная перемена: бомбардировка открыла глаза. Никогда при кн. Меншикове не стали так отчаиваться в успехе, как теперь, и ныне даже оптимисты не видят ничего, кроме отсрочки падения нашего чудного Севастополя. Трудно, почти невозможно винить кого-либо: ясно, как день, что никто не знал и не воображал, что такое Севастопольская война. Теперь вопрос делается так прост и осязателен, что и я, невоенный, понимаю затруднения. Да и трудно не понять, что без пороха, без снарядов и при ежедневном уменьшении войска можно только стоять, чтобы не рисковать честью и судьбою. Чем это кончится, конечно, определить нельзя. Конечно, Севастополь держится еще сильно и стойко, но устоит ли он против медленной смерти, подготовляемой ему неприятелем? Дай Бог, дай Бог! Как бы то ни было — среди всех этих обстоятельств наши моряки стали в тень, приличия в отношении к ним соблюдаются со стороны всех, конечно; это в порядке вещей: кругообращение есть назначение колеса фортуны. Все наши моряки — от первого до последнего — более скромны, чем когда-либо, вполне убеждены, что справедливость будет отдана вполне впоследствии, когда самолюбие других будет удовлетворено. Тем не менее, чрезвычайно больно видеть, что в подобное критическое время есть еще место для мелких вопросов самолюбия...»¹

Производство в адмиралы не изменило характера деятельности моряка. В приказе от 12 апреля П.С. Нахимов отмечал, что его успех — следствие героизма адмиралов, офицеров и матросов:

«Геройская защита Севастополя, в которой семья моряков принимает такое славное участие, была поводом к беспримерной милости монарха ко мне, как к старшему в ней. Высочайшим приказом от 27-го числа минувшего марта я произведен в адмиралы. Завидная участь иметь под своим начальством подчиненных, украшающих начальника своими доблестями, выпала на меня.

Я надеюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры позволят мне здесь выразить искренность моей признательности сознанием, что, героически отстаивая драгоценный для государя и России Севастополь, они доставили мне милость незаслуженную!

Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь,

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 525—526.

и, если богу и императору будет угодно, вы доставите мне случай носить флаг на грот-брам-стеннге с тою же честью, с какою я носил его, благодаря вам, и под другими клотиками; вы оправдаете доверие и заботу о нас государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков.

Рекомендую всем частным начальникам приказ сей прочесть при собрании своих команд»¹.

Адмирал также продолжал открыто ходить по укреплениям под пулями. За то и любили его подчиненные, особенно моряки.

П.И. Лесли 7 апреля писал родным: «...От души желал бы, чтоб наш Павел Степанович остался жив и невредим, потому что никто не был столько под пулями и бомбами, сколько он; где только самый большой огонь, то он туда и лезет, поэтому можно твердо верить, что кому суждено остаться живым, то тот останется. Решительно нужно удивляться смелости и хладнокровию этого человека; даже не моргнет глазом, даже если бомба разорвется у него под носом...»²

18 апреля он же писал об участии адмирала в похоронах лейтенанта А.А. Бутакова и его авторитете среди моряков. Сам адмирал нес гроб лейтенанта до пристани. Это было весьма необычно, и Лесли считал, что только Нахимов в состоянии оценить труды севастопольцев³.

Записная книжка адмирала за 1854—1855 годы полна записей по самым разным вопросам, которые ему приходилось разрешать⁴.

Немало усилий отнимали бумажные дела, с которыми моряк справлялся хуже, чем с управлением парусами и делами обороны. Стараясь до минимума сократить бюрократическую переписку, Нахимов стремился быстро решать вопросы. Здоровье его было далеко от идеального. Адмирал страдал различными припадками. Боли в желудке, рвота, головокружение вплоть до обморока мучали его⁵. Сказывались и застарелая болезнь, и тяготы службы. Однако моряк не показывал виду, продолжая ежедневные объезды позиций и занимаясь десятками различных дел.

Не отходил Нахимов и от интересов флота, следил за его действиями. 7 апреля он в приказе сообщал о методе тушения зажигательных ракет, разработанном Г.И. Бутаковым, и рекомендовал использовать его на судах эскадры⁶.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 500—501.

² Там же. С. 500.

³ Там же. С. 504—505.

⁴ Там же. С. 550—552.

⁵ Там же. С. 585.

⁶ Там же. С. 499.

С началом весны пришла опасность эпидемии. 21 марта Б.П. Мансуров рапортовал Великому князю Константину Николаевичу, что Нахимов добивается отправки максимального числа раненых, число которых все нарастало, на Северную сторону, где их в теплое время года можно было разместить на кроватях в палатках. По приказу вице-адмирала в Екатерининском дворце у Графской пристани организовали новое отделение лазарета для офицеров. Сам он лично посещал на Северной стороне тяжело раненного мичмана Шкота и принял его на свое попечение. Нахимов настаивал на эвакуации из Севастополя вдов, жен и детей защитников. Однако здесь Мансуров столкнулся с трудностями, ибо привыкшие к опасности женщины отказывались покидать город¹.

В дальнейшем Нахимов беспокоился о скорейшем вывозе раненых из осажденного города в Николаев. Б.П. Мансуров рапортовал 12 апреля генерал-адмиралу: «...Павел Степанович признал, что необходимо ныне же положительно и достоверно привести в известность, до какой степени возможно увеличить помещение наших больных в Николаеве, и притом сделать это так скоро, чтобы можно было разрешить все эти обстоятельства прежде, нежели, судя по вероятию, случилась бы здесь роковая минута, последует ли она от кровопролитного дела или от появления в Севастополе, чего боже сохрани, такой эпидемии, которая удесятерила бы все тяготеющие над нами затруднения»².

Так как в Севастополе возможности Николаева по приему раненых не были известны, а площади помещений на Северной стороне исчерпаны, Нахимов предложил самому Мансурову отправиться к контр-адмиралу Н.Ф. Метлину³. В результате командировки статскому советнику удалось договориться о перевозке раненых. 7 мая адмирал писал Великому князю Константину Николаевичу, что главное управление Черноморского флота и портов обязует подрядчиков, доставляющих грузы из Николаева в Севастополь, на обратном пути выделять подводы на 2 тысячи больных, что позволяло разгрузить севастопольские госпитали без больших расходов для казны⁴. К лету он решил вывезти по возможности всех больных и раненых. Мансуров рапортовал Великому князю Константину Николаевичу 2 июня: «...П.С. Нахимов не переставал говорить, между тем, что необходимо сделать более, т. е. что в Севастополе, и то вне огня, должен состоять только перевязочный пункт и что придет время, когда присутствие госпиталя под ядрами возбудит страшное затруднение»⁵.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 486—487.

² Там же. С. 501.

³ Там же. С. 502—503.

⁴ Там же. С. 526—527.

⁵ Там же. С. 539.

Ф.М. Новосильский

А.И. Панфилов

Г.И. Бутаков

В.И. Истомин

Ф.С. Керн

К.С. Кутров

В.М. Микрюков

М.Ф. Белкин

Н.А. Бирилев

Л.А. Ергомышев

А.П. Жандр

Г.Н. Забудский

Н.И. Ильин

Н.А. Колокольцев

С.А. Конаржевский

И.Н. Кондогури

А.А. Корнилов

Н.Н. Кузьмин-Караваев

П.И. Куприянов

М.А. Перелешин

П.А. Перелешин

И.Ф. Потемкин

Л.Л. Роден

А.З. Талаев

М.А. Усов

А.Ф. Фельдхаузен

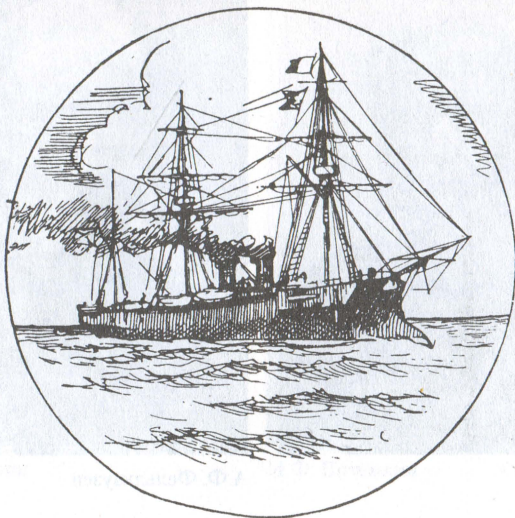

М.П. Шварц

Памятник затопленным кораблям

Крейсер 1-го ранга «Адмирал Корнилов»

Орден Нахимова

Хорошо организованная попытка вывезти все госпитали встретила сопротивление медиков, которые опасались за состояние пациентов во время пути. Однако Нахимов «...смотрел и должен был смотреть на тот же вопрос с другой точки зрения, он понимал и предвидел, что бедствие от неприятельского огня гораздо опаснее и вреднее, чем несчастные последствия от трудного и, может быть, несвоевременного пути; здесь рисковали терять десятки и сотни, а там, может быть, тысячи»¹.

Из-за сопротивления врачей из 8 тысяч больных и раненых вместо 2 тысяч удалось отправить лишь половину. Так как сухопутное ведомство, у которого также оказалось великое число больных и раненых, не могло помочь, было решено на нанятых подводах послать 300 человек прямо в Николаев, а 500 — первоначально в Симферополь с дальнейшей отправкой далее и заменой следующей группой в 500 человек. По возможности транспорты следовало направлять прямо в Николаев. Нахимов просил Мансурова наблюдать за организацией этих перевозок².

Не забывал адмирал представлять за заслуги офицеров и матросов к наградам. К примеру, 18 марта он направил Остен-Сакену представление о награждении капитана 2-го ранга Ф.С. Керна арендой, ибо этот офицер, исправно и мужественно командовавший бастионом, был человеком семейным, но без всякого состояния³. 6 апреля Нахимов предлагал Остен-Сакену новый список офицеров, достойных награждения, и писал: «Семисуточное общее бомбардирование Севастополя неприятелем вновь оправдывает доверие государя императора к его защитникам; мужественная, хладнокровная распорядительность частных начальников, конечно, получит в свое время достойное воздаяние; офицеры же, на долю которых досталась честь замедлить изготовление осадных работ отвлечением значительной части сил и средств неприятеля на левый фланг нашей позиции, имели счастье гораздо прежде заслужить удивление начальников и поселить зависть в товарищах к героическому мужеству, ими оказанному, а потому я осмеливаюсь просить в. пр-во исходатайствовать согласно статуту заведывающим и по сие время новыми сооружениями нашей линии вполне заслуженную ими награду, как изволите усмотреть из прилагаемого при сем списка по наградной форме»⁴.

Позднее Нахимов подписывал списки других достойных, в частности мастеровых и лаборатористов, которые участвовали в боях как артилле-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 539.

² Там же. С. 540—541.

³ Там же. С. 485.

⁴ Там же. С. 495—496.

ристы, медиков¹. Он также предложил распространить на гражданских чиновников, работающих в управлениях, присутственных местах города и при Севастопольском порте, «...зачета им каждого месяца пребывания в Севастополе за год службы по всем правам и преимуществам»². 22 июня Нахимов своим приказом сообщил, что Император удовлетворил ходатайство и гражданским чиновникам — участникам обороны, как и военным, месяцу осады будет засчитываться за год³.

26 апреля Нахимов подписал очередной протокол кавалерственной думы ордена Св. Георгия, которая одобрила представление начальником гарнизона Севастополя Д.Е. Остен-Сакеном ряда морских офицеров к награждению орденом Св. Георгия IV степени⁴. 13 мая он в письме Великому князю Константину Николаевичу просил наградить арендой нескольких офицеров Черноморского флота (контр-адмирала Панфилова, капитанов 1-го ранга Кислинского, Микрюкова, Винка и капитана 2-го ранга Керна), которые лишились в Севастополе единственного хозяйства. Их семьи в случае гибели кормильцев на передовой линии оставались без средств к существованию⁵. 25 мая по представлению Нахимова были произведены в следующие чины несколько отличившихся офицеров⁶. 16 мая походная дума георгиевских кавалеров под председательством П.С. Нахимова подтвердила представление к ордену Св. Георгия лейтенанта Д.И. Бутакова⁷.

Но достойных было слишком много. Чиновник для особых поручений Морского министерства Б.П. Мансуров рапортовал 22 апреля 1855 года генерал-адмиралу, Великому князю Константину Николаевичу: «...Нахимов олицетворяет в себе стойкий и непоколебимый гений Севастополя. История знает уже, что все чины Черноморского флота следовали и следуют этому примеру, и здесь слово «все» имеет действительно то обширное значение, которое исключений не допускает; как я не доискивался и допрашивался особенных примеров мужества, самоотвержения и хладнокровия, я всегда приходил и прихожу к тому результату, что честь, достоинство и подвиги везде одни и те же, разница в том, что сегодня отличится один, а завтра другой. Как ни строг Павел Степанович в своих оценках, он всегда готов прочесть список всех ныне остающихся на бастионах, когда его спрашивают об особенных отличиях»⁸.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 506—514.

² Там же. С. 516.

³ Там же. С. 549.

⁴ Там же. С. 517—520.

⁵ Там же. С. 528—530.

⁶ Там же. С. 532—533.

⁷ Там же. С. 529—530.

⁸ Там же. С. 515.

Однако при необходимости Нахимов отмечал и недостатки. Он делал замечание за несвоевременную и неточную передачу сообщений городского телеграфа, выговаривал капитан-лейтенанту Н.И. Викорсту за плохое наблюдение за его командой, немедленно направил встреченного на улице штабс-капитана А.Н. Зубкова к его команде и угрожал отдать под суд в случае дальнейшего уклонения от службы¹. Адмирал перечеркнул представление к ордену Св. Анны III степени коллежского регистратора П.И. Яковлева и поставил резолюцию подписавшему представление майору Вергопуло: «Выговор за представление негодяя»².

Лейтенант П.И. Лесли 22 апреля писал родным: «...Видя, как выбывает каждый день из нашего флота, подумаешь о его возобновлении и, рассуждая хладнокровно, увидишь, что это не так-то легко сделать, тогда как, кроме Павла Степановича, никого не осталось, да и тот, если будет продолжаться осада еще несколько месяцев, навряд ли останется цел и невредим, потому что несколько не бережет себя и суется туда, где самый большой огонь...»³

Опасения Лесли, похоже, оправдывались. 30 апреля Мансуров рапортовал: «...К несчастью, сам П.С. Нахимов сильно ушиблен был камнем в спину так, что два дня не мог выходить из комнаты и подвергся даже кровохарканью. Адмирал не признавался в этом, кн. Васильчиков случайно узнал о последнем обстоятельстве и хотел убедить адмирала прибегнуть к медицинским пособиям, но старания его были тщетны, впрочем, слава богу, Павел Степанович чувствует себя гораздо лучше, по словам же его, очень хорошо. Дай бог, чтобы ушиб этот, уже второй и в том же месте, не имел никаких последствий...»⁴

Адмирал, несмотря на контузию, продолжал совершенствовать оборону Севастополя. 29 апреля он приказал начальникам отделений провести испытания ядер для 24-фунтовых пушек⁵. 3 мая 1855 года он отдал приказ о необходимости бдительного наблюдения за амбразурами противника при ведении ближнего артиллерийского боя⁶.

25 мая Нахимов рапортовал о том, что на постройку укреплений приходится использовать рангоутный лес значительной стоимости, и просил дать указания не использовать ценную древесину на маловажные постройки⁷. Горчаков указал «...отпускать рангоутные деревья и рангоуты мелких и затопленных судов на исправление и устройство

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 489, 496, 543.

² Там же. С. 520.

³ Там же. С. 516.

⁴ Там же. С. 521.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 526.

⁷ Там же. С. 531—532.

вновь платформ в Севастополе в самом крайнем случае — по истощении всех лесных запасов»¹.

Моряк продолжал объезжать позиции. 16 мая Лесли вновь писал родным: «...Павел Степанович Нахимов продолжает разъезжать по батареям, нисколько не стараясь отклонить от себя опасности от пуль, которые вокруг него постоянно летают, как пчелы какие-нибудь. Матросы удивительно любят его: например, вчера он разъезжал по батареям и, когда проходил с одного фаса на другой, только и слышно было: «Наконец-то наш адмирал пришел на нас поглядеть, ведь когда пройдет, словно царь, так и душе легче!» Я думаю, для Павла Степановича ничего не может быть приятнее, как слышать подобные отзывы и любовь своих подчиненных, и, конечно, он может гордиться ими. Мы, как уже привыкшие к неожиданностям, ждем и теперь, что вот-вот опять откроется бомбардировка...»²

22 мая Б.П. Мансуров сообщал Великому князю Константину, что впервые с начала осады после молебствия на обеде у Нахимова в парадных формах с эполетами собрались флагманы, командиры кораблей и представители управлений. Сам адмирал впервые появился с тремя орлами на эполетах. Статский советник писал: «Во время обеда я с трудом мог вообразить, что мы в Севастополе: в первый раз после высадки неприятеля случилось всей этой геройской братии собраться и пировать вместе, и в общей радости свидетелься по радостному случаю позабыто было все горе и испытание осадного положения; не могу выразить, с каким увлечением и энтузиазмом провозглашено было троекратное русское «ура», когда адмирал Нахимов произнес поздравление в. и. в-ву. Вслед за тем пили за здоровье самого адмирала. Павел Степанович хотел остановить общее приветствие, говоря, что надобно сперва отстоять Севастополь, но голос его был заглушен криком: «Отстоим! Ура». Можно сказать только одно: жаль и очень жаль, что неприятельские вожди не могли присутствовать при этих минутах. Они бы наверное сильно задумались...»³

Но союзное командование не видело силы духа командования российского, и вскоре праздник сменился новой боевой страдой. Началась третья бомбардировка Севастополя.

В апреле 1855 года Луи-Наполеон, которому надоело ожидать успехов от своих войск, приказал генералу Канроберу предпринять наступление против войск Горчакова, отрезать их от России и разгромить. С прибывшим 25-тысячным французским и 15-тысячным сардинским корпусами силы союзников составили 170 тысяч против 110 тысяч рус-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 532.

² Там же. С. 529.

³ Там же. С. 530—531.

ских. Но эти наступательные планы не одобряли ни Канробер, ни тем более Раглан. Английский командующий отказывался осуществлять планы, задерживающие взятие Севастополя. Канробер не торопился выполнять предписания Императора и был сменен генералом Пелисье¹.

За период, в который союзники принимали решение, какое направление избрать, они провели в мае—июне совместную операцию силами флота и десантных войск против мирных портов побережья Крыма и Азовского моря. Одновременно продолжались обычные обстрелы. Защитники несли ощутимые потери, которые не могли перекрыть прибывавшие подкрепления. Все больше сил требовалось на восстановление старых и постройку новых укреплений².

Русское командование еще пыталось проводить контрапрошные работы. 18 апреля перед 5-м бастионом и редутом № 1 под огнем соорудили линию ложементов. Но сил не доставало, и 20 апреля французы взяли эту линию, превратив в свои передовые укрепления. Неудачей окончилась и попытка генерала Хрулева занять Кладбищенскую высоту и угрожать левому флангу французских работ. В ночь на 10 мая батальоны Подольского, Орловского и Житомирского полков вырыли контрпроши у Кладбища и Карантинной бухты. Но к вечеру неприятельские войска захватили и их, превратив в свою параллель. Приходилось ограничиваться оборонительными мероприятиями, сооружать завалы, ложементы, устанавливать фугасы вблизи своей линии укреплений. Общее число орудий на укреплениях достигло 1174, из которых 571 — для борьбы с осадной артиллерией. Неприятель располагал 588 орудиями с боекомплектом 500—600 зарядов на ствол, тогда как защитники имели не более 140 зарядов на пушку и 60 зарядов на мортиру³.

Союзники располагали превосходством и в людях, и в артиллерии, и в обеспечении боеприпасами. Пелисье, как и его предшественник, основной целью избрал Малахов курган. Однако преградой на пути стояли Волынский, Селенгинский редуты и Камчатский люнет. Французский командующий решил вечером 26 мая атаковать передовые укрепления, предварительно обрушив на защитников массу снарядов. В 15.00 25 мая началась третья общая бомбардировка Севастополя, продолжавшаяся всю ночь и следующий день. Основными объектами стали Малахов курган и укрепления перед ним. Русская артиллерия нанесла урон осадным батареям, взорвала два пороховых погреба. Однако союзники посчитали, что штурм подготовлен⁴.

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 390—392.

² Там же. С. 392—398.

³ Там же. С. 400—402.

⁴ Там же. С. 402—403.

Успеху штурма способствовали как стремительный бросок превосходящих сил, так и слабость обороняющихся. Пелисье бросил на Волынский и Селенгинский редуты, которые защищал батальон Муромского полка, дивизию Мейрана с дивизией Дюлака в резерве; Камчатский люнет, обороняемый батальоном Полтавского полка, штурмовали дивизия Каму с дивизией Брюне в резерве. Командовавший войсками Корабельной стороны генерал Жабокрицкий 26 мая большинство войск, ему подчиненных, оставил в резерве, возможно, чтобы уменьшить потери при бомбардировке, и отбыл в тыл по болезни. Сменивший его генерал-лейтенант С.А. Хрулев только успел отдать приказания по усилению гарнизонов укреплений на следующий день, как началась неожиданная атака. Разумеется, 2 батальона не смогли сдержать 29; их остатки отошли к основным укреплениям. Резервы не успели прибыть, чтобы отразить противника, да и было их гораздо меньше, чем атакующих¹.

Во время штурма Камчатского люнета находившийся на нем Нахимов едва не попал в плен. Отойдя с войсками на куртину, он расставил стрелков; те вместе с огнем артиллерии отразили французскую атаку. Прибывший с подкреплениями Хрулев попытался вернуть Камчатский люнет и выбил из него французов. Однако командовавший штурмом генерал Боске приказал открыть огонь по укреплению и бросил в атаку дивизию Брюне с остатками дивизии Каму. Русским войскам пришлось отойти. Англичане заняли контрапроши впереди 3-го бастиона. Дальнейшие атаки пришлось прекратить ввиду больших потерь. Русские войска лишились 5500 человек. Тем не менее, потери атакующих превысили потери обороняющихся: французы потеряли 5500 человек, англичане 700 человек².

Значительную роль в отражении штурма сыграли корабли Черноморского флота. Когда вечером 26 мая началась атака редутов и под давлением массы неприятеля защитники отступили, первым в бой вступил пароходофрегат «Владимир». Остальным пароходам последовал сигнал начальника эскадры срочно развести пары. Вслед за «Владимиром» огонь по неприятелю, наступающему к Киленбалочной бухте, открыл корабль «Храбрый». Вскоре к нему постепенно присоединились пароходы «Бессарабия», «Крым», «Громомосец», «Одесса», «Херсонес». После того как корабли выпустили по неприятелю десятки ядер, гранат и бомб, продвижение французов прекратилось³.

В бою за Камчатский люнет Нахимов получил контузию, уже не первую⁴. Тот же Мансуров замечал 2 июня: «...На бедного Павла Сте-

¹ Горев Л. Война 1853-1856 гг. и оборона Севастополя. С. 403—404.

² Там же.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 533—534.

⁴ Там же. С. 536—537, 626.

пановича жалко и больно смотреть: измученный, истомленный, он едва признается в четвертой или пятой контузии, им полученной. Пока я был у него вчера и видел его с трудомдвигающегося на стуле, прибежали сказать, что неприятельские войска скопляются против Малахова кургана, и через две минуты он был верхом, пренебрегая страшною болью в спине и усталостью...»¹

Лейтенант А.П. Тимирязев, командовавший гарнизоном Камчатского люнета, прислал Нахимову рапорт, в котором подробно изложил ход обороны и причины, по которым люнет невозможно было удержать². Адмирал, сам участник событий, понял стремление офицера защитить свое честное имя от возможных наветов и прислал ему письмо: «Бывши личным свидетелем разрушенного и совершенно беззащитного состояния, в котором находился редут ваш, и несмотря на это, бодрого и молодецкого духа команды и тех усилий, которые употребили вы к очищению амбразур и приведению в возможность действовать хоть несколькими орудиями, наконец, видевши прикрытие значительно уменьшенным огнем неприятеля, я не только не нахожу нужным назначение какого-либо следствия, но признаю поведение ваше в эти критические минуты в высшей степени благородным. Защищая редут до последней крайности, заклепавши орудия и взявши с собой даже принадлежности, чем отняли у неприятеля возможность вредить вам при отступлении, и, наконец, оставивши редут последним, когда были два раза ранены, вы выказали настоящий военный характер, вполне заслуживающий награды, и я не замедлю ходатайствовать об этом перед г. главнокомандующим»³.

Русские войска и моряки продолжали усиливать оборону города. Тем временем Пелисье решил продолжить наступление. Вместе с Рагланом он пришел к выводу о необходимости предпринять общий штурм. Было решено с рассветом 5 июня открыть усиленное бомбардирование, главным образом против укреплений Корабельной стороны, а с рассветом следующего дня атаковать всю линию русских укреплений от 3-го до 1-го бастиона. 3-й бастион предстояло взять англичанам (14 тысяч), а остальную линию — французам (30 тысяч). Отряд Боске предназначили для отвлечения внимания русских войск у Черной речки⁴.

С русской стороны из 43 тысяч человек пехоты и 7525 моряков-артиллеристов на Корабельной стороне находились около 24 тысяч. Из 1129 орудий 549 действовали против осадных работ, однако имели

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 541.

² Там же. С. 536—538.

³ Там же. С. 542.

⁴ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 405—406.

только по 140 зарядов на пушку, 60 зарядов на мортиру, а для противостурмовых пушек насчитывалось по 70 зарядов. После того как союзники начали бомбардировку, русские артиллеристы, несмотря на приказы об экономии боеприпасов, вели столь интенсивный ответный огонь, что часть неприятельских батарей ослабила стрельбу. Однако после 10.00 недостаток боеприпасов заставил стрелять реже. Союзники почти без противодействия нанесли значительные повреждения укреплениям Малахова кургана, 3-го и 4-го бастионов. За ночь основная часть разрушений была исправлена. А перед рассветом секреты сообщили о том, что в Килен-балке накапливаются французские войска, и усталые севастопольцы заняли свои места на укреплениях¹.

Французская дивизия Мейрана двинулась раньше времени, но предупрежденные защитники встретили наступающих ружейно-артиллерийским огнем, а с фланга стреляли пароходы «Владимир», «Громоносец», «Херсонес», «Бессарабия», «Крым» и «Одесса», поражавшие скопление неприятеля в Килен-баке. И первая, и вторая атаки французов на 1-й и 2-й бастионы окончились большими потерями для атакующих. Вслед за тем начался общий штурм. Французские войска атаковали позицию в районе Малахова кургана и 2-го бастиона, а англичане — 3-й бастион и Пересыпь. Однако неоднократные попытки овладеть русскими позициями были отбиты огнем и контратаками. Правда, часть французов (до двух батальонов) прорвалась в поселок вблизи Малахова кургана и укрепились, но их истребили подошедшие подкрепления под руководством С.А. Хрулева. К 7.00 атаки по всей линии прекратились. Несмотря на то что против 19 тысяч русских снарядов союзники выпустили 62 тысячи, несмотря на численное превосходство атакующих, общий штурм окончился поражением. Русские потеряли 5445 человек, потери противника приближались к 7 тысячам. На время в стане союзников установилось минорное настроение, появились голоса о бесполезности осады².

Не таково было настроение с русской стороны. В приказе 9 июня 1855 года об отражении штурма Севастополя М.Д. Горчаков отметил героизм защитников, роль пароходов и выразил «...искреннюю признательность начальнику севастопольского гарнизона генерал-адъютанту гр. Остен-Сакену, помощнику его адмиралу Нахимову...»³. В приказе о награждении солдат и матросов главнокомандующий выделил отдельно 120 знаков отличия военного ордена особо для моряков⁴. Вероятно,

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 406—407.

² Там же. С. 407—410.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 544—545.

⁴ Там же. С. 544.

Нахимов посчитал, что достойных больше, и 10 марта своим приказом Горчаков выделил еще 107 знаков отличия военного ордена в распоряжение адмирала для награждения наиболее отличившихся при отражении штурма 6 июня нижних чинов морского ведомства¹.

Для Нахимова не было мелочей. В частности, при объезде оборонительной линии он заметил, что в пороховых погребах используют салые свечи, и 16 апреля приказал заменить их менее опасными стеариновыми².

Несмотря на новый чин, положение адмирала оставалось сложным. Над ним оставался командующий 4-м корпусом Д.Е. Остен-Сакен, который отдавал приказы по Севастопольскому гарнизону. Потому 19 апреля Нахимов просил пересылать в его канцелярию военного губернатора копии всех приказов Остен-Сакена для сведения³.

Главкомандующий Южной армией и сухопутными и морскими силами в Крыму князь М.Д. Горчаков не верил в возможность удержать Севастополь. Именно в его штабе появилась мысль о постройке моста через Севастопольскую бухту. Начальник инженеров в армии генерал-лейтенант Бухмейстер вскоре после прибытия Горчакова в Севастополь высказал такую мысль, одобренную и главнокомандующим, и его окружением. Оппозицию составили моряки во главе с Нахимовым⁴. Они понимали, что мост — средство не столько для переброски подкреплений, сколько для эвакуации; его постройку адмирал называл подлостью⁵.

27 мая П.С. Нахимов направил М.Д. Горчакову собственноручную записку: «Спешу доложить в. с-ву, что изъявленное вами желание я, к величайшему сожалению, не нахожу возможным выполнить; крепкий ветер и большое волнение, случающиеся на рейде, не допустят удержать плавучий мост в желаемом положении. Что же касается до плотов, то они никак не в состоянии заменить удобств, доставляемых пароходами, ботиками, гребными судами, которые делают свои рейсы с несравненной скоростью. При настоящих средствах транспортировки мы можем перевезти до 20000 в один рейс»⁶.

Сохранивший эту записку бывший начальник штаба Горчакова П.Е. Коцебу писал позднее, в 1880 году: «...Мысль о постройке моста через рейд, где недавно еще красовались ряды стопушечных кораблей, показалась старому моряку чудовищною. Посему, принимая в соображение, с одной стороны, мнение опытного адмирала, близко знакомо-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 545.

² Там же. С. 504.

³ Там же. С. 506.

⁴ Там же. С. 535.

⁵ Там же. С. 624.

⁶ Там же. С. 535.

го с особенностями Севастопольского рейда, а с другой стороны, сознавая, что успех предприятия зависел от большего или меньшего сочувствия со стороны морского ведомства (хотя и подчиненного главнокомандующему), имевшего в своем распоряжении большую часть средств, необходимых для постройки моста, кн. Горчаков нашел себя вынужденным отложить тогда (в мае) исполнение проекта генерала Бухмейстера. В конце июня, к всеобщему глубокому сожалению, убит был адмирал Нахимов. Едва успели мы похоронить его, как генерал Бухмейстер выступил вновь со своим проектом, на том основании, что по смерти адмирала Нахимова легче сделалось преодолеть оппозицию моряков. Предложение это тотчас было принято главнокомандующим...»¹

В Севастополе катастрофически не хватало продовольствия, оружия, боеприпасов, строительных материалов. Нахимову приходилось самому разрешать многие вопросы. Он определял, как избежать сверхнормативных требований продовольствия, и решал, как обеспечить выпечку хлеба². На свой страх и риск адмирал использовал для постройки укрепления запасы флота (парусину, тросы, корабельный лес), получая разрешения задним числом.

Нахимов, желая избежать лишних жертв, после начала третьей бомбардировки, отдал 28 мая приказ об эвакуации женщин из Севастополя³. Матросских жен, живших на Северной стороне, он определил на морское довольствие⁴.

Себя адмирал не щадил, он нередко оказывался в опасных местах, несмотря на несколько контузий и усталость. В июне к прочим недугам прибавилось заболевание «холериной», которая к лету появилась в Севастополе⁵.

Но болеть было некогда. Моряков на бастионах оставалось все меньше, и 14 июня Нахимов обратился к Горчакову с докладной запиской: «По значительной убыли наших чинов морского ведомства весьма затруднительно и скоро совершенно будет невозможно пополнять прислугу на батареях оборонительной линии, почему я имею честь почтительнейше просить в. с-ва приказать сформированный полубатальон из команд затопленных в Керчи транспортов и пароходов, в числе 400 человек, который, по донесению командующего им от 1-го сего июня, находится ныне в Таганроге, выслать в Севастополь и, если можно, на подводах»⁶.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 535.

² Там же. С. 494.

³ Там же. С. 536.

⁴ Там же. С. 534.

⁵ Там же. С. 546.

⁶ Там же.

Не менее важной оставалась проблема снабжения боеприпасами. 15 июня адмирал направил начальнику артиллерии Южной армии и сухопутных и морских сил в Крыму генерал-лейтенанту А.О. Сержпутовскому отношение об организации снабжения Севастополя снарядами, в котором сообщал о сотнях тысяч снарядов, поступавших в Севастополь из средств морского ведомства, и удивлялся, что Артиллерийский департамент ограничивается отправкой всего 8000 ядер, которых явно было мало. Адмирал отмечал: «...для меня совершенно все равно, откуда снаряды придут в Севастополь, употребление им будет одно и то же»¹.

Особенно плохо дело обстояло с бомбами для мортир. Пришлось обратиться к сохранившимся на складах Севастопольского порта брандскугелям. 18 июня Нахимов отдал приказ о переделке пятипудовых брандскугелей в бомбы, чтобы использовать их для стрельбы из старых мортир².

В ходе обороны от обстрелов уменьшалась и численность полиции. 23 июня как генерал-губернатор Нахимов направил начальнику штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму генерал-лейтенанту К.Р. Семякину отношение с предложением для усиления охраны порядка на Северной стороне Севастополя подчинить всех жителей командующему там войсками генерал-майору Тетереvникову, чтобы уменьшить существующие беспорядки с помощью военной полиции³.

В тот же день Нахимов отдал приказ № 829 об обучении команды Михайловской батареи действиям у орудий не реже 2 раз в неделю⁴.

Это был один из последних приказов адмирала. Окружающим он казался бессмертным. Но это было не так.

Смерть и бессмертие

Утром 28 июня, когда начался обстрел 3-го бастиона, Нахимов собрался туда, но П.В. Воеводский задержал его рассмотрением бумаг. В 16.00 адмирал велел седлать лошадей, говоря: «Как едешь на бастион, так веселее дышишь». Дав Воеводскому поручение, он отправился с флаг-офицерами А.В. Фельдгаузенoм, П.М. Костыревым и М.Е. Колтовским на 3-й бастион, где пробыл около часа⁵. Сопровождавший адмирала лейтенант М.Е. Колтовской (Фельдгаузена Нахимов отослал с по-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 547—548.

² Там же. С. 548.

³ Там же. С. 549.

⁴ Там же. С. 550.

⁵ Там же. С. 580.

ручением) вспоминал, что сначала на 3-м отделении побывали на батарее капитана 2-го ранга Никонова. Нахимов сидел у блиндажа батарейного командира, когда в нескольких шагах взорвалась бомба. Офицеры поспешили укрыться в блиндаже, но адмирал даже не шелохнулся, игнорируя летящие осколки и камни. Затем моряк пил лимонад в блиндаже А.И. Панфилова и вместе с ним отправился осматривать под огнем 3-й бастион, а потом на серой лошадке шагом под градом ядер и пуль направился на 4-е отделение. По дороге Павел Степанович был чрезвычайно весел и любезен; он говорил Колтовскому: «Как приятно ехать такими молодцами, как мы с вами; так нужно, друг мой, ведь на все воля бога, и ежели ему угодно будет, то все может случиться: что бы вы тут ни делали, за что бы вы ни прятались, чем бы ни укрывались, ничто бы не противостояло его велению, а этим показали бы мы только слабость характера своего. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус»¹.

Приехав на батарею П.А. Жерве, являющуюся началом 4-го отделения, Нахимов, видя слабый обстрел, собрал вокруг матросов и прислугу орудий и обратился к ним: «Ну, друзья, я осмотрел вашу батарею, она далеко не та, какою была прежде; она теперь хорошо укреплена; ну, так неприятель не должен знать и думать, что здесь можно каким бы то ни было способом вторично прорваться. Смотри ж, друзья, докажите французу, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю, а за новые работы и за то, что вы хорошо деретесь, спасибо, ребята»².

Потом он поехал на Малахов курган. Нахимов резко выделялся среди других офицеров, носивших серые шинели, черной формой и золотыми эполетами. Если ему говорили об опасности, адмирал говорил: «Это дело случая!»³ Когда Нахимов с кургана наблюдал за противником, высунувшись из-за укрытия, он был смертельно ранен в голову пулей. Даже предшествующая пуля, попавшая в мешок вблизи головы, не заставила его укрыться⁴. Это произошло около 18.30⁵.

Скорее всего, адмирал стал жертвой неприятельского снайпера, ибо неприятельские линии были в десятках метров от Корниловского бастиона.

В донесении Горчакову о событиях в Севастополе с 5 часов утра 28-го до 5 часов утра 29 июня Д.Е. Остен-Сакен в перечне потерь на 4-м отде-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 581, 573—574.

² Там же. С. 581.

³ Там же. С. 574.

⁴ Там же. С. 561—562.

⁵ Там же. С. 560.

лении обороны указал: ранен командир Севастопольского порта и помощник начальника гарнизона адмирал Нахимов. Также он был указан и в общем итоге выбывших из строя: 1 адмирал, 2 офицера и 224 нижних чина¹. Казалось бы, Нахимов добился своего желания и слился с коллективом соратников. Однако его ранение вызвало огромный резонанс.

29 июня, рапортуя Великому князю Константину Николаевичу о ранении и безнадежном состоянии Нахимова, Горчаков писал о необходимых перемещениях в руководстве обороной:

«...Доводя до сведения в. и. в-ва о сей невозвратимой потере для флота и для России, считаю долгом донести, что для выгод службы я нашел необходимым:

1. Оставив вице-адмирала Юхарина при настоящей обязанности начальника эскадры, поручил контр-адмиралу Панфилову временное исполнение должностей помощника начальника Севастопольского гарнизона по части морской, военного губернатора г. Севастополя и командира порта.

2. Пригласить вице-адмирала Метлина прибыть на несколько дней в Севастополь для устройства здесь хозяйственной и распорядительной частей морского ведомства»².

Многие участники обороны уже тогда понимали, какую потерю понес Севастополь. Капитан-лейтенант А.Б. Асланбегов, присутствовавший при последних днях и часах Нахимова, записал в дневнике 29 июня: «...Да, эта потеря в настоящую минуту чрезвычайно чувствительна и важна! Он имел большое влияние на моряков, и его объезды по бастионам необыкновенно как воодушевляли людей. Не только матросы, за которых он стоял всегда горой, но и солдаты встречали его всегда с восторгом, называя его утешителем. Конечно, ему следовало беречься, зная, что в настоящую минуту весь флот Черноморский на его руках, зная, что его влияние на Горчакова весьма велико и что в. кн. Константин Николаевич по расположению к нему может сделать многое полезное для героев-моряков. Сколько раз ему говорил я, что жизнь начальника несравненно полезнее отечеству, чем смерть, и поэтому первый долг великого гражданина, зная и чувствуя о пользе, которую может принести собою, должно быть желание сохранить себя, с мыслью быть полезным, служить отечеству; есть моменты, когда начальник должен показать пример храбрости и самоотвержения, но не подставлять без всякой нужды свою голову шальной пуле. Герой Синопа должен был продать свою жизнь гораздо дороже. Жаль, очень жаль безвременную

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 557—560.

² Там же. С. 560—561.

смерть braveго адмирала. Я говорю смерть, потому что все говорят, что он жить не может»¹.

П.И. Лесли высказал свое мнение о важности Нахимова: «...Вы, конечно, можете себе представить все наше горе, когда всеми любимый, как отец родной, и уважаемый, как хороший и справедливый начальник, уже не в состоянии распоряжаться нами, а мы без него сироты; он один только у нас и остался, который заботился о нас и поддерживал дух. Матросы жалеют его, как отца родного; они знают его давно и знают, как он о них всегда заботился; все свое довольствие он раздавал им»².

П.В. Алабин написал в походных записках:

«...К общему сокрушению весть о ране Нахимова подтверждается; говорят, она смертельна.

Нахимов составил себе имя, славу, народность в одну войну как человек и герой. Если Черноморскому флоту суждено было бы подняться со дна морского, можно надеяться, что Нахимов к венцу, свитому им на Синопском рейде, прибавил бы лучезарные листки. Этот морской Суворов, боготворимый моряками, конечно, наделал бы чудес с этим едва ли не самым героическим флотом в мире и страшную бы совершил месть своим врагам, по злобе которых величавый флот этот должен был погибнуть не в честном бою, а как невинная жертва, гибнущая в темноте, потрясая своими цепями...»³

Боцман-перевозчик считал, что, если бы у Нахимова не были связаны руки сначала, он бы вывел флот в море при высадке союзников и разбил противника. Когда же офицер-собеседник убеждал его, что у противника было преимущество и в численности, и в парходах, старик заметил: «...Может быть, ваше благородие, слова нет, может, мы и погибли бы и флот погиб бы, да разве он теперь не погиб, а тогда, по крайности, знали бы, каков он есть Черноморский-то флот! Да и мы знали бы как погибнуть! Не то что тут в хате лежишь аль сидишь, а тебя, гляди, ежеминутно норовит или бомба разорвать, или ядро пришибить; там бы сцепился с любым корабликом, который погрузнее, да и поднялся бы с ним на воздух!»⁴

Сразу после ранения адмирала перевязала сестра милосердия батареи, после чего его перевезли через бухту в морской госпиталь на Северной стороне⁵. Морские медики очистили рану от осколков костей и крови и перевязали голову. Приехавший вечером профессор Х.Я. Гюб-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 562.

² Там же. С. 570—571.

³ Там же. С. 573.

⁴ Там же. С. 574.

⁵ Там же. С. 570.

бенет осмотрел раненого¹. Пуля неприятельского стрелка прошла выше брови сквозь голову и затронула мозг. Сначала Павел Степанович был без сознания. Днем 29 июня он «...открывал глаза, приподнимался, делал движения, показывал рукою о своих желаниях...», но к вечеру вновь впал в забытие. Живописец Берг зарисовал его².

Врачи пытались помочь, но тщетно. В ночь на 30 июня присланный Горчаковым прусский лейб-хирург осмотрел раненого и заявил, что есть три шанса спасти его. Во время его консилиума с врачами Гюббенетом и другими Нахимову стало хуже, и врачи дали ему бараньей травы, которую считали самым действенным средством для восстановления сил. На время адмирал пришел в чувство, но вскоре вновь впал в забытие. Еще несколько часов герой Синопа боролся со смертью, но в 11.10 30 июня Нахимов умер³.

По случаю смерти Павла Степановича 30 июня Остен-Сакен издал приказ:

«Провидению угодно было испытать нас новой тяжкою потерей: адмирал Нахимов, пораженный неприятельской пулею на Корниловском бастионе, сего числа скончался.

Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, достойнейшего начальника, витязя без страха и упрека — вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего сожаления о кончине героя Синопского.

Моряки Черноморского флота! Он был свидетелем всех ваших доблестей, он умел ценить ваше несравненное самоотвержение, он разделял с вами все опасности, руководил вас на пути славы и победы.

Преждевременная смерть доблестного адмирала возлагает на нас обязанность дорогой ценой воздать неприятелю за понесенную нами потерю.

Каждый воин, стоящий на оборонительной линии Севастополя, жаждет, я несомненно уверен, исполнить этот священный долг; каждый матрос удесятерит усилия для славы русского оружия⁴.

После смерти отслужили панихиду, потом адмирала отпели и перенесли на его квартиру. Когда лодка с телом шла через бухту, корабли приветствовали флагмана, приспуская флаги⁵.

1 июля состоялось торжественное погребение. Участник его капитан-лейтенант А.Б. Асланбегов записал в дневнике:

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 565.

² Там же. С. 562.

³ Там же. С. 562—563, 579.

⁴ Там же. С. 561.

⁵ Там же. С. 564.

«...В 6 часов, после обеда со всех мест обороны съехались начальствующие лица отдать последний долг... Мы вынесли гроб из квартиры, предшествуемые тремя адмиральскими флагами, и понесли его в церковь между двумя батальонами армейскими и флотскими, составленными от всех бастионов и батарей и судов флота, по ту сторону церкви стояло шесть орудий. По окончании панихиды дозволено было всем матросам батальона проститься с адмиралом. Замечательно, что многие солдаты пожелали проститься. В 8 часов мы подняли прах Павла Степановича, чтобы отнести его на место упокоения, рядом с Михаилом Петровичем. Вся дорога, весь подъем был унизан провожающими; многие ожидали, что неприятель откроет канонаду по площади, но, однако, он вел себя прилично, даже разнесся слух во время погребения, что будто английские корабли приспустили флаги, но, оказалось, несправедлив. Гроб опустили, батальоны и артиллерия сделали обычные залпы, и толпы начали расходиться.

И так Синопский герой, мужественный защитник Севастополя, ученик адмирала Лазарева, третий лейтенант «Азова» в Наварине, окончил свое трудовое поприще...»¹

В погребении участвовали все, кто мог оставить позиции. Гроб покрывал тот флаг, который развевался над кораблем «Императрица Мария» в день Синопского сражения².

Смерть Нахимова породила ряд записок современников, которые поразному оценивали причину, заставлявшую Нахимова не обращать внимания на опасность. Мансуров, например, в рапорте Великому князю писал 30 июня:

«...Павел Степанович так часто и так явно был храним промыслом, что все невольно привыкли считать жизнь его заветною, по крайней мере, до тех пор, пока сам Севастополь не погребет его в своих развалинах...

С последних чисел минувшего мая, в особенности после бедственного занятия неприятелем наших редутов, адмирал был постоянно мрачен и очень страдал от полученных им 3 или 4 контузий, хотя всегда это скрывал. Счастлирое отражение штурма его обрадовало, но не увлекло, как всех других, вообще, не будучи оптимистом, он оставался озабоченным, а о себе не переставал повторять, «что ведь когда-нибудь да его убьют». Деятельность его не ослабевала ни на минуту, раз только, изнуренный усталостью, он решился два дня не выходить из дому, но беспокойство взяло верх над телесным утомлением, и Павел Степа-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 564.

² Там же. С. 575.

нович продолжал по-прежнему беспрестанно посещать самые опасные места, пренебрегая всеми просьбами и увещаниями...»¹

Мансуров писал, что Нахимов отказался от предложения главнокомандующего переселиться в помещение Николаевской батареи; он заявил, что его место на бастионах. В 20-х числах июня моряк был покойнее, но, только слышал об усиленной канонаде 27 июня, на следующий же день и отправился на бастион, а затем на Малахов курган, где и был ранен. Переодевавшие покойного заметили, что вследствие контузий вся спина адмирала посинела².

Смерть Нахимова поставила последнюю точку в обороне Севастополя, ибо М.Д. Горчаков морально приготовился в случае необходимости оставить город. Когда союзникам в результате очередного штурма удалось ворваться на Малахов курган, было принято решение эвакуировать войска по мосту через бухту. Русские полки оставили Южную сторону, взорвав склады, укрепления и уничтожив последние корабли.

Взяв Севастополь, союзники не постыдились вскрыть склеп, в котором покоились Лазарев, Корнилов, Истомин и Нахимов. Крышки гробов взломали, а с мундиров сорвали эполеты³. В дальнейшем прах Нахимова и других черноморских адмиралов претерпел немало приключений, прежде чем был возвращен на прежнее место.

Несмотря на то что экспедиции союзных флотов на Балтику, Белое море и Тихий океан не принесли ожидаемых успехов, а на Черном море, кроме действий против мирных портов Азовского моря и взятия с помощью броненосцев Кинбурнской крепости, захват Южной стороны Севастополя явился единственным успехом, правительства Англии и Франции сочли возможным пойти на мирные переговоры с Россией. Англичане удовлетворились уничтожением Черноморского флота, угрожающего их интересам на Средиземном море. Экспедиция в Крым слишком дорого обошлась. Франция также не видела большой необходимости в продолжении разорительной, кровопролитной войны. Наполеон III отвлек вовремя внимание общественности от внутренних проблем страны. Кроме того, после ослабления России она вполне могла оказаться союзником против наиболее серьезного конкурента — Великобритании.

В ходе мирных переговоров, которые происходили в Париже, от России потребовали относительно слабых уступок. Причиной явилось в первую очередь яростное сопротивление севастопольцев во главе с Нахимовым. Но страх возрождения Черноморского флота оказался так

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 567—564.

² Там же. С. 568—569.

³ Там же. С. 622—623.

велик, что основным условием, которое России пришлось принять, явилось запрещение для России и Турции иметь на Черном море морские силы, за исключением небольшого числа легких судов. Потребовалось полтора десятилетия, чтобы условия Парижского мира 1856 года были отменены.

Гибель В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, других моряков лазаревской школы наряду с условиями Парижского мира 1856 года явились гораздо большей причиной упадка Черноморского флота на ближайшие десятилетия, чем затопление устаревших деревянных парусников. Однако сохранилось молодое поколение моряков, прошедшее черноморскую морскую школу Лазарева, Нахимова, Корнилова. Г.И. Бутаков стал создателем тактики парового флота, А.А. Попов — изобретателем новых типов боевых кораблей, Н.А. Аркас руководил Черноморским флотом в Русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Масса офицеров — учеников лазаревской школы и непосредственно П.С. Нахимова — принимала участие в преобразовании парусного флота в паровой броненосный. О них будет рассказано в последующих очерках.

* * *

Имя Нахимова не забыли. Не раз его наносили на карту. Известны бухта Нахимова (Чунхынниман) в Японском море у Корейского полуострова, обследованная в 1886 году экипажем корвета «Крейсер»; острова Нахимова в Карском море в архипелаге Новая Земля, в 1833 году нанесенные на карту и названные П.К. Пахтусовым; полуостров Нахимова (Ходобандо) в Японском море, у полуострова Корея, нанесенный на карту и названный в 1854 году экипажем фрегата «Паллада». Кроме того, банка Нахимова в заливе Петра Великого Японского моря, открытая экипажем крейсера «Адмирал Нахимов» в 1889 году, была названа в честь крейсера¹.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов имя флотоводца использовали как пример патриотического отношения к морской службе и защите Родины. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года был учрежден орден Нахимова двух степеней. Орден предназначали для награждения офицеров и адмиралов за умелое и решительное проведение операций на море. В тот же день для награждения солдат, матросов, старшин, сержантов, мичманов учредили медаль Нахимова².

¹ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 153—154.

² Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1983. С. 78—81, 119—121.

В честь флотоводца были названы Нахимовские училища, предназначенные для мальчиков, намеренных посвятить свою жизнь службе на море. Его имя не раз появлялось на борту кораблей. Все это, как и работы писателей и других деятелей искусства, позволяет думать, что память о Павле Степановиче Нахимове останется в веках.

КОРНИЛОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

Большинству россиян известны доблестные защитники Севастополя Нахимов и Корнилов. Но если Павел Степанович являлся преимущественно душой героической обороны, то Владимира Алексеевича Корнилова признавали ее мозгом и волей. Во многом благодаря ему главная морская база стала за короткий срок сухопутной крепостью, о бастионы которой разбились несколько штурмов англо-французских интервентов.

* * *

Отец В.А. Корнилова, Алексей Михайлович Корнилов (1760—1843), начинал службу на флоте, был удостоен ордена Св. Георгия IV степени за участие в Русско-шведской войне 1788—1790 годов, составил книгу «Сигналы, посредством которых производятся тактические действия гребного флота», в 1801 году оставил службу капитан-командором, в 1804—1806 годах состоял иркутским, в 1806—1807 годах — тобольским, в 1808—1809 годах — томским губернатором, написал книгу «Замечания о Сибири». В 1821 году его назначили сенатором. В 1835 году А.М. Корнилов вышел в отставку. Один из его сыновей, Александр Алексеевич (1801—1856), учился в Царскосельском лицее с А.С. Пушкиным, был близок к декабристам, служил в армии, перешел на гражданскую службу и стал сенатором¹. Второй сын, Владимир, родился 1 февраля 1806 года.

Как и дети многих небогатых дворян, Владимир в январе 1818 года подал прошение о зачислении в Морской кадетский корпус. Его приняли лишь весной 1821 года². Летом юноша на фрегате «Малой» ходил к Красной Горке, 1 июля стал гардемаринем. Очевидно, Корнилов получил неплохую домашнюю подготовку, ибо уже 22 февраля 1823 года его выпустили на флот мичманом³. Ранее он был унтер-офицером, что

¹ Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество. С. 212.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 25—26.

³ Там же. С. 13.

служило уделом лучшим гардемаринам; на экзаменах его знания по всем предметам оценили «очень хорошо»; в списке назначенных к производству во флот Владимир числился девятым¹.

По окончании Морского корпуса Владимир провел отпуск у родных в Тверской губернии. Летом 1823 года он плавал по Финскому заливу на фрегате «Малой», в следующем — его назначили на шлюп «Смирный», которому предстояло идти к берегам Камчатки. 27 сентября 1824 года шлюп выступил из Кронштадта, но до цели не дошел. В Северном море 3—4 ноября судно попало в сильный шторм и избежало гибели лишь благодаря мастерству экипажа. Сильно пострадавший от стихии шлюп зашел в норвежский порт Арендаль, зимовал там, а в мае 1825 года направился на Балтику. Вскоре после возвращения Корнилова приписали к Гвардейскому экипажу. Однако он недолго пробыл в этой элитной части, ибо не проявил «достаточной для фронта бодрости»². 6 апреля 1826 года моряка перевели в 20-й экипаж. На фрегате «Проворный» под командованием капитан-лейтенанта И.П. Епанчина он 12 мая — 5 октября ходил из Кронштадта до Доггер-банка и обратно³.

Несколько кампаний на Балтике дали необходимый опыт перед боевым крещением. 21 мая 1827 году эскадра Балтийского флота под командованием Д.Н. Сенявина выступила в плавание к берегам Англии. Из Портсмута отряд кораблей контр-адмирала Л.П. Гейдена направился на Средиземное море, чтобы совместно с морскими силами других великих держав прекратить уничтожение мирных жителей Греции турками. На корабле «Азов» с эскадрой шел мичман Корнилов, переведенный в 12-й флотский экипаж. Командир корабля М.П. Лазарев, ставший воспитателем плеяды выдающихся моряков, обратил внимание на молодого офицера. Он выбросил за борт французские романы, которыми Владимир зачитывался, и усадил его за книги по морскому делу. Корнилов участвовал в знаменитом Наваринском сражении 8 октября 1827 года. «Азов», находившийся в гуще баталии, заслужил Георгиевский кормовой флаг⁴. Мичмана Лазарев представил к ордену Св. Анны III степени за то, что тот «командовал тремя пушками нижнего дека и действовал как весьма деятельный и храбрый офицер». За Наварин Корнилов получил орден Св. Анны IV степени⁵. 22 февраля 1828 года его произвели в лейтенанты⁶. 6 октября 1829 года Корнилова награ-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 26.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 6—8.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 14.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 10—12.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 332.

⁶ ОМС. Ч. VII. С. 299.

дили серебряной медалью на Георгиевской ленте за турецкую войну 1828—1829 годов¹.

После сражения молодой моряк участвовал в нелегкой блокаде Дарданелл и в 1830 году с эскадрой контр-адмирала М.П. Лазарева вернулся в Кронштадт. Плавания на Средиземном море и 59-дневный переход без заходов в порты от Мальты до Кронштадта закалили Владимира Корнилова. Лазарев после прибытия в Кронштадт, представляя ряд офицеров к награде, так характеризовал его: «Во время перехода от Архипелага до Кронштадта исправлял должность флаг-офицера, но до того времени всегда командовал вахтой. Весьма деятельный и по познаниям своим искусный морской офицер, которому также с надеждою можно доверить командование хорошим военным судном»².

22 июля 1830 года моряка наградили орденом Св. Анны III степени «за отлично усердную службу и деятельность» во время войны³. На корабле «Нарва» он плавал между Кронштадтом и Свеаборгом⁴. 13 сентября 1830 года Корнилова назначили командиром строящегося тендера «Лебедь». Моряк наблюдал за его сооружением, после ввода в строй за несколько месяцев сделал образцовым, получил опыт командования в практических плаваниях⁵. В 1831 году «Лебедь» перешел из Санкт-Петербурга в Кронштадт и плавал у Красной Горки, в 1832 году — ходил до Данцига и обратно⁶.

Тогда на Черное море Лазарев собирал офицеров своей школы, известных ему по совместным плаваниям и сражениям. В марте 1833 года по его запросу В.А. Корнилов прибыл на Черноморский флот. Сразу же Лазарев, стоявший с эскадрой в Константинополе, вызвал его к себе. Главному командиру Черноморского флота и портов А.С. Грейгу Лазарев писал:

«...Я нашел в последнем «Инвалиде», что лейтенант Корнилов сдал чудесный тендер, которым командовал в Балтике, для перевода на службу в Черное море. Он отличный офицер и совершенный джентльмен. Он назначен в 34 экипаж. В случае его прибытия я буду чувствовать себя лично обязанным в пр-ву, если Вы поручите его под мое начальство (по особым поручениям) и прикажете, чтобы он был прислан сюда с первым транспортом или другим судном, которое присоединится к эскадре. Путятин и Корнилов — это два офицера, о которых я так

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 14.

² Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 364.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 14.

⁴ ОМС. Ч. VII. С. 299.

⁵ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 12.

⁶ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 15; ОМС. Ч. VII. С. 299.

много и часто говорил в. пр-ву. Я не сомневаюсь, что они найдут случай встретить ваше такое же одобрение»¹.

Грейг отправил офицера на зафрахтованном для нужд войск судне. 25 марта 1833 года Корнилов прибыл в Константинополь и поступил на флагманский корабль «Память Евстафия»².

Лазарев, очевидно, решил воспользоваться возможностью и получить достоверную карту турецких проливов. 30 марта он направил фрегат «Эривань» с полковником Дюгамелем и группой инженерных офицеров для исследования проливов Дарданеллы и Босфор и укреплений на их берегах³. 1 апреля 1833 года контр-адмирал рапортовал А.С. Меншикову: «...На сем же фрегате отправил я лейтенантов Путятин и Корнилова как для получения более подробных сведений о лучших якорных местах, отмелях и течениях, в Дарданельском проливе существующих, так равно и для исправления бывшей доселе карты сего пролива, предписав им обозначить на оной все укрепления азиатского и европейского берегов, число орудий и калибр оных и, наконец, обратить внимание на те средства, которые турки имеют для береговой защиты сих укреплений в случае, что египетские войска решились бы атаковать оные»⁴.

29 апреля Лазарев докладывал Меншикову, что Путятин уже вернулся в Галлиполи, а Корнилов остался описывать крайнюю европейскую крепость в Дарданеллах. Контр-адмирал считал, что собранные молодыми моряками сведения после их обработки станут не только любопытны, но и полезны. Он обещал представить карты после того, как в них будут внесены изменения и замечания о силе крепостей, течений, якорных стоянках⁵. В письме А.С. Грейгу Лазарев утверждал, что Путятин и Корнилов «...очень деятельные и сведущие офицеры...»⁶. 10 мая он сообщал, что вернувшиеся берегом Путятин и Корнилов занимаются черчением карт и планов крепостей⁷.

Лейтенанты за три месяца блестяще выполнили поручение и с эскадрой вернулись в Феодосию. Подготовленные ими карты были высоко оценены М.П. Лазаревым. Корнилова за усердную службу 27 сентября наградили орденом Св. Владимира IV степени, а султан пожаловал его золотой медалью⁸. Но зимой 1834 года возникли сомнения в точности работы двух лейтенантов при съемке берегов Босфора, ибо ин-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 69—70.

² ОМС. Ч. VII. С. 299.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 83.

⁴ Там же. С. 91—92.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Там же. С. 112.

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 15; ОМС. Ч. VII. С. 299.

женерные офицеры представили иные карты. Защищая своих подчиненных, М.П. Лазарев в письме А.С. Меншикову 13 февраля отметил, что сухопутные офицеры, не имея необходимых инструментов, при картографировании Дарданелл воспользовались материалами моряков, а Босфор они снимали по отдельности, и потому появились расхождения; главный командир Черноморского флота и портов заявлял, что он верит своим подчиненным¹.

21 февраля 1834 года лейтенанта Корнилова назначили командиром брига «Фемистокл». Летом он был послан из Севастополя к русскому посланнику в Турции А.П. Бутеневу, а тот в ноябре направил хорошо подготовленный бриг в Архипелаг, в распоряжение чрезвычайного посланника в Греции. «Фемистокл» и корвет «Ифигения» под командованием лейтенанта Путятина и в Пирее, и в Смирне среди судов различных стран выделялись качеством постройки и подготовки экипажа, которую молодые офицеры организовывали на основе изучения опыта лучших командиров. Командовавший английской эскадрой вице-адмирал Роулей, восхищенный блестящей постановкой «Фемистокла» на якорь, наговорил Корнилову комплиментов, а англичане не могли поверить, что экипаж молодой командир подготовил всего за 4 месяца². Лазарев, знавший из писем о том, насколько достойно Корнилов демонстрировал русский флот за границей, представил его к чину капитан-лейтенанта. Он писал А.С. Меншикову 2 февраля 1835 года: «...В Корнилове ваша светлость имеете офицера весьма просвещенного, благоразумного и особенно деятельного, имеющего все качества командира военного судна... Вот один из тех офицеров, ваша светлость, которые поддержат честь нашего флага»³. 17 апреля 1835 года Корнилов стал капитан-лейтенантом⁴.

В январе—июле 1835 года, командуя бригам «Фемистокл», Корнилов по поручениям русской миссии в Афинах избородил воды Архипелага и Адриатического моря. 15 августа 1835 года бриг вернулся в Севастополь⁵. На борту его на родину прибыли известные художники К.П. Брюллов и Г. Гагарин, а также собранные ими образцы античного искусства, пополнившие коллекции Москвы и Санкт-Петербурга⁶.

Корнилов поражал иностранных моряков искусством мореплавания и выучкой экипажа. Когда на обратном пути «Фемистокл» встретил

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 29—30.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 14—16; Вице-адмирал Корнилов. Документы. С. 15, 30—31.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 31.

⁴ ОМС. Ч. VII. С. 299.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 15.

⁶ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 16—18.

многие суда разных стран, которые долго стояли перед Дарданеллами, пережидая встречный ветер, Корнилов воспользовался прибрежным попутным течением (которое заметил К. Брюллов) и вошел в пролив. Гагарин писал об этом эпизоде: «Бриг тронулся по направлению к берегу, и в то же время сотни любопытных глаз и десятки зрительных труб устремились на нас со всех судов, которые в течение 11 дней разделяли с нами невольную неподвижность и бездействие. Очевидно было, что никто не понимал нашего маневра, и все считали его безрассудным. Каково же было всеобщее изумление, когда, попав на струю прибрежного стремления, наш бриг весьма легко проскользнул по ней до поворота пролива и вышел на более широкое место, где уже мог понемногу двигаться вперед с помощью искусного лавирования... Громкие аплодисменты и крики приветствовали нас со всех кораблей»¹.

К середине 30-х годов на Черном море собрались такие избранные Лазаревым моряки, как В.И. Истомин, Г.И. Бутаков, А.И. Панфилов, Ф.Ф. Матюшкин, П.С. Нахимов. Совместными силами они осуществляли замысел главного командира Черноморского флота и портов М.П. Лазарева — сделать весь флот боеспособным и образцовым. В числе тех, кто наиболее успешно выполнял эту задачу, оказался В.А. Корнилов.

Весной 1836 года бриг «Фемистокл» был направлен из Николаева в Севастополь в распоряжение командира корвета «Ифигения» Путятина для практического плавания с гардемаринами². С 4 ноября 1836 года Корнилов командовал уже корветом «Орест», за неделю до того спущенным на воду. Моряк руководил его оснащением. Летом 1837 года корвет вышел в море. С 28 июля по 24 сентября он находился в практическом плавании, ходил по портам Черного моря³.

В 1836 году Корнилова по представлению Лазарева пожаловали греческим орденом Спасителя золотого креста в петлицу за истребление турецкого флота, а 22 сентября 1837 года — орденом Св. Станислава III степени⁴.

26 января 1838 года капитан-лейтенанта назначили командиром фрегата «Флора», который еще стоял на стапеле. В течение года фрегат достраивали под наблюдением Корнилова. Но выйти в море на нем не пришлось: по решению Лазарева фрегат принял В.И. Истомин. А Корнилову главный командир поручил наблюдение за постройкой линейного корабля нового типа «Двенадцать Апостолов»⁵.

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 19—20.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 33.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 33—34; ОМС. Ч. VII. С. 299.

⁵ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 23—24; Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 16.

120-пушечный корабль заложили 4 октября 1838 года в Главном адмиралтействе Николаева. Строил корабль С.И. Чернявский. Корнилов состоял командиром с 1 января 1839 года¹. Понятно, что именно ему, имевшему опыт достройки и оснащения судов, доверили постройку необычного корабля, который должен был служить образцом для последующих.

Корнилов рьяно взялся за дело. Он следил за достижениями техники и стремился воплотить их на практике. В ходе постройки моряк ввел немало усовершенствований. Корабль оснастили лучшей по тому времени артиллерией. На «Двенадцати Апостолах» впервые в русском флоте были установлены и опробованы на практике бомбические пушки. Командир занимался всем, начиная с подбора материала до подготовки моряков². Корабль «Двенадцать Апостолов» спустили на воду 15 июня 1841 года. Корабль водоизмещением 4790 тонн имел на вооружении 28 68-фунтовых бомбических пушек, 72 36-фунтовые пушки и 24 24-фунтовые каронады при экипаже 1000 человек³.

После спуска на воду заботы не окончились. В ноябре 1841 года Корнилов писал Лазареву: «За таким огромным кораблем и работы и хлопот очень много... Он еще не совсем готов по внутреннему устройству, которого, как и обыкновенно бывает при отделке таковых чудовищ, — чем дальше в лес, тем больше дров». В мае 1842 года после поднятия флага корабль перешел в Севастополь. Качество и размеры корабля произвели впечатление на побывавшего в Николаеве главного кораблестроителя английского флота Уильяма Саймондса⁴.

Наблюдая за постройкой корабля, одновременно в плаваниях 1836—1842 годов В.А. Корнилов выступал в качестве начальника штаба эскадры при М.П. Лазареве, сначала на корабле «Силистрия», затем «Трех Святителей». Он готовил десанты на побережье Кавказа и лично участвовал в высадках у реки Туапсе (1838), при речках Шахэ и Субаши (1839)⁵.

12 апреля — 19 мая 1838 года моряк находился на борту корабля «Силистрия» в качестве начальника штаба эскадры М.П. Лазарева у берегов Абхазии⁶. Высадка у реки Туапсе 12 мая 1838 года прошла успешно по расчетам, которые с Ольшевским составлял Корнилов⁷. 30 апреля Лазарев в приказе назначил его с капитаном 1-го ранга Се-

¹ Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. Т. 1. С. 165.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 24—25.

³ Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. Т. 1. С. 165.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 26—27.

⁵ ОМС. Ч. VII. С. 299—300.

⁶ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 16.

⁷ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 430.

ребряковым командовать десантно-высадочными средствами¹. Перед высадкой Корнилов объявил командирам приказ об условных сигналах при высадке².

Довелось моряку побывать под пулями. Генерал Н.Н. Раевский писал после высадки М.П. Лазареву: «...Начальник левой половины гребных судов г. капитан-лейтенант Корнилов имел весьма большое влияние на успех высадки. Когда огонь с кораблей прекратился по случаю движения гребных судов к берегу, г. капитан-лейтенант Корнилов открыл с гребных судов сильный и удачный огонь, который он продолжал до самого берега; с самой большой быстротой он двинул все гребные суда, сохраняя между ними отличный порядок, чрез что все войска вышли на берег без малейшего беспорядка. Наконец, с 10 солдатами Тенгинского пехотного полка и столько же матрозами он из первых выскочил на берег для занятия точки, весьма важной для прикрытия прибывающих войск. Все вышеизложенные причины заставляют меня покорнейше просить ваше превосходительство о представлении г. капитан-лейтенанта Корнилова к следующему чину»³.

За отличие при Туапсе Корнилова 8 июня 1838 года произвели в капитаны 2-го ранга⁴.

И далее моряк продолжал отличаться. 25 апреля 1839 года Лазарев назначил его командовать гребными судами для высадки десанта в междуречье Субаши и Шахэ⁵. Утром 3 мая эскадра открыла огонь по берегу, где собрались горцы, а затем по крику «ура» команд, посланных по вантам, двинулись суда десанта. В журнале Н.Н. Раевского высадка описана так:

«...Гребные суда были построены в две линии таким образом, что весла одного только что не касались весел другого. Суда, находящиеся в втором ряду, были расположены против промежутков своих передовых. Обе линии стройно тронулись усиленною греблею, стреляя из орудий, находящихся на баке каждого барказа передней линии. Подойдя к месту высадки, они бросили дреки с кормы и носом въехали в берег. Первая линия подняла весла, вторая занесла в интервалы, и войска с громким «ура» выскочили на землю. Никогда порядок и быстрота гребных судов не были столь полезны, как в сем случае. Несмотря на близость эскадры, неприятель встретил десант в пятидесяти саженьях от берега. Несколько минут позже, [и] он бы застал первый рейс еще на гребных судах. Сия

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 418—419.

² Там же. С. 429.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 35.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 496.

важная заслуга капитана 2-го ранга Корнилова и капитан-лейтенантов Панфилова и Иванова достойна полного внимания начальства.

...С гребных судов несколько матросов, имеющих ружья, горя желанием участвовать в блестящем деле, бросились в ряды сухопутного войска вслед за капитаном 2-го ранга Корниловым, капитан-лейтенантами Панфиловым и Ивановым и флигель-адъютаном Глазенапом и другими морскими офицерами...»¹

При поддержке огня с гребных судов войскам удалось отбросить горцев. В приказе 4 мая Лазарев порицал тех морских офицеров, которые увлеклись боем и потому задержали доставку второй волны десанта². Однако в рапорте Николаю I он отметил, что «...несмотря на превосходное число неприятеля, неимоверная стремительность его была удержана штыками храброго отряда, подкрепленного двумя горными единорогами и матросами с гребных судов, бросившимися на помощь под начальством распоряжавшегося высадкой десанта капитана 2-го ранга Корнилова...»³. 25 июля 1839 года за успешную высадку В.А. Корнилов был награжден орденом Св. Анны II степени⁴.

В период подготовки высадки при устье реки Псезуапе, 15 марта 1840 года, Н.Н. Раевский, собиравший войска в Феодосии, просил прислать опытного штаб-офицера (например, Корнилова), с которым можно было решать вопросы, относящиеся к десантной операции⁵. 30 марта — 12 июня В.А. Корнилов на борту «Силистрии» находился начальником штаба при Лазареве при занятии фортов Вельяминовского и Лазарева⁶. 25 апреля 1840 года он отдал распоряжение о погрузке войск на корабли в Севастополе; 28 апреля эскадра, приняв на борт три полка 15-й пехотной дивизии, выступила из главной базы⁷.

Так как возросшие активность и организованность противника предвещали трудности при высадке, 3 мая на Феодосийском рейде Лазарев приказал провести репетицию, назначив Корнилова командовать гребными судами, предназначенными для высадки. При первой попытке репетиции высадки солдаты подмочили ружья и заряды, и учения пришлось повторить 6 мая⁸.

В приказе 4 мая на высадку при реке Туапсе главный командир поручил Корнилову командовать правым крылом высадочных средств, а На-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 505—506.

² Там же. С. 507—508.

³ Там же. С. 510.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 16.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 542—543.

⁶ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 16.

⁷ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 568—569.

⁸ Там же. С. 571, 585—586.

химову — левым¹. Капитан 2-го ранга подготовил расписания войск по гребным судам первого и второго эшелонов². Он же отдал 6 мая распоряжение о посадке на гребные суда, основанное на опыте репетиции³.

10 мая эскадра после обстрела берега высадила войска у Туапсе; только несколько горцев вступили в перестрелку⁴. Солдаты сразу же стали восстанавливать укрепление Вельяминовское. 18 мая Корнилов отдал распоряжение о порядке высадки в устье реки Псецуапе, основанное на опыте предыдущей высадки, а также подготовил расписания войск первого и второго эшелонов⁵. Успех первого десанта позволил уже 22 мая провести без потерь высадку при Псецуапе; попытку черкесов спуститься с гор отразила артиллерия фланговых кораблей⁶. Здесь был возобновлен форт Лазаревский.

В донесении А.С. Меншикову об офицерах, отличившихся при высадках при Туапсе и Псецуапе, М.П. Лазарев отметил, что командовавшие флангами десантных судов Нахимов и Корнилов исполнили поручение с быстротой и в порядке, причем Корнилов одновременно являлся «...по званию начальника штаба эскадры помощником всех моих распоряжений, которые исполнял с примерною заботливостью и благодарумием...»⁷. В 1841 году с 24 июня по 28 июля моряк продолжал исполнять обязанности начальника штаба эскадры под флагом вице-адмирала М.П. Лазарева, ходил с ним от Николаева до Севастополя и в практическом плавании⁸.

В 30—40-е годы Корнилов занимался и научно-литературной деятельностью. Из-под пера его, кроме инструкций и приказов, выходили переводы трудов иностранных морских специалистов. В частности, переведенная им книга английского капитана Гласкока «Морская служба в Англии, или Руководство для морских офицеров всякого звания» была издана в марте 1839 года тиражом 600 экземпляров и обратила на себя внимание многих читателей в России. Интерес представляли также комментарии переводчика, по собственному опыту дополнившего книгу⁹. В частности, о подготовке артиллеристов он писал: «На судах наших весьма мало внимания обращают на этих людей (артиллеристов) и очень часто вместо того, чтобы стараться образовать из них

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 573.

² Там же. С. 575—581.

³ Там же. С. 584.

⁴ Там же. С. 587, 595.

⁵ Там же. С. 587—593.

⁶ Там же. С. 594, 596.

⁷ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 38.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 43—48.

хороших канониров, позволяют им пренебрегать настоящей своей должностью, требуя только исправности в матросском деле. Неоспоримо, что самый важный предмет для морского артиллериста есть приобретение сведений в морской артиллерии, тем более что главная его обязанность есть обучение других этой части»¹.

Лазарев постарался не только добиться опубликования книги, но и распространять ее в массе офицеров преимущественно Черноморского флота. Один из читателей отмечал: «Опытный моряк английский написал, а опытный моряк русский передал ее теперь по-русски. Русский перевод напечатан превосходно»².

Корнилов с английского языка перевел также «Мачтовое дело» и «Артиллерийское учение». О последнем он писал: «Это учение так подробно и так удобопонятно для всякого, что перевод его, конечно, будет весьма полезен. Ведь может случиться и в военное время, когда придется думать не об одной красоте и симметрии!...»³

Книга не была опубликована, но Корнилов использовал ее для подготовки инструкции морякам своего экипажа.

Самым значительным трудом, впитавшим опыт и познания офицера, стали «Штаты вооружения и запасного снабжения судов Черноморского флота всех рангов», включавшие полную номенклатуру всего, что должно было находиться на боевых кораблях, с описанием предметов. Автору приходилось определять соответствие тех или иных изделий (пушек, компасов и т. п.) современным требованиям. Работа была начата в 1837 году, и в 1840 году печатание «Штатов» завершили. Современники считали, что это лучшая справочная книга по морской части, подобной которой в мире не существовало⁴.

Лазарев высоко оценил труд. 21 июня 1841 года, посылая отпечатанную книгу А.С. Меншикову, главный командир Черноморского флота и портов писал: «...Полезный труд этот наиболее принадлежит капитану 2-го ранга Корнилову. Постоянные его занятия при одном помощнике (мичмане Львове), которого он сам избрал, значительно даже ослабили его здоровье, ибо забот действительно было очень много. Соображаясь со всеми известными иностранными штатами, и разными изданиями о вооружении судов, он нашел возможным подвести штат под некоторые правила, приложил новые таблицы, им же из многих опытов составленные, составил оригинальные чертежи, по которым 66 тыс. листов налитографированы и приложены к штату; пополнил

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 47.

² Там же. С. 48.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 71.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 49—51.

онный многими полезными правилами, относящимися до мачтового, парусного, флажного и блокового мастерства, которых прежде не было. Словом сказать, неусыпными трудами и постоянною заботливостию капитана 2-го ранга Корнилова штат этот, подробно мною рассмотренный и одобренный, и представляется вашей светлости в таком виде, в каком ни одна из морских держав никогда одного не имела...»¹

18 июля 1840 года Корнилова за подготовку «Штатов» наградили орденом Св. Станислава II степени с императорской короной, 6 декабря 1840 года произвели в капитаны 1-го ранга².

С 24 июня по 28 июля 1841 года моряк состоял начальником штаба при Лазареве и плавал по Черному морю с практической эскадрой. 1—17 октября 1842 года Корнилов командовал кораблем «Двенадцать Апостолов» при проводке его из Николаева в Севастополь и в практическом плавании³. С весны 1842 года как командир корабля «Двенадцать Апостолов» капитан 1-го ранга занимался обучением экипажа, подготовил инструкции для экипажа по основным вопросам организации корабельной службы⁴. Корнилов считал, что «без методы и терпения нельзя ожидать успеха ни в каком ученье», что «всякое искусство тогда только прочно укореняется в ум и память человека и тогда только может быть применено им к разным обстоятельствам, когда обучение основано на рассуждении и понятии цели и назначения всего, к нему относящегося». Он относил эти слова не только к офицерам, но и матросам, что в николаевские времена выглядело необычно. Воспитывая быстроту при действии моряков на учениях, он не превращал ее в самоцель, считая, что без знания других предметов быстрота может привести лишь к беспорядку⁵.

Корнилов считал необходимым возбудить у моряков интерес к изучаемому делу и потому поощрял состязательность. Обучение команд капитан 1-го ранга полагал делом систематическим, с переходом от простого к более сложному. Он писал: «Для усовершенствования команды в военно-морском деле командир занимает оную в удобное время учениями, разделяя эти учения на общие и одиночные и имея для них заранее составленную табель, дабы чрез систематическое наблюдение не упустить ни одного предмета»⁶. Моряк внимательно наблюдал учения и производил разборы, делая их средством для устранения недостатков в действиях командиров. Корнилов добивался единообразия требований

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 40.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 41—49.

⁵ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 32—34.

⁶ Там же. С. 34—35.

офицеров к подчиненным, знания индивидуальных способностей обучаемых. Учения по специальным предметам (например, артиллерийские) он предлагал проводить артиллеристам, а не строевым офицерам, которым следовало возглавлять учения общие. В основе успеха экипажей он видел личный пример офицеров и отмечал: «Командир обязан обращать особенное внимание на поведение каждого офицера и каждого лица, в его команде состоящего, дабы, зная их достоинства, он мог употреблять их по способностям, а в случае надобности или опасного предприятия — мог бы всегда избрать таких, коих искусство и мужество обещали бы успех»¹.

Корнилов учил подчиненных и учился у них сам, впитывая все интересное. Он постоянно совершенствовал свои знания, много читал, прибегал к опыту знаменитых флотоводцев. Моряк заботился о гигиене, питании, обмундировании, отдыхе команды. В результате забот командира на Черноморском флоте «Двенадцать Апостолов» мог сравниться по качеству постройки и подготовке экипажа лишь с «Силистрией» П.С. Нахимова. Однажды на учениях корабль догнал бриг «Эндимион», построенный по английскому образцу. Современник отмечал: «Двенадцать Апостолов» был редкое явление во всех отношениях. Как образец корабельной архитектуры, нам не случалось видеть ничего подобного до введения винтовых кораблей. Внутреннее устройство, прекрасное вначале, после нескольких месяцев плавания, указавших недостатки, стало безукоризненно. Все приспособления к облегчению различных действий и к содержанию корабля во всегдашнем порядке были собраны на этом истинно образцовом судне... «Двенадцать Апостолов» мог служить прекрасной школой талантливому наблюдательному офицеру и в последние годы командования Корнилова представлял во всех отношениях предмет, достойный тщательного изучения»².

В мае—августе 1843 года Корнилов как командир корабля и начальник штаба руководил перевозкой войск из Севастополя в Одессу, с 4 сентября по 3 октября, командуя кораблем, находился в практическом плавании по Черному морю. В этот период он составил корабельные расписания и инструкции по организации корабельной службы и боевой подготовке для экипажа своего корабля³. К примеру, 19 мая Корнилов выпустил приказ об обучении матросов морскому и артиллерийскому делу, в котором указал перечень вопросов, которые следовало знать, причем понимать не только что нужно делать, но и для чего⁴.

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 36.

² Там же. С. 39—41.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 17.

⁴ Там же. С. 60—61.

22 мая приказ командира корабля предписал расписание ежедневных работ на всю неделю с его примечаниями¹. 14 июня моряк выпустил приказ об обязанностях офицеров корабля во время боевой тревоги, 17 июня — о мерах спасения упавшего за борт, 26 июня — о действии abordажных партий. В приказе от 18 июня он предписал исключить лишние слова и команды при артиллерийских учениях и указал меры, способствующие тому, чтобы приготовить артиллерию корабля к бою за 5 минут².

В письме Лазареву от 10 августа 1843 года Корнилов, отметив успешную стрельбу артиллеристов, сделал замечания по качеству ударных замков и предложил заменить их более надежными с кремнем³. 6 мая 1844 года моряк отдал приказ о вооружении гребных судов артиллерией и распределил наблюдение за ними между офицерами⁴.

Вскоре корабль «Двенадцать Апостолов» стал образцовым, а многие предложения и инструкции его командира со временем были использованы и на других кораблях Черноморского флота.

6 декабря 1843 года Корнилова наградили «за отлично-усердную службу» императорской короной к ордену Св. Анны II степени. С 25 апреля по 9 июня 1844 года и с 25 мая по 16 сентября 1845 года моряк, продолжая исполнять обязанности командира корабля и начальника штаба при Лазареве, плавал для практики в Черном море. 22 августа 1845 года его наградили знаком отличия беспорочной службы за 20 лет, 11 сентября 1845 года «за отличную службу» — орденом Св. Владимира III степени⁵.

Как читатель, Корнилов беспокоился о состоянии Морской офицерской библиотеки в Севастополе. Будучи человеком активным, осенью 1842 года капитан 1-го ранга хотел, чтобы его избрали секретарем-казначеем, желая наладить работу и предлагая Лазареву улучшения, и стал им в феврале 1843 года. Он же нашел место для постройки библиотечного здания⁶. Корнилов обнаружил недостаток книг и журналов в фондах. В письме М.П. Лазареву он писал, что намеревается в первую очередь выписывать издания по истории и географии, более интересные для молодежи, а из технических журналов — преимущественно те, в которых речь идет о парходах⁷. Моряк немало сделал для привлечения читателей — пополнил фонды новыми книгами и периодическими изданиями, в первую очередь морскими, сам подавал пример постоянны-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 62—63.

² Там же. С. 65—68.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 17; ОМС. Ч. VII. С. 300.

⁶ Там же. С. 49—52.

⁷ Там же. С. 55—56.

ми посещениями читального зала. К лету выросло число офицеров, посещавших библиотеку. В апреле 1844 года библиотека переехала в новое здание; Корнилов с гордостью сообщал Лазареву об открытии библиотеки 2 апреля¹. Однако новое здание в ночь на 17 декабря 1844 года сгорело². Корнилов с горечью писал: «Пожар этот поразил меня прямо в сердце, — до сих пор не могу поверить ему!.. Я смотрю на него как на примерное общественное бедствие не только для Севастополя, но и для всего Черноморского флота, ибо удача такого заведения обещала важные нравственные выгоды»³. Он немало сил потратил, чтобы за несколько лет восстановить библиотеку⁴.

Весной 1843 года Корнилов узнал о смерти отца. Это создало материальные трудности для моряка, семью которого отец поддерживал. В письме Лазареву 3 мая он писал: «...Смерть старика нашего ставит меня в самое затруднительное положение. Жить тысячею рублями серебра содержания экипажного командира я не вижу никакой возможности. Именье же без устройства: не помощь, а обременение. Я решаюсь после похода просить отпуск, — поеду, посмотрю; если удастся устроить дела свои так, чтобы получать верное, достаточное пособие, то возвращусь на службу, которую душевно люблю и к которой привык; если же нельзя, то останусь орать землю или приищу место с содержанием, достаточным для прокормления семьи моей. Что же делать! Рад бы в рай, да грехи не пускают! Аренд нынче не дают, а экипажное командирство и потом адмиральство далеко не обеспечивают нужд семьины, год от году возрастающих. Впрочем, может, и умудрюсь соединить службу на Черном море под вашим начальством с моими денежными делами. Нам нужно немного... Я надеюсь, что ваше превосходительство вполне поймет мое грустное положение, и если, действительно, придется мне по несчастному устройству нашей службы оставить ее, то отнесете это физической невозможности продолжать ее честно и с тем самоотвержением, которому вы сами учили нас и словами и примером...»⁵

Лазарев предложил Корнилову материальную помощь. Но тот с благодарностью отказался, ибо успокоился после смерти отца и начал находить способы жить далее, не бросая службы. 8 июня 1843 года он писал Лазареву: «...предложение ваше тронуло меня до глубины сердца. Поверьте, ваше превосходительство, что несмотря на то, что пособие, которое вы с таким великодушием предлагаете, я бы принял толь-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 76.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 54.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 40.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 55.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 58.

ко от одного родного брата, и то потому, что он не имеет детей и у него все, что ему нужно, есть. Я принял бы и от вас, ибо уверен в доброте и чистоте намерений ваших, но, находясь в положении, которое при небольших хлопотах может быть улучшено до того, что я могу опять возвратиться на службу и заняться ею по-прежнему с совершенно спокойным духом, грешно бы мне было не обратить немедленно всех усилий к приведению дел моих в такой вид. Правда, весьма нежелательно по многим причинам оставить Севастополь в этом году, но много есть также причин, которые заставляют меня не откладывать...»¹

В 1844 году Корнилов выехал в имение, однако дела и здоровье заставили просить и получить отпуск до весны 1845 года. Кроме того, в лечении нуждалась и его жена. Извиняясь перед Лазаревым за то, что получил отпуск от Меншикова без запроса главного командира, он писал: «Оканчивая письмо это, я вторично прошу ваше превосходительство отсрочку моего возвращения на Черное море отнести ни к чему более, как к моим домашним делам и к моему расстроенному здоровью, ибо для первых необходимо мое присутствие в здешних краях до зимнего времени, а для второго — отдохновение...»²

10 декабря 1844 года, заботясь о будущем флота, Корнилов сообщал письмом из Петербурга о предстоящем летом визите на Черное море Великого князя Константина Николаевича: «Сколько я могу заключить из разных здешних рассказов, то от впечатления, которое будет сделано Черноморским флотом на генерал-адмирала, много должен зависеть будущий взгляд его на морское дело, и потому тут дело будет идти не о чинах или тому подобных пустяках, а о будущем русского флота. Как бы хорошо было, если бы удалось судам, на коих будет плавать Великий князь, пробыть хоть месяц в море до его прибытия, чтобы показать ему не краску и надписи, а настоящее дело по части маневров парусами и пушечной экзерциции, — а это без предварительного похода показать в должном виде трудно...»³ 3 февраля 1845 года он вновь напоминает в письме Лазареву: «...Весьма жаль, если поездка генерал-адмирала ограничится живописным путешествием по Черному морю и в Константинополь, — бедный флот наш!..»⁴

В 1840-х годах моряк заинтересовался пароходами как новым видом судов, не зависящих от ветра. Он изучал все, что мог достать по механическому делу, посещал пароходы на Черном и Балтийском морях. В подчинении Корнилова, как командира 38-го флотского экипа-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 64.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 82.

жа, состоял пароходофрегат «Бессарабия», и капитан 1-го ранга счел нужным назначить его командиром лучшего из офицеров «Двенадцати Апостолов», Н.А. Аркаса¹. 12 января из Санкт-Петербурга моряк просил Лазарева командировать его в Англию для заказа пароходов; он писал: «...Такого рода поручение принесло бы пользу и службе, для которой я посвятил себя, да и собственно мне. Это меня бы освежило и нравственно и физически, — я чувствую, что начинаю приметно ослабевать и поддаваться пагубному равнодушию ко всему в мире. Корабль мой и экипаж теперь в таком положении, что не могут доставить мне занятий ободриательных, а напротив, того и смотри, что изленишься и отвыкнешь от жизни действительной и, пожалуй, выучишься преферансам. Англия же расшевелит мои засыпающие способности, и я явлюсь к вам с обновленным духом и, может, и здоровьем...»² 23 марта в письме он благодарил Лазарева за участие в его просьбе о командировке³.

Вернувшись на Черное море, Корнилов продолжил боевую подготовку корабля «Двенадцать Апостолов». 15 июня 1845 года он отдал приказ о порядке погрузки артиллерии на гребные суда, 24 июня — об обязанностях личного состава по пожарному расписанию, 5 июля — о соблюдении единообразия в управлении кораблем под парусами, 13 июля — о порядке быстрого и безопасного спуска катера на ходу⁴. В ходе практического плавания с конца июня до середины июля моряк сделал все возможное для обучения команды. 19 июля он писал, что плавание прошло благополучно, несмотря на три сильных шквала, и что он проводил проверку артиллерийского расписания, предложенного Путятиным⁵. В письме 7 сентября он рассказывал главному командиру, что при посещении генерал-адмирала показал ему корабль так, как хотел, и учения произвели на Великого князя благоприятное впечатление. Корнилова больше всего беспокоило, чтобы при предстоящем посещении корабля царем дела не испортили какие-либо мелочи либо его собственный недостаток такта. Он был уверен, «что эти мелочи и это незнание такта испортят все, но сердце царя в руках божиих»⁶.

Вопреки опасениям, царь оказался доволен, и 11 декабря 1845 года М.П. Лазарев писал И.А. Шестакову: «...На корабле «Двенадцать Апостолов» приказал ударить тревогу и подобную штуку в настоящем ее виде, казалось мне, он видел в первый раз, он с изумлением смотрел

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 63.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 81.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 83—89.

⁵ Там же. С. 89—90.

⁶ Там же. С. 90.

на живость и проворство людей, с которою действовали орудиями, — 68-фунтовые бомбические пушки казались игрушками... Он ходил по всем декам и особенно долго оставался в нижнем деке, — я стоял близ него, — он, наконец, невольным образом сказал: «Ну, этот корабль порядком отделаёт своего противника, кто бы он ни был...»¹

Осенью 1845 года Корнилов вновь пребывал в минорном настроении. Трудное материальное положение семьи заставило капитана 1-го ранга подумать об отставке. 24 сентября он с горечью писал Лазареву: «Командировка в Англию, кажется, не состоится. Признаюсь, это меня чрезвычайно огорчает. Я на нее смотрел как на единственное средство выйти из того затруднительного финансового положения, в которое поставили меня пребывание за болезнью на подножном корму в продолжение года на севере, смерть Вареньки, последний переезд врозь с семьей в распутицу сюда, болезни Сонечки и Сашки и, наконец, мизерное содержание, которое производится мне за мою 20-летнюю самоотверженную службу, ибо я до сих пор не знал, что можно себе позволить самый ничтожный интерес службы поставить ниже своего собственного, какой бы важности последний ни был. Не скрою от вашего высокопревосходительства, что я как добрый отец семейства начинаю задумываться о будущем детей моих и мне приходит горестная мысль, не должен ли я оставить службу, сопряженную с лишениями всякого рода, без всяких видов существенного вознаграждения, ибо если в нынешний раз после всего, что государь говорил о корабле моем, начальство не могло выхлопотать мне и за корабль и за другие мои труды в разных родах аренду или прибавку содержания, так, чтоб я мог на будущее время продолжать действовать на пользу службы, не заботясь о найме учителя моему сыну, о положении жены моей, отказывающей себе в самых необходимых по ее воспитанию и привычкам вещах, об именах детей моих, приходящих в расстройство от отсутствия настоящего хозяина, то на какие же другие более благоприятные обстоятельства, кроме военного времени, я могу надеяться! Продолжать же существовать на службе в моем звании на жалованьи, которое получает самый неспособный из сыновей Уптона, я не умею, да и считаю неблагоприятным, ибо карьера моя легко может кончиться..., а между тем лучшая пора жизни пройдет в занятиях посторонних воспитанию и устройению детей моих и я оставляю им в наследие корпусное воспитание и долги. Тяжело мне было решиться высказать вам все здесь изложенное, но хладнокровно обдумывая свое положение и предвидя необходимость подать ныне или на будущий год в отставку по расстроенным домашним обстоятельствам, дабы, удалясь в деревню, остальную

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 93.

часть жизни посвятить своему семейству, я считал обязанностью предупредить об этом начальника, который всегда брал такое дружеское участие во мне и в моей службе и одобрение которого я всегда ставил выше всяких крестов и наград»¹.

Лазарев, разумеется, не мог не посодействовать ближайшему помощнику. Когда ему удалось в 1846 году получить разрешение на постройку специального пароходофрегата с машиной мощностью 400 лошадиных сил, главный командир послал в Англию для заказа судна именно Корнилова².

Еще до отъезда капитан 1-го ранга успел сделать немало. 14 марта 1846 года в письме Лазареву он рекомендовал составить комиссию для возобновления сгоревшей библиотеки и предлагал себя в качестве одного из директоров³. 29 апреля Корнилов направил Лазареву составленное им описание приспособлений и методов обучения моряков на его корабле, чтобы передать их Великому князю для изучения⁴. Он также занимался переводом с английского «Артиллерийского учения» и направил перевод Лазареву с тем, чтобы экземпляр послать в столицу, а затем исправлял текст по замечаниям⁵. Как командир корабля «Двенадцать Апостолов», моряк 11 июня издал приказ о порядке проведения парусных и артиллерийских учений, 14 июня — о соблюдении требований личной гигиены и о порядке проведения артиллерийских учений⁶.

Летом 1846 года Корнилов готовился к поездке в Англию. Он писал Лазареву, что изучает пароходство, особенно винт, и просил прислать журналы с современными сведениями⁷. 14 августа 1846 года главный командир Черноморского флота и портов дал Корнилову предписание — моряку следовало заказать пароходофрегат с мощностью машины 400 лошадиных сил и со всеми усовершенствованиями, известными за границей. Ему также предстояло собрать сведения о нововведениях в судостроении, особенно в железном. Лазарев поручил Корнилову передать рекомендательные письма послу Ф.И. Бруннову и управляющему генеральным консульством Е.И. Кремеру, от которых ожидал помощи. Адмирал выделил необходимые средства и дал моряку широкие полномочия в выборе лучших кораблестроителей и машиностроителей. Проект он собирался утверждать сам⁸.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 91—92.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 64—65.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 93—94.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 94—96.

⁶ Там же. С. 96—98.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 99—100.

Корнилов блестяще выполнил поручение. В октябре 1846 года он прибыл в Англию, в ноябре ознакомился с государственными предприятиями в Вуличе, Портсмуте, Депфорде, Ширнессе, осмотрел лучшие пароходы, затем побывал на частных судостроительных верфях и механических мастерских; в декабре Корнилов готовил спецификацию для заказа пароходофрегата. После проведения конкурса среди судостроителей он избрал для постройки парохода фирму «Дигборн и Мер», а машину заказал механическим мастерским Ренни. 6 февраля 1847 года офицер со знанием дела подробно писал о проекте М.П. Лазареву¹.

Лазарев одобрил проект, и работы начались. Корнилов 15 декабря 1847 года обратился с письмом, в котором просил назначить командира «Владимира», как был назван заложенный пароходофрегат, из числа офицеров с пароходов. Этот офицер должен был наблюдать за постройкой и осваивать корабль и его механизмы еще до прибытия в Россию, а также изучить пароходное дело в Англии, ибо таких отечественных специалистов было мало. Выяснив, что в Англии существует специальная школа для подготовки командиров пароходов, Корнилов предложил организовать подготовку отечественных механиков, ибо на многих паровых судах механиками служили англичане. Он писал: «Нельзя не сознаться, что при размножении пароходов в России русские механики столько же необходимы, сколько и самые пароходы. Стоит только подумать о возможности разрыва с Англией, и тогда придется нам наш пароходный флот за недостатком механиков ввести в гавань и разоружить»².

Получив письмо, Лазарев запросил разрешения начальника Главного морского штаба направить в Англию командиром «Владимира» капитан-лейтенанта Н.А. Аркаса, а с ним группу моряков для изучения техники. Так как 15 декабря Корнилов запросил разрешения Лазарева осмотреть порты Франции, 30 января 1848 года адмирал направил ему необходимые деньги и предписание, в котором указал при рассмотрении французских портов обратить особое внимание на полезные нововведения на верфях и в устройстве и вооружении кораблей, включая пароходы, а также в управлении ими. Адмирал рекомендовал собирать сведения о штатах, правилах артиллерийских учений, боевых расписаниях, устройстве сигнализации и прочем³.

Поездка не была sinecурой. Лазарев, кроме заказа «Владимира», поручил Корнилову также постройку пароходов «Эльбурс», «Тамань», «Сулин», землечерпательной машины с буксирным пароходом, портовых железных судов и барж, а также поручал изучение железного судо-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 100—105.

² Там же. С. 106—107.

³ Там же. С. 107—108.

строения, плавучих маяков и другого. Моряк, уставший вдали от родины, стремился домой¹. 10 марта 1848 года Корнилов присутствовал при спуске пароходофрегата «Владимир»; в апреле—сентябре он продолжал наблюдать за достройкой его и других порученных ему судов. 19 сентября на борту «Владимира» моряк с семьей после испытаний и приемки корабля вышел по маршруту Плимут—Лиссабон—Мальта—Дарданеллы—Босфор и 17 октября прибыл в Одессу².

Лазарев после возвращения Корнилова подал рапорт начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову, в котором сообщал, что построенный под наблюдением капитана 1-го ранга «Владимир» может служить образцом для последующих пароходофрегатом. Он сообщил также о других выполненных под наблюдением Корнилова работах и предложил произвести того в контр-адмиралы с оставлением в Черноморском флоте для исполнения особых поручений и с правом присутствовать в Черноморском интендантстве, за что просил утвердить столовые деньги (572 рубля серебром в год) по примеру других членов общего присутствия интендантства³. Так адмирал поощрял энергичного помощника и давал ему средства содержать семью.

6 декабря 1848 года Корнилова произвели в контр-адмиралы с оставлением в Черноморском флоте для исполнения особых поручений главного командира и с правом заседать в свободное от служебных занятий время в общем присутствии Черноморского интендантства⁴.

15 сентября 1849 года Корнилов предложил заказать для канатного завода, который наметили строить в Николаеве, машины с завода Ренни, о которых он уже вел переговоры в Англии⁵. Лазарев намеревался поручить контр-адмиралу работу над «Мачтовым делом» и «Артиллерийским учением», разработку боевых расписаний для кораблей, организацию постройки железных пароходов и введение улучшений по всем частям флота. Однако неожиданно освободилось место начальника штаба Черноморского флота. Лазарев предложил кандидатуру Корнилова⁶. Обосновывая назначение, адмирал писал: «...Контр-адмиралов у нас много, но легко ли избрать такого, который соединил бы в себе и познания морского дела и просвещения настоящего времени, которому без опасения можно было бы в критических обстоятельствах доверить и честь флага и честь нации?»⁷

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 70—71.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 17—18, 110—112.

³ Там же. С. 112—113.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 71—72.

⁷ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 115.

3 апреля 1849 года В.А. Корнилов стал исправляющим должность начальника штаба Черноморского флота и портов¹. Сразу же его рабочий день заполнил поток бумаг разного рода. В 40-х годах число входящих и исходящих документов ежегодно достигало 70 тысяч. Чтобы не отрываться от деятельности флота, Корнилов получил разрешение главного командира регулярно выезжать в порты и на корабли, чтобы следить за состоянием дел и заниматься боевой подготовкой. Еще в первые годы на посту начальника штаба он, объехав порты, верфи, мастерские и склады, обнаружил многочисленные недостатки, изложил в докладных Лазареву действительное положение вещей и дал предложения по улучшению дел². 22 декабря 1849 года контр-адмирал предложил организовать в России предприятие по изготовлению морского клея, с которым ознакомился в Англии; предложение одобрил Ученый кораблестроительный комитет³.

5 мая 1849 года в докладной записке Корнилов предложил дать ему возможность инспектировать суда абхазской экспедиции, а также самому командовать отрядом легких судов и обходить порты и берега Черного моря; он считал полезным на эти суда брать гардемарин и штурманских учеников для прохождения ими практики и изучения театра военных действий. Лазарев согласился⁴, и в 1849 году Корнилов выходил в море на фрегате «Коварна», в 1850—1851 годах поднимал свой флаг на фрегате «Кулевчи»⁵.

Посещая корабли, выходя в 1849—1851 годах с отрядами разных судов в море, контр-адмирал проинспектировал в общей сложности свыше 50 кораблей разных рангов⁶, он добивался единообразия боевой подготовки. В частности, он распространял правила артиллерийского учения, принятые на корабле «Двенадцать Апостолов», на другие корабли. Так как линейные корабли плавали реже, чем легкие, Корнилов предложил часть экипажа последних сделать переменным, чтобы пропустить через крейсерства большинство моряков. Предложение его было принято⁷.

Подготовка моряков в штурманской роте оставляла желать лучшего, а из Морского корпуса мичманов присылали недостаточно. По инициативе Корнилова организовали школу для юнкеров Черноморского флота (молодых дворян, которые служили унтер-офицерами на кораб-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 18.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 73—76.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 126—128.

⁴ Там же. С. 117—118.

⁵ ОМС. Ч. VII. С. 300.

⁶ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 77—78.

⁷ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 116—117.

лях и после экзамена выходили офицерами); школа должна была, кроме того, дать «однообразное образование в науках, необходимых морскому офицеру», а также приучать к дисциплине. Начальник штаба обращал внимание на подготовку унтер-офицеров и юнг; он добивался улучшения положения дел во 2-м учебном экипаже и школе юнг¹.

Особенное внимание Корнилов обращал на наглядность обучения. В докладной записке он предлагал:

«Присутствуя на последнем публичном экзамене... я заметил в воспитанниках недостаток наглядного знакомства с орудиями, станками и вообще всей артиллерийской принадлежностью.

Будучи убежден, что преподаваемый предмет тогда только прочно вкореняется в понятиях и памяти учащихся, когда вместе с книжным объяснением он показывается им на самом деле, я имею честь просить дозволить для школы флотских юнкеров модели орудий... Орудия должны быть деревянные, разрезанные по длине, дабы можно было видеть устройство камеры и канала. Кроме того, отпустить одну бомбу, брандсгутель, дальнюю и ближнюю картечь и вообще по одному из всех употребляемых в нашем флоте снарядов»².

Приходилось совершенствовать работу гидрографического депо, приводить в порядок маяки Черного и Азовского морей. В 1850 году управление черноморских и азовских маяков непосредственно подчинили начальнику штаба, который утвердил соответствующее положение. В 1847—1850 годах Г.И. Бутаков и И.А. Шестаков провели съемки берегов Черного моря, в 1851 году по их результатам была подготовлена лоция. Корнилов поощрял научные исследования моряков, способствующие уточнению карт и представлений о портах и городах, берегах и водах, которые посещали российские корабли³. Он писал: «Во время плаванья командир обязывается во всяком случае поверять русские и иностранные карты; найденные погрешности, перемены, новые мели заносить в свой журнал, наполняя его и другими для гидрографии полезными сведениями, как-то: наблюдениями над склонением компаса, над господствующими ветрами и течениями; об опасности при приближении к разным якорным местам; о снабжении, которое суда или флоты могут получать в разных портах, и другие всегда нужные замечания как о самих портах, так и о жителях, в них живущих. Если обстоятельства позволят, то, кроме заметок своих, командиру надлежит поручить штурманскому офицеру производить опись портов и берегов (с разрешения местных властей) и потом как свой журнал, так и произведен-

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 78—80.

² Там же. С. 80—81.

³ Там же. С. 81—83.

ные описи представлять по окончании плавания в Гидрографический департамент»¹.

В феврале—марте 1850 года Корнилов по делам службы побывал в Санкт-Петербурге, встречался с начальником Главного морского штаба и генерал-адмиралом, дважды его принимал Николай I. Император подробно интересовался делами на флоте, особенно доками и укреплениями на суше в Севастополе. Благосклонно встречали контр-адмирала и Великий князь Константин Николаевич, и А.С. Меншиков. Корнилову удалось тогда решить ряд вопросов по Черноморскому флоту².

В апреле Корнилов докладывал Лазареву о необходимости здания для размещения юнкеров Черноморского флота и составлении правил их содержания и обучения в Николаеве, так как в Кронштадте условия их жизни и учебы были далеки от идеала. Контр-адмирал внес свои предложения по выбору здания³. 15 июня Корнилов докладывал Лазареву о сроках обучения флотских юнкеров. Основываясь на предложениях Корнилова, главный командир Черноморского флота и портов рапортовал 31 июля 1850 года А.С. Меншикову о необходимости организации в Николаеве юнкерской школы на 70 человек⁴.

Активность Корнилова и хорошее представление о нем в столице дали основание Лазареву 12 июня предложить Меншикову утвердить его в должности начальника штаба Черноморского флота и портов: «Исправляющий должность начальника штаба Черноморского флота и портов контр-адмирал Корнилов, состоя в настоящей должности с 3 апреля 1849 г., исправлял оную с примерною деятельностью и знанием при отличном также исполнении и других, не менее важных поручений, почему, представляя вашей светлости о таковой полезной службе контр-адмирала Корнилова, имею честь просить покорнейше не оставить разрешением о утверждении его в настоящей должности»⁵.

5 июля 1850 года Корнилова утвердили в должности начальника штаба⁶. Однако положение флагмана оставалось весьма сложным, и в письме брату он сетовал: «В сотый раз на пути в Севастополь, но это мой отдых. Если б не эти поездки, то я бы захворал от дел правильного течения. Ты не можешь себе представить, любезный друг Александр, до какой степени много поступает бумаг и по крайней мере на сто бумаг девяносто девять самого пустого содержания. Чувствуешь, как тупеешь! И что самое печальное: встречаешь зло, видишь, что даже подлежишь

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 83—84.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 128—131.

³ Там же. С. 131—133.

⁴ Там же. С. 136—138.

⁵ Там же. С. 133—134.

⁶ Там же. С. 18.

за него ответу если не начальству, то совести, и вместе с тем [видишь], что бессилен еси, как в постели под гнетом кошмара. Сто раз давал себе слово не тревожиться об участи дел, не стоящих в непосредственной зависимости начальника штаба, и представить их правильному течению, но не такова натура, не то старик заповедал нам...»¹

Лазарев, чтобы поощрить кипучую деятельность начальника штаба, 2 ноября 1850 года представил его к награждению орденом Св. Станислава I степени. В декабре Корнилов получил награду, но не был доволен, ибо за полученную звезду пришлось уплатить в капитул ордена, а денег и так не хватало. В письме к брату 26 декабря он жаловался, что его не зачислили в царскую свиту, а императорский вензель на погонах сулил дополнительно тысячу столовых денег в год. У контр-адмирала долги к этому времени превысили 1000 рублей².

Не меньше, чем денежные затруднения, беспокоила Корнилова болезнь (рак), которая начала одолевать Лазарева. Адмирал в конце 1850 года еще продолжал заниматься делами³. Скончался он 11 апреля 1851 года. Еще перед отъездом главного командира на лечение он получил высочайшее повеление передать дела вице-адмиралу М.Б. Берху. Тот не имел ни специальной подготовки, ни авторитета, чтобы руководить флотом, и фактически тяжесть управления легла на плечи В.А. Корнилова, теперь без поддержки Лазарева. В письме брату он писал: «...положение мое фальшиво. Имея только случайное и притом косвенное влияние на главные артерии механизма управления Черноморским флотом, на интендантство и строительную часть, — я могу подпасть без вины нареканию, но что мне до этого. Буду делать, что смогу, и тем исполню завет, напечатленный в примере служебной 50-летней деятельности моего отошедшего наставника. Его всегдашнее правило было: «все службе общественной», и он шел себе по стезе избранной, не развлекаясь почестями, на него сыпавшимися...»⁴

Уже 30 апреля Корнилов направил Берху докладную записку о необходимости просушки кораблестроительной древесины. Как председатель комиссии, учрежденной 4 ноября 1850 года Лазаревым «...для составления нормальных правил для практического производства кораблестроительных работ...», контр-адмирал предложил меры по просушиванию леса и проверке его сухости, ибо в первую очередь от материала зависело качество кораблей⁵. Не имея прямой возможности

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 139—140.

² Там же. С. 140—141.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Там же. С. 141—143.

влиять на дела строительные и интендантские, он сообщал Берху о недостатках в этих областях. 2 июля после осмотра судов отряда, на котором контр-адмирал совершил плавание, он докладывал о плохих канатах и рангоутном дереве, 3 июля писал о безобразном хранении металлических изделий, в том числе новейших пушек, на Ростовской пристани, где многие из них ржавели на земле¹. 4 августа Корнилов обратился к А.С. Меншикову с докладной запиской о необходимости расширить права начальника штаба Черноморского флота. Он добивался, чтобы все предписания начальника Главного морского штаба и высочайшие повеления докладывали главному командиру через начальника штаба, как и все предположения по морской, кораблестроительной и интендантской части, а также хотел, чтобы через начальника штаба проходили все назначения, смещения и награды чиновников². Таким образом контр-адмирал хотел получить возможность быть в курсе всех событий и даже как-то влиять на области, ему не подведомственные.

В столице ценили Корнилова, но не собирались сменять Берха. 7 августа Меншиков окончил смотр Черноморского флота³. В тот же день он рапортовал Николаю I:

«...Главным орудием покойного адмирала Лазарева ко введению тех усовершенствований по судостроению, вооружению и корабельной морской практике, которыми отличается Черноморский флот, был контр-адмирал Корнилов, даже и в то время, когда не был назначен начальником штаба сего флота. Сие побуждает меня думать, что пока тот же Корнилов пользоваться будет одинаковым доверием и у другого главного командира, то существующий порядок не только сохранится, но и в успехах не остановится, а наипаче, когда и главный начальник флота опирается на введенный в одной части порядок, чтобы распространить его и на другую, как сие делает вице-адмирал Берх старанием дать более жизни хозяйственным распоряжениям.

При просвещении современном он имеет еще довольно сил для административных занятий, и посему мне кажется, что изменение личности Главного черноморского управления было бы теперь еще преждевременно»⁴.

Меншиков предлагал лишь заменить дряхлого и бездеятельного руководителя интендантства вице-адмирала Дмитриева на контр-адмирала Н.Ф. Метлина, а на случай войны предполагал, что предводителя

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 144—146.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 150.

⁴ Там же. С. 148.

Черноморскому флоту следует искать среди энергичных младших адмиралов¹.

22 августа 1851 года Корнилова наградили знаком отличия беспорочной службы за 25 лет, 26 ноября — орденом Св. Георгия IV степени за выслугу 25 лет в офицерских чинах. 6 декабря 1851 года его назначили в свиту Императора².

17 августа 1851 года Корнилов докладывал М.Б. Берху о мерах, принятых по организации первой школы юнкеров флота в Николаеве³. 5 мая 1852 года он просил дежурного генерала Главного морского штаба Л.Л. Гейдена утвердить проект положения юнкерской школы⁴.

Осенью 1851 года Корнилов в письме брату вновь жаловался на долги и рассчитывал лишь на аренду. Имение его было уже дважды заложено, в 1841-м и 1845 годах, и Владимир Алексеевич беспокоился о детях, которые начинали учебу. Приходилось распродавать подаренные Императором табакерки, так как по занимаемому положению начальник штаба имел значительные расходы. Зачисление в свиту денег не принесло. В конце концов после смерти за ним осталось 20 000 рублей частных долгов⁵.

2 октября 1852 года В.А. Корнилова произвели в вице-адмиралы и назначили генерал-адъютантом. Однако его оставили в прежней должности начальника штаба⁶. Используя знания и опыт Корнилова, считали, что Берх более безопасен на посту главного командира, чем энергичный Корнилов. Скорее всего, в столице опасались, что решительный и честный моряк начнет вскрывать финансовые злоупотребления. Ему нередко приходилось выполнять поручения помимо Берха, моряку разрешили обращаться в Главный морской штаб, однако он не получил официальных прав по интендантской, кораблестроительной и инженерной части, что нередко ставило начальника штаба в трудное положение. В письме брату 3 ноября 1852 года Корнилов писал: «...Государь мне много лично задал дел здесь, а как я их выполняю, когда у меня нет другой власти, как власть Берха, которого формально не слушают»⁷. Тем не менее, перегруженный работой, контр-адмирал делал все возможное, чтобы поддерживать боеспособность Черноморского флота.

Корнилов, как и М.П. Лазарев, являлся активным сторонником развития парового судостроения и считал, что за механическими двигате-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 148.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 157—160.

⁵ Там же. С. 153, 155—156.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 161.

лями — будущее. Он часто выходил в море именно на пароходах. Зная о росте численности винтовых кораблей за границей, вице-адмирал настаивал на постройке таковых в России. В ноябре 1851 года прибыла построенная в Англии винтовая шхуна «Аргонавт», в сентябре 1852 года Корнилов утвердил постройку винтовых корветов «Воин» и «Витязь» на английских верфях. Однако моряк добивался развития парового судостроения на отечественных предприятиях, усовершенствования кораблестроительной базы, передачи заказов на паровые машины брянскому заводчику Мальцеву. Благодаря усилиям Корнилова, удалось получить разрешение на постройку двух винтовых кораблей и переделку в винтовые двух парусных; всего в 1853 году по инициативе начальника штаба были заложены или заказаны 10 винтовых судов разного ранга¹. Однако их достроили уже после Крымской войны.

Один из современников вице-адмирала писал: «...Корнилов был не только уважаем своими подчиненными за свои глубокие познания по всем отраслям морского и военного дела и за редкую справедливость к оценке подчиненных ему людей, но мы утвердительно говорим, что он был искренне любим всеми теми, кто сам честно служил, а их был легион... Правда, не любили его (но все-таки уважали) все те весьма немногие, у которых было рыльце в пушку...»²

Только работа на износ и полученный ранее опыт позволяли моряку добиваться улучшений во флоте. Усилия по подготовке экипажей и кораблей, совершенствованию портов, маяков, карт и многого другого, необходимого флоту, сказались после начала Крымской войны 1853—1856 годов.

* * *

В конце 1852 года Император Николай I обратился к начальникам Главного и Главного морского штабов с запросом, можно ли организовать экспедицию для занятия Константинополя и проливов. Ответы позволили Императору рассчитывать на успех операции. Планом высадки войск в Босфоре был увлечен и В.А. Корнилов, который получил задание спланировать десант. В феврале 1853 года он выполнил эту задачу³.

14 февраля на борту пароходофрегата «Громоносец» Корнилов отправился вместе с посольством А.С. Меншикова в Константинополь. Пока светлейший князь вел переговоры, начальник штаба Черноморского флота выполнял особую задачу. 28 февраля на пароходофрега-

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 100—104.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 305—306.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 58—61.

те «Бессарабия» он вышел из Константинополя в Грецию для осмотра находившихся там русских судов. Фактически вице-адмирал изучал состояние турецкого флота и укреплений Босфора и Дарданелла; вернувшись в Николаев 18 марта, он подготовил подробный отчет¹. Отчет этот Корнилов направил генерал-адмиралу, изложив в докладной записке свое мнение о сопротивлении, которое сможет оказать турецкий флот, и о десанте в Босфоре и Килиосе².

Сразу же после приезда в Николаев начальник штаба обнаружил, что командир 5-го корпуса фактически подчинил себе Черноморский флот, воспользовавшись слабостью Берха; сухопутные офицеры решали, как грузить войска на суда, использовали для своих целей флотские помещения. Главный командир вооружил флот и почти готовился к войне. Корнилову пришлось, пользуясь именем Меншикова, приостановить открытые приготовления³. Однако он нисколько не отказался от повышения боеспособности флота. Корнилов докладывал Берху об артиллерии, абордажном оружии, барказах⁴. 6 мая он направил доклад о содержании Черноморского флота в предусмотренном штатом корабельном комплекте. Вице-адмирал исходил из того, что 18 экипажей способны укомплектовать 18 кораблей. Так как в штате числили восемь фрегатов, столько же кораблей следовало содержать двухдечными, а остальные — трехдечными, приписывая к экипажам парихофрегаты и малые суда. При этом он считал, что не следует строить новые двухдечные суда, а поддерживать имеющиеся, вставляя в них машины, а трехдечные все строить винтовыми, как и более мелкие суда. Три винтовых корабля уже строили в Николаеве. Машины Корнилов предлагал заказывать в России, чтобы не зависеть от англичан. Николай I одобрил доклад, но повелел первоначально построить шесть трехдечных кораблей, по одному на бригаду Черноморского флота⁵.

В мае 1853 года начальник штаба Черноморского флота и портов утвердил «Программу крейсерства между Босфором и Севастополем», по которой легкие суда (три брига и два фрегата) были высланы для патрулирования в определенных районах западной части Черного моря. 18 мая Корнилов дал командирам крейсирующих судов инструкцию в случае появления иностранных судов немедленно сообщать об этом. Русским морякам не следовало выходить на вид турецких берегов, осаживать торговые суда; им предстояло без особой необходимости

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 20—21.

² Там же. С. 173.

³ Там же. С. 172—173.

⁴ Там же. С. 173—176.

⁵ Там же. С. 177—178.

стараться избегать столкновений, пока еще не было военного разрыва¹. 8 июня вице-адмирал послал указание М.Н. Станюковичу усилить крейсирующие силы у берегов Кавказа, образовав Северный и Южный отряды². Корнилов организовал постоянные крейсерства двух практических эскадр и сам не раз выходил с эскадрой или отрядом пароходов в поисках турецкого флота. Он надеялся вступить в сражение и пополнить корабельный состав трофеями. 5—12 августа вице-адмирал командовал главными силами флота в учебном плавании. Проведенные 12 августа учения продемонстрировали, как неприятельская эскадра может атаковать Севастопольский рейд и как русская сможет его защитить³. Опыт этого учения использовал П.С. Нахимов при атаке Синопа.

Подготовка проходила и на суше. В сентябре Корнилов наблюдал за стрельбой нестроевых морских команд из крепостных пушек и был удовлетворен результатами; он также руководил перевозкой войск 13-й дивизии на Кавказ⁴.

Так как осеннее крейсерство на Черном море затрудняла штормовая погода, Корнилов в докладной записке от 1 октября предложил Меншикову занять Синоп и Сизополь, лежащие на пути турецкого подвоза, и сделать их базами крейсирующих сил. Вице-адмирал считал, что в отряды достаточно включить по три корабля, два фрегата, два пароходофрегата и два мелких судна, а гарнизон каждого пункта составить из полка пехоты и батареи. Он предлагал после объявления войны без огласки занять сначала Синоп как более близкий, потом Сизополь. Для высадки десанта начальник штаба считал достаточным отряд из четырех трехдечных кораблей, двух двухдечных и шести больших пароходов, выслав четыре двухдечных корабля и фрегат к Босфору и оставив четыре более старых в Севастополе. Войска следовало перевезти из Севастополя в Синоп и затем из Одессы в Сизополь. Корнилов рассчитывал также на адмиралтейство в Синопе. По его предложению 5 октября в море была выслана эскадра П.С. Нахимова, которая крейсировала у Синопа. Однако занять этот порт, как и Сизополь, русское командование не решилось⁵. Скорее всего, причиной явилось вмешательство в русско-турецкие отношения Англии и Франции, чьи флоты могли легко блокировать и Синоп, и Сизополь, и оставшийся без части флота Севастополь. Командующий морскими и сухопутными силами в Крыму А.С. Меншиков отверг этот рискованный проект⁶.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 178—180.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 184—190.

⁴ Там же. С. 191—192, 195—197.

⁵ Там же. С. 194—195.

⁶ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 108—109.

11 октября турецкие береговые батареи обстреляли суда Дунайской флотилии, проходившие вдоль русского берега Дуная. Как только в Севастополе стало известно о начале боевых действий, Корнилов предупредил П.С. Нахимова, находившегося в крейсерстве. 16 октября он предложил для усиления обороны базы распределить силы флота в Севастополе на две эскадры; в случае выхода первой второй следовало расположиться для обороны входа в бухту. Вице-адмирал предписал усилить обучение моряков, находящихся на берегу, стрельбе из береговых орудий, и устроить на возвышенностях телеграфы для сообщения о видимых на горизонте судах. В тот же день начальник штаба издал приказ о повышении боевой готовности кораблей Черноморского флота, в котором писал: «...считаю обязанностью предупредить флагманов, командиров кораблей и других военных судов, что, несмотря на мирную стоянку на Севастопольском рейде, суда должны быть всякую минуту готовы к выходу в море для поражения неприятеля...»¹

23 октября Корнилов с отрядом пароходов вышел на разведку и обошел берега Румелии от устья Дуная до Босфора в поисках турецкого флота. Выяснив, что турки готовят эскадру к берегам Кавказа, начальник штаба флота вернулся в Севастополь². Послав фрегат с предупреждением Нахимову и подкрепление к Сухум-Кале, сам он по приказу Меншикова с эскадрой из трехдечных кораблей 29 октября направился на перехват турецкой эскадры; в Севастополе оставалась эскадра контр-адмирала Вульфа. Так как война не была объявлена, Корнилов отдал приказ захватывать и истреблять турецкие военные суда и те купеческие, на которых есть войска или грузы турецкого правительства³.

Турецкий флот встретить не удалось, и Корнилов передал командование парусной эскадрой Ф.М. Новосильскому, послав его на встречу с Нахимовым. Пересев на пароходофрегат «Владимир», начальник штаба Черноморского флота и портов отправился в Севастополь. Утром 5 ноября с борта парохода увидели парусную эскадру и дым парохода. Приняв эскадру за корабли Нахимова (на самом деле то были фрегаты Осман-паши, направлявшиеся от Босфора на Кавказ), вице-адмирал приказал править на дым. Он намеревался пополнить флот так необходимыми пароходами. В жестоком бою «Владимир» овладел турецким пароходом «Перваз-Бахри», и Корнилов повел его на буксире в Севастополь, упустив возможность обнаружить турецкую эскадру, идущую в Синоп⁴.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 198—199.

² Там же. С. 201—203.

³ Там же. С. 200, 203.

⁴ Там же. С. 204—213.

Вернувшись в Севастополь, Корнилов писал: «Имею теперь полное понятие о сражении пароходов между собою, об особой тактике, которую они должны соблюдать»¹. 7 ноября он запросил разрешения Берха включить «Перваз-Бахри» в состав Черноморского флота; 22 ноября трофейный пароход по воле Императора был переименован в «Корнилов»².

Высоко оценивая значение паровых судов, в приказе по флоту в октябре 1853 года В.А. Корнилов требовал: «Пароходам, имеющим артиллерию, усугубить заботливость об усовершенствовании тревоги; особенно стараться усилить носовую и кормовую артиллерию и приучить прислугу к верному и быстрому прицеливанию и точному действию бомбами. Пароходным командирам надлежит также иметь под руками всевозможные средства исправления повреждений в машине, в котлах, паровиках и трубах... Пароходные командиры должны также обдумать меры, дабы всегда предупредить замешательство, могущее произойти от перебитого штур-троса, ибо руль на пароходе еще важнее, чем на парусном судне, за неимением на пароходе правильной парусности, заменяющей иногда руль»³. Позднее Корнилов предлагал командирам паровых кораблей учитывать преимущества своей дальнобойной артиллерии, не подставляя выстрелам противника борт (колеса и машину). В крейсерстве у Босфора он заметил, что разные сорта угля дымят по-разному, и рекомендовал перед крейсерством подбирать уголь менее дымный для большей скрытности судна⁴.

Получив известие от Нахимова о турецкой эскадре в Синопе, начальник штаба флота сделал все возможное, чтобы усилить крейсирующую эскадру. Только неисправность нескольких пароходов помешала пылкому моряку прибыть к началу Синопского сражения, но его паровой отряд успел принять участие в перестрелке с бежавшим турецким пароходофрегатом и буксировал поврежденные корабли эскадры Нахимова. 28 ноября моряка наградили орденом Св. Владимира II степени «за отличные распоряжения при военных действиях Черноморского флота»⁵.

Зимой основные усилия уходили на ремонт кораблей, пострадавших за время кампании и особенно в Синопском сражении. 3 января 1854 года вице-адмирал писал: «...Корабли наши пока не в полной готовности. Герои Синопа потребовали мачт новых и других важных рангоутных дерев, а старики надорваны усиленным крейсерством в глубокую осень и нуждаются в капитальных исправлениях; меры берем,

¹ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 114.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 214—215.

³ Там же. С. 199.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 114.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 22, 217.

но нелегко исправить без адмиралтейства и без запасов...»¹ Только к летней кампании корабельный состав был приведен в порядок.

Корнилов пытался активизировать развитие отечественного парового машиностроения. Он рассчитывал на заводы Мальцева; те изготавливали паровые машины для кораблей, которые строили в Николаеве. 22 апреля 1854 года начальник штаба писал вице-адмиралу Метлину, который возглавлял хозяйственную и кораблестроительную часть Черноморского флота: «Нельзя ли поторопить дело по заготовке машин у Мальцева. Желательно было бы попытаться...»² 25 апреля тому же адресату вице-адмирал с горечью сообщал: «Мальцево дело возвращено с надписью князя, которою оно, к большому моему сожалению, опять отсрочено. Но что делать, такова, вероятно, судьба развития этой, по-моему, важной для России промышленности...»³

Одновременно Корнилов занимался усовершенствованием обороны Севастополя. Уже зимой моряки соорудили батареи в глубине рейда, а весной начали строить батареи при входе на рейд. Поперек Северной бухты протянули бон из бревен. На берегу организовали наблюдательные пикеты, погасили маяки, сняли навигационные знаки на случай появления неприятельского флота⁴. 22 января Корнилов выпустил боевое расписание корабельных команд и береговых частей на случай обороны Севастополя с суши. В расписании он указал, где на суше следовало собираться экипажу того или иного корабля или судна, оставив на борту только караул⁵. Это были первые шаги подготовки к обороне Севастополя, не имевшего почти укреплений со стороны суши.

17 февраля Корнилов выпустил боевое расписание Черноморского флота на случай нападения противника с моря. В расписании было указано расположение судов и их задачи⁶. На случай атаки Севастополя с моря и высадки десанта неприятеля вице-адмирал 18 марта разработал специальную инструкцию. Она предусматривала разные варианты нападения⁷.

В марте 1854 года Англия и Франция объявили войну России. Неоднократно английские и французские корабли появлялись перед Севастополем и другими портами, захватывали мирные суда, 10 апреля обстреляли Одессу и безуспешно пытались высадить десант. Основные силы Черноморского флота оставались в готовности. 18 апреля, после

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 217.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 244.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 116—117.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 218—219.

⁶ Там же. С. 219—222.

⁷ Там же. С. 226—233.

появления неприятельского флота у берегов Крыма, В.А. Корнилов отдал приказ об усилении бдительности экипажей кораблей:

«Появление англо-французской эскадры у самого входа в Севастополь и близкий подход винтового английского корабля «Агамемнон» под флагом контр-адмирала Лайонса к бухте с намерением остаться на ночь под нашим берегом требует со стороны судов флота особой бдительности и совершенной готовности в самое короткое время сняться с якоря и следовать для атаки неприятеля. Нет надобности после сего объяснять командирам, как важно, чтобы на судах, им вверенных, от захождения до восхождения солнца все без исключения были в сборе, и, конечно, они давно уже завели порядок, на каждом военном судне в военное время наблюдаемый, перед вечернею зарею делать переключку по пушкам и раскладывать все принадлежности к бою, но к этому я считал бы полезным присовокупить, что командирам необходимо, куда неприятель в виду, после переключки завести осмотр, все ли готово: 1) к внезапной съемке с якоря; 2) к быстрой высылке стрелковых abordажных партий, для которых предварительно изготовлять патроны; 3) пароходам — чтобы развести пары с возможною поспешностью и потом буксировать корабли и 4) брандвахте — к разводу бона»¹.

Трудности создавал и недостаток материалов для вооружения кораблей. Требовались канаты на такелаж, парусина на матросские койки. Из-за блокады союзников пришлось старые корабли оснастить старьем, чтобы они могли выполнять роль плавучих батарей. В переписке с Н.Ф. Метлиным Корнилов рекомендовал не торопиться посылать пароход «Эльбурс» с необходимыми материалами, пока противник не удалится². Он беспокоился и об обороне Николаева³. Однако бездействие мучило моряка. Узнав о захвате севшего на мель под Одессой английского пароходофрегата «Tiger», он в письме Ф.Ф. Матюшкину задавал себе вопрос: «Сравнивая это дело с делом «Колхиды», невольно задумаешься и придет на мысль, следует ли с нашим Черноморским флотом, ныне состоящим из 12 кораблей и 7 фрегатов, готовых бить и насмерть, смотреть со смирением на блокирующих Севастополь 18 союзных кораблей с причетом пароходов. Конечно, мы не можем пожаловаться, чтобы они нас беспокоили...»⁴

Флот принимал пополнение из старослужащих, еще два корабля должны были войти в строй к концу мая⁵. Пользуясь туманом, «Эльбурс»

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 240.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 245—246.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 247.

проскочил из Николаева в Севастополь, но трудности с такелажем и углем оставались¹. Корнилов распределил наличные силы на четыре эскадры по три корабля. Несмотря на присутствие многочисленных союзных кораблей, эскадры с 15 мая поочередно проводили учебные плавания².

18 августа Корнилов писал в приказе: «Удовлетворительное состояние морских работ на кораблях дает возможность прекратить ежедневный выход корабельного отряда для крейсерства в виду Севастополя... Объявляя о сем прекращении крейсерства корабельных отрядов, я пользуюсь случаем, чтобы объявить флагманам, командирам, офицерам и командам признательность начальства за то усердие, с которым корабли в продолжение трех месяцев поддерживали крейсерство»³.

Пароходы сняли войска Кавказской береговой линии, вели разведку и патрулирование, вступали в стычки с неприятельскими пароходами-разведчиками. Сам Корнилов не раз выходил на пароходах для рекогносцировки⁴. В первых столкновениях моряки отработывали тактику парового флота. Однако недостаток паровых судов сказывался, и Корнилов сожалел: «Стесняет нас только недостаток пароходов, приходится или терпеть подобно одесскому оскорблению, или ставить на карту последние ресурсы. Сердце раздирается, а пособить нечем»⁵.

Пароходы «Владимир», «Эльбурс», «Тамань» выходили в море, проводили разведку, действовали на коммуникациях у берегов неприятеля. Отправляя «Эльбурс» в поход, вице-адмирал беспокоился. Он писал: «Конечно, важно пугнуть их в тылу, но не менее важно сохранить суда наши до благоприятного времени в целости»⁶.

Особую сложность составляла острая нехватка топлива, из-за чего не всегда можно было выслать пароходы в море. На 1854 год интендантство запланировало поставки угля вдвое меньше, чем в предыдущем, ибо поставки иностранного угля сократились, а своих шахт почти не было. Корнилов в феврале побуждал Черноморское интендантство: «Дело доставки антрацита для нас теперь одно из самых важных»⁷. 10 мая 1854 года он писал Метлину: «...будет ли у нас уголь-антрацит? Нельзя не выказывать признаков жизни, а всякое разведение паров уменьшает имеемый запас»⁸. К примеру, когда 23 июня на горизонте показался неприятель-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 249.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 120.

³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 177—178.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 22—23.

⁵ Там же. С. 238.

⁶ Там же. С. 248—249.

⁷ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 123.

⁸ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 249.

ский пароход, Корнилову пришлось отказаться от преследования, чтобы не тратить уголь¹.

Корнилов заботился об экипажах. Когда выяснилось, что число больных выросло из-за того, что матросы спят не в подвесных койках, а на палубах, вице-адмирал издал приказ: «...я вынужденным нахожусь напомнить командирам судов, что таковое несоблюдение правил морской жизни, заведенных с давних времен всеми нациями... отнесено будет начальством к неспособности к командованию, ибо нераспорядительность или беспечность в отношении к сохранению здоровья команды не должна быть ничем извиняема»².

Так как угроза нападения все возрастала, 1 июля 1854 года в дополнение к созданным десантным батальонам Корнилов приказал П.С. Нахимову сформировать еще два резервных батальона из моряков с кораблей; он давал указания об использовании морских сил на суше и интересовался наличием ружей на кораблях, которые можно было бы использовать на берегу. В дневнике вице-адмирал описывал поиски пароходфрегатов. Но одновременно Корнилов беспокоился и о строительстве сухарного завода, и о медленной переделке корабля «Трех Иерархов» в винтовой³.

Все мирные заботы окончились, когда 1 сентября на горизонте мимо Севастополя прошел гигантский флот союзников. Знавший состояние обороны базы флота, Корнилов был полон мрачных предчувствий. В письме брату он писал: «...На-днях должно решиться: быть или не быть, надеюсь, Черноморскому флоту, а не России. Для матушки [России] временная потеря и Крыма флота — ничего. Она не в таких казусах была и выходила славнее и сильнее, а будущее не кончилось, она слишком молода и крепка. Бог да хранит всех нас»⁴.

Для досужих размышлений времени не оставалось. 2 сентября Корнилов направил П.С. Нахимову отношение о приведении флота в боевую готовность и формировании из экипажей кораблей батальонов; следовало оставить на борту лишь людей для спасения от пожаров⁵. В тот же день он отдал диспозицию флоту, отправил часть моряков на сушу и отряд — на Альму. Работы в порту прекращались, и усилия обратили на оборонительные работы, в первую очередь на Северной стороне⁶.

В начале сентября 1854 года англо-франко-турецкая армия высадилась в Крыму, у Евпатории. Приняв первые меры к защите Севасто-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 253.

² Там же. С. 243.

³ Там же. С. 251—253.

⁴ Там же. С. 253.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 126.

поля, остававшегося почти без войск, вице-адмирал выехал к армии. 6 сентября он посетил ставку Меншикова на реке Альма, 8-го числа узнал о наступлении союзников и вновь направился к Альме¹. В тот день произошло сражение. Потерпевшая при Альме поражение русская армия отступила, открыв дорогу к Севастополю.

Еще 7 сентября, готовясь к решительным боям, В.А. Корнилов написал завещание. Не имея крупного состояния, он в основном мог завещать детям честное имя и советы, как жить:

«Моя последняя воля.

Полагал бы семейству нашему, пока дочери малы и лучшее для них воспитание есть домашнее под наблюдением и в правилах и в примере такой редкой и заботливой матери, жить в сельце Ивановском. Там могли бы несколько устроиться дела и отклониться недостаток предстоящий при всякой городской жизни.

Все мое движимое и недвижимое должно поступить в полное распоряжение моей супруги, с которой мы в продолжение 17 лет жили в любви, дружбе и, могу сказать, в примерном согласии.

Детям завещаю: мальчикам — избрав один раз службу государю, не менять ее, а приложить все усилия сделать ее полезною обществу, не ограничиваясь уставом, а занимаясь с любовью, изучая всеми своими способностями то, что для полезнейших действий пригодно. Лучший пример для них в отношении последнего их дед, и дядя, и, могу смело сказать, — отец. Дочкам следовать во всем матери.

Мои бумаги все собраны, равно как бумаги и все то, что относится к благодетелю моему Михаилу Петровичу Лазареву, к семейству которого желал бы, чтобы дети мои сохранили особую дружбу и старались быть ему при всяком случае полезными. Извлечение из бумаг этих, особенно последних, может быть полезным.

Затем, благословляя жену и детей, я со спокойствием готов кончить, как жил для блага моей родины, которую бог не оставит и которая, конечно, по окончании несправедливо начатой с нею войны станет еще выше в судьбах наций»².

После известия о поражении на Альме 9 сентября Корнилов собрал военный совет. Оставалось неизвестно, где находится Меншиков с армией. Вице-адмирал предложил выйти со всеми силами флота и атаковать превосходящего неприятеля; однако большинство участников совета согласилось с предложением капитана 1-го ранга А.А. Зорина (Зарина) закрыть вход на рейд затопленными кораблями, а экипажи и артил-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 23.

² Там же. С. 286.

лерию флота использовать для обороны с суши, чтобы спасти базу. Корнилов не согласился с решением совета и приказал готовить флот к выходу. Однако прибывший к Севастополю Меншиков приказал то же, что решил совет, и заявил, что в случае неподчинения начальнику штаба Черноморского флота и портов следовало выехать в Николаев¹.

Корнилов был вынужден подчиниться. 9 сентября он отдал приказ о затоплении части кораблей и распределении остальных для обороны подходов с моря; их также следовало приготовить к затоплению в случае сдачи города². В ночь на 11 сентября пять кораблей и два фрегата затопили поперек входа в бухту; в спешке с них даже не сняли пушки, пороха и провизию³.

Поднимая дух моряков, Корнилов писал в приказе 11 сентября:

«Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходным неприятелем отошли к Севастополю, чтобы грудью защищать его. Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах. Он привел двойное число таких, чтобы наступить на нас с моря; нам надобно отказаться от любимой мысли — разразить врага на воде. К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства.

Главкомандующий решил затопить 5 старых кораблей на фарватере; они временно преградят вход на рейд, и вместе с тем свободные команды усилят войска.

Грустно уничтожить свой труд; много было употреблено нами усилий, чтоб держать корабли, обреченные жертве, в завидном свете порядке, но надобно покориться необходимости.

Москва горела, а Русь от этого не погибла, напротив, встала сильней. Бог милостив! Конечно, он и теперь готовит верному ему народу русскому такую же участь...»⁴

В тот же день Корнилов отдал приказы о формировании из команд потопленных кораблей шести батальонов, об отправке четырех батальонов в Северное укрепление. Вице-адмирал стал фактическим руководителем обороны Севастополя. Он по приказу Меншикова вступил в командование войсками на Северной стороне, которой непосредственно угрожали союзники, и назначил начальником штаба В.И. Истомина. На южной стороне Меншиков назначил командовать вице-адмирала П.С. Нахимова⁵.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 23.

² Там же. С. 255—256.

³ Там же. С. 257—258; *Зверев Б.И.* Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 126—127.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 258.

⁵ Там же. С. 259—260.

Корнилов усиленно занимался обороной Северной стороны в основном силами перешедших на сушу моряков, сформированных в батальоны. 13 сентября он отдал приказ о действиях кораблей при обороне Северной стороны в случае отступления армии¹. Вице-адмирал заявлял: «С Северной стороны ретирады нет; все, кто туда попал, ляжет навеки»². Он готовился стоять насмерть. Однако союзники, также немало пострадавшие в сражении при Альме, не решились атаковать практически беззащитную с суши Северную сторону и решили перейти к Южной стороне. Эта задержка в несколько дней позволила русскому командованию подготовиться к обороне. Руководство подготовкой и самой обороной легло на В.А. Корнилова.

Когда союзная армия двинулась к Южной стороне, туда же переехал и начальник штаба Черноморского флота и портов, чтобы вместе с Нахимовым защищать Севастополь. 13 сентября по предложению Нахимова он принял обязанности начальника штаба войск, расположенных в Севастополе. Генерал-лейтенант Моллер, которого Меншиков назначил начальником гарнизона, приказал начальникам войск выполнять все приказания вице-адмирала Корнилова³.

Уже 11—12 сентября по приказу Корнилова из моряков были сформированы 17 флотских батальонов численностью 12 тысяч человек⁴. Так как А.С. Меншиков вышел из Севастополя к Бахчисараю, чтобы удержать сообщение Крыма с Россией, морские батальоны и небольшие оставленные князем войска составили гарнизон. 14 сентября всю линию обороны Южной стороны распределили на три дистанции во главе с генерал-майором Аслановичем, вице-адмиралом Ф.М. Новосильским и контр-адмиралом В.И. Истоминым. Основную силу обороны составили моряки во главе с наиболее энергичными офицерами. При помощи жителей города за несколько дней были сооружены полевые укрепления, оснащенные сотнями морских и полевых пушек. Когда союзники приблизились к Севастополю, они вместо беззащитного города столкнулись со свеженасыпанными бастионами, не решились на штурм и перешли к осаде⁵.

Корнилов понимал опасность положения Севастополя и в докладной записке 19 сентября А.С. Меншикову писал, что необходимо удвоить пятнадцатитысячный гарнизон, чтобы удержать оборонительную линию в 7 верст⁶. 26 сентября начальник штаба отдал приказ о мерах для отражения атак противника в дневное и ночное время, 28 сентября — о

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 261.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 129.

³ Там же. С. 129—131.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 133—136.

⁶ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 262—263.

создании запасных артиллерийских парков, 1 октября — о мерах предохранения войск во время бомбардировок. Настаивая на упорной обороне, Корнилов также требовал, чтобы войска наладили взаимодействие, чтобы зря не тратили снаряды (подвоз которых был затруднен) и стреляли только тогда, когда выстрелы могли принести очевидную пользу. Он предписывал держать у орудий лишь необходимых людей, всех остальных укрывая в блиндированных навесах, чтобы уменьшить потери¹.

Корнилов и Нахимов занимались организацией обороны, снабжением войск и массой других вопросов, которые ставила жизнь. В частности, на сухопутных укреплениях сохранили те же порядки, что и на кораблях Черноморского флота. Обычно гарнизон батареи или бастиона составляли моряки с одного корабля во главе со своими офицерами. Корнилов отмечал: «Матросы особенно одушевлены и с жаждой помышляют о битве за родину»². В начале октября батальоны вновь переформировали в 16 флотских экипажей. То, что обороной руководили всем известные флотоводцы, поднимало дух. Вице-адмиралы постоянно объезжали укрепления, демонстрируя спокойствие и присутствие духа. Начальник штаба опирался на опыт инженера Тотлебена и других специалистов.

Считая, что цель неприятеля — уничтожение флота и его базы, Корнилов писал: «Потеря и того и другого невозвратима для России; даже последующее истребление всей неприятельской армии на развалинах Севастополя не вознаградит... конечное разрушение этого важного порта, всего Черноморского флота не только с кораблями, но и с офицерами и матросами, приготовленными такими долговременными постоянными трудами»³.

18 сентября армия Меншикова прибыла к Северной стороне. Связь Севастополя с Россией сохранилась. Корнилов продолжал руководить обороной Южной стороны. Он готовил инструкции и приказы не только для моряков, но и сухопутным войскам гарнизона. Добиваясь минимальных потерь, вице-адмирал предписывал оставлять у орудий минимум людей, остальных при обстреле рассредоточивая и укрывая. В то же время он настаивал, чтобы стрельба орудий продолжалась, пока противник не ворвется на батарею, а стрелки и артиллеристы в это время должны были встречать врага холодным оружием⁴.

Уже в сентябре защитники, кроме подготовки к обороне, начали совершать вылазки, в которых отличались моряки. Корнилов отмечал

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 263—266.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 132.

³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и биографии Владимира Алексеевича Корнилова. С. 236.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 264—265.

эти успехи в приказе 3 октября¹. Вице-адмирал неустанно руководил обороной. Он демонстрировал свою храбрость, ежедневно бывая на укреплениях под огнем. Корнилов говорил перед первой бомбардировкой Севастополя: «Не время думать теперь о безопасности; если завтра меня где-нибудь не увидят, то что обо мне подумают?»²

5 октября 1854 года союзники начали общий обстрел Севастополя с суши и моря, однако огромный расход боеприпасов не принес им успеха. К несчастью, В.А. Корнилов уже не мог увидеть ни неудачи первой бомбардировки, ни последующих штурмов. Во время объезда укреплений 5 октября он был поражен ядром на Малаховом кургане и вечером скончался. Последние его слова были: «Отстаивайте же Севастополь!»

Похоронили флагмана в склепе Владимирского собора, рядом с М.П. Лазаревым. Очевидец вспоминал: «Вечером 6 октября были похороны адмирала Корнилова. Мало мне приходилось видеть подобных похорон. Плакали не только офицеры, к нему приближенные: плакали чужие, плакали угрюмые матросы, плакали и те, которым слеза была незнакома с пленок...»³

Мечты В.А. Корнилова о славных победах Черноморского флота под его командованием так и не осуществились. Если не считать боя «Владимира», сам вице-адмирал не руководил крупными сражениями. Однако составленный им план обороны Севастополя защитники осуществляли до самого конца. Стойкость русских воинов, благодаря организации начальника штаба Черноморского флота и его соратников, уже в дни первой бомбардировки продемонстрировала, что ни с моря, ни с суши взять легко главную базу флота не удастся.

Современник писал о Корнилове: «Необыкновенная проницательность и быстрота соображения, отличное знание всех отраслей службы, практическое умение обходиться с людьми и управлять ими, деятельность, всегда приводившая всех в удивление, наконец, смелость и решительность — вот качества, в которых не отдать ему справедливости не могут и самые его противники»⁴.

Прошли полтора столетия, но имя вице-адмирала Корнилова остается нетленным в ряду участников героической обороны Севастополя. В 1992 году прах героя перезахоронили в Адмиралтейском соборе Севастополя⁵.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 266—267.

² Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 141.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 293.

⁴ Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. С. 89.

⁵ Корнилов В.А. // Военная энциклопедия. М., 1999. Т. 4. С. 194.

Имя В.А. Корнилова носили боевые корабли. Его именем названы бухта Корнилова (Мунамниман) в Японском море у полуострова Корея, которая была обследована в 1886 году экипажем корвета «Крейсер» и наименована в честь В.А. Корнилова, и мыс Корнилова на Крымском полуострове Черного моря, получивший название в 1953 году¹.

НОВОСИЛЬСКИЙ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ

Федор Новосильский родился в 1808 году². 5 апреля 1818 года мальчик поступил в Морской корпус кадетом. 10 июля 1820 года его произвели в гардемарины, 22 февраля 1823 года — в мичманы. В 1823 году на корабле «Ретвизан» юноша крейсировал в Балтийском море, в 1824 году на фрегате «Вестовой» плавал от Кронштадта до Исландии, в 1825—1826 годах на флотилии канонерских лодок ходил между Петербургом и Кронштадтом. 22 февраля 1828 года Новосильского произвели в лейтенанты. На бриге «Коммерстракс» он плавал по Балтийскому морю, занимал брандвахтенный пост на северном кронштадтском фарватере, затем был переведен на Черноморский флот (1828). В 1829 году на бриге «Меркурий» молодой моряк крейсировал у Босфора и участвовал в сражении с двумя турецкими кораблями³.

Командовал «Меркурием» капитан-лейтенант А.И. Казарский. Родился он в 1797 году, в меетечке Дубровка Мстиславского уезда Белорусской губернии, и был сыном бедного чиновника. Службу мальчик начал на Черном море волонтером, в 1814 году получил чин мичмана, в 1816—1819 годах командовал военными лодками Дунайской военной флотилии. Переведенный на Черноморский флот в 1820 году, моряк служил на фрегатах «Евстафий» и «Лилия», на транспорте «Ингул», в 1826—1828 годах командовал старым бригом «Соперник», переоборудованным в транспорт, в ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 годов отличился при взятии Анапы и Варны⁴. В конце 1828 года его назначили командиром брига «Меркурий» крейсерского отряда эскадры. Не раз он ходил в плавания к неприятельским берегам, отыскивая турецкие корабли. В мае бриг вышел в плавание с 44-пушечным фрегатом «Штандарт» и бригом «Орфей» под командованием капитан-лейтенанта П.Я. Сахновского⁵.

¹ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 111.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 748.

³ ОМС. Ч. VII. С. 623.

⁴ Иоффе А.Е. Казарский А.И. // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. М., 1996. Т. II. С. 449; Сиволинский Ю. Герои брига «Меркурий». М.: Воениздат, 1963. С. 19.

⁵ Сиволинский Ю. Потомству в пример. Симферополь: Крымиздат, 1957. С. 69—70.

По плану боевой подготовки 14 мая на «Меркурии» намечали артиллерийское «учение с пальбой»¹. По воле случая учение превратилось в сражение. В этот день отряд вблизи Босфора встретил турецкую эскадру из 18 кораблей². Капитан-лейтенант Сахновский максимально сблизился с противником, чтобы определить его силу. Моряки насчитали 14 судов, включая 6 линейных кораблей, 2 фрегата и 2 корвета. Командир отряда приказал «Меркурию» лечь в дрейф. Более быстрые «Штандарт» и «Орфей» продолжили сближение и затем легли на обратный курс. Они легко оторвались от противника. Сахновский рассчитывал навести турок на русскую крейсирующую эскадру. Бриг «Меркурий» отстал, и после длительной погони его нагнали два турецких корабля, 110- и 74-пушечные. Первый, «Селимие», шел под флагом капудан-паши, а второй, «Реал-бей» — под флагом младшего флагмана. Чтобы занять и отвлечь матросов от мыслей об опасности, командир организовал приборку брига³.

В полдень стало ясно, что уйти не удастся, и Казарский приказал начать подготовку к бою. Для увеличения скорости моряки воспользовались веслами. Но турки нагоняли. Русские моряки перенесли с носа на корму две каронады, которыми и предстояло ответить противнику, располагавшему по крайней мере 30 пушками на одну русскую⁴.

На военном совете, который собрал Казарский перед боем, младший по чину среди офицеров поручик корпуса флотских штурманов И.П. Прокофьев первым высказал предложение принять бой, а при угрозе захвата сблизиться с противником и взорвать бриг вместе с ним. Офицеры, в том числе и Новосильский, согласились с предложением. Решение одобрила и команда⁵. В рапорте о бое Казарский записал, что на консилиуме «предложил первой корпуса флотских штурманов поручик Прокофьев взорвать бриг на воздух, и мы единодушно положили драться до последней крайности, и есть ли будет сбит рангоут, или в трюме вода прибудет до невозможности откачиваться, то свалившись с каким-нибудь кораблем тот, кто будет еще в живых из офицеров, выстрелом из пистолета, должен зажечь крюйт-камеру»⁶.

Чтобы осуществить решение, исправный пистолет положили на шпиль вблизи люка крюйт-камеры.

Тем временем снаряды с приближающихся турецких кораблей падали вокруг, пробивали паруса. Турецкие матросы готовились к абор-

¹ *Сиволинский Ю.* Потомству в пример. С. 71.

² Морской атлас. Т. III, описания к картам. Ч. I. С. 475.

³ *Сиволинский Ю.* Потомству в пример. С. 73—79.

⁴ Там же. С. 79—89.

⁵ Морской атлас. Т. III, описания к картам. Ч. I. С. 475.

⁶ *Сиволинский Ю.* Потомству в пример. С. 92—93.

дажу и считали бриг легкой добычей. Но первые же выстрелы русских ретирадных пушек, которыми командовал Новосильский, заставили неприятеля понять, что русские не сдадутся без боя¹.

Турки преследовали, стреляя из всех пушек, включая самые тяжелые. На бриге появились первые жертвы. Стало очевидно, что стоило попасть под бортовой залп противника, и «Меркурий» превратится в груду обломков. Поэтому Казарский решил воспользоваться искусным маневрированием. Капитан-лейтенант так направлял бриг, чтобы каронадами поражать противника с носа, избегая по возможности огня его бортовых пушек. Однако ветер стих, и около 14.30 два неприятельских корабля, высокие мачты которых позволяли пользоваться верховым ветром, получили возможность расстреливать «Меркурий» с двух сторон. Они крушили рангоут брига, видимо, в надежде захватить его. Для этого туркам пришлось убавить парусов. Когда же ветер усилился, Казарский под прикрытием дыма вновь вырвался вперед, предоставив турецким кораблям обстреливать друг друга. Вскоре они снова начали нагонять. Морякам пришлось гасить брандскугели, один из которых упал вблизи крыйт-камеры и грозил взрывом. Был сбит флаг, но вскоре он снова реял над «Меркурием»².

Вскоре турки настолько приблизились, что все свободные русские моряки открыли ружейный огонь. Но главная роль оставалась все же за артиллерией, которой командовал Новосильский. Одному из канониров удалось ядром перебить ватерштаг — канат, удерживавший спреди фок-мачту корабля капудан-паши. Мачта закачалась. Туркам пришлось убрать паруса; «Селимие» сразу сбавил скорость и лег в дрейф, оставшись за кормой «Меркурия». Второй корабль продолжал преследование. Командир «Реал-бея» применил особый прием: он поворачивал корабль на ходу то вправо, то влево, позволяя своим артиллеристам поочередно стрелять с каждого борта. Однако Казарский, пользуясь лучшей поворотливостью своего корабля, уходил от неприятельских выстрелов и давал возможность Новосильскому посылать свои залпы. Погибали люди, выходили из строя каронады, командир получил контузию, но бриг сражался. Около 17.30 его ядра перебили крепления реев на фок-мачте неприятеля. Паруса упали, и «Реал-бей» также был вынужден прекратить погоню. Маленький бриг выдержал небывалое четырехчасовое сражение и победил³.

¹ *Столбинский Ю.* Потомству в пример. С. 94—95.

² Морской атлас. Т. III, описания к картам. Ч. I. С. 475; *Столбинский Ю.* Потомству в пример. С. 96—107.

³ *Столбинский Ю.* Потомству в пример. С. 107—117; Морской атлас. Т. III, описания к картам. Ч. I. С. 475.

Морякам пришлось побороться и со стихией. Вскоре после боя налетел шторм, затем матросы откачивали поступавшую через пробоины воду. С эскадрой бриг соединился, уже еле держась на воде, и с трудом пришел в Сизополь на ремонт. Моряки насчитали 22 пробоины в корпусе, 133 в парусах, 16 в рангоуте¹.

Турецкое командование пришло в ярость. А один из штурманов корабля «Реал-бей» высказал свое впечатление от боя в письме, позднее попавшем в Россию с дипломатической почтой:

«Во вторник, подходя к Босфору, завидели мы на рассвете три русских судна, фрегат и два брига и погнались за ними; но не прежде как в три часа пополудни удалось нам настичь один из бригов. Корабль капудан-паши и наш вступили с ним в жаркое сражение, и дело неслыханное и неимоверное — мы не могли принудить его сдаться. Он сражался, отступая и маневрируя, со всем военным искусством, так, что мы, стыдно признаться, — прекратили сражение, а между тем как он, торжествуя, продолжал свой путь. Без сомнения он лишился почти половины своего экипажа, потому что некоторое время находился от нас на пистолетный выстрел и ежеминутно более или менее повреждался.

Если древние и новые летописи являют нам опыты храбрости, то сей последний затмит все прочие и свидетельство о нем заслуживает быть начертанным золотыми буквами в храме славы. Капитан сей был Казарский, а имя брига — «Меркурий». На нем не было 20 пушек, а он сражался против 220 в виду всей эскадры, пользовавшейся благоприятным ветром»².

В России подвиг также оценили высоко: Казарского и И.П. Прокофьева, первым предложившего взорвать корабль, наградили орденами Св. Георгия IV степени. Всех остальных моряков также наградили, офицеров произвели в следующий чин. «Меркурию» присвоили кормовой флаг с изображением святого Георгия; было решено иметь всегда в составе флота бриг с названием «Меркурий» («Память Меркурия») под Георгиевским флагом и вымпелом³.

14 июня 1829 года Новосильского произвели за отличие в капитан-лейтенанты, наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом, пожизненной пенсией двойного оклада лейтенантского жалованья; в его дворянский герб внесли пистолет, которым решено было взорвать бриг при невозможности уйти от противника. На фрегате «Поспеш-

¹ *Столбинский Ю.* Потомству в пример. С. 120—125.

² Там же. С. 125—126; *Столбинский Ю.* Герои брига «Меркурий». С. 75—76.

³ *Столбинский Ю.* Потомству в пример. С. 128; Морской атлас. Т. III, описания к картам. Ч. I. С. 475.

ный» офицер крейсировал в Черном море, затем на фрегате «Флора» участвовал в сражениях под крепостями Агатовль и Инада¹.

В 1830 году Новосильский состоял презусом комиссии военного суда при Севастопольском порте. В 1832 году на корабле «Императрица Екатерина II» он плавал между Севастополем и Очаковым, в 1833 году перешел на рейд Буюк-Дере, откуда с десантными войсками прибыл в Феодосию. За кампанию он получил орден Св. Анны III степени и от султана золотую медаль. В 1834 году на транспорте «Кит» капитан-лейтенант перешел из Севастополя в Николаев. В 1835-м и 1836 годах моряк командовал бригом «Меркурий» при Севастопольском порте, в 1837-м и 1838 годах крейсировал на нем у восточных берегов Черного моря, участвовал в делах против горцев при сожжении судна контрабандистов и при занятии местечек Соча и Туапсе. 12 января 1838 года Новосильского произвели в капитаны 2-го ранга. В 1839—1848 годах, командуя кораблем «Три Святителя», он ежегодно плавал в Черном море. 6 декабря 1840 года моряка произвели в капитаны 1-го ранга. В 1847 году за выслугу 25 лет в офицерских чинах он был награжден орденом Св. Георгия IV степени, 6 декабря 1849 года произведен в контр-адмиралы с назначением командиром 3-й бригады 5-й флотской дивизии. В 1850—1852 годах флагманом Новосильский крейсировал в Черном море².

В.А. Корнилов, который летом 1851 года инспектировал эскадру Новосильского, 26 августа докладывал М.Б. Берху:

«Осмотр отряда контр-адмирала Новосильского, возвратившегося от восточного берега, я произвел довольно подробно и нашел отряд в надлежащем виде, суда в боевом порядке в отношении и к материальной и к персональной части, кроме некоторых неважных недостатков, о которых я сообщил по принадлежности; причем считаю долгом свидетельствовать о найденном мною блестящем во всех отношениях порядке на бриге «Орфей» и шхуне «Дротик», равно как и в пользу потерпевшей в Новороссийске шхуны «Ласточка», которую я осматривал и удостоверился, что командир ее капитан-лейтенант Воеводский сделал при этом несчастии все, что мог сделать отважный, распорядительный и знающий морской офицер, и что поэтому шхуна понесла самые ничтожные повреждения»³.

5 декабря 1851 года Новосильского наградили орденом Св. Владимира III степени, 30 марта 1852 года назначили командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии⁴. Так как он и Нахимов были определе-

¹ ОМС. Ч. VII. С. 623—624.

² Там же. С. 624.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 152.

⁴ ОМС. Ч. VII. С. 624.

ны младшими флагманами в две практические эскадры, с назначением П.С. Нахимова командующим 5-й флотской дивизией его перевели командовать 2-й практической эскадрой с младшим флагманом Вульфом, а Новосильского переместили младшим флагманом 1-й практической эскадры¹.

1 февраля 1853 года, характеризуя флагманов, В.А. Корнилов писал Великому князю Константину: «Для командования в важных экспедициях, но чисто военных, я бы полагал способными адмиралов Нахимова, Новосильского и Метлина...»²

25 октября 1852 года В.А. Корнилов сделал заключение о состоянии артиллерийской подготовки на судах 4-й флотской дивизии, выразил Новосильскому удовлетворение, однако высказал ряд замечаний и предложений:

«Присутствуя при пальбе в цель на судах дивизии, вверенной вашему превосходительству, я с особым удовольствием имею честь свидетельствовать, что на них пальба производилась правильно и удовлетворительно и ученье выказывает постоянное внимание судовых командиров к их обязанностям; к сему, однако, считаю долгом присовокупить, что для всегда полезного усовершенствования этой важной части корабельного порядка желательно бы было, чтобы судовые командиры обращали особое внимание на исправное состояние прицелов и замков...»³

Весной 1853 года Новосильский сообщил, что для кораблей его дивизии требуются подколесные клинья. 25 мая Корнилов в докладе М.Б. Берху поддержал его предложение⁴.

8 июня 1853 года Корнилов поручил М.Н. Станюковичу для усиления крейсерства у восточных берегов сформировать Южный отряд. Эскадру Новосильского, базировавшуюся в Новороссийске, переименовали в отряд Северный, а самому контр-адмиралу следовало, оставив командовать отрядом старшего, прибыть в Севастополь⁵. 1 июня 1853 года Новосильского назначили командиром 4-й флотской дивизии⁶. Очевидно, ему предстояло проводить боевую подготовку его дивизии. 29 июня первая практическая эскадра П.С. Нахимова вернулась в Севастополь; она находилась в море с середины мая. На смену вышла вторая практическая эскадра Новосильского⁷.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 203.

² Там же. С. 207.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 164—165.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ ОМС. Ч. VII. С. 624.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 210—211.

Результаты боевой подготовки проверили на учениях в августе 1853 года. Корнилов вывел в море эскадру, имея младшими флагманами Новосильского и Панфилова. 10 августа он устроил гонки кораблей, 11 августа проводил артиллерийские учения, а 12 августа организовал учебную атаку Севастополя. Начальник штаба Черноморского флота был доволен итогами учений как атакующей эскадры, в которой Новосильский шел младшим флагманом, так и обороны Севастополя. После маневров он оставил Севастополь, передав командование Новосильскому¹.

10 сентября 1853 года при формировании трех эскадр из состава Черноморского флота Новосильского назначили командовать третьей, из пяти линейных кораблей и фрегата². Такое распределение сделали для подготовки к перевозке 13-й пехотной дивизии на Кавказ. Имея свой флаг на корабле «Три Святителя», в сентябре 1853 года Новосильский в качестве младшего флагмана при П.С. Нахимове произвел высадку десантных войск в Анакрии³.

После высадки, имея свой флаг на корабле «Париж», Новосильский плавал в море для поиска неприятельских судов⁴. 16 октября 1853 года Корнилов в отношении М.Н. Станюковичу указал оставшийся в порту флот разделить на две эскадры. Лучшую часть из четырех трехдечных кораблей, «Ростислава» и «Святослава», а также нескольких меньших судов он поручил контр-адмиралу Новосильскому; до приготовления пароходного отряда с ним оставался Панфилов. В случае выхода эскадры Новосильского остававшейся в порту эскадре контр-адмирала Вульфа следовало расположиться для защиты Южной бухты от нападения с моря⁵.

После того как турки на Дунае обстреляли русскую флотилию, Корнилов ожидал войны. 23—28 октября с отрядом пароходов он обошел западные берега Черного моря с целью разведки. 28 октября по приказанию Меншикова он принял командование эскадрой Новосильского и отправился для истребления турецкого флота, вышедшего из Босфора⁶. Эскадра выступила утром 29 октября. Корнилов поднял флаг на корабле «Великий князь Константин», Новосильский на корабле «Три Святителя», Панфилов на корабле «Двенадцать Апостолов»; с ними шли корабли «Париж», «Ростислав» и «Святослав»; позднее к ним должны были присоединиться пароходофрегаты «Владимир» и «Одесса». За Хер-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 184—190.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 233.

³ Там же. С. 242, 246.

⁴ ОМС. Ч. VII. С. 624—625.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 198.

⁶ Там же. С. 201—203.

сонесским маяком эскадра встретила крепкий юго-восточный ветер, заставивший взять все рифы и спустить брам-реи; к вечеру ветер превратился в шторм с сильным волнением и дождевыми шквалами. Однако даже старые корабли непогоду выдержали успешно. Лишь к вечеру 30 октября шторм стих. К эскадре присоединился «Владимир». 31 октября утихнувшая непогода позволила продолжить плавание под всеми парусами. Но 1 ноября с полуночи вновь разыгралась буря. Корнилов писал об этом в донесении Меншикову:

«1 ноября с полночи нашел внезапно жестокий шквал от северо-запада. Эскадра несла большие паруса, которые убрала щегольски, несмотря на ночное время; пришлось взять опять все рифы и потом оставить один грот-марсель и трисели; волнение не замедлило разыграться и начало трехдечные корабли бросать, как тендер; с сим вместе барометр поднялся, сделалось очень холодно и все предвещало известный своею силою и упорством северо-восточный ветер. Желая быть на ветре мыса Калиакрия, я поворотил к северу.

2 ноября ветр продолжался с сильными порывами, с дождем и градом, но к вечеру погода смягчилась, равно как и волнение»¹.

3 ноября, когда ветер стих, Корнилов направил пароходофрегат к Варне и Балчику, затем к Сизополю и Бургасу, но нигде не были замечены турецкие военные суда. Опрошенные моряки купеческих судов, шедших из Константинополя, сообщили, что турецко-египетский флот стоит в Буюк-Дере, выслав малые суда к проливу, англо-французская эскадра расположилась в Босфоре, а три турецких парохода вышли к берегам Кавказа. Чтобы быстрее предупредить Нахимова о пароходах и пополнить запасы угля на пароходофрегате, Корнилов перешел на «Владимир», приказав Новосильскому также идти к Нахимову и оставить ему при необходимости двухдечные корабли².

Отправив эскадру Новосильского к Нахимову, Корнилов на пароходофрегате «Владимир» отправился вперед для разведки и встречи с Нахимовым. В пути «Владимир» 5 октября вступил в сражение с турецким пароходом «Перваз-Бахри» и взял его. В тот же день Корнилов встретил Новосильского, поручил ему с эскадрой найти Нахимова, передать ему, если нужно, часть кораблей и затем идти к Севастополю. Сам Корнилов отправился к Севастополю на «Владимире» с трофеем на буксире³.

В отчете о плавании А.С. Меншикову Корнилов писал: «Причем долгом считаю обратить также внимание вашей светлости на эскадру сто-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 208.

² Там же. С. 210.

³ Там же. С. 204.

пушечных кораблей, которая, выдержав два шторма, едва стих ветер, уже лавировала в стройном порядке для атаки неприятеля. К таким кораблям, конечно, можно иметь полное доверие, и так как это может только существовать при отличном их содержании и совершенном знании морского дела флагманов и капитанов, то я считал бы справедливым исходатайствовать им высочайшее одобрение, а начальнику 4-й дивизии контр-адмиралу Новосильскому, офицеру, постоянно отличающемуся безграничным усердием к службе, особую награду»¹.

После ухода Корнилова с пароходами Новосильский направился к побережью Анатолии и встретил эскадру П.С. Нахимова 5 ноября у мыса Керемпе. Так как эскадра Нахимова во время крейсерства пострадала от штормов, вице-адмирал присоединил к себе два корабля, фрегат «Коварна» и бриг «Эней», отправив поврежденные корабль и бриг с Новосильским. 7 ноября Новосильский приблизился к маяку Херсонес, но из-за шторма остался в море. Утром 10 ноября он получил с пришедшего от мыса Керемпе на берегу Анатолии фрегата «Кагул» сообщение, что за ним гнались четыре неприятельских судна, однако не принял мер и утром 11 ноября прибыл в Севастополь. Недовольный действиями контр-адмирала, Меншиков отправил его с тремя 120-пушечными кораблями в помощь Нахимову². 14 ноября адмирал послал Нахимову предписание, если корабли не потребуются, вернуть их в Севастополь³. Но корабли потребовались.

16 ноября эскадра Новосильского, при которой шел фрегат «Кагул», соединилась с эскадрой Нахимова. Новосильский сообщил вице-адмиралу, что «начальник 4 флотской дивизии прислан для присоединения к вам с кораблями «Париж», «Три Святителя» и «Великий князь Константин». Новосильский поднял свой флаг на корабле «Париж». Днем контр-адмирал по его просьбе побывал у Нахимова на корабле «Императрица Мария»⁴.

Утром 18 ноября 1853 года Новосильский на корабле «Париж» возглавил левую колонну эскадры П.С. Нахимова, вступившей на рейд Синоп. В 12.25 «Париж» встал на шпринге бортом к неприятелю в центре судов противника и открыл огонь через 2 минуты после «Императрицы Марии»⁵. Огонь корабля был очень сильным. «Париж» сделал 3952 выстрела, в том числе 893 из бомбических пушек — больше других кораблей. Град ядер, картечи и других снарядов, включая 70 бомб,

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 213.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 354—356.

³ Там же. С. 275.

⁴ Там же. С. 290—291.

⁵ Там же. С. 304.

позволил подавить центральную батарею, истребить корвет «Гюли-Сефид», добить проходивший мимо «Ауни-Аллах», вывести из строя фрегаты «Дамиад» и «Низамие»¹. В итоге «Париж» истребил противника и сам получил сравнительно малые повреждения. Корабль без помощи пароходов вышел в море и достиг Севастополя.

В списке офицеров, отличившихся в сражении, П.С. Нахимов представил второго флагмана контр-адмирала Новосильского к чину вице-адмирала «за деятельное участие при исполнении плана атаки, примерное хладнокровие, распорядительность и мужество во время боя. Вел 2-ю колонну, поставив ее на позиции с примерною точностию, и во время боя корабль «Париж», бывший под его флагом, действовал отлично»².

К этому времени флагман имел ордена Св. Станислава II степени с императорской короной, Св. Георгия IV степени за 25 лет, Св. Анны II степени с императорской короной, Св. Владимира III степени, знак отличия за 20 лет и в гербе пистолет³. За участие в истреблении неприятельской эскадры при Синопе Новосильский был пожалован орденом Св. Георгия III степени. 18 декабря 1853 года его произвели в вице-адмиралы со старшинством с 18 ноября и утвердили начальником 4-й флотской дивизии⁴.

10 апреля 1854 года Новосильский с Нахимовым, Истоминым и Корниловым участвовал в молебне в память смерти М.П. Лазарева⁵. В мае 1854 года, когда было решено высылать из Севастополя отряды судов для обучения команд, командовать одним из трех назначили Новосильского⁶. 22 июля 1854 года, когда в море появился чужой пароход, по приказу Корнилова был выслан в море на разведку «Крым», а в крейсерство вышел передовой отряд Новосильского⁷.

В 1854 году Новосильский держал свой флаг на корабле «Три Святителя» на рейде при обороне Севастополя⁸. В приказе Корнилова о затоплении кораблей и подготовке к обороне от 9 сентября указаны корабли, на которых должны расположиться флагманы вице-адмирал Новосильский и контр-адмирал Вукотич 1-й; второму было предписано при необходимости затопить корабли. Новосильский в соответствии с приказом перешел с затапливаемого корабля «Три Святителя» на «Храб-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 310—311, 323.

² Там же. С. 331—332.

³ Там же. С. 331—332.

⁴ ОМС. Ч. VII. С. 625.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 396.

⁶ Там же. С. 403.

⁷ Там же. С. 252.

⁸ ОМС. Ч. VII. С. 625.

рый»¹. В приказе от 11 сентября, предусматривая меры к обороне Севастополя, начальник штаба Черноморского флота указал Новосильскому возглавить батальоны из команд затопленных судов, которым предстояло собраться на Театральной площади². 15 сентября его отряд располагался в юго-западной части города³.

С 13 сентября вице-адмирал состоял начальником 2-го отделения оборонительной линии⁴. В письме от 18 сентября Корнилов сообщал, что Новосильский возглавляет центр оборонительной линии⁵. Накануне Корнилов ездил в ставку Новосильского, расположенную на бульваре⁶. В день бомбардировки 5 октября Новосильский находился на 4-м бастионе. Здесь он в последний раз видел Корнилова, который заезжал на бастион⁷.

15 ноября Новосильский участвовал в заседании походной думы георгиевских кавалеров, рассматривавшей кандидатуры офицеров на награждение орденом Св. Георгия⁸. 20 ноября 1854 года его наградили орденом Св. Владимира I степени⁹.

12 марта 1855 года Новосильский оставался начальником 2-го отделения оборонительной линии. Нахимов, обращаясь с просьбой передать командование эскадрой, отмечал:

«При этом имею честь присовокупить, что командование это и следовало бы поручить старшему по мне г. вице-адмиралу Новосильскому, но по незначительности настоящего состава эскадры и еще более по важности с особенною честью занимаемого г. Новосильским поста я избрал свободного от занятий г. контр-адмирала Юхарина»¹⁰.

В апреле 1855 года как начальник 2-го отделения Новосильский представил группу офицеров к награждению орденом Св. Георгия¹¹. 15 июня 1855 года вице-адмирал был пожалован золотой саблей, украшенной бриллиантами, за отличие при обороне Севастополя¹².

30 июня 1855 года в письме из Севастополя было отмечено, что по случаю смерти Нахимова, вероятно, на замену из Николаева приедет

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 255—256; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 414—415.

² Там же. С. 259—260.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 420.

⁴ ОМС. Ч. VII. С. 625.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 262.

⁶ Там же. С. 275.

⁷ Там же. С. 304.

⁸ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 435—442.

⁹ ОМС. Ч. VII. С. 625.

¹⁰ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 480.

¹¹ Там же. С. 518.

¹² ОМС. Ч. VII. С. 625.

Ф.М. Новосильский¹. С 15 июля по 28 августа вице-адмирал исправлял должность командира Севастопольского порта и военного губернатора. 20 сентября его назначили начальником войск, составляющих гарнизон Николаева².

25 октября 1855 года Новосильского перевели на Балтийский флот и назначили главным командиром Кронштадтского порта и кронштадтским военным губернатором. 16 апреля 1860 года ему была дарована табакерка с портретом Императора, 23 апреля 1861 года пожаловано 4 тысячи десятин земли в Самарской губернии. 7 мая 1862 года по высочайшему повелению моряка командировали за границу³. Командировка носила особый характер. Главного командира Кронштадтского порта с группой ответственных специалистов в области парового кораблестроения послали в Англию и Францию для ознакомления с достижениями этих стран в сооружении броненосных кораблей. В этот период Россия располагала ограниченным морским бюджетом. Следовало осмотрительно относиться к своей программе кораблестроения. Поэтому командированным специалистам следовало избрать тот лучший тип броненосца, какой выработают европейские верфи.

Ф.М. Новосильский и сопровождавший его корабельный инженер А.Х. Шаунбург 19 июля 1862 года сообщали в донесении, что французы строили экспериментальные корабли в Лориане, Шербуре и Бресте, обшивая деревянные корпуса броней и оснащая их таранами⁴. Россия не могла тратить много средств, как Англия и Франция. Со временем решили перейти к появившимся в США мониторам.

Очевидно, задачу посчитали успешно выполненной. 17 апреля 1863 года Новосильского назначили генерал-адъютантом с оставлением в прежних должностях. 30 августа его произвели за отличие в адмиралы, в 1864 году пожаловали крестом за Кавказ. 28 октября 1866 года моряка назначили членом Государственного совета. В том же году он получил датский орден Данеброга I степени, в 1870 году был награжден орденом Св. Александра Невского, украшенным алмазами. В 1873 году ему пожаловали аренду по 3500 рублей на 12 лет. В 1879 году адмирала наградили орденом Св. Андрея Первозванного. В 1883 году его пожаловали перстнем с портретом Императора и медалью в память священного коронования, в 1885 году продолжили аренду по 3500 рублей на 4 года, в 1889 году пожаловали бриллиантовые знаки ордена Св. Андрея

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 571.

² ОМС. Ч. VII. С. 625.

³ Там же.

⁴ История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. II. С. 17—18.

Первозванного¹. Скончался Федор Михайлович Новосильский 8 ноября 1892 года и похоронен на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга².

Именем адмирала назвали полуостров Новосильского (Понсубандо) в Японском море у Корейского полуострова, обследованный экипажем клипера «Крейсер» в 1886 году³.

ПАНФИЛОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Александр Панфилов родился в 1808 году⁴. 21 апреля 1821 года он поступил в Морской корпус кадетом, 30 мая стал гардемаринном. 18 апреля 1824 года юношу произвели в мичманы. В 1824 году он ходил на фрегате «Востовой» от Кронштадта до Исландии, в 1826 году на бриге «Ревель» плавал в Финском заливе, в 1827 году на бриге «Охта» перешел из Кронштадта в Портсмут и далее в Архипелаг, в 1828—1830 годах на корвете «Наварин» крейсировал в Архипелаге⁵.

Корвет был трофеем русской эскадры, взятым в крейсерстве. Так как судно турки содержали в нечистоте и оно могло явиться рассадником болезней, составили комиссию по разбору оставленного на борту имущества и очистке корпуса от нечистот. Членом комиссии, которой руководил капитан-лейтенант И. Кадьян, состоял и мичман Панфилов. 20 мая комиссия начала свою опасную работу, а 3 июня был поднят флаг на корвете «Восточная звезда», позднее переименованном в «Наварин». 15 августа командование корветом, переведенным на Мальту для ремонта и вооружения, принял П.С. Нахимов⁶. Мичман Панфилов стал членом его экипажа. Молодой офицер в лице Нахимова получил великолепный пример распорядительности и умения и, когда участвовал в оснащении «Наварина», и затем, крейсируя на нем в Средиземном море до 13 мая 1830 года, прибыл в Кронштадт⁷. 1 января 1830 года Панфилова произвели в лейтенанты⁸.

В 1831 году Панфилов служил на «Наварине», затем на фрегате «Паллада» старшим офицером у Нахимова. В 1834 году он был переведен вместе с Нахимовым на Черноморский флот, состоял старшим офи-

¹ ОМС. Ч. VII. С. 626.

² Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. III. С. 272.

³ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 159.

⁴ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. СПб., 1912—1913. Т. III. С. 272.

⁵ ОМС. Ч. VIII. С. 10.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 89—90.

⁷ Там же. С. 90—93.

⁸ ОМС. Ч. VIII. С. 10.

цером линейного корабля «Силистрия», затем командовал тендером «Луч»¹. «Луч» принадлежал к 41-му экипажу, в который входил корабль «Силистрия»². В 1836-м и 1837 годах тендер «Луч» крейсировал у берегов Абхазии, после чего перешел в Константинополь и поступил в распоряжение чрезвычайного посланника³.

В 1837 году Панфилов выполнял ответственные поручения посланника в Константинополе⁴. Его работу высоко ценил главный командир Черноморского флота и портов М.П. Лазарев, который в письме среди групп офицеров рекомендовал на повышение в чине и капитан-лейтенанта Панфилова⁵. В 1838 году с тендером молодой офицер вновь оказался у берегов Кавказа.

Тендер «Луч» участвовал в высадке десанта при реке Туапсе 12 мая 1838 года. Ему в соответствии с приказом М.П. Лазарева от 7 мая следовало занять место против устья реки севернее Туапсе и огнем прикрывать по мере надобности левый фланг гребных судов⁶. Несмотря на ухудшавшуюся погоду, 8 мая эскадра М.П. Лазарева выступила из Керченского пролива. 9 мая ветер сменился штилем, что потребовало буксировать корабли баркасами. 11 мая эскадра прибыла к устью Туапсе. 12 мая после обстрела из 250 орудий к берегу направились шлюпки с десантом и высадились почти без потерь. Эту картину изобразил тогда еще молодой художник И.К. Айвазовский, участвовавший в высадке⁷.

В ночь с 30 на 31 мая при реке Туапсе ураган страшной силы погубил все стоявшие на рейде суда. Тендер «Луч» уносило ветром, и команда едва спаслась. Черкесы с берега стреляли по погибавшим. Двое матросов утонули, один был убит и четверо ранены. Самому Панфилову пушечным станком придавило ногу. Тем не менее, оказавшись вне охранения лагеря, он смог провести экипаж к своим⁸. В письме А.С. Меншикову М.П. Лазарев, сообщая об умелых действиях командиров судов, отмечал команду тендера и его командира: «Суда погибли, но действия и распоряжения командиров в опасностях, которые их окружали, заслуживают особого внимания, в особенности лейтенанта Панфилова, который в бурю, выплывя с командой на берег против толпы вооруженных и стреляющих из ружей черкес, прочистил себе дорогу ничем другим, как отражая нападения их камнями и обломками весел.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 686.

² Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 428.

³ ОМС. Ч. VIII. С. 11.

⁴ Панфилов А.И. // Морской сборник. 1995. № 4.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 117.

⁶ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 426.

⁷ Там же. С. 426, 429—430.

⁸ Там же. С. 302—303.

Впрочем, воинственный дух всей этой горсти людей, составлявших команду тендера «Луч», всегда был заметен, и трудно было найти военное судно в лучшем порядке...»¹

Нахимов, находившийся в Германии на лечении, узнал о несчастье с тендером «Луч», но высказался в письме: «...Не зная никаких подробностей, я совершенно уверен, что разбитие тендера «Луч» последовало не от упущения или оплошности командира, и надеюсь, что этот несчастный случай только доставил новое средство для Панфилова выказать характер морского офицера еще в более блистательном виде»².

За усердие при спасении экипажа тендера «Луч» и парохода «Язон» 24 августа 1838 года Панфилова дважды наградили годовым окладом жалованья, 3 октября за отличие в бою с горцами произвели в капитан-лейтенанты, наградили орденом Св. Станислава IV степени³. В письме Рейнеке от 27 ноября 1838 года Нахимов порадовался производству Панфилова⁴. А тендер «Луч» спасли летом 1838 года⁵.

Высадка 10 июля 1838 года прошла успешно, и 19 июля генерал Н.Н. Раевский в письме приглашал Лазарева прибыть вместе с Хрущевым, Корниловым, Путятиным, Метлиным и Панфиловым для высадки десанта в устье реки Цемес⁶. В письме от 17 августа, повторяя приглашение, он шутил, что близкие к Лазареву люди считают, что он отвык от моря, а Панфилов говорил, что он не поручил бы ему азовской лодки⁷. В ответ Лазарев обещал прислать суда для перевозки войск и писал, что сам с удовольствием бы бросил сводящие с ума бумаги⁸. Только осенью Лазарев смог принять командование высадкой десанта в Суджукской (Цемесской) бухте. В приказе 9 сентября 1838 года на высадку он указал, что Панфилов командует левым флангом судов, осуществляющих своз десанта с эскадры⁹. 12 сентября после артиллерийского обстрела войска за два рейса были благополучно высажены при Цемесе¹⁰. В Цемесе Лазарев избрал место для постройки адмиралтейства¹¹.

По предписанию военного министра А.И. Чернышева от 15 января 1839 года начальником Черноморской береговой линии назначили Н.Н. Раевского, а к нему придали дежурным штаб-офицером по морс-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 304.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 121.

³ ОМС. Ч. VIII. С. 11.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 123.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 454, 456.

⁶ Там же. С. 455.

⁷ Там же. С. 461.

⁸ Там же. С. 463.

⁹ Там же. С. 472.

¹⁰ Там же. С. 478.

¹¹ Там же. С. 483.

кой части капитан-лейтенанта Панфилова¹. В том же году моряку вновь пришлось участвовать в десанте. В приказе на высадку в устье реки Субаши М.П. Лазарев поручил Корнилову командовать гребными высадочными судами, а ему в помощь для командования правым флангом дал капитан-лейтенанта Панфилова². Гребные суда должны были идти к берегу двумя плотными линиями, причем передовым следовало вести огонь из носовых пушек, чтобы не позволить неприятелю выйти к берегу после прекращения огня кораблей. После того как передовые суда пристанут к берегу и поднимут весла, между ними предстояло подходить судам второй линии³.

Еще до того Панфилов как дежурный офицер провел подготовку к высадке. В журнале Н.Н. Раевского от 23 апреля было записано: «Дежурный штаб-офицер прибрежной линии капитан-лейтенант Панфилов заблаговременно и за самую сходную цену зафрахтовал 9 купеческих судов, каждое в 160 ластов круглым числом, и до прибытия флота успел с примерно деятельностью нагрузить их тяжестями отряда, инструментом для строения укреплений, лошадьми, рабочими волами, телегами, фуражом, порционными скотом и прочим. Кроме сего, капитан-лейтенант Панфилов перевез из Анапы для продовольствия войск в Тамани потребное количество провианта и для пароходов каменного угля, взятого взаимообразно у новороссийского начальства. Равным образом и суда Симферопольской провиантской комиссии были с двухмесячным продовольствием в готовности к отплытию с флотом»⁴.

28 апреля после посадки войск, погрузки артиллерии, снарядов и палаток эскадра вышла из Керченского пролива и 2 мая оказалась у устья Субаши, куда стеклась масса горцев. Но 3 мая огонь артиллерии отогнал их, после чего к берегу двинулись гребные суда с десантом⁵.

При высадке десанта у реки Субаши 3 мая 1839 года капитан-лейтенант командовал одним из флангов десантных гребных судов. Лазарев в рапорте А.С. Меншикову сообщал: «Невзирая на быстроту, с которой совершена была высадка, и сильный огонь из орудий с эскадры, выбивший черкез из завалов, на самом берегу устроенных, многочисленные толпы их, скрывавшиеся по бокам долины, в лесах и рывинах, покрывавших первые возвышения, с исступленною и беспримерною донныне яростью напали на первый отряд высадки, едва только успевший построиться, но после жестокой рукопашной схватки, невзи-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 484—485.

² Там же. С. 495—496.

³ Там же. С. 501—502.

⁴ Там же. С. 504.

⁵ Там же. С. 504—505.

рая на превосходное число неприятеля, неимоверная стремительность его была удержана штыками храброго отряда, подкрепленного двумя горными единорогами и матрозами с гребных судов, бросившимися на помощь под начальством распоряжавшегося высадкой десанта капитана 2-го ранга Корнилова и капитан-лейтенантов — Иванова и Панфилова, командовавших флангами десантных гребных судов, а с прибытием на берег остального десанта и артиллерии довершено поражение неприятеля, который при всем ожесточении своем был отброшен в горы, и войска наши стали твердою ногою в позиции...»¹

В журнале Раевского отмечено, что от Корнилова, Панфилова и Иванова, командовавших десантными судами, зависела быстрота их движения. Тем не менее черкесы встретили высадившихся уже в 50 саженьях. Панфилов с другими руководителями высадки и частью матросов принял участие в атаке. При поддержке моряков войска оттеснили горцев и начали строить укрепления². В приказе по эскадре от 4 мая М.П. Лазарев сделал замечание тем офицерам, которые ввязались в бой, из-за чего задержалась высадка второй волны десанта³. Однако в рапорте Николаю I Лазарев указал Панфилова в числе отличившихся⁴.

Следующий раз Панфилов участвовал в высадке десанта при Псезуапе. Еще до завершения постройки укрепления у Субаши, 30 июня, прибыла эскадра для перевозки войск, но была вынуждена удалиться до завершения строительства укрепления. Вечером 3 июля эскадра прибыла вторично, но не дошла до места из-за штиля и сильного течения. Далее Раевский писал в журнале: «Ночью на 4-е число сделался сильный с моря ветер. Эскадра вынуждена была удалиться. Между тем, в эти три дня с необыкновенной деятельностью и распорядительностью капитан-лейтенант Панфилов погрузил все тяжести на военные транспорты и зафрахтованные суда...»⁵

5 июля эскадра прибыла к берегу, 6 июля начала погрузку войск, которой руководили капитан-лейтенанты Панфилов и Кокараки, и к вечеру завершила ее. Высадку при Псезуапе произвели утром 7 июля. Вновь Панфилов руководил флангом гребных судов, на сей раз левым⁶. Несмотря на то что после высадки первой волны десанта ветер и волнение усилились, Панфилов и другие офицеры, командовавшие гребными судами, делали почти невозможное, организуя выгрузку среди волн прибоя. Доставка на берег подкреплений и артиллерии позволила

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 36.

² Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 505—507.

³ Там же. С. 507—508.

⁴ Там же. С. 510.

⁵ Там же. С. 519—520.

⁶ Там же. С. 520.

войскам отеснить неприятеля и закрепиться¹. Командовавший эскадрой С.П. Хрущев среди других отличившихся упомянул и Панфилова². В 1839 году моряка наградили орденом Св. Станислава III степени³.

16 апреля 1841 года Панфилова за отличие произвели в капитаны 2-го ранга. Он находился в Керчи для распоряжения перевозкой грузов и войск в укрепления Черноморской береговой линии, потом находился в экспедиции против горцев. 6 декабря 1841 года за действия против горцев его наградили орденом Св. Станислава II степени с императорской короной и мечами. В 1844 году, командуя восьмью азовскими барказами с десантом, Панфилов сжег у восточного берега Черного моря, при устье Чисахадж, три контрабандных судна и захватил трехфунтовую пушку. 15 апреля 1845 года его за отличие произвели в капитаны 1-го ранга. Командуя семью азовскими барказами, он высадил десант на побережье Абхазии вблизи местечка Мамаея, сжег судно контрабандистов и взял еще одно орудие. В 1848 году за 25 лет службы в офицерских чинах А.И. Панфилова наградили орденом Св. Георгия IV степени, 5 декабря 1849 года — орденом Св. Анны II степени. С 1849-го по 1853 год Панфилов ежегодно командовал кораблем «Двенадцать Апостолов». В 1853 году Панфилова произвели в контр-адмиралы и назначили командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии⁴.

Во время летних учений 1853 года Панфилов в контр-адмиральском чине состоял еще командиром корабля «Двенадцать Апостолов», флагманского корабля вице-адмирала Нахимова. За время учебных плаваний выучка матросов корабля возросла, а за меткую стрельбу в цель ядрами и бомбами 6, 24 и 25 июня Нахимов объявил благодарность и выделил десяти комендорам по рублю из своих денег⁵. В учебном сражении 29 июня Панфилов командовал тем же кораблем в эскадре Нахимова, которая вела «бой» с эскадрой второго флагмана контр-адмирала Юхарина. Вице-адмирал в донесении отмечал, что корабль «Двенадцать Апостолов», не тратя зря снаряды, обстреливал по очереди приближающиеся корабли всем бортом, а затем и продольно по всей линии. Корабль сделал 868 выстрелов — больше любого другого корабля⁶.

8 августа 1853 года в ходе учений В.А. Корнилов отдал приказ о проведении учебной атаки Севастополя с моря: «По окончании практического плавания с кораблями «Двенадцать Апостолов», «Чесма», «Храбрый», «Уриил», «Три Святителя», «Париж», «Ростислав» и «Святослав»

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 522—524.

² Там же. С. 525.

³ ОМС. Ч. VIII. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 216—217.

⁶ Там же. С. 230—234.

я намерен, войдя на Севастопольский рейд, атаковать примерно оставленные там мною корабли «Вел. кн. Константин», «Императрица Мария», «Варна», «Селафил», «Ягудиил» и «Гавриил» под флагом контр-адмирала Панфилова...»¹

Эскадре контр-адмирала Панфилова Корнилов предписал занять позицию в одну линию посредине рейда носом ко входу. Атакующей эскадре следовало вступить на рейд двумя колоннами, между которыми шли пароходы «Владимир» и «Грозный». При прохождении батарей № 4 и Павловской корабли должны были направить заранее спущенные гребные суда к ближайшим берегам под прикрытием пароходов, тогда как линейным кораблям предстояло взять в два огня четыре передовых корабля Панфилова, а замыкавшим колонну фрегатам — вести огонь по затыльным орудиям батарей². Маневр этот успешно осуществили 12 августа, причем два корабля эскадры Панфилова, не занятые атакующими, развернулись так, чтобы расстреливать атакующих продольным огнем³.

В приказе от 15 августа по результатам учений Корнилов отметил хорошую деятельность моряков. Он поручил Панфилову выйти в море с новыми кораблями «Великий князь Константин» и «Императрица Мария», чтобы 2 недели обучать моряков, заходя в порт лишь для пополнения запасов⁴.

10 сентября при формировании трех эскадр кораблей Панфилова назначили младшим флагманом при Нахимове; эта эскадра включала самые современные корабли. Панфилов поднял свой флаг на «Двенадцати Апостолах»⁵. При перевозке войск 13-й пехотной дивизии на Кавказ его флагманский корабль доставил 1369 человек Белостокского полка⁶.

Затем Панфилов крейсировал в Черном море, имея флаг последовательно на кораблях «Ягудиил», «Великий князь Константин» и «Двенадцать Апостолов».

16 октября 1853 года Корнилов при разделе флота на рейде Севастополя на две эскадры, контр-адмиралов Новосильского и Вульфа, определил Панфилова младшим флагманом в первую эскадру на корабле «Двенадцать Апостолов», пока не будет готова пароходная эскадра⁷. В этом качестве Панфилов участвовал в крейсерстве эскадры Новосильского под флагом Корнилова 29 октября — 5 ноября⁸.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 184.

² Там же. С. 184—185.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 232—233.

⁶ Там же. С. 242—243.

⁷ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 198.

⁸ Там же. С. 207—213.

С ноября 1853 года Панфилов командовал отрядом пароходофрегат и участвовал с ним в Синопском сражении. Пароходофрегаты «Одесса» под флагом вице-адмирала В.А. Корнилова, «Крым» под флагом контр-адмирала А.И. Панфилова и «Херсонес» в самый разгар сражения огибали полуостров, за которым скрывалась Синопская бухта, и погнались за уходившим в море пароходом «Таиф»¹. Так как неприятель имел большую скорость, только пароходофрегат «Одесса» смог обмениваться с ним выстрелами.

В рапорте об участии отряда пароходов В.А. Корнилов сообщал А.С. Меншикову, что пробовал перехватить путь неприятельскому пароходу, однако перестрелка с ним «Одессы» не дала заметных результатов, снаряды «Крыма» не долетали. Так как быстроходный турецкий пароход скрылся в пелене дождя, Корнилов вернулся на рейд Синопа. К вечеру пароходы присоединились к эскадре на рейде². Они занимались тем, что отводили далее от полыхавших неприятельских судов корабли Черноморского флота. В полночь «Крым» вывел на глубину турецкий фрегат, надеясь его спасти, но тот был так поврежден, что пароходу пришлось его отбуксировать к берегу и сжечь³.

При возвращении в Севастополь Панфилову было поручено с «Крымом» и двумя фрегатами сопровождать наиболее пострадавший в бою корабль «Императрица Мария». Пароходы отряда, включая прибывший после сражения «Громоносец», буксировали из Синопа другие поврежденные корабли. Начальник штаба флота просил не исключать Панфилова и офицеров пароходов из числа отличившихся⁴.

В одном из приказов с объявлением благодарности участникам сражения П.С. Нахимов писал и морякам пароходов: «Пароходы, пришедшие во время самого сражения с генерал-адъютантом Корниловым и начальником пароходного отряда контр-адмиралом Панфиловым, содействовали весьма много к последнему истреблению турецкого флота. Окончательное же действие пароходов — вывод флота из Синопа с поврежденным рангоутом при огромной зыби и ввод его в Севастополь, выказали как глубокие сведения флагмана, командиров пароходов, так и готовность их на всякий высокий подвиг. Изъявляю им глубокую мою признательность за действие их и прошу представить мне офицеров, которые более им содействовали»⁵.

К Синопскому сражению Панфилов имел ордена Св. Станислава II степени, Св. Георгия IV класса за 25 лет, Св. Анны II степени с коро-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 280, 285, 289, 297.

² Там же. С. 286.

³ Там же. С. 299—300.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Там же. С. 317.

ной и знак отличия за 25 лет. Нахимов представил его к ордену Св. Станислава I степени «за отличную храбрость в сражении с неприятельским пароходом, благоразумные распоряжения и быстрые исполнения оных при окончательном истреблении пароходами неприятельских судов и при отводе в Севастополь сильно избитого корабля «Императрица Мария»¹.

После возвращения в Севастополь пароходный отряд продолжал активно действовать. Утром 5 декабря 1853 года Панфилов с пароходами «Крым», «Одесса» и «Херсонес» вышел к Батуму, чтобы перехватить три турецких парохода, угрожавших укреплениям на Кавказе². Он плавал с пароходами «по Черноморской береговой линии» и у берегов Анатолии для осмотра турецких портов. 28 ноября его наградили орденом Св. Владимира III степени с мечами³.

И зимой пароходы оставались наиболее активной частью флота. 15 декабря пароходы «Громоносец» и «Дунай» назначили по очереди ночами дежурить у входа на рейд под парами⁴. 25 декабря после прихода к Севастополю английского пароходофрегата «Retribution» «Крым» выслали для разведки за Херсонес, а «Дунай» — в Одессу с письмами. К утру «Крым» возвратился, не встретив неприятельских кораблей⁵. «Владимир» проходил ремонт и был готов только в феврале 1854 года; 16 февраля его с «Херсонесом» выслали навстречу союзным пароходам, подходившим к Севастополю⁶.

В боевом расписании Черноморского флота для обороны Севастополя от 17 февраля 1854 года Корнилов поручил в ведение Панфилову эскадру пароходофрегатов; до того он командовал второй гаванной линией⁷. В феврале шесть пароходофрегатов («Владимир», «Херсонес», «Одесса», «Бессарабия», «Крым», «Громоносец») стояли среди рейда; Панфилов держал свой флаг на пароходе «Крым». Пароходофрегаты должны были стрелять из бомбических орудий вдоль рейда, а в случае прорыва неприятеля через боны — уходить за линию кораблей Нахимова⁸.

24 февраля Панфилов получил приказ с пароходофрегатами «Херсонес», «Одесса» и «Крым» приготовиться выступить к Одессе, но фактически он должен был направиться для снятия войск из укреплений Кавказской береговой линии, гарнизоны которых оказались под угрозой⁹.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 346—347.

² Там же. С. 383.

³ ОМС. Ч. VIII. С. 12.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 385.

⁵ Там же. С. 387—388.

⁶ Там же. С. 389.

⁷ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 221; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 372.

⁸ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 393—394.

⁹ Там же. С. 390.

Имея флаг на пароходофрегате «Крым», с отрядом пароходов и транспортов Панфилов эвакуировал гарнизоны Черноморской береговой линии¹. Задачу Панфилов выполнил успешно: снял гарнизоны оставляемых постов, хотя на Черном море крейсировали корабли союзников.

В середине мая было налажено крейсирование в море трех смен по два корабля, два фрегата и два парохода для практики экипажей; третьей сменой командовал Панфилов².

3 июня 1854 года, с флагом на «Крыме», командуя отрядом из шести пароходофрегатов, Панфилов пытался преследовать два английских и три французских парохода и 2,5 часа вел с ними перестрелку, пока те не приблизились к союзной эскадре³. Догнать их не удалось из-за малой скорости большинства русских пароходов, а вырвавшийся вперед «Владимир» не мог сражаться с несколькими неприятелями.

Скоре после высадки союзников, 7 сентября 1854 года, Панфилова назначили на случай тревоги командовать войсками Южной стороны Севастополя⁴. 10 сентября 1854 года Панфилов стал начальником 3-го отделения оборонительной линии Севастополя. 20 ноября его наградили орденом Св. Георгия III степени. 25 апреля 1855 года контр-адмиралу пожаловали аренду по 1200 рублей на 12 лет⁵.

13 мая 1855 года, обращаясь к Великому князю Константину, Нахимов среди других достойных просил наградить арендой А.И. Панфилова, как обремененного большим семейством и лишившегося в ходе обороны нажитого имущества⁶. Очевидно, он еще не знал о пожаловании 25 апреля.

26 апреля 1855 года походная дума георгиевских кавалеров рассматривала предложенные начальником 3-го отделения оборонительной линии А.И. Панфиловым кандидатуры офицеров, достойных ордена Св. Георгия⁷. 16 мая сам Панфилов участвовал в работе думы георгиевских кавалеров⁸.

15 июня Панфилова наградили за отражение штурма Севастополя орденом Св. Анны I степени и бриллиантовым перстнем⁹. 28 июня Нахимов приезжал на 3-е отделение поговорить с Панфиловым, он зашел

¹ ОМС. Ч. VIII. С. 12.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 403.

³ Военная энциклопедия. СПб.: Изд. Сытина. Т. XVII. С. 286.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 413.

⁵ ОМС. Ч. VIII. С. 12.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 524.

⁷ Там же. С. 518.

⁸ Там же. С. 529—530.

⁹ ОМС. Ч. VIII. С. 12.

к нему в блиндаж и с контр-адмиралом под огнем осмотрел 3-й бастион; оттуда поехал на Малахов курган и был смертельно ранен¹.

После гибели П.С. Нахимова среди руководителей обороны — моряков не удалось найти человека более авторитетного, чем Панфилов. М.Д. Горчаков назначил контр-адмирала временно исполняющим обязанности помощника начальника Севастопольского гарнизона по морской части, военного губернатора Севастополя и командира порта². Занимал Панфилов эту должность с 29 июня по 2 октября 1855 года³.

Моряк последним оставил Южную сторону Севастополя, переправившись на Северную сторону в шлюпке под выстрелами неприятеля⁴. После оставления Южной стороны он состоял в должности начальника сухопутных и морских войск и всех укреплений на Северной стороне. 27 июля 1855 года его за отличие произвели в вице-адмиралы с назначением начальником 5-й флотской дивизии⁵.

27 октября 1855 года как старший директор Севастопольской морской библиотеки вице-адмирал А.И. Панфилов просил разрешения генерал-адмирала поместить кормовой флаг «Императрицы Марии» в помещении Николаевской юнкерской школы и получил согласие⁶.

С 31 января по 4 сентября 1856 года несколько месяцев Панфилов исполнял обязанности заведующего морской частью в Николаеве, был военным губернатором Николаева и Севастополя. 26 августа 1856 года вице-адмирала отзывали на Балтику и назначили главным командиром Свеаборгского порта и военным губернатором города. 11 марта 1857 года он стал начальником морской части в Финляндии, 18 апреля 1858 года — членом Адмиралтейств-совета. В 1862 году флагмана наградили орденом Св. Владимира II степени с мечами, в 1864 году — крестом за Кавказ. 1 января 1866 года Панфилова произвели в адмиралы. 10 апреля 1867 года ему пожаловали аренду в 3000 рублей на 6 лет. 1 января 1869 года моряка наградили орденом Белого орла⁷. Скончался А.И. Панфилов 13 мая 1874 года и похоронен на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга⁸.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 561—562, 581.

² Там же. С. 560.

³ Там же. С. 750; ОМС. Ч. VIII. С. 12—13.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 686; Военная энциклопедия. СПб.: Изд. Сытина. Т. XVII. С. 286.

⁵ ОМС. Ч. VIII. С. 13.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 588—589.

⁷ ОМС. Ч. VIII. С. 13.

⁸ Ситов В.Н. Петербургский некрополь. Т. III. С. 272.

КОМАНДИРЫ КОРАБЛЕЙ

БАРАНОВСКИЙ ПЕТР ИВАНОВИЧ

О первых годах жизни Петра Барановского сведений найти не удалось. Скорее всего, он происходил из небогатых дворян. 13 марта 1824 года юноша стал гардемаринном Черноморского флота. На кораблях «Скорый», «Иоанн Златоуст» и «Париж», бриге «Мингрелия» молодой моряк в 1824—1827 годах крейсировал по Черному морю. 22 февраля 1828 года его произвели в мичманы с переводом на Балтийский флот¹.

На Балтике в это время готовили эскадру в подкрепление кораблям А.П. Гейдена, которые после победы при Наварине блокировали Дарданеллы. Эскадра П.И. Рикорда выступила 15 июня 1828 года. Вслед за ней 19 августа из Кронштадта вышел отряд капитана 1-го ранга И.Н. Игнатьева из корабля «Великий князь Михаил», фрегата «Княгиня Лович», бригов «Улисс» и «Телемак»². Барановский шел на корабле «Великий князь Михаил»³. Осеннее плавание оказалось нелегким. С 19 по 22 сентября отряду пришлось у острова Нарген переждать непогоду, затем суда разлучились из-за тумана и безветрия и встретились лишь в Кегэ-бухте. Простояв с 8 по 14 октября в Копенгагене, суда продолжили плавание и 23—25 октября собрались в Портсмуте. Отряду следовало идти прямо в Архипелаг, не заходя на Мальту. Однако только Игнатьеву на корабле «Великий князь Михаил» сразу удалось пройти в Средиземное море, 6 января 1829 года он прибыл к цели. Другие суда отряда, остановленные встречными ветрами, достигли Мальты только 12 января⁴.

Корабли выходили для крейсерства в Архипелаге. Мичмана Барановского со временем перевели на фрегат «Елизавета», затем на корабль «Александр Невский». В 1828—1832 годах он участвовал в крейсер-

¹ ОМС. Ч. IX. С. 171.

² Андриенко В.Г. Указ. соч. М.: АСТ, 2002. С. 330—331.

³ ОМС. Ч. IX. С. 171.

⁴ Андриенко В.Г. Указ. соч. С. 331—332.

ствах. На люгере «Широкий» моряк сражался с идриотами в Монастырской губе острова Порос, после чего перешел в Николаев. 1 февраля 1833 года его произвели в лейтенанты¹.

В 1833—1834 годах на транспорте «Слон» Барановский плавал между Николаевом и Севастополем, затем на фрегате «Княгиня Лович» крейсировал по Черному морю. В 1836—1838 годах на бриге «Фемистокл» лейтенант из Одессы перешел в Константинополь, откуда плавал в Архипелаг и Средиземное море. Очевидно, бриг ходил по поручениям посланников России в Турции и Греции. После возвращения на Черное море в 1838 году моряк на «Фемистокле» крейсировал у восточных берегов, откуда на транспорте «Слон» перешел в Севастополь. В том же году моряка наградили орденом Св. Станислава III степени за самоотверженность и храбрость, проявленные при нападении горцев на суда, потерпевшие крушение 30 мая у берегов Абхазии. В 1839—1843 годах П.И. Барановский крейсировал на корабле «Три Святителя» в Черном море. 6 декабря 1844 года его произвели в капитан-лейтенанты. В 1844—1847 годах, командуя транспортом «Рион», моряк плавал между портами Черного моря. В 1848-м и 1849 годах командиром брига «Аргонавт» он крейсировал у восточного побережья Черного моря, в 1850—1851 годах командовал пароходом «Колхида» и обходил на нем укрепления Черноморской береговой линии. 6 декабря 1851 года Барановского произвели в капитаны 2-го ранга с назначением командиром фрегата «Флора». В 1852 году его наградили орденами Св. Георгия IV степени (за 18 морских кампаний) и Св. Анны III степени². Кроме орденов, Барановский имел медаль за турецкую войну 1828—1829 годов³.

В 1853 году Барановского назначили командиром нового корабля, который строил в Главном адмиралтействе Николаева И.С. Дмитриев. 84-пушечный корабль «Императрица Мария» был заложен 23 апреля 1849 года и спущен 9 мая 1853 года. Корабль водоизмещением 4160 тонн имел на вооружении 8 68-фунтовых бомбических, 56 36-фунтовых и 20 24-фунтовых пушек, экипаж из 770 человек⁴. В мае 1853 года на корабле «Императрица Мария» завершали вооружение; в конце июня он прибыл в Севастополь и вошел в состав Черноморского флота⁵. В августе вместе с другим новопостроенным кораблем «Великий князь Константин» «Императрицу Марию» вице-адмирал

¹ ОМС. Ч. IX. С. 171.

² Там же. С. 171—172.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 329—330.

⁴ Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. Т. I. С. 147.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 210.

В.А. Корнилов включил в эскадру для проведения учений и проверки их качеств. На гонках 10 августа новые корабли продемонстрировали хорошую скорость, после чего возвратились в Севастополь для участия в отражении учебной атаки, которую 12 августа произвела эскадра Корнилова¹.

В сентябре 1853 года командиром корабля «Императрица Мария» капитан 2-го ранга П.И. Барановский участвовал в перевозке войск 13-й пехотной дивизии на Кавказ². 11 октября корабль с эскадрой П.С. Нахимова выступил в крейсерство к берегам Анатолии. Корабль Барановского, на котором держал свой флаг Нахимов, крейсировал, не заходя в порты, до 18 ноября, выдержал без повреждений шторм³.

В ходе Синопского сражения корабль «Императрица Мария» возглавлял правую колонну русских кораблей. Барановский первым встал на якорь и открыл огонь по турецкому флагманскому фрегату «Ауни-Аллах». В донесении А.С. Меншикову Нахимов писал о действиях своего флагманского корабля:

«В 28 минут 1-го часа по первой пушке турецкого флагмана 44-пуш. фрегата «Ауни-Аллах» открыт был огонь со всех неприятельских судов и батарей. Корабль «Императрица Мария» (кап. 2 р. Барановский) был засыпан ядрами и книпелями. Большая часть рангоута и стоячего такелажа перебита, у грот-мачты осталась только одна нетронутая ванта. «Мария», имея ветер с кормы, шел вперед, действуя батальным огнем по судам, которые проходил, и отдал якорь против адмиральского фрегата «Ауни-Аллах». Фрегат этот не выдержал и получаса огня, отклепал цепь и, не спуская флага, бросился на берег к батарее № 6. Тогда корабль «Императрица Мария» обратил свой огонь исключительно на 44-пуш. фрегат «Фазли-Аллах» (называвшийся прежде «Рафаилом» и взятый у нас в 1829 году); вскоре этот последний, загоревшись, последовал примеру своего флагмана, также бросился на берег и стал на мель против города, засим на корабле, не имея противника, ударили дробь и завезли верп на SSW, чтобы, поворотясь, действовать по батарее № 5 и по судам, сопротивлявшимся второй колонне с большим ожесточением; но последнее оказалось излишним: вторая колонна действовала превосходно»⁴.

В ходе сражения корабль «Императрица Мария» потерял 16 человек убитыми и 38 человек ранеными. Пострадал и командир корабля⁵,

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 212—213.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 255—259, 265—273.

⁴ Там же. С. 322—323.

⁵ Там же. С. 281.

он был ранен в обе ноги и контужен в правый бок¹. Корабль получил наибольшие повреждения из участвовавших в сражении; экипаж сразу же начал ремонт. В результате, когда 20 ноября эскадра оставляла Синоп, корабль «Императрица Мария» шел с повреждениями мачт, с грот-брам-стенгой вместо грот-стенги, с грот-марса-реем вместо грота-рея. Пришлось ремонтировать штаги и ванты, заменяя их более тонкими снастями. Первоначально корабль, с которого Нахимов перешел на менее поврежденный «Великий князь Константин», шел на буксире парохода «Крым» под прикрытием двух фрегатов, но по выходе за мыс на волнении оставил буксир и далее достиг Севастополя под парусами².

29 ноября Нахимов предлагал произвести Барановского в капитаны 1-го ранга, записав в представлении: «За быстрое приведение нового корабля в боевой порядок и за отличную храбрость, мужество и распорядительность во время боя. Контужен в обе ноги и в грудь»³. Так как контузия Барановского требовала лечения, Павел Степанович обратился 21 декабря к А.С. Меншикову с рапортом о денежном пособии:

«...Капитан 1-го ранга Барановский контужен в обе ноги и в грудь, болезнь от этой контузии ныне увеличивается и требует издержек свыше тех средств, которые он имеет.

Начальник флотской дивизии в докладной записке к в. с-ти 28 ноября имел честь просить о исходатайствовании Барановскому 2-му аренды, но до получения этой награды при значительном семействе офицер этот ныне крайне нуждается в деньгах, необходимых для лечения»⁴.

В рапорте от 29 декабря о дополнительном награждении участников Синопского сражения вице-адмирал Нахимов сообщал, что представленные к чину капитана 1-го ранга и аренде по чину при недостаточности состояния и большом семействе Барановский и Ергомышев получили лишь чин, и писал: «...долгом моим поставляю повторить покорнейшую просьбу — если нельзя наградить арендами или пенсиями, то, по крайней мере, исходатайствовать денежное пособие по две тысячи серебром каждому». Ходатайство возымело силу: Император 7 января 1854 года повелел назначить капитанам 1-го ранга Ергомышеву и Барановскому «аренду по чину»⁵.

К февралю 1854 года капитан 1-го ранга сдал командование кораблем «Императрица Мария», который заканчивал вооружение, Л.И. Будищеву⁶. С 13 сентября 1854 года по 1 апреля 1855 года П.И. Барановский

¹ ОМС. Ч. IX. С. 172.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 325—326.

³ Там же. С. 329—330.

⁴ Там же. С. 359.

⁵ Там же. С. 361.

⁶ Там же. С. 389.

состоял в гарнизоне Севастополя, в 1855 году командовал батареей на Северной стороне Севастополя, был награжден орденом Св. Станислава II степени с мечами¹.

1 марта 1860 года Барановского произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы. Но 18 ноября 1878 года моряк вновь поступил в 1-й Черноморский флотский экипаж. Ему была пожалована аренда по 800 рублей на 4 года, продолженная в 1882 году еще на 2 года и увеличенная до 1500 рублей в 1883 году на 4 года. В том же году Барановского наградили орденом Св. Станислава I степени. 10 июня 1885 года Петра Ивановича произвели в вице-адмиралы с увольнением от службы². Умер адмирал 5 декабря в Севастополе.

БУТАКОВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ

Именно Г.И. Бутаков, служивший на флоте в период перехода от парусного к паровому броненосному флоту, явился тем моряком, который не только на практике руководил первыми боевыми действиями паровых судов, но и создал признанную в мире тактику их использования.

* * *

Морская династия Бутаковых известна службой на флоте с XVIII века. Наиболее известный представитель династии, Григорий Бутаков, родился 27 сентября 1820 года в Риге. Как выходец из семьи небогатого морского офицера, он пошел по отцовской стезе. 6 мая 1831 года мальчик, подобно многим детям моряков, поступил в Морской кадетский корпус³. Он хорошо учился, проявляя особые способности к точным наукам и иностранным языкам. В письме к отцу Григорий практично замечал:

«Если меня пошлют на шхуне за границу, у меня есть талисман, которым немногие обладают: я буду нужен своему командиру, как драгоман [переводчик. — Н. С.], если он сам не силен в языках (в чем я почти не сомневаюсь), и вообще, как офицер, знающий языки»⁴.

9 января 1836 года Г.И. Бутаков успешно завершил курс обучения. Летом он ходил в практическое плавание по портам Балтики на фрегате «Венус», следующую весну плавал на фрегате «Александр Невский». 23 декабря 1837 года юношу произвели в мичманы и направили на Чер-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 727; ОМС. Ч. IX. С. 172.

² ОМС. Ч. IX. С. 172.

³ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. М.: Воениздат, 1954. С. 9.

⁴ Там же. С. 14.

ное море. В 1838 году он на пароходе «Северная звезда» ходил из Николаева в Одессу и Севастополь; затем молодого офицера назначили на линейный корабль «Силистрия» флаг-офицером к адмиралу М.П. Лазареву, главному командиру Черноморского флота и портов¹. Он попал в знаменитую лазаревскую морскую школу.

Для молодого офицера эта школа началась с боевых действий у берегов Кавказа. В 1838 году Черноморский флот высадил ряд десантов войск для усиления цепи укреплений Кавказской береговой линии. Высадки и круглогодичные крейсерства способствовали выучке лихих морских офицеров.

Мичман при Лазареве крейсировал у берегов Абхазии. Он участвовал в высадке 12 мая 1838 года при устье реки Туапсе. С борта «Силистрии» Бутаков наблюдал, как после обстрела из корабельных орудий к берегу ринулись шлюпки с десантом. Высадившиеся войска и моряки заставили обороняющихся горцев отступить и основали лагерь. На следующий день эскадра ушла. Лазарев, согласившись с просьбой мичмана, перевел его на тендер «Луч», который с отрядом судов оставался при войсках, начавших постройку Вельяминовского укрепления. Однако 30 мая налетел сильный шторм. Отряд судов, стоявших у Туапсе (пароход «Язон», бриг «Фемистокл», два тендера и девять транспортных судов), оказался в опасном положении. Якоря не держали, и все 13 судов были выброшены штормом на берег. «Луч» отнесло в сторону от русских аванпостов, за реку Туапсе. Поблизости лежал и «Фемистокл». С рассветом горцы начали обстреливать русских моряков, оказавшихся на берегу в отчаянном положении без оружия. Мичман Бутаков, не желая бессмысленно погибать, схватил весло и, размахивая им, бросился вперед, за ним устремились остальные. Не без потерь моряки пробились к реке, а там солдаты организовали переправу и отогнали нападавших². Мичман за высадку десанта был награжден орденом Св. Анны IV степени, а за находчивость и храбрость в бою с горцами — орденом Св. Станислава III степени с мечами³.

21 сентября 1838 года моряка назначили на шхуну «Ласточка», которая уходила в Грецию, в распоряжение российской миссии. До августа 1840 года Бутаков на шхуне находился на Средиземном море, затем на фрегате «Флора» крейсировал у берегов Кавказа. В 1841-м и 1842 годах он служил на транспорте «Кубань» и фрегате «Флора». Осенью 1842 года моряк был назначен на шхуну «Вестник» старшим офицером. Так как шхуну готовили к заграничному плаванию, одно время Бутаков командо-

¹ ОМС. Ч. IX. С. 335.

² Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 20—22.

³ ОМС. Ч. IX. С. 336.

вал тендером «Струя». В этот период он предложил усовершенствование брашпиля и способ сигнализации в тумане. 11 апреля 1843 года Бутакова произвели в лейтенанты. Только в июне 1844 года, после двухлетней подготовки, шхуна «Вестник» отправилась на Средиземное море. Бутаков побывал в Неаполе, Ливорно, Риме, на Мальте, плавал в Архипелаге, ознакомился с новыми портами и службой на иностранных судах. После возвращения он в 1845 году на фрегатах «Флора» и «Сизополь» крейсировал у берегов Абхазии¹.

Осенью 1846 года лейтенанта назначили командиром судна. Однако уже в первом плавании тендер «Поспешный» в Днепровском лимане сел на мель. В мороз по льду Бутакову с командой пришлось пешком добираться до Кинбурна за помощью. После ремонта тендеры «Поспешный» и «Скорый» лейтенантов Г.И. Бутакова и И.А. Шестакова назначили для описи берегов Черного моря. Начав весной 1847 года с отечественных берегов, в 1850 году моряки получили разрешение исследовать побережье Малой Азии и Румелии, включая Босфор. 10 сентября 1850 года задача была выполнена, и тендеры вернулись в Севастополь. За отличное выполнение задания Бутакова и Шестакова произвели в капитан-лейтенанты и наградили орденами Св. Анны III степени, за составление лоции, которая вышла из печати в 1851 году, — бриллиантовыми перстнями².

К этому периоду относится первая публикация Бутакова. Моряк получил хорошую практику на легком одномачтовом судне. «Морской сборник» в сентябрьском номере 1849 года поместил статью «Командир тендера ***. Несколько слов о тендерах и управлении ими», в которой офицер изложил опыт командования тендером, свои наблюдения и заключения. Он писал о том, что судно такого рода постоянно должно быть готово выполнить приказ: «Такой «куттер», а по-нашему тендер, должен быть боек, ловок и легок, как мыслб: вечно готовый пуститься к указанной цели, обреченный на всегдашнюю деятельность, даже в минуты отдыха в море он обязан быть настороже и по первому знаку вспорхнуть, как птица! Разделавшись с портом, тендер выходит на рейд, но не для того, чтобы красоваться, как яхта, или ожидать посетителей (его могут даже и не заметить), — а для того, чтобы быть готовым ежеминутно сорваться с цепи и лететь, куда толкнет его воля начальника»³.

Тендеры выполняли важные задачи, доставляя приказы и срочные грузы на большие расстояния. Вопреки устоявшимся мнениям, Бутаков

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 22—23; ОМС. Ч. IX. С. 336.

² Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 25—28; ОМС. Ч. IX. С. 336.

³ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 25—26.

доказывал, что на таком судне можно сниматься с якоря на желаемый галс, предлагал способ ставить паруса в рекордные сроки. Несмотря на малые размеры тендера, лейтенант считал, что и на нем можно и нужно заботиться о здоровье и отдыхе команды.

27 марта 1851 года Бутакова командировали в Англию, где он наблюдал за постройкой буксирного парохода «Дунай», проводил его испытания на Темзе и установил, что судно имеет чрезмерную осадку, которая не позволит ему проходить через мелководные гирла Дуная. Однако, несмотря на замечания, Бутаков по приказу главного командира Черноморского флота и портов М.Б. Берха принял «Дунай» и 22 ноября привел пароход в Николаев. Осенью 1851 года моряк получил благоприятный отзыв на предложенный им компас с наклонной стрелкой. Его конструкция позволяла уменьшить рыскание стрелки и упрощала работу с компасом¹.

В 1852 году Бутаков последовательно командовал бригам «Аргонавт» и пароходом «Дунай»². 3 декабря 1852 года капитан-лейтенант стал командиром лучшего пароходофрегата Черноморского флота «Владимир»³. Прежнего командира Н.А. Аркаса за прекрасную подготовку парохода произвели в флигель-адъютанты и назначили в Гвардейский экипаж. Бутаков воспринял хорошие традиции «Владимира». На нем моряк начал свой путь к славе флотоводца и морского теоретика. Тогда же, видимо, у него появился критический подход к состоянию отечественного флота. В письме-памфлете, сохранившемся в архиве, он писал о том, что великолепные на вид корабли с блестящими экипажами фактически далеки от совершенства: «Полубуйтесь, как по сигналу прислать вооруженные гребные суда они слетятся к борту флагманского корабля! Как мало им нужно время на вооружение, как быстро они при спуске готовы сделать выстрел!.. Зачем вам знать, что эти корабли выстроены не из дерева, а из репы, хотя за них заплачено, как будто они деревянные? Зато ядро неприятельское, пробивая репу, не губит людей осколками и щепами!»⁴

С февраля по май 1853 года Г.И. Бутаков находился при посольстве князя А.С. Меншикова в Константинополе. Вероятно, Меншиков и сопровождавший посла вице-адмирал В.А. Корнилов использовали его знание Босфора, Константинополя и турецкого языка. Не исключено, что капитан-лейтенант изучал состояние Турции перед войной. Так как посол предъявил ультиматум, который правительство султана отвергло, че-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 30—32.

² ОМС. Ч. IX. С. 336.

³ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 32.

⁴ Там же. С. 38.

рез месяц русские полки вступили в дунайские княжества, а англо-французский флот вошел в Дарданеллы для поддержки турок.

Летом Бутаков на «Владимире» курсировал по Черному морю и участвовал в учениях Черноморского флота. Понимая, что корабль необходимо готовить к боям, капитан-лейтенант совершенствовал подготовку экипажа. В частности, в июне 1853 года на рейде Николаева в ходе учебных стрельб он учил матросов грести на шлюпках под выстрелами пушек пароходофрегата¹. 12 августа «Владимир» участвовал в учебной атаке Севастополя, которую предпринял с эскадрой В.А. Корнилов. Пароходы «Владимир» и «Грозный» шли между двумя колоннами парусников и поддерживали баркасы, с которых высаживали десант под выстрелами береговых батарей².

В сентябре вместе с другими кораблями «Владимир» перевозил войска на Кавказ. Пароходофрегат доставил 936 человек из состава Литовского полка. На нем поднимал свой флаг начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов³. Высадка на рейде Анапсии оказалась непростой, «Владимир» лишился якоря. Тем не менее, флот при помощи пароходов успешно провел высадку и вернулся в Севастополь⁴.

Осенью 1853 года пароходофрегат «Владимир» у Алупки участвовал в спасении севшего на камни парохода «Еникале». 18 октября Бутаков, торопивший работы, сообщил, что пробойну парохода заделывают, после чего его можно поднимать. Завершив работы, моряк с «Владимиром» прибыл в Севастополь, чтобы успеть принять участие в походе эскадры под флагом В.А. Корнилова. 23 октября корабли выступили. В поисках противника парусная эскадра крейсировала у западного побережья Черного моря. Вице-адмирал Корнилов в соответствии с указаниями А.С. Меншикова намеревался узнать о выходе турецкого флота из Босфора и лишь после этого начинать боевые действия. Пользуясь скоростью «Владимира», он отправлял его в разведку. Бутаков обходил порты и удобные якорные стоянки. К Варне он приблизился настолько, что мог пересчитать пушки на батареях. 26 октября у Босфора была замечена эскадра из пяти фрегатов, корвета и парохода. Однако надвигалась буря, и Корнилов вернулся в Севастополь⁵.

29 октября Корнилов вновь с эскадрой вышел в море, взяв с собой «Владимир». Корабли 4 дня шли сквозь шторм. Когда непогода стихла,

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 38—39.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 212—213.

³ Там же. С. 242—243.

⁴ Там же. С. 246—247.

⁵ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 39—40.

вице-адмирал послал Бутакова осмотреть рейды Коварны, Балчика и Варны. Пришлось замаскировать вторую трубу парусиной (у турок были однотрубные пароходы), а на черных бортах изобразить белые полосы. Пароходофрегат под видом турецкого заходил в Варну и в Балчик. Неприятеля не обнаружили. Корнилов, оставив эскадру под командованием Ф.М. Новосильского двигаться к Сизополю, на пароходофрегате направился в район порта Амастро, чтобы встретиться с эскадрой П.С. Нахимова¹.

Утром 5 ноября вахтенные заметили дымок парохода и паруса эскадры; посчитав последнюю эскадрой Нахимова, Корнилов решил идти на сближение с пароходом. Неизвестное судно пыталось уйти, но затем повернуло прямо на «Владимир» и подняло турецко-египетский флаг. После первых двух русских выстрелов турки ответили бортовым залпом. Так начался первый в истории бой паровых кораблей. Противники не пользовались парусами. Командир «Владимира» капитан-лейтенант Г.И. Бутаков избрал блестящую тактику: пользуясь преимуществом в скорости и отсутствием кормовых орудий на 10-пушечном пароходе «Перваз-Бахри» («Владыка морей»), он старался маневрировать так, чтобы расстреливать неприятеля с кормы. Командовавший «Перваз-Бахри» мамелюк из черкесов оказался достойным противником. Он решительно вступил в бой и сражался, пока его не сразило ядро. Лишь через 3 часа после первого выстрела неприятельский пароход спустил флаг. Позднее Бутаков писал: «Посланные овладеть призом нашли на нем страшную картину разрушения и гибели: обломки штурвалов, компасов, люков, перебитые снасти, перемешанные с оружием, трупами, ранеными, кровью, каменным углем... Ни одной переборки, которая была бы цела. Бока, кожухи, будки избитые. Паровая и дымовая трубы, как решето...»²

Из 151 члена экипажа в плен попали 9 офицеров и 84 нижних чина, остальные погибли. Большие потери и разрушения вполне понятны, так как «Владимир» стрелял ядрами и бомбами из бомбических пушек. Турки добились немногих попаданий. Кроме картечных, у «Владимира» оказалось две пробоины от ядер; погибли адъютант В.А. Корнилова Г.И. Железнов и горнист, двое матросов получили ранения³.

Таким образом, отличное знание парового дела Бутаковым и качества судна позволили одержать победу такой малой кровью.

Турки были удивлены хорошим отношением к ним. Флаг-офицер Корнилова князь Барятинский писал позднее: «Первый турок, подняв-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 207—210.

² Там же. С. 210—210; Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 41—42.

³ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 211—212.

шийся к нам на «Владимир», кажется, полагал, что ему тотчас отрубят голову. Лицо его выражало смертельный испуг и покорность судьбе. Наш командир Бутаков, хорошо знающий турок, их успокаивает, отводит отдельную каюту офицерам, которых было около двенадцати, а остальную турецкую команду посылает на бак. Судовой врач делает свое дело, одинаково относясь к христианам и мусульманам. Затем наступит время обеда, и Корнилов приглашает пленных офицеров, среди которых был мулла, отобедать с нами»¹.

После краткого ремонта «Владимир» повел избитый трофей в Севастополь. По пути встретили парусную эскадру Новосильского. Корнилов направил его к Нахимову, а сам продолжил движение к главной базе. «Перваз-Бахри» так пострадал, что его с трудом на буксире привели в Севастополь 7 ноября, а спустя 2 дня, в шторм, пароход затонул у стен порта. Он смог выдержать трехчасовой бой лишь с помощью баррикады с углем между орудиями и поперек судна, до некоторой степени защищавших экипаж и машину. Корнилов в донесении высоко оценил действия «Владимира» и его командира: «Капитан, офицеры и команда парохода «Владимир» вели себя самым достойным образом. Капитан-лейтенант Бутаков распоряжался, как на маневрах; действия артиллерией были и быстры, и метки, чему лучшим доказательством служит разрушение, ими произведенное на неприятельском судне...»²

За победу в первом сражении пароходов Г.И. Бутакова наградили орденом Св. Георгия IV степени и выделили 38 тысяч призовых денег³. Офицерам присвоили следующие чины, а матросам выдали по 5 рублей, кроме призовой суммы. Захваченный пароход оценили в 40 тысяч рублей⁴. «Перваз-Бахри» переименовали в «Корнилов», его гюйс подавали Морскому корпусу. Нахимов поздравил Бутакова с победой и до получения из Петербурга ордена Св. Георгия надел ему свой орден, полученный за Наварин⁵.

Из-за начала войны намеченная на ноябрь замена котлов не состоялась, ограничились ремонтом. Позднее Бутаков отмечал, что только самоотверженной деятельностью инженер-механиков и машинной команды он обязан хорошей работе машины в ходе войны. Немудрено, что после перегрузок в предыдущих походах механизмы отказали на переходе в Синоп, и пароходофрегат не участвовал в знаменитом Синопском сражении. Но Бутаков по предложению В.А. Корнилова перешел

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 42.

² Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 213.

³ ОМС. Ч. IX. С. 337.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 354.

⁵ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 44.

на «Одессу», принял участие в погоне за «Таифом» и в отводе от пыляющего берега русских кораблей. После сражения он временно заменил командира пароходофрегата «Одесса», пытался спасти стоявший на мели фрегат «Несими-Зефер», на котором обнаружили полтора года турок, а затем буксировал из Синопа поврежденный корабль «Великий князь Константин» под флагом П.С. Нахимова. На борту «Одессы» находились также Осман-паша и пленные турецкие офицеры¹.

В рапорте А.С. Меншикову о Синопском сражении В.А. Корнилов, предлагая не исключать офицеров пароходов из числа участников сражения, среди отличившихся отметил и Г.И. Бутакова². Позднее тот вместе с другими офицерами пароходного отряда был включен в список на награждение, подготовленный П.С. Нахимовым. Вице-адмирал представил его к производству в капитаны 2-го ранга, сформулировав представление так: «За отличное исполнение возлагаемых на него обязанностей, примерные присутствие духа и храбрость. Он был весьма полезен при завладении турецким фрегатом и отводе его от города по своему знанию пароходного дела и турецкого языка»³. 18 декабря моряк стал капитаном 2-го ранга⁴.

Зимой на котлы поставили заплаты, а отдельные места заделали смесью, аналогичной цементу. Ремонт выполнили так качественно, что заплата отставала лишь при долговременной стрельбе из корабельных орудий, но могла быть быстро восстановлена.

Пока корабль ремонтировали, союзники проявляли активность. В декабре 1853-го — феврале 1854 года их пароходы для разведки появлялись перед Севастополем. Черноморцы торопились с ремонтом. В начале февраля подготовили уже семь кораблей. «Владимир» также был готов, но оставался в Южной бухте. Когда 16 февраля у Севастополя появился английский пароходофрегат, навстречу ему выслали «Владимир» и «Херсонес», но разведчик удалился, не дожидаясь их приближения⁵.

По боевому расписанию 17 февраля 1854 года «Владимир» входил в эскадру для защиты рейда Севастополя. Пароходофрегатам, объединенным в отряд под командованием контр-адмирала А.И. Панфилова, следовало стоять на указанных местах на одном якоре с бомбическими пушками, готовыми стрелять вдоль рейда. Им предстояло оставаться в готовности к вступлению под пары, истреблять неприятельские бран-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 45—46; ОМС. Ч. IX. С. 337.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 315.

³ Там же. С. 348.

⁴ ОМС. Ч. IX. С. 337.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 389.

деры, а в случае атаки неприятельского флота — отходить за линию своих кораблей в Корабельную бухту и Инкерман¹. М.Ф. Рейнеке записал в дневнике 3 апреля: «Пароходы будут действовать из бомб. орудий (на шпринге), пока неприятель не прорвет бона, тогда уйдут три парох. в Юж. бух., а три за Нахимова...»²

9 апреля «Владимир» выходил навстречу пароходу «Эльборус», который зимовал в Николаеве и возвращался в Севастополь³. «Эльборус» благополучно прибыл в главную базу.

К весне все чаще неприятельские корабли стали появляться у берегов Крыма. 15 апреля с «Владимира», патрулировавшего у Севастополя, заметили приближавшуюся неприятельскую эскадру⁴. 17 апреля, после неудачной попытки нападения на Одессу, союзный флот был виден перед Севастополем, а к входу в бухты по очереди приближались пароходы; затем союзники удалились. 18 апреля пароход «Владимир» направили для поиска неприятеля. Рейнеке записал в дневнике: «С утра неприятеля не было видно. После полудни часа в 3 послали на осмотр парох. «Владимир». Он прошел до мерид. м. Херсонес и оттуда направил курс NNO к Тарханкуту. Тогда явился из-за Херсонеса паровой фрегат (французский) под парами и парусами, пустившийся в погоню за «Владимиром». Увидев это, «Владимир» поворотил назад на SSO под одними парами, спустив верхний рангоут, спешил в губу, а француз взял на ONO (под пар. и парус.) наперерез. Увидев эту погоню, Корнилов тотчас велел развести пары на всех пяти больш. пароходах наших для помощи «Владимиру», но «Владимир» успел в 6 ч. веч. вскочить в вехи и неприятель воротился, не доходя мили три. В то же время (около 6 ч.) явился и неприят. флот из-за Херсонеса, всего в числе шести только вымпелов. [Были] видны шханцы кораблей, но вскоре скрылись...»⁵

21 апреля союзный флот вновь видели у Севастополя⁶. 27 апреля два союзных парохода производили съемку входа в Балаклавскую бухту, 28 апреля союзный флот появлялся под Севастополем, а его отряд — у входа в Керченский залив⁷. 5 мая английский и французский пароходофрегаты подошли близко к Севастополю и под огнем береговых батарей удалились ранее, чем на «Владимире» и «Громоносце» развели пары⁸.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 370.

² Там же. С. 394.

³ Там же. С. 396.

⁴ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 47.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 398.

⁶ Там же. С. 399.

⁷ Там же. С. 400.

⁸ Там же. С. 401.

8 и 26 мая пароход «Владимир» выходил в разведку, достигал Синопа, но неприятеля не встретил. Утром 3 июня шесть российских пароходов с abordажными партиями выступили из Севастополя навстречу трем неприятельским; командовавший отрядом контр-адмирал А.И. Панфилов поднял флаг на «Владимире». Неприятельские пароходы сразу начали отходить. «Владимир», далеко обогнавший другие русские корабли, один вступил в перестрелку, имел повреждения и жертвы. Поскольку остальные русские пароходофрегаты отстали, Бутаков не мог добиться успеха без поддержки и был вынужден вернуться в Севастополь¹.

В этой стычке, как и во многих других, сказалось отсутствие в Черноморском флоте боевых паровых судов специальной постройки, ибо русские пароходофрегаты (кроме «Владимира») являлись вооруженными пакетботами. Когда осенью 1854 года союзники высадили в Крыму десант с огромной парусно-паровой эскадры, русские парусники при недостатке пароходов оказались бессильны помешать. Бутаков присутствовал на совещании, которое приняло решение оборонять главную базу с суши, загородив вход в бухты затопленными кораблями. Наиболее старые корабли и фрегаты легли на дно, другие стали плавучими батареями, а моряки и пушки с них составили основу сухопутной обороны города. Но флот жил. Его активной частью оставались пароходы, в первую очередь «Владимир».

К началу обороны Севастополя вооружение пароходофрегата увеличили до двух 10-дюймовых, пяти 68-фунтовых пушек, четырех 24-фунтовых пушко-каронад и двух 18-фунтовых каронад².

В приказе 21 сентября В.А. Корнилов указал для пароходов определенные места на рейде. «Владимир» и «Крым» должны были расположиться на левом фланге оборонительной линии, «Эльбурс» против Ушаковой балки, «Бессарабия», «Громоносец» и «Одесса» на правом фланге, «Херсонес» против Инкермана. В конце сентября П.С. Нахимов подготовил инструкцию для пароходов, выходящих на позицию³. Тем самым руководители обороны признавали особую роль паровых судов.

«Владимир» и «Крым», оказавшиеся в подчинении Бутакова, располагались в Киленбалочной бухте, на стыке обороны рейда и сухопутной. Артиллеристы пароходов обстреливали неприятельские позиции, мешая сооружению батарей перед Малаховым курганом и соседними бастиянами. В частности, 27 октября Корнилов отмечал в письме: «Ночью было заметно движение от 1-го лагеря к Килен-балке, но бомбы «Вла-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 48—49.

² Адмирал Нахимов: Статьи и очерки. М.: Воениздат, 1954. С. 154.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 423—424.

димира» его остановили»¹. Действия пароходов отвлекали неприятельскую артиллерию от Малахова кургана.

Бутаков воевал умело, проявлял инициативу и смекалку. Орудия пароходофрегата с малыми углами возвышения не годились для стрельбы по удаленным целям на береговых возвышенностях. Потому, когда 5 октября началась первая бомбардировка Севастополя, для обстрела пятиорудийной батареи на Киленбалочных высотах пришлось создать «Владимиру» искусственный крен до 7 градусов, что увеличило дальноточность его пушек до 4—5 километров. За 5—8 октября корабль выпустил 341 бомбу и 164 ядра, заставив батарею замолчать; по рассказам дезертиров, одно орудие разорвало, а остальные перевезли на другие батареи. Ответная стрельба англичан была значительно хуже, ибо из 500 снарядов, выпущенных с высот по неподвижному пароходофрегату, попали только 10; корабль не потерял боеспособности, так как подводные пробоины по ночам заделывали водолазы². Вслед за Бутаковым крен для увеличения угла возвышения орудий применили командиры других кораблей.

9 октября 1854 года орудия «Владимира» впервые в истории русской морской артиллерии вели огонь по невидимой цели — английской 22-пушечной батарее. Следующим летом Бутаков внедрил на своем корабле предложенное кондуктором Константиновым усовершенствование — продольные клинья в орудийных станках, которые позволяли увеличивать угол возвышения орудия без крена парохода. Благодаря этому новшеству уже 6 июля удавалось вести огонь по берегу с ходу³. Моряки «Владимира» внесли немало усовершенствований, в том числе блиндирование важнейших частей корпуса.

Очевидно, Бутаков являлся личностью уважаемой, ибо он состоял членом походной думы георгиевских кавалеров, которая принимала решение о представлении к ордену Св. Георгия отличившихся офицеров, и был младшим в чине⁴.

Роль флота не ограничивалась обороной. 23 ноября П.С. Нахимов отдал Бутакову предписание на проведение вылазки с целью захватить или уничтожить неприятельский пароход, наблюдавший за входом в Севастопольские бухты. Капитан 2-го ранга действовал умело и решительно. Чтобы отвлечь внимание противника, 24 ноября он направил пароходофрегат «Херсонес» для обстрела неприятельского лагеря и судов в районе Стрелецкой бухты. Сам Бутаков вышел первым и атаковал па-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 52.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 66—67.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 435, 442.

роход «Мегара», бежавший к своему флоту, а затем поддержал «Херсонес». Когда же на отходе русские корабли вступили в бой с двумя английскими и французским пароходами, командир «Владимира» увлек одного из неприятелей под огонь береговых батарей. Пароходофрегат шел концевым и отстреливался из кормовых орудий. Несмотря на выстрелы противника, только одно ядро попало в мачту «Владимира»¹. В рапорте М.Н. Станюковичу Нахимов отмечал: «Молодецкая вылазка наших пароходов напомнила неприятелям, что суда наши, хотя разоружены, но по первому приказу закипят жизнью, что, метко стреляя на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке, что, составляя стройные батальоны для защиты Севастополя, мы ждем только случая показать, как твердо помним уроки покойного адмирала Лазарева...»²

После этой дерзкой вылазки союзники постоянно держали у входа в бухту три—шесть больших пароходов. А Нахимов получил основание противодействовать откомандированию на бастионы артиллерийских офицеров с готовых к действию пароходов.

В январе 1855 года В.И. Истомин, командовавший левым флангом обороны, писал Бутакову: «...прошу опять Вашего огненного содействия. Французы опять начали строить редут недалеко от той пятипушечной, оставленной неприятелем, батареи, которая так часто отведывала Вашего чугуна и у коменданта которой Вы беспрестанно портили обеденный суп: попробуйте дальность Ваших сокрушительных бомб на этот редут»³.

6 февраля 1855 года вице-адмирал Нахимов приказал Г.И. Бутакову принять командование линейным кораблем «Двенадцать Апостолов» и приготовить к затоплению быстро и тайно⁴. В ночь на 13 февраля корабли «Двенадцать Апостолов», «Святослав» и «Ростислав», фрегаты «Кагул» и «Месемврия» были затоплены между Николаевской и Михайловской батареями, чтобы преградить неприятелю вход на рейд⁵.

Григорий Иванович не ограничивался командованием «Владимиром». По поручению Нахимова энергичный капитан 2-го ранга возглавил комитет, распоряжавшийся выдачей пособий раненым. Присланный в Севастополь чиновник для особых поручений Морского министерства Б.П. Мансуров, которому предстояло собирать сведения об убитых и раненых моряках и распределять пособия раненым и семьям погибших, сразу понял роль Бутакова и получил разрешение войти в комитет. Он

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 443—444.

² Там же. С. 445.

³ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 58.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 457.

⁵ Там же. С. 459.

рассчитывал, что благодаря этому «...вся система пособий, оказываемых раненым и семействам убитых, будет приведена в стройное и правильное единство и что все будут вознаграждаемы равномерно, соответственно заслугам и нуждам»¹.

Это было не единственное ответственное поручение Нахимова Бутакову. В конце февраля 1855 года пришлось отвести пароходы из восточной части бухты, где они подвергались опасности от огня неприятельских батарей, и назначить дежурный пароход, которому предстояло ночами в очередь с другими стоять под парами в готовности обстреливать Килен-балку в случае наступления неприятеля на передовые укрепления. Вице-адмирал поручил Бутакову подготовить рапорт Д.Е. Остен-Сакену и инструкцию для дежурного парохода. Последняя была просмотрена и исправлена Нахимовым. Инструкция представляла собой документ, обеспечивавший организацию наблюдения и противодействия неприятельским атакам по суше в прибрежной полосе и препятствовавший противнику вести разведку на гребных судах².

30 марта 1855 года Г.И. Бутакова произвели за отличие в капитаны 1-го ранга³.

Так как союзники все чаще обстреливали рейд ракетами, Бутаков предложил свой способ борьбы с их попаданиями. В рапорте 7 апреля он писал: «Дав зажигательной части ракеты разгореться большим пламенем, достаточно было одной кружки воды, чтобы совершенно потушить ее». Нахимов, получив донесение, в тот же день отдал приказ, чтобы распространить предложение в частях и на судах⁴.

«Владимир» вместе с другими кораблями не раз огнем артиллерии прикрывал фланг укреплений. 26—27 мая 1855 года он помог удержать русские передовые позиции. Под вечер 26 мая после сильной бомбардировки неприятельские войска атаковали Селенгинский, Волинский редуты и Камчатский люнет. Нахимов приказал пароходам развести пары. Вскоре «Владимир», стоявший на позиции между Павловской батареей и Аполлоновой балкой, открыл огонь; затем к нему присоединились другие пароходы и корабль «Храбрый», стрелявшие до начала 9-го часа⁵. В шканечном журнале «Одессы» записано: «26 мая 1855 года в 10 часов (вечера) по словесному приказанию капитана 1-го ранга Бутакова снялись с якоря и следовали обстреливать неприятельский берег и Селенгинский и Волинский редуты, где мы и все пароходы держались под

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 460, 462.

² Там же. С. 464—466.

³ ОМС. Ч. IX. С. 338.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 499.

⁵ Там же. С. 533—534.

парами под выстрелами неприятельских батарей». Всю ночь «Громоносец» обстреливал захваченные противником укрепления бомбами. На рассвете 27 мая все пароходы развернулись против фланга противника: «Владимир» и «Херсонес» у бухты Голландия, «Громоносец», «Бессарабия» и «Крым» — против Килен-балки. С 3.00 до 5.00 пароходы обстреливали неприятельские батареи. Однако силы противника были значительно большими, чем силы защитников, и вернуть передовые укрепления не удалось; пришлось оставить и Забалканскую батарею¹.

5 июня союзники начали бомбардировку укреплений, особое внимание уделяя Малахову кургану. Бутаков обратился к П.С. Нахимову с просьбой перевести его на сушу, в более опасное место. Но адмирал отказался, считая, что Бутакова необходимо сохранить для будущего флота². В тот же день орудия «Владимира» помогли защитникам укреплений 3-го и 4-го отделений оборонительной линии отразить наступление неприятельских колонн³. 6 июня союзники после бомбардировки предприняли решительный штурм, но были отбиты. В приказе от 9 июня М.Д. Горчаков отметил особую роль пароходов: «Пароходы наши: «Владимир», «Громоносец», «Херсонес», «Крым», «Бессарабия» и «Одесса», равно и батареи, устроенные в Северной стороне Севастопольской бухты, весьма много содействовали отражению атаки, поразив неприятельские колонны везде, где это было доступно»⁴.

Бутаков отбивал натиск французов на Малахов курган. Огонь пароходов за 10 минут разгромил передовую атакующую бригаду Мейрана, затем отражал следующие атаковавшие войска. За активную поддержку обороне Г.И. Бутаков 27 июля 1855 года был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость»⁵.

Особенно серьезно «Владимир» готовили к боям в августе: сняли мачты, орудия защитили тросовыми щитами, а борта — мешками с землей, руль прикрыли будкой из железных листов. Но главной защитой явилась подвижность, ибо пароходофрегат под огнем стрелял на ходу. Очевидец вспоминал: «Чудное зрелище представляло это прекрасное судно! Идет величественно вдоль бухт от Павловского мыска, изредка пуская гранату из носового орудия, отбиваясь как будто от назойливой мухи, от французской батареи... Поравнявшись с Килен-балкой, выстрелит из орудий целого борта и медленно поворачивается другим бортом <...> опять делает залп и тихо отходит, заряжая свои орудия и

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 58.

² Там же. С. 59.

³ ОМС. Ч. IX. С. 338.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 544—545.

⁵ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 60.

отстреливаясь. И этот маневр он повторял беспрестанно в течение целого штурма. Это не покажется мудреным, если прибавить, что командир «Владимира», капитан Бутаков, первый подавал экипажу пример редкого хладнокровия и неустрашимости. Все приходило в восторг, глядя на него, стоявшего на площадке над колесами и спокойно распоряжавшегося, как будто около него не летали ядра и не было вероятности быть убитым каждое мгновение. Хвала тебе, храбрый! Хвала и тебе, наш славный «Владимир»¹.

Двигаясь каждый раз новым курсом и укрываясь за береговыми высотами, «Владимир» наносил крупные потери наступающим, но сам почти не страдал, ибо неприятельские артиллеристы не успевали наводить орудия.

Днем 27 августа союзники вновь штурмовали. Бутаков находился на «Владимире». Сразу же пароходы разошлись по позициям. «Владимир» выдвинулся к Килен-балке и открыл огонь бомбами и картечью по наступающим французам, заставив их отступить с потерями. Однако, несмотря на героизм защитников, французы захватили Малахов курган. Русское командование отдало приказ отходить на Северную сторону. «Владимир» ночью на 28 августа за два рейса перевез 2490 человек, затем его успешно укрывали от неприятельского обстрела, сняли часть пушек, а в ночь на 31 августа пароходофрегат зажали и затопили вместе с другими еще уцелевшими паровыми судами Черноморского флота; парусники пошли ко дну еще 28 августа². На этом завершился боевой путь победителя первого боя паровых судов. А Бутакова за отличие наградили орденами Св. Анны II степени с мечами и Св. Владимира IV степени с бантом; 17 сентября его произвели во флигель-адъютанты, 26 сентября назначили начальником штаба заведующего морской частью в Николаеве³.

В 1855 году журнал «Морской сборник» опубликовал статью «Из артиллерийских заметок на Севастопольском рейде», в которой моряк изложил опыт своих действий в ходе обороны: стрельба с креном, стрельба по невидимой цели и с хода. С этого начиналась его работа над новой тактикой. Бутаков писал: «...Теперь, с введением на судах громадных орудий и с начатием опытов для определения возвышений, которые нужно давать этим орудиям при самых больших расстояниях, стало понятным, что в теории морской войны происходит переворот...»⁴ Одна-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 63.

² Там же. С. 64.

³ ОМС. Ч. IX. С. 338.

⁴ Бутаков Г.И. Из артиллерийских заметок на Севастопольском рейде // Морской сборник. 1855. № 10. С. 359—360.

ко не сразу моряк получил возможность на практике проверить свои мысли.

26 августа 1856 года Г.И. Бутакова произвели в контр-адмиралы с назначением в свиту Императора, заведующим морской частью в Николаеве и военным губернатором Николаева и Севастополя. Фактически он занимал прежний пост главного командира Черноморского флота и портов. Энергичный флагман решительно взялся за дело. Трудно было назвать флотом ту горсть судов, что осталась после Крымской войны. Предполагали создать завод паровых машин под Николаевом, намечали строить 27 паровых судов. В 1856—1859 годах на пароходах «Тамань», «Тигр» и винтовой шхуне «Туапсе» контр-адмирал ходил по Черному и Азовскому морям, исследуя положение дел. За заслуги его наградили в 1859 году орденом Св. Владимира III степени с мечами¹. Однако Парижский мирный договор 1856 года запретил России и Турции иметь крупные военно-морские силы на Черном море. Бутакову пришлось заняться сокращением учреждений и численности моряков.

Контр-адмирал не забывал имен тех, кто являлся первыми учениками лазаревской морской школы. 17 февраля 1857 года, после вручения 17 флотским экипажам Георгиевских знаменных флагов с надписью «За оборону Севастополя с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.», заведующий морской частью в Николаеве Г.И. Бутаков выступил с приказом:

«...Море вас приготовило, дорогие друзья и сослуживцы, море приучило вас не уметь бояться чего бы то ни было, оно сделало из вас чудобогатырей, и приходится сожалеть об одном, что флоту нашему не довольно привелось на море же оказать те чудеса молодецкой удали, которые праправнуки теперешнего поколения будут ставить в пример другим из рода в род, в пример военного порядка, послушания, исполнительности, святого выполнения долга службы и присяги, от которых родятся все доблести, столь заслуженно прославившие вас. Гг. адмиралы, штаб- и обер-офицеры Черноморского ведомства. Распорядители торжества 7 февраля, выражая чувства морской семьи нашей, пожелали мне иметь как можно более таких сотрудников, каких незабвенный адмирал Лазарев имел в Нахимове, Корнилове и других, отчасти несуществующих и отчасти продолжающих трудиться и ныне на пользу отечества и флота русского. Я имею вас всех сотрудниками и радуюсь и горжусь этим. Ни Нахимов, ни Корнилов не родились, а сделались Нахимовым и Корниловым, сделались потому, что постоянно посвяща-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 69; ОМС. Ч. IX. С. 338.

ли себя всеми силами прежде службе, а потом себе, а не прежде себе, а потом службе; и никакие преграды, никакие огорчения, неизбежные в быту человеческом, не могли отклонить их во всю жизнь от этого пути. Вот весь секрет этих знаменитых вождей наших, завещанный нам в огне и пламени Севастополя, но который не был для вас секретом — как знает целый свет.

Будем же помнить этот секрет, будем дружно стремиться к благой общей цели, и тогда я буду окружен все Корниловыми, все Нахимовыми...»¹

В 1858 году Бутаков осуществил освобождение черноморских адмиралтейских поселен от крепостной зависимости, за что 14 апреля 1862 года получил золотую медаль на Александровской ленте². Еще перед ликвидацией крепостного права и военной реформой он выступал за отмену телесных наказаний на флоте. Осенью 1859 года в «Замечаниях по поводу Устава (к пункту 201)» контр-адмирал писал: «Каза-лось бы, пора отменить линьки совсем, как вредные по последствиям своим для здоровья, и определенительно ограничить меру исправительных наказаний, предоставленных командиру корабля...»³ Помня, насколько жесток режим в Морском корпусе, моряк не отдал в него сыновей Александра и Алексея, желавших служить на флоте; он послал их после гимназии в Петербургский университет, после чего направил на флот юнкерами⁴.

11 апреля 1858 года в соответствии с распоряжением «заведывающего морской частью в Николаеве свиты е.и.в. контр-адмирала и кавалера Бутакова» комиссия вскрыла склеп Владимирского собора, в котором были похоронены руководители обороны Севастополя, чтобы переложить тела в обитые свинцом гробы и поместить гроб с телом Нахимова к остальным. Комиссия обнаружила, что за время господства союзников кто-то проник в склеп и надругался над покойными адмиралами, сорвав с них эполеты⁵.

На посту руководителя морской частью в Николаеве Бутаков попытался бороться со злоупотреблениями. Назначенная им комиссия разоблачила спекулянта Киреевского, связанного с чинами морского ведомства. Моряк не раз сообщал Великому князю Константину Николаевичу о нарушениях закона. Он писал: «Зная, что бедное мое отечество под-рывается страшным червем взяточничества, этой повсеместной гангре-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 643—644.

² ОМС. Ч. IX. С. 338—339.

³ Лурье А., Мартини А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 73.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 622—623.

ной нашею, — я выбрал удобный случай, чтобы нанести, в пределах вверенного мне управления, удар всеобщему врагу...»¹

В других письмах он убеждал главу морского ведомства, что то, о чем он сообщает, — правда, и просил защитить его от бюрократических гонений, самых опасных в России. В 1859 году Бутаков подал генерал-адмиралу «Секретную записку о положении в Черноморском управлении», касаясь в резкой форме и недостатков всего морского ведомства. Не видя поддержки и понимания сверху, он просил уволить его от должности и в отставку, ибо «полумеры в этом отношении были бы непоследовательностью с моей стороны». Его расследование задевало высокие чины министерства². Дотошного контр-адмирала 1 февраля 1860 года освободили от должности заведующего морской частью и военного губернатора и перевели на Балтийский флот. Он стал начальником практической эскадры винтовых кораблей Балтийского флота³.

Эскадра была создана для подготовки моряков парового флота. Контр-адмирал заставил всех серьезно учиться морскому делу. Он переезжал с корабля на корабль и проверял положение дел, предъявлял к подчиненным высокие требования, но и обучал их на основе своих опыта и знаний. Личный состав он побуждал к изучению своих обязанностей широким введением соревновательности. Г.И. Бутаков в отчете о плавании эскадры в 1860 году писал: «Считая необходимым основать всякое совершенствование флота на соревновании, я ввел в отряде, чтоб из всякой работы выходила гонка и первым кораблям в каждой работе немедленно извещалось сигналом удовольствие. Если же работа была произведена быстрее предшествовавшего раза, — то особенное удовольствие»⁴.

Для ремонта судов Григорий Иванович приказал оборудовать парходофрегат «Владимир» как плавучую мастерскую. Один из механиков, служивших на эскадре, позднее вспоминал, что Бутаков задавал морякам непростые вопросы о их службе и не терпел обманов. Он говорил кратко и ясно, добиваясь того же от подчиненных. Весьма трудоспособный, контр-адмирал подбирал соответствующих помощников, не стесняясь выдвигать молодых способных офицеров. Как специалист, он вдавался в технические тонкости, не любил болтунов. С теми же, кто совершал ошибки, он разговаривал в каюте, а в особых случаях промахи обсуждали на собрании моряков в кают-компаниях⁵.

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 71.

² Там же. С. 71—72.

³ ОМС. Ч. IX. С. 338.

⁴ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 76—79.

⁵ Там же. С. 78—80.

Бутаков в 1860 году учредил в экипажах должность офицера, постоянно следившего за дальностью до неприятеля. На корабли были установлены приборы для измерения дальности и для передачи с мостика в батарею данных о прицелах, учреждены сигналы для сообщения на другие корабли о скорости. В частности, высота подъема шаров на сигнальной мачте свидетельствовала о скорости судна. Экспериментируя, флагман добился того, что разнотипные корабли научились двигаться согласованно. 5 сентября 1860 года контр-адмирала за отличную службу наградили орденом Св. Станислава I степени с мечами. Осенью 1860 года моряка командировали в Англию и Францию для изучения развития кораблестроения и морского дела¹. Он информировал генерал-адмирала о том, что узнал нового, и сообщал свои разработки по теории пароводных эволюций, еще неизвестные за границей².

Бутаков еще в 1854 году по поручению В.А. Корнилова составил для своего пароводного отряда краткое описание эволюций (наиболее выгодных поворотов кораблей для их перестроения и изменения курса). И позднее он занимался теоретическим рассмотрением форм маневрирования паровых судов, приняв за основу окружность и касательную к ней³. Назначенный весной 1861 года начальником эскадры винтовых канонерских лодок, Бутаков использовал их для проверки своих мыслей. В том же году он опубликовал книгу «Несколько отрывков из опыта начальных оснований пароводной тактики», с которой до кампании успели ознакомиться офицеры эскадры. Обучение флагман начал с проверки механиков, подготовка которых не блистала. По мере готовности лодки переводили на буксире в Гельсингфорс⁴. В приказе от 11 июля 1861 года Бутаков сформулировал основную задачу обучения: «Нам нужно научиться для будущей (вероятно, железной) шхерной флотилии быть не стадом, наскоро согнанным, а стройною силою, толково, а потому и легко, передвигающейся с места на место на основании современной науки и внушающей к себе уважение порядком и быстротой своих действий. Насколько мы продвинемся в настоящую кампанию в этих древней и современной науках, настолько мы приблизимся к славным для флага нашего в этих водах временам Петра...»⁵ Второй задачей он считал продолжение начатого в 1860 году изучения и освоения шхер, для этого ходил с лодками в малоизученные места и по неизвестным фарватерам, исправляя и составляя вновь карты⁶.

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 80—82.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 72—73.

⁴ Там же. С. 86—87.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же. С. 88—89.

Избегая внешнего лоска, Бутаков добивался от командиров бесстрашного управления кораблями. К концу кампании лодки сплавались, хорошо держались в строю и совершали сложные маневры. Об опыте кампании контр-адмирал написал в «Обзоре плаваний и действий практической эскадры винтовых лодок Балтийского флота в кампании 1861 года», сокращенно опубликованном «Морским сборником». Сокращению (по причинам секретности или цензуры) в журнале подвергли мысли о характере и дислокации судов шхерной флотилии. Бутаков считал, что они должны иметь малую осадку, хорошую скорость, мореходность и маневренность, а также достаточную вместимость для размещения вооружения и припасов и защиту от стрелкового огня. Флагман считал необходимым часть судов бронировать. Исходя из опыта Крымской войны, он предлагал содержать шхерную флотилию в Свеаборге, Або и Выборге, чтобы защищать торговые пути, порты, крепость Свеаборг и «...по возможности не позволять хозяйничать в шхерах неприятелю, имеющему винтовую флотилию...»¹.

Следующим летом Бутаков усложнил обучение, занявшись маневрированием при таранных ударах, что явилось следствием известий о действиях «Мерримака» и «Монитора» в ходе Гражданской войны в США. В приказе от 30 мая 1862 года он писал: «Настало время железных флотилий... Теперь... вопрос о деревянных судах решен в самых тупых и непредусмотрительных головах тех стран, у которых мы, по нашим обстоятельствам, должны перенимать систему оружия. Итак, — броня, башни и тараны!»²

В статье «Несколько соображений относительно пароходов-таранов», опубликованной «Морским сборником», Бутаков высказывал идею «удвоенных таранов» и маневров для таранных ударов. Рассматривая проект переоборудования деревянного фрегата «Севастополь» в броненосный, контр-адмирал рекомендовал использовать деньги на сооружение нового корабля и орудия устанавливать не по бортам, а в башнях³.

За кампанию 1862 года моряки научились решительно ходить и действовать в шхерах без лоцманов, уверенно осуществляли эволюции. В итоговом приказе Бутаков заявлял, что ему «флотилия доставила в кампанию 1862 года полное удовлетворение, доказав на деле положительными фактами правильность теории пароходных построений и действий таранами, а также то, как легко применять ее к делу, когда понятны основания этой теории»⁴.

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 90—93.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 95—96.

⁴ Там же. С. 97—98.

По окончании кампании Бутаков предложил рассмотреть проекты кованой пушки и орудийного станка отечественных конструкторов, в сентябре участвовал в успешных испытаниях шестовой мины, а затем был командирован для изучения опыта других флотов в Англию¹. В командировке контр-адмирал ознакомился с современными башнями, артиллерийскими орудиями. В начале 1863 года он вернулся и был назначен военно-морским атташе в Англию и Францию. Моряк способствовал отправке из Англии броненосной батареи «Первенец», посылал информацию о французской разборной канонерке, о подводной лодке и предложил в качестве средства борьбы с ней сети. Он пришел к мысли использовать электрические фонари в качестве боевых прожекторов и со временем использовал эту идею².

Не прекращая работу над теоретическими вопросами, Бутаков завершил изданный в 1863 году капитальный труд «Новые основания паровой тактики», в котором суммировал свои размышления и расчеты, проверенные в кампаниях предшествующих лет. Автор писал: «...приняв известный круг за обций по величине своей всем судам эскадры и прямые курсы за касательные к частям этих кругов, легко составлять правильные пароводные эволюции с подробным указанием каждому исполнителю, в чем должна при известном маневре или эволюции состоять его роль, делающаяся через то легко исполнимою при самых сложных передвижениях...»³ Бутаков поставил себе задачу «...иметь возможность вращать в наименьшем пространстве линию эскадры нашей, в каком бы строе она ни находилась»⁴. Он разбирал приложение своей теории к строям кильватера, фронта, пеленга, составил правила поворотов, необходимых при маневрировании в сражении, предлагал обходиться в бою минимумом строев и рассматривал формы перехода от одного строя к другому, способы маневрирования с целью изменять интервалы между судами и маневры в сложных строях. Отдельную главу Бутаков посвятил математически обоснованной таранной тактике⁵.

Эту работу высоко оценили в России и за рубежом. Академия наук присудила Г.И. Бутакову полную Демидовскую премию. Вскоре «Новые основания паровой тактики» перевели на французский, английский и испанский языки⁶.

Роль скорости и совместного маневрирования на практике была продемонстрирована после смерти Г.И. Бутакова, в сражении при Ялу

¹ Лурье А., *Моряки* А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 98—99.

² Там же. С. 101—105.

³ Бутаков Гр. Новые основания паровой тактики. СПб., 1863. С. 43.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Лурье А., *Моряки* А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 107—111.

⁶ Там же. С. 111—112.

(1894), когда маневренная эскадра быстроходных японских крейсеров оказалась сильнее тихоходных китайских броненосцев.

28 октября 1866 года Г.И. Бутакова произвели в вице-адмиралы. При открытии Всемирной Парижской выставки 1867 года его избрали президентом экспертной комиссии морского отдела. А 6 февраля 1867 года вице-адмирала назначили начальником первой в России эскадры броненосных судов¹. В эскадру входили три броненосные батареи, броненосный фрегат «Петропавловск», броненосная двухбашенная лодка «Смерч», десять броненосных однопашенных лодок, построенные в 1865—1866 годах. Чтобы за кампанию сделать эскадру из разнотипных кораблей боеспособной, Бутаков применил новую систему боевой подготовки. В отличие от парусного флота для технически сложных кораблей предстояло до начала кампании готовить экипажи на берегу, затем на стоянке, после чего следовала одиночная подготовка корабля на рейде и в море; далее можно было начинать эскадренные учения. К концу июня, закончив подготовку одиночных кораблей, эскадра собралась на Транзундском рейде для совместных учений. Вновь флагман широко использовал соревновательность между моряками, поощряя лучших².

Готовя моряков к боевой службе, Г.И. Бутаков учил их действовать под выстрелами и ядрами, воспитывал смелость, настойчивость, хладнокровие и умение управлять своими кораблями, однако предупреждал от самонадеянности: «В наше время войны будут внезапны, энергичны и недолговременны, а сражения необычайно кратки. Поэтому готовиться необходимо всегда, постоянно, неотлагательно, немедленно; готовиться к тому получасу, для которого мы, можно сказать, существуем и в который нам придется показать, что Россия содержит флот не без пользы»³. Флагман предвидел то, что произошло значительно позднее, в первых сражениях Японо-китайской, Испано-американской и Русско-японской войн.

Добиваясь боеспособности кораблей, Бутаков в приказе от 4 августа 1867 года писал: «...Попадать в щит, когда в вас никто не стреляет — одно дело; попадать же в неприятеля под его ядрами — другое... Не особенно скоро убеждается человек, что кругом его огромное пространство, где ядру пролететь мимо, и что поэтому не следует на него вовсе обращать внимания. Чтобы команды наши заблаговременно приучились слышать свист ядер, предлагаю посылать по очереди на один час по гребному судну с офицером на каждый из двух буйков, поставленных

¹ ОМС. Ч. IX. С. 339.

² Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 114—115.

³ Там же. С. 115.

по обе стороны ближайшего к эскадре щита, в некотором расстоянии от него... Сколько времени мне позволит, я буду сам навещать эти буйки, что советую и гг. командирам»¹.

Уже через несколько дней моряки привыкли к свисту снарядов, и Бутаков писал в приказе: «Я убедился сегодня, что для будущих паровых шлюпок флота нашего не встретится недостатка в охотниках подсунуть мину под неприятельский корабль»².

К концу кампании разнородные броненосные корабли научились удерживаться в строю. Среди моряков распространялся дух любви к делу и соревновательности. Летом 1868 года флагман усложнил подготовку. Две канонерские лодки переоборудовали в суда для таранных учений. Исходя из требований боя, Бутаков считал необходимым учить соответственно артиллеристов. В приказе он писал: «Будем же гоняться не за тем, чтобы в отчетных ведомостях о пальбе у нас стояли высокие проценты попавших ядер, а употребим все усилия, чтобы пальба подходила возможно более к тем условиям, которые предстоят в действительном бою, т. е. будем стрелять с неопределенных заранее дистанций и в движущиеся предметы»³.

Артиллеристы успешно стреляли с ходу по неподвижным треугольным щитам, учились попадать в щиты движущиеся. Когда в 1870 году на вооружение поступили нарезные орудия, Бутаков ввел стрельбу на качке⁴. Моряков учили плавать. Флагман на переходах между портами проводил эволюции эскадры, действуя как в военном крейсерстве. Комиссия под командованием адмирала Е.В. Путятина высоко оценила двухлетнюю его деятельность по подготовке эскадры: «Начальник броненосной эскадры вице-адмирал Бутаков 1 глубоко понял назначение и будущую роль вверенных ему судов и не упустил с расчетом и необыкновенным умением воспользоваться всеми находящимися в его руках средствами и каждой минутой времени для приведения как судов броненосной эскадры, так и команд на них находящихся, к возможному совершенству»⁵.

В первый месяц кампании 1869 года Бутаков практиковал «крейсерства» на рейде, при котором суда, двигаясь полным ходом, по очереди огибали суда, стоявшие на рейде, выписывая сложные восьмерки. Затем флагман добивался слаженности в маневрах отрядов однотипных судов⁶.

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 116.

² Там же. С. 117.

³ Там же. С. 120—121.

⁴ Там же. С. 121—122.

⁵ Там же. С. 124—125.

⁶ Там же. С. 125—126.

29 января 1868 года Бутакова назначили старшим флагманом Балтийского флота. 1 января 1869 года ему пожаловали аренду по 2000 рублей на 12 лет. А 3 июля 1869 года на Транзундском рейде проходил высочайший смотр флоту, и довольный Александр II пожаловал моряку звание генерал-адъютанта со следующими словами: «Я тебя благодарю прежде всех и поздравляю моим генерал-адъютантом. Я уверен, что ты останешься таким, каким я тебя всегда знал». По повелению Императора Бутакова командировали на Черное море. Затем, в 1870—1876 годах, вице-адмирал командовал броненосной эскадрой в финляндских шхерах и Балтийском море. В 1871 году он был удостоен ордена Св. Владимира II степени, 1 января 1874 года — ордена Белого орла, в 1875 году получил прусский орден Красного орла I степени и шведский орден Меча¹.

Не всегда все обходилось гладко. Из-за технических недостатков судов летом 1869 года при повороте броненосная батарея «Кремль» протаранила фрегат «Олег», быстро затонувший. Только решительные действия экипажа спасли получившую пробоину броненосную лодку «Русалка». Потому Бутаков поддержал предложения лейтенанта С.О. Макарова иметь на кораблях готовые пластыри и оборудовать трюмы водоотливной системой труб. Уже летом 1870 года предложенный Макаровым пластырь применили при спасении парохода «Ильмень». Бутаков поддерживал новаторскую деятельность офицеров, которые занимались усовершенствованиями в разных отраслях морского дела, и успехи изобретателей отмечал в приказах. При нем были испытаны и одобрены механический привод штурвала, «стволики» в стволах крупнокалиберных орудий для удешевления учебных стрельб².

Сам вице-адмирал нередко предлагал усовершенствования. Он немало занимался минным делом. В 1867 году на эскадре Бутаков организовал временную школу минеров. С 1868 года на специально оборудованной канонерской лодке проводили опыты с подведением мины под дно неприятельского корабля. Параллельно испытывали первые образцы трала. Занимавшийся минным делом лейтенант В.А. Терентьев зимой читал курс лекций офицерам, чем предвосхитил минные офицерские классы, созданные в Кронштадте через несколько лет. Деятельность Бутакова по исследованию возможностей минного оружия была оценена комиссией Путятина. В кампанию 1869 года моряки продолжили опыты с применением шестовых мин. Осенью вице-адмирал основал минную школу для офицеров, в первую очередь добровольцев. С кампании 1870 года учения с атаками минных катеров на броненосцы ста-

¹ ОМС. Ч. IX. С. 339.

² Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 129.

ли систематическими. С 1873 года для отражения минных атак начали применять введенные Бутаковым на некоторых кораблях электрические прожекторы. В 1874 году на флоте учредили должность заведующего минной частью, а 1 октября — Минные офицерские классы и Минную школу для матросов. Во многом это явилось заслугой Г.И. Бутакова¹.

По проекту Бутакова в 1874 году на броненосном фрегате «Петропавловск» установили по бортам десять четырехфунтовых пушек на станках, позволяющих стрелять по атакующим миноносцам. Фрегат стал первым в мире кораблем с противоминной артиллерией².

Проводили на эскадре учения и по использованию тарана; чертежи эволюций после кампаний раздали офицерам для руководства. Иностранные офицеры, приезжавшие в Россию для изучения опыта, интересовались именно этой стороной дела³.

Бутаков с неудовольствием воспринял уменьшение срока службы после военной реформы до 7 лет. Он считал, что этого мало для подготовки технических специалистов⁴. Со временем его опасения оправдались. Проблему решили увеличением численности сверхсрочников на флоте и набором матросов из числа рабочих, имевших представление о технике.

После заседания Морского технического комитета в феврале 1877 года, на котором рассматривали тип современного броненосца, Бутаков подготовил и подал записку, в которой утверждал, что Россия не имеет ни броненосного, ни крейсерского флота, располагая массой прекрасных, но единичных судов. Он предложил строить крейсера и броненосцы сериями, проектируя их в соответствии с предполагаемыми задачами флотов, и готовить для них кадры⁵.

С началом Русско-турецкой войны 1877—1878 годов генерал-адмирал принял командование броненосной эскадрой Балтийского флота. Бутакову поручили командование отрядом этой эскадры⁶. В начале войны отряд вице-адмирала установил минные заграждения у Выборга, Динамюнде и Свеаборга. Когда весной 1878 года возникла опасность появления британского флота, Г.И. Бутаков предложил держать отряды минных катеров в Кронштадте, Свеаборге, Роченсальме, Бьорке, Нарве, послать в Свеаборг отряд броненосцев, создать на побережье линии оптического телеграфа, связав им наблюдательные пункты со столицей, установить минные банки в разных местах Финского залива. Он показал слабость обороны Кронштадта и Санкт-Петербурга. По рекоменда-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 133—136.

² Там же. С. 122—123.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Там же. С. 141—143.

⁶ Там же. С. 147.

ции флотоводца совещание приняло решение усилить минные заграждения, прикрыв их артиллерией береговых батарей и кораблей, дополнительно оснащенных мортирами¹.

В 1877 году Г.И. Бутакова наградили орденом Св. Александра Невского². 16 апреля 1878 года его произвели в адмиралы и вскоре назначили начальником береговой и морской обороны Свеаборга. Моряк привел в Свеаборг отряд старых броненосцев. В новом качестве он занимался многочисленными работами по усилению крепости, подготовке мин заграждения и т. п. Пришлось исправлять многие недочеты мирного времени, в том числе и следствия злоупотреблений³.

Участник обороны Севастополя настолько привык пренебрегать собственной безопасностью, что немало труда стоило доказать, что ему следует управлять боевыми действиями с командного пункта, расположенного на горе, а не идти в бой впереди эскадры⁴.

Бутаков, имея флаг последовательно на броненосном фрегате «Петропавловск» и пароходе «Смелый», плавал в Финском заливе⁵. Занимаясь вопросами подготовки судов, стоявших в Свеаборге, летом 1878 года Бутаков приказом ввел первый в мире шлюпочный трал для обнаружения и уничтожения якорных мин⁶.

После заключения Берлинского договора 1 июля 1878 года Бутаков с эскадрой вернулся в Кронштадт. Адмирала перевели на берег. Однако он не отошел от дел флота. В 1879—1880 годах моряк разработал и организовал морскую игру, которая под его руководством проходила еженедельно в собрании Русского технического общества⁷.

1 января 1881 года Г.И. Бутакова назначили главным командиром Санкт-Петербургского порта⁸. Вскоре после вступления в должность адмирал подал управляющему Морским министерством записку о перспективах развития флотов. Он полагал, что Россия, как великая держава, должна иметь на Балтике флот, равный флотам Германии, Швеции и Дании, на Черном море — турецкому, а на Дальнем Востоке — китайскому и японскому. Адмирал считал, что необходимо для Балтийского флота иметь 12, а для Черноморского — 8 броненосцев типа «Петр Великий», дополненных миноносками типа «Батум»⁹. Он возра-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 148—149.

² ОМС. Ч. IX. С. 339—340.

³ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 149—152.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ ОМС. Ч. IX. С. 340.

⁶ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 153.

⁷ Там же. С. 153—156.

⁸ ОМС. Ч. IX. С. 340.

⁹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 158.

жал против постройки кораблей за границей: «Корпуса броненосцев и даже больших крейсеров должны безусловно быть построены на наших отечественных верфях, но это не должно служить препятствием к приобретению из заграницы всех тех материалов, которые мы не можем легко и своевременно получить от отечественных заводов»¹.

Сохраняя интересы России, адмирал выступил против невыгодного контракта с Балтийским заводом на постройку броненосного фрегата «Владимир Мономах», считал, что запрошенная сумма чрезмерна, и требовал ее обоснования². Инженер завода А.Н. Самойлов подсчитал, что смету завысили на 25 процентов. Тяжба Бутакова с управляющим Балтийским заводом М.И. Кази вылилась в скандал. Статья на страницах газеты «Голос» намекала, что за спиной управляющего стояли «сильные мира сего». Под давлением свыше редакции пришлось давать опровержение³. Однако начиналось новое царствование, и 13 июля Великого князя Константина Николаевича освободили от должности генерал-адмирала, его сменил Великий князь Алексей, а управляющим Морским министерством стал И.А. Шестаков. Последний был другом Бутакова, но вынужден был пожертвовать дружбой. В марте 1882 года Бутакова сняли с должности главного командира порта и назначили в Государственный совет. Адмирал тяжело переживал свое увольнение и в ночь на 31 мая 1882 года скончался от апоплексического удара⁴.

Бутаков явился связующим звеном между моряками лазаревской школы, преимущественно парусниками, привыкшими добиваться побед физическими силами матросов и собственным мужеством, и новым поколением офицеров, для которых важнейшее значение имело техническое образование. Два его сына стали контр-адмиралами в 1913—1914 гг.

Григорий Иванович продемонстрировал и административные способности, и честность на руководящих постах. Выше всего он ставил интересы отечественного флота. Моряк являлся образцом исполнения долга, храбрости и распорядительности и в качестве офицера, и в качестве флагмана. В мирное время он, приняв эстафету от старших членов лазаревской школы, воспитал целое поколение моряков, которые составили ядро первоначального парового броненосного флота.

Бутаков предпочитал действовать поощрениями. Он считал, что виновного не столько стоит наказывать, сколько помочь ему исправить недостатки. Используя опыт иных стран, флагман избегал низкопоклон-

¹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 159.

² Там же. С. 159—160.

³ Балтийский судостроительный. Л.: Наука, 1967. С. 112—113.

⁴ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. С. 161—162.

ства перед всем иностранным, развивал патриотизм и инициативу подчиненных. Избегая показного блеска, он добивался действительной боеспособности эскадры, готовил ее к условиям войны.

Григорий Иванович состоял почетным членом ряда организаций, в том числе Санкт-Петербургского речного яхт-клуба и Императорского Русского технического общества¹. Его именем назвали бухту в Охотском море на Сахалине (бухта Бутакова, или залив Набиль), гору на Сахалине, открытые и названные в 1882 году экипажем клипера «Пластун», и бухту Бутакова (Кулпхо) на Корейском полуострове, обследованную и названную экипажем клипера «Крейсер» в 1886 году².

Основная работа адмирала «Новые основания паровой тактики», труд новаторский, основанный на научном расчете, боевом и практическом опыте, стала пособием для моряков разных стран.

ИСТОМИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Род Истоминых известен с XVII века. Томило Истомин (1629—1658) состоял дьяком Конюшенного приказа; его сын Поликарп также был дьяком. Род внесен в VI часть родословных книг Псковской губернии. Иван Истомин, умерший в 1823 году, секретарь эстляндского камерального суда, отец трех адмиралов: вице-адмирала Павла (умер в 1881 году), адмирала Константина (умер в 1876 году) и контр-адмирала В.И. Истомина, героя Синопа и Севастополя³.

Родился Владимир Истомин в 1809 году в Пензенской губернии⁴. 11 марта 1823 года мальчик поступил в Морской корпус. 31 мая 1824 года его произвели в гардемарины. В 1827 году на корабле «Азов» молодой моряк перешел из Кронштадта в Портсмут, затем на Средиземное море, участвовал в Наваринском сражении⁵. Этот корабль под командованием М.П. Лазарева особенно отличился в сражении и был награжден Георгиевским флагом. В рапорте А.В. Моллеру Л.П. Гейден, командовавший русской эскадрой при Наварине, докладывал, что Истомин и два других гардемарина, которых не произвели в мичманы ранее лишь за молодостью, достигли возраста; он испрашивал разрешения утвердить их производство, о котором сообщил юношам уже 19 октября 1827 года⁶.

¹ ОМС. Ч. IX. С. 340.

² Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 49.

³ Истомины // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XIII. СПб., 1894. С. 476.

⁴ Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1995. Т. III. С. 402.

⁵ ОМС. Ч. X. С. 254—255.

⁶ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 328.

В списке офицеров, представленных Гейденом к награде 13 ноября 1827 года, рядом с фамилиями гардемаринов Владимира Истомина и Дмитрия Шишмарева записано: «Находились при мне для посылок, каковую должность исполняли с необыкновенным усердием и деятельностью, а особенно Истомин, расторопностью которого не могу довольно нахвалиться». Николай I утвердил представление о производстве в мичманы и награждении Истомина серебряным крестом Св. Георгия¹. За Наварин Истомин наградили знаком военного ордена. 8 октября его произвели за отличие в мичманы².

В 1828—1830 годах на «Азове» мичман В.И. Истомин крейсировал в Архипелаге, участвовал при блокаде Дарданелл и вернулся в Кронштадт. В 1830 году его наградили орденом Св. Анны III степени. В 1832—1834 годах на корабле «Память Азова» моряк плавал в Балтийском море. 3 февраля 1833 года его произвели в лейтенанты³.

В 30-х годах М.П. Лазарев собирал под свое крыло известных ему по предыдущей службе моряков: Путятина, Нахимова, Шестакова, Унковского и других. В числе их оказался и В.И. Истомин. В 1835 году моряка перевели из Балтийского в Черноморский флот. В 1836 году он крейсировал на корабле «Варшава», в 1837 году командовал яхтой «Резвая», затем пароходом «Северная звезда», на котором присутствовали Император с Императрицей, и ходил по черноморским портам. За это плавание Истомин был награжден орденом Св. Владимира IV степени и получил два бриллиантовых перстня. В 1838—1840 годах лейтенант командовал шхуной «Ласточка»⁴.

В приказе М.П. Лазарева от 4 мая 1840 года на высадку под Туапсе командир шхуны «Ласточка» Истомин 3-й был назначен в помощь капитану 2-го ранга В.А. Корнилову, командовавшему гребными судами правого фланга⁵. Высадка прошла успешно. Была отмечена и служба Истомина. 12 июня 1840 года в письме А.С. Меншикову М.П. Лазарев представлял к повышению в чине нескольких достойных офицеров, в том числе лейтенанта В.И. Истомина. Он писал:

«Лейтенанта Истомина 3 в. с-ть непременно произвели бы сами, если бы увидели возвратившуюся в зимнее время шхуну «Ласточка»; описываемые мне в партикулярном письме посланником Кантакази отзывы о ней англичан и французов, и в особенности флота капитана Лайонса (ныне английского посланника в Афинах), возвышают честь российско-

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. I. С. 332.

² ОМС. Ч. X. С. 255.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 328; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 128.

го флота за границую. Глазенап был на шхуне «Ласточка» и может подтвердить мое мнение, что в лучшем порядке военного судна видеть невозможно. Истомин восьмой год как служит лейтенантом и 13 лет офицером, я намерен представить в. с-ти о назначении его командиром на имеющий заложиться послезавтра корвет по чертежу английского [судна] «Дидоны», и в таком случае чин капитан-лейтенанта очень бы соответствовал такому командованию. Познания его и заботливость по службе доставят флоту отличнейший корвет»¹.

Ходатайство Лазарева возымело свое действие: 10 июля 1840 года моряка произвели в капитан-лейтенанты. В 1842-м и 1843 годах он командовал корветом «Андромаха» у абхазских берегов, в 1843 году был награжден орденом Св. Станислава II степени. 22 мая 1845 года Истомин назначили состоять при кавказском наместнике генерал-адъютанте князе Воронцове как специалиста-моряка. Он участвовал в сухопутных действиях при осадах и штурмах укрепленных деревень Гергебиль и Салты, был награжден орденом Св. Анны II степени². Переписываясь с Лазаревым, Истомин сообщал ему о событиях на Кавказе. В свою очередь главный командир Черноморского флота и портов писал ему о том, что происходило на флоте. В письме от 1 марта 1846 года Лазарев, отвечая на письма Истомина от 1 и 15 февраля, благодарил за информацию и сообщал о завершении работ в Севастопольской морской библиотеке³.

24 октября 1847 года, узнав о закладке корабля «Париж», Истомин, все еще остававшийся офицером по морской части при наместнике Кавказа, писал Лазареву:

«Я был душевно рад прочесть, что взамен «Варшавы» заложен 120-пушечный корабль «Париж» и что он строится по плану «Двенадцати Апостолов».

Распространяться об этом прекрасном корабле считаю излишним, но не могу не поздравить В.В. пр-во [с] тем, что постройкой этого корабля вся старая грейговская ветошь Черного моря окончательно вычеркнется из списков и что, следовательно, таких пятнадцать кораблей, какие теперь в Черном море находятся, не представит ни одна из морских держав»⁴.

Составляя это письмо, наверняка Истомин желал служить на новом корабле, но не мог знать, в какой форме его пожелание осуществится.

По поводу представления капитан-лейтенанта к следующему чину М.П. Лазарев писал Меншикову, что в Истомине он видит офицера,

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. III. С. 358.

² ОМС. Ч. X. С. 255. С. 687.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. III. С. 83—84.

⁴ Там же. С. 280.

который по знаниям своим «способен образовать экипаж и корабль в лучшем военном виде»¹. 15 октября 1847 года моряка произвели за отличие в капитаны 2-го ранга со старшинством с 14 сентября².

В 1848 году моряк оставался прикомандированным к наместнику Кавказа³. Тем временем «Париж» строили. Заложенный 18 июня 1847 года в Спасском адмиралтействе Николаева, 120-пушечный корабль был спущен на воду 23 октября 1849 года⁴. К этому времени Лазарев подобрал ему хорошего командира. 6 декабря 1849 года Истомина произвели в капитаны 1-го ранга. В 1850—1852 годах командиром корабля «Париж» он крейсировал у восточного берега Черного моря. В 1852 году моряка наградили орденом Св. Владимира III степени⁵. В сентябре 1853 года Истомин, командуя «Парижем», участвовал с эскадрой П.С. Нахимова в перевозке 13-й пехотной дивизии на побережье Кавказа и доставил на борту корабля 1466 солдат и офицеров Белостокского полка; 23—24 сентября он успешно высадил на берег у Анакрии доверенные ему войска⁶.

В 1853 году, командуя «Парижем», Истомин участвовал в Синопском сражении. Его корабль шел головным в левой колонне и в числе первых вступил в сражение. Последовательно он уничтожил корвет «Гюли-Сефид», добил проходивший мимо фрегат «Ауни-Аллах», подавил сопротивление фрегатов «Дамиад» и «Низамие», а также заставил замолчать береговую батарею. О последней матрос Антон Майстренко вспоминал: «Париж» как подтянулся, залпом как дал (60 орудий сразу), так батарею и разбил — только пыль пошла. Она, батарея, стояла как бы над самой водой, а тут в море и повалилась со всем запасом»⁷.

В донесении после сражения П.С. Нахимов писал: «Корабль «Париж» (капит. 1 р. Истомин) под флагом контр-адмирала Новосильского при наступлении на неприятеля шел рядом с кораблем «Императрица Мария» и вслед за ним занял место по диспозиции. Открыв страшный батальный огонь по батарее № 5, по 22-пуш. корвету «Гюли-Сефид» и по 56-пуш. фрегату «Дамиад», он взорвал на воздух корвет в 1 час 5 м. по полудни. В то время дрейфовал мимо него адмиралский фрегат «Ауни-Аллах», поразив его продольными выстрелами и отбросив на берег фрегат «Дамиад», корабль «Париж» потравил цепь, вытянул шпринг и стал бить двухполосный 64-пуш. фрегат «Низамие». В 2 часа фок и бизань-

¹ Русский архив // 1881. № 3. С. 376—377.

² ОМС. Ч. X. С. 255.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 659.

⁴ Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник. Т. 1. С. 165.

⁵ ОМС. Ч. X. С. 255.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 243—244, 246.

⁷ Зверев Б.И. Страницы военно-морской летописи России. М., 1981. С. 222—223.

мачты «Низамие» были сбиты, а фрегат сдрейфовало к берегу, где он вскоре потом загорелся. Тогда «Париж» снова потравил шпринг и начал действовать по батарее № 5. Нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля «Париж»; я приказал изъяснить ему свою благодарность, но не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты»¹.

Нахимов был так восхищен действиями Истомина, что послал своего адъютанта Ф. Острено на шлюпке, чтобы передать моряку благодарность².

Любопытно, что «Париж» выпустил в ходе сражения больше других кораблей бомб (70 из 188)³. Можно полагать, что в значительной мере именно они сыграли роль в истреблении неприятеля, представленного фрегатами и корветами — судами легкой постройки.

К Синопскому сражению Истомин имел ордена Св. Станислава II степени, Св. Анны II степени с короной, Св. Владимира III степени, знак отличия за 15 лет службы и знак отличия военного ордена. В представлении к чину контр-адмирала В.И. Истомина Нахимов писал: «За приведение корабля в превосходный боевой порядок, постановление его на позицию с неукоризненной точностью, примерную неустрашимость и твердость духа, благоразумие, искусные и быстрые распоряжения во время боя»⁴. 28 ноября Истомина произвели за отличие в контр-адмиралы⁵.

4 декабря 1853 года Истомин с другими флагманами находился в гостях у Нахимова⁶. Это был не единственный случай, когда контр-адмирал приходил к Павлу Степановичу. В частности, друг Нахимова М.Ф. Рейнеке записал, что 15 декабря в ходе разговора о подготовке к обороне Севастополя Истомин предлагал установить цепные боны, не ремонтировать корабли, применить гальванические батареи (видимо, для взрыва мин) и другие меры⁷. Когда 20 декабря раздавали нижним чинам Георгиевские кресты за Синоп, он устроил для своих 35 кавалеров обед в каюте на корабле «Париж»⁸.

27 декабря Истомина с другими адмиралами и генералами пригласил на обед в клуб А.С. Меншиков; стол был накрыт на 30 человек. Так как перед Севастополем видели судно, скорее всего разведчик, в ночь

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 323.

² Зверев Б.И. Страницы военно-морской летописи России. С. 224.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 310.

⁴ Там же. С. 333.

⁵ ОМС. Ч. X. С. 256.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 338.

⁷ Там же. С. 385.

⁸ Там же. С. 386.

на 28 декабря ставили боньы. 29 декабря Истомин поставил еще пять звеньев бона из старых мачт. 6 января 1854 года освятили новые батареи у Голландии и Киленбалочной бухты; первую из них строил Истомин с командой «Парижа». На каждой батарее с 10 декабря работали 400 человек. Молодой контр-адмирал брался построить батарею за неделю, однако сооружение из камня оказалось значительно труднее, чем он думал, и на постройку потребовался почти месяц¹.

На схеме распределения кораблей в Севастопольской бухте «Париж» под флагом Истомина показан передовым, с возможностью выдвижения в поддержку передовым батареям².

10 апреля Истомин с Нахимовым, Корниловым, Новосильским и группой офицеров отслужили молебен на могиле М.П. Лазарева накануне годовщины его смерти, чтобы печальные воспоминания не совпали с Пасхой. А.С. Меншиков и М.Н. Станюкович не пришли. В день Пасхи 11 апреля Нахимов и Истомин навестили Рейнеке и рассказали о праздновании. Утром оба флагмана ездили христосоваться с В.А. Корниловым, который нездоровым оставался на корабле, а затем объезжали корабли и поздравляли команды³.

В мае началось крейсерство фрегатов, а с середины месяца по два корабля выходили для практики; командовать первой сменой предстояло В.И. Истомину, прочими — Ф.М. Новосильскому и А.И. Панфилову⁴.

Все лето сохранялось тревожное ожидание нападения союзников. К осени казалось, что нападения в этом году не будет. Однако 1 сентября десант англо-франко-турецких войск занял Евпаторию, а затем союзники высадили на берег главные силы.

А.С. Меншиков выступил с войсками навстречу, оставив Севастополь на моряков. Следовало принять меры к обороне своими силами главной базы флота. В предписании В.А. Корнилова М.Н. Станюковичу от 7 сентября 1854 года на случай тревоги В.И. Истомин был назначен командовать войсками на Северной, а А.И. Панфилов — на Южной стороне⁵.

9 сентября Корнилов отдал приказ о затоплении кораблей на входе в Севастопольскую бухту и подготовке к возможному вторжению союзников на Северную сторону. Истомину следовало с рабочими, которые приводили в оборонительное состояние северное укрепление, в случае появления неприятеля на высотах Бельбека уничтожить батареи Парижскую

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 388.

² Там же. С. 392—393.

³ Там же. С. 396—397.

⁴ Там же. С. 403.

⁵ Там же. С. 413.

и Двенадцатипостольскую, вывезти всех людей и суда, кроме оставляемых для флотских перевозок¹. 11 сентября в приказе о посылке морских батальонов для обороны Северной стороны В.А. Корнилов назначил командиров всех пяти батальонов, собираемых из команд кораблей, и подчинил их Истомину². Под наблюдением Истомина проходила постройка третьей (после Волоховой и Малаховой) оборонительной башни на высоте около Голландии; работа кипела, когда союзники высадились³.

В.А. Корнилов сосредоточивал войска для обороны Северного укрепления; Истомин был его помощником. Когда же стало ясно, что союзники переходят на Южную сторону, через бухту переехал и Корнилов с основной частью войск⁴. Он решительно взялся за организацию сухопутной обороны. Первоначально она была разбита на три дистанции; командование третьей дистанцией (левым флангом обороны, от 3-го бастиона до Большой бухты) принял контр-адмирал Истомин⁵. 18 сентября в письме Корнилов писал, что Истомин командует на Малаховом кургане⁶. Контр-адмирал вместе с Нахимовым и другими близкими людьми собирались вечерами у Корнилова⁷.

Так как со временем стало ясно, что нагрузка на командование слишком велика, Корнилов разбил третью дистанцию на две и оставил Истомина руководить четвертой дистанцией от бухты до Малахова кургана включительно⁸. Работа кипела по всей линии укреплений, которые росли неожиданно быстро для союзников, ожидавших встретить беззащитный город. Потому союзное командование отложило штурм и приступило к осаде.

Наследство Истомину досталось небогатое. В частности, на Малаховом кургане стояли всего несколько орудий, а оборонительная стенка была столь плохо построена, что ее разрушал рогами козёл⁹. До начала обороны, кроме этих стенок, на собранные местным купечеством средства построили лишь оборонительную башню с двумя ярусами для ружейной стрельбы и открытой батареей на пять пушек¹⁰.

Истомин, отказавшись от услуг Э.И. Тотлебена, избрал себе в помощь по инженерной части подполковника Ползикова. Сохранившаяся в архиве записка сообщала: «Командовавший на кургане контр-адми-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 256.

² Там же. С. 260.

³ Там же. С. 300.

⁴ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 302—303.

⁵ Там же. С. 307.

⁶ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 262.

⁷ Там же. С. 268.

⁸ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 318.

⁹ Зверев Б.И. Страницы русской морской летописи. С. 231.

¹⁰ Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 290—291.

рал Истомин, доверяясь командиру 6-го саперного батальона подполковнику Ползикову, не хотел подчиниться правилам инженерного искусства и настаивал, чтобы фас перед башней был закруглен, будто бы для лучшего обстреливания впереди лежащей местности, а также и прочие прилежащие верки расположил по своей фантазии. Адмирал Корнилов, уважавший Истомина, упросил Тотлебена не вмешиваться в эти работы, и таким образом влияние Тотлебена на Корабельную сторону на долгое время вовсе было отклонено». Тот факт, что четвертая дистанция успешно выдерживала неприятельские атаки, свидетельствует о полезности нововведений, игнорировавших устаревшие каноны военно-инженерного искусства¹.

Корнилов, Нахимов и Истомин руководили сооружением укрепления со стороны суши, которых фактически не существовало. Недоставало инструмента, простейших лопат и кирок, и каменистую землю копали деревянными лопатами. Тем не менее, когда стало ясно, что союзники не решились атаковать Северную сторону, а двинулись к Южной, они вместо беззащитного города встретили спешно созданные укрепления. Так как армия ушла из города, основной силой его обороны стали моряки, которые строили укрепления, ранее бывшие лишь на схемах, устанавливали на них корабельные орудия, оборудовали пороховые погреба из цистерн для воды и сами же оставались защищать построенные ими батареи и редуты. На бастионах вскоре была налажена та же служба, как и на кораблях, с вахтами и склянками².

Из рапорта П.С. Нахимова Корнилову от 21 сентября ясно, что Истомин к этому моменту командовал обороной Малахова кургана³. 23 сентября контр-адмирал провел «примерное отбитие штурма» на Малахов курган, которое показало необходимость усиления войск четвертой дистанции; в итоге Бутырский полк прибыл в Севастополь⁴.

Оборона Севастополя прошла проверку 5 октября, когда союзники предприняли обстрел с моря и с суши, выпустив огромное количество снарядов. На четвертой дистанции пострадали укрепления 4-го бастиона и Малахова кургана. Башня была вынуждена прекратить огонь, ибо все орудия были подбиты, а осколки камней поражали людей, которых пришлось вывести. Однако другие батареи продолжали ответный огонь⁵.

По приказу Истомина в ходе бомбардировки прислугу верхних орудий спустили вниз. Наблюдавший за происходившим Жандр отметил,

¹ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 318—319.

² Зверев Б.И. Страницы русской морской летописи. С. 234.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 421.

⁴ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 320; Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 277.

⁵ Там же. С. 323—324.

что курган обстреливали три английских корабля. Именно тогда неприятельское ядро поразило Корнилова¹. Истомин не имел возможности покинуть позицию, отлучился только к Корнилову в госпиталь по его вызову. Получив благословение вице-адмирала и расцеловавшись с ним, заплаканный Истомин сразу вернулся на Малахов курган².

За ночь напряженной работы защитники восстановили укрепления; англичане и французы, чьи батареи были разрушены русскими снарядами, не сразу смогли возобновить в полной мере мощь огня. Убедившись в том, что противник не собирается сдаваться, союзники перешли к осаде³.

Капитан 2-го ранга П.В. Воеводский, долго служивший на четвертой дистанции, писал 18 декабря 1854 года М.Ф. Рейнеке: «...Город тоже сильно укрепляют. Почти на всей оборонительной линии устраивают вторую линию редутов и вообще укреплений. Конечно, действия тяжелой артиллерии им долго не выдержать, но при штурме несомненно принесут большую пользу. В особенности хорошо и надежно укреплен бастион Корнилова: причина этому, во-первых, местность, во-вторых, против него с давнего времени совсем не действуют, и потом надо отдать справедливость как деятельности, так и распорядительности Вл. Ив. Истомина...»⁴

Другой участник обороны еще более подчеркнул роль флагмана на суше: «Постоянная, необыкновенная деятельность Истомина достойна удивления самих врагов. И день, и ночь он на работе, и день, и ночь он готов к смерти. В какое отличное состояние Истомин привел Малахов курган! Какие всюду проведены работы, какие траверзы нагромождены! Чистота, порядок, осторожность, дисциплина царствуют на кургане и всюду там видна готовность к борьбе и смерти. Курган — это корабль Истомина!»⁵

С другой стороны, и контр-адмирал отмечал заслуги подчиненных: «Не могу надивиться на наших матросов, солдат, а также офицеров. Такого самоотвержения, такой геройской стойкости пусть ищут в других нациях со свечой! То, что сыпалось на наших матросов, составлявших прислугу на батареях, этого не видели люди от века... Бомбардировка начиналась утром в 6 часов, кончалась вечером в 7 часов, и в продолжение всего времени ни один здоровый матрос не дозволил себя смутить охотникам, которые беспрерывно со слезами на глазах упрашивали, чтобы их пустили к пушкам»⁶.

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 290.

² Там же. С. 291—292.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 327.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 447.

⁵ Зверев Б.И. Севастопольская оборона 1854—1855. М.: Воениздат, 1955. С. 124.

⁶ Там же. С. 124—125.

С командованием ему приходилось иногда говорить иначе. Когда однажды Истомин не получил ответа от командующего войсками в Севастополе генерал-лейтенанта Ф.Ф. Моллера на какое-то требование, он послал сказать его начальнику штаба А.Е. Попову, что одна из пушек направлена на Екатерининский дворец, где Моллер и Попов располагались, и бомба будет туда пущена, если требуемое не будет выделено¹.

Под руководством контр-адмирала в начале 1855 года проходило сооружение выдвинутых в сторону неприятеля укреплений: Волынского, Селенгинского редутов и Камчатского люнета.

С начала обороны Истомин настаивал на постройке передовых укреплений перед левым флангом обороны; именно по этому предложению создали Камчатский люнет и редуты за Килен-балкой, но не сразу, ибо А.С. Меншиков и Тотлебен были противниками строительства². Только в феврале поступило разрешение светлейшего князя. План, разработанный Нахимовым, Истоминым и Хрущевым, предусматривал взаимодействие армии и флота. 9 февраля по приказу Нахимова построили через Килен-бухту плавучий мост из вспомогательных судов. Военный совет определил задачи участников действий. Были выработаны сигналы, заранее доставлены материалы и инструмент, пристреляны с суши и кораблей подступы к местам работы³.

Селенгинский редут заложили в ночь на 10 февраля, Волынский — в ночь на 17 февраля 1855 года. Оба укрепления располагались в 300—400 саженях от неприятельских позиций, перед которыми спешно построили линию небольших стрелковых окопов-ложементов. Французы неоднократно атаковали, однако русские полки при поддержке огня кораблей защищали эти передовые позиции. В ночь на 27 февраля на холме впереди Малахова кургана был заложен Камчатский люнет. Все три укрепления стали целью атак неприятеля в марте, апреле и мае⁴. Разумеется, строительство и оборона этих укреплений оказались в сфере внимания В.И. Истомина.

А.А. Вязмитинов, участник обороны Севастополя в 1855 году, позднее вспоминал о трудностях постройки и обороны передовых укреплений: «Селенгинский и Волынский редуты построены были наскоро, выдвинуты далеко вперед и отделялись от оборонительной линии Килен-балкой и пространством около версты, открытым для неприятельского пушечного и штуцерного огня. Брустверы редутов, составленные из двух-трех рядов туров, насыпанных рыхлыми камнями, были слиш-

¹ Зверев Б.И. Страницы русской морской летописи. С. 247.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 687.

³ Зверев Б.И. Севастопольская оборона 1854—1855. С. 125.

⁴ История города-героя Севастополя. 1783—1917. Киев, 1960. С. 151—152.

ком тонки и низки, чтобы защитить внутренность редутов от ядер; значительно утолстить брустверы при непрерывно поддерживаемом французами разрушительном огне было невозможно; скопление значительной массы рабочих стоило бы нам весьма больших жертв, а результат работы двух—трех сотен человек был ничтожен, так как грунт здесь состоял из сплошного камня и едва поддавался кирке и лому. Все, что нам удавалось с большими усилиями сделать, — это не допускать насыпи до разрушения и по ночам исправлять повреждения, которые делались неприятелем днем»¹.

С появлением передовых редутов французы сосредоточили против них основной огонь артиллерии. Не раз они пытались штурмовать. К примеру, вечером 5 марта союзники (12 тысяч) внезапно атаковали Камчатский люнет, но были отбиты значительно меньшими русскими войсками, о чем Истомин рапортовал Нахимову, назвав отличившихся².

За храбрость контр-адмирала наградили орденом Св. Георгия III степени³.

В.И. Истомин погиб 7 марта 1855 года, когда возвращался с Камчатского люнета на Малахов курган: ядро оторвало ему голову. Висевший на шее крест ордена Св. Георгия был раздроблен на части, и Нахимов послал брату покойного сохранившийся обрывок орденской ленты⁴. В тот же день П.С. Нахимов назначил начальником 4-го отделения оборонительной линии капитана 1-го ранга Н.Ф. Юрковского. 9 марта вице-адмирал в донесении Д.Е. Остен-Сакену просил разрешения похоронить погибшего во Владимирском соборе. Он писал: «Контр-адмирал Истомин убит неприятельским ядром на вновь воздвигнутом Камчатском люнете. Хладнокровная обдуманность при неутомимой деятельности и отеческом попечении, соединенная с блистательной храбростью и благородным возвышенным характером, — вот черты, отличавшие покойного. Вот новая жертва, принесенная искуплению Севастополя. Качества эти, взлелеянные в нем бессмертным нашим учителем адмиралом Лазаревым, доставили ему особенное исключительное доверие и павшего героя Севастополя вице-адмирала Корнилова. Духовная связь этих трех лиц дала нам смелость, не ожидая вашего разрешения, действовать по единодушному желанию всех нас, товарищей и подчиненных убитого адмирала: обезглавленный прах его удостоен чести помещения в одном склепе с ними»⁵.

¹ Зверев Б.И. Севастопольская оборона 1854—1855. С. 127.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 473—474.

³ Словарь биографический морской. СПб., 1993. С. 166.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 479, 494.

⁵ Там же. С. 477—478.

Похоронили моряка в Севастополе, во Владимирском соборе. Нахимов приказал отметить место гибели Истомина, как то было делано для места ранения В.А. Корнилова¹.

Место в склепе Нахимов оставлял для себя, но уступил его тому, кто пал ранее. В письме брату покойного он писал: «...Спешу вам только передать об общем участии, которое возбудила во всех гибель товарища и начальника, всеми любимого. Оборона Севастополя потеряла в нем одного из своих главных деятелей, воодушевленного постоянно благородною энергиею и геройскою решительностью; даже враги наши удивляются грозным сооружениям Корнилова бастиона и всей четвертой дистанции, на которую был избран покойный, как на пост самый важный и вначале самый слабый»².

Вдове М.П. Лазарева, сообщая о захоронении Истомина рядом с телом ее мужа, Нахимов писал 24 марта: «Вам известны подробности смерти Владимира Ивановича, и потому я не буду повторять их; твердость характера в самых тяжелых обстоятельствах, святое исполнение долга и неусыпная заботливость о подчиненных снискали ему общее уважение и непритворную скорбь о его смерти. Свято выполнив завет, он оправдал доверие Михаила Петровича и подтвердил новым фактом, как много потеряла Россия в преждевременной кончине нашего общегородского благодетеля...»³

Истомин проявлял большую заботу о матросах и солдатах, пользовался их любовью и уважением. Он был храбр до самоотвержения. Один из участников обороны вспоминал: «Много видал я людей храбрых в разных кампаниях, но такая фантастическая храбрость, как в Истомине, есть явление редкое и достойное подражания...»⁴

Генерал-майор В.И. Васильчиков, начальник штаба Севастопольского гарнизона, писал о роли контр-адмирала: «Со смертью Истомина на Корабельной стороне исчезло то единство действий, которое происходило от деятельности энергического контр-адмирала. Чтобы восстановить прежнюю энергию и сосредоточить власть над войсками в одних руках, главное начальство над всеми тремя отделениями Корабельной стороны было поручено генерал-лейтенанту Хрулеву. Выбор был вполне удачен»⁵.

Можно полагать, что гибель Истомина (а затем смерть сменившего его Н.Ф. Юрковского) лишила четвертую дистанцию начальников, способных

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 479.

² Там же. С. 478.

³ Там же. С. 487.

⁴ Там же. С. 687.

⁵ Зверев Б.И. Севастопольская оборона 1854—1855. С. 124.

защитить позицию. Как известно, из-за ряда упущений союзникам удалось с огромными потерями овладеть Малаховым курганом, что и послужило для М.Д. Горчакова поводом оставить главную базу флота.

Первый памятник героям обороны Севастополя открыли в городе 19 августа 1856 года, после освобождения от интервентов, у недостроенного Владимирского собора. Надпись гласила: «Здесь погребены: Адмирал Лазарев, скончавшийся в лето 1851 года, и убиенные при защите г. Севастополя: Вице-Адмирал Корнилов, Контр-Адмирал Истомин, Адмирал Нахимов»¹.

Союзники, заняв Севастополь, вскрыли могилы адмиралов во Владимирском соборе и гаумились над ними, что было установлено актом комиссии 11 апреля 1858 года. С гробов сняли крышки, с мундиров адмиралов сорвали эполеты. Проломы в склепе затем заделали, и обнаружить святотатство удалось лишь тогда, когда по инициативе контр-адмирала Г.И. Бутакова склеп вскрыли, чтобы переложить тела в новые гробы, обитые свинцом². Прах контр-адмирала после длительных скитаний в 1992 году вернулся во Владимирский собор и покоеится вновь в Севастополе рядом с останками М.П. Лазарева, П.С. Нахимова, В.А. Корнилова³.

Именем героя названа бухта Истомина (Тхосонниман) в Японском море на Корейском полуострове, которую обследовали и наименовали в 1886 году моряки клипера «Крейсер»⁴.

КЕРН ФЕДОР СЕРГЕЕВИЧ

Родился Федор Керн в 1817 году⁵. Он поступил кадетом в Морской корпус 21 января 1831 года, 31 декабря 1833 года стал гардемаринном, 21 декабря 1835 года был произведен в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1836—1839 годах на бриге «Фемистокл» и корвете «Орест» юноша дважды переходил из Николаева в Константинополь, откуда плывал в Архипелаг и Средиземное море⁶.

Службу юноша начинал под командованием В.А. Корнилова и Н.Ф. Метлина на бриге «Фемистокл», В.И. Истомина на корвете «Орест»

¹ История города-героя Севастополя. С. 205.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 622—623; История города-героя Севастополя. С. 205.

³ Российская газета. 1992. 3 марта.

⁴ Мисленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 99.

⁵ Керн Федор Сергеевич // Военная энциклопедия. СПб.: Изд. Сытина. 1913. Т. XII. С. 510.

⁶ ОМС. Ч. X. С. 311.

и фрегате «Флора», а затем и П.С. Нахимова. Его спокойный, хладнокровный характер получил проверку и закалку в крейсерствах у берегов Кавказа¹. В 1839—1845 годах на фрегате «Браиллов», корабле «Силистрия», шхуне «Дротик», фрегате «Флора» и бриге «Паламед» моряк крейсировал у восточных берегов Черного моря и участвовал в перевозке войск между Севастополем и Одессой. В 1839 году его наградили орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» за участие в сражении против горцев при занятии местечек Субаши и Шахэ. 30 марта 1841 года Керн произвели в лейтенанты, в 1843 году наградили орденом Св. Станислава III степени².

В 1846 году лейтенантом Керн получил в командование тендер «Проворный», что на Черноморском флоте считали отличием. В 1846—1848 годах он крейсировал у берегов Абхазии. В 1848—1849 годах его «Проворный» перешел из Одессы в Константинополь, ходил в Архипелаг и Средиземное море. 21 декабря 1849 года моряка произвели в капитан-лейтенанты³.

В 1850-м и 1851 годах, командуя пароходом «Молния» и бригом «Аргонавт», Керн плавал у кавказских берегов. В 1851 году его за 18 морских кампаний наградили орденом Св. Георгия IV степени. В 1852 году, командуя пароходом «Бессарабия», капитан-лейтенант плавал по черноморским портам и был награжден орденом Св. Анны III степени. В 1853 году, командуя корветом «Калипсо», он крейсировал у абхазских берегов⁴. В августе 1853 года командиром «Калипсо» Керн участвовал в учебных плаваниях. Его корвет 4 дня находился под парусами при эскадре. Судя по тому, что в ведомости учебных плаваний, составленной П.С. Нахимовым, не указано замечаний в адрес корвета, его экипаж хорошо нес службу⁵. В сентябре 1853 года корвет участвовал в перевозке войск 13-й дивизии на берег Кавказа; корвет перевозил 220 человек Брестского полка. Командовал им еще капитан-лейтенант Керн⁶.

• К осени 1853 года Керн имел ордена Св. Георгия IV степени за 18 кампаний, Св. Анны III степени, Св. Станислава IV степени, Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»⁷. Когда война с Турцией стала неизбежной, в отношении М.Н. Станюковичу от 28 октября 1853 года о дислокации кораблей Черноморского флота на случай начала боевых

¹ Керн Федор Сергеевич // Военная энциклопедия. Т. XII. С. 510.

² ОМС. Ч. X. С. 311—312.

³ Керн Федор Сергеевич // Военная энциклопедия. Т. XII. С. 510; ОМС. Ч. X. С. 312.

⁴ ОМС. Ч. X. С. 312.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 224.

⁶ Там же. С. 242—243.

⁷ Там же. С. 349.

действий В.А. Корнилов назначил Керна командиром пароходофрегата «Одесса», переоборудованного из пакетбота¹. В этом качестве тот и участвовал в Синопском сражении.

Пароходофрегат «Одесса» шел головным под флагом В.А. Корнилова, за ним следовали «Крым» и «Херсонес». В разгар сражения отряд приближался к Синопу, когда был замечен уходивший в море турецкий пароходофрегат. Корнилов устремился в погоню, приказав «Крым» и «Херсонесу» поставить неприятеля в два огня. Керн сделал все возможное, чтобы догнать противника, и открыл огонь. Но неприятельское ядро повредило штурвал, что замедлило движение «Одессы» и позволило врагу скрыться под завесой дождя. Корнилов приказал повернуть к Синопу. Так как сражение кончалось, пароходы употребили, чтобы отводить свои корабли от полыхавших неприятельских и попытаться спасти еще не горевшие турецкие фрегаты. Однако все неприятельские суда так пострадали, что пришлось их сжечь. После того как корабли подремонтировали, пароходы использовали для того, чтобы вывести их в море, а затем ввести в Севастополь. Пароходофрегат «Одесса» буксировал корабль «Великий князь Константин», на котором поднимал флаг П.С. Нахимов².

После сражения Керн был представлен Нахимовым к чину капитана 2-го ранга «за примерную храбрость и отличное действие пароходом под флагом генерал-адъютанта Корнилова во время сражения с неприятельским пароходом, более чем втрое его сильнейшим, за содействие окончательному истреблению неприятельских судов и при выводе своих поврежденных кораблей в море»³. Морская произвели 18 ноября 1853 года в капитаны 2-го ранга и выдали годовой оклад жалованья, затем назначили командиром фрегата «Кулевчи»⁴. 19 марта 1854 года Нахимов отмечал в письме двоюродному брату А.М. Нахимову: «...Керн — молодец, прекрасно вел себя в сражении, получил чин и фрегат и в весьма непродолжительном времени будет командиром корабля и экипажа»⁵.

Керн находился в ближайшем окружении П.С. Нахимова. 8 июля 1854 года он с женой и сыном был у него в гостях⁶. В 1854—1855 годах моряк командовал фрегатом «Кулевчи» на рейде Севастополя. 7 марта 1855 года, после гибели В.И. Истомина, П.С. Нахимов отдал приказ: «Начальником 4-го отделения оборонительной линии назнача-

¹ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 200.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 314—315.

³ Там же. С. 349—350.

⁴ ОМС. Ч. X. С. 312.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 380—381.

⁶ Там же. С. 407—408.

ется капитан 1-го ранга Юрковский и к нему помощником командир 44-го флотского экипажа капитан 2-го ранга Керн...»¹

Служба на 4-м отделении не гарантировала ни здоровье, ни жизнь. 28 мая 1855 года Керн был ранен в висок, 3 апреля — контужен. В 1854 году его наградили орденом Св. Анны II степени с мечами². 18 марта 1855 года Нахимов представил Д.Е. Остен-Сакену Керна к награждению арендой: «Докладную записку генерал-лейтенанта Хрулева я имею честь представить к в.в. пр-ву, считая долгом присовокупить, что капитан 2-го ранга Керн известен мне как один из лучших офицеров нашего флота и что в продолжение всей осады я был личным свидетелем деятельности и неутомимых трудов его и того отличного порядка, в котором постоянно содержался вверенный ему бастион, командуя которым, он неоднократно выказывал примеры редкого мужества и самоотвержения, а потому, с своей стороны, я имею честь покорнейше просить ходатайства в.в. пр-ва об испрашиваемой ему аренде, тем более, что, будучи человеком семейным, он не имеет никакого состояния»³.

Видимо, первое обращение не имело последствий, и Павел Степанович 13 мая обратился уже к генерал-адмиралу Великому князю Константину Николаевичу с просьбой наградить арендой нескольких офицеров, в том числе Керна, потерявших в Севастополе все, что они имели, и обремененных семьями⁴. 11 мая 1855 года Керна произвели за отличие в капитаны 1-го ранга. Ему была пожалована аренда по чину (по 800 рублей на 12 лет). Моряка наградили орденом Св. Владимира III степени и золотой саблей с надписью «За храбрость»⁵.

В 1855 году капитан 1-го ранга состоял начальником Корниловского бастиона (Малахова кургана) и 4-го отделения оборонительной линии⁶. В тот день, когда был на Малаховом кургане ранен Нахимов, Керн и Перелешин безуспешно пытались уговорить адмирала укрыться⁷.

В 1855 году моряка перевели на Балтийский флот, где он командовал кораблем «Красный» (1856), последовательно 16-м и 5-м флотскими экипажами (1857—1858) и кораблем «Орел» (1858—1860). Командуя кораблями, Керн плавал в Финском заливе. В 1856 году за оборону Севастополя его наградили орденом Св. Георгия III степени, 9 мая 1861 года назначили начальником шхерного отряда винтовых ло-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 476.

² ОМС. Ч. X. С. 312.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 485.

⁴ Там же. С. 528.

⁵ ОМС. Ч. X. С. 312; Военная энциклопедия. Т. XII. С. 510.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 739.

⁷ Там же. С. 562, 570, 582.

док. С брейд-вымпелом на пароходе «Курьер» капитан 1-го ранга в 1861—1863 годах с отрядом из 20 винтовых канонерских лодок плавал в шхерах. 30 августа 1863 года Керн произвели в контр-адмиралы с назначением младшим флагманом Балтийского флота. В 1864 году он находился при обучении артиллерийскому и десантному делу на кораблях, стоявших в гавани, остававшихся на берегу команд¹.

В 1865—1867 годах Керн командовал отрядом судов на Тихом океане. В 1866 году с эскадрой, включавшей корвет «Аскольд» и клипер «Изумруд», он прошел по маршруту Нагасаки—Шанхай—Батавия—мыс Доброй Надежды—Копенгаген—Рига—Кронштадт². Контр-адмирал принял участие в Степане Макарове, проходившем практику на «Аскольде», приглашал его к своему столу³. Когда же плавание закончилось, Керн дал ему хорошую аттестацию: «Находящийся на корвете «Аскольд» Николаевского штурманского училища кадет Степан Макаров как по практическому, так и по теоретическому испытаниям оказался вполне достоин производства в кондукторы, о чем имею честь просить ходатайства вашего превосходительства и прилагаю при сем экзаменный список кадета Макарова, аттестаты же его были отосланы из Николаевска в Инспекторский департамент вместе с представлением о производстве»⁴.

Губернатор Сибири и командир корвета «Варяг», знавшие отличные познания молодого моряка и его усердие, предложили произвести Макарова в гардемарины. Керн также поддержал производство Макарова в гардемарины, хотя тот не кончал Морской корпус, и все его сотоварищи могли рассчитывать лишь на чин штурманского кондуктора. 5 июля Керн писал в ответ на запрос Инспекторского департамента Морского министерства: «На отношение от 3 сего июля № 30 имею честь уведомить, что находившийся на корвете «Аскольд» воспитанник Николаевского морского училища Степан Макаров совершенно достоин по мореходным познаниям, принесенной пользе службе во время плавания и отличной нравственности производства в гардемарины. Сверх того, воспитанник Макаров, как знающий языки французский и английский, при приходе судна в порт был посылаем на берег по служебным надобностям»⁵.

Благодаря его рекомендации С.О. Макаров получил возможность стать строевым офицером и впоследствии наиболее выдающимся моряком своего поколения.

¹ ОМС. Ч. X. С. 312—313.

² Макаров С.О. Документы. Т. I. С. 4.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 46—47.

3 июля 1867 года флагмана наградили орденом Св. Станислава I степени и пожаловали греческим орденом Спасителя. В 1869—1871 годах, имея флаг на плавучей батарее «Первенец» и пароходофрегате «Смелый», Керн командовал первым отрядом броненосных кораблей в Балтийском море и Финском заливе. В 1870 году его наградили орденом Св. Анны I степени с мечами. 1 января 1872 года моряка произвели в вице-адмиралы и назначили старшим флагманом Черноморского флота. В том же году он командовал отрядом корветов в плавании по Черному морю. 1 января 1874 года Керна назначили старшим флагманом Балтийского флота, в 1878 году наградили орденом Белого орла. 1 января 1879 года вице-адмирала назначили членом Адмиралтейств-совета. 27 июня ему была продолжена аренда по 2000 рублей на 6 лет. Кроме того, ему пожаловали за участие в обороне Севастополя пенсию по 430 рублей в год. В 1882 году моряка наградили орденом Св. Александра Невского. 1 января 1890 года Ф.С. Керна произвели в адмиралы, но в этом чине он пробыл недолго, и 24 декабря был исключен из списков как умерший¹. Скончался он в Севастополе.

Горячо преданный службе и требовательный командир, Керн пользовался общей любовью за отзывчивость, теплое и сердечное отношение к окружающим.

Его именем были названы мыс Керна (ныне Коксанамдан) на полуострове Корея (обследован и назван в 1886 году экипажем клипера «Крейсер») и мыс Керна в Анадырском заливе Берингова моря, обследованный в 1876 году экипажем клипера «Всадник»².

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ

1 мая 1813 года Александр Кузнецов поступил гардемаринном в Черноморский корпус. В 1813—1819 годах на различных судах он плавал по черноморским портам. 21 июня 1815 года его произвели в мичманы, 27 февраля 1820 года — в лейтенанты. На транспорте «Прут» моряк ходил между Николаевом и Таганрогом, в 1821-м и 1822 годах на бриге «Орфей» и транспорте «Мария» плавал по Лиману и Черному морю. В 1822—1825 годах лейтенант командовал катером «Сокол», в 1826—1827 годах командиром брига «Мингрелия» плавал по Бугу и Лиману. В 1826 году его наградили орденом Св. Владимира IV степени, в 1828 году назначили адъютантом адмирала А.С. Грейга. На корабле «Париж»

¹ ОМС. Ч. X. С. 313.

² Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 103.

он крейсировал у Анапы и Варны, участвовал при их взятии, 9 июля за отличие был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом Св. Анны II степени. В 1829 году на том же корабле флаг-офицером адмирала А.С. Грейга Кузнецов крейсировал у берегов Румелии. В 1830 году он командовал яхтой «Утеха» и плавал между Николаевом и Одессой. В 1831—1837 годах моряк ежегодно командовал яхтой «Резвая» в плаваниях по Бугу и Лиману. В 1832 году его одновременно наградили 1000 рублей «за усовершенствование нижних чинов по фронтовой службе», 18 апреля 1837 года произвели в капитаны 2-го ранга. В 1838 году Кузнецов командовал фрегатом «Энос» в крейсерстве у берегов Абхазии, в 1839 году — кораблем «Гавриил» при Николаевском порте. В 1840 году на корабле «Варшава» он ходил из Севастополя в Одессу, потом перевел корабль «Гавриил» из Николаева в Севастополь. В 1841—1843 годах моряк состоял под следствием по протесту контр-адмирала Мельникова за неприличные выражения и укоризны начальству. В 1844—1847 годах он оставался при Севастопольском порте. 11 апреля 1848 года за отличие Кузнецова произвели в капитаны 1-го ранга. В 1848—1852 годах моряк командовал кораблями «Трех Иерархов» и «Ростислав» у восточного побережья Черного моря¹.

Кузнецов был уверен в своем корабле. На запрос М.П. Лазарева от 28 сентября 1849 года командирам и флагманам о мореходных характеристиках 84-пушечных кораблей моряк заверил, что его «Ростислав» «...при всех ветрах имеет преимущество в ходу, остойчивости и правильности качки пред кораблями 4-й дивизии и одного с ним ранга»².

В 1853 году капитан 1-го ранга продолжал командовать «Ростиславом». В сентябре 1853 года Кузнецов командиром корабля «Ростислав» участвовал в перевозке 13-й пехотной дивизии на Кавказ³. На нем же он участвовал в Синопском сражении. До Синопа моряк имел награды: ордена Св. Владимира IV степени, Св. Анны II степени с короной и знак отличия за 15 лет службы⁴.

В ходе сражения у Синопа «Ростислав» занял позицию против батареи № 6 и 24-пушечного корвета «Фейзи-Меабуд». Под обстрелом корвет был вынужден выбраться на берег. Батарея, вредившая кораблю «Три Святителя», до 16.00 была подавлена⁵.

Нахимов к описанию сражения дал особое прибавление 2 о происшествии, грозившем гибелью «Ростиславу»: «Каленое ядро или граната,

¹ ОМС. ч. VII. С. 339—340.

² Лазарев М.П. Документы. Т. III. С. 300.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 242.

⁴ Там же. С. 342.

⁵ Там же. С. 324.

ударив в одно из средних орудий корабля «Ростислав», разбило палубу и бимс и зажгло кокоря и занавесь, находившуюся для ограждения подачи картузов нижнего дека и прямо против разбитого орудия случившуюся, причем 40 человек нижних чинов было раненых и обожженных, ибо, кроме прислуги орудия, пострадали столпившиеся кокорники и прислуга орудия верхнего дека, над разбитым находящегося. Происшедший таким образом пожар немедленно был потушен, но горящие части занавеси попадали в люки крюйт-камерного выхода. Некоторые люди из назначенных в крюйт-камеру, опасаясь за последнюю, бросились к дверям, но мичман Колокольцев запер двери, велел накрыть люк и клапаны, и с хладнокровием принялся тушить попадавшие и тлеющие обрывки занавеси»¹.

Нахимов представил капитана 1-го ранга к награде «за примерную храбрость, мужество и распорядительность во время боя, в котором корабль этот при значительном числе раненых продолжал действовать так же хорошо, как и при начале боя». Он в графе «К чему представляются» писал: «Не считать препятствием имеемый у него штраф в формуляре к наградам, за беспорочную службу установленным. Сверх того, к ордену Св. Владимира 3-й степени»². Этот орден моряку и вручили. 28 ноября его за отличие произвели в контр-адмиралы³.

В декабре 1853 года Кузнецов вместе с Истоминным руководил постановкой бонов в Севастопольской бухте⁴. В начале 1854 года контр-адмирал руководил обороной внутренней гавани Севастополя⁵. В боевом расписании корабельных команд и морских береговых частей на случай тревоги, подготовленном В.А. Корниловым 22 января 1854 года, указано: «Всем кадрам 4-й дивизии, остающимся от мелких военных судов, и всем транспортным командам, в гаванном составе, за отделением часовых на своих судах, соединиться в полном вооружении в Лазарева адмиралтействе для употребления на транспортах, поперек гавани стоящих, в виде abordажных партий; при них быть офицерам и транспортным командирам, не имеющим особых назначений, и всем состоять в распоряжении контр-адмирала Кузнецова, которому предоставляется охранение прохода во внутреннюю гавань. Бригад «Птоломей» и «Тезей» находиться в его распоряжении»⁶.

В этой должности флагман состоял недолго. 6 февраля 1854 года контр-адмирала А.Д. Кузнецова назначили командовать Дунайской фло-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 327.

² Там же. С. 342.

³ ОМС. Ч. VII. С. 340.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 388.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 315.

⁶ Там же. С. 218—219.

тилей. 8 марта, командуя восемью канонерскими лодками, он участвовал в бою при взятии турецкого укрепления с 19 пушками на берегу Дуная против Чатала¹.

16 ноября 1855 года Кузнецова уволили от службы².

О дальнейшей его жизни и деятельности сведений обнаружить не удалось. Справочник «Петербургский некрополь» сообщает, что Кузнецов Александр Дмитриевич скончался 3 апреля 1890 года и похоронен в Новодевичьем монастыре Санкт-Петербурга. Однако тот ли это Кузнецов, твердо сказать нельзя³.

КУТРОВ КОНСТАНТИН СИНАДИНОВИЧ

О начале жизни Константина Кутрова сведений найти не удалось, и начинается его биография с морской службы. 1 мая 1818 года Константин стал гардемаринном Черноморского флота. В 1820—1827 годах юноша ежегодно плавал по Черному морю на различных судах. 23 февраля 1820 года его произвели в мичманы, 30 декабря 1826 года — в лейтенанты. В 1828 году молодой офицер крейсировал на бриге «Пегас» у турецких берегов, затем на фрегате «Флора» перешел с флотом к Анапе, после взятия крепости плавал у Варны, откуда под штандартом Николая I перешел в Одессу и обратно, был награжден бриллиантовым перстнем. В 1829 году на корабле «Пармен» лейтенант крейсировал у берегов Румелии, после чего командовал катером «Соловей» у абхазского побережья. В 1833 году на призыв турецкого правительства о помощи против восставшего правителя Египта, направившего войска на Константинополь, Россия послала эскадру с войсками в Босфор. На корабле «Императрица Мария» Кутров перешел с войсками из Севастополя к Буюк-Дере, после окончания экспедиции перевозил войска в Феодосию, а затем крейсировал по Черному морю. В награду он получил годовой оклад жалованья и турецкую золотую медаль⁴.

В 1835-м и 1836 годах Кутров командовал брандвахтенным люгером «Стрела» на Керченском рейде. 28 марта 1836 года его произвели в капитан-лейтенанты. В 1837 году на фрегате «Штандарт» моряк плавал у восточных берегов Черного моря, исправляя должность дежурного штаб-офицера при главнокомандующем генерал-лейтенанте бароне Розене. Потом на фрегате «Варна» моряк участвовал в перевозке войск

¹ ОМС. Ч. VII. С. 340—341.

² Там же. С. 341.

³ Ситов В.Н. Петербургский некрополь. Т. II. С. 555.

⁴ ОМС. Ч. VII. С. 362—363.

с мыса Адлер в Сухум-Кале и получил в награду за действия против горцев орден Св. Анны III степени с бантом. В ходе высадки десанта на мыс Адлер 6 июня 1837 года Кутров командовал сводным флотским батальоном из 445 человек с разных кораблей; батальон этот был свезен на берег вместе с сухопутными войсками¹.

В 1838 году Кутров состоял на корабле «Память Евстафия». При высадке в устье реки Туапсе приказом Лазарева от 6 мая 1838 года моряк был назначен командовать отрядом гребных судов, выделенных для вывоза раненых². В 1838—1840 годах капитан-лейтенант на кораблях «Память Евстафия» и «Императрица Мария» крейсировал у восточных берегов Черного моря³.

В 1841—1842 годах офицер командовал фрегатом «Флора» в плаваниях у берегов Кавказа, в 1843—1846 годах командовал корветом «Орест» и фрегатом «Флора». 4 декабря 1843 года за выслугу 25 лет в офицерских чинах Кутрова наградили орденом Св. Георгия IV степени, 1 января 1846 года произвели в капитаны 2-го ранга. В 1847—1849 годах Кутров командовал фрегатом «Флора» в Черном море⁴.

В 1848 году капитан 2-го ранга участвовал в учениях, в ходе которых его «Флора» совместно с 60-пушечным фрегатом «Месемврия» капитана 2-го ранга Бутенева должна была атаковать 84-пушечный линейный корабль «Султан Махмуд» у мыса Херсонес. «Месемврию» подчинили командиру «Флоры». Однако капитан 1-го ранга Вульф, командовавший кораблем, так искусно сманиврил, что принял бой с одной «Месемврией», оставив «Флору» вне боя. В дальнейшем опыт этого учебного боя подсказал, что корабли должны держаться более тесным строем⁵.

3 апреля 1849 года Кутрова произвели в капитаны 1-го ранга. В 1850—1854 годах офицер командовал кораблем «Три Святителя», в 1852 году был награжден орденом Св. Анны II степени⁶. В сентябре 1853 года капитан 1-го ранга командовал кораблем «Три Святителя», на котором поднял флаг контр-адмирал Ф.М. Новосильский. Корабль участвовал в перевозке войск 13-й пехотой дивизии на Кавказ и доставил 1369 человек Белостокского полка⁷.

На том же корабле Кутров участвовал и в Синопском бою. В рапорте П.С. Нахимов писал А.С. Меншикову:

¹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 95; ОМС. Ч. VII. С. 363.

² Там же. С. 424.

³ ОМС. Ч. VII. С. 363.

⁴ Там же.

⁵ Лазарев М.П. Документы. Т. III. С. 446—447.

⁶ ОМС. Ч. VII. С. 363.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 242—243.

«Корабль «Три Святителя» (капитан 1 р. Кутров) начал действовать по фрегатам «Каиди-Зефер» и «Низамие», но одним из первых выстрелов перебило у него шпринг; повернувшись по ветру, он подвергся метким продольным выстрелам батареи № 6, через что рангоут его сильно пострадал. Завезя на барказе верп под сильным неприятельским огнем и заворотив снова корму, он очень хорошо действовал по 54-пуш. фрегату «Каиди-Зефер» и другим судам и принудил фрегат броситься к берегу»¹.

Корабль шел вторым в левой колонне. Около 12.30 он встал на якорь в 180 саженях от неприятеля и сделал два залпа по двум фрегатам и батарее. Однако в 12.45 неприятельское ядро перебило шпринг. «Три Святителя» развернуло кормой к противнику, и он мог стрелять только ретирадными пушками, подвергаясь в то же время продольному обстрелу противника. Однако посланный на барказе мичман Варницкий за 15 минут завел новый верп, корабль развернулся и продолжил нормальную стрельбу. В 13.15 было замечено, что шлюп и транспорт затонули, в 14.00 видели взрыв фрегата. Другие суда, обрубив якорные канаты, выбрасывались на берег. К 15.30 бой прекратился. Но и ночью не было покоя, ибо турецкий фрегат, который пробовал отвести от берега пароходофрегат «Крым», навалился на корабль, и требовалось распутывать снасти, чтобы к утру отвести трофей. Потом экипаж занимался ремонтом, чтобы корабль мог вернуться в Севастополь².

Нахимов рассказывал, что, когда в ясную погоду эскадра покидала Синоп, Кутров поднял сигнал: «Не могу идти» — и получил ответ: «Возвратиться в Синоп». Командир же возвращаться не стал, справился с трудностями и благополучно доставил корабль в Севастополь³.

До Синопского сражения Кутров имел ордена Св. Георгия IV степени за 25 лет службы, Св. Анны II степени и знак отличия за 20 лет. Нахимов представил его «за отличную храбрость и мужество во время боя» к ордену Св. Владимира III степени⁴. За Синопское сражение моряк был награжден орденом Св. Владимира III степени с мечами и годовым окладом⁵.

Корабль «Три Святителя» затопили на фарватере Севастополя в числе первых⁶. Его командир участвовал в обороне Севастополя (1854—1855 годы), за храбрость в 1854 году был награжден золотым оружи-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 324.

² Там же. С. 297—300.

³ Там же. С. 640.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ ОМС. Ч. VII. С. 363—364.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 413—417.

ем (золотой полусаблей с надписью «За храбрость»)¹. Долгое время он жил на Корниловском бастионе (Малаховом кургане)².

15 июня 1855 года Кутрова произвели в контр-адмиралы, 1 октября назначили командиром 1-й бригады 5-й флотской дивизии. Затем он командовал в Севастополе всей артиллерией второй оборонительной линии в течение 8 месяцев. Моряка наградили арендой на 12 лет по 1000 рублей. 27 ноября 1857 года контр-адмирал был назначен временно исполнять должность инспектора ластовых команд и рабочих экипажей. В 1859 году его зачислили по резервному флоту. 11 июня 1860 года К.С. Кутрова уволили с чином вице-адмирала³. Умер К.С. Кутров 16 декабря 1869 года в Симферополе.

МИКРЮКОВ ВИКТОР МАТВЕЕВИЧ

В.К. Микрюков родился 20 октября 1807 года в морской семье. 22 марта 1822 года Виктора Микрюкова произвели в гардемарины Черноморского флота. В 1822—1827 годах он на разных кораблях плавал в Черном море, 27 февраля 1826 года стал мичманом. В 1828 году на корабле «Иоанн Златоуст» молодой офицер участвовал при блокаде Анапы и при взятии Варны, был награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». В 1829 году на «Иоанне Златоусте» он крейсировал у румелийских берегов и участвовал в сожжении под Пендераклией турецкого корабля и при истреблении в Ачкесаре турецкого корвета, за что награжден орденом Св. Анны III степени с бантом. В 1830 году на том же корабле моряк плавал при перевозке десантных войск и артиллерийских тяжестей из Варны и Коварны в черноморские порты, потом на бриге «Ганимед» крейсировал у абхазских берегов. 25 июня 1831 года его произвели в лейтенанты. На «Ганимеде» Микрюков участвовал при занятии Геленджика, затем командиром транспорта «Подобный» плавал у берегов Абхазии. В 1832—1838 годах на различных судах моряк ходил по портам Черного моря и крейсировал у абхазских берегов, в 1839—1842 годах командовал люгером «Глубокий». 1 января 1843 года его произвели в капитан-лейтенанты. В 1843—1845 годах на фрегате «Сизополь», кораблях «Уриил» и «Варшава» он крейсировал по Черному морю, в 1845—1849 годах, командуя пароходом «Дарго», ходил по азовским и черноморским портам. В 1849 году за 18 морских кампаний Микрюков был награжден орде-

¹ ОМС. Ч. VII. С. 364.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 629.

³ ОМС. Ч. VII. С. 364.

ном Св. Георгия IV степени, 23 апреля 1850 года произведен в капитаны 2-го ранга. Он крейсировал в Черном море командиром корвета «Орест» (1850—1851 годы) и корабля «Чесма» (1852—1853 годы)¹.

Командиром корабля «Чесма» капитан 2-го ранга участвовал в перевозке войск 13-й пехотной дивизии на Кавказ в сентябре 1853 года². В Синопском сражении корабль шел последним в правой колонне. В донесении о сражении П.С. Нахимов писал о его действиях: «Корабль «Чесма» (капит. 2-го ранга Микрюков) до взрыва неприятельского фрегата «Навек-Бахри» действовал также по нем и по батареям № 4 и № 3, потом, поворотившись к батареям, срыл обе»³.

В ходе сражения «Чесма» выпустила свыше полутора тысяч снарядов⁴. Корабль получил два десятка пробоин в наружной обшивке, повреждения кормы, галерей, портовых ставней и полупортиков; на его ремонт потребовалось полтора месяца⁵.

К Синопскому сражению Микрюков имел ордена Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость», Св. Анны III степени с бантом, Св. Георгия IV степени за 18 кампаний и знак отличия за 25 лет. Нахимов представил его к чину капитана 1-го ранга «за отличную храбрость и мужество во время боя и срытие двух батарей»⁶. 18 декабря 1853 года за отличие Микрюкова произвели в капитаны 1-го ранга⁷.

В приказе о формировании морских батальонов из команд кораблей, стоящих на позиции, от 18 сентября 1854 года В.А. Корнилов указал командиром 2-го батальона Микрюкова⁸. С 13 сентября 1854 года по 6 июня 1855 года Микрюков состоял в гарнизоне Севастополя, командовал 1-м и 2-м бастионами, был контужен осколком бомбы в голову и плечо. В 1854 году моряка наградили орденом Св. Владимира III степени⁹. После Новосильского, Кутрова и Спицына он состоял начальником 2-го отделения и жил на 4-м бастионе¹⁰.

13 мая 1855 года Нахимов писал Великому князю Константину Николаевичу о нескольких офицерах, лишившихся в Севастополе хозяйства и обремененных семьями; он просил наградить их арендой по чину. Среди них был и капитан 1-го ранга Микрюков¹¹.

¹ ОМС. Ч. X. С. 687.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 242—243.

³ Там же. С. 323.

⁴ Там же. С. 310—311.

⁵ Там же. С. 320.

⁶ Там же. С. 340.

⁷ ОМС. Ч. X. С. 687.

⁸ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 260.

⁹ ОМС. Ч. X. С. 688—689.

¹⁰ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 629.

¹¹ Там же. С. 528.

В 1855 году моряку пожаловали аренду по чину, по 800 рублей на 12 лет. 16 ноября 1855 года его наградили орденом Св. Георгия III степени «за мужество, оказанное при последнем штурме севастопольских укреплений, когда при отступлении войск последним оставил вверенную его отделению оборону, взорвав под личным своим надзором пороховые погреба». В 1857 году Микрюкова перевели в Астраханский порт. В 1858 году, имея брейд-вымпел на пароходе «Ленкорань», он командовал отрядом судов при перевозке десантных войск от Астрахани в Петровский порт. Потом, имея брейд-вымпел на пароходе «Тарки», моряк плавал с отрядом в Каспийском море. 23 апреля 1861 года он был произведен в контр-адмиралы с назначением младшим флагманом Каспийской флотилии. В 1864 году его наградили орденом Св. Станислава I степени, в 1865 году пожаловали крестом за службу на Кавказе, в 1866 году — орденом Св. Анны I степени. 9 июня 1867 года после упразднения Астраханского порта и сокращения флотилии флагмана перевели в Черноморскую флотилию. 1 января 1868 года его произвели в вице-адмиралы, 6 сентября 1873 года причислили ко 2-му Черноморскому Его Королевского Высочества герцога Эдинбургского экипажу. Скончался Микрюков 6 мая 1875 года¹.

СПИЦЫН АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Родился Александр Спицын 24 марта 1810 года. 21 августа 1824 года он поступил в Морской корпус кадетом, 8 мая 1826 года был произведен в гардемарины. В 1827 году на корабле «Александр Невский» юноша ходил с эскадрой Д.Н. Сенявина от Кронштадта до Портсмута и обратно, в 1828 году на фрегате «Крейсер» крейсировал по Балтике. 20 марта 1829 года его произвели в мичманы с назначением в Черноморский флот. В том же году на кораблях «Пармен» и «Пантелеймон» он плавал у берегов Румелии и Босфора, участвовал при взятии Инады и Мидии, в 1830 году на бриге «Орфей» крейсировал у абхазских берегов и участвовал при занятии местечка Гагры².

Осенью 1830 года мичман служил на брандвахтенной бригадине при Сухумском порте. 2 октября командир бригадины послал мичмана на турецкое судно; тот обнаружил, кроме указанного шкипером груза и экипажа, трех пассажиров-черкесов и груз из стали, серы и небольшого количества оружия. После досмотра судно было задержано³.

¹ ОМС. Ч. X. С. 689.

² Там же. Ч. XI. С. 584.

³ Лазарев М.П. Документы. Т. II. С. 197—198.

В 1831-м и 1832 годах за нанесение побоев аудитору Михайлову, скорее всего, моряк находился под следствием и по конфирмации Императора от 5 апреля 1833 года был арестован на 2 месяца¹.

После отбытия наказания мичман получил возможность участвовать в крупной операции. В 1833 году он на транспорте «Александр» перешел с десантом из Одессы на рейд Буюк-Дере, откуда с тем же десантом прибыл в Феодосию, за участие в босфорской экспедиции получил турецкую золотую медаль. В 1834 году на фрегатах «Бургас» и «Эривань» моряк плавал у берегов Абхазии, затем ходил из Одессы в Константинополь. В 1835-м и 1836 годах на транспорте «Кит» он плавал между Севастополем и Николаевом, затем на фрегатах «Бургас» и «Варна» крейсировал в Черном море, а в 1837—1847 годах на корабле «Султан Махмуд», фрегатах «Месемврия» и «Агатополь», бриге «Паламеда» — у восточных берегов. 16 февраля 1844 года Император повелел не считать штрафа препятствием к получению наград. В 1846 году Спицына наградили орденом Св. Анны III степени, 23 марта 1847 года произвели в капитан-лейтенанты. В 1848-м и 1849 годах, командуя пароходофрегатом «Бессарабия», офицер ходил из Николаева в Одессу и Севастополь².

Летом 1848 года Спицына с «Бессарабией» послали в распоряжение П.С. Нахимова, который руководил подъемом тендера «Струя». 19 августа Нахимов предписал Спицыну: «Предлагаю в.в. 6-ию взять на буксир и доставить в Севастополь флашхоут и поднятый из воды тендер «Струя». Тендер имеет течь до пяти дюймов в час, при волнении и сильном ходе она может увеличиться, а потому предписываю в.в. 6-ию, ведя их, держаться ближе к берегу, и в случае необходимости зайти в Керчь, Феодосию и Ялту. Конечно, тихая погода дозволила бы довести вместе до Севастополя и другой флашхоут, но предусмотрительность и осторожность в море всегда нелишнее дело»³.

В 1850 году Спицына наградили орденом Св. Анны II степени. Командуя корветом «Пилад», в 1850—1851 годах он перешел из Николаева в Константинополь, а оттуда в Архипелаг, на Средиземное море и обратно. В 1851 году за 18 морских кампаний его наградили орденом Св. Георгия IV степени. В 1852 году капитан-лейтенант командовал фрегатом «Кагул» у абхазских берегов, в 1853 году крейсировал на нем у берегов Анатолии⁴. В сентябре 1853 года, командуя фрегатом «Кагул», капитан-лейтенант участвовал в перевозке войск 13-й пехотной дивизии на Кавказ⁵.

¹ ОМС. Ч. XI. С. 584.

² Там же. С. 585.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 164.

⁴ ОМС. Ч. XI. С. 585.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 242.

Вскоре после возвращения, 11 октября, «Кагул» вместе с эскадрой П.С. Нахимова вышел в море¹. Ему предстояло крейсировать в районе мыса Керемпе на возможном пути движения турецких судов вдоль берегов Анатолии; эскадра Нахимова служила ему поддержкой в случае появления турецкой эскадры. Фрегат находился на позиции, несмотря на осеннюю непогоду. 10 ноября при смягчении шторма «Кагул» приблизился к Севастополю и сообщил находившемуся там с эскадрой Новосильскому, что за ним гнались четыре турецких фрегата, после чего вернулся на позицию². Позднее стало известно, что моряки «Кагула» встретили турецкую эскадру Осман-паши. Турки безуспешно пытались догнать русский фрегат и были уверены, что он погиб в шторм.

В 1853 году, командуя фрегатом «Кагул», Спицын участвовал в Синопском сражении. 25 ноября Нахимов, отмечая действия фрегатов в Синопском сражении, писал в приказе:

«Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи», оставленные мною под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, также рачительно исполняли свой долг и, кроме того, весьма много способствовали к изготовлению наших судов к выходу в море и окончательному истреблению неприятельских судов.

За что изъявляю командирам и офицерам мою признательность»³.

До Синопа, кроме ордена Св. Георгия, Спицын имел ордена Св. Анны III и II степеней. Нахимов представил его к чину капитана 2-го ранга «за отличную исправность фрегата в продолжение всего крейсерства, искусные маневры в сражении с неприятельским пароходом и за содействие при окончательном истреблении неприятельских судов, из коих двумя овладел и по снятии раненых и пленных — истребил»⁴. 18 декабря моряка произвели в капитаны 2-го ранга старшинством с 18 ноября 1853 года⁵.

В 1854 году Спицын командовал кораблем «Гавриил» на Севастопольском рейде⁶. При формировании батальонов из экипажей кораблей 2 сентября 1854 года он был назначен помощником капитана 2-го ранга Скоробогатова, которому подчинялись четыре батальона⁷. 6 декабря 1854 года его произвели за отличие в капитаны 1-го ранга⁸.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 255.

² Там же. С. 355—356.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же. С. 345—346.

⁵ ОМС. Ч. XI. С. 585.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 756.

⁷ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 255; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 412.

⁸ ОМС. Ч. XI. С. 585.

С 13 сентября 1854 года по 28 августа 1855 года Спицын состоял в гарнизоне Севастополя¹. Капитан 1-го ранга командовал 4-м бастионом до июля 1855 года². О положении на бастионе командовавший им В.Г. Реймерс писал в воспоминаниях: «От начала бомбардирования и, можно сказать, до конца его 4 бастион находился более всех под выстрелами неприятеля, и не проходило дня в продолжение всей моей 8-месячной службы, который бы оставался без пальбы. В большие же праздники французы на свои места сажали турок и этим не давали нам ни минуты покоя. Случались дни и ночи, в которые на наш бастион падало до 2000 бомб и действовало несколько сот орудий. Но подобные сильные угощения случались довольно редко, оплачивать за них приходилось большою потерей людей и разорением какого-нибудь бруствера, который мы должны были всегда создавать к утру, а также переменять подбитые орудия и станки под сильным неприятельским огнем...»³

За время обороны Севастополя моряк несколько раз был ранен и контужен. 12 октября 1854 года его контузило осколком бомбы в руку, 27 июля 1855 года — в правое ухо. 25 августа его контузило в голову и ранило камнем. Моряка наградили орденами Св. Владимира IV степени с бантом, Св. Анны II степени с мечами и короной, Св. Владимира III степени с мечами. 23 октября 1855 года Император выразил ему особую признательность за содействие, оказанное сухопутному ведомству при работах по обороне Николаева, в 1856 году Спицын получил особое Монаршее благоволение за успешную перевозку десанта морем на Кавказ⁴.

25 марта 1857 года Спицына назначили керчь-еникальским градоначальником, 13 января 1858 года произвели в контр-адмиралы, 28 октября 1866 года — в вице-адмиралы. В 1860-м и 1863 годах он получал единовременно по 1000 рублей, в 1862 году ему назначили дополнительное жалованье по 1000 рублей в год и разрешили, как контуженному, носить вместо шляпы фуражку. В 1861 году Спицына наградили орденом Св. Станислава I степени, в 1863 году — орденом Св. Анны I степени с мечами. В 1864 году моряк получил пособие 1500 рублей и крест за Кавказ. В 1866 году ему присвоили звание почетного гражданина города Керчи, а с присвоением чина вице-адмирала была пожалована аренда на 12 лет по 2000 рублей. В 1869 году Спицына наградили орденом Св. Владимира II степени с мечами, 28 марта 1871 года — ор-

¹ ОМС. Ч. XI. С. 585.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 756.

³ Там же. С. 629—630.

⁴ ОМС. Ч. XI. С. 585—586.

деном Белого орла. 11 августа 1875 года моряка отчислили от должности градоначальника. 1 января 1876 года его наградили орденом Св. Александра Невского, 21 мая 1878 года произвели в адмиралы. С 20 марта 1879 года адмиралу была увеличена аренда до 2500 рублей в год на 12 лет, 19 апреля 1880 года разрешено производить добавочное жалование по 430 рублей в год как участнику обороны Севастополя. 6 мая 1884 года Спицыну пожаловали алмазные знаки ордена Св. Александра Невского. Скончался моряк 30 июня 1888 года¹.

ШТОФРЕГЕН КОНДРАТИЙ КОНДРАТЬЕВИЧ

Кондратий Штофреген родился 19 мая 1817 года. 30 мая 1829 года мальчика приняли в Морской корпус кадетом. 15 мая 1832 года его произвели в гардемарины, а 19 декабря 1834 года — в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1835 году юноша на люгере «Глубокий» ходил от Севастополя к Сухуму (Сухуми) и крейсировал у восточных берегов Черного моря. В том же году он получил первую награду: орден Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» за участие в деле с горцами. Последующие шесть лет Штофреген провел в плаваниях по Черному морю на различных судах. В 1836-м и 1837 годах он на фрегате «Месемврия» и бриге «Аякс» крейсировал у абхазских берегов и был награжден орденом Св. Станислава IV степени за отличие при занятии мыса Адлер. В 1838 году мичман на фрегате «Бриалов» и корвете «Пендераклия» участвовал в высадках десанта при занятии местечек Туапсе, Шапсухо и Суджук-Кале. В следующем году он на транспорте «Суджук-Кале» ходил между Севастополем и Николаевом. 14 апреля 1840 года молодого офицера произвели в лейтенанты. В том же году он на корвете «Пендераклия» крейсировал у берегов Абхазии и участвовал в проводке корабля «Гавриил» из Николаева в Севастополь. В 1841 году Штофреген сначала на шхуне «Гонец» плавал между Николаевом и Севастополем, затем на корабле «Гавриил» был в крейсерстве у абхазских берегов. В 1842 году лейтенанта перевели на Балтийский флот. 2 года он на фрегате «Мария» и корабле «Кульм» крейсировал в Балтийском море. 6 октября 1843 года моряка уволили от морской службы и 16 декабря определили в Департамент корабельных лесов помощником столоначальника с чином титулярного советника. Но гражданская служба продолжалась недолго. 31 января 1845 года Штофреген вновь поступил на флот лейтенантом и возвратился на Чер-

¹ ОМС. Ч. XI. С. 586—587.

ное море. В 1845 году моряк ходил на пароходе «Крым» из Севастополя в Константинополь, в 1846 году на корвете «Калипсо» плавал между Севастополем и Николаевом. В 1847—1848 годах он на корабле «Гавриил» крейсировал по Черному морю и перевозил десантные войска между Севастополем и Одессой¹.

В 1848 году Штофрегена взял к себе флаг-офицером контр-адмирал П.А. Синицын. С флагманом лейтенант крейсировал на фрегате «Кагул» у абхазских берегов. В 1849 году его назначили старшим адъютантом к командиру Севастопольского порта. В этой должности моряк ходил между Севастополем и Николаевом на пароходофрегате «Бессарабия». При штабе офицер находился недолго. В 1851 году его отчислили в 37-й флотский экипаж. На корабле «Святослав» он крейсировал по Черному морю. В следующем году Штофреген — командир судна. Командуя последовательно бригами «Персей» и «Эндимион», он крейсировал у берегов Кавказа. 2 октября 1852 года его произвели в капитан-лейтенанты. В 1853 году моряк сначала командовал «Эндимионом», а затем принял бриг «Фемистокл». И на том, и на другом он находился в крейсерстве у берегов Абхазии². В августе 1853 года «Фемистокл» под командованием Штофрегена несколько часов находился при эскадре, которая проводила учения у Севастополя. За это время командиру было сделано два сигнала, побуждающих к выполнению инструкций³.

Когда угроза войны стала неизбежной, ходившие в Константинополь колесные пакетботы вооружили как пароходофрегаты. Штофрегена назначили командиром пароходофрегата «Херсонес»⁴. В этом качестве он участвовал при обстреле занятого турками поста Св. Николая⁵. В октябре, командуя пароходофрегатом «Херсонес», капитан-лейтенант в плавании видел эскадру турецких кораблей; по его информации В.А. Корнилов с эскадрой выступил к мысу Калиакрия⁶.

Когда В.А. Корнилов узнал, что Нахимов блокирует в Синопе турецкую эскадру, он вышел на пароходофрегате «Одесса», взяв с собою «Крым» и «Херсонес». В разгар сражения отряд пароходов огибал полуостров, за которым скрывалась Синопская бухта. Корнилов устремился в погоню за уходившим из Синопа пароходом «Таиф», приказав двум остальным атаковать неприятеля, поставив его в два огня. Однако ядра второго пароходофрегата «Крым» не достигали цели. Тем более не имело смысла стрелять Штофрегену. После прекращения погони пароходы

¹ ОМС. Ч. XII. С. 371—372.

² Там же. С. 372—373.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 224.

⁴ Там же. С. 763.

⁵ ОМС. Ч. XII. С. 373.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 262.

использовали, чтобы отвести корабли от берега и осмотреть турецкие фрегаты. После того как поврежденные корабли были подремонтированы, «Херсонес» с другими пароходофрегатами выводил их из бухты в море и сопровождал до Севастополя¹. Офицеров корабля представили к награде. В представлении Штофрегена к ордену Св. Анны II степени было записано: «За храбрость во время сражения с неприятельским пароходом, за содействие при окончательном истреблении неприятельских судов и за деятельность при выводе своих поврежденных кораблей в море»².

После Синопского сражения Штофрегена за отличие произвели 18 ноября в капитаны 2-го ранга. В 1854 году моряк продолжал командовать «Херсонесом». 5 марта ему было объявлено Монаршее благоволение за успешное снятие гарнизонов Кавказской береговой линии. Морякам пришлось уничтожить укрепления в виду английских и французских пароходов³.

14 марта 1854 года Штофрегена командировали в Бельгию. Ему следовало заказать ударные драгунские ружья для флотских команд. Возвратился он уже в ноябре⁴. 22 апреля 1854 года Корнилов писал Н.Ф. Метлину: «...Насчет ружей не знаю что будем делать; за что мы наградим Штофрегена такими огромными деньгами...»⁵

После возвращения с 26 ноября 1854 года по 15 сентября 1855 года Штофреген состоял в гарнизоне Николаева и командовал береговой батареей № 2. 15 сентября 1855 года его командировали на завод Шепелева для заказа пароходных машин, и вернулся он в декабре того же года. 5 января 1856 года капитана 2-го ранга назначили начальником 2-го отделения оборонительной линии Северной стороны Севастополя. 26 августа его произвели в капитаны 1-го ранга с назначением командиром 31-го флотского экипажа. Так как Парижский мирный договор запретил России содержать крупные боевые корабли на Черном море, достроенные после войны винтовые корабли «Синоп» и «Цесаревич» требовалось перевести на Балтику. В 1858—1859 годах, командуя «Цесаревичем», Штофреген перевел его из Николаева в Кронштадт⁶. В 1—8-м номерах журнала «Морской сборник» за 1859 год были опубликованы его донесения с перехода.

В 1859 году Штофрегена наградили орденом Св. Анны II степени с императорской короной. 14 июля его назначили командиром 9-го флот-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 314—315.

² Там же. С. 351.

³ ОМС. Ч. XII. С. 373.

⁴ Там же.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 242.

⁶ ОМС. Ч. XII. С. 373.

ского экипажа и командиром винтового корабля «Цесаревич». В 1861—1863 годах моряк командовал фрегатом «Генерал-адмирал», перевел его на Средиземное море и плавал по портам. В 1862 году за 18 морских кампаний его наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом. 3 января 1863 года Штофрегена назначили командиром 4-го флотского экипажа. В том же году его наградили орденом Св. Владимира III степени. Он получил также португальский орден Христа. 11 сентября моряка назначили членом комиссии для критического разбора заграничных плаваний наших судов, с причислением к 8-му флотскому экипажу. 10 января 1864 года Штофрегена определили начальником Рижского таможенного округа с оставлением в морском звании и по флоту. 2 сентября его произвели в контр-адмиралы. Он получил крест за службу на Кавказе. 2 июня 1866 года Штофрегена Министерство финансов командировало на берега Балтийского моря для разработки предположений о преобразовании пограничного надзора. 3 сентября он был командирован в Англию и Францию для изучения на практике системы охранения берегов. В 1867 году Штофрегена наградили орденом Св. Станислава I степени. 9 октября 1870 года моряка назначили начальником Одесского таможенного округа, 16 сентября 1872 года — начальником Феодосийского таможенного округа. Скончался Кондратий Кондратьевич Штофреген 5 декабря 1873 года¹.

¹ ОМС. Ч. XII. С. 374.

ОФИЦЕРЫ СИНОПА

АРИЩЕНКО ПЕТР ИВАНОВИЧ

26 апреля 1840 года Петра Арищенко произвели в гардемарины Черноморского флота. В 1840—1844 годах на кораблях «Трех Иерархов», «Варшава» и «Султан Махмуд» юноша крейсировал у восточных берегов Черного моря. 1 февраля 1844 года его произвели в юнкера, 7 апреля — в мичманы с назначением на Балтийский флот. На брандвахтенном фрегате «Ольга» Арищенко находился в кампании на Кронштадтском рейде, затем на корабле «Великий князь Михаил» крейсировал у датских берегов, а в 1847 году — у берегов Швеции. В 1849 году его перевели на Черноморский флот. В 1850 году на пароходофрегате «Бессарабия» моряк ходил из Николаева в Новороссийск, оттуда на фрегате «Флора» прибыл в Севастополь, в 1851 году на фрегате «Кулевчи» крейсировал у абхазских берегов. 30 марта 1852 года его произвели в лейтенанты. В 1852-м и 1853 годах на «Кулевчи» лейтенант плавал с десантными войсками между Севастополем и Одессой и крейсировал у Босфора¹. На фрегате «Кулевчи» он участвовал в Синопском сражении и за точное исполнение возложенных обязанностей был представлен к Монаршему благоволению².

В 1854 году Арищенко состоял в экипаже «Кулевчи» на Севастопольском рейде; с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года лейтенант участвовал в обороне Севастополя, был награжден орденом Св. Анны III степени с бантом и Св. Станислава II степени с мечами. В 1856 году на винтовом корвете «Рысь» он плавал в Финском заливе. 4 декабря моряка уволили для службы на коммерческих судах. 1 января 1862 года его произвели в капитан-лейтенанты. В том же году он был награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом. 1 января 1870 года Арищенко

---

¹ ОМС. Ч. IX. С. 110—111.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 345.

произвели в капитаны 2-го ранга. В том же году он был пожалован персидским орденом Льва и Солнца. 1 января 1873 года моряка произвели в капитаны 1-го ранга, 16 марта 1874 года зачислили на действительную службу, в Каспийский экипаж, а 26 июня — по резервному флоту. 16 января 1878 года Арищенко произвели в генерал-майоры с увольнением от службы¹.

БАНКОВ ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

18 мая 1840 года Евгений Банков стал гардемаринном Черноморского флота. В 1840—1842 годах на корвете «Пендераклия» и фрегате «Браилов» юный моряк крейсировал по Черному морю. 25 июня 1843 года его произвели в мичманы с назначением на Балтийский флот. В 1844 году на брандвахтенном фрегате «Ольга» Банков состоял в кампании на Кронштадтском рейде, в 1845 году на транспорте «Америка» ходил по портам Балтийского моря. В 1846-м и 1847 годах на фрегате «Король Нидерландский» мичман плавал по Балтике и Финскому заливу, после чего был возвращен на Черное море. В 1848—1849 годах на корабле «Силистрия» молодой моряк плавал с десантными войсками между Севастополем и Одессой, потом на шхуне «Смелая» крейсировал у берегов Кавказа. 25 апреля 1850 года его произвели в лейтенанты. В 1850-м и 1851 годах на корабле «Силистрия» и корвете «Калипсо» лейтенант вновь крейсировал у восточных берегов Черного моря, в 1852 году на корвете «Калипсо» плавал между Севастополем и Одессой².

В 1853 году лейтенантом на корабле «Великий князь Константин» моряк участвовал в Синопском сражении и командовал деком. Нахимов представил Евгения Банкова к ордену Св. Владимира IV степени с бантом «за отличную храбрость и распорядительность во время боя...»³. Моряка наградили этим орденом и годовым окладом жалованья⁴.

С 13 сентября 1854 года по 27 мая 1855 года Банков состоял в гарнизоне Севастополя, находился на 3-м бастионе, был ранен в голову и контужен в бедро. За отличие при обороне Севастополя 1854—1855 годов его наградили золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденами Св. Анны III степени с бантом, Св. Анны II степени с мечами. В 1855 году Банков командовал пароходом «Петр Великий» на Спасском рейде при Николаеве. В 1856 году он водил пароход из Николаева в Одессу и

¹ ОМС. Ч. IX. С. 111—112.

² Там же. С. 166.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 338.

⁴ ОМС. Ч. IX. С. 166.

Измаил, в 1858 году командовал брандвахтенным тендером «Орианда» на Очаковском рейде, в 1859 году — брандвахтенной шхуной «Аюдаг». В том же году командиром шхуны «Дон» Банков плавал по портам Черного моря; 8 сентября его произвели в капитан-лейтенанты. Моряк продолжал командовать шхуной в 1860—1866 годах. В 1863 году его наградили орденом Св. Станислава II степени, в 1864 году за отличную перевозку десантных войск при покорении западного Кавказа Банков получил орден Св. Анны II степени с императорской короной. 1 января 1866 года он стал капитаном 2-го ранга¹.

В 1867 году моряка назначили в Черноморский экипаж. В 1867—1868 годах он командовал винтовой шхуной «Богатырь» в Архипелаге и был в 1868 году награжден греческим орденом Спасителя. В 1869—1871 годах Банков командовал той же шхуной в Черном море. 1 января 1870 года его произвели в капитаны 1-го ранга. В 1872—1873 годах Банков состоял председателем экипажного суда. 29 ноября 1874 года капитана 1-го ранга назначили инспектором Николаевского девичьего училища. В 1875 году он на винтовом корвете «Сокол» флаг-капитаном находился при начальнике отряда судов Черноморского флота вице-адмирале Рудневе в плавании по Черному морю. 21 апреля 1877 года его произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы².

БЕЛКИН МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Михаил Белкин родился в 1825 году³. 30 января 1839 года он поступил в Морской корпус кадетом, 26 февраля 1842 года стал гардемаринном. В 1842—1844 годах молодой моряк крейсировал в Финском заливе на фрегатах «Амфитрида», «Ольга» и «Прозерпина». 9 августа 1844 года его произвели в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1845—1852 годах Белкин на бриге «Эндимион» и корабле «Чесма» крейсировал у берегов Абхазии. В 1849 году его наградили орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» за участие при сожжении у мыса Вардан судна контрабандистов, 23 апреля 1850 года произвели в лейтенанты⁴.

В 1853 году на корабле «Чесма» Белкин участвовал в Синопском сражении, в бою командовал деком. Представляя группу офицеров корабля к награде, Нахимов указал: «За отличную храбрость и распоря-

¹ ОМС. Ч. IX. С. 166—167.

² Там же. С. 167.

³ Маслеников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 257.

⁴ ОМС. Ч. IX. С. 374.

дительность во время боя при метком и быстром действии их деков»¹. Моряка наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом и годовым окладом жалованья².

В 1854 году лейтенант на бриге «Эней» находился в Севастополе, затем на пароходофрегате «Громоносец» участвовал в перестрелке с двумя английскими и французским пароходофрегатами. С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года Белкин состоял в гарнизоне Севастополя. Он командовал люнетом (который так и именovali «люнет Белкина») на 1-м отделении оборонительной линии³.

Моряк отличился и на суше. По решению думы георгиевских кавалеров от 15 ноября 1854 года лейтенант был утвержден одним из кандидатов на награждение орденом Св. Георгия IV степени. Правый люнет под его командованием, расположенный у бастиона № 5, вместе с другими укреплениями подавил неприятельскую батарею при бомбардировке 5 октября. В решении думы записано: «Все эти гг. офицеры своим хладнокровием заставили всех обратить на себя особенное внимание; переходя от одного орудия к другому, они поправляли коммандоров в направлении орудий и в несколько часов заставили замолчать батарею, по окончании боя она представляла собою развалы, и тем заставили молчать батарею более суток. Г. командующий дистанциею не находит слов, чтобы выразить то ревностное усердие, с которым они поправляли все случившиеся повреждения, будучи осыпaeмы градом ядер и бомб; их присутствие духа во все время бомбардирования давало хороший пример подчиненным»⁴.

Кроме ордена Св. Георгия IV степени, за оборону Севастополя Белкина наградили орденами Св. Анны II степени и Св. Станислава II степени с мечами и императорской короной⁵.

В 1856 году, командуя тендером «Копчик», лейтенант Балтийского флота плавал по Финскому заливу и был награжден орденом Св. Анны II степени с императорской короной. 11 июня 1857 года его уволили от службы с чином капитан-лейтенанта. 31 марта 1880 года Белкина вновь приняли на службу лейтенантом. 19 мая его назначили начальником военно-исправительной тюрьмы морского ведомства в Петербурге с производством в капитан-лейтенанты и зачислением по флоту. 15 мая 1883 года моряка произвели в капитаны 2-го ранга, 15 июля 1885 года зачислили по флоту⁶. В 1886 году моряк стал членом комите-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 340.

² ОМС. Ч. IX. С. 374—375.

³ Там же. С. 375.

⁴ П.С.Нахимов. Документы и материалы. С. 436—437.

⁵ ОМС. Ч. IX. С. 375.

⁶ Там же.

та Добровольного флота¹ и состоял членом этого комитета и в 80-х, и в 90-х годах².

Белкина произвели в контр-адмиралы в 1904 году. Скончался герой Синопа и Севастополя в 1909 году³. Его имя носит мыс (Йосандан) в Японском море на полуострове Корея, обследованный и названный экипажем клипера «Крейсер» в 1886 году⁴.

БИРИЛЕВ (БИРЮЛЕВ) НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Николай Бирилев родился 9 декабря 1829 года⁵. 5 августа 1845 года он был произведен в гардемарины Черноморского флота, 14 августа 1847 года — в мичманы. В 1848—1850 годах молодой офицер на фрегате «Кагул» и корабле «Селафайл» крейсировал по Черному морю и на пароходе «Боец» ходил по укреплениям Черноморской береговой линии до Керчи. В 1851 году на пароходе «Эльбурс» мичман ходил по крымским и кавказским портам, на фрегате «Кагул» плавал с десантными войсками между Севастополем и Одессой, крейсировал у восточных берегов Черного моря, после чего Бирилева командировали в Москву. Моряку следовало заниматься исполнением заказов для пароходов Новороссийского края. В 1852 году он вновь на корвете «Пилад» крейсировал у берегов Кавказа. В числе охотников (добровольцев) лихой офицер состоял в береговом отряде, посланном для усмирения горских племен, не раз участвовал в перестрелках с горцами. 19 апреля 1853 года его произвели в лейтенанты. Моряк на кораблях «Ягудийл», «Великий князь Константин» и «Двенадцать Апостолов» крейсировал по Черному морю⁶.

В 1853 году Бирилев участвовал в Синопском сражении на пароходофрегате «Крым». Он состоял флаг-офицером при контр-адмирале А.И. Панфилове и был представлен к ордену Св. Анны III степени с бантом за то, что «с отличным присутствием духа и точностью» исполнял приказы контр-адмирала⁷.

Моряка наградили орденом Св. Анны III степени с мечами и назначили адъютантом командира 1-й бригады 4-й флотской дивизии. В 1854 году на пароходофрегате «Крым» он выходил в море для наблюдения за флотом противника, 3 июля участвовал с отрядом из шести пароходо-

¹ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 257.

² ОМС. Ч. IX. С. 375.

³ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 257.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. I. С. 216.

⁶ ОМС. Ч. IX. С. 234—235.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 347.

фрегатов в перестрелке с тремя неприятельскими. Затем Бирилев состоял в экипаже корабля «Ягудиил» на Севастопольском рейде. 9 сентября 1854 года лейтенант поступил в состав гарнизона Севастополя и был назначен заведовать аванпостами перед 3-м бастионом. Каждую ночь с 25 казаками он выезжал за городскую черту и участвовал в кавалерийских боях с неприятельскими разъездами¹.

Наиболее примечательной деятельностью Бирилева стала после начала осады. Во время обороны Севастополя офицер командовал отрядом охотников, прикрывавших подступы к 3-му бастиону, не раз совершал дерзкие вылазки против неприятеля. Например, в ночь на 9 декабря с полутора сотнями охотников он организовал вылазку на Зеленую гору, овладел первой параллелью и удерживал ее до утра, а при отступлении захватил с собой 2 офицеров, 20 рядовых пленными, много оружия и до 500 штук шанцевого инструмента; за эту вылазку его наградили золотой саблей с надписью «За храбрость»².

В ночь на 19 декабря Бирилев с 120 охотниками выбил французов, укреплявшихся на высоте Резня, и взял 10 пленным, потеряв 1 человека убитым. В ночь на 1 января была организована атака отряда лейтенанта Астапова на позиции англичан и отряда из 200 добровольцев лейтенанта Бирилева на французские позиции. Атаки провели успешно. Охотники Бирилева, несмотря на сопротивление противника, захватили и заклепали 4 мортиры, разорили батарею и отошли с 3 пленными, потеряв 4 убитых и 16 раненых нижних чинов³. В ночь на 20 января 1855 года с отрядом из 275 человек охотников и 80 рабочих Бирилев вновь атаковал гору Резня, взял и разрушил неприятельские укрепления и построил свое, в котором держался до утра. В плен были взяты 7 офицеров и 20 рядовых⁴.

5 февраля 1855 года походная кавалерственная дума ордена Св. Георгия рассмотрела представление адъютанта 1-й бригады 4-й флотской дивизии Бирилева к ордену Св. Георгия IV степени и признала его достойным ордена. В решении, подписанном П.С. Нахимовым, было записано: «Подвиги лейтенанта Бирюлева заключаются в следующем: С первого начала военных действий офицер этот отличился особым мужеством, особенно же 9 и 20 декабря 1854 г. и 1 января 1855 г. при трех вылазках, в которых взято в плен 3 офицера и 53 рядовых и много побито неприятеля. Всегда командовал охотниками и, всегда будучи впереди, первый бросался в неприятельские траншеи; увлекал людей к неустрашимости

¹ ОМС. Ч. IX. С. 235; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 729.

² ОМС. Ч. IX. С. 235.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 357—358.

⁴ ОМС. Ч. IX. С. 235—236.

и обращал неприятеля в бегство. Сверх сего, ночью с 19 на 20 декабря 1854 г. (новый год неприятеля) вызвался со 100 чел. охотников, бросился на высоту против батарей на бульваре... штыками выбил оттуда французов, разорил их работы и устроил на том самом месте завалы, в которых под его наблюдением наши штуцерные держатся и доселе»¹.

За храбрость офицера наградили орденами Св. Георгия IV степени и Св. Владимира IV степени с мечами².

В ночь на 1 марта 80 охотников-матросов и 60 штуцерных Охотского полка под командованием лейтенантов Бирилева, Астапова и мичмана Макшеева ворвались в укрепления, которые французы строили напротив 3-го бастиона, разорили часть траншеи и вынесли оттуда более сотни туров³. В ночь на 11 марта Бирилев командовал отрядом из 750 человек с тремя ротами Охотского полка в резерве, который составлял правый фланг большой вылазки под руководством генерал-лейтенанта Хрулева. Его отряд атаковал и взял правую параллель на Зеленой горе со всеми батареями. Были заклепаны восемь 36-фунтовых пушкострел, срыта до основания батарея в десять орудий, взяты в плен начальник инженерных работ, офицер и 25 рядовых. За вылазку офицер получил орден Св. Анны II степени с мечами. 14 марта Бирилева послали курьером с письмами от князя М.Д. Горчакова в столицу, к Императору. 23 марта его произвели за отличие в капитан-лейтенанты с назначением флигель-адъютантом и к Гвардейскому экипажу⁴.

Моряк не остался в Санкт-Петербурге. Он вернулся в Севастополь. 6 мая во время подготовки новой вылазки с 5-го бастиона на Кладбищенскую высоту при рекогносцировке он был контужен пулей в голову. Героя отправили на лечение в Висбаден, а по возвращении причислили к свите Императора. В 1856—1857 годах, командуя яхтой «Королева Виктория», моряк плавал по портам Финского залива; в 1856 году в Москве он участвовал в короновании Императора Александра II. В 1858 году старшим офицером корабля «Выборг» капитан-лейтенант ходил по Финскому заливу⁵.

В 1859—1863 годах Бирилев совершил кругосветное плавание, командуя винтовым корветом «Посадник» и начальствуя отрядом из двух судов. Он выступил из Кронштадта, прибыл к берегам Амура, плавал у берегов Японии и вернулся на Балтику. 1 января 1862 года его произвели в капитаны 2-го ранга, а 29 июля 1863 года — в капитаны 1-го ранга.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 455—456.

² ОМС. Ч. IX. С. 236.

³ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 376.

⁴ ОМС. Ч. IX. С. 236.

⁵ Горев А. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. С. 401; ОМС. Ч. IX. С. 236—237.

В 1863—1865 годах командиром винтового фрегата «Олег» Бирилев перешел из Кронштадта в Пирей и затем плавал на Средиземном море в эскадре контр-адмирала С.С. Лесовского. В 1864 году ему пожаловали крест за службу на Кавказе. В 1865 году моряка наградили орденами: Св. Владимира III степени с мечами, греческим Спасителя и гессен-дармштадтским Филиппа Великодушного. 15 апреля 1868 года капитана 1-го ранга уволили в отпуск до выздоровления. 1 января 1872 года его произвели за отличие в контр-адмиралы, с назначением в свиту Императора и с оставлением по Гвардейскому экипажу¹.

Скончался Бирилев 24 мая 1882 года и похоронен в Новодевичьем монастыре Санкт-Петербурга². Его именем назван остров (Тэгудо) в Японском море у Корейского полуострова, обследованный и названный в 1886 году экипажем клипера «Крейсер»³.

БУРХАНОВСКИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Василий Бурхановский родился в 1817 году⁴. 10 апреля 1833 года он поступил в Морской корпус кадетом, 4 января 1835 года был произведен в гардемарины. В 1835-м и 1836 годах юноша плавал на корабле «Орел» от Кронштадта до Данцига, потом на кораблях «Бородино», «Императрица Александра» и «Память Азова» крейсировал на Балтике. 23 декабря 1836 года, после окончания Морского корпуса, его произвели в мичманы и назначили на Черноморский флот. В 1837—1841 годах моряк на фрегате «Тенедос», тендере «Спешный», кораблях «Султан Махмуд», «Анапа» и «Гавриил» крейсировал у берегов Абхазии. 19 апреля 1842 года его произвели в лейтенанты. В 1842 году на фрегате «Месемвриа» Бурхановский плавал с десантными войсками между Одессой и Севастополем, в 1843-м и 1844 годах на бомбардирском судне «Перун» ходил по черноморским портам, в 1845—1847 годах находился при Николаевском порте, в 1848—1850 годах на корабле «Святослав» и корвете «Орест» крейсировал по Черному морю. 10 октября 1851 года моряка назначили старшим адъютантом командира Севастопольского порта. В 1853 году на корабле «Три Святителя» Бурхановский в должности старшего офицера крейсировал у восточного берега Черного моря⁵.

18 ноября 1853 года в Синопском сражении Бурхановский участвовал старшим адъютантом контр-адмирала Ф.М. Новосильского на борту

¹ ОМС. Ч. IX. С. 237.

² Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. 1. С. 216.

³ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 41.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 730.

⁵ ОМС. Ч. IX. С. 326—327.

корабля «Париж». Представлен он был к ордену Св. Владимира IV степени за то, что постоянно находился при своем флагмане и передавал его приказы быстро и точно с отличным хладнокровием¹. Лейтенанта наградили этим орденом с мечами. 3 февраля 1854 года его произвели за отличие в капитан-лейтенанты со старшинством от 18 ноября 1853 года².

В 1854 году капитан-лейтенант сначала оставался на корабле «Париж», затем состоял в гарнизоне на 4-м бастионе. 8 октября его контузило осколком бомбы. Моряка наградили золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1855 году за 25 лет в офицерских чинах он получил орден Св. Георгия IV степени. В 1856 году Бурхановский служил на Балтийском флоте: командуя винтовой канонерской лодкой «Роса», он плавал между Петербургом и Кронштадтом. 30 апреля его уволили для службы на торговых судах. 12 мая 1858 года капитан-лейтенанта зачислили на действительную службу, но 14 июля 1859 года уволили с чином капитана 2-го ранга. 31 января 1872 года Бурхановский вновь поступил на службу с назначением в Черноморский флот. В 1873 году его назначили заведовать судами, отчисленными к Николаевскому порту. 1 января 1876 года моряка произвели в капитаны 1-го ранга, 24 апреля 1877 года назначили экипажмейстером Кронштадтского порта. 15 июля 1885 года Бурхановского произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы. Скончался он в 1886 году³.

ВАЛЬД АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

28 марта 1851 года Александр Вальд поступил на службу юнкером в Балтийский флот; 6 мая 1853 года его произвели в мичманы с назначением в Черноморский флот⁴. На корабле «Императрица Мария» Вальд участвовал в Синопском сражении и был представлен Нахимовым к ордену Св. Анны IV степени за «быстрое выполнение обязанностей и отличное присутствие духа»⁵. Моряк был награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». 18 декабря его произвели за отличие в лейтенанты со старшинством от 18 ноября 1853 года⁶.

В 1854 году на корабле «Императрица Мария» лейтенант оставался на рейде Севастополя. Затем с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года он состоял в гарнизоне, в 1854—1855 годах за храбрость при

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 332.

² ОМС. Ч. IX. С. 237.

³ Там же. С. 327; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 730.

⁴ ОМС. Ч. IX. С. 390.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 330.

⁶ ОМС. Ч. IX. С. 390.

обороне Севастополя был награжден орденами Св. Анны III степени с мечами, Св. Владимира IV степени с мечами, Св. Станислава II степени с мечами¹.

В 1856 году старшим офицером винтового корвета «Удав» Вальд плавал в Финском заливе, в 1857—1860 годах на «Удаве» совершил переход из Кронштадта в Николаев и плавал по портам Черного моря. В 1860 году его перевели в Сибирскую флотилию. В 1860—1862 годах на пароходе «Лена» и транспорте «Манджур» он плавал по Амуру и Татарскому проливу. В 1862 году моряка возвратили на Черноморскую флотилию. В 1862-м и 1863 годах на корвете «Удав» он крейсировал у восточного побережья. 1 января 1863 года Вальда произвели в капитан-лейтенанты. Ежегодно в 1864-м и 1865 годах он командовал транспортом «Днестр», в 1867—1871 годах — шхуной «Эльбурс» в плаваниях по Черному морю. 1 января 1871 года Вальда произвели в капитаны 2-го ранга с переводом на Балтийский флот. На мониторе «Броненосец» и броненосном крейсере «Князь Пожарский» он плавал в Финском заливе. 23 августа 1872 года моряка уволили для службы на коммерческих судах. 1 января 1875 года его произвели в капитаны 1-го ранга. До 1877 года Вальд плавал на торговых судах. 16 апреля 1877 года его зачислили на действительную службу. 28 апреля 1880 года А.И. Вальда произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы².

Скончался Вальд в 1886 году³. Его имя носит остров в Японском море, в заливе Петра Великого, нанесенный на карту в 1859—1862 годах и тогда же названный в честь лейтенанта транспорта «Манджур» А.И. Вальда⁴.

ГАВРИШЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Николай Гавришев 1 июля 1836 года поступил учеником в Черноморскую штурманскую роту, 15 сентября 1838 года был произведен в гардемарины. В 1838—1841 годах на шлюпе «Диана», кораблях «Султан Махмуд» и «Варшава» юноша крейсировал у абхазских берегов. 19 апреля 1842 года его произвели в мичманы со старшинством от 8 января и назначением в Балтийский флот. В 1842-м и 1843 годах на фрегате «Ольга» моряк крейсировал в Балтийском море, на транспортах «Америка» и «Тверца» ходил по портам Финского залива, в 1844 году на фрегате «Паллада» плавал в Балтийском море. В том же году мичмана вновь перевели на Черноморский флот. В 1845—1849 годах на кораб-

¹ ОМС. Ч. IX. С. 390.

² Там же. С. 390—391.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 730.

⁴ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 51.

лях «Силистрия», «Ягудиил», «Двенадцать Апостолов», фрегате «Брайлов», корвете «Калипсо», бригах «Аргонавт» и «Орфей», шхуне «Смелая» он крейсировал в Черном море. 23 марта 1847 года его произвели в лейтенанты. В 1850-м и 1851 годах на бриге «Персей» моряк перешел из Одессы в Архипелаг и Средиземное море и обратно, в 1852 году на бриге «Аргонавт» крейсировал у берегов Кавказа¹.

В 1853 году Гавришев служил на корабле «Великий князь Константин» и на нем участвовал в Синопском сражении². В бою лейтенант командовал деком. «За отличную храбрость и распорядительность во время боя, при быстром и метком действии» дека Нахимов представил моряка к ордену Св. Владимира IV степени с бантом. До того он наград не имел³. Моряка за Синопское сражение наградили орденом Св. Владимира IV степени с мечами и годовым окладом жалованья. В 1854 году на корабле «Великий князь Константин» лейтенант оставался на рейде Севастополя. 6 декабря 1854 года за отличие его произвели в капитан-лейтенанты⁴.

С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года Гавришев состоял в гарнизоне и участвовал в обороне Севастополя, был награжден орденом Св. Станислава II степени с мечами⁵.

После войны Гавришев командовал пароходом «Тамань», в 1856 году ходил из Николаева в Одессу и Константинополь, в 1857 году по Бугу и Днепровскому лиману, по портам Черного моря. В 1858—1860 годах капитан-лейтенант командовал винтовым корветом «Удав» у берегов Кавказа. В 1860 году его назначили в 3-й сводный Черноморский экипаж. В 1861 году Гавришева наградили орденом Св. Анны II степени, 5 декабря назначили начальником учебной артиллерийской команды Черноморской флотилии. 1 января 1862 года его произвели в капитаны 2-го ранга. В 1863—1866 годах моряк командовал отрядом судов при Сухумской морской станции; плавая у абхазских берегов, он поднимал брейд-вымпел последовательно на корветах «Ястреб», «Сокол», «Волк», «Вепрь» и шхуне «Соук-Су». 18 ноября 1863 года моряка назначили начальником Сухумской морской станции, 1 января 1866 года произвели в капитаны 1-го ранга. В 1867 году Гавришева причислили к Черноморскому экипажу с отчислением от должности. Его наградили орденом Св. Владимира III степени за отличие при усмирении Абхазии. В 1869—1876 годах капитан 1-го ранга состоял членом военно-судной комиссии при Николаевском порте. В 1873 году его зачислили в состав

¹ ОМС. Ч. IX. С. 532—533.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 732.

³ Там же. С. 338.

⁴ ОМС. Ч. IX. С. 533.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 732; ОМС. Ч. IX. С. 533.

1-го Черноморского флотского экипажа. 27 сентября 1878 года моряка произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

Скончался Н.И. Гавришев в 1898 году².

ГУСЕВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ

18 марта 1843 года Павел Гусев стал гардемаринном Черноморского флота. 1 февраля 1844 года его переименовали в юнкера. В 1843—1845 годах на кораблях «Двенадцать Апостолов», «Селафаил» и «Султан Махмуд» юноша крейсировал у восточных берегов Черного моря. 23 марта 1847 года его произвели в мичманы с переводом в Балтийский флот. На корабле «Лефорт» мичман крейсировал в Северном море, в 1848—1849 годах на транспорте «Регул» ходил по портам Финского залива. В 1850 году моряка вернули на Черноморский флот. В 1850-м и 1851 годах он на транспорте «Днепр», «Кинбурн» и «Инкерман» ходил по черноморским портам. В 1852 году Гусев на корабле «Чесма» и тендере «Проворный» плавал у берегов Кавказа. 19 апреля 1853 года его произвели в лейтенанты. На корабле «Чесма» и бриге «Эндимион» офицер плавал по Черному морю³.

В 1853 году лейтенантом на корабле «Ростислав» Гусев участвовал в Синопском сражении. «За примерную личную храбрость и точное выполнение обязанностей» он был представлен к ордену Св. Анны III степени с бантом. Ранее наград лейтенант не имел⁴. Испрашиваемую награду вместе с годовым жалованьем моряк и получил⁵.

С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года П.Н. Гусев состоял в гарнизоне Севастополя на батарее № 6, был контужен в голову и левый глаз. Был награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом и Св. Станислава II степени с императорской короной и мечами. В 1859 году лейтенант на винтовой лодке «Каласури» плавал по Черному морю. В 1860 году его перевели в Каспийскую флотилию; на пароходе «Ленкорань» моряк ходил по каспийским портам, в 1861 году на транспорте «Калмык» — по Волге. В 1862—1866 годах, командуя транспортом «Астрабад», лейтенант плавал по персидским портам. 1 января 1863 года его произвели в капитан-лейтенанты. В 1866 году Гусев командовал винтовой шхуной «Персиянин», состоял у промеров в Каспийском море и в распоряжении начальника Астрабадской стан-

¹ ОМС. Ч. IX. С. 533—534.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 732.

³ ОМС. Ч. IX. С. 669.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 342.

⁵ ОМС. Ч. IX. С. 669.

ции. В 1867 году с той же шхуны он высадил десант на Серебряный бугор для усмирения туркмен. В 1868 году на той же шхуне моряк продолжил промеры, в 1869—1871 годах командовал на Каспийском море винтовой канонерской лодкой «Тюлень». 1 января 1871 года его произвели в капитаны 2-го ранга, в 1873 году наградили орденом Св. Анны II степени и пожаловали персидский орден Льва и Солнца II степени. 1 января 1875 года Гусева произвели в капитаны 1-го ранга и назначили командиром шхуны «Лоцман». В 1877 году он временно командовал пароходом «Наср-Эдин-шах», в 1877—1879 годах — снова шхуной «Лоцман», в 1880—1883 годах — пароходом «Баку». В 1880 году его пожаловали подарком по чину. 3 июня 1885 года моряка произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

ДОЛГОВ АЛЕКСЕЙ ИОНОВИЧ

Алексей Долгов 19 апреля 1838 года поступил в морскую роту Александровского корпуса, 21 февраля тем же званием был переведен в Морской корпус. 15 августа 1848 года его произвели в гардемарины, а 9 августа 1850 года — в мичманы с переводом на Черноморский флот. В 1851-м и 1852 годах он на фрегате «Кулевчи», бриге «Неарк» и шхуне «Смелая» крейсировал у берегов Кавказа². В 1853 году мичманом на фрегате «Кулевчи» Долгов крейсировал у Босфора и участвовал в Синопском сражении. «За отличное исполнение обязанностей» его представили к ордену Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». Ранее орденов Долгов не имел³. Моряк был произведен в лейтенанты и награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»⁴.

31 марта 1854 года лейтенант участвовал в перестрелке с английским пароходом «Сириус». С 13 сентября 1854 года по 12 июля 1855 года он состоял в гарнизоне Севастополя на Малаховом кургане. 3 октября 1854 года при вылазке из города в английские траншеи лейтенант получил ранение саблей в указательный палец левой руки и штыком в бок. 24 мая 1855 года он был контужен при взрыве бомбы и ранен камнем в подбородок, 10 октября 1855 года на Северной стороне сражался в качестве офицера батареи № 13 — и вновь был контужен бомбой. За оборону Севастополя Долгова наградили орденами Св. Анны III степени и Св. Станислава II степени с мечами⁵.

¹ ОМС. Ч. IX. С. 669—670.

² Там же. Ч. X. С. 60.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 345.

⁴ ОМС. Ч. X. С. 60.

⁵ Там же.

В 1856 году лейтенанта перевели на Балтийский флот. На винтовом корвете «Рысь» он перешел из Кронштадта в Николаев и плавал у восточных берегов Черного моря. В 1858—1859 годах на корабле «Синоп» Долгов перешел из Николаева в Кронштадт. В 1860 году офицера перевели в Каспийскую флотилию. На пароходе «Астрахань» он ходил по каспийским портам, в 1862 году командовал винтовым барказом «Смелый» на Астрабадской станции. 1 января 1863 года Долгова произвели в капитан-лейтенанты и прикомандировали к Морскому корпусу на правах раненых. В 1865 году за выслугу 25 лет в офицерских чинах его наградили орденом Св. Владимира IV степени, 1 января 1871 года произвели в капитаны 2-го ранга, 1 января 1875 года — в капитаны 1-го ранга. 1 января 1882 года моряка произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

ЖАНДР АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Александр Жандр, видный морской историк, родился 14 августа 1825 года². 12 апреля 1841 года он поступил в Морской корпус кадетом, 26 февраля 1842 года стал гардемаринном; 9 августа 1844 года по окончании Морского корпуса юношу произвели в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1845-м и 1846 годах на корабле «Двенадцать Апостолов» и корвете «Ифигения» молодой моряк крейсировал у абхазских берегов, затем на шхуне «Вестник» плавал по Бугу и Черному морю. В 1846—1847 годах на шхуне «Вестник» он из Одессы перешел в Константинополь, далее в Архипелаг; на обратном пути, у Тарханкута, шхуна потерпела крушение. Жандр поступил на брандвахтенный бриг «Телемак», стоявший в кампанию на Севастопольском рейде. В 1848 году он вновь крейсировал на «Двенадцати Апостолах» у берегов Кавказа. В 1849—1852 годах Жандр состоял флаг-офицером при В.А. Корнилове. На фрегатах «Флора», «Коварна», «Кулевчи», кораблях «Двенадцать Апостолов» и «Святослав», брига «Орфей» он сопровождал контр-адмирала в плаваниях у берегов Абхазии. 21 декабря 1849 года моряка произвели в лейтенанты, 11 августа 1850 года назначили состоять по особым поручениям при начальнике штаба Черноморского флота и портов. В 1852 году его наградили орденом Св. Анны III степени³.

В 1853 году Жандр состоял по особым поручениям при В.А. Корнилове, сопровождал начальника штаба флота на пароходофрегате «Вла-

¹ ОМС. Ч. X. С. 61.

² Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. II. С. 145.

³ ОМС. Ч. X. С. 115—116.

димир», корабле «Двенадцать Апостолов» и пароходе «Дунай» в плаваниях по Черному морю. Вместе с ним лейтенант находился на борту пароходофрегата «Одесса» в день Синопского сражения и участвовал в погоне за «Таифом», а затем на пароходофрегате «Громоносец» вернулся в Севастополь¹.

В.А. Корнилов в рапорте Меншикову среди других отличившихся офицеров, выполнявших его поручения под ядрами взрывавшихся турецких судов, отметил достойным награды и Жандра². П.С. Нахимов представил Александра Жандра к награждению орденом Св. Владимира IV степени «за отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей, примерное присутствие духа и храбрость»³. В 1853 году за бой с турецким пароходом «Таиф» Жандра наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом. После боя на корабле «Великий князь Константин» он крейсировал у восточного берега Черного моря⁴.

В 1854 году лейтенант оставался на том же корабле на Севастопольском рейде, затем заведовал береговыми телеграфами, устроенными в окрестностях города для наблюдения за неприятелем. С 15 сентября 1854 года он состоял в гарнизоне Севастополя для особых поручений при В.А. Корнилове, а после его смерти — при канцелярии главнокомандующего военно-сухопутными и морскими силами в Крыму А.С. Меншикова. 6 декабря 1854 года его произвели за отличие в капитан-лейтенанты. По поручению Корнилова Жандр составил и напечатал: таблицы расписания нижних чинов для судов всех рангов Черноморского флота, таблицы расписания офицеров на судах первых трех рангов, дневные и ночные сигналы для гребных судов, батарей и телеграфов на время севастопольской обороны и две таблицы доходов и расходов Николаевской квартирной комиссии⁵.

14 сентября 1854 года Жандр передал словесно приказание Корнилова в случае сигнала Нахимова топить суда не исполнять его до того, как сигнал этот подтвердит начальник штаба Черноморского флота⁶.

В 1856 году капитан-лейтенант ходил на пароходе «Ординарец» по Бугу и Днепровскому лиману, в Одессу и Николаев, был командирован в Тифлис для соглашения с наместником Кавказа о лучшей погрузке войск для их перевозки в Крым. 12 июля 1857 года Жандра назначили управляющим кораблестроительной экспедицией Черноморского интендантства, а 23 декабря — состоять по особым поручениям при

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 690; ОМС. Ч. X. С. 116.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 315.

³ Там же. С. 348.

⁴ ОМС. Ч. X. С. 116.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 690; ОМС. Ч. X. С. 118.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 419.

управляющем Морским министерством. 26 сентября 1858 года он стал вице-директором Кораблестроительного департамента; в том же году его наградили орденом Св. Станислава II степени¹.

В 1859 году А.П. Жандр опубликовал капитальный труд «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова». В том же году «Морской сборник» поместил его проект «О судовой отчетности». В 1860 году по поручению Императора моряк составил расчеты по преобразованию административных учреждений морского ведомства для введения новых штатов. Сверх служебных обязанностей, он долго служил в дирекции акционерного общества «Кавказ и Меркурий», совершенствуя пароходное сообщение по Волге и Каспийскому морю².

8 сентября 1859 года Жандра произвели за отличие в капитаны 2-го ранга, в 1861 году наградили орденом Св. Анны II степени, 17 апреля 1862 года произвели в капитаны 1-го ранга. 28 мая 1863 года он стал генерал-контролером Департамента морских отчетов. В 1864 году его наградили орденом Св. Владимира III степени с мечами. 28 марта 1867 года моряк был произведен в генерал-майоры с оставлением в должности и правом носить флотский мундир. 20 апреля 1869 года его наградили орденом Св. Станислава I степени и пожаловали персидским орденом Льва и Солнца, 17 апреля 1871 года наградили орденом Св. Анны I степени. 17 декабря 1873 года генерал-майора пожаловали ежегодной арендой в 1500 рублей на 12 лет, 1 января 1877 года произвели в генерал-лейтенанты. В 1878 году Жандра наградили орденом Св. Владимира II степени, а 1 декабря назначили членом совета Государственного контроля. 29 января 1879 года А.П. Жандра назначили сенатором с переименованием в вице-адмиралы. 28 марта 1882 года его наградили орденом Белого орла, 6 мая 1884 года — орденом Св. Александра Невского. 4 мая моряка по его прошению уволили от звания сенатора и должности члена совета Государственного контроля. В 1886 году ему была пожалована аренда по 2000 рублей на 4 года, затем продленная еще на 4 года. В 1890 году Жандра наградили бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невского. 15 марта 1893 года он стал присутствующим в Департаменте Герольдии Сената³. Скончался А.П. Жандр 4 октября 1895 года и похоронен в Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом⁴.

Книга «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В.А. Корнилова» является ценным источником сведений об участии-

¹ ОМС. Ч. X. С. 116.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 117.

⁴ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. II. С. 145.

ках обороны, несмотря на ряд замечаний из-за неточностей в передаче текстов, отмеченных советскими публикаторами документов В.А. Корнилова и П.С. Нахимова. В рецензии на книгу Н.А. Добролюбов ее оценил положительно: «Труд г. Жандра исполнен очень тщательно и добросовестно... Замечания его большею частью любопытны и верны». Он отметил, что книга заслуживает «по своей полноте и важности полного внимания и благодарности не только от моряков, но и от всякого, кто добросовестно и с любовью занимается нашей отечественной историей»¹.

ЖИТКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Александр Житков родился в 1833 году². 13 сентября 1849 года он поступил на службу юнкером, 16 апреля 1852 года был переведен в школу флотских юнкеров. 6 мая 1853 года его произвели в мичманы³.

В 1853 году мичманом на корабле «Ростислав» Житков участвовал в Синопском сражении. П.С. Нахимов представил его к ордену Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» «за точное исполнение обязанностей и присутствие духа». До того моряк наград не имел⁴. 18 декабря 1853 года за отличие он был произведен в лейтенанты. В 1854 году на борту «Ростислава» моряк находился на Севастопольском рейде⁵.

С 13 сентября 1854 года по 7 июля 1855 года лейтенант состоял в Севастопольском гарнизоне, командовал Волынским редутом, 20 мая 1855 года был ранен в бедро. За участие в обороне Севастополя его наградили орденами Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» и Св. Анны III степени с мечами⁶.

После Крымской войны лейтенанта направили на Балтику. В 1857 году на винтовом корвете «Удав» он перешел из Кронштадта в Севастополь, после чего на пароходе «Тамань» ходил по черноморским портам. В 1858 году Житкова наградили орденом Св. Станислава II степени. В 1860 году он поступил в состав 2-го сводного Черноморского флотского экипажа. 28 марта 1861 года моряка уволили для службы на коммерческих судах. Тем не менее он получал следующие чины: 1 января 1863 года он капитан-лейтенант, 1 января 1871 года — капитан 2-го ранга, 1 января 1875 года — капитан 1-го ранга. 16 апреля 1878 года Житкова зачислили на действительную службу. В 1878 году за выслугу 25 лет в офи-

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 690.

² Там же. С. 736.

³ ОМС. Ч. X. С. 136—137.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 343.

⁵ ОМС. Ч. X. С. 137.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 736; ОМС. Ч. X. С. 137.

церских чинах его наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом. 29 декабря 1880 года А.В. Житкова произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

Скончался А.В. Житков в 1901 году².

ЗАБУДСКИЙ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился Григорий Забудский в 1828 году³. 12 января 1838 года он поступил в Морской корпус пансионным кадетом, 11 января 1840 года был зачислен в комплект. 19 августа 1844 года юноша стал гардемаринном. В 1845-м и 1846 годах он на кораблях «Лефорт», «Орел» и «Россия», фрегате «Прозерпина» крейсировал по Балтике. 21 августа 1846 года его произвели в мичманы. В 1847 году моряк крейсировал в Северном море на корабле «Лефорт», в 1848-м и 1849 годах на фрегате «Цесаревич» и бриге «Аякс» плавал в Балтийском море, у берегов Дании и Швеции. В 1850 году на бриге «Казарский» мичман находился при промерах в Балтийском море и Финском заливе, в 1851 году находился у проводки корабля «Прохор» от Петербурга до Кронштадта. 6 декабря его произвели в лейтенанты. В 1852 году Забудский на бриге «Аякс» находился вновь у промеров на Балтике и в Финском заливе. В 1853 году лейтенанта перевели на Черноморский флот; на фрегате «Кулевчи» он крейсировал у Босфора и кавказских берегов⁴.

На фрегате «Кагул» моряк участвовал в Синопском сражении, командовал деком и за отличное исполнение обязанностей и присутствие духа был представлен к ордену Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»⁵. Он был награжден этим орденом и годовым окладом жалованья⁶.

В 1854 году Забудский находился на фрегате «Кулевчи». С 13 сентября 1854 года по 28 августа 1855 года лейтенант участвовал в обороне Севастополя на 2-м отделении, командуя правым флангом бастиона № 4, включавшим три батареи (Забудского); был ранен в голову, контужен в левый бок и ноги⁷.

15 ноября 1854 года походная дума георгиевских кавалеров под председательством П.С. Нахимова рассмотрела и одобрила среди прочих представление на награждение лейтенанта:

¹ ОМС. Ч. X. С. 137.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 736.

³ Там же.

⁴ ОМС. Ч. IX. С. 140—141.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 346.

⁶ ОМС. С. IX. С. 141.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 736; ОМС. Ч. IX. С. 141.

«Командир батареи 26-го флотского экипажа лейтенант Григорий Николаев Забудский.

До 7 октября командовал батареею, 7-го вступил в командование правым флангом 2-й дистанции, постоянно находится под сильнейшим неприятельским огнем, неутомимо действуя днем и ночью противу неприятеля, искусной пальбой сбил несколько орудий, надолго заставлял молчать неприятеля; презирая всякую опасность, примером своей храбрости воодушевляя подчиненных, 24-го числа того октября сильно контужен в голову, но остался на своем месте»¹.

Моряк был награжден орденом Св. Владимира IV степени с мечами и золотой саблей с надписью «За храбрость»².

С 1856 года Забудский служил на Балтийском флоте; командуя винтовой лодкой «Метель», он плавал между Петербургом и Кронштадтом. В 1857 году моряка назначили в постоянный кадр учебно-артиллерийского корабля «Прохор». В 1857—1858 годах он на этом корабле плавал по Финскому заливу, в 1859 году командовал винтовой лодкой «Лихач» в финляндских шхерах, затем был командирован в Архангельск. 17 сентября 1860 года моряка произвели в капитан-лейтенанты. В 1861 году старшим офицером на винтовом фрегате «Пересвет» Забудский совершил переход из Архангельска в Кронштадт³.

«Морской сборник» в 1861 году поместил статью Забудского «Килевание 54-х п. винтового фрегата «Пересвет»⁴.

В 1862 году старшим офицером винтового корвета «Баян» Забудский плавал в Балтийском море, в 1863 году командовал в финляндских шхерах винтовой лодкой «Прибой», в 1864 году был награжден орденом Св. Анны II степени. В 1864—1871 годах моряк командовал винтовым корветом «Баян» и фрегатом «Громобой», плавал в Балтийском море и 27 марта 1866 года стал капитаном 2-го ранга. В 1870 году его командировали в Ярославскую, в 1871—1873 годы — в Саратовскую губернию за рекрутами, 1 января 1871 года произвели в капитаны 1-го ранга. С 1874 года Забудский состоял при штабе броненосной эскадры Балтийского флота. На броненосной батарее «Не тронь меня» он плавал в Балтийском море, после чего был командирован за рекрутами в Архангельскую губернию. В 1875 году на броненосном фрегате «Севастополь» Забудский состоял при штабе начальника эскадры, плавал в Финском заливе и финляндских шхерах. В 1876 году его наградили орденом Св. Владимира III степени. Капитан 1-го ранга состоял при штабе

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 438.

² ОМС. Ч. IX. С. 141.

³ Там же. С. 141—142.

⁴ Там же. С. 143.

эскадры на пароходофрегате «Владимир». В 1878 году его командировали в Свеаборг для командования гарнизоном и артиллерией свеаборгских укреплений. В 1879 году моряка назначили председателем приемной комиссии при экипажеских магазинах. С 22 марта 1880 года Забудский — начальник 2-го отряда миноносок. 1 января 1881 года его пожаловали подарком по чину с вензелем Императора. 17 января после упразднения 2-го отряда миноносок капитана 1-го ранга отчислили от должности начальника, 30 августа 1882 года произвели в контр-адмиралы с назначением заведующим гидравлическими плавучими доками в Кронштадте. Моряк оставался в этой должности до 1885 года. С 1 января 1886 года он — старший помощник капитана над Кронштадтским портом. 7 декабря 1887 года Забудского уволили с чином вице-адмирала¹.

Скончался Г.Н. Забудский в 1891 году².

КОЛОКОЛЬЦЕВ (КОЛОКОЛЬЦОВ) НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Дворянский род Колокольниковых происходил от выходца из Золотой Орды татарина Скрыпея, который прибыл в Россию еще до царя Ивана Васильевича. Его сыновья Василий и Борис Колокольцовы записаны в разрядном архиве по Суздалю 1573 года. Род Колокольниковых был внесен в 6-ю, 3-ю и 2-ю части дворянских родословных книг Владимирской, Московской, Оренбургской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Харьковской губерний. Колокольцовы служили и на флоте, и в армии³.

26 февраля 1841 года Николай Колокольцев поступил в морскую роту Александровского корпуса кадетом. 16 января 1842 года кадетом же его перевели в Морской корпус, 15 августа 1848 года произвели в гардемарины. В 1849-м и 1850 годах на кораблях «Ингерманланд», «Фершампенуаз» и «Константин» юноша крейсировал по Балтике. 9 августа 1850 года его произвели в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1851 году на фрегате «Сизополь» он крейсировал у восточного берега Черного моря, затем на яхте «Стрела» находился в кампании на Севастопольском рейде, в 1852 году на транспортах «Ренни» и «Днестр» плавал у абхазских берегов, потом на корабле «Ягудил» крейсировал в Черном море. В 1853 году на корабле «Ростислав» Коло-

¹ ОМС. Ч. IX. С. 143.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 736.

³ Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. С. 206—207.

кольцев участвовал в Синопском сражении, спас корабль от взрыва, потушив пожар в кюйт-камере¹.

В ходе сражения «Ростислав» занял позицию против батареи № 6 и 24-пушечного корвета «Фейзи-Меабуд». Под обстрелом корвету пришлось выброситься на берег. Батарея, вредившая кораблю «Три Святителя», до 16.00 была подавлена², но и корабль пострадал. Нахимов к описанию сражения дал особое прибавление 2 о происшествии, грозившем гибелью «Ростиславу»:

«Каленое ядро или граната, ударив в одно из средних орудий корабля «Ростислав», разбило палубу и бимс и зажгло кокоря и занавесь, находившуюся для ограждения подачи картузов нижнего дека и прямо против разбитого орудия случившуюся, причем 40 человек нижних чинов было раненых и обожженных, ибо, кроме прислуги орудия, пострадали столпившиеся кокорники и прислуга орудия верхнего дека, над разбитым находящегося. Происшедший таким образом пожар немедленно был потушен, но горящие части занавеси попадали в люки кюйт-камерного выхода. Некоторые люди из назначенных в кюйт-камеру, опасаясь за последнюю, бросились к дверям, но мичман Колокольцев запер двери, велел накрыть люк и клапаны, и с хладнокровием принялся тушить попадавшие и тлеющие обрывки занавеси»³.

Нахимов представил мичмана к ордену Св. Владимира IV степени с бантом «за особенное присутствие духа и отважность, оказанные им во время боя»⁴. 18 декабря Колокольцев произвели за отличие в лейтенанты, наградили орденами Св. Георгия IV степени, Св. Владимира IV степени с бантом и годовым окладом жалованья⁵.

В кампанию 1854 года Колокольцев находился на Севастопольском рейде в экипаже «Ростислава». С 13 сентября 1854 года по 26 мая 1855 года он состоял в гарнизоне Севастополя. Первоначально лейтенант находился на Малаховом кургане (Корниловском бастионе) и на 1-м отделении оборонительной линии, потом командовал батареей на 5-м отделении, где во время штурма 26 мая был ранен в шею штуцерной пулей. Моряка наградили золотой саблей с надписью «За храбрость» и годовым окладом жалованья⁶.

В 1856 году, командуя винтовой лодкой «Дым», лейтенант плавал между Петербургом и Кронштадтом, после чего его перевели в 35-й флотский экипаж, в Николаев. В 1857 году на пароходе «Ординарец» он хо-

¹ ОМС. Ч. X. С. 358—359.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 324.

³ Там же. С. 327.

⁴ Там же. С. 343.

⁵ ОМС. Ч. X. С. 359.

⁶ Там же.

дил из Николаева по Дунаю до Галаца, в 1858 году на корвете «Рысь» плавал у абхазских берегов. В 1859 году моряка перевели на Балтийский флот. Командуя винтовой лодкой «Порыв», он плавал в финляндских шхерах, в 1860—1862 годах командиром винтовой лодки «Ерш» ходил между Петербургом и Кронштадтом. 1 января 1863 года его произвели в капитан-лейтенанты, 12 ноября 1863 года назначили младшим помощником капитана над Петербургским портом. В 1863—1867 годах он заведовал Новым Адмиралтейством и Новой Голландией. В 1864 году моряка наградили орденом Св. Станислава II степени. В 1867—1873 годах он заведовал Гребным портом. В 1869 году капитан-лейтенант получил орден Св. Анны II степени, 1 января 1871 года его произвели в капитаны 2-го ранга. В 1873—1883 годах Колокольцев заведовал Галерным островком и лоцманской командой Петербургского порта. 1 января 1875 года его произвели в капитаны 1-го ранга. 26 ноября 1883 года моряка произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

КОНАРЖЕВСКИЙ СТАНИСЛАВ АДАМОВИЧ

Станислав Конаржевский родился около 1830 года². 15 августа 1848 года его произвели в гардемарины из кадет Морского корпуса. В 1849-м и 1850 годах юноша на кораблях «Ингерманланд», «Иезекииль» и «Память Азова» крейсировал в Финском заливе и Балтийском море. 9 августа 1850 года Конаржевский был произведен в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1851 году на транспорте «Акерман» он плавал между Севастополем и Таганрогом, затем на корабле «Селафил» и фрегате «Сизополь», в 1852—1853 годах на корвете «Пилад» крейсировал у восточных берегов Черного моря³.

В 1853 году на пароходофрегате «Крым» мичман участвовал в Синопском сражении. После сражения Нахимов представил его к Монаршему благоволению за точное исполнение обязанностей⁴. Конаржевского произвели в лейтенанты старшинством с 18 ноября 1853 года и наградили годовым окладом жалованья. С 5 октября 1854 года по 4 апреля 1855 года Конаржевский состоял в гарнизоне Севастополя на пароходофрегате «Крым», с 4 апреля по 26 августа 1855 года находился на 4-м бастионе и Язонском редуте, где командовал батареей, названной его именем. 26 августа он был дважды ранен в ногу и конту-

¹ ОМС. Ч. X. С. 359—360.

² Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. II. С. 453.

³ ОМС. Ч. X. С. 375.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 349.

жен в голову. Моряка наградили орденами Св. Владимира IV степени и Св. Станислава II степени с мечами¹.

В 1856 году Конаржевский на винтовом корвете «Зубр» крейсировал по Финскому заливу, в 1857—1858 годах на том же судне совершил переход из Кронштадта в Николаев, в 1858—1859 годах на корабле «Синоп» перешел из Николаева в Кронштадт. В 1860—1863 годах лейтенант совершил кругосветное плавание. Он вышел из Кронштадта на винтовом корвете «Калевала» на Тихий океан, плавал у берегов Китая и вернулся на Балтику, командуя винтовым клипером «Наездник». 1 января 1862 года его произвели в капитан-лейтенанты, в 1863 году наградили орденом Св. Анны II степени с мечами и годовым окладом жалованья. В 1865—1872 годах, командуя корветом «Гридень», Конаржевский плавал в Балтийском море. В 1865 году его пожаловали крестом за службу на Кавказе, 1 января 1869 года произвели в капитаны 2-го ранга, 8 апреля 1873 года — в капитаны 1-го ранга. В 1873—1882 годах, командуя броненосным фрегатом «Адмирал Спиридов», моряк плавал в Финском заливе. В 1878 году его наградили орденом Св. Владимира III степени. 2 февраля 1883 года офицера назначили командиром 4-го флотского экипажа. В 1887 году Конаржевского произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы².

Скончался С.А. Конаржевский 20 апреля 1908 года в возрасте 78 лет и похоронен на Католическом кладбище Выборгской стороны Санкт-Петербурга³.

КОНДОГУРИ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

2 октября 1836 года Иван Кондогури стал гардемаринном Черноморского флота. В 1837 году на корабле «Пимен» юноша крейсировал в Черном море, в 1838 году плавал на фрегате «Браилов» с десантными войсками между Севастополем и Одессой, затем у кавказских берегов. 30 сентября 1839 года его произвели в мичманы со старшинством от 21 декабря 1838 года и прикомандировали к 1-му штурманскому полуэкипажу. В 1839—1841 годах моряк служил на Балтийском флоте: в 1840 году на корабле «Память Азова» крейсировал у Дагерорта, в 1841 году командовал голландским ботом и в составе гребной флотилии плавал между Петергофом и Кронштадтом, затем был возвращен на Черноморский флот. В 1842—1847 годах на корабле «Три Святителя» мич-

¹ ОМС. Ч. X. С. 375.

² Там же. С. 375—376.

³ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. II. С. 453.

ман крейсировал на Черном море; 26 марта 1844 года его произвели в лейтенанты. В 1848 году на бриге «Фемистокл» моряк крейсировал у берегов Абхазии, в 1849—1852 годах на корабле «Три Святителя» — по Черному морю. В 1853 году его наградили орденом Св. Анны III степени¹.

В 1853 году лейтенант на корабле «Три Святителя» участвовал в Синопском сражении. Встав рядом с «Парижем», корабль вел бой с фрегатами «Каиди-Зефер» и «Низамие». В бою был перебит шпринг и «Три Святителя» развернуло кормой к неприятелю². Он страдал от продольного огня: после сражения насчитали 48 пробоин в наружной обшивке, требовали замены бушприт, все мачты и многие детали³. От еще более тяжелых повреждений «Три Святителя» спас мичман П.Н. Варницкий, который под огнем на шлюпке завез верп (якорь), что позволило развернуть корабль бортом к противнику и продолжить стрельбу⁴.

За сражение Нахимов представил Кондогури к чину капитан-лейтенанта. В представлении он записал: «Старший офицер на корабле. За отличную храбрость и распорядительность по всем частям управления кораблем»⁵. 18 декабря Кондогури был награжден орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом, годовым окладом жалованья и произведен за отличие в капитан-лейтенанты со старшинством от 18 ноября 1853 года⁶.

В боевом расписании Черноморского флота от 17 февраля 1854 года для обороны Севастополя в случае нападения капитан-лейтенант Кондогури числился одним из трех командиров отрядов гребных судов, которым следовало собраться на набережной у новых магазинов⁷. После начала обороны в 1854 году капитан-лейтенант командовал батареями на Малаховом кургане. 11 октября он был ранен разорвавшейся бомбой в лицо и контужен в голову, левый бок и грудь. Моряка наградили орденом Св. Георгия IV степени⁸.

В 1857 году Кондогури командовал винтовой лодкой № 2, занимавшей брандвахтенный пост на Бердянском рейде. 30 октября 1859 года его назначили ялтинским городничим, в 1861 году наградили орденом Св. Станислава III степени. 1 марта 1862 года моряка произвели в капитаны 2-го ранга. 26 марта его отчислили от должности городничего и прикомандировали к штурманской роте, затем — к Морскому кор-

¹ ОМС. Ч. X. С. 379.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 324.

³ Там же. С. 320.

⁴ Там же. С. 326.

⁵ Там же. С. 336.

⁶ ОМС. Ч. X. С. 379.

⁷ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 221—222.

⁸ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 740; ОМС. Ч. X. С. 380.

пусу. 29 октября Кондогури прикомандировали к 1-му Черноморскому флотскому экипажу. 27 декабря 1865 года его назначили смотрителем Николаевского морского госпиталя, 1 января 1866 года произвели в капитаны 1-го ранга. 16 апреля 1867 года моряка наградили орденом Св. Станислава II степени, 17 апреля 1870 года — орденом Св. Анны II степени. 15 июня 1871 года его зачислили в состав Черноморского экипажа. 31 июня 1873 года Кондогури произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

Скончался Кондогури 14 октября 1881 года и похоронен в Новодевичьем монастыре Санкт-Петербурга².

КОРНИЛОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Алексей Корнилов родился 26 мая 1830 года³. Он был сыном брата В.А. Корнилова, Александра Алексеевича (1801—1856), который учился в Царскосельском лицее с А.С. Пушкиным, был близок к декабристам, служил в армии, перешел на гражданскую службу и стал в конце концов сенатором⁴.

22 января 1843 года Алексей поступил в Морской корпус кадетом. 19 августа 1847 года его произвели в гардемарины, 1 июля 1849 года — в мичманы. В 1849-м и 1850 годах молодой офицер на корабле «Выборг» крейсировал по Балтийскому морю. Затем его перевели на Черноморский флот. В 1851 году на корабле «Двенадцать Апостолов» он крейсировал в Черном море, потом на пароходофрегате «Владимир» ходил по черноморским портам. В 1853 году мичман на «Двенадцати Апостолах» крейсировал у восточных берегов Черного моря, после чего был переведен на пароходофрегат «Одесса»⁵.

18 ноября 1853 года на пароходофрегате «Одесса» мичман Алексей Корнилов участвовал в Синопском сражении; П.С. Нахимов представил его к ордену Св. Анны III степени с бантом «за точное выполнение распоряжений командира с отличным присутствием духа»⁶. За отличие моряка произвели в лейтенанты, наградили орденом Св. Анны III степени с бантом и годовым окладом жалованья. В 1854 году он на корабле «Двенадцать Апостолов» и пароходофрегате «Владимир» оставался в

¹ ОМС. Ч. X. С. 379.

² Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. II. С. 453.

³ Там же. С. 475.

⁴ Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. С. 212.

⁵ ОМС. Ч. X. С. 400—401.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 350.

кампании на рейде Севастополя. Очевидно, моряк участвовал в вылазках пароходофрегата, ибо его наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом. С 15 мая по 20 августа 1855 года лейтенант состоял в гарнизоне Севастополя на 3-м бастионе; 20 августа он был ранен в лицо, голову, плечо и ногу. Наградили моряка орденом Св. Анны II степени с мечами и золотой саблей с надписью «За храбрость»¹.

С Черного моря Корнилова направили на север, где строили серию винтовых клиперов. В 1856 году на клипере «Наездник» он перешел из Архангельска в Кронштадт. В 1857—1860 годах лейтенант совершил первое кругосветное плавание. На клипере «Джигит» он перешел из Кронштадта к берегам Амура и ходил по портам Тихого океана. 25 января 1860 года моряка назначили командиром «Джигита», на котором он вернулся на Балтику и 17 октября был произведен в капитан-лейтенанты. В 1862 году Корнилова наградили орденом Св. Станислава II степени с императорской короной. В 1862 году, командуя винтовой шхуной «Сахалин», Корнилов перешел из Гамбурга к устью Амура, после чего на корвете «Богатырь» флаг-офицером при штабе начальника эскадры контр-адмирала А.А. Попова плавал по портам Тихого океана². Он принимал участие в первых гидрографических работах на Дальнем Востоке³.

В 1864—1868 годах, командуя двухбашенной лодкой «Смерч», моряк ходил по Финскому заливу. 26 сентября его произвели в капитаны 2-го ранга. В 1869 году Корнилов командовал плавучей батареей «Кремль» в Балтийском море, в 1870—1874 годах на броненосном фрегате «Петропавловск» флаг-капитаном при начальнике броненосной эскадры генерал-адъютанте Г.И. Бутакове плавал в Финском заливе. 1 января 1871 года его произвели в капитаны 1-го ранга, в 1872 году наградили орденом Св. Владимира III степени. В 1874 году капитан 1-го ранга командовал фрегатом «Минин» при его переводе из Петербурга в Кронштадт. В 1875 году он был награжден подарком по чину с императорским вензелем; командуя броненосным фрегатом «Петропавловск», моряк плавал от Кронштадта до Копенгагена и получил шведский орден Меча II степени. Командиром «Петропавловска» Корнилов плавал в 1876-м и 1877 годах по Средиземному морю⁴.

В 1878 году А.А. Корнилова вновь наградили подарком с вензелем Императора. Он продолжал командовать «Петропавловском» на Балтийском море. 23 августа 1882 года моряка произвели в контр-адмиралы

¹ ОМС. Ч. X. С. 401.

² Там же.

³ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 294.

⁴ ОМС. Ч. X. С. 401—402.

с назначением младшим флагманом Балтийского флота. 2 мая 1884 года Корнилова назначили исправляющим должность начальника Главного морского штаба. В 1885 году, командуя шхерным отрядом, с флагом на пароходофрегате «Владимир», контр-адмирал плавал в Финском заливе. 22 октября его назначили командующим отрядом судов Тихого океана. В 1886-м и 1887 годах, командуя отрядом судов Тихого океана и имея флаг на фрегатах «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской», Корнилов плавал в Тихом океане. 1 января 1886 года его наградили орденом Св. Станислава I степени, в 1887 году пожаловали японский орден Восходящего Солнца¹.

31 октября 1887 года контр-адмирала отчислили от командования отрядом судов Тихого океана. 1 января 1888 года он был произведен в вице-адмиралы и назначен старшим флагманом Балтийского флота. 27 октября 1889 года А.А. Корнилова уволили от службы².

Скончался флагман 14 мая 1893 года и похоронен на Смоленском православном кладбище³. Его именем назвали бухту Корнилова (Нач-жинман) в Японском море у полуострова Корея, которая была обследована в 1887 году экипажем канонерской лодки «Сивуч»⁴.

КУЗЬМИН-КОРОВАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Николай Кузьмин-Короваев родился 6 декабря 1820 года⁵. 18 августа 1835 года он поступил в Морской корпус кадетом, 4 марта 1838 года стал гардемаринном. В 1838-м и 1839 годах на кораблях «Полтава» и «Гангут» юноша крейсировал в Балтийском море. 21 декабря 1839 года его произвели в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1840 году на кораблях «Память Евстафия» и «Варшава» молодой офицер крейсировал у берегов Абхазии, в 1841—1842 годах на шхуне «Ласточка» ходил в Константинополь и Архипелаг и вернулся в Севастополь. В 1844—1847 годах на той же шхуне и транспорте «Днепр» моряк плавал у абхазских берегов; 15 апреля 1845 года его произвели в лейтенанты. В 1848—1850 годах лейтенант на пароходе «Громоносец» ходил по черноморским портам; в 1850 году он был награжден орденом Св. Анны III степени. В 1851 году на корабле «Париж» моряк ходил из Одессы в Константинополь, Архипелаг и обратно в Одессу, в 1853 году на «Пари-

¹ ОМС. Ч. X. С. 402.

² Там же. С. 403.

³ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. II. С. 475.

⁴ Маслеников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 111.

⁵ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. III. С. 553.

же» крейсировал в море, затем на пароходофрегате «Одесса» ходил между Севастополем и Новороссийском¹.

В 1853 году лейтенант за участие в Синопском сражении на пароходофрегате «Одесса» был представлен П.С. Нахимовым к ордену Св. Владимира IV степени с бантом. В представлении записано: «Старший офицер на пароходе. За храбрость и быструю распорядительность во время действий этого парохода»². За участие в Синопском сражении моряка наградили просимым орденом и годовым окладом жалованья³. В 1854 году моряк на «Одессе» оставался в кампании на Севастопольском рейде, и 6 декабря его произвели в капитан-лейтенанты. С 13 сентября 1854 года по 18 августа 1855 года офицер состоял в гарнизоне Севастополя на приморской батарее № 13, 5 октября 1854 года был ранен пулей в затылок и ракетой в обе руки, спину и голову. Кузьмина-Короваева наградили золотой полусаблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Георгия IV степени⁴.

26 декабря 1859 года Кузьмина-Короваева зачислили по резервному флоту. В 1863 году капитан-лейтенант продолжил действительную службу на Балтийском флоте. 1 января 1864 года его произвели в капитаны 2-го ранга, в том же году пожаловали крестом за службу на Кавказе. 1 января 1868 года моряка произвели в капитаны 1-го ранга со старшинством от 1 января 1866 года. Его наградили орденом Св. Станислава II степени, а в 1875 году — орденом Св. Анны II степени. 1 января 1878 года Кузьмина-Короваева произвели в контр-адмиралы и 16 апреля 1878 года назначили состоять при управляющем Морским министерством. В 1882 году моряка наградили орденом Св. Владимира III степени⁵. Скончался Кузьмин-Короваев 4 января 1883 года и похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры⁶.

КУПРИЯНОВ (КУПРЕЯНОВ) ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

Павел Куприянов родился в 1821 году в усадьбе Терентьево Солигаличского уезда Костромской губернии. Мальчик рано осиротел, и родственники устроили его в морскую роту сиротского отделения Александровского кадетского корпуса в Петербурге⁷.

¹ ОМС. Ч. X. С. 482.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 350.

³ ОМС. Ч. X. С. 482.

⁴ Там же. С. 482—483.

⁵ Там же. С. 483.

⁶ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. II. С. 553.

⁷ Григоров А.А. Без Костромы наш флот неполон... Морские офицеры-костромичи XVII — нач. XX вв.: Справочник. Кострома, 2002. С. 67.

12 сентября 1830 года Павел Куприянов поступил в морскую роту Александровского корпуса кадетом, 5 апреля 1834 года его перевели кадетом же в Морской корпус, 9 января 1839 года произвели в гардемарины. В 1839-м и 1840 годах юноша на фрегате «Прозерпина» и корабле «Вола» крейсировал по Балтийскому морю. 8 января 1841 года его произвели в мичманы с переводом на Черноморский флот. В 1841—1848 годах на бриге «Фемистокл», фрегате «Флора», корветах «Калипсо» и «Ифигения» моряк крейсировал у восточных берегов Черного моря, а летом 1843 года на бриге «Фемистокл» ходил в Константинополь и Архипелаг. 7 апреля 1846 года Куприянов был произведен в лейтенанты. В 1849 году он на корабле «Храбрый» плавал между Севастополем и Одессой, в 1850-м и 1851 годах на бриге «Фемистокл», в 1853 году на фрегате «Мидия» крейсировал у берегов Кавказа. В 1853 году за действия против горцев его наградили орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»¹.

В 1853 году лейтенантом, старшим офицером корабля «Чесма» Куприянов участвовал в Синопском сражении и за отличную храбрость и распорядительность по всем частям управления кораблем был представлен к чину капитан-лейтенанта. Ранее наград он не имел². 18 декабря моряка произвели в капитан-лейтенанты старшинством с 18 ноября 1853 года и наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом³.

В 1854 году Куприянов состоял на «Чесме», получил орден Св. Георгия IV степени за 18 морских кампаний. С 13 сентября 1854 года по 28 августа 1855 года капитан-лейтенантом он участвовал в обороне Севастополя, состоял в гарнизоне на Бельбеке. В 1854 году его наградили орденом Св. Анны III степени⁴. Моряк принимал участие в постройке плотового моста через Севастопольскую бухту⁵. За особые труды при постройке моста под обстрелом его наградили орденом Св. Анны II степени с мечами⁶.

В 1856 году моряк командовал 40-м флотским экипажем при переходе его из Севастополя через Москву в Петербург, затем был назначен командовать строящимся на Охте винтовым корветом «Гридень». В 1857 году, командуя корветом, он плавал в Финском заливе. С 1858 года Куприянов стал командиром 33-го флотского экипажа в Николаеве, в 1860 году — командиром 3-го сводного Черноморского флотского экипажа. В 1861 году его наградили орденом Св. Станислава II степени,

¹ ОМС. Ч. X. С. 505—506.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 340.

³ ОМС. Ч. X. С. 506.

⁴ Там же.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 742.

⁶ ОМС. Ч. X. С. 506.

1 января 1862 года произвели за отличие в капитаны 2-го ранга. 1 октября 1864 года Куприянов был назначен состоять в Николаеве в распоряжении главного командира порта, 1 января 1866 года произведен в капитаны 1-го ранга. В том же году моряка наградили крестом за Кавказ. В 1867 году его перевели на Балтийский флот и зачислили в 8-й флотский экипаж. 19 февраля 1868 года он был назначен командиром Архангельского порта, в 1871 году награжден орденом Св. Владимира III степени. В том же году его отчислили по прошению от должности и зачислили для довольствия в Архангельскую флотскую роту. В 1873 году капитана 1-го ранга снова перевели в флотский экипаж. 21 мая 1878 года его произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

С 1878 года по день смерти, 23 мая 1899 года, П.И. Куприянов проживал в Кинешме и похоронен там на Преображенском кладбище².

МАКСУТОВ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

Князь Павел Максutow родился 15 апреля 1825 года³. 16 марта 1838 года он поступил в Морской корпус кадетом, 10 января 1840 года стал гардемаринном. В 1840-м и 1841 годах юноша на фрегатах «Кастор» и «Александр Невский» крейсировал по Балтийскому морю. 22 декабря 1841 года его произвели в мичманы и оставили в офицерском классе. В 1842-м и 1843 годах на фрегатах «Отважность» и «Надежда» он плавал между Петербургом и Кронштадтом, в 1844-м и 1845 годах плавал на фрегате «Надежда» и люгере «Петергоф» в Финском и Рижском заливах. В 1846 году князь на паруснофрегате «Смелый» ходил из Кронштадта в Копенгаген, после чего был переведен на Черноморский флот. В 1847-м и 1848 годах на бриге «Тезей» и корабле «Три Святителя» моряк крейсировал у берегов Абхазии и 11 апреля 1848 года был произведен в лейтенанты. В 1849—1850 годах на бриге «Птоломей» он перешел из Одессы в Константинополь, далее в Архипелаг и обратно. В 1851-м и 1852 годах Максutow на корабле «Три Святителя» и бриге «Андромаха» крейсировал у берегов Кавказа⁴.

В 1853 году лейтенант на корабле «Париж» участвовал в Синопском сражении флаг-офицером контр-адмирала Ф.М. Новосильского и был представлен к ордену Св. Владимира IV степени с бантом за то, что постоянно находился при флагмане и передавал приказания быстро и точно

¹ ОМС. Ч. X. С. 506—507.

² Григоров А.А. Без Костромы наш флот неполон... С. 68.

³ Словарь морской биографический. СПб., 2000. С. 246.

⁴ ОМС. Ч. X. С. 626.

с отличным хладнокровием¹. За участие в сражении его наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом и годовым окладом жалованья².

В 1854 году Максutow служил на корабле «Три Святителя», до его затопления при входе на Севастопольский рейд. С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года он состоял в гарнизоне Севастополя на 4-м бастионе. Исполняя должности старшего адъютанта и помощника начальника артиллерии 2-го отделения оборонительной линии, лейтенант командовал дневной вылазкой 29 сентября 1854 года перед фронтом 4-го бастиона. 10 октября он был ранен камнем в шею и спину, 18 октября ранен камнем в голову, 22 октября — камнем в руку, а при тушении пожара у батареи Эсмонта сильно обжег ступни ног. 12 декабря моряка ранило осколком бомбы в голову, 4 и 31 марта 1855 года поразило осколками бомбы в оба колена. 14 июля лейтенант получил контузию камнями в голову, но остался на бастионе. 29 июня он вновь получил сильную контузию осколками бомбы в голову и лоб³. Максutow командовал несколькими вылазками против неприятеля⁴. В ходе обороны Севастополя 1854—1855 годов он проявил личную храбрость, выполнял также обязанности порученца П.С. Нахимова. В записной книжке Нахимова записано: «Максutowу о больных»⁵.

6 декабря 1854 года за отличие Максutowа произвели в капитан-лейтенанты и наградили орденом Св. Анны III степени с бантом, а в 1855 году — орденом Св. Анны II степени и золотой саблей с надписью «За храбрость»⁶.

В 1856 году капитан-лейтенант командовал тендером «Снапоп» в Финском заливе. 6 октября 1857 года его уволили для службы на коммерческих судах, 4 марта 1862 года произвели в капитаны 2-го ранга. В 1863 году моряка назначили начальником города и порта Бердянск, в 1866 году произвели в капитаны 1-го ранга. С 19 апреля 1876 года Максutow стал градоначальником Таганрога. 29 августа он получил высочайшее разрешение вследствие полученных им контузий носить вместо шляпы фуражку и ходить с тростью. 16 апреля 1878 года князя произвели в генерал-майоры с зачислением по морскому ведомству, а 22 января 1879 года его переименовали в контр-адмиралы с оставлением в занимаемой должности и с зачислением по флоту. Скончался П.П. Максutow 3 мая 1882 года⁷.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 332.

² ОМС. Ч. X. С. 626.

³ Там же. С. 627.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 745.

⁵ Там же. С. 551.

⁶ ОМС. Ч. X. С. 627.

⁷ Там же.

МАКУХИН НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

Николай Макухин 4 марта 1835 года стал гардемаринном Черноморского флота. На фрегате «Агатополь» юноша крейсировал в Черном море, в 1835—1837 годах дважды плавал в Константинополь, Архипелаг и Средиземное море. 30 сентября 1839 года его произвели в мичманы со старшинством от 21 декабря 1838 года и назначением на Балтийский флот. В 1840 году Макухин на корабле «Константин» крейсировал по Балтике, потом на бриге «Усердие» находился при описи и промерах в финляндских шхерах. В 1841 году на корабле «Константин» он крейсировал у Дагерорта, после чего вернулся на Черное море. В 1842 году на транспортной шхуне «Кинбурн» мичман крейсировал у абхазских берегов, в 1843-м и 1844 годах на пароходофрегате «Херсонес» и пароходе «Боец» ходил по черноморским портам и по Черноморской береговой линии. 26 марта 1844 года моряка произвели в лейтенанты. В 1845 году на шхуне «Вестник» он крейсировал в Черном море. В 1846 году Макухин состоял лейтенантом на фрегате «Кагул», который плавал у восточного берега Черного моря¹.

3 июля 1846 года, заметив небрежность лейтенанта Макухина, П.С. Нахимов, командовавший крейсирующим отрядом и находившийся на «Кагуле», отдал приказ о наложении на него взыскания: «Выйдя нынешний день в 4 часа пополудни наверх в то самое время, когда фрегат поворачивал оверштаг, увидел лейтенанта Макухина разговаривающим с мичманом Коскулем и не обращающим никакого внимания на свои обязанности; при отдаче грот-марса-булиня грот-марса-брас с подветра не был отдан, отчего сломалась грот-марса-рея. Делая строгий выговор обоим офицерам, в особенности лейтенанту Макухину, предписываю командиру фрегата следить за ними и, если еще раз окажутся невнимательными к своим обязанностям, аттестовать в формуляре нерадивыми, в акте же о переломе грот-марса-реи показать, что она сломана от незнания своего дела лейтенанта Макухина, находившегося во время поворота на юте, а потому и следует с него взыскать, что стоит она казне»².

Плавание в 1846 году лейтенант продолжил на пароходе «Боец» между Севастополем и Николаевом. В 1848 году он находился на тендере «Поспешный» в Черном море, затем крейсировал у берегов Кавказа. В 1850 году, командуя ботом «Часовой», моряк плавал по Буту и Днепровскому лиману, затем на бриге «Меркурий» состоял в кампании на рейде Севастополя, на корвете «Орест» крейсировал у абхазских берегов. В 1851 году Макухин на корабле «Селафаил» плавал между Се-

¹ ОМС. Ч. X. С. 628.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 147.

вастополем и Одессой, после чего на кораблях «Три Святителя» и «Гавриил», фрегате «Мидия» и бриге «Эндимион» крейсировал у абхазских берегов, в 1852 году на кораблях «Три Святителя» и «Париж» плавал в Черном море¹.

В 1853 году Макухин на корабле «Париж» участвовал в Синопском сражении и командовал нижним деком. «За отличное мужество и превосходное распоряжение при действиях бомбической батареи» Нахимов представил его к производству в капитан-лейтенанты². Награда соответствовала деятельности Макухина, ибо бомбические пушки «Парижа» выпустили 70 бомб и 823 других снаряда (ядра, брандскугели, картечь)³. Действию этой массы металла можно приписать то, что корабль уничтожил своих противников, получив небольшие повреждения. 18 декабря 1853 года Макухина за отличие произвели в капитан-лейтенанты со старшинством от 18 ноября 1853 года. В 1854—1855 годах он оставался на корабле «Париж»⁴.

В инструкции В.А. Корнилова командирам кораблей на случай нападения и высадки десанта неприятелем от 18 марта 1854 года Макухин указан в качестве командира одного из дивизионов гребных судов эскадры Нахимова⁵.

В 1855 году офицера перевели на Балтийский флот. На корабле «Император Петр I» он участвовал на Кронштадтском рейде в обороне подступов к столице от англо-французского флота, был награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом и Св. Анны II степени с мечами⁶. В 1856 году «Морской сборник» опубликовал статью Макухина «Боевые стопора на ванты корабля «Париж»⁷.

В 1856 году за выслугу 25 лет в офицерских чинах моряка наградили орденом Св. Георгия IV степени. В кампанию он командовал винтовым корветом «Медведь» в Финском заливе. В 1857—1858 годах Макухин командовал винтовым корветом «Буйвол» на переходе из Кронштадта до Николаева, но по болезни был оставлен в Бресте (Франция) и уволен в заграничный отпуск. В 1860 году Макухина назначили командиром 2-го Черноморского сводного экипажа, 1 января 1862 года произвели в капитаны 2-го ранга, 1 января 1866 года — в капитаны 1-го ранга. В том же году его пожаловали крестом за службу на Кавказе. В 1873 году моряка зачислили в состав 2-го Черноморского флотского Его Королевского

¹ ОМС. Ч. X. С. 628—629.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 333.

³ Там же. С. 310.

⁴ ОМС. Ч. X. С. 629.

⁵ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 229.

⁶ ОМС. Ч. X. С. 629.

⁷ Морской сборник. 1856. № 3. С. 168.

Высочества герцога Эдинбургского экипажа. 21 декабря 1876 года его назначили состоять по особым поручениям при командире Севастопольского порта, 7 апреля 1877 года — помощником начальника приморской обороны на Северной стороне Севастополя¹.

20 мая 1885 года Макухина произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы. Скончался он 23 апреля 1893 года².

МАНТО ИВАН МАТВЕЕВИЧ

Иван Манто 13 сентября 1849 года вступил юнкером в Черноморский флот, в 1852 году поступил в школу флотских юнкеров, 6 мая 1853 года был произведен в мичманы. На бриге «Эней» он крейсировал у восточных берегов Черного моря³.

На корабле «Императрица Мария» Манто участвовал в Синопском сражении. П.С. Нахимов представил его «за быстрое выполнение обязанностей и отличное присутствие духа» к ордену Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»⁴. Моряка не только наградили этим орденом, но и произвели за отличие в лейтенанты⁵.

В 1854 году членом экипажа корвета «Калипсо» Манто находился на Севастопольском рейде. С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года лейтенант состоял в гарнизоне командиром батареи № 35, затем батареи № 120 на 4-м бастионе. 28 июня 1855 года он был ранен в руку, 12 июля — контужен в голову. За оборону Севастополя в 1854—1855 годах моряка наградили орденами Св. Анны III степени с мечами, Св. Станислава II степени с мечами⁶.

В 1858-м и 1859 годах лейтенант на винтовом корвете «Рысь» крейсировал у восточного берега Черного моря. В 1859 году за взятие укреплений Новороссийска и при истреблении контрабандной торговли в устье реки Вукан его наградили орденом Св. Владимира IV степени с мечами. В 1859 году Манто перевели на Балтийский флот. На винтовом корабле «Вола» он плавал по Балтике, в 1860—1862 годах на винтовом фрегате «Громобой» — в Средиземном море⁷.

В 1862 году Манто перевели в Николаев, в 3-й сводный флотский экипаж, 1 января 1863 года произвели в капитан-лейтенанты. На винтовом

¹ ОМС. Ч. X. С. 629.

² Там же. С. 630.

³ Там же. С. 637—638.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 330.

⁵ ОМС. Ч. X. С. 638.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 475; ОМС. Ч. X. С. 638.

⁷ ОМС. Ч. X. С. 638.

корвете «Вепрь» он ходил по черноморским портам. В 1864—1869 годах, командуя транспортом «Килия», моряк плавал по черноморским портам и у берегов Абхазии. В 1864 году за высадку десанта у мыса Адлер (Константиновского) он был награжден орденом Св. Анны II степени с мечами, в 1866 году — пожалован крестом за службу на Кавказе. В 1867-м и 1868 годах Манто командовал винтовой шхуной «Дон» в Азовском и Черном морях, в 1869 году — у берегов Кавказа. В 1870 году, командуя пароходом «Чатырдаг», моряк ходил между Севастополем и Константинополем. 1 января 1871 года его произвели в капитаны 2-го ранга. В 1871—1872 годах Манто командовал пароходом «Прут» в Азовском и Черном морях. В 1873 году офицера зачислили в 1-й Черноморский флотский Его Императорского Высочества генерал-адмирала экипаж. 1 января 1875 года его произвели в капитаны 1-го ранга, в 1876 году пожаловали подарком по чину, в 1879 году наградили орденом Св. Владимира III степени. 10 октября 1883 года моряка назначили начальником военно-исправительной плавучей тюрьмы морского ведомства в Севастополе. В 1885 году его назначили командиром корвета «Сокол». 30 июля того же года Манто произвели в контр-адмиралы и уволили в отставку¹. Скончался И.М. Манто в 1902 году².

НАРБУТ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ

Федор Нарбут 15 августа 1844 года поступил в Морской корпус кадетом, 15 августа 1848 года был произведен в гардемарины. В 1849-м и 1850 годах юноша на кораблях «Память Азова», «Арсис» и «Полтава» крейсировал по Балтийскому морю у берегов Дании. По окончании Морского корпуса 9 августа 1850 года Нарбута произвели в мичманы и назначили на Черноморский флот. В 1851 году на транспорте «Рион» он плавал между Севастополем и Николаевом, потом на корабле «Три Святителя» крейсировал по Черному морю и на пароходофрегате «Владимир» ходил по черноморским портам. В 1852 году на бриге «Меркурий» Нарбут крейсировал у абхазских берегов и принял участие в десантной высадке у мыса Адлер³.

В 1853 году на корабле «Три Святителя» мичман участвовал в Синопском сражении. В списке отличившихся офицеров он был представлен к ордену Св. Анны III степени с бантом «за примерную личную храбрость и точное исполнение возлагаемых обязанностей»⁴. За участие

¹ ОМС. Ч. X. С. 638—639.

² Словарь биографический морской. С. 249.

³ ОМС. Ч. XI. С. 12.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 336.

в сражении его наградили орденом Св. Анны III степени с мечами и бантом и произвели в лейтенанты с 18 ноября 1853 года¹.

В 1854 году моряк состоял на корабле «Три Святителя», после высадки союзников был включен в состав сводного морского батальона, участвовал 8 сентября в Альминском сражении. С 13 сентября 1854 года по 13 июня 1855 года он состоял в гарнизоне и командовал батареей № 53 на Язоновском редуте позади 4-го бастиона; эту батарею называли батареей Нарбута. 6 апреля 1855 года моряка контузило ядром в плечо, 25 мая — в голову и 5 июня в грудь, там же, на батарее, он был ранен в лицо; Нарбута наградили золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом².

В 1856 году Нарбут перешел на винтовом клипере «Наездник» из Архангельска в Кронштадт, в 1857 году на винтовом корвете «Рысь» — из Кронштадта в Николаев, а в 1858—1859 годах на корабле «Цесаревич» вернулся в Кронштадт. 25 июня 1860 года Нарбута прикомандировали на правах раненного к черноморской роте флотских кадет. В 1861 году его зачислили во 2-й сводный Черноморский флотский экипаж. Старшим офицером на корвете «Сокол» моряк перешел из Николаева в Средиземное море, потом прибыл в Кронштадт и оттуда берегом возвратился в Николаев. Нарбут состоял по особым поручениям при главном командире Николаевского порта генерал-адъютанте Глазенапе. На императорской яхте «Тигр» он ходил по черноморским портам и был награжден орденом Св. Станислава II степени. В 1862—1866 годах Нарбут командовал винтовой лодкой «Дон» у абхазских берегов. 1 января 1863 года его произвели в капитан-лейтенанты, в 1864 году он получил серебряную медаль за покорение Кавказа и крест за службу на Кавказе. В 1866—1868 годах капитан-лейтенант командовал шхуной «Салгир», плавая по черноморским портам и у берегов Кавказа, в 1869 году со шхуной занимал брандвахтенный пост у Очакова. В 1868 году его наградили орденом Св. Станислава II степени с императорской короной; моряк вследствие контузии получил разрешение во всех случаях носить вместо шляпы фуражку³.

В 1868 году «Морской сборник» поместил заметку Нарбута по поводу статьи «Из записок севастопольца», которую опубликовал в 1867 году «Русский архив», где Федор Федорович высказал мнение о моряках — руководителях обороны Севастополя⁴. В 1869 году «Морской сборник»

¹ ОМС. Ч. XI. С. 12.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 747; ОМС. Ч. XI. С. 12.

³ ОМС. Ч. XI. С. 12—13.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 305—306; Морской сборник. 1868. № 4. С. 27—33.

опубликовал «Некролог контр-адмирала Карпова», подготовленный Нарбутом¹.

В 1870—1872 годах моряк командовал шхуной «Соук-Су» в Средиземном море. 1 января 1871 года его произвели в капитаны 2-го ранга, в том же году наградили орденом Св. Анны II степени. В 1873 году Нарбута зачислили в состав 2-го Черноморского флотского Его Королевского Высочества герцога Эдинбургского экипажа. 1 января 1875 года его произвели в капитаны 1-го ранга, 29 мая 1876 года назначили капитаном практического порта в Одессе, с зачислением по флоту. В 1880 году моряка наградили орденом Св. Владимира III степени и пожаловали черногорским орденом Даниила.

В 1885 году его произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы. Скончался Федор Федорович Нарбут 18 апреля 1897 года².

НОВОСИЛЬСКИЙ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ

Михаил Новосильский — племянник Ф.М. Новосильского, сын его брата П.М. Новосильского, который с П.С. Нахимовым ходил вокруг света на «Крейсере»³. Очевидно, дядя взял его под свою опеку. 26 февраля 1849 года мальчик поступил в Морской корпус кадетом, 18 августа 1850 года стал гардемаринном, в 1852 году на кораблях «Фершампенуаз», «Сысой Великий», корвете «Князь Варшавский» крейсировал по Балтийскому морю. 13 августа его произвели в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1853 году на фрегате «Мария», бриге «Тезей» и корабле «Три Святителя» юноша плавал по Черному морю⁴.

В 1853 году Новосильский мичманом участвовал в Синопском сражении на корабле «Париж». Он находился при флагмане и передавал его приказания быстро и точно с отличным хладнокровием, за что был представлен к ордену Св. Анны III степени с бантом⁵. За участие в сражении моряк получил этот орден; 18 декабря его произвели за отличие в лейтенанты со старшинством от 18 ноября 1853 года⁶.

В 1854—1855 годах лейтенант Новосильский участвовал в обороне Севастополя⁷. 8 октября 1854 года на бастионе № 4 в первую бомбардировку он был контужен бомбой и ранен осколком бомбы в голову.

¹ Морской сборник. 1869. № 11. С. 1—6.

² ОМС. Ч. XI. С. 13—14.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 748.

⁴ ОМС. Ч. XI. С. 59.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 332.

⁶ ОМС. Ч. XI. С. 59.

⁷ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 314.

Моряка наградили орденом Св. Владимира IV степени и золотой саблей «За храбрость»¹.

В 1857 году на клипере «Опричник» моряк перешел из Архангельска в Кронштадт, в 1858—1860 годах на корвете «Гридень» ходил из Кронштадта к берегам Амура. 17 октября 1860 года его произвели в капитан-лейтенанты. В 1861 году старшим офицером корабля «Синоп» Новосильский плавал по Балтийскому морю. В 1863 году он командовал винтовой шхуной «Вежа» в Финском заливе. В 1864 году его наградили орденом Св. Станислава II степени с императорской короной. В 1864-м и 1865 годах капитан-лейтенант командовал броненосной башенной лодкой «Колдун» на Балтике. 27 марта 1866 года его произвели в капитаны 2-го ранга. Он получил орден Св. Анны II степени с императорской короной и мечами. 1 января 1871 года Новосильского произвели в капитаны 1-го ранга. В «Морском сборнике» 1862-го и 1867 годов были напечатаны статьи Новосильского: «Извлечение из записок о шхерном плавании мониторов в 1861 г.», «Практические заметки о необходимости трюмной прислуги» и «Проект эволюций для броненосного флота»².

В 1871—1876 годах моряк командовал броненосным фрегатом «Адмирал Лазарев» на Балтике. В 1872 году его наградили орденом Св. Владимира III степени. В 1873 году Новосильского командировали в США³. После возвращения в 1874 году моряк сделал доклад, из которого стала ясна важность судов с наступательным минным оружием; в итоге минное оружие выделили из ведения артиллерийского отделения Морского технического комитета и поручили заведующему минным делом на флоте⁴.

В 1876 году Новосильского пожаловали подарком по чину, 8 ноября назначили состоять при главнокомандующем действующей армией. В 1877—1878 годах Новосильский участвовал в Русско-турецкой войне. 12 июля 1877 года его наградили орденом Св. Георгия IV степени за участие при проводке мостовых принадлежностей из города Слатин до устья реки Ольта, к месту переправы войск у Зимницы под обстрелом батарей Никополя. 10 июля 1878 года его отчислили от должности и назначили комендантом крепости Виддина. 1 января 1879 года Новосильского пожаловали в флигель-адъютанты и прикомандировали к Гвардейскому экипажу. В том же году он получил румынский орден Звезды III степени и черногорскую золотую медаль с надписью «За храбрость»⁵.

¹ ОМС. Ч. XI. С. 59.

² Там же. С. 59—60.

³ Там же. С. 60.

⁴ История отечественного судостроения. Т. II. С. 131.

⁵ ОМС. Ч. XI. С. 60.

В 1879 году на борту клипера «Разбойник» М.П. Новосильский командовал отрядом судов, направлявшихся на Тихий океан. Отряд выдержал ноябрьские штормы, но перегрузка «Разбойника» оказалась столь велика, что океанское плавание признали рискованным¹. В 1880 году Новосильского командировали в Николаев для снаряжения и проводки до Севастополя плавучего дока. В 1881 году моряк командовал отрядом из канонерских лодок «Бурун», «Вихрь» и «Дождь» в финляндских шхерах². В ходе плавания капитан 1-го ранга Новосильский проверял мореходные качества канонерских лодок³.

30 августа 1882 года Новосильского произвели в контр-адмиралы с назначением командиром 3-го флотского экипажа. 13 июня 1883 года его уволили от службы⁴.

Именем М.П. Новосильского назван мыс (Понсудэжжи) в Японском море на полуострове Корея, обследованный и наименованный в 1886 году экипажем клипера «Крейсер»⁵.

ОСТРЕНО ФЕОФАН ХРИСТОФОРОВИЧ

Феофан Острено родился в 1812 году⁶. 27 июля 1827 года он поступил в Черноморское артиллерийское училище юнгой. 5 марта 1833 года Феофана произвели в юнкера. На борту корабля «Память Евстафия» юноша из Севастополя с эскадрой перешел на рейд Буюк-Дере, откуда с десантными войсками прибыл в Феодосию. В 1833-м и 1834 годах на бриге «Улисс» он перешел из Севастополя в Константинополь, откуда ходил в Архипелаг, на Средиземное море и обратно. 8 января 1835 года Острено стал портупей-юнкером, 14 октября 1837 года — прапорщиком корпуса морской артиллерии. В 1839 году на корабле «Силистрия» он плавал у абхазских берегов и участвовал в занятии местечек Субаши и Псезуапте, был награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». 14 февраля 1840 года Острено произвели в мичманы. В 1840—1842 годах на «Силистрии» моряк крейсировал у берегов Кавказа, в 1843 году на фрегате «Месемврия» и транспорте «Березань» плавал между Севастополем, Одессой и Константинополем, в 1843-м и 1844 годах на бриге «Неарк» перешел от Севастополя в Констан-

¹ История отечественного судостроения. Т. II. С. 113.

² ОМС. Ч. XI. С. 60.

³ История отечественного судостроения. Т. II. С. 125.

⁴ ОМС. Ч. XI. С. 60.

⁵ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 159.

⁶ Там же. С. 316.

тинополь, откуда ходил в Архипелаг, Средиземное море и обратно, в 1845 году на фрегате «Мария» плавал между Севастополем и Одессой, потом на «Силистрии» крейсировал в Черном море. 7 апреля 1846 года Острено произвели в лейтенанты. В 1846—1852 годах на фрегатах «Кагул», «Коварна», корабле «Ягудиил» моряк крейсировал у абхазских берегов. В 1848 году его наградили орденом Св. Анны III степени. 26 ноября 1852 года Острено назначили старшим адъютантом штаба 5-й флотской дивизии. В 1853 году он на корабле «Двенадцать Апостолов» крейсировал у берегов Анатолии, затем служил на корабле «Великий князь Константин»¹.

В Синопском сражении Острено участвовал на корабле «Императрица Мария» старшим адъютантом при штабе П.С. Нахимова². В представлении к чину капитан-лейтенанта и ордену Св. Владимира IV степени с бантом Нахимов писал: «Постоянно находился при мне и наблюдал за исполнением всех моих распоряжений. Видя в нем положительную решительность, мужественное хладнокровие и храбрость, я передал ему мой план сражения и уверен, если бы меня не стало, то он окончил бы его так же успешно»³.

Несмотря на такую ответственную роль старшего адъютанта, Нахимов под обстрелом послал его к кораблю «Париж», чтобы поздравить командира с успешной стрельбой⁴.

За Синопское сражение лейтенанта наградили орденом Св. Владимира IV степени с мечами, за отличие произвели в капитан-лейтенанты с 18 ноября 1853 года. В 1854—1855 годах Острено состоял дежурным штаб-офицером на эскадре, находившейся на Севастопольском рейде. В 1854 году он был награжден орденом Св. Анны II степени, в 1855 году — золотой саблей с надписью «За храбрость». За 25 лет службы его наградили орденом Св. Георгия IV степени⁵.

И позднее моряк выполнял поручения П.С. Нахимова. 27 июля 1854 года Острено подписал расписание кораблей эскадры вице-адмирала Нахимова, предназначенных в крейсерство⁶. Острено заходил в гости к Нахимову⁷. В записной книжке Нахимов записал: «О воде Острено»⁸.

¹ ОМС. Ч. XI. С. 113.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 750.

³ Там же. С. 328.

⁴ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С. 89.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 750; ОМС. Ч. XI. С. 114.

⁶ Там же. С. 405.

⁷ Там же. С. 408.

⁸ Там же. С. 552.

14 апреля 1858 года Острено назначили помощником капитана над Кронштадтским портом, 8 сентября 1859 года произвели в капитаны 1-го ранга. 4 апреля 1860 года моряка назначили кронштадтским полицмейстером, но 24 июня 1861 года отчислили от должности. 12 февраля 1862 года капитана 1-го ранга назначили капитаном над портами Восточного океана. В 1864 году его наградили орденом Св. Владимира III степени с мечами. Занимал этот пост Острено до 22 марта 1865 года, когда его отчислили от должности с переводом в Балтийский флот. 29 марта его записали по резервному флоту.

5 апреля 1865 года моряка произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹. Его имя носит мыс в заливе Петра Великого, обследованный и названный в 1863 году экспедицией В.М. Бабкина².

ПЕРЕЛЕШИН (ПЕРЕЛЁШИН) ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Дворянский род Перелешиных (Перелёшиных) известен с начала XVII века. Петр Перелешин являлся старостой в Галиче (1619). Род внесен в VI часть родословных книг Костромской и Воронежской губерний³.

Павел Перелешин был одним из семи сыновей унтер-лейтенанта флотской артиллерии Александра Леонтьевича Перелешина, пятеро из которых служили на флоте. Владел его отец усадьбой Щетинино со 150 душами Буйского уезда Костромской губернии. Кроме сыновей, они с женой Екатериной Михайловной имели пять дочерей⁴. К этой усадьбе оказались приписаны многие Перелешины. Очевидно, что усадьба не могла обеспечить их доходами, и зарабатывали они главным образом морской службой.

Павел Перелешин родился 27 июня 1820 года. В 1831—1832 годах он учился в Костромской губернской гимназии⁵. 26 января 1832 года мальчик поступил в Морской корпус кадетом, 20 декабря 1835 года стал гардемаринном. В 1836-м и 1837 годах на фрегатах «Нева» и «Александр Невский» юноша крейсировал по Балтике. По окончании Морского корпуса 23 декабря 1837 года он был произведен в мичманы и назначен на Черноморский флот⁶.

В 1838 году мичман на яхте «Резвая» плавал между Николаевом, Одессой и Севастополем, в 1839 году на корабле «Султан Махмуд»

¹ ОМС. Ч. XI. С. 114.

² Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 164.

³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Ч. XXIII (45). С. 225.

⁴ Григоров А.А. Без Костромы наш флот неполон... С. 92.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ ОМС. Ч. XI. С. 159.

крейсировал у абхазских берегов и участвовал в десантной высадке при занятии Субаши; за участие в боевых действиях против горцев его наградили орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». В 1840 году на шхуне «Забияка» Перелешин плавал по Черному морю для съемки берегов, принадлежащих России, в 1841 году на кораблях «Память Евстафия» и «Султан Махмуд» крейсировал в Черном море, в 1842 году на транспорте «Слон» плавал между Севастополем и Николаевом. 11 апреля 1843 года моряка произвели в лейтенанты. В 1843—1845 годах на бомбардирском судне «Перун» он плавал по Бугу, в 1846—1848 годах на фрегате «Кагул» и шхуне «Дротик» крейсировал у берегов Кавказа. В 1849—1850 годах лейтенант на корвете «Калипсо» перешел из Одессы в Константинополь и плавал в Архипелаг и обратно. В 1851 году его наградили орденом Св. Анны III степени. В 1851-м и 1852 годах на «Калипсо» и корабле «Париж» офицер крейсировал у восточных берегов Черного моря и 2 октября 1852 года был произведен в капитан-лейтенанты¹.

В 1853 году капитан-лейтенант старшим офицером на корабле «Париж» участвовал в Синопском сражении. «За отличную храбрость и распорядительность во всех частях управления кораблем» П.С. Нахимов представил его к награждению орденом Св. Георгия IV класса². Наградили Перелешина орденом Св. Владимира IV степени с бантом и годовым окладом жалованья³.

Нахимов посчитал, что такая награда недостаточна, и в рапорте 29 декабря 1853 года А.С. Меншикову он писал:

«Старшие офицеры наиболее отличившихся кораблей: «Императрица Мария» — капитан-лейтенант Коцебу, «Париж» — капитан-лейтенант Перелешин 2-й и «Великий князь Константин» — Перелешин 1-й, представлены мною к награде орденом Св. Георгия 4-й степени, получили орден Св. Владимира 4-й степени с бантом наравне с дечными командирами. Между тем, старшие офицеры прочих кораблей произведены из лейтенантов в капитан-лейтенанты и также получили орден Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Зная капитан-лейтенантов Перелешина 1-го и 2-го и Коцебу, служивших лично со мною, как примерно деятельных и усердных офицеров и оказавших во время сражения отличное хладнокровие и распорядительность, нахожу не только справедливым, но и необходимым для пользы службы просить о производстве их в капитаны 2-го ранга. Я совершенно убежден, что они с честью выполняют обя-

¹ ОМС. Ч. XI. С. 159.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 333.

³ ОМС. Ч. XI. С. 160.

занности командиров судов, которые начальству будет угодно поручить им»¹.

7 января 1854 года Перелешина произвели за отличие в капитаны 2-го ранга со старшинством от 18 ноября 1853 года. На борту «Парижа» он находился на Севастопольском рейде². 1 июля 1854 года Корнилов направил Нахимову отношение, в котором на отряд Перелешина и три парохода была возложена задача перевозки партий, выделенных для морских резервных батальонов³. В приказе В.А. Корнилова от 11 сентября 1854 года о посылке морских батальонов для обороны Северной стороны Севастополя Перелешин 2-й указан в качестве командира 3-го батальона⁴.

С 13 сентября 1854 года по 28 августа 1855 года Перелешин состоял в гарнизоне сначала начальником 2-го бастиона, затем начальником 5-го отделения оборонительной линии. 28 марта его контузило осколком бомбы в левый висок, 26 мая — в голову и руку. За участие в обороне Севастополя моряка наградили орденами Св. Анны II степени с мечами, Св. Владимира III степени с мечами и золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1855 году, как указано в «Общем морском списке», за выслугу 25 лет в офицерских чинах Перелешина наградили орденом Св. Георгия IV степени. 29 февраля того же года его наградили орденом Св. Георгия III степени, 11 мая за отличие произвели в капитаны 1-го ранга⁵.

16 ноября 1855 года Перелешина назначили командиром 41-го флотского экипажа и корвета «Рында». В 1856-м и 1857 годах он командовал кораблями Балтийского флота «Не тронь меня» и «Владимир» в Финском заливе. Моряк опубликовал в «Морском сборнике» за 1858 год статью «Несколько слов о характере П.С. Нахимова». 3 февраля 1860 года Перелешина прикомандировали к Морскому корпусу из-за ран. 15 мая 1861 года моряка назначили начальником Бакинской морской станции и капитаном над Бакинским портом, 30 августа 1863 года произвели за отличие в контр-адмиралы с оставлением в должности. В 1864 году, имея флаг на шхуне «Муха», флагман командовал отрядом судов на Бакинском рейде. 21 декабря 1864 года контр-адмирал стал таганрогским градоначальником. 1 января 1866 года его наградили орденом Св. Станислава I степени, 16 апреля 1866 года назначили командиром Гвардейского экипажа, 15 октября 1867 года зачислили в свиту

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 361.

² ОМС. Ч. XI. С. 160.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 405—406.

⁴ Вице-адмирал Корнилов: Материалы... С. 260.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 751; ОМС. Ч. XI. С. 160.

Императора. 1 января 1869 года моряка наградили орденом Св. Анны I степени¹.

В 1870 году Перелешин исполнял должность эскадр-майора. В 1871 году его наградили орденом Св. Анны I степени с императорской короной, 1 января 1872 года назначили генерал-адъютантом. 8 апреля 1873 года его за отличие произвели в вице-адмиралы с оставлением в звании генерал-адъютанта и по Гвардейскому экипажу; моряк был пожалован прусским орденом Красного орла II степени. 13 августа 1873 года вице-адмирала назначили севастопольским градоначальником, командиром порта и комендантом города. 1 марта 1876 года из-за болезни его уволили от должности градоначальника, 4 апреля наградили орденом Св. Владимира II степени. Он получил также греческий орден Спасителя. 9 января 1878 года вице-адмиралу была пожалована аренда по 2000 рублей на 12 лет, 5 октября 1879 года назначено дополнительное содержание по чину капитана 2-го ранга за участие при первой бомбардировке Севастополя².

Очевидно, убийство Александра II 1 марта 1881 года повлияло на судьбу Перелешина: его вновь призвали на службу. 23 марта 1881 года вице-адмирала назначили директором Инспекторского департамента Морского министерства с оставлением генерал-адъютантом и по Гвардейскому экипажу. 1 апреля его определили членом Комитета морских учебных заведений, 27 апреля — членом Главного военно-тюремного комитета. 12 апреля 1881 года моряка наградили орденом Белого орла, 15 мая 1883 года — орденом Св. Александра Невского. 24 мая 1883 года П.А. Перелешина назначили членом Адмиралтейств-совета с оставлением в звании генерал-адъютанта и по Гвардейскому экипажу. В 1887 году ему были пожалованы алмазные знаки к ордену Св. Александра Невского, в 1890 году увеличена аренда до 2500 рублей на 4 года, в 1894 году продленная еще на 4 года. 21 апреля 1891 года моряка произвели в адмиралы, в 1893 году наградили орденом Св. Владимира I степени. 14 мая 1896 года его пожаловали перстнем с портретом Императора³. В 1898 году адмирала пожаловали арендой в 3000 рублей и наградили орденом Св. Андрея Первозванного⁴.

С 1871 года моряк состоял членом Императорского Русского географического общества. Скончался Павел Александрович 28 февраля 1901 года; похоронен он во Владимирском соборе Севастополя⁵.

¹ ОМС. Ч. XI. С. 160, 162.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 161—162.

⁴ Григоров А.А. Без Костромы наш флот неполон... С. 96.

⁵ Там же.

ПУЗИНО ОРЕСТ ПОЛИКАРПОВИЧ

Орест Пузино родился 24 февраля 1819 года. 3 марта 1830 года он поступил кадетом в Морской корпус, 9 января 1836 года стал гардемаринном. На корабле «Великий князь Михаил» юноша крейсировал в Балтийском море и 23 декабря был произведен в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1837—1839 годах моряк на корабле «Пимен», тендере «Спешный» и фрегате «Энос» крейсировал у абхазских берегов, в 1840 году на транспорте «Ахиоло» плавал по Черному морю, после на брандвахтенном фрегате «Ахиоло» находился в кампании на рейде Одессы. В 1841 году на корабле «Анапа» Пузино крейсировал в Черном море. 19 апреля 1842 года его произвели в лейтенанты. В 1842—1851 годах Пузино на транспорте «Соча», «Адлер», «Бзыбь», «Цемес», пароходах «Молодец», «Могучий», «Колхида», «Боец», корабле «Селафаил» и бриге «Тезей» плавал у берегов Кавказа, в 1852-м и 1853 годах на пароходофрегате «Крым» ходил между Одессой и Константинополем¹.

В 1853 году лейтенант участвовал в Синопском сражении старшим офицером пароходофрегата «Крым». «За храбрость и быструю распорядительность» во время действий этого парохода моряк был представлен к ордену Св. Владимира IV степени с бантом². Эту награду он и получил³.

В 1854-м и 1855 годах, командуя пароходом «Петр Великий», Пузино ходил по Бугу и Днепровскому лиману. В 1855 году его за 18 морских кампаний наградили орденом Св. Георгия IV степени; 30 марта моряка произвели в капитан-лейтенанты. В 1856—1858 годах, командуя бригам «Филоктет», моряк перешел из Кронштадта на Средиземное море, потом в Константинополь, откуда плавал к берегам Сирии, Египта и вернулся в Кронштадт. В 1858 году моряка наградили орденом Св. Станислава II степени с императорской короной, в 1859 году пожаловали датским орденом Данеброга. В 1859—1860 годах Пузино командовал фрегатом «Светлана» в плавании по Средиземному морю. 17 октября 1860 года его произвели за отличие в капитаны 2-го ранга; он был удостоен греческого ордена Спасителя. В 1860-м и 1861 годах командовал в Средиземном море фрегатом «Илья Муромец», ходил по портам до берегов Сирии, затем из Бейрута берегом возвратился в Кронштадт. 1 января 1863 года Пузино произвели за отличие в капитаны 1-го ранга и наградили орденом Св. Анны II степени. Моряк состоял начальником северной оборонительной линии в Кронштадте, был награжден крестом за службу на Кавказе⁴.

¹ ОМС. Ч. XI. С. 289—290.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 349.

³ ОМС. Ч. XI. С. 290.

⁴ Там же.

В 1863 году Пузино командовал броненосной батареей «Первенец» при Кронштадтском порте, в 1864-м и 1865 годах — в Балтийском море. В 1865 году его наградили орденом Св. Анны II степени с императорской короной. Получил он также шведский орден Меча. 14 ноября 1866 года Пузино назначили командиром 5-го флотского экипажа, в 1870 году наградили орденом Св. Владимира II степени с мечами. 1 января 1872 года моряка произвели в контр-адмиралы с назначением младшим флагманом Балтийского флота. В 1873 году он командовал 2-м отрядом броненосной эскадры в Финском заливе. 31 декабря его наградили орденом Св. Станислава I степени. В 1875—1877 годах контр-адмирал командовал Тихоокеанской эскадрой в морях Дальнего Востока, плавал у берегов Китая, Японии и Северной Америки. В 1877 году его наградили орденом Св. Анны I степени, в 1879 году — орденом Св. Владимира II степени. В 1879—1881 годах контр-адмирал состоял начальником 1-го отряда миноносков и командовал им в плавании по финляндским шхерам. 6 ноября 1880 года его назначали временно исправлять должность командира Петербургского порта. 30 августа 1882 года моряка произвели в вице-адмиралы. 3 июня 1885 года его зачислили по флоту с назначением состоять при генерал-адмирале Великом князе Алексее Александровиче. В 1882 году Пузино пожаловали аренду на 6 лет по 1500 рублей, в 1886 году увеличили аренду до 2000 рублей на 6 лет. Скончался Орест Поликарпович 30 июня 1891 года¹. Его именем назван мыс в бухте Провидения Анадырского залива Берингова моря, обследованный и названный в 1876 году экипажем клипера «Всадник»².

РЕБИНДЕР НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Род Ребиндеров происходил из Вестфалии, откуда в начале XV века переселился в Прибалтику³.

Николай Ребиндер родился 14 октября 1830 года. 2 февраля 1845 года он поступил на службу юнкером в Черноморский флот, в 1845-м и 1846 годах на пароходофрегате «Бессарабия» плавал между Одессой и Константинополем и 11 апреля 1848 года был произведен в мичманы с назначением в Балтийский флот. В 1848 году юноша крейсировал на шхуне «Стрела» по Балтийскому морю. В 1849 году его вернули на Черное море. На фрегате «Кулевчи» Ребиндер крейсировал у берегов Кавказа, участвовал при взятии контрабандной кочермы. В 1850 году мичман

¹ ОМС. Ч. XI. С. 291.

² Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 179.

³ Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. С. 345—346.

на пароходе «Могучий» вновь плавал у восточных берегов Черного моря, в 1851—1853 годах участвовал в проводке корабля «Париж» от Николаева до Севастополя и крейсировал на нем¹.

В 1853 году мичманом на корабле «Париж» Ребиндер участвовал в Синопском сражении. За точное и быстрое выполнение возложенных обязанностей с отличным присутствием духа и мужеством он был представлен к ордену Св. Анны III степени с бантом². Моряка наградили этим орденом и годовым окладом жалованья, а 18 декабря за отличие произвели в лейтенанты со старшинством от 18 ноября 1853 года³.

В кампанию 1854 года Ребиндер оставался в экипаже «Парижа» на рейде Севастополя, с 5 сентября 1854 года по 4 марта 1855 года состоял в гарнизоне на Северном укреплении. 4 марта 1855 года при установке орудий на Камчатский люнет взрывом неприятельской бомбы он был сильно контужен в грудь и ногу. Моряка наградили орденом Св. Владимира IV степени с мечами⁴.

В 1856 году Ребиндер на пароходофрегате «Камчатка» ходил по портам Финского залива, в 1857 году старшим офицером корвета «Гридень» оставался в Кронштадтской гавани. В журнале «Морской сборник» моряк опубликовал статьи «Неоконченный спор на юте» (1856) и «Водоналивные парусные мешки и польза, которую можно извлечь из состава, их покрывающего» (1857). В 1858 году старшим офицером винтового корвета «Посадник» лейтенант плавал по Финскому заливу. В 1858—1859 годах моряк занимал должность старшего адъютанта штаба Кронштадтского порта, в 1859—1865 годах командовал винтовой лодкой «Панцирь» в Финском заливе и 1 января 1863 года был произведен в капитан-лейтенанты⁵. В «Морском сборнике» за 1861 год были опубликованы рапорты командиров винтовых лодок «Ерш» и «Панцирь» о несчастном случае с ними⁶.

В 1866 году Ребиндер состоял делопроизводителем и редактором в комитете по пересмотру Морского устава и получил орден Св. Станислава II степени. В 1866—1873 годах он командовал пароходофрегатом «Храбрый» в Балтийском море и в Финском заливе. В 1868 году моряка наградили орденом Св. Станислава II степени с императорской короной и крестом за службу на Кавказе. В 1870 году Ребиндер состоял членом комитета по составлению центрального общества о подаянии помощи погибающим на наших водах и был награжден орденом Св. Анны II степе-

¹ ОМС. Ч. XI. С. 329.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 334.

³ ОМС. Ч. XI. С. 329.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 753; ОМС. Ч. XI. С. 329—330.

⁵ ОМС. Ч. XI. С. 330.

⁶ Морской сборник. 1861. № 12, оф. С. 33—37.

ни, а 1 января 1871 года произведен в капитаны 2-го ранга. В 1874—1878 годах, командуя пароходофрегатами «Олаф» и «Смелый», Ребиндер крейсировал по Балтике, а летом 1875 года и в Северном море. В 1874 году его наградили орденом Св. Анны II степени с императорской короной, 1 января 1875 года произвели в капитаны 1-го ранга. 26 августа 1875 года Ребиндера назначили флигель-адъютантом и объявили Монаршее благоволение за сохранение от гибели во время пожара пароходофрегата «Олаф», который 11 августа 1875 года загорелся на внутреннем Копенгагенском рейде. Командир принял оригинальное решение: он затопил пароход на глубине 25 футов (около 8 метров), а через 24 часа поднял его, сохранив как корпус, так и порох, денежные суммы, книги и журналы. От датского правительства Ребиндер получил орден Данеброга. В 1878 году капитана 1-го ранга наградили орденом Св. Владимира II степени. 6 августа 1879 года его произвели в контр-адмиралы на основании манифеста 18 февраля 1876 года с назначением в свиту Императора. 10 августа флагмана прикомандировали для довольствия к Гвардейскому экипажу. Скончался Н.Г. Ребиндер 26 января 1881 года¹. Похоронен он в Сергиевой пустыни Санкт-Петербурга².

РЫКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Василий Рыков родился 5 марта 1829 года. 5 марта 1844 года из кадет Морского корпуса его произвели в гардемарины. В 1846 году на фрегатах «Церера» и «Константин» юноша крейсировал в Финском заливе, в 1847 году на фрегате «Цесаревич» ходил в Северное море; 15 августа 1847 года его произвели в мичманы. В 1848 году на корабле «Россия» молодой офицер крейсировал у берегов Курляндии, в 1849 году на корвете «Наварин» плавал по портам Финского залива. В 1850-м и 1851 годах он крейсировал на корабле «Россия» по Балтийскому морю и 30 марта 1852 года был произведен в лейтенанты. В 1852 году на пароходофрегате «Смелый» он ходил из Кронштадта в Свинемюнде и по портам Финского залива, после чего моряка перевели на Черное море³.

В 1853 году Рыков участвовал в Синопском сражении на фрегате «Кагул», командовал деком, «за отличное исполнение обязанности и присутствие духа» был представлен к ордену Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»⁴ и был им награжден⁵.

¹ ОМС. Ч. XI. С. 330—331.

² Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. III. С. 555.

³ ОМС. Ч. XI. С. 415.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 346.

⁵ ОМС. Ч. XI. С. 416.

В 1854-м и 1855 годах Рыков командовал канонерской лодкой № 15 Дунайской флотилии. В 1856 году он возвратился на Балтику и в кампанию находился на брандвахтенном корвете «Князь Варшавский» на Кронштадтском рейде, в 1857 году — на учебно-артиллерийском корабле «Проход» на Ревельском рейде, в 1858 году на винтовом фрегате «Илья Муромец» на Кронштадтском рейде. В 1859—1860 годах моряк командовал винтовой канонерской лодкой «Туча» в Финском заливе, в 1861 году на винтовом фрегате «Пересвет» плавал в Балтийском море. 1 января 1862 года Рыкова произвели в капитан-лейтенанты с направлением в Сибирскую флотилию, в 1863 году назначили командиром винтовой шхуны «Восток»; командуя шхуной «Гонец», он плавал по портам Тихого океана. В 1864 году его наградили орденом Св. Анны III степени. В 1864—1869 годах командиром транспорта «Японец» Рыков плавал в морях Дальнего Востока, участвовал в гидрографических работах в Японском море. 17 августа 1868 года его назначили презусом комиссии военного суда в портах Восточного океана¹.

1 января 1870 года Рыкова произвели в капитаны 2-го ранга с переводом на Балтийский флот. В 1873 году за выслугу 25 лет в офицерских чинах его наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом. 4 апреля моряка произвели в капитаны 1-го ранга. Ему была дана пенсия по 450 рублей за десятилетнюю бытность на Амуре. Моряка перевели в 8-й флотский экипаж. В 1878 году его командировали в Вологодскую губернию для отбора новобранцев на флот. 25 июня 1879 года Рыкова произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы. Скончался моряк в 1881 году². По другим данным, скончался В.И. Рыков 27 ноября 1880 года, похоронен на Митрофановском кладбище Санкт-Петербурга³.

Его имя носит мыс в заливе Чихачева Японского моря, который в 1865 году обследован и назван по имени командира транспорта «Японец» капитан-лейтенанта Рыкова⁴.

САВЕЛЬЕВ ИВАН ИЛЛАРИОНОВИЧ

Иван Савельев родился 7 апреля 1824 года. 20 мая 1838 года его произвели в гардемарины Черноморского флота. На шлюпе «Диана» юноша плавал между Николаевом, Одессой и Севастополем, в 1839-м и 1840 годах на кораблях «Память Евстафия» и «Трех Иерархов» крей-

¹ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 326; ОМС. Ч. XI. С. 416.

² ОМС. Ч. XI. С. 416.

³ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. III. С. 642.

⁴ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 187.

сировал у берегов Абхазии. 1 июля 1842 года он получил чин мичмана со старшинством с 8 января 1841 года и с назначением на Балтийский флот. В 1844 году на корабле «Финланд» мичман крейсировал в Северном море. В 1845 году его возвратили на Черноморский флот. Савельев находился у проводки корабля «Ростислав» от Николаева до Севастополя, в 1846—1848 годах на «Ростиславе», бриге «Меркурий» и фрегате «Сизополь» крейсировал в Черном море. 23 марта 1847 года его произвели в лейтенанты. В 1849-м и 1850 годах молодой офицер на шхуне «Ласточка» и фрегате «Сизополь» крейсировал у берегов Кавказа и участвовал при отражении нападения горцев на форт Головинский, в 1851-м и 1852 годах на пароходах «Метеор» и «Громоносец» ходил по черноморским портам и в Константинополь¹.

В 1853 году на корабле «Императрица Мария» лейтенант Савельев участвовал в Синопском сражении, командовал деком. За примерную личную храбрость и распорядительность во время боя, при метком и быстром действии его дека, моряка представили к ордену Св. Владимира IV степени с бантом². Наградили его этим орденом и годовым окладом жалованья³.

6 декабря 1853 года Севастополь дал обед победителям при Синопе. Нахимов из-за болезни не присутствовал на нем. Однако группа подвыпивших офицеров пришла поздравлять вице-адмирала, за что тот журил и бранил участников, особенно лейтенанта Савельева⁴.

В 1854 году Савельев находился на Севастопольском рейде в экипаже корабля «Императрица Мария»; с 13 сентября он состоял в гарнизоне Севастополя на 3-м бастионе и 5 октября был ранен осколком бомбы в голову; за участие в обороне Севастополя награжден золотой полусаблей с надписью «За храбрость»⁵.

26 августа 1856 года моряка произвели в капитан-лейтенанты и назначили помощником капитана над Севастопольским портом. С 19 сентября 1858 года он — помощник капитана над Николаевским портом, а с 29 марта 1860 года — помощник главного командира Севастопольского порта. В 1861 году его наградили орденом Св. Станислава II степени, 1 января 1864 года произвели в капитаны 2-го ранга. В том же году Савельев получил крест за Кавказ. 31 декабря 1866 года моряка отчислили от должности помощника командира Севастопольского порта и 5 января 1867 года причислили к Черноморскому экипажу. 1 ян-

¹ ОМС. Ч. XI. С. 426—427.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 330.

³ ОМС. Ч. XI. С. 427.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 383.

⁵ Там же. С. 754; ОМС. Ч. XI. С. 427.

варя 1868 года его произвели в капитаны 1-го ранга, 8 октября назначили презусом комиссии военного суда в Николаеве. В 1870 году Савельева наградили императорской короной к ордену Св. Станислава II степени. 16 июня, после упразднения комиссии, его назначили состоять при главном командире Николаевского порта с причислением к Черноморскому экипажу. В 1873 году его наградили орденом Св. Анны II степени, в сентябре зачислили во 2-й Черноморский флотский Его Королевского Высочества герцога Эдинбургского экипаж. 18 февраля 1874 года моряка зачислили в резерв¹.

25 февраля 1874 года И.И. Савельева произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы². Скончался Иван Илларионович в 1888 году³.

СИДОРОВ ЯКОВ ПАВЛОВИЧ

Яков Сидоров 15 декабря 1850 года поступил юнкером на Черноморский флот. 12 апреля 1852 года юношу направили в школу флотских юнкеров, 6 мая 1853 года произвели в мичманы⁴. В 1853 году мичманом на корабле «Чесма» Сидоров участвовал в Синопском сражении. «За точное исполнение обязанностей и присутствие духа» он был представлен к ордену Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»⁵. Моряка наградили этим орденом и годовым окладом жалованья; 18 декабря его произвели за отличие в лейтенанты со старшинством от 18 ноября 1853 года⁶.

В 1854 году на «Чесме» лейтенант оставался на Севастопольском рейде. С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года он состоял в гарнизоне Севастополя, сначала командуя батареей между 4-м и 5-м бастионами. 16 декабря Сидоров был ранен штуцерной пулей в голову. После излечения он состоял командиром батареи на Малом бульваре Севастополя⁷.

26 февраля 1856 года моряка перевели в Астрахань. В 1857 году на пароходах «Тарки» и «Кама» он находился в Астрабадском заливе. В 1858 году, командуя пароходом «Кама», Сидоров 4 ноября участвовал в деле при истреблении Гассан-Гулинского аула враждебных туркмен; награжден полугодовым окладом жалованья. В 1859 году он командовал пароходом «Кама» на Астрабадской станции, затем командо-

¹ ОМС. Ч. XI. С. 427.

² Там же. С. 428.

³ Словарь биографический морской. С. 340.

⁴ ОМС. Ч. XI. С. 507.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 340.

⁶ ОМС. Ч. XI. С. 507.

⁷ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 755; ОМС. Ч. XI. С. 507.

вал шхуной «Змея» и проявил отличную распорядительность и храбрость в деле 18 и 19 августа при истреблении Чикигилярского аула туркмен; его наградили орденом Св. Станислава III степени с мечами. С 1860-го по 1865 год Сидоров командовал винтовой шхуной «Курд» при Астрабадской станции. В 1861 году он получил персидский орден Льва и Солнца III степени за вырубку персов из плена. 1 января 1863 года его произвели в капитан-лейтенанты, в 1865 году наградили орденом Св. Станислава II степени с мечами. В 1867 году моряка зачислили в Каспийский экипаж. За выслугу 25 лет в офицерских чинах его наградили орденом Св. Владимира IV степени с бантом. В 1870—1879 годах Сидоров командовал пароходами «Кура» и «Урал» в Красноводском заливе. 1 января 1871 года его произвели в капитаны 2-го ранга, 1 января 1875 года — в капитаны 1-го ранга. Моряка наградили в 1873 году императорской короной к ордену Св. Станислава II степени, в 1876 году — орденом Св. Анны II степени. 23 июля 1879 года Сидорова произвели в контр-адмиралы; скончался он 28 марта 1888 года¹.

СТАМАТИ-МИХАЙЛИ ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ

Дмитрий Стамати-Михайли родился 8 сентября 1823 года. 12 января 1838 года юноша стал гардемаринном Черноморского флота, 30 марта 1841 года был переименован в юнкера. 19 апреля 1842 года Стамати-Михайли произвели в мичманы с назначением в Балтийский флот. На тендере «Снапоп» он плавал в Балтийском море. В 1843—1844 годах мичман оставался при Кронштадтском порте; в 1845 году его вернули на Черноморский флот. В 1845—1852 годах на корабле «Султан Махмуд», бриге «Аргонавт», фрегатах «Месемврия» и «Браилов» Стамати-Михайли крейсировал у восточных берегов Черного моря. 3 апреля 1849 года его произвели в лейтенанты².

В 1853 году лейтенантом на фрегате «Кулевчи» Стамати-Михайли участвовал в Синопском сражении. Он состоял старшим офицером фрегата и «за точное и усердное исполнение распоряжений командира с отличным присутствием духа» был представлен к награждению орденом Св. Анны III степени с бантом³. Наградили его орденами и Св. Анны III степени с бантом, и Св. Владимира IV степени с бантом⁴.

В кампанию 1854 года лейтенант оставался на «Кулевчи»; с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года он состоял в гарнизоне Севасто-

¹ ОМС. Ч. XI. С. 507—504.

² Там же. С. 597—598.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 344.

⁴ ОМС. Ч. XI. С. 594.

поля. В 1856 году моряка перевели в Каспийскую флотилию. В 1857—1858 годах на пароходах «Ленкорань», «Тарки» и «Астрабад» он ходил по каспийским портам и Волге. 14 июля 1859 года его назначили старшим адъютантом Каспийской флотской бригады с состоянием по флоту, 16 ноября произвели в капитан-лейтенанты со старшинством от 8 сентября. 19 июня 1860 года Стамати-Михайли назначили непременно ассессором военного суда Астраханского порта. В 1864 году его пожаловали крестом за службу на Кавказе, 1 января 1866 года произвели в капитаны 2-го ранга, в том же году наградили орденом Св. Станислава II степени. 7 июня моряка причислили к Каспийскому экипажу, 20 апреля 1869 года произвели в капитаны 1-го ранга. 22 марта 1874 года зачислили по резервному флоту; 15 мая 1874 года его произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

СТРОЙНИКОВ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ

Александр Стройников родился 30 мая 1824 года. 8 июля 1839 года он стал гардемаринном Черноморского флота. В 1839—1841 годах юноша на корабле «Память Евстафия» крейсировал у восточных берегов Черного моря и участвовал в 1839 году во взятии местечка Псезуапсе, а в 1840 году — местечка Туапсе. 25 июня 1843 года его произвели в мичманы с назначением в Балтийский флот. В 1843-м и 1844 годах на корабле «Арсис» и фрегате «Екатерина» он крейсировал в Балтийском море, в 1845 году на бриге «Нестор» находился при описи и промерах. В 1846 году Стройникова перевели вновь на Черное море. На транспорте «Рион» моряк плавал между Николаевом и Севастополем, в 1847 году на корабле «Три Святителя» крейсировал по морю, в 1848 году на пароходе «Силач» находился в составе Дунайской гребной флотилии флаг-офицером при контр-адмирале Мессере. В 1849—1853 годах на кораблях «Три Святителя», «Трех Иерархов», фрегатах «Флора» и «Мидия» Стройников крейсировал у восточного побережья Черного моря; 2 марта 1850 года его назначили адъютантом 5-й бригады 5-й флотской дивизии, 23 апреля произвели в лейтенанты².

В 1853 году лейтенантом на корабле «Париж» Стройников состоял флаг-офицером контр-адмирала Ф.М. Новосильского и за быструю и точную передачу его приказаний представлен к ордену Св. Владимира IV степени с бантом³. Этим орденом моряк и был награжден. В 1854 году Стройников служил на корабле «Три Святителя», с 10 сентября по

¹ ОМС. Ч. XI. С. 598.

² Там же. С. 637.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 332.

11 октября 1854 года состоял в гарнизоне Севастополя¹. Он был командиром морского батальона 34-го флотского экипажа².

В 1855 году лейтенант командовал яхтой «Орианда» при Николаевском порте. В 1856 году его наградили орденом Св. Станислава III степени. На брандвахтенном бриге «Ахиллес» моряк находился в кампании на Одесском рейде. 26 ноября его назначили старшим адъютантом штаба командира Севастопольского порта, 8 сентября 1859 года произвели в капитан-лейтенанты. В 1860 году Стройникова перевели в 3-й сводный флотский экипаж. В 1860—1865 годах, командуя транспортом «Килия» и корветом «Волк», он плавал по черноморским портам, в 1863 году был награжден орденом Св. Станислава II степени, в 1864 году — тем же орденом с императорской короной за труды при перевозке войск Кавказской армии и при высадке их при мысе Адлер. 1 января 1866 года его произвели в капитаны 2-го ранга. В 1866 году Стройников получил крест за службу на Кавказе, в 1867 году был награжден орденом Св. Анны II степени, в 1869 году — тем же орденом с императорской короной. 10 февраля 1867 года моряка назначили исправляющим должность николаевского полицмейстера, 1 января 1870 года произвели в капитаны 1-го ранга. 6 сентября 1873 года его зачислили в состав 2-го Черноморского флотского Его Королевского Высочества герцога Эдинбургского экипажа, в 1874 году наградили орденом Св. Владимира III степени. 2 августа 1882 года Стройникова произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы³. Скончался он в 1886 году⁴.

ТАЛАЕВ АНДРЕЯН ЗИНОВЬЕВИЧ

Андреяна Талаева 7 апреля 1843 года из кадет Морского корпуса произвели в гардемарины. В 1845 году юноша на кораблях «Владимир» и «Константин» крейсировал по Балтике. 1 августа 1845 года его произвели в мичманы с назначением на Черноморский флот. В 1846—1848 годах на корабле «Уриил» мичман крейсировал у восточных берегов Черного моря, потом на пароходе «Молодец» и транспортах «Субаши» и «Абин» плавал по укреплениям Черноморской береговой линии. В 1849—1852 годах Талаев на кораблях «Уриил», «Париж» и бриге «Эней» крейсировал у абхазских берегов; 6 декабря 1851 года его произвели в лейтенанты⁵.

В 1853 году лейтенантом на корабле «Париж» Талаев участвовал в сражении при Синопе, командовал деком корабля. За примерную лич-

¹ ОМС. Ч. XI. С. 637.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 757.

³ ОМС. Ч. XI. С. 637—638.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 757.

⁵ ОМС. Ч. XII. С. 2—3.

ную храбрость и распорядительность во время боя, при метком и быстром действии его дека, моряк был представлен к ордену Св. Владимира IV степени с бантом¹. Этим орденом его и наградили².

В 1854 году лейтенант оставался на борту «Парижа». С 13 сентября 1854 года по 6 июля 1855 года он — участник обороны Севастополя, находился на 5-м отделении оборонительной линии. 11 марта 1855 года Талаев был контужен осколком бомбы в левую ногу, 6 июля — ранен в голову. Моряка наградили орденом Св. Анны III степени с бантом и золотой саблей с надписью «За храбрость»³.

В 1856 году Талаев на винтовом корвете «Гридень» находился в кампании у Охтенской верфи. 30 марта 1857 года его уволили для службы на коммерческих судах, 1 января 1862 года произвели в капитан-лейтенанты. 11 ноября 1863 года моряка уволили от службы с чином капитана 2-го ранга. 8 июля 1868 года его вновь приняли на службу капитан-лейтенантом с оставлением в коммерческом флоте. 24 октября 1870 года Талаева зачислили на действительную службу, 22 января 1872 года назначили младшим помощником капитана над Кронштадтским портом. 8 апреля 1873 года его произвели в капитаны 2-го ранга, 1 января 1877 года — в капитаны 1-го ранга. Талаева наградили в 1876 году орденом Св. Станислава II степени. 16 октября 1879 года ему установили дополнительное содержание по чину лейтенанта за бытность в Севастополе во время первого бомбардирования 5 октября (315 рублей); 26 февраля 1885 года это дополнительное содержание было установлено пожизненно. В 1885 году моряка произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы⁴.

Скончался А.З. Талаев 14 апреля 1897 года, похоронен на Волковом православном кладбище Санкт-Петербурга⁵.

ТВЕРИТИНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Сергей Тверитинов родился в 1820 году в семье морского офицера. 7 февраля 1838 года он поступил кадетом в Морской корпус, 1 января 1842 года стал гардемаринном, 9 августа 1844 года — мичманом, после чего был оставлен в офицерском классе. В 1844—1847 годах на фрегате «Отважность» и яхте «Нева» юноша плавал между Петербургом и Кронштадтом, 9 августа 1846 года его прикомандировали к Гвардейскому экипажу. 16 февраля 1848 года Тверитинова перевели на Черноморский

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 333.

² ОМС. Ч. XII. С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 3—4.

⁵ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. IV. С. 217.

флот. На корабле «Трех Иерархов» моряк крейсировал у восточных берегов Черного моря, потом на транспорте «Мамай» плавал по укреплениям Черноморской береговой линии. В 1849 году на фрегате «Кулевчи» мичман крейсировал у абхазских берегов и затем на транспорте «Мамай» ходил по тем же укреплениям. 23 апреля 1850 года его произвели в лейтенанты. В 1850 году на пароходофрегате «Бессарабия», в 1851 году на транспорте «Бзыбь» и бриге «Птоломей» он ходил по черноморским портам, в 1852 году на корабле «Трех Иерархов» плавал с десантными войсками между Севастополем и Одессой, в 1853 году на корвете «Калипсо» и корабле «Двенадцать Апостолов» крейсировал в Черном море¹.

В 1853 году лейтенантом на пароходофрегате «Одесса» Тверитинов участвовал в Синопском сражении, за точное выполнение распоряжений командира с отличным присутствием духа был представлен к ордену Св. Анны III степени с бантом². Награжден этим орденом и годовым жалованьем³.

В 1854 году моряк оставался на борту корабля «Двенадцать Апостолов» в Севастополе, с 13 сентября 1854 года по 27 марта 1855 года лейтенантом состоял в гарнизоне Севастополя на Корниловском бастионе, затем на Камчатском люнете; 26 марта был ранен штуцерной пулей в голову и осколком бомбы в грудь. Тверитинов состоял офицером для особых поручений при П.С. Нахимове в ходе бомбардирования Севастополя⁴. В записной книжке Нахимова записано: «Тверитинова возвратить»⁵. 6 июля 1855 года произведен в капитан-лейтенанты. Награжден орденом Св. Владимира IV степени с мечами и золотой полусаблей с надписью «За храбрость»⁶.

1 апреля 1857 года Тверитинова назначили Николаевским городничим Самарской губернии, 14 октября 1858 года переименовали в должность самарского полицмейстера. В 1860 году моряк был награжден орденом Св. Станислава II степени с императорской короной, 17 апреля 1862 года произведен в капитаны 2-го ранга. 23 сентября 1864 года его назначили старшим адъютантом в штате войск Оренбургского края по части оберквартирмейстера для заведования отделением по Аральской флотилии. 28 ноября 1865 года его назначили старшим адъютантом штаба Оренбургского военного округа по той же части, 27 марта 1866 года произвели в капитаны 1-го ранга. 18 декабря 1868 года моряка оставили за штатом округа, в 1867 году наградили орденом Св. Анны II степени с император-

¹ ОМС. Ч. XII. С. 11.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 350

³ ОМС. Ч. XII. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 552.

⁶ ОМС. Ч. XII. С. 12.

ской короной и мечами. 15 марта его зачислили сверх штата при окружном штабе с производством содержания в течение года. 27 ноября его допустили к исправлению должности Гурьевского уездного начальника и назначили председателем организационной комиссии по введению нового положения между киргизами в этом уезде. С 22 сентября по 2 ноября 1870 года Тверитинов находился в киргизской степи начальником военного отряда для умирения адоевцев, уничтожения шаек и для поверки местности у озера Масме, избранной под укрепление. Его наградили орденом Св. Владимира III степени с мечами. С 5 апреля по 9 октября 1871 года Тверитинов командовал отрядом, посланным на нижнюю Эмбу для постройки укрепления при озере Масме и для изыскания пути в Хиву. 20 августа его назначили председателем временного совета по управлению внутрикиргизской ордой. 31 марта 1874 года офицера произвели в генерал-майоры с зачислением по адмиралтейству со старшинством на основании манифеста 18 февраля 1862 года. В 1878 году его наградили орденом Св. Станислава I степени, 16 апреля 1884 года произвели в генерал-лейтенанты с увольнением от службы.

Скончался С.А. Тверитинов 20 марта 1885 года¹.

УСОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Михаил Усов родился 29 сентября 1829 года². 4 июня 1850 года он поступил юнкером на Черноморский флот. На фрегате «Кулевчи» юноша крейсировал по Черному морю. В 1851—1852 годах на бриге «Язон» он перешел из Одессы в Константинополь, ходил в Архипелаг, Средиземное и Адриатическое моря и на бриге «Фемистокл» возвратился в Севастополь. 16 апреля 1852 года Усова перевели в школу флотских юнкеров в Николаев. 6 мая 1853 года он стал мичманом и на корабле «Императрица Мария» крейсировал у восточных берегов Черного моря³.

В 1853 году мичманом на корабле «Императрица Мария» Усов участвовал в Синопском сражении. «За быстрое выполнение обязанностей и отличное присутствие духа» был представлен к ордену Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»⁴. Наградили его просимым орденом и произвели в лейтенанты старшинством от 18 ноября 1853 года⁵.

В 1854 году лейтенант служил на корабле «Императрица Мария»; с 13 сентября 1854 года по 28 августа 1855 года он состоял в гарнизоне

¹ ОМС. Ч. XII. С. 12—13.

² Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. IV. С. 329.

³ ОМС. Ч. XII. С. 132.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 330.

⁵ ОМС. Ч. XII. С. 132.

Севастополя, командовал батареей на 3-м бастионе, 14 августа 1855 года был ранен штуцерной пулей в левое бедро и контужен гранатой в голову, награжден орденами Св. Георгия IV степени, Св. Анны III степени с мечами и бантом¹.

У постели раненого П.С. Нахимова Усов вместе с бароном Крюденером зарисовывал его².

В 1857—1859 годах на клипере «Джигит» Усов перешел из Кронштадта в Тихий океан, крейсировал у берегов Японии. В 1860 году он на транспорте «Ока» плавал в Финском заливе, в 1861 году на корабле «Цесаревич» — на Балтике. 1 января 1863 года его произвели в капитан-лейтенанты. 18 марта 1863 года Усова назначили помощником начальника Аральской флотилии. Командуя пароходом «Арал», под брейд-вымпелом начальника флотилии флигель-адъютанта А.И. Бутакова он ходил по Сырдарье. В 1864 году моряка наградили орденом Св. Станислава II степени и перевели на Балтийский флот, а 9 октября 1865 года — на Сибирскую флотилию. В 1866—1870 годах, командуя винтовой лодкой «Соболь», капитан-лейтенант плавал по Амуру. В 1867 году за 25 лет службы в офицерских чинах он был награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом, в 1869 году — императорской короной к ордену Св. Станислава II степени³.

10 октября 1870 года моряка перевели на Балтийский флот. 1 января 1871 года его произвели в капитаны 2-го ранга, 15 ноября 1872 года наградили бронзовой медалью в память 100-летнего юбилея ордена Св. Георгия. В 1873—1880 годах Усов командовал пароходом «Волга» в плаваниях по Финскому заливу и финляндским шхерам. В 1874 году его наградили орденом Св. Анны II степени, 1 января 1875 года произвели в капитаны 1-го ранга. В 1879 году Усов состоял временным членом военно-морского суда при Петербургском порте, был награжден подарком по чину, а в 1883 году — орденом Св. Владимира III степени. 26 февраля 1885 года моряка зачислили по флоту. 3 февраля 1886 года его произвели в контр-адмиралы с увольнением в отставку⁴.

Скончался Усов 22 декабря 1904 года и похоронен в Новодевичьем монастыре Санкт-Петербурга⁵. Его именем назван мыс Усова (Йонордан) в Японском море на полуострове Корея, обследованный и наименованный в 1886 году экипажем клипера «Крейсер»⁶.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 759; ОМС. Ч. XII. С. 132.

² Там же. С. 563.

³ ОМС. Ч. XII. С. 132—133.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. IV. С. 329.

⁶ Маслеников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 215.

ФЕДОРОВИЧ ИОСИФ ИОСИФОВИЧ

Иосиф Федорович родился в 1823 году. 29 февраля 1834 года он поступил в Морской корпус кадетом, 16 октября 1838 года был произведен в гардемарины. В 1839-м и 1840 годах юноша на кораблях «Прохор», «Не тронь меня» и «Вола» плавал по Балтийскому морю. 8 января 1841 года его произвели в мичманы с переводом на Черноморский флот. В 1841-м и 1842 годах на бриге «Неарк» и корабле «Двенадцать Апостолов» мичман крейсировал у абхазских берегов. В 1843—1846 годах Федорович на транспортной шхуне «Ялта» плавал по черноморским портам, потом на корабле «Двенадцать Апостолов» и бриге «Неарк» крейсировал по Черному морю. 7 апреля 1846 года его произвели в лейтенанты. В 1846—1848 годах офицером шхуны «Забияка» И.И. Федорович перешел из Одессы в Константинополь, оттуда в Архипелаг, на Средиземное море и обратно. В 1849 году его наградили орденом Св. Анны III степени. В 1850—1851 годах лейтенант на шхуне «Забияка» и корабле «Двенадцать Апостолов» крейсировал у берегов Абхазии. 25 июля 1852 года его перевели в школу флотских юнкеров в Николаеве¹.

30 мая 1852 года В.А. Корнилов в письме брату писал: «Письмо это отправляю с старым сослуживцем моим лейтенантом Федоровичем (Иосиф Иосифович), ныне он офицером юнкерской школы, которую я лелею, как свое дитя. Приласкай Федоровича, и так как у него есть дело, то расспроси, в чем оно состоит, и дай совет, а если можно, то и пособи, ты этим меня особенно обяжешь...»²

В 1853 году лейтенант на корабле «Три Святителя» участвовал в Синопском сражении. Он командовал деком и за отличную храбрость и распорядительность был представлен к ордену Св. Владимира IV степени с бантом³. За сражение моряка наградили этим орденом и годовым окладом жалованья⁴.

В 1854 году лейтенант служил сначала на «Трех Святителях»; с 23 июня 1854 года по 1 июня 1855 года он состоял по особым поручениям по морской части сперва при Наказном атамане Донского войска Хомутове, в Керчи при укреплении и обороне Керченского пролива, потом при генерал-лейтенанте бароне Врангеле. С 15 июня по 24 августа 1855 года Федорович участвовал в обороне Севастополя в качестве командира 2-го бастиона; 2 августа он был контужен камнем в темя, 3 августа при взрыве бомбы — в голову и обе голени. Его награ-

¹ ОМС. Ч. XII. С. 459—460.

² В.А. Корнилов. Документы. С. 162.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 336.

⁴ ОМС. Ч. XII. С. 460.

дили золотой саблей с надписью «За храбрость», 16 ноября 1855 года произвели за отличие в капитан-лейтенанты¹.

В 1856 году Федорович, командуя винтовым клипером «Стрелок», перевел его из Архангельска в Кронштадт и был награжден орденом Св. Станислава II степени. В 1857—1859 годах моряк командовал тем же клипером в плавании на Тихий океан и обратно².

В 1859 году моряка наградили императорской короной к ордену Св. Станислава II степени. 5 апреля 1860 года его прикомандировали на правах раненного к Морскому корпусу. 28 ноября 1861 года капитан-лейтенанта перевели в Черноморскую флотилию с прикомандированием к Черноморской штурманской роте. 19 августа 1862 года его назначили чиновником особых поручений в контору Николаевского порта. 1 января 1863 года Федоровича произвели в капитаны 2-го ранга, 25 мая отчислили от должности с назначением во 2-й сводный Черноморский экипаж. 26 марта 1864 года моряка назначили верхнеднепровским уездным исправником, 22 января 1866 года — владими́ро-во́лыньским уездным исправником. 1 января 1867 года его произвели в капитаны 1-го ранга, 8 апреля 1868 года зачислили по резервному флоту. 16 ноября 1870 года Федоровича зачислили на действительную службу в 8-й флотский экипаж, 27 октября 1873 года перевели в Черноморский флот. 16 декабря 1874 года Федоровича произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы³.

ФЕЛЬДГАУЗЕН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Александр Фельдгаузен родился 5 октября 1832 года, 15 апреля 1848 года он стал гардемаринном Черноморского флота, в 1849 году на корабле «Ягудии» крейсировал у абхазских берегов и 9 августа 1850 года был произведен в мичманы. В 1850 году он на транспорте «Кубань» плавал между Николаевом и Севастополем, в 1851-м и 1852 годах на корабле «Свято-слав», бриге «Птоломей» и корвете «Калипсо» крейсировал у восточного берега Черного моря. В 1853 году моряк на пароходофрегате «Бессарабия» ходил в Константинополь, Архипелаг и по черноморским портам⁴.

28 февраля «Бессарабия» с В.А. Корниловым на борту вышла из Константинополя в Мраморное море. Начальник штаба Черноморского флота и портов направлялся в Грецию для осмотра стоявших там русских кораблей, вернулся в бухту Золотой Рог 8 марта, затем на «Бессарабии» 12—14 марта перешел в Одессу, а после карантина 18 марта прибыл в Нико-

¹ ОМС. Ч. XII. С. 460; Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 760.

² ОМС. Ч. XII. С. 460.

³ Там же. С. 461.

⁴ Там же. С. 154.

лаев. Фактической задачей плавания был сбор сведений о турецком флоте и укреплениях Босфора и Дарданелл, о чем Корнилов составил отчет¹.

В 1853 году мичман на корабле «Императрица Мария» участвовал в Синопском сражении; Фельдгаузен состоял флаг-офицером при П.С. Нахимове, который за быстрое и точное исполнение приказаний с отличным присутствием духа представил моряка к ордену Св. Анны III степени с бантом². Награжден моряк был этим орденом; 18 ноября его произвели за отличие в лейтенанты³.

В 1854 году моряк первоначально состоял на корабле «Двенадцать Апостолов», с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года находился в гарнизоне и участвовал в обороне Севастополя. В 1855 году он был адъютантом П.С. Нахимова, затем адъютантом Ф.М. Новосильского и А.И. Панфилова⁴. Вместе с Нахимовым лейтенант под огнем обходил укрепления; Фельдгаузен выезжал с адмиралом и в день его ранения, но Нахимов направил адъютанта на 3-й бастион⁵.

Когда французы предприняли 6 июня 1855 года штурм Малахова кургана и ворвались в укрепление, Нахимов приказал адъютантам Фельдгаузену и Колтовскому повести полк, лишившийся командиров, в штыковую контратаку. Неприятель был выбит с Малахова кургана⁶.

При взятии неприятелем Камчатского люнета атаковавшие французы шли по пятам Нахимова, который с Фельдгаузенем и Шкотом отошел на Малахов курган и воодушевил его защитников⁷.

За оборону Севастополя Фельдгаузена наградили орденами Св. Владимира IV степени с бантом, Св. Анны II степени с мечами и золотой саблей с надписью «За храбрость». 10 августа 1855 года Фельдгаузена назначили адъютантом к вице-адмиралу Н.Ф. Метлину с отчислением по флоту. В 1856 году моряк командовал последовательно яхтой «Орианда» и тендером «Скорый» в плаваниях у крымских берегов. В 1859 году лейтенанта перевели на Балтийский флот. Он командовал винтовой лодкой «Комар» в финляндских шхерах. 23 февраля 1860 года его уволили для службы на коммерческих судах, 1 января 1863 года произвели в капитан-лейтенанты. В 1870 году Фельдгаузена наградили орденом Св. Станислава II степени с императорской короной, 1 января 1871 года произвели в капитаны 2-го ранга⁸.

¹ В.А. Корнилов. Документы. С. 20—21.

² Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 329.

³ ОМС. Ч. XII. С. 154.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 760; ОМС. Ч. XII. С. 155.

⁵ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 459, 580—581.

⁶ Там же. С. 641.

⁷ Там же. С. 648—649.

⁸ ОМС. Ч. XII. С. 155

13 июля 1873 года Фельдгаузен зачислили на действительную службу, 1 января 1875 года произвели в капитаны 1-го ранга. С 2 августа 1876 года моряк — командир Сибирского экипажа, в 1878 году был награжден орденом Св. Анны II степени. 9 июня 1880 года его произвели в контр-адмиралы и назначили главным командиром портов Восточного океана и военным губернатором. В 1882 году Фельдгаузен наградили орденом Св. Станислава I степени, в 1884 году контр-адмирал получил японский орден Восходящего Солнца¹.

В 1886 году моряка наградили орденом Св. Анны I степени. 18 августа его перевели в распоряжение управляющего Морским министерством. 20 июля 1887 года Фельдгаузен произвели в вице-адмиралы с увольнением от службы².

Умер Фельдгаузен 2 июля 1907 года и похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры³.

Его именем был назван остров (Синдо) в Японском море у полуострова Корея, обследованный и наименованный экипажем клипера «Крейсер» в 1886 году⁴.

ЧАЙКОВСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Дмитрий Чайковский родился 22 августа 1828 года, 12 ноября 1842 года стал гардемаринном Черноморского флота. В 1843 году на кораблях «Двенадцать Апостолов» и «Трех Иерархов» юноша крейсировал по Черному морю, в 1844-м и 1845 годах плавал у восточных его берегов на фрегате «Флора». 23 марта 1847 года он был произведен в мичманы и назначен на Балтийский флот. В 1847 году молодой офицер на транспорте «Тверца» и фрегате «Князь Нидерландский» плавал по портам Финского залива. В 1849-м и 1850 годах на бриге «Приам» крейсировал в Балтийском море. В 1851 году его снова перевели на Черноморский флот; моряк на пароходе «Инкерман» плавал между Николаевом и Севастополем, потом на пароходах «Грозный» и «Скромный» ходил между Николаевом и Сулином. В 1852 году на корабле «Силистрия» и пароходофрегате «Громоносец» Чайковский плавал по черноморским портам. 19 апреля 1853 года его произвели в лейтенанты⁵.

В 1853 году лейтенантом на корабле «Великий князь Константин» Чайковский участвовал в Синопском сражении, командовал деком. «За

¹ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 339; ОМС. Ч. XII. С. 155.

² ОМС. Ч. XII. С. 155.

³ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. IV. С. 349.

⁴ Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 217.

⁵ ОМС. Ч. XII. С. 238.

отличную храбрость и распорядительность во время боя при метком и быстром действии» его дека моряк был представлен к ордену Св. Владимира IV степени с бантом¹. Наградили его этим орденом и годовым жалованьем².

В 1854-м и 1855 годах лейтенант на корабле «Великий князь Константин» находился на Севастопольском рейде, в 1855 году был награжден орденом Св. Станислава III степени. В 1856-м и 1857 годах моряк находился при Николаевском порте, в 1858—1859 годах на корабле «Цесаревич» перешел из Николаева в Кронштадт, откуда сушей вернулся обратно. В 1859 году Чайковского наградили орденом Св. Станислава II степени, в 1860 году назначили во 2-й Черноморский сводный экипаж. В 1860—1869 годах моряк командовал последовательно шхуной «Туапсе» и парходом «Казбек» в плаваниях по Черному морю до берегов Кавказа и Константинополя. 1 января 1862 года его произвели в капитан-лейтенанты, в 1863 году за участие в действиях против горцев наградили орденом Св. Станислава II степени с мечами и императорской короной, в 1864 году — орденом Св. Анны II степени за труды при перевозке десанта Кавказской армии и при высадке на мыс Адлер. В 1866 году Чайковского пожаловали медалью и крестом за службу на Кавказе. В 1868 году он получил императорскую корону к ордену Св. Анны II степени, в 1869 году — турецкий орден Меджидие. 1 января 1870 года Чайковского произвели в капитаны 2-го ранга. Он командовал пароходом «Тамань» в греческих водах, после чего был переведен на Балтику. В 1871 году на мониторе «Единорог», пароходофрегате «Олаф» и броненосном фрегате «Князь Пожарский» Чайковский плавал в Финском заливе; затем его возвратили на Черноморский флот. В 1872—1874 годах моряк командовал корветом «Ястреб» на Черном море. 8 апреля 1873 года его произвели в капитаны 1-го ранга и зачислили в состав 2-го Черноморского флотского Его Королевского Высочества герцога Эдинбургского экипажа. В 1874—1876 годах Чайковский состоял временным членом военно-морского суда при Николаевском порте, в 1875 году получил подарок по чину³.

В 1876—1877 годах в должности флаг-капитана при главном командире Черноморского флота и портов Чайковский плавал по Черному морю. В 1877 году моряка назначили начальником морской батареи в Очакове. 7 февраля 1878 года его командировали в Адрианополь к главнокомандующему действующей армией для предоставления сведений о вместимости черноморских пароходов, предназначенных для перевозки войск из Турции в порты России, на случай заключения мира.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 338.

² ОМС. Ч. XII. С. 238.

³ Там же. С. 238—239.

В марте Чайковский вернулся в Николаев. Он был награжден орденом Св. Владимира III степени. В 1878—1884 годах капитан 1-го ранга командовал на Черном море пароходом «Россия» и учебно-артиллерийским корветом «Воин», в 1881 году вновь получил подарок по чину с вензелем Императора. 11 февраля 1885 года Чайковского произвели в контр-адмиралы и назначили командиром 1-го Черноморского флотского Его Высочества генерал-адмирала экипажа. 28 мая 1885 года ему назначили вознаграждение за долговременное командование судами 1-го и 2-го рангов (540 рублей в год). В 1887 году на пароходе «Сестрица» моряк ходил по Бугу. В 1888 году он был награжден орденом Св. Станислава I степени и временно исполнял обязанности главного командира Черноморского флота и портов Черного и Каспийского морей, а также николаевского военного губернатора. 31 октября 1888 года его уволили от службы. Скончался контр-адмирал 4 января 1889 года¹.

ШВАРЦ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ

Михаил Шварц родился 18 февраля 1826 года. 19 января 1841 года его из кадет Морского корпуса произвели в гардемарины. 30 декабря 1842 года, по окончании Морского корпуса, юноша стал мичманом; в 1843 году на шхуне «Метеор» он плавал по Балтийскому морю, а потом был переведен на Черное море. В 1844—1848 годах Шварц на судах Черноморского флота (корабле «Анапа», бригах «Меркурий», «Фемистокл», «Эндимион», тендерах «Нырок» и «Проворный») крейсировал в Черном море. 3 апреля 1849 года его произвели в лейтенанты. На транспорте «Рион» моряк плавал между Николаевом и Севастополем. В 1850—1853 годах на корабле «Чесма» и бригае «Меркурий» Шварц крейсировал у восточных берегов Черного моря².

В 1853 году лейтенант участвовал в Синопском сражении на корабле «Чесма», командовал деком и «за отличную храбрость и распорядительность во время боя при метком и быстром действии» его дека был представлен П.С. Нахимовым к ордену Св. Владимира IV степени с бантом³. Он получил орден Св. Владимира IV степени с мечами и бантом и годовой оклад жалованья⁴.

С 13 сентября 1854 года по 28 июня 1855 года Шварц командовал редутом на левом фланге 1-го отделения оборонительной линии (редут

¹ ОМС. Ч. XII. С. 239—240.

² Там же. С. 292.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 340.

⁴ ОМС. Ч. XII. С. 292.

№ 1, или редут Шварца)¹. По решению думы георгиевских кавалеров от 15 ноября 1854 года лейтенанта утвердили одним из кандидатов на награждение орденом Св. Георгия IV степени. Его редут, расположенный у бастиона № 5, вместе с другими укреплениями подавил неприятельскую батарею при бомбардировке 5 октября. В решении думы, как и для Белкина, записано, что офицер хладнокровно руководил стрельбой орудий, подавивших неприятельскую батарею, и показывал пример подчиненным при восстановлении разрушений под неприятельским обстрелом².

7 июня 1855 года Шварц был контужен в правую сторону головы осколком бомбы с ранением уха. За оборону Севастополя моряка наградили орденами Св. Георгия IV степени, Св. Анны II степени и золотой саблей с надписью «За храбрость»³.

В 1856 году, командуя винтовой лодкой «Гул», Шварц плавал между Петербургом и Кронштадтом; в 1859 году он командовал винтовой лодкой «Копье», и 8 сентября его произвели в капитан-лейтенанты. В 1861 году моряк на корабле «Цесаревич» плавал в Балтийском море, в 1862 году командовал клипером «Жемчуг» в Северном море, получил в награду орден Св. Станислава II степени с императорской короной. В 1864—1865 годах капитан-лейтенант командовал «Жемчугом» на Балтике. В 1864 году его наградили императорской короной и мечами к ордену Св. Анны II степени, 1 января 1866 года произвели в капитаны 2-го ранга. В 1866—1869 годах Шварц командовал двухбашенной лодкой «Русалка» в Финском заливе; 11 марта 1869 года его произвели в капитаны 1-го ранга. В 1870 году моряк командовал броненосной батареей «Первенец», в 1872—1875 годах — фрегатом «Петропавловск» в Балтийском море; в 1872 году его наградили орденом Св. Владимира III степени, в 1875 году — подарком по чину с вензелем Императора. В 1879 году моряк получил нидерландский орден Вильгельма и греческий — Спасителя⁴.

28 марта 1882 года Шварца произвели в контр-адмиралы. В 1883—1884 годах он командовал учебно-артиллерийским отрядом Балтийского флота в Финском заливе. В 1884 году его наградили орденом Св. Станислава I степени. 17 июня 1885 года флагмана назначили комендантом Кронштадта. За долговременное командование судами ему назначили вознаграждение в 540 рублей в год. 5 января 1887 года Шварца зачислили по флоту, в 1892 году вновь пожаловали подарком по чину⁵.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 762; ОМС. Ч. XII. С. 292.

² Там же. С. 436—437.

³ ОМС. Ч. XII. С. 292.

⁴ Там же. С. 293.

⁵ Там же.

Скончался М.П. Шварц 7 марта 1896 года и похоронен на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга¹. Его именем назван мыс Шварца (Тэгудан) в Японском море на полуострове Корея, обследованный и названный экипажем клипера «Крейсер» в 1886 году².

ШМАКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Алексея Шмакова 30 января 1841 года произвели в гардемарины Черноморского флота. На корабле «Императрица Екатерина II» он крейсировал у восточных берегов. 3 февраля 1844 года юношу переименовали в юнкера. На шхуне «Дротик» он крейсировал у абхазских берегов. 15 апреля 1845 года Шмакова произвели в мичманы с переводом в Балтийский флот. На бриге «Аякс» он крейсировал по Балтийскому морю. В 1846 году моряка вернули на Черноморский флот; на транспорте «Гагра» он плавал у абхазских берегов, после чего был направлен в Архангельск. В 1847 году на корабле «Иезекииль» мичман перешел в Кронштадт, в 1848 году на транспорте «Тверца» плавал по портам Финского залива. В 1849 году мичмана вновь перевели на Черноморский флот. На бриге «Меркурий» он плавал по Черному морю, в 1850 году ходил у абхазских берегов на шхуне «Ласточка». В 1851 году на тендере «Проворный» Шмаков находился на Севастопольском рейде. 6 декабря его произвели в лейтенанты. В 1852 году на пароходе «Инкерман» офицер ходил по черноморским портам, затем на фрегате «Коварна» и корабле «Три Святителя» крейсировал у берегов Кавказа³.

В 1853 году лейтенант участвовал в Синопском сражении: на корабле «Три Святителя» он командовал деком и за отличную храбрость и распорядительность во время боя был представлен к ордену Св. Владимира IV степени с бантом⁴. Этим орденом его и наградили⁵.

В 1854 году лейтенант служил на пароходофрегате «Крым» и участвовал в перестрелках с англо-французскими пароходами. С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года он состоял в гарнизоне Севастополя. 16 октября 1854 года Шмаков был контужен в грудь, 16 июля 1855 года контужен пулей в живот. Моряка наградили золотой саблей с надписью «За храбрость»⁶.

¹ Саитов В.Н. Петербургский некрополь. Т. IV. С. 515.

² Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. С. 232.

³ ОМС. Ч. XII. С. 354.

⁴ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 336.

⁵ ОМС. Ч. XII. С. 354.

⁶ Там же.

В 1856 году на винтовом клипере «Стрелок» Шмаков перешел из Архангельска в Кронштадт. 18 октября 1858 года его уволили для службы на коммерческих судах. 1 января 1862 года моряка произвели в капитан-лейтенанты, 1 января 1870 года — в капитаны 2-го ранга, 1 января 1873 года — в капитаны 1-го ранга. В 1872 году его наградили орденом Св. Станислава II степени. 6 августа 1879 года Шмакова произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы¹.

ЭСМОНТ АЛЕКСАНДР САМОЙЛОВИЧ

Александр Эсмонт родился в 1828 году. 21 августа 1842 года его произвели в гардемарины Черноморского флота. В 1843—1846 годах юноша крейсировал на шхуне «Гонец» у берегов Абхазии, потом на паруснопаруснофрегате «Бессарабия» ходил по черноморским портам. 1 февраля 1844 года его переименовали в юнкера, 23 марта 1847 года произвели в мичманы с назначением на Балтийский флот. В 1847-м и 1848 годах на корабле «Вола» и бриге «Парис» он крейсировал по Балтийскому морю, после чего был возвращен на Черноморский флот. В 1849 году на бриге «Эндимион» мичман плавал на Черном море, затем на бриге «Меркурий» находился в кампании на Севастопольском рейде. В 1851-м и 1852 годах моряк на паруснопаруснофрегате «Одесса» поддерживал почтовое сообщение между Одессой и Константинополем, затем в 1852 году на бриге «Эндимион» и корабле «Чесма» оставался на рейде Севастополя. В 1853 году Эсмонт крейсировал на «Чесме» по Черному морю и участвовал в Синопском сражении². «За примерную храбрость и точное выполнение обязанностей» он был представлен к ордену Св. Анны III степени с бантом³. Моряка наградили орденом Св. Анны III степени с мечами и годовым окладом жалованья; его произвели за отличие в лейтенанты 18 ноября 1853 года⁴.

В кампанию 1854 года лейтенант служил на пароходе «Эльборус»⁵. Пароход зимовал в Николаеве и весной перешел в Севастополь; так как в море появлялись английские и французские пароходы, для встречи его 9 апреля выслали паруснопаруснофрегат «Владимир»⁶. На борту «Эльборуса», кроме других грузов, были доставлены бомбы академика Лехнера. Не ограничиваясь переходом, командовавший «Эльборусом» А.А. Попов по

¹ ОМС. Ч. XII. С. 354—355.

² Там же. С. 418.

³ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 340.

⁴ ОМС. Ч. XII. С. 418.

⁵ Там же.

⁶ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 396.

совету В.А. Корнилова, пользуясь туманом, направился от Тендры на юг к Пендераклии в надежде пройти вдоль берегов Анатолии и Кавказа до Керчи и захватить турецкое торговое судно, но из-за прояснения тумана был вынужден в 50 милях от Крыма взять курс на Севастополь¹.

Летом «Эльборус» выходил в крейсерство. 5 июля 1854 года капитан-лейтенант П.В. Воеводский писал М.Ф. Рейнеке:

«На днях воротился «Эльборус» из экспедиции, о которой вы, вероятно, уже слышали; недалеко от Константинопольского пролива ему удалось сжечь два турецких брига: один был с углем, другой с пшеницей и кукурузой; экипажи он посадил на чектырму и отпустил в 10 милях от пролива. Шкиперов он привез на пароходе, и теперь выдерживают карантин»².

В соответствии с приказами вице-адмирала Корнилова по распределению кораблей для обороны Севастополя от 21 сентября «Эльборусу» следовало стоять против Ушаковой балки³. Но вскоре Эсмонт оставил борт парохода. В записной книжке П.С. Нахимова, скорее всего осенью 1854 года, было записано: «Федоровский 2-й на «Эльборусе». Эсмонт на батарею Скарятин — есть Перфильев — узнать где?»⁴ С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года Эсмонт состоял в гарнизоне Севастополя, участвовал в его обороне на Корниловском бастионе. Моряк был награжден орденом Св. Станислава II степени с мечами⁵.

26 мая 1856 года лейтенанта перевели в 46-й флотский экипаж в Астрахань. В 1856—1858 годах он командовал брандвахтенной шхуной «Муха» на Бакинском рейде, в 1858—1879 годах, командуя винтовыми шхунами «Казаю», «Хивинец», баржей «Нырок» и транспортом «Аист», плавал по Каспийскому морю. В 1860 году Эсмонта наградили императорской короной к ордену Св. Станислава II степени, в 1862 году за 25 лет службы в офицерских чинах — орденом Св. Владимира IV степени с бантом. 1 января 1863 года его произвели в капитан-лейтенанты, 1 января 1871 года — в капитаны 2-го ранга, 1 января 1875 года — в капитаны 1-го ранга, наградили в 1873 году орденом Св. Анны II степени. 26 ноября 1879 года моряка назначили начальником Астрабадской станции; состоял он в этой должности до упразднения станции в 1883 году. В 1882 году Эсмонт получил персидский орден Льва и Солнца. В 1883 году его зачислили в Каспийский флотский экипаж, 27 мая 1885 года произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы⁶.

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 402.

² Там же. С. 407.

³ Там же. С. 423.

⁴ Там же. С. 551.

⁵ Там же. С. 763; ОМС. Ч. XII. С. 418.

⁶ ОМС. Ч. XII. С. 418—419.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед вами, уважаемый читатель, прошла череда судеб российских моряков. Часть их известна давно: П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, Г.И. Бутаков. Но о большинстве мало кто имел представление. Казалось, что создание отечественного флота — дело рук немногих выдающихся людей. Прочитанные вами строки свидетельствуют: немало моряков участвовало в развитии российского флота, но только теперь имена и деяния многих достойных начинают выходить из тени. Даже в «Морском биографическом словаре» оказались не все синопцы, имевшие флагманские чины. А среди них были люди интересные: флотоводцы, мореплаватели, исследователи, создатели первых паровых и броненосных эскадр.

Чистая случайность, что именно эти офицеры участвовали в Синопском сражении, объединила их имена в указателе имен к сборнику документов П.С. Нахимова¹. Но не случайным было то, что все они оказались людьми достойными. Несмотря на разную степень участия в сражении, ни один из них не получил отрицательной характеристики современников и потомков. Сражение и последующая жизнь продемонстрировали, каких результатов добилась лазаревская школа в воспитании моряков. Школа эта могла возникнуть лишь там (на Черном море), где корабли содержали не для парадов, а для боевых действий.

Тот факт, что Черноморский флот не смог сразиться с многократно превосходящим союзным флотом, нисколько не умаляет заслуг М.П. Лазарева и его учеников. Флот этот создавали для господства на Черном море над турецким, для крейсерства у берегов Кавказа, для борьбы с контрабандой. Эту задачу моряки блестяще выполняли, круглогодично находясь в море. Но не могла Россия, которой следовало содержать флоты и флотилии на нескольких театрах, создать на Черном море силу,

---

¹ Нахимов П.С. Документы и материалы. С. 725—764.

равную мощи сильнейших морских держав. В ту пору в России еще не существовало промышленности, которая могла помочь построить необходимое количество паровых судов. Флот, приспособленный, чтобы держаться в страхе турок, не мог сражаться с англо-французским.

Лазаревская школа воспитывала моряков, способных в трудном плавании сохранять боеспособность кораблей. Осеннее крейсерство 1853 года перед Синопом и возвращение поврежденных кораблей в Севастополь — пример морского искусства черноморцев. Артиллеристы учились стрелять быстро и точно. Моряки были готовы идти на абортдаж либо высаживать десант. Но все это не потребовалось, когда гигантский флот приблизился к Евпатории.

Конечно, существовал вариант, и о нем писали: атаковать союзный флот, пока он, нагруженный войсками, шел к берегам Крыма. Но, по недоверию Николая I к технике, пароходов оказалось меньше, чем парусных кораблей. Импровизированных пароходофрегатов не хватало даже для разведки, а специально построенным оставался единственный «Владимир». Даже если бы черноморцам удалось сблизиться с противником и уничтожить часть его судов, все равно у союзников оставались в резерве огромные силы, и они могли взять оставленный без защиты моряков Севастополь голыми руками. Общеизвестно, что только решительность морского командования спасла главную базу флота и позволила удерживать ее долгие месяцы. Поэтому морякам и пришлось топить корабли на фарватере, а затем переносить морские традиции и порядок на бастионы, превратив их в сухопутные корабли.

Участие в таком историческом, достопамятном событии, как Синопское сражение, являлось на последующие годы определенной характеристикой человека и, вероятно, помогало участникам двигаться по службе. По крайней мере, об этом свидетельствует процент участников, достигших адмиральских чинов.

Понятно, что все флагманы, участвовавшие в сражении (Нахимов, Корнилов, Новосильский и Панфилов) как ближайшие ученики М.П. Лазарева, отобранные им из массы офицеров, выделились и в ходе обороны Севастополя, а пережившие осаду — и после войны.

К числу лиц, проходивших отбор Лазарева и его ближайших учеников, относились командиры кораблей. В Синопском сражении участвовали шесть линейных кораблей, два фрегата и три пароходофрегата; всего насчитывалось одиннадцать командиров плюс Г.И. Бутаков, бывший в бою на «Одессе». Из них девять человек получили со временем адмиральские чины. Из остальных Лев Иванович Будищев, командовавший фрегатом «Кулевчи», 23 мая 1855 года пал при обороне Севастополя в чине капитана 1-го ранга. Лев Андреевич Ергомышев, командир

корабля «Великий князь Константин», умер в 1859 году капитаном 1-го ранга. Командир пареходофрегата «Крым» Павел Дмитриевич Протопопов, получивший в Севастополе ранение и две контузии, генерал-майором был уволен от службы в 1856 году¹. Следовательно, отбор и подготовка командиров оказались на высоте.

Разумеется, такого процента адмиралов не могло быть среди массы офицеров — участников Синопа. Многие из них только начинали службу, и трудно было заранее сказать, кто из них сможет повлиять со временем на развитие отечественного флота. Однако уже тот факт, что около сорока офицеров в чине от мичмана до капитан-лейтенанта со временем обрели флагманские чины, является знаменательным.

Следует отметить, что часть офицеров-синопцев не пережила обороны Севастополя. Многие из них пали на бастионах, другие умерли вскоре после войны от ран (см. список офицеров — участников Синопского сражения в приложении). Так что процент адмиралов среди выживших весьма велик, даже если учесть, что часть синопцев получили контр-адмиральский чин при отставке.

Трудно проследить судьбу участвовавших при Синопе штурманских или артиллерийских офицеров, которым стать адмиралами было практически невозможно. Однако можно отметить, что участвовавший в сражении штурман подполковник Иван Григорьевич Сколков был удостоен чина полковника, потерял ногу при Альме, а со временем стал генерал-лейтенантом².

Офицеры — участники Синопского сражения и обороны Севастополя сделали все возможное, чтобы вторжение союзников, желавших истребить флот и его базу, окончилось неудачей. Не их вина, что Парижский мир подвел черту под славной историей парусного Черноморского флота.

* * *

29 августа (10 сентября) 1855 года союзники вступили в Севастополь, накануне оставленный русскими войсками. Им достались развалины. Из воды бухт торчали верхушки мачт затопленных кораблей. Хотя основной цели (уничтожения Черноморского флота и его главной базы) англичане и французы добились, правда ценой неожиданно громадных жертв и расходов, продолжать войну с гигантской Россией было бы слишком рискованно. Уже в ноябре Санкт-Петербурга достигла информация о том,

¹ ОМС. Ч. IX. С. 318; Ч. X. С. 100; Ч. XI. С. 287.

² ОМС. Ч. XI. С. 537—540.

что Франция, Англия и присоединившаяся к ним Австрия согласны пойти на переговоры. Новый триумvirат намеревался дипломатическими мерами закрепить свой успех и окончательно лишить Россию возможности конкурировать в политике и торговле на южных морях.

Переговоры начались в феврале 1856 года. Русской дипломатии пришлось бороться с представителями великих держав. Однако, пользуясь поддержкой Наполеона III, который не хотел чрезмерного усиления Великобритании и рассчитывал на союз с Российской империей, представитель Александра II А.Ф. Орлов смог облегчить условия договора, которые первоначально предлагали англичане. В частности, удалось отказаться от уничтожения верфей Николаева и Херсона, нейтрализации Азовского моря и разрушения укреплений на берегах Кавказа¹. Однако и без того мир оказался тяжким. За возвращение занятой части Крыма пришлось передать туркам взятый во время войны Карс и южную часть Бессарабии, прилегающую к устью Дуная. Границу оттеснили на восток, и у России стало меньше возможностей помогать славянским народам, находившимся во владении Турции. Этого и добивались союзники, соблюдавшие собственные интересы на Балканах.

Парижский договор 18 (30) марта 1856 года среди прочих предусматривал и пункты, прямо касающиеся флота. Союзники не хотели повторения синопского разгрома или высадки русских войск у Босфора. Тем более они не могли допустить, чтобы Россия свободно выводила свои корабли на Средиземное море и далее, в океаны. Статья XI объявляла Черное море нейтральным, открытым для торговых судов всех стран и закрытым для военных, даже принадлежавших прибрежным державам. Статья XIII запрещала России и Турции содержать на берегах Черного моря военно-морские арсеналы. Число военных судов двух стран ограничивала особая заключенная между ними конвенция². Следовательно, Россию оставляли без Черноморского флота и без права его иметь. Турция оказывалась в ином положении, договор не касался ее портов на Средиземном море. Базирувавшиеся там суда легко можно было ввести на Черное море через Босфор и Дарданеллы. Через проливы в военное время могли войти также эскадры Англии, Франции и Австрии. Три страны заключили весной 1856 года союзный договор, предусматривавший совместное выступление против России в случае нарушения ею условий Парижского мира³. Ослабленной Российской империи приходилось подчиниться диктату.

¹ Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 108.

² Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856—1871 гг. М., 1989. С. 213.

³ Там же. С. 207.

Конвенция между Россией и Турцией разрешала им иметь на Черном море только несколько небольших военных судов. Корветы, переведенные с Балтики, образовали флотилию с базированием в Николаеве. В 1857 году численность личного состава Черноморской флотилии для шести корветов, двух пароходов, паровой яхты и нескольких малых судов составила 2809 человек¹.

Такие силы не могли удовлетворить нужд обороны России, потому уже в 1856 году было организовано акционерное «Русское общество пароходства и торговли» (РОПиТ). Общество при поддержке государственных субсидий строило и приобретало быстроходные торговые суда, которые в мирное время перевозили грузы и пассажиров, а в военное их можно было использовать как войсковые транспорты и вспомогательные крейсеры. К 1872 году число пароходов РОПиТ достигло 74². На этих судах получали практику не только гражданские, но и военные моряки, для которых не хватало места на флоте. Во многом РОПиТ стало кузницей кадров технических специалистов. Поскольку большинство судов закупали за границей, ожидавшегося подъема отечественного судостроения не произошло. Поэтому минуло немало лет, прежде чем Черноморский флот начал возрождаться.

Тем временем Турция в полной мере использовала поддержку западных держав и выгодное географическое положение. На верфях Англии, Франции, Италии она заказывала все новые и новые броненосные корабли; уже в конце 60-х годов Турция имела полтора десятка судов, защищенных броней, которые базировались на Средиземном море. Они могли появиться на Черном море и в сочетании с многочисленными паровыми и парусными вооруженными судами действовать против незащищенных берегов России. В 1876 году Турция располагала шестью броненосными фрегатами, семью броненосными корветами, четырьмя башенными мониторами и пятью броненосными канонерскими лодками, не считая значительного количества кораблей, находящихся в постройке, и многочисленных неброненосных военных и вспомогательных судов³. Правительство султана тратило огромные средства для того, чтобы в подходящий момент использовать всю эту мощь против России.

Что же имела Россия на Черном море? До 1870 года только деятельность РОПиТ оживляла бухты Севастополя, еще не очищенные от обломков затопленных судов. Если не считать постройки пяти деревян-

¹ История города-героя Севастополя. С. 218—219.

² Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 129.

³ Мертваго Д.Ф. Альбом морских тактических чертежей, таблиц и рисунков. Турецкий броненосный флот. СПб., 1877.

ных корветов и ремонта судов, Николаевское адмиралтейство почти не использовали для нужд флотилии, которая занималась крейсерством у берегов Кавказа, перевозкой грузов, гидрографическими работами. Отдельные суда отправляли стационарами в Константинополь, Галац, Пирей. Россия лишилась возможности, как ранее, почти круглогодично готовить моряков для всех флотов империи.

Долго такое положение не могло сохраняться. Силы Турции настолько возросли, что Северное Причерноморье оказалось в опасности. Поэтому в 1869 году приняли решение построить для обороны входов в Керченский пролив и Днепровско-Бугский лиман предложенные вице-адмиралом А.А. Поповым круглые броненосцы. Так как на юге еще не существовало железного судостроения, то броненосцы-«поповки» «Новгород» и «Вице-адмирал Попов» в Николаеве собирали из материалов и узлов, доставленных с заводов Санкт-Петербурга и других городов.

1 октября 1870 года флотилии вернули статус флота. Главным командиром Черноморского флота и портов стал вице-адмирал Н.А. Аркас, один из способнейших моряков периода перехода от парусных к паровым кораблям, создатель РОПиТ. Под его руководством и началась подготовка к обороне берегов России от возможного нападения турок.

Такие действия стали возможны благодаря изменениям расстановки сил в мире. Франко-прусская война 1870 года завершилась поражением Наполеона III. Франция выпала из числа держав, которые могли бы помешать России. Пруссия не возражала против усиления России на юге, что могло бы послужить противовесом Австрии. Англия же в одиночку не смогла настоять на твердом соблюдении запретов кораблестроения на верфях Черного моря. 19 (31) октября 1870 года Россия, ссылаясь на изменившуюся обстановку (появление броненосцев) и неоднократные нарушения других сторон, денонсировала Парижский договор в отношении числа и размеров кораблей на Черном море¹. 1(13) марта 1871 года Россия, Англия, Австрия, Италия, Турция, Пруссия, Франция заключили конвенцию, отменившую эти ограничения, но сохранившую закрытие проливов Босфор и Дарданеллы для военных судов, кроме случая, когда султан найдет нужным пропустить их для соблюдения условий Парижского договора².

К 1876 году Черноморский флот против уже указанной выше турецкой армады располагал только двумя малоподвижными «поповками», пригодными на роль плавучих батарей, и несколькими устаревшими и вспомогательными судами. Потому было принято решение создать бере-

¹ Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856—1871 гг. С. 218—221.

² Там же. С. 221—223.

говую оборону важнейших пунктов (Керчи, Одессы, Севастополя и Очакова), осуществляя это силами взаимодействующих армии и флота¹.

От активных действий также не отказались. Так как боевых кораблей не существовало, то применили быстроходные пароходы. Организовывая РОПит, Аркас закупал суда в расчете на их использование в военное время. В итоге общество чуть было не потерпело крах, и первого директора заменили более привычным к коммерции человеком. Перед началом и в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 годов приобретенные Аркасом суда оказались как никогда кстати. Благодаря предложениям С.О. Макарова и дру. их талантливых молодых офицеров на Черном море появились импровизированные крейсеры, способные со значительной скоростью подвозить к берегам неприятеля необычное оружие: минные катера с шестовыми, буксируемыми минами и торпедами. Другим неординарным вооружением быстроходных пароходов явились снабженные приборами управления огнем мортиры для поражения неприятельских броненосцев в деревянные палубы. На этих ничем не защищенных судах храбрые и умелые российские моряки совершали необыкновенные подвиги. Общеизвестны лихие атаки минных катеров с «Великого князя Константина» С.О. Макарова на неприятельские порты, бой парохода «Веста» с турецким броненосцем и другие успешные действия. Кроме того, пароходы использовали в качестве быстроходных блокадопрорывателей для снабжения войск на Кавказе. Турки, несмотря на подавляющее превосходство в численности броненосцев, не смогли ни прервать русское судоходство, ни нанести ущерб укрепленным российским портам, ни уничтожить какое-либо из судов активной обороны, как назывались эти вспомогательные крейсеры. В бессильной злобе неприятель лишь обстреливал незащищенные города.

Безусловно, память о героях войны 1853—1856 годов вдохновляла героев Русско-турецкой войны. Оставались еще в строю некоторые участники Синопского сражения и обороны Севастополя. Таким образом установилась преемственность поколений моряков.

Можно лишь предполагать, как мог бы действовать Черноморский флот, обладая он хотя бы половиной численности неприятельского. Но если с турками моряки смогли справиться даже импровизированными средствами, то соревноваться с европейскими державами, в первую очередь с владычицей морей Великобританией, возможности не было. Героические действия русских войск, зимой преодолевших Балканы, разбивших турецкую армию и вышедших на подступы к Константинополю,

¹ Скрицкий Н.В. Напрасно горцы ждали турок // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 46—52.

заставили правительство султана подписать в Сан-Стефано выгодный для России мир, завершивший Русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Но стоило Англии пригрозить появлением в Мраморном море британской эскадры, и России, располагавшей средствами лишь для обороны портов (минами, минными катерами и вооруженными пароходами), пришлось отказаться от конфронтации с группой европейских держав и подписать менее выгодный Берлинский трактат. Так отставание в развитии Черноморского флота не позволило использовать победу, достигнутую армией и дипломатией.

Но влияние Парижского договора на судьбы Черноморского флота не прекратилось. Долгие годы флот не мог получить подкреплений, которые бы оправдывали его статус. Турция не пропускала русские военные корабли через проливы. Металлургические и судостроительные предприятия юга развивались медленнее, чем на севере. Только в 80-х годах началась постройка первых эскадренных броненосцев, и лишь с вступлением их в строй русский флот на Черном море стал сильнее турецкого. Таким образом, потребовалось более четверти века, чтобы Черноморский флот оправился от гибели в Крымскую войну и встал в ряд с флотами других стран мира. Держался он на этом уровне до 1918—1920 годов, когда затопление эскадры у Новороссийска и угон остальных судов за границу заставили создавать флот заново. Для восстановления флота потребовались усилия страны в течение двух десятилетий.

В последние годы вновь Черноморский флот, разделенный между Россией, Украиной и Грузией, в трудном положении. Все еще не снят с повестки дня раздел портов и прочей инфраструктуры, созданной как единое целое. Нет средств для достройки уже заложенных кораблей. Недостаточно средств и для поддержания в боеготовности состоящих в строю кораблей, для обеспечения нормальной жизни моряков. Сколько же лет потребуется для понимания того факта, что нужен единый флот, способный обеспечить общие интересы братских народов? Сколько лет необходимо, чтобы преодолеть последствия Беловежских соглашений, повлиявших на Черноморский флот не менее пагубно, чем Парижский мир?

Приложение

СТРОВАЫЕ ОФИЦЕРЫ — УЧАСТНИКИ СИНОПСКОГО СРАЖЕНИЯ

Флагманы

Нахимов Павел Степанович, адмирал (1802—1855)
Корнилов Владимир Алексеевич, вице-адмирал (1806—1854)
Новосильский Федор Михайлович, адмирал (1808—1892)
Панфилов Александр Иванович, адмирал (1808—1874)

Командиры кораблей

Барановский Петр Иванович, вице-адмирал (ув. 1885)
Будищев Лев Иванович, капитан 1-го ранга (уб. 1855)
Бутаков Григорий Иванович, адмирал (1820—1882)
Ергомышев Лев Андреевич, капитан 1-го ранга (?—1859)
Истомин Владимир Иванович, контр-адмирал (1809—1855)
Керн Федор Сергеевич, адмирал (1817—1890)
Кузнецов Александр Дмитриевич, контр-адмирал (ув. 1855)
Кутров Константин Синадинович, вице-адмирал (ув. 1860)
Микрюков Виктор Матвеевич, вице-адмирал (1808—1875)
Протопопов Павел Дмитриевич, генерал-майор (ув. 1856)
Спицын Александр Петрович, адмирал (1810—1888)
Штофреген Кондратий Кондратьевич, контр-адмирал (1817—1873)

Офицеры

Акимов Дмитрий Степанович, капитан-лейтенант (ув. 1860)
Альтман Рафаил Карлович, капитан-лейтенант (1830—1869)
Арищенко Петр Иванович, генерал-майор (ув. 1878)
Артюков Владимир Федорович, капитан-лейтенант (ув. 1873)
Банков Евгений Григорьевич, контр-адмирал (ув. 1877)
кн. Барятинский Виктор Иванович, капитан 1-го ранга (ув. 1857)
Батъянов Лев Иванович, лейтенант (уб. 1854)
Беклешев Николай Алексеевич, капитан 1-го ранга (ув. 1869)
Бедавенец Николай Петрович, лейтенант (уб. 1854)
Белкин Михаил Федорович, контр-адмирал (1824—1909)
Бирилев Николай Алексеевич, контр-адмирал (1829—1882)

Богданович Виктор Васильевич, лейтенант (уб. 1855)
 Бурхановский Василий Иванович, контр-адмирал (1817—1886)
 Бутаков Дмитрий Иванович, лейтенант (ум. от ран 1855)
 Ваальд Александр Иванович, контр-адмирал (?—1886)
 Варницкий Иван Николаевич, лейтенант (ум. от ран 1855)
 Варницкий Петр Николаевич, капитан-лейтенант (ум. 1865)
 Викорст Дмитрий Иосифович, капитан 1-го ранга (ув. 1872)
 Гавришев Николай Иванович, контр-адмирал (?—1898)
 Гедеонов Владимир Дмитриевич, лейтенант (ум. 1857)
 Годзевич Александр Васильевич, капитан-лейтенант (ум. 1866)
 Головин Михаил Дмитриевич, лейтенант (уб. 1855)
 Гусаков Николай Федорович, капитан-лейтенант (ум. 1856)
 Гусев Павел Николаевич, контр-адмирал (ув. 1885)
 Долгов Алексей Ионович, контр-адмирал (ув. 1882)
 Жандр Александр Павлович, вице-адмирал (1825—1895)
 Жданов Владимир Петрович, капитан-лейтенант (ув. 1857)
 Житков Александр Васильевич, контр-адмирал (1833—1901)
 Забудский Григорий Николаевич, вице-адмирал (1828—1891)
 Захарьин Николай Васильевич, лейтенант (ув. 1855)
 Зубов Павел Николаевич, лейтенант (ум. 1854)
 Зузин Петр Александрович, капитан-лейтенант (ув. 1861)
 Ильин Николай Иванович, капитан 1-го ранга (1829—1892)
 Козловский Дмитрий Егорович, капитан 1-го ранга (ум. 1872)
 Колокольников Николай Александрович, контр-адмирал (ув. 1883)
 Конаржевский Станислав Адамович, контр-адмирал (ув. 1887)
 Кондогури Иван Николаевич, контр-адмирал (ув. 1873)
 Корнилов Алексей Александрович, вице-адмирал (?—1893)
 Костерев Павел Михайлович, капитан-лейтенант (1833—1867)
 Коцебу Михаил Морицович, капитан-лейтенант (уб. 1855)
 Красовский Николай Иванович, капитан 1-го ранга (ум. 1875)
 Кузьмин-Короваев Николай Николаевич, контр-адмирал (1820—1882)
 Кумани Николай Михайлович, лейтенант (ум. от ран 1855)
 Кумани Феодосий Николаевич, капитан 2-го ранга (ув. 1869)
 Куприянов Павел Иванович, контр-адмирал (ув. 1878)
 Леонов Виктор Алексеевич, капитан 1-го ранга (ув. 1875)
 Лесли Петр Иванович, капитан-лейтенант (1832—?)
 Лутовинов Николай Николаевич, капитан-лейтенант (ув. 1857)
 Львов Алексей Петрович, лейтенант (ум. от ран 1855)
 Максutow Павел Петрович, контр-адмирал (1825—1882)
 Макухин Николай Павлович, контр-адмирал (?—1893)
 Манто Иван Матвеевич, контр-адмирал (?—1902)
 Наленч-Рачинский Эдуард Викентьевич, капитан-лейтенант (уб. 1854)
 Нарбут Федор Федорович, контр-адмирал (?—1897)
 Никитин Петр Маркович, капитан 2-го ранга (ув. 1860)
 Новосильский Михаил Павлович, контр-адмирал (ув. 1883)
 Обезьянинов Андрей Петрович, капитан 2-го ранга (1826—?)
 Обезьянинов Петр Петрович, капитан-лейтенант (ув. 1858)
 Острено Феофан Христофорович, контр-адмирал (ув. 1865)
 Палеолог Михаил Дмитриевич, капитан-лейтенант (ум. 1865)
 Палеолог Афанасий Дмитриевич, капитан-лейтенант (ум. 1871)
 Панютин Константин Константинович, капитан 1-го ранга (1832—1876)
 Перелешин Михаил Александрович, капитан 1-го ранга (ум. 1857)

Перелешин Павел Александрович, адмирал (1821—1901)
 Перфильев Дмитрий Макарович, капитан-лейтенант (ув. 1858)
 Плакса Николай Семенович, лейтенант (пропал в 1855)
 Польской Александр Григорьевич, лейтенант (ув. 1862)
 Потемкин Иван Федорович, капитан 1-го ранга (ум. 1879)
 Прокофьев Петр Алексеевич, капитан 2-го ранга (ув. 1860)
 Протопопов Николай Петрович, капитан-лейтенант (ув. 1858)
 Пузино Орест Поликарпович, вице-адмирал (1819—1891)
 Раден Леонид Людвигович, капитан-лейтенант (ум. 1868)
 Ребиндер Николай Григорьевич, контр-адмирал (1830—1881)
 Рудаков Иван Ильич
 Рыков Василий Иванович, контр-адмирал (1829—1880)
 Савельев Иван Илларионович, контр-адмирал (1824—1888)
 Сатин Аркадий Дмитриевич, капитан 2-го ранга (ув. 1866)
 Сидоров Яков Павлович, контр-адмирал (?—1888)
 Сиренко Тимофей Абрамович, лейтенант (ум. 1856)
 Скаловский Семен Иванович, капитан-лейтенант (ум. 1859)
 Сколков Николай
 Стааль Антон Казимирович, лейтенант (ув. 1866)
 Стамати-Михайли Дмитрий Степанович, контр-адмирал (1823—?)
 Степанов Петр Иванович, капитан 1-го ранга (ув. 1875)
 Стройников Александр Семенович, контр-адмирал (1824—1886)
 Талаев Андрей Зиновьевич, контр-адмирал (ув. 1885)
 Тверитинов Сергей Алексеевич, генерал-лейтенант (1820—1885)
 Тучапский Михаил Фомич (ум. 1854)
 Усов Михаил Александрович, контр-адмирал (1829—?)
 Федорович Иосиф Иосифович, контр-адмирал (1823—?)
 Фельдгаузен Александр Васильевич, вице-адмирал (1832—1907)
 Хоменко Иван Яковлевич (ум. 1862)
 Чагин Алексей Федорович, капитан-лейтенант (ув. 1855)
 Чайковский Дмитрий Иванович, контр-адмирал (1828—1889)
 Челеев Геннадий Николаевич, лейтенант (ум. 1855)
 Чернявский Евгений Андреевич, лейтенант (ум. 1859)
 Чистяков Николай Павлович (уб. 1855)
 Шамшев Владимир Михайлович, капитан-лейтенант (ув. 1870)
 Шафранов Дмитрий Дмитриевич (ум. 1867)
 Шварц Михаил Павлович, контр-адмирал (1826—1896)
 Шевяков Михаил Андрианович, капитан 1-го ранга (ум. 1874)
 Шемякин Михаил Сергеевич (уб. 1855)
 Ширинский-Шихматов Николай Владимирович (уб. 1854)
 Шкот Константин Яковлевич (ум. 1854)
 Шмаков Алексей Алексеевич, контр-адмирал (ув. 1879)
 Эсмонт Александр Самойлович, контр-адмирал (1828—?)
 Языков Петр Николаевич, лейтенант (ум. 1859)

Таблица составлена на основании опубликованных документов П.С. Нахимова [1] и «Общего морского списка» [2].

1. Нахимов П.С. Документы и материалы // Материалы по истории русского флота / Под ред. А.А. Самарова. М.: Воениздат, 1954. С. 328—351, 725—764.

2. Общий морской список. СПб., 1893—1907. Т. VI — XII.

В таблице указаны последний чин, которого достиг офицер на флоте, годы рождения, смерти и увольнения со службы (если они известны).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Абордаж — способ морского боя, при котором моряки и морские пехотинцы из экипажа одного корабля врываются с боем на борт неприятельского с целью его захвата.

Авангард — передовая часть эскадры.

Адмирал — чин высшего командного состава. Во времена парусного флота командовал крупной эскадрой и в бою — ее центром; вице-адмирал и контр-адмирал были соответственно чинами ниже и в линейном бою командовали авангардом и арьергардом.

Айсберг — плавающая ледяная гора.

Амбаркация — посадка войск на суда.

Арьергард — замыкающая часть эскадры.

Ахтерштевень — нижняя кормовая часть судна, соединенная с килем и служащая креплением для руля и бортовой обшивки.

Бак — носовая часть палубы судна от форштевня до фок-мачты.

Бар — песчаная отмель, намываемая течением реки в ее устье.

Барказ — большая шляпка.

Бастион — многоугольное укрепление, выступающее за пределы крепостной стены.

Бизань — задняя мачта на корабле и косой парус, который ставят сзади этой мачты на гафеле.

Бимс — поперечная балка набора судна, поддерживающая палубу.

Блокада — метод ведения войны, не позволяющий неприятелю снабжать блокированный пункт (крепость, порт).

Бом-брамсель — парус, поднимаемый на бом-брам-стенге над брамселем.

Бом-брамсельный ветер — ветер такой силы, при котором корабль может без вреда для рангоута нести все паруса, вплоть до бом-брамселей.

Бон — плавающее заграждение у входа в гавань из соединенных между собою цепями или тросами бревен либо плотов.

Бора — сильный северо-восточный ветер, дующий в Новороссийске с побережья и достигающий силы урагана.

Брамсель — прямой парус, поднимаемый на брам-стенге над марселем.

Брам-стенга — рангоутное дерево, служащее продолжением стеньги вверх.

Брандер — судно, наполненное горючими и взрывчатыми веществами с целью подвести его к неприятельскому кораблю и поджечь.

Брандскугель — зажигательный снаряд.

Брасы — снасти бегучего такелажа, привязанные к нокам реев и служащие для поворота реев.

Брейд-вымпел — вымпел, который поднимает начальник отряда судов, не имеющих адмиральского звания.

Бриг — быстроходное двухмачтовое судно с прямыми парусами и гафелем на грот-мачте.

Булинь — снасть у нижних парусов (фока и грота) и у марселей.

Бушприт — горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево в носовой части судна; служит для вынесения вперед носовых парусов с целью улучшения маневренных качеств судна.

Ванты — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляют с бортов мачту, стеньги и брам-стенги.

Вахта — часть команды, которая в течение определенного времени (обычно 4 часов) занимается управлением кораблем, пока ее не сменит следующая вахта.

Вахтенный журнал — документ, в который вносят во время вахты все примечательные события, произошедшие на корабле, а также данные о состоянии погоды, положении в море и т. п.

Вахтенный офицер — офицер, который командует вахтой.

Верп — вспомогательный якорь, который заводится обычно на шлюпке и служит для снятия с мели или поворота корабля.

Водоизмещение — объем воды, вытесняемой кораблем, равный его весу.

Гавань — место в порту для стоянки судов и кораблей.

Галс — курс судна относительно ветра.

Гардемарин — выпускник Морского корпуса, проходящий практику на корабле до получения первого офицерского чина.

Гафель — рангоутное дерево, висящее на мачте под углом, к которому крепится верхняя кромка косого паруса.

Гик — рангоутное дерево, висящее на мачте под углом, к которому крепится нижняя часть косого паруса.

Гон-дек — нижняя палуба корабля.

Грот — нижний прямой парус на грот-мачте.

Грот-мачта — вторая от носа мачта судна.

Грота-рей — горизонтальное рангоутное дерево, к которому крепят грот.

Грот-марса-рей — горизонтальное рангоутное дерево, к которому крепят грот-марсель, второй снизу парус на грот-мачте.

Двухдечный — двухпалубный.

Дебаркация — высадка войск с судов на берег.

Дек — палуба.

Дрейф — угол отклонения судна от истинного курса под влиянием ветра и других причин.

Древаглы — артиллерийский снаряд из чугунных шариков, уложенных в мешок или железный цилиндр.

Единорог — корабельное орудие, род длинной гаубицы для стрельбы бомбами и брандскугелями.

Кабельтов — морская единица длины, равная 185,2 метра (0,1 морской мили).

Картуз — мешочек цилиндрической формы с зарядом пороха.

Каронада — короткая чугунная пушка большого калибра, стрелявшая на небольшие расстояния.

Килевание — очистка и ремонт днища судна при наклоне его на борт.

Кливер — косой треугольный парус впереди фок-мачты.

Кнехты — короткие парные стойки, служащие для крепления снастей.

Книгель — артиллерийский снаряд из двух цилиндров или ядер, соединенных стержнем или цепью; служил для разрушения рангоута и снастей.

Кница — деревянная или металлическая пластина, служащая для соединения отдельных частей набора корабля.

Контратроши — полевые укрепления, сооружаемые обороняющимися для нарушения постройки атакующими укреплений — апрошей.

Корабль (линейный корабль) — наиболее крупное военное парусное судно, трехмачтовое, двух- или трехпалубное, с вооружением из 64—135 пушек. Корабли сражались преимущественно в кильватерной линии, откуда получили название.

Корвет — трехмачтовое военное парусное судно с открытой батареейной палубой, вооруженное 20—30 пушками; было предназначено для разведки и посыльной службы.

Кочерма — одномачтовое турецкое судно для прибрежного плаванья.

Крейсер — судно, предназначенное для плаванья в море с целью истребления неприятельской торговли и охраны отечественной в определенном районе.

Кройт-камера — помещение на корабле для хранения взрывчатых веществ.

Лаз — 1) мореходный инструмент, предназначенный для измерения скорости судна; 2) борт судна, артиллерия одного борта.

Ластовый экипаж — экипаж, в ведении которого находились мелкие портовые суда. Выполнял вспомогательные функции в портах.

Ложемент — небольшой окоп.

Лот — прибор для измерения глубины.

Лоция — описание моря и руководство для плаванья по нему.

Люгер — небольшое трехмачтовое военное судно для посыльной службы.

Люнет — открытое сзади полевое укрепление.

Магазин — склад в порту для хранения корабельного имущества.

Мирс — площадка наверху мачты.

Марса-рей — второй снизу рей на мачте, к которому привязывают марсель.

Марса-фал — снасть, связанная за середину марса-рея и служащая для его подъема.

Марсель — второй снизу парус на мачте.

Мателот — соседний в строю корабль.

Мертвый якорь — якорь или груз большого веса, положенный на грунт и имеющий поплавки или бочку, за которую швартуют (ставят на бочку) суда.

Мидель-дек — средняя палуба корабля.

Мичман — первый офицерский чин на флоте.

Нок — оконечность всякого горизонтального или наклонного рангоутного дерева.

Обсервация — определение места судна в море путем наблюдения за береговыми предметами или небесными светилами.

Опер-дек — верхняя батареейная палуба.

Ордер — 1) походный или боевой порядок флота, эскадры, отряда; 2) приказ.

Пароходофрегат — военное паровое судно, имевшее, кроме паровой машины, и парусное вооружение фрегата.

Пеленг — направление на какой-либо предмет от наблюдателя.

Практическая эскадра — соединение кораблей или судов, высылаемое в море для морской практики экипажей.

Пушко-каронада — артиллерийское орудие с длиной ствола, средней между пушкой и каронадой.

Рангоут — круглые деревянные части вооружения (мачты, стены, реи и т. п.), предназначенные для установки и растягивания парусов.

Редут — замкнутое полевое укрепление.

Рей — рангоутное дерево, подвешенное за середину к мачте и служащее для прикрепления паруса.

Репетовать — повторять сигнал, команду, приказ.

Ретирадный порт — порт для кормовых орудий, служащих для стрельбы в случае отступления (ретирады).

Ридерс — железная полоса, накладываемая поверх шпангоутов или внутренней обшивки судна под углом для повышения прочности конструкции.

Рифы — ряд продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь в случае опасного усиления ветра.

Румб — всякое направление по компасу. Весь горизонт делится на 32 румба, имеющих свои названия: N — север, NO — северо-восток и т. д.

Рым — металлическое кольцо, продетое в бух; служит для крепления снастей.

Салинг — площадка, установленная на верхней части стены.

Секстан — морской угломерный инструмент, служащий для измерения высоты небесных тел.

Стеньга — рангоутное дерево, являющееся продолжением мачты вверх от нее.

Сухой док — инженерное сооружение, в котором производится постройка либо ремонт корабля. После ввода судна в док, заполненный водой, закрывают ворота (батопорт), откачивают воду, и подводная часть судна, опустившегося на кильблоки, становится доступной для работы.

Счисление — расчетный метод определения судна в море, когда нет возможности определиться по небесным светилам или береговым ориентирам.

Такелаж — все снасти на корабле, служащие для крепления рангоута (стоячий такелаж) и для управления рангоутом и парусами (бегучий такелаж).

Тендер — небольшое одномачтовое военное судно, использованное для посыльной службы и разведки.

Траверз — направление, перпендикулярное к курсу судна или его диаметральной плоскости.

Траверс (траверз) — земляная насыпь, защищающая от выстрелов противника с флангов или тыла.

Туры — цилиндрической формы корзины без дна, наполняемые землей; были использованы при постройке полевых укреплений.

Фальшфейер — тонкая бумажная гильза, наполненная ярко горящим составом; служил для подачи сигналов ночью.

Фарватер — проход для судов среди мелей и других навигационных опасностей.

Фелюга — небольшое парусное судно для прибрежного плавания.

Фертинг — стоянка на двух якорях, расположенных таким образом, что нос корабля при всех переменах ветра остается между якорями.

Фламан — начальник эскадры, имеющий один из адмиральских чинов.

Флашкоут (плашкоут) — плоскодонное судно, служащее для выгрузки с больших судов грузов или балласта и их перевозки по мелководью.

Форштевень — конструкция, являющаяся продолжением киля и служащая носовой оконечностью судна.

Фрегат — трехмачтовое парусное военное судно, второе по величине после линейного корабля, но превосходящее его скоростью. Служил для крейсерской и разведывательной службы, но участвовал и в сражениях линейных флотов.

Чектырма — турецкое легкое одно- или двухмачтовое судно грузоподъемностью до 50 тонн.

Шкалы — доски или рейки, накладываемые на сломанные рангоутные деревья для их скрепления.

Шканцы (квартер-дек) — самый верхний помост или палуба в кормовой части, где находился вахтенный офицер; оттуда производили управление кораблем.

Шкафут — доски, идущие по бортам от бака до шканцев и соединяющие эти части корабля.

Шквал — внезапно налетающий ветер большей или меньшей силы, продолжающийся короткое время.

Шлюп — трехмачтовое парусное военное судно с открытой батарейной палубой.

Шпринг — швартовный трос с якорем, который заводится на шлюпке с кормы корабля в дополнение к носовому якорю; с помощью шпринга есть возможность поворачивать корабль на месте бортом к противнику, не пользуясь парусами.

Штаг — снасть стоячего такелажа, идущая от верхней части мачты или стеньги к носу корабля и удерживающая мачту от падения в корму.

Штуртрос — трос, проходящий через ряд неподвижных блоков к румпелю; передает усилие от штурвала к рулю.

Шхерная флотилия — соединение малых, плоскодонных судов, служащих для действий в шхерах и других узких местах между островами и на мелководье.

Шхуна (шкуна) — парусное судно, имеющее две или три наклоненные назад мачты с косыми парусами.

Эволюции — маневры кораблей при перестроении эскадры.

Экзерциция — учение.

Экипаж — 1) все находящиеся на борту судна люди, кроме пассажиров; 2) воинская часть на флоте, служившая хозяйственной единицей. Из состава экипажа, как правило, укомплектовывали личным составом линейный корабль и несколько меньших судов.

Эскадра — соединение кораблей под общим командованием для совместных действий в море.

Ют — кормовая часть верхней палубы позади бизань-мачты.

Ял — небольшая, короткая и широкая шлюпка, 2—8-весельная.

ЛИТЕРАТУРА

Адмирал Нахимов: Материалы для истории русского флота / Под ред. Н.В. Новикова и П.Г. Софинова. М.; Л., 1945.

Адмирал Нахимов: Статьи и очерки / Сост. Б.И. Зверев. М.: Воениздат, 1954.

Багров В.Н. Истомин Владимир Иванович. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. II. С. 390.

Богданович Е.В. Синоп — Севастополь. СПб., 1898.

Б. Г.-в. Лазарев Михаил Петрович // Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 37—40.

Березин Е. и К. де-Ливрон К. Адмирал Г.И. Бутаков. СПб., 1884.

Бутаков Г. «Командир тендера ***. Несколько слов о тендерах и управлении ими» // Морской сборник. 1849. № 9. С. 575—590.

Бутаков Г.И. Из артиллерийских заметок на Севастопольском рейде // Морской сборник. 1855. № 10.

Бутаков Гр. Новые основания паровой тактики. СПб., 1863.

Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.

Витмер А. Что видел, слышал, кого знал: (Из «Воспоминаний о службе с Г.И. Бутаковым») // Морской сборник. 1914. № 5.

Воспоминания князя Барятинского // Русский архив. 1905. Т. I. С. 93—94.

Вице-адмирал Корнилов: Материалы по истории русского флота / Под ред. Н.В. Новикова и П.Г. Софинова. М.: Воениздат, 1947.

Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955.

Григорьев А.А. Без Костромы наш флот неполон... Морские офицеры-костромичи XVII — нач. XX вв.: Справочник. Кострома, 2002.

Дружинин Н.М. Синопский бой. М.; Л., 1944.

Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Сборник под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб.: Комитет по устройству Севастопольского музея, 1871. Вып. 1—12.

Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А. Жандром, бывшим его флаг-офицером. СПб., 1859.

Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года // Военный сборник. 1903. № 11. С. 1—97.

Зверев Б.И. Синопская победа. Симферополь: Крымиздат, 1954.

Зверев Б.И. Страницы русской морской летописи. М., 1960.

Зверев Б. Вице-адмирал В.А. Корнилов. Симферополь: Крымиздат, 1957.

- Зверев Б.И. Страницы военно-морской летописи России. М., 1981.
- Ильин А. Наука морской артиллерии. СПб., 1846.
- Известные русские военные деятели / Сост. Ф.А. Тарапыгин. СПб., 1911.
- История города-героя Севастополя. 1783—1917. Киев, 1960.
- История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. II.
- Керн Федор Сергеевич // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. XII. С. 510.
- Контр-адмирал В.И. Истомин. СПб., 1872.
- Коробков Н.М. Вице-адмирал Корнилов. М., 1944.
- Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте / Сост. А. Кротков. СПб., 1893.
- Кузьмина С.Б. В защиту вице-адмирала В.А. Корнилова // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 127—131.
- Кузьмина С.Б. Владимир Иванович Истомин // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 159—160.
- Лазовский А.Н. Оборона Севастополя. Крымская война 1854—1855 гг. М., 1939.
- Лазарев М.П. Документы. М.: Воениздат. Т. I. 1952; Т. II. 1955; Т. III. 1961.
- Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853—1854 годах // Военный сборник. 1902. № 3. С. 42—83; № 4. С. 97—151.
- Лукашевич К.В. Малахов курган (Очерки из обороны Севастополя). 1905.
- Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. М.: Воениздат, 1954.
- Макаров С.О. Документы. М.: Воениздат, 1953. Т. I.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1958. Т. 9—10.
- Масленников Б.Г. Морская карта рассказывает. М.: Воениздат, 1986.
- Медведь Р. Памяти адмиралов... Севастополь, 1913.
- Мертваго Д.Ф. Альбом морских тактических чертежей, таблиц и рисунков. Турецкий броненосный флот. СПб., 1877.
- Мордвинов Р.Н. Синопский бой / Стенограмма публ. лекции. Л., 1953.
- Морская артиллерия. Сочинение генерал-лейтенанта Дугласа, посвященное, по особому соизволению, лордам Адмиралтейства // Морской сборник. 1855. № 2. Библиография. С. 1—32.
- Морской атлас. Описания к картам. Т. 3. Ч. I. Изд. Главного штаба ВМФ, 1959.
- Нарочницкая А.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856—1871 гг. М., 1989.
- Нахимов П.С. Документы и материалы // Материалы по истории русского флота / Под ред. А.А. Самарова. М.: Воениздат, 1954.
- Никульченков К.И. Адмирал Лазарев. М.: Воениздат, 1956.
- Обзор плаваний практической эскадры винтовых лодок Балтийского флота // Морской сборник. 1862. № 7.
- Общий морской список. СПб., 1893—1907. Ч. VI—XII.
- Падшие защитники Севастополя Корнилов, Истомин и Нахимов. 1856.
- Панфилов А.И. // Военная энциклопедия. Пг., 1914. Т. XVII. С. 286.
- Парфенов, капитан 1-го ранга. Защита Севастополя «с воды» в 1854—1855 гг. // Морской сборник. 1904. № 5.
- Перелешин П.А. // Военная энциклопедия. Пг., 1914. Т. XVIII.
- Пестич Ф.В. Значение артиллерии в борьбе флота с береговыми укреплениями. Севастополь, Синоп, Александрия // Инженерный журнал. 1883. № 9. С. 925—951.
- Пестич Ф.В. Краткий исторический очерк атак береговых укреплений флотом и выводы о нормальном комплекте зарядов для береговых укреплений // Морской сборник. 1889. № 2. Отд. неофиц. С. 1—22.

Полонский Н.А. Парусные линейные корабли Черноморского флота // Судостроение. 1978. № 8. С. 55—58.

Русева Л. Душа флота // Смена. 2001. № 7. С. 54—65.

Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994.

Саитов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1912—1913. Т. I—III.

Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым. СПб., 1854. Отдел 4. Кн. I—XII. Черноморский флот.

Синопское сражение // Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 391.

Скрицкий Н.В. Напрасно горы ждали турок // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 46—52.

Скрицкий Н.В. Открытие шестой части света // География в школе. 1996. № 2. С. 34—35.

Скрицкий Н.В. Самые знаменитые флотоводцы России. М.: Вече, 2000.

Скрицкий Н.В. Георгиевские кавалеры под Андреевским флагом. М.: Центрполиграф, 2002.

Скрицкий Н.В. Штурм с моря. Как создавались русские укрепления на Кавказском побережье // Родина. 1994. № 3—4.

Скрицкий Н.В. (Кондаков Н.). Свидетели славы // Памятники отечества. Под Андреевским флагом. 1996. С. 72—78.

Скрицкий Н.В. Великий русский флотоводец (О П.С. Нахимове) // Морской флот. 2001. № 4—6; 2002. № 1—3.

Словарь биографический морской. СПб., 1993.

Словарь морской биографический. СПб., 2000.

Стволинский Ю. Герои брига «Меркурий». М.: Воениздат, 1963.

Стволинский Ю. Потомству в пример. Симферополь: Крымиздат, 1957.

Тарле Е.В. Нахимов. М.: Военимориздат, 1950.

Титушкин С.И. Корабельные пушки эпохи парового и броненосного флота // Судостроение. 1989. № 11. С. 59—65.

Трешников А.Ф. История открытия и исследования Антарктиды. М.: Географгиз, 1948.

Федоров М. Вице-адмирал В.А. Корнилов // Военно-исторический журнал. 1981. № 2. С. 91—93.

Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск: Бонус; М.: Олма-Пресс, 2001.

Филитсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. 1883. Кн. 3.

Фицров И. И Антарктида, и Наварин. Ярославль: Верхневолжское кн. изд-во, 1983.

Хрипков А.П. Рассказы о М.П. Лазареве // Русский архив. 1977. Кн. 2.

Чертежи кораблей «Императрица Мария», «Великий князь Константин», «Париж», «Чесма» с показанием боевых повреждений в корпусе и рангоуте после Синопского сражения // Морской сборник. 1854. № 2, 3, 4, 6 (вклейки).

Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

Шестаков И. Обзор действий на Черном море от приготовлений к настоящей войне до Синопского сражения включительно // Морской сборник. 1855. № 2. Учен.-литер. отдел. С. 207—238.

Slade A. (*Mushaver-pasha*). Turkey and Crimean war: a narrative of historical events. London, 1869.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	4

Флагманы Синопа

Нахимов Павел Степанович	19
Корнилов Владимир Алексеевич	243
Новосильский Федор Михайлович	284
Панфилов Александр Иванович	296

Командиры кораблей

Барановский Петр Иванович	309
Бутаков Григорий Иванович	313
Истомин Владимир Иванович	340
Керн Федор Сергеевич	352
Кузнецов Александр Дмитриевич	357
Кутров Константин Синадинович	360
Микрюков Виктор Матвеевич	363
Спицын Александр Петрович	365
Штофреген Кондратий Кондратьевич	369

Офицеры Синопа

Арищенко Петр Иванович	375
Банков Евгений Григорьевич	376
Белкин Михаил Федорович	377
Бирилев (Бирюлев) Николай Алексеевич	379
Бурхановский Василий Иванович	382
Вальд Александр Иванович	383
Гавришев Николай Иванович	384

Гусев Павел Николаевич	386
Доагов Алексей Ионович	387
Жандр Александр Павлович	388
Житков Александр Васильевич	391
Забудский Григорий Николаевич	392
Колокольцев (Колокольцов) Николай Александрович	394
Конаржевский Станислав Адамович	396
Кондогури Иван Николаевич	397
Корнилов Алексей Александрович	399
Кузьмин-Короваев Николай Николаевич	401
Куприянов (Купреянов) Павел Иванович	402
кн. Максutow Павел Петрович	404
Макухин Николай Павлович	406
Манто Иван Матвеевич	408
Нарбут Федор Федорович	409
Новосильский Михаил Павлович	411
Острено Феофан Христофорович	413
Перелешин (Перелёшин) Павел Александрович	415
Пузино Орест Поликарпович	419
Ребиндер Николай Григорьевич	420
Рыков Василий Иванович	422
Савельев Иван Илларионович	423
Сидоров Яков Павлович	425
Стамати-Михайли Дмитрий Степанович	426
Стройников Александр Семенович	427
Талаев Андреян Зиновьевич	428
Тверитинов Сергей Алексеевич	429
Усов Михаил Александрович	431
Федорович Иосиф Иосифович	433
Фельдгаузен Александр Васильевич	434
Чайковский Дмитрий Иванович	436
Шварц Михаил Павлович	438
Шмаков Алексей Алексеевич	440
Эсмонт Александр Самойлович	441
Заключение	443
<i>Приложение. Строевые офицеры — участники Синопского сражения .....</i>	<i>451</i>
Словарь терминов	454
Литература	459

ISBN 5-9524-2279-9

Научно-просветительное издание
Николай Владимирович Скрицкий
РУССКИЕ АДМИРАЛЫ — ГЕРОИ СИНОПА

Ответственные редакторы *В.А. Благово, С.А. Сапожников*

Редактор *И.В. Карлина*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.03.2006.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурьского».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0.
Уч.-изд. л. 32,9 + 2 альбома = 34,48.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 1395.

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ГУП Московская типография № 2
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел. 682-24-91

